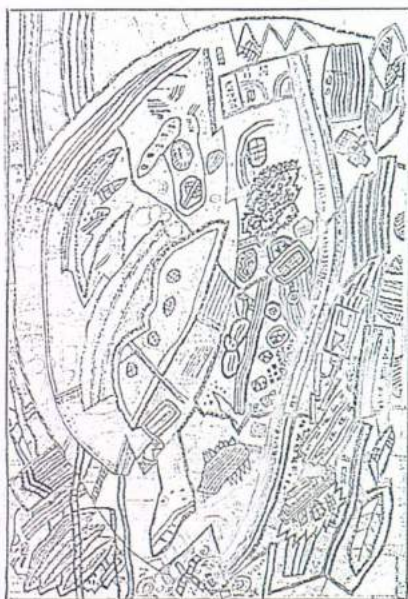

Институт Географии

Тупошикарная география

Москва
2004

Министерство культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации
Российская академия наук
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
имени Д.С. ЛИХАЧЁВА

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научный и культурно-просветительский альманах

Выпуск 1

Москва — 2004

УДК 911.3
ББК 26.8
Гум 945

Редакционная коллегия: Главный редактор: *Д.Н. Замятин*
А.И. Алексеев, Ю.А. Веденин, В.Н. Калуцков, В.А. Колосов, О.А. Лавренова,
Н.С. Мироненко, Р.Э. Рахматуллин, В.Н. Стрелецкий, Р.Ф. Туровский

Авторы: *А.Н. Балдин, Т.А. Галкина, Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина,*
В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская, М.П. Крылов, О.А. Лавренова, И.И. Митин,
А.Н. Окара, Р.Э. Рахматуллин, В.Б. Саксон, С.А. Смирнов, Л.В. Смирнягин,
В.Н. Стрелецкий, Р.Ф. Туровский, О.Р. Ширгазин, В.А. Шупер, Е.А. Яблоков,
И.Г. Яковенко

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научный и культурно-просветительский альманах. Выпуск 1.

М.: Институт Наследия, 2004. — 431 С.
ISBN 5-86443-107-9

Научный и культурно-просветительский альманах “Гуманитарная география” посвящен сравнительно новой междисциплинарной области научного знания — исследованиям образов культурных пространств и ландшафтов. Как организовано пространство в произведении Михаила Булгакова? Что такое географика? Где находится город на облаках? Об этом и многом другом можно узнать в данной книге. Кроме научных статей, в альманахе вошли эссе, образовательные тексты, рецензии, информация о научных семинарах и конференциях. В издании приняли участие ведущие отечественные ученые и эссеисты.

Книга носит комплексный научно-художественный характер и предназначена географам, ученым-гуманитариям, специалистам в области охраны культурного и природного наследия и региональной политики; может быть также полезна студентам и преподавателям высших учебных заведений и всем, кто интересуется географией, литературой, историей, философией, искусством.

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д.С.Лихачёва, 2004

ISBN 5-86443-107-9

Ministry of Culture and Mass Media Communications
of the Russian Federation
Russian Academy of Sciences
RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE
OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE

HUMANITARIAN GEOGRAPHY

Scientific, cultural and educational almanac

Issue I

Moscow 2004

UDK 911.3

BBK 26.8

Gum 945

Compiled by: *D.N. Zamyatin*

Members of Editorial Board: *A.I. Alekseev, Yu.A. Vedenin, V.N. Kalutskov, V.A. Kolosov, O.A. Lavrenova, N.S. Mironenko, R.E. Rakhmatullin, V.N. Streletskii, R.F. Turovskii*

Chairman: *D.N. Zamyatin*

Scientific Editor: *Yu.A. Vedenin*

Authors: *A.N. Baldin, T.A. Galkina, D.N. Zamyatin, N.Yu. Zamyatina, V.N. Kalutskov, T.M. Krasovskaya, M.P. Krylov, O.A. Lavrenova, I.I. Mitin, A.N. Okara, R.E. Rakhmatullin, V.B. Sakson, N.A. Smirnov, S.A. Smirnov, L.V. Smirnyagin, V.N. Streletskii, R.F. Turovskii, O.R. Shirgazin, V.A. Shuper, E.A. Yablokov, I.G. Yakovenko.*

Humanitarian Geography. Collected Papers. Issue I. — Moscow: D.S. Likhachyov Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, 2004
431 P.

ISBN 5-86443-107-9

Annotation

The objective of the publication of the first issue of the collected papers on "Humanitarian Geography" is a concentration of studies on humanitarian geography, humanitarian and culturological approaches in geography. The publication of collected papers is viewed as the first phase of state and social institutionalization of a new scientific trend to be introduced into a system of support by state cultural and regional policy of the subjects of the Russian Federation.

The book is designed for geographers, culturologists and specialists in literature.

ISBN 5-86443-107-9

© Russian Research Institute
of Cultural and Natural Heritage. 2004

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Цель создания альманаха “Гуманитарная география” — концентрация исследований и работ по гуманитарной географии, гуманитарным и культурологическим подходам в географии. Издание альманаха рассматривается как начальная фаза государственной и общественной институционализации нового научного направления и введения его в систему поддержки государственной культурной и региональной политики субъектов Российской Федерации.

Гуманитарная география — междисциплинарное научное направление, в рамках которого исследуются структуры и динамика различных культурно-, гуманитарно- и ментально-географических пространств и ландшафтов, а также культурно- и гуманитарно-географические образы. В гуманитарной географии изучаются как культурно-географические пространства и образы, создаваемые в произведениях литературы и искусства, так и культурно-географические образы реальных местностей, стран и регионов, продуцируемые или выявляемые определенным исследователем. Основа гуманитарной географии — работа с гуманитарно-географическими пространствами, ландшафтами и образами; их реконструкция, конструирование, трансформации.

Гуманитарная география в нашей стране стала одним из важнейших научных направлений. При этом ключевые гуманитарно-географические исследования прямо связаны с проблематикой сохранения и развития культурного и природного наследия России, с решением теоретических и практических задач сохранения исторических и архитектурных памятников, культурных и природных ландшафтов в различных регионах России. Эти исследования имеют большое

значение для формирования основ региональной культурной политики России и управления культурными процессами в российских регионах. Кроме того, исследования смысловых и ценностных нюансов осмысления географического пространства и отдельных его локусов имеют огромное воспитательное значение, их результаты могут быть использованы в средней и высшей школе. Вот почему создание научного и культурно-просветительского альманаха “Гуманитарная география”, с четкой структурой рубрик, наличием образовательного и просветительского разделов жизненно важно как для совершенствования культурной политики, так и для развития методологической и теоретической базы сохранения культурного и природного наследия.

В рамках альманаха ставится задача консолидации научных исследований по культурным пространствам и ландшафтам, закономерностям их функционирования. Настоящее издание предполагает выявление ключевых точек научного роста в гуманитарной географии, связанных с сохранением культурного наследия. Альманах “Гуманитарная география” необходим для гармоничного развития культуры в России, модернизации ее культурного пространства.

Издание альманаха нацелено на формирование устойчивого научного, экспертного и образовательного сообщества в области гуманитарной географии и междисциплинарных исследований культурных пространств для целей совершенствования региональных аспектов культурной политики и управления культурными процессами в такой большой стране, как Россия.

В настоящее время в России нет альманаха или журнала, посвященного исследованиям гуманитарно-географической и геокультурологической проблематики, изучению пространства в гуманитарных науках. На Западе существует достаточно давно несколько научных журналов по тематике гуманитарной географии и пространственных исследований в гуманитарных науках. Их деятельность способствует междисциплинарному взаимодействию и синтезу различных научных подходов в рамках гуманитарной географии, геокультурологии, геоистории, геочивилизационного анализа, архитектуры, психологии и других гуманитарных наук. В российской науке к настоящему времени сложились

условия для создания такого научного издания: существует достаточно развитое и устойчивое научное сообщество в области изучения пространства и пространственного мышления, объединяющее географов, филологов, архитекторов, искусствоведов, историков, экономистов и ученых других специальностей, с интенсивными контактами — как личными, так и в рамках различных научных семинаров (семинар по культурной географии и геокультурологии Института культурного и природного наследия, семинар по культурному ландшафту в МГУ, Совет по истории мировой культуры при Президиуме РАН и др.).

Тематический мониторинг издаваемых в настоящее время в РФ научных и образовательных журналов показывает, что количество публикаций по проблематике культурных пространств, культурных ландшафтов, географических образов в культуре несомненно растет. К сожалению, этот рост скрадывается рассредоточенностью, рассеянием этих публикаций по очень разнородным изданиям. Фактически, новые и интересные для научного, экспертного и образовательного сообщества темы остаются на периферии государственного и общественного интереса, не используются практически для развития региональной культурной политики.

Определенные шаги в направлении консолидации издания работ гуманитарно-географической тематики предпринимаются в самые последние годы в результате целенаправленной работы Института наследия при организационной поддержке Минкультуры: в частности, издаются научные сборники “География культуры”, “География искусства”, альманах “Экология культуры”. Однако, до сих пор не налажена работа по созданию упорядоченной системы периодических публикаций по гуманитарной географии, в том числе по гуманитарной географии отдельных регионов России для целей совершенствования региональной культурной политики. В результате до сих пор ни в Москве, ни в каком-либо другом регионе страны не создано регулярное периодическое издание, посвященное теоретическим и практическим аспектам гуманитарной географии. Получается, что поскольку не существует упорядоченной системы периодических публикаций по данной тематике, то зачастую создается видимость отсутствия и самого научного и образова-

тельного направления. Поэтому, изменение к лучшему ситуации с признанием нового активно растущего научного направления — гуманитарной географии — надо начинать с формирования надлежащей системы периодических публикаций в этой области, призванной дать объективную и полную картину масштабов и содержательного развития направления. Очевидно при этом, что само по себе создание одного альманаха или журнала не решает проблемы полного самоопределения гуманитарной географии (создания журналов в других регионах, учебных кафедр в вузах и отдельных научных специализаций и подразделений), но очевидно и то, что без него не может быть и речи о серьезной консолидации научного и образовательного сообщества и долгосрочной эффективности региональной культурной политики.

Есть достаточно серьезные основания, по нашему мнению, полагать, что издание альманаха “Гуманитарная география” окажет положительное влияние на развитие гуманитарной географии в нашей стране. Дело в том, что в проблеме научного, образовательного и институционального развития гуманитарной географии наиболее важным и, по преимуществу, негативным моментом является ведомственная разобщенность. Развитие гуманитарной географии как элемента системы поддержки региональной культурной политики — это сфера Министерства культуры. В то же время гуманитарно-географические исследования, достаточно редко и нескоординировано, проводятся в институтах РАН. Наконец, есть отдельные, редкие пока попытки преподавать гуманитарную и культурную географию в вузах. В результате, органы Минкультуры, не имея в своем составе соответствующих мониторинговых подразделений по гуманитарной географии, не в состоянии адекватно проследить влияние гуманитарно-географической проблематики на проведение культурной политики, а академические и образовательные учреждения “не видят” этой проблематики, т.к. развитие гуманитарной географии не входит в систему их приоритетов.

Привлечение внимания к этой проблеме путем издания альманаха “Гуманитарная география” позволит создать предпосылки для ее решения прежде всего в системе органов Министерства культуры и массовых коммуникаций. Появле-

ние нового альманаха будет способствовать повышению веса и значимости региональной культурной политики среди приоритетов государственной политики в целом, что непременно положительно скажется на ее результативности и, в ко-нечном счете, положительно отразится на социальном и культурном благополучии регионов и страны в целом.

Можно предположить, что в этом случае не останутся в стороне академические и вузовские учреждения. До сих пор, достаточно редко поддерживая гуманитарно- и культурно-географические исследования и учебные курсы, руководство этих учреждений зачастую не рассматривало (из-за отсутствия соответствующей информации) развитие гуманитарной географии как один из наиболее важных аспектов своей деятельности. Появление нового издания по гуманитарной географии, несомненно, может придать новый импульс развитию этой дисциплины в академических и вузовских учреждениях в различных регионах, что также будет способствовать решению проблемы развития гуманитарной географии в целом.

В будущем альманах планируется издавать 1 раз в год. Такая периодичность позволяет готовить хорошо проработанные структурно и тематически отдельные номера; в то же время она примерно соответствует существующей в настоящее время научной продуктивности в данной научной области.

Альманах позиционируется как научное и культурно-просветительское издание. Значительная часть каждого выпуска альманаха будет посвящена образованию и образовательным проблемам в рамках гуманитарной географии; важно наличие гуманитарно-географической эссеистики.

Содержательная структура альманаха расширенная, в основе — академическая. Основные разделы: научные статьи и сообщения, эссеистика, образование, конференции, рецензии. Среди предполагаемых тематических рубрик: методология и теория гуманитарно-географических исследований; культурно-географические пространства и районы; гуманитарно-географические образы; география цивилизаций; гуманитарная география России; культурные ландшафты(страны, регионы, города, местности); география культуры

(география искусства, география религии и т.д.); путешествия как гуманитарно-географическая деятельность.

Резюмируя, выделим главные задачи альманаха “Гуманитарная география”:

1. Способствовать консолидации научно-исследовательских и образовательных работ по гуманитарной географии и междисциплинарных научных исследований культурных ландшафтов, регионов России и страны в целом.

2. Разработать тематическую рубрикацию альманаха, соответствующую, с одной стороны, сложившейся к настоящему времени тематической дифференциации гуманитарной географии, а, с другой стороны, предлагающую новые и нетрадиционные для российских гуманитарно-географических исследований рубрики и разделы.

3. Содействовать формированию научного и образовательного сообщества по гуманитарной географии в регионах страны, подготовке специалистов по этой научной и образовательной дисциплине.

СТАТЪИ

География и литература

Д.Н. Замятин

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

Путешествие — объект и предмет интереса философии и многих гуманитарных наук. Целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения его сознания, установок его поведения. В подобном смысле путешествие — ключевой объект для географии и туризма¹, психологии², антропологии³, культурологии и кросс-культурных исследований⁴, социологии⁵, востоковедения⁶, филологии⁷, философии⁸, истории⁹. На чем основан такой интерес?

Путешествие — это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств. Эмоциональная энергетика, на которой держится путешествие, как бы заводит все моторы возможного восприятия. В ходе путешествия человек видит и чувствует по-другому, он расширяет пространство.

Географическое пространство

Что такое географическое пространство? Земное пространство еще не является географическим. Географическое пространство — это результат процесса описания, осознания и осмысления земного пространства, то есть его географизации. В ходе осмысления земного пространства выделяются и формируются наиболее важные и решающие образы и стереотипы восприятия пространства. Это очень ёмкие, зыбкие и изменяющиеся образы¹⁰. Рассмотрим, в качестве примера, образы пространства в средневековой Европе¹¹.

Образы пространства в средневековой Европе были “завязаны” на христианские представления, прежде всего на Библию. Географические представления средневековых авторов исходили из традиционной космографии христианства, которая отличалась особым пристрастием к умозрительным концепциям и положениям. Огромная фактография античных исторических и географических сочинений (например, Птолемея и Страбона) естественным образом “подгонялась” под

развернутые и логически стройные системы географических представлений. Образы пространства средневековой Европы включали множество античных подробностей о людях с песьими головами и о невыносимой человеком жаре на экваторе, а неизвестные доселе народы на окраинах Европы получали названия более древних племен, обитавших примерно там же. Однако выдающиеся умы средневековой Европы (Боэций, Исидор Севильский, Альфред Великий, Фома Аквинский) заботятся о том, чтобы весь этот античный “географический салат” был встроен в картину мира христианина-европейца. Эта картина мира откровенно европоцентрична, причем она явно у́же, чем ойкумена античности. Античность наработала в этом смысле как бы с запасом, и чем дальше от освоенных средневековыми европейскими паломниками и купцами земель, тем все более географические представления средневекового европейца напоминают античные образы пространства, облаченные в христианскую идеологическую “упаковку”. Здесь явно напрашивается параллель с вышедшей несколькими годами ранее книгой А.И. Плигузова “Текст-кентавр о сибирских самоедах”, в которой великолепно разобраны географические представления русских о Сибири в конце XV века¹².

Географические представления в средневековой Европе были больше, чем просто география — как мы ее понимаем сейчас. Это было, по существу, целое мировоззрение, и структура географического пространства являлась в то время и определенной идеологией. Образы пространства были одновременно и образами времени, образами понятного и ясного средневековому европейцу мироустройства. Не случайно поэтому выдающийся мистик и схоластик средневековья Гуго Сен-Викторский писал в трактате “О расположении земель”: “Расположение мест должно соответствовать порядку времени, чтобы предел мира был тот же, что и конец времени”¹³. Структура средневекового географического пространства была локусной, точечной, и путешественники как бы проглатывали огромные расстояния, описывая лишь свои остановки в крупных городах и селениях¹⁴. Ориентация в этом пространстве необычайно затруднена, поскольку часто, как в случае с древней Исландией основывается не на сторонах света, но на административном делении самой страны, откуда движется путешественник¹⁵. Топонимы в этом мире очень подвижны и неустойчивы, “обтекаемы”, и сама карта средневекового пространства — это подводная толща, в которой различаются неясные очертания малоизвестных и совсем незнакомых ландшафтов.

Перейдем теперь к анализу процессов, которые формируют географическое пространство. Основа для формирования географического пространства — это процессы создания пространственности¹⁶ и опространствления¹⁷.

Создание пространственности связано с принципиальным изменением характера человеческого восприятия. Все каналы восприятия, особенно зрение, становятся нацеленными на фиксацию объемности, расстояний и дистанций до наблюдаемых объектов и событий. По существу, отношение к объектам и событиям формируется самой дистанцией наблюдения. Изменение дистанции меняет характеристику события и даже само событие. Событийность понимается как развитие пространства, как пространственность сама по себе. Пространство сочувствует бытию, бытие чувствует себя в пространстве и пространством¹⁸.

Опространствление — это процесс выработки сознательной позиции, позиционирование по отношению к наблюдаемому пространству. Земное пространство превращается в феномен, результат опространствления — возникающая феноменология земного пространства. В ходе опространствления вырабатываются особые приемы, направления наблюдения, позиции взгляда, способы оконтуривания объекта наблюдения, помогающие превращению пространства в определенный феномен. Различные события, сама жизнь понимаются как выстраивание пространственных контекстов, как рождение и взаимодействие уникальных географических пространств. Таких географических пространств много, они развиваются, налагаются друг на друга, взаимодействуют друг с другом — будучи продуктами различных опространствлений, на разных уровнях понимания пространственности.

Типы географического пространства

Существуют различные типы географических пространств. Здесь следует выделить две основные типологии, весьма важные в контексте образно-географического исследования путешествий.

Первая типология географических пространств — по характеру динамики самих пространств. В рамках этой типологии выделяются два типа.

Первый тип — это пространства максимально динамичные, экстенсивные, расширяющиеся. Для них характерны открытость, агрессивность, экспансивность, постоянно меняющиеся границы. Такие пространства — череда быстро меняющихся образов. Наиболее яркий пример здесь — это американский фронтир¹⁹. Эти пространства как бы случайны, в них можно двигаться по любым направлениям — они изотропны и готовы к любому событию.

Ко второму типу относятся нединамичные, статичные, равновесные пространства. Это пространства хорошо освоенные, обладающие стабильными образами, содержательно колеблющимися вокруг точки образного равновесия. Интенсивность их освоения определяет их анизотропность — в таких пространствах можно двигаться только по

определенным направлениям, а любое событие поддается быстрому опространствлению. Пространственность здесь становится естественной. Небольшие западноевропейские страны — Бельгия, Нидерланды, Люксембург — хорошие примеры таких пространств.

В отличие от первой, вторая типология географических пространств основана на различии внешних и внутренних факторов развития пространств. Иначе — это типология по механизму развития пространств. Этот механизм определяется позицией наблюдателя, характеризующего пространство, — внешней или внутренней²⁰. Здесь также выделяются два главных типа.

Первый тип — это пространство внешнее, формирующееся под воздействием внешних факторов. Наблюдатель, создающий своим взглядом и восприятием такое пространство, находится снаружи. Наиболее часто внешнее пространство формируется в ходе путешествия, когда наблюдатель постоянно изменяет свою позицию, которая, тем не менее, остается все время внешней. По этому механизму чаще выстраиваются более масштабные и глобальные образы — стран²¹ или континентов.

В рамках второго типа наблюдатель занимает внутреннюю позицию, он как бы вживается в пространство изнутри. Все события привязываются к определенному месту, их, как правило, не так и много. Так формируются внутренние пространства, становящиеся источниками более локальных, местных образов.

Путешествие как географический образ

Путешествие отличается особой интенсивностью движения. Окружающее путешественника пространство постоянно им фрагментируется и расщепляется. Пространство становится “пазловым”. Но эти пространственные “пазлы” одновременно образуют вязкую среду, сквозь которую держится путь. Движение возможно с некоторым сопротивлением, уплотняющееся самим путешественником пространство как бы сопротивляется ему. Путешественник видит объемные “кубы” пространства, которые он раздвигает своими собственными образными усилиями.

Путешествие способствует самоорганизации образов пространства. Движение путешественника происходит одновременно в реальном и образном пространствах. Чем интенсивнее его движение, тем более взаимосвязанными становятся эти пространства. Вершина, идеал путешествия — отождествление реального и образного пространства, рождение образа самого путешествия.

Путешествие порождает свой собственный образ. Концепт путешествия — один из классических географических образов. Но географи-

ческий образ путешествия уникален — в отличие от других географических образов в него включены механизмы осознания, осмысления пространства; внутри него есть собственный “двигатель”. Поэтому путешествие само по себе — географический метаобраз.

Будучи принципиально важным для понимания особенностей и закономерностей моделирования географических образов вообще²², он предполагает также исследование образно-географической специфики самих путешествий как таковых — иногда даже вне зависимости от первоначальной установки и цели путешествия (туризм, экскурсия, научная экспедиция, торговая поездка и т.д.). В этой связи уместно выделить три основных аспекта в системе “путешествие (концепт путешествия) — географический образ”: 1) специфика географических образов путешествий, 2) структуры географических образов путешествий и 3) трансграничные географические образы. Кроме этого, мы достаточно подробно рассмотрим географические образы путешествий в русской литературе, которая во многом сформировалась именно как путевая литература, или литература путешествий.

Специфика географических образов путешествий

Путешествие, как правило, может способствовать созданию целенаправленных географических образов, в структуре которых доля чисто прикладных элементов и связей (физико- и экономико-географическая информация, статистические сведения и т.д.) может быть в значительной степени уменьшена. В то же время роль и значение культурных, эмоциональных, психологических элементов и связей могут быть резко увеличены, что часто ведет к большей “выпуклости”, рельефности, более сложной морфологии самого образа местности, страны, региона, через которые пролегал путь. Подобная структура географического образа означает, что большинство путевых записок, описаний, дневников может быть оценено не с точки зрения достоверности сообщаемых там сведений и фактов (часто довольно низкой), но с точки зрения мощи и яркости самого географического образа, продуцируемого по ходу путешествия²³.

Несомненно, эти образы обладают большой мощностью и скоростью развития. Для них характерна особая структурность, стратифицированность, в них видны, как геологические породы, четкие и ясные слои впечатлений и переживаний. Географические образы путешествий отличаются сравнительной компактностью, простотой и надежностью, они тесно связаны со стереотипами — упрощенными географическими представлениями, выверенными и уплощенными длительным временем. Если Россия, то — медведи, клюква, снег и сорок сороков. Если Франция, то — Париж, мода, Д’Артаньян и

вино. Однако эти образы тесно связаны с реальностью и быстро реагируют на всякие изменения вовне. Здесь важно выявить, как связаны географические образы путешествий с самими образами территорий, через которые и/или посредством которых рождается путешествие.

Образ территории — сложная система устойчивых пространственных представлений, обладающая специфическими закономерностями развития. На развитие образа территории влияют как внутренние (природный субстрат территории, история освоения, социальная структура населения, отраслевая структура хозяйства, система расселения), так и внешние (географическое положение, роль в истории региона или страны, история восприятия территории и т.д.) факторы. Деление факторов развития образа территории относительно, так как один и тот же фактор — в зависимости от точки зрения — может рассматриваться и/или как внутренний, и/или как внешний (например, история освоения).

Необходимо рассмотреть особенности формирования образа территории в несколько более широком контексте, нежели просто географические образы путешествий. Такой социальный и культурный контекст — это миграции, одним из видов (типов) которых и является путешествие.

Миграции являются одним из наиболее важных факторов формирования образа территории. В ходе миграций, как правило, происходит перенос определенных пространственных представлений на новую территорию, на которой происходит столкновение и взаимодействие автохтонных и “пришлых” пространственных представлений. В результате, в течение достаточно длительного времени формируется новый образ территории, включающий в себя и эндогенные, и экзогенные элементы. Отметим, что можно говорить о множестве образов одной и той же территории, в зависимости от того, кто (социальная или корпоративная группа, художник, писатель, СМИ) является активным создателем и/или проводником конкретного образа территории.

Характер или тип миграции определяет конфигурацию, свойства и структуру образа территории. Так, сезонная летняя миграция писателя или художника на дачу, в деревню может привести к формированию пасторального художественного образа этой территории. При этом сам образ, в зависимости от силы художественного воздействия, может быть трансформирован в образ более высокого таксономического уровня. Например, картины Левитана, написанные им в Плесе, могут восприниматься как художественные образы Средней России в целом. То же можно отнести и к “мещерскому” циклу Паустовского. В свою очередь, массовая иммиграция на территорию по социально-экономическим мотивам, с целью постоянного проживания, ведет, как правило, к “размы-

ванию” традиционного, зачастую архаизированного автохтонного образа (с культом местного писателя или художника, ученого; сетью традиционных краеведческих музеев, призывами к сохранению местных традиций и исторического прошлого в СМИ) и постепенной “космополитизации” образа (образов). Это может быть связано и со значительным культурным “снижением” образа (Петербург как “криминальная столица России”), и с увеличением количества составляющих его весьма разнообразных элементов. Образов территории становится значительно больше, они становятся более специфическими, отражая пространственные представления различных (этнически, социально, культурно или политически “окрашенных”) сегментов общества. Свести воедино все эти образы и создать некий общий и объективный образ территории в данном случае практически невозможно.

Особенно интересен, с точки зрения формирования образа территории, такой тип миграции, как путешествие. Путевые записки, как правило, являются богатейшим источником для выявления или создания образа территории. Это связано со специфической установкой самого путешественника. Установка на движение, на восприятие географического пространства в динамике, необходимость постоянного дистанцирования от сменяющих друг друга объектов восприятия ведут к формированию динамического образа территории со значительным визуальным компонентом. В путевом образе территории также велика роль “реактивных” элементов, когда тот или иной ландшафт вызывает у путешественника реакцию, связанную с его фундаментальными социокультурными представлениями. Классический пример — записки маркиза де Кюстина о России. Следовательно, путевой образ территории может быть максимально насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может реминисцентно включать в себя образы других территорий (тех, где родился, жил, бывал путешественник), зачастую сильно удаленных от района путешествия. По сути дела, это образ-“матрешка”, аккумулирующий наиболее яркие компоненты сразу нескольких образов.

Образы территории обладают миграционной “подвижностью”. Во-первых, сам образ может расширяться, включая элементы географических реалий соседних территорий — в результате формируется новый, более яркий и мощный образ. Во-вторых, образы территории могут перемещаться со своими носителями, трансформируясь по ходу миграции и влияя на траекторию миграции. Так, украинцы, переселяясь в конце XIX—начале XX вв. на Дальний Восток, стремились осваивать территории, близкие по ландшафтным характеристикам территориям их выселения. Переносились также стереотипы пространственного поведения, отношение к ландшафту, которые по мере освоения новой территории всё же изменялись.

Итак, основная специфика географических образов путешествий — это их тесное взаимодействие с образами территорий, через которые пролегает маршрут путешествия. Теперь рассмотрим более подробно структуры географических образов путешествий.

Структуры географических образов путешествий

Путешествие само по себе может быть (и в большинстве случаев и является) масштабным и тонко структурированным географическим образом. Тщательно продуманное и затем осуществленное путешествие представляет собой сложную и разветвленную систему генетически родственных географических образов. В географических образах путешествий постоянно происходят смещения различных образных слоев по отношению друг к другу, вытеснение некоторых старых слоев и появление новых. Часть старых слоев как бы срезается новыми, а сами слои могут выстраиваться лесенкой, характеризуя образное восхождение самого путешественника. Так формируется образный калейдоскоп, т.е. целые образные “карточные колоды”, при этом ни одна карта-отдельный образ не является единственным истинным географическим образом путешествия, а первоначально созданный образ подвергается по ходу путешествия различным морфологическим и структурным трансформациям. Такой процесс похож на описанный французским этнологом Клодом Леви-Стросом в структурном анализе мифов “бриколаж” — ни одна версия определенного мифа не является истинной, лишь вместе они образуют полное образное поле мифа²⁴.

Географические образы путешествий, сбрасывая и отбрасывая “отработанные” слои, становятся бесконечными. Сами слои отражаются друг в друге, постоянно налагаются друг на друга. В итоге эти образы предстают как ряд бесконечных, нацеленных друг на друга зеркал. Пространство в результате как бы уходит полностью в географию, полностью усваивается ею в качестве образов, “рассасывается” без остатка. Подобные структуры географических образов путешествий заставляют нас более подробно рассмотреть проблему соотношения процедур наблюдения и онтологического статуса путешественника и путешествий как таковых.

Процедуры наблюдения и путешествия: геокультурологические проблемы. Путешествие как акт репрезентации и интерпретации должно рассматриваться прежде всего в геокультурологическом (культурно-географическом) контексте, при этом оно прямо зависит от структуры соответствующих процедур наблюдения. Здесь стоит обратить внимание на уже упомянутое выше глубокое исследование М.Б. Ямпольского “Наблюдатель. Очерки человеческого видения” (М.: Ad marginem, 2000).

Книга Ямпольского — пример фундаментального междисциплинарного исследования на стыке культурной географии и геокультурологии. Задавшись целью детально проанализировать эволюцию структур человеческого видения, автор затронул ключевые проблемные точки концептуального развития этих смежных областей знания. Исходная энергетика исследования — в попытке увидеть геокультурные пространства как автономные потоки образов, связанных с позицией наблюдателя.

Классическое зрение, чьи принципы были сформированы еще в древности, может до бесконечности фиксировать последовательные позиции наблюдения, добиваясь тщательной проработки деталей. Однако методологическая надежность этих позиций стала снижаться одновременно с возникновением образов, репрезентации и интерпретации которых опирались на возможность быстрого расширения пространства видения. Первоначальные попытки живописцев XVIII—XIX веков сохранить в своих произведениях классические и новые принципы видения столкнулись с невозможностью четкой фиксации позиции наблюдателя. Наблюдатель стал постепенно расставаться со своей субъектностью²⁵, а его тело становилось лишь частью репрезентируемых и интерпретируемых им образов²⁶. В сущности, главная трансформация заключалась в том, что наблюдатель перестал себя центрировать; центр мира (= позиция наблюдения) стал резко пустеть, “на глазах” превращаться в пустоту²⁷.

Что требовалось для практически бесконечного расширения человеческого глаза? Формируемые в процессе видения ландшафты (вулканы²⁸, облака²⁹, водопады³⁰) стали восприниматься как мощные, плотные и интенсивные (при этом вполне самодостаточные) геокультурные образы, которые могли мигрировать, перемещаться, путешествовать в собственных, аутентичных пространствах. Так, наблюдение водопадов в XIX веке вело к постоянному воспроизводству сакральной географии Египта, а описание вулканов сопровождалось сокрушающей экспансией световых зрелищ, разрушавших всякие перегородки между внутренними и внешними пространствами. Трансцендирование пейзажей, а, по сути, также их самостоятельное воспроизводство вне зависимости от попыток наблюдателя нащупать “реальную почву” под ногами, установить свое положение в традиционном географическом пространстве, стало непременным условием существования сферы тотального геокультурного визионерства.

Книга Ямпольского чрезвычайно насыщена подробными описаниями концептуальных опытов художников, писателей, философов, критиков, режиссеров, архитекторов, боровшихся “за пустоту”, замышлявших побег в растворяющее их пространство — максимальная прозрачность пространства, отождествление пространства с тотальным наблюдением и исчезновение позиции наблюдателя как таковой стано-

вились каноном нового зрения³¹. Среди “героев” тотального наблюдения — Жан-Жак Руссо и Луиджи Пиранделло, Тернер и Кольбридж, Раймон Руссель и Вальтер Шеербарт, Велимир Хлебников и Жан Эпштейн, Альбер Жарри и Анри Бергсон. Происходит распад идеи внутреннего пространства (особенно в проектах стеклянного города Шеербарта и Хлебникова³²), образы мира становятся исключительно внешними, создавая постоянно расширяющуюся сферу³³.

Стоит задуматься над тем, насколько этот принципиально важный геокультурный переход изменил и идеологию путешествий, бывших весьма традиционным средством накопления культурных впечатлений и эффективным способом интерпретации географических образов. Передвижения с высокой скоростью, все более и более становившиеся нормой в XIX—XX веках³⁴, привели к тому, что сам путешественник стал восприниматься в терминах баллистики, преобразившись в простое физическое тело, как бы окутанное облаком расширяющихся и растворяющих его географических образов. Онтологичность статуса путешественника стала окончательной и бесповоротной, состояния путешествующего воспринимаются теперь как конкретные и бесспорные образно-географические стратегии. Всякий раз, выезжая из определенного места, путешественник начинает двигаться к нему же (вспомним Веничку Ерофеева), пытаясь посредством все новых и новых интерпретируемых географических образов пробиться к уже несуществующему центру, который отказался от своей периферии.

Что же происходит со временем наблюдения? Если первоначально художники-пейзажисты пытались буквально вписать временные трансформации в структуры холста — в его пространстве небесные состояния и грандиозные игры света перетекали друг в друга³⁵ — то далее, в художественных, философских, архитектурных опытах — время фактически “сцепляется” с пространством, что означает: культура создает свое время посредством пространства, и всякая устойчивая культура есть не что иное, как геокультура. Географические образы как бы нависают над временем, определенной культурной или исторической эпохой, и в то же время обволакивают само время, что означает: в известном смысле, время — это геокультурный образ, ставший замечательным итогом наблюдения земного пространства.

Здесь также необходимо выявить роль образов стран (местностей) в структуре географических образов путешествий.

Образы страны и образы путешествия. В структуре географических образов определенного путешествия образ местности и/или страны может играть очень существенную, но зачастую не доминирующую роль. Здесь, на наш взгляд, возможны следующие варианты.

1. Литературное путешествие (например, “Сентиментальное путешествие по Франции и Италии” Лоренса Стерна, “Записки русского

путешественника” следовавшего ему Николая Карамзина и вся обширная традиция путевых записок эпохи сентиментализма³⁶), когда первоначальная психологическая и социокультурная установка оказывается настолько сильной, что как бы съедает реальное путешествие и замещает его цепочкой геокультурных образов, характеризующих местность через эмоциональное состояние героя/автора произведения. Сюда же можно отнести пограничный жанр — дневниковые записи, в которых конкретное место (город, страна) в ходе затянувшегося путешествия могут служить “театральной сценой” переживаний и интеллектуальных метаний их автора — например, “Московский дневник” Вальтера Беньямина³⁷.

2. Образ путешествия моделируется первоначально на метауровне, а определенные местность или страна выступают в этом случае как экспериментальное образно-географическое поле. В ходе путешествия (вымышленного или реального) нарабатываются его специфические образно-географические признаки (“аксессуары”), а результирующий образ путешествия впитывает в себя, в одной из фундаментальных страт, родовые образно-географические признаки осмысленной территории. Так, литературно-географическое пространство, описываемое Андреем Платоновым в романе “Чевенгур”, есть в известном смысле образно-географическое поле, служащее фундаментом формирования метаобраза культовых путешествий главных героев романа³⁸.

В ряде случаев надо говорить о геобиографии конкретной личности, складывающейся и создающейся в процессе анализа ее дневникового и/или эпистолярного наследия. При этом путевые записи и письма могут стать источником очень мощного географического образа экзистенциального путешествия, то есть путешествия, рассматриваемого в контексте и реального географического передвижения (перемещения), и этапов жизненного пути. Таков, в частности, пример русского поэта и литературного критика XIX века Аполлона Григорьева.

Геобиография и географические образы экзистенциального путешествия: пример Аполлона Григорьева. Письма Аполлона Григорьева, блестящего литературного критика и незаурядного поэта — редкостный по силе литературный памятник³⁹. Череда вдохновенных откровений поэта его конфидентам поражает взлетами и падениями — художественными и бытовыми, визионерскими и проповедническими (пьянство и беспутство — две главные неискоренимые черты его характера). Мощь неровных и рельефных образов писем Григорьева — в географии его судьбы.

Вполне очевидно, что можно говорить о геобиографии поэта. Он четко осознает себя сыном Поволжья, сравнивая себя с Фетом, порождением орловской Украины, и мечтает о собственной книге “Глушь”. В письме к Н.Н. Страхову он сообщает: “Сюда войдут и заграничные мои

странствия, и первое странствие мое по России, и жажда старых городов, и Волга, как она мне рисовалась, и Петербург издали, и любовь-ненависть к Москве — подавившей собою вольное развитие местностей — вся моя нравственная жизнь, может быть”⁴⁰. Вот ключ к жизни и письмам Григорьева — это путешествия, в которых он осознавал географические образы, жил ими, а они порой управляли им. Дорога владела им: “Знаешь, когда я всего лучше себя чувствовал? В дороге. Право, если бы я был богат, я бы постоянно странствовал. В дороге как-то чувствуешь, что ты в руках Божиих, а не в руках человеческих” (из письма Страхову)⁴¹. Натужность и вынужденность путешествий Григорьева (нужда, пьянство и разврат) превращали их в бегство от себя, когда восторги и яркие образы новых мест сменялись временами буйными проклятиями — в адрес страны ли, города ли, народа ли.

Москва да Петербург, итальянская “вспышка” и стремительный “набег” на Оренбург — вот жизненно важные вехи-образы поэта. Привычные маятниковые литературно-культурные качания между двумя столицами сменились внезапно Италией, Италией вынужденной, но от этого не менее прекрасной. Славянофил по натуре и долгу службы, Григорьев не преминул преобразить свои итальянские впечатления в масштабный образ Запада: “Вот здесь на Западе, что ни человек, то и специалист — от того-то здесь люди и представляются мне все маленькими, маленькими муравьями, ползающими с мелочной работою по великим, громадным памятникам прошедшей жизни. От этого-то зрелища я и хандрю ядовито — ибо обаяние камней одно не питает душу” (из письма Е.Н. Эдельсону)⁴². Италия для него — море, великие картины и памятники культуры и истории, она вся — великое европейское прошлое. Флоренция, Венеция, Рим — лишь декорации очередной любовной драмы Григорьева, и посреди блестяще описанного им флорентийского карнавала он чувствует себя изгоем, изгнанником, чужим (он вполне мог бы быть героем романа Камю, или хладнокровным и уверенным в себе экзистенциалистом).

Культурно-исторический background — вот что ищет он в создаваемых и разбиваемых им образах. Человек без судьбы, он разнес, разбил свою жизнь на географические отрезки, географические письма, в которых города и страны — символы и знаки его душевных состояний: “Зачем я видел Италию — меня к ней тянет болезненно, — а между тем там я хандрил — да и теперь бы верно хандрил — по России. Любовь ли, мысль ли, впечатление ли (как Италия), — все как-то обращалось и обращается мне в казнь и язву” (из письма Е.С. Протопоповой)⁴³. Оренбург был его последней надеждой на спасение, надеждой на удачу отделения судьбы от географии, жизни — от географических образов, прочно овладевших ей. Однако: “Ничего не боялся я столько (между прочим), как жить в городе без истории, преданий и памятников.

И вот — я (это — один из многих опытов) именно в таком городе. Кругом — глушь и степь, да близость Азии, порядочно отвратительной всякому европейцу. Город — смесь скверной деревни с казармой. Ни старого собора, ни одной чудотворной иконы — ничего, ничего” (из письма Страхову)⁴⁴. Оренбург в итоге стал крахом последних надежд. Последовали возвращение в столицы, имитация бурной деятельности и медленная неизбежная агония.

Два жизненных “прыжка” в сторону — Италия и Оренбург — и завлекательно-засасывающие культурно-суетной трясинной Москва-и-Петербург. Григорьев жил этими образами, он прожил их, одновременно их создавая и не умея уйти от культурно-политического mainstream’a эпохи, навязывавшего этим образам шаблонные упаковки хандры и бегства от себя. Его письма — свидетельства и документы необычайной важности; это “протоколы” рождения и развития причудливых геокультурных образов, описывающих шаг в шаг, день в день жизнь одного непутевого человека; образы, преследующие своего создателя, не могущего и не желающего “отодвинуться” от них, дистанцироваться от них, и тем самым — не дающего зажить этим образам своей самостоятельной, географической жизнью.

Устойчивые и яркие геокультурные образы часто — продукт довольно случайных текстов, заметок, набросков, картин. Незаметные при жизни их создателя, они могут скрыто существовать долгое время, не оказывая сильного влияния на геокультурную панораму. Оживление внимания к ним (издание, выставка и т.д.) может стать началом образного геокультурного “взрыва”, образной “ядерной реакции”, принципиально меняющей структуру образно-географических интерпретаций картины мира.

Трансграничные географические образы

Географические образы путешествий создают, фактически, самостоятельный тип или класс географических образов, который можно назвать также “трансграничными географическими образами”⁴⁵. Это географические образы, которые заранее моделируются на метауровне их восприятия и осмысления, а само путешествие мыслится как “безразмерный” и в то же время единственно возможный способ адекватного представления географических знаний и информации. Например, создание образа русской Италии связано с моделированием условного метапутешествия, состоящего из отдельных текстов и текстовых фрагментов литературного, эпистолярного, мемуарного, живописного, графического характера, связанных в единое целое на уровне аноморфированного геокультурного (образно-геокультурного) пространства “Россия — Италия”⁴⁶. Технологии моделирования подобных трансгра-

ничных географических образов, по-видимому, являются одним из наиболее сложных вариантов концептуального образно-географического моделирования, однако целенаправленный перевод образа путешествия на метауровень позволяет максимально учесть естественную пространственную динамику самих географических образов. В этой связи крайне важно обратить внимание на такой классический тип путешествия, как образовательное заграничное путешествие. Рассмотрим пример формирования образа России в “европейском путешествии” американца в 1850—1880-х гг.⁴⁷

“Европейское путешествие” американца в XIX веке и образ России. В XIX веке образованный американец считал своим долгом совершить “европейское путешествие”. Однако Россия не была обязательным номером такой программы — она лишь постепенно становилась особым и самоценным ее элементом, а иногда и предметом главного интереса. С 1850-х годов Россия все больше и больше занимает внимание любознательных американцев — сюда стремятся дипломаты, журналисты, писатели, ученые. Образ России обретает постепенно в глазах американцев “плоть и кровь”, перестает быть лишь набором умозрительных и смехотворных стереотипов в духе “белого медведя, сидящего под клюквой”⁴⁸.

Формирование полноценных географических образов страны связано с одной особенностью — они как бы вынуждены “смотреться” сквозь и/или в другой образ; страна должна видеть другую страну, формировать образ другой страны, чтобы, наконец, осознать, увидеть и свой собственный⁴⁹. Демократизм, известная фамильярность и деловитость американцев получили в путешествиях по России свои достойные полюса в виде косности, нерасторопности и чопорности различных слоев российского общества. Американский путешественник Нокс не без удивления отмечал: “Путешествующий по России слышит ‘Si chass’ по несколько раз за день... Дословный перевод ‘Si chass’ — “этот час”, и, возможно, именно этим объясняется тот факт, что на выполнение самого простого требования нередко уходит действительно час”⁵⁰. Плохое знание России могло обрести в этих путешествиях и дополнительные аргументы, и тогда образ России становился причудливым сочетанием мелких реальных фактов, прочно сраставшихся и питавших давние стереотипы морозной зимы, водки и бани⁵¹.

Возможно, покажется странным и то обстоятельство, что американский образ России 1850—1880 годов, при всех своих лубочных недостатках, все же был достаточно живым и простым, даже надежным. Он эксплуатировал прочные макрогеографические образы, которые могли помочь при восприятии России — прежде всего Запада и Востока, причем последний явно преобладал. Москва как олицетворение России и Востока, “чисто русский город”, зачастую заслоняла

более европейский и западный Петербург⁵². Московская и вообще русская экзотика надстраивалась над уже готовой образно-географической базой, ложилась уже готовыми “кирпичиками” в лишь слегка измененные образно-географические проекты далекой восточной снежной страны. Дружественные политические отношения России и Америки в этот период могли облагораживать этот крепко сколоченный образ России, но не могли воздействовать на него кардинально.

Рассмотренный пример ясно показывает сложность и неоднозначность геокультурной динамики, которая репрезентируется и интерпретируется посредством заграничного образовательного путешествия. Путешествие как стиль, как элемент образа жизни, конечно, сильно способствовало созданию ярких и богатых страновых образов, но оно же часто и закрепляло и развивало ведущие стереотипы в восприятии той или иной страны. Идеальное путешествие оперирует лишь несколькими “обкатанными” и достаточно надежными, заранее подготовленными географическими образами, дальнейшее — это уже личный стиль путешественника. Географический образ страны может “формоваться” из заведомых стереотипов и даже парагеографических элементов (чаепитие, трактир, крепостной крестьянин), но его единство и действенность могут иметь именно иностранное происхождение.

Географические образы путешествий в русской литературе

Посредством путешествия география как бы видит сама себя, описывает самое себя. Иначе говоря, это письмо в движении. Путешествия порождают особенно интересные географические образы — стран, городов, местностей, — которые проникают в литературу, изменяя ее. В то же время литература создает самостоятельные жанры и каноны, в рамках которых осознаются географические образы путешествий.

Русская литература уже по своему происхождению, *ad hoc*, принадлежит путешествиям; роль путешествий в формировании русской литературы переоценить невозможно⁵³. Во многом посредством литературных произведений (и текстов, ставших таковыми) Россия осознала и осмыслила свои огромные и слабо освоенные пространства. Можно сказать, что русская литература развивалась на ходу, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге, по пыльным проселкам и широким трактам. Отсюда несомненная важность для ее понимания путевых заметок, писем, очерков, дневников и публицистики. Однако и путешествия трансформировали, меняли классические литературные формы романа, повести и рассказа: их сюжеты стали часто “нанизываться” на вымышленные целиком или частично путешествия. Мы можем собрать блестящую коллекцию подобной русской литературной классики: “Мертвые души” Гоголя с эпигон-

ским “Тарантасом” Владимира Соллогуба, “Чевенгур” Платонова⁵⁴, “Лолита” Набокова, “Москва—Петушки” Венедикта Ерофеева. С другой стороны, реальные путешествия русских писателей рождали произведения, превосходящие своей мощью традиционные путевые дневники и письма. “Письма русского путешественника” Карамзина еще целиком принадлежат эпохе сентиментализма и многим обязаны Стерну (как и последующие многочисленные подражания). Последовавшие за ним Радищев с “Путешествием из Петербурга в Москву”, Гончаров с “Фрегатом Палладой”⁵⁵ и Чехов с “Островом Сахалин” превратили путешествие не только в самостоятельный жанр, но и в способ литературного самопознания. При этом маршрут Радищева стал уже почти обязательным и сакральным (священным) для русской литературы.

Итак, мы видим два важных типа географических путешествий в русской литературе по их значению для самой литературы: 1) сюжетный тип, меняющий структуру классических литературных форм, и 2) жанровый (или установочный) тип, меняющий мировоззренческую структуру самой литературы.

Чистоту этой простой типологии нарушают классические путевые описания русских путешественников и географов (преимущественно в Центральную Азию, иногда Сибирь и Дальний Восток), ставшие очевидным фактом русской литературы: Пржевальского, Грумм-Гржимайло, Потанина, Певцова, Козлова и других. Влияние этих описаний скорее стилевое — сам Набоков в романе “Дар” не скрывал его, и этот счастливый роман, действительно, живет внутренним чувством пути, присущим великим русским путешественникам.

Задумаемся теперь о том, как проникали географические образы путешествий в толщу русской литературы, меняя постепенно и ее образ. Предварительно отметим, что это проникновение вело, как правило, к возрастанию самой образной мощи литературных произведений.

На наш взгляд, выделяются три основные эпохи: до начала XIX века (условно назовем ее допушкинской), с начала XIX века до 1910-х годов, и с 1910-х годов по настоящее время.

В допушкинскую эпоху мы сталкиваемся с путешествием как оно есть — не более чем с сухой описью путевых столбов, яств на столах и непонятной экзотики ближних и дальних стран⁵⁶. Путешествие Афанасия Никитина — редкое исключение⁵⁷. Путешествие происходит как бы с полузакрытыми глазами, а само письмо еще не умеет достаточно хорошо двигаться.

Золотая пора путешествий в русской литературе наступает в XIX веке и длится примерно до 1910-х годов. Ее, в свою очередь, мы можем разделить на две части. Первая часть — 1800—1830 годы — характеризуется быстрым ростом количества путевых описаний, выполняемых обычными и привычными журналистскими и литератур-

ными средствами. Это эпоха экспансии: косноязычная до того, русская литература обрела свой язык, голос, цвет и пустилась во все тяжкие. Почти одновременно с быстрым расширением территории Российской империи появляются литературные произведения, образно осваивающие новые районы и страны. Задал тон, конечно, Пушкин “Путешествием в Арзрум”⁵⁸ (если не говорить о жанре сентиментальных путешествий, довольно быстро выродившемся). Завоевание Кавказа породило целый жанр соответствующих кавказских повестей и рассказов, детально рассмотренный историком Натаном Эйдельманом (особенно выделим здесь кавказские повести Бестужева-Марлинского)⁵⁹. Еще ранее заграничные походы русской армии 1813—1815 годов оживили серьезный политический и культурный интерес русской дворянской элиты к странам Европы — эта часть света становится предметом частых литературных описаний⁶⁰. Позднее здесь пишется знаменитые романы и поэмы Гоголя, Тургенева, Достоевского, Гончарова (попутно они успевают описывать реалии и образы стран пребывания). Как особое направление, возник жанр описаний путешествий в Святую землю (в Палестину), довольно скучных и не ставших литературными событиями⁶¹.

Вторая часть описываемой нами эпохи — золотой поры путешествий в русской литературе — это 1840—1910-е годы. В 1840-х годах в русской литературе начинаются процессы образного освоения всего богатства путешествий. Основой этому послужил жанр физиологических очерков, описывавших нравы и быт городов и местностей России (здесь успел отметиться даже Лермонтов с очерком “Кавказец”). Появились профессиональные очеркисты и писатели, целиком отдававшие себя путешествиям, физиологии путешествия, чувствовавшие запах пространства. Одним из пионеров этого жанра был поэт, переводчик и публицист Александр Ротчев⁶², впоследствии классику жанра определили произведения Василия Боткина (“Письма из Испании”), Сергея Максимова, Владимира Немировича-Данченко, Е. Маркова. Наибольших успехов здесь достиг уже к началу XX века Василий Розанов, чьи очерки о Волге (“Русский Нил”), о путешествиях в Италию, Германию, на Кавказ до сих пор читаются на одном дыхании⁶³. Немногим уступал ему его ученик по Елецкой гимназии Михаил Пришвин со своими путевыми очерками о русском Севере. Сам жанр благополучно дожил до XX века, утратив, правда, свои былые прочные позиции. В советское время романтику этого жанра сумел сохранить, пожалуй, в своих воспоминаниях, повестях и рассказах Константин Паустовский.

В связи с золотой порой путешествий в русской литературе отдельно скажем об аванюре, экзотике и романтике. Ряд замечательных путевых описаний, действительно, рождался в результате головокружительных путешествий, иногда случайных или непреднамеренных.

Таковы описания Александра Ротчева, а в допушкинскую эпоху этим отличился купец Ефремов, попавший в плен в киргиз-кайсацких степях⁶⁴. “Арабескный”, авантюрный стиль путевых описаний свято хранили Осип Сенковский в 1840-х годах, а к концу эпохи — поэт Николай Гумилев, совершивший африканские путешествия и написавший несколько поэтических географических циклов⁶⁵. Насильственные путешествия, например, ссылка в Сибирь, стали тоже источником экзотических описаний диких и заснеженных пространств Северной Азии (Радищев, декабристы). Затем поездки в Сибирь стали чуть ли не культовыми для русских писателей и очеркистов.

Примерно с 1910-х годов начинается новая эпоха во взаимоотношениях русской литературы и путешествий. Теперь путешествие означает внутренний поиск, эксперименты с литературным письмом, а иногда и с собственной жизнью. Это переход географических образов путешествий внутрь литературы. Главные заслуги здесь принадлежат Андрею Белому, Велимиру Хлебникову, Осипу Мандельштаму, Андрею Платонову и Борису Пастернаку. Они сумели подчинить свой литературный ритм внутреннему ритму путешествий. Белый и Мандельштам счастливо совпали в прекрасных описаниях путешествий в Армению⁶⁶. В заметках “Читая Палласа” Мандельштам сумел уловить структуры и основы путевого письма⁶⁷. Велимир Хлебников буквально поставил свою жизнь на географическую карту — это случай геолитературы⁶⁸. Ранние проза и поэзия Пастернака дышат образами пути; позднее, в романе “Доктор Живаго”, поэт связал судьбы героев с путешествием на Урал — сам роман оказался путевым экспериментом. Эти традиции во второй половине XX века продолжил Иосиф Бродский: ряд его стихотворений и эссе представляют собой единый, сквозной ряд перетекающих географических образов Петербурга, Венеции, Крыма, Англии, Америки.

И вот теперь стоит поговорить о том, как сама русская литература воспринимала географические образы путешествий. В золотую пору путешествий она любила их “по-детски”: внешняя яркость описаний пейзажей, ландшафтов, зарисовки бытовых сценок и нравов — это, скорее, натуралистическая, реалистическая живопись, или этнографическое кино. Оживляли эту картину политические и культурные сравнения России с другими странами — особенно, если путешественник был западником или славянофилом (например, описание Лондона А.С. Хомяковым⁶⁹). Здесь мы наблюдаем зарождение интереса писателя к путешествию как некоей экзистенциальной возможности осмыслить собственную жизнь и собственную страну. Если писатель становился эмигрантом, тогда это превращение интереса становилось просто необходимым — и действительно, “Замогильные записки” Печерина, мемуары и письма Герцена дают тому немало подтвержде-

ний: их путешествия по России как бы зеркально отражаются в путешествиях по Европе.

“Детская любовь” русской литературы к путешествиям начинает проходить к концу XIX века. Теперь географические образы путешествий сами уходят в детство и юность русских писателей — в мемуарах, романах и рассказах. Сохраняя часть своей экзотики, путешествия детства и юности предстают своего рода увеличительным стеклом, сквозь которое рассматривается и оценивается сам жизненный путь героя. Отсюда и невероятное разноцветье, “субъективность”, иногда жестокость *postfactum* путевых описаний — начинает работать эффект “фотовспышки”, отдельные географические образы могут олицетворять повороты судьбы. Таковы ранние рассказы Горького, мемуары Короленко, роман “Жизнь Арсеньева” Бунина, “Повесть о жизни” Паустовского.

Впустив внутрь себя географические образы путешествий, русская литература не могла не измениться. После Хлебникова, Мандельштама, Платонова, географические образы стали естественным литературным средством и способом выражения отношения к миру. Путешествие одновременно стало удобным литературным приемом и очень мощной литературной метафорой. Книги Петра Вайля и Александра Гениса⁷⁰, Василия Аксенова, Андрея Битова и Виктора Пелевина подтверждают это. Реальные местности и страны могут путаться и перемешиваться с выдуманными, а пространство и путь часто являются самостоятельными героями, определяющими сюжеты. Путешествие само по себе, как образ-архетип, оказалось полностью внутри литературы, стало основой почти всех возможных литературных жанров.

Путешествия: реальность и образ. Вместо заключения

Путешествия могут радикально менять картины мирового развития. Устойчивые географические пред-образы региона/страны (до путешествия) недостаточны для новой образной информации, воспринимаемой и получасмой во время путешествия. Многочисленные и фрагментарные новые географические образы как бы налезает друг на друга, “громоздятся”, формируя последовательно новые образно-географические поля. Обычные стереотипы (о стране, народе, его обычаях и традициях, политическом и экономическом развитии) рушатся. Возникает своего рода “анфилада” проходных комнат со сквозной перспективой, не возможной до путешествия. Контрастность картины мирового развития резко увеличивается. Путешествие — это ряд образно-географических “точечных вспышек”, приводящих к развалу попыток постоянно продуцировать новые единые картины мира.

В географических образах путешествий связываются путь и шествие. Путь становится более торжественным, он освящается, сакра-

лизуется. Происходит возвышение самих образов, они воспринимаются как метафизические и метагеографические. Пространство в процессе его сакрализации максимально уплотняется. Путь превращается постепенно в шествие, происходит замедление и фиксация отдельных движений. Образы смотрят как бы сами на себя, саморефлексия путешественника обретает плоть и кровь. Наконец, возможна остановка, и далее — рождение нового места, плацдарма для последующего нового путешествия. Так географические образы путешествий включаются в процедуры топообразности и геотопики, прорисовки все новых и новых карт географических образов.

Путешествия — идеальный случай, когда реальность сразу может репрезентироваться и интерпретироваться как образ. Путешественник движется в своего рода “диком пространстве”, wild space; “обнаженное” восприятие путешественника вынуждено сразу проводить аккультурацию преодолеваемого географического пространства.

Примечания

¹ Анисимов С. Путешествия П.А. Кропоткина. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1943; Лебедев Д.М. География в России XVII века. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949; Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950; Хенниг Р. К неведомым землям. М., 1960; Родоман Б.Б. Географические проблемы отдыха и туризма // Территориальные системы производительных сил. М.: Мысль, 1971. С. 311-342; Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. 1-5. М., 1983-1985; Каганский В.Л. Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск: Наука, 1987. С. 186-203; Джонстон Р.Дж. География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М.: Прогресс, 1987; Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988; Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Социокультурные функции самостоятельного походного туризма // Научные проблемы туризма и отдыха. Инф. бюлл. ВНИИЛТЭ. Науч. № 2. 1988. С. 152-180; Родоман Б.Б. Организация путешествий как вид искусства // Бюлл. ВНИИЛТЭ. Науч. № 3. 1988. С. 116-124; Каганский В.Л. Портрет культуры в ландшафте // Архитектура СССР. 1989. № 5; Голд Дж. Психология и география. Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990; Баттимер А. Путь в географию. М.: Прогресс, 1990; Родоман Б.Б. Искусство путешествий // Наука о культуре. Итоги и перспективы. Вып. 3. М.: РГБ, 1995. С. 79-85; Скворцова Е.А. Понятие “Митиноку” как физическое и духовное путешествие художника // География искусства. Вып. II. М.: Институт Наследия, 1998. С. 9-26;

Соколов-Ремизов С.Н. Путевой дневник как один из жанров японской традиционной живописи // Там же. С. 26-55; Шептунова И.И. Путешествие на Восток: дневник писателя // Там же. С. 55-78; Гусейнова Д.А. К истории одного путешествия // Там же. С. 78-95; Внуков Н.А. Великие путешественники. Биограф. словарь. СПб.: Азбука, 2000; Смирнов С.А. Геокультурный образ России в путевых дневниках американцев. Диссертация на соискание ученой степени бакалавра. М.: МГУ, географический ф-т, 2000, рукопись; Wood. H.J. Exploration and Discovery. London: Arrow Books, 1951; Heawood E. A History of Geographical Discoveries in the Sixteenth and Eighteenth Centuries. New York: Octogan Books, 1969; Allen J. Passage Through the Garden: Lewis and Clark and the Image of the American Northwest. Urbana: University of Illinois Press, 1975; Smith B. European Vision and the South Pacific, 1768-1850. New Haven: Yale University Press, 1985 (reprint of 1959 edition); Boorstein D.J. The Discoverers. A History of Man's Search to Know His World and Himself. New York, 1985; Goetzmann W. New Lands, New Men: America and the Second Great Age of Discovery. New York: Viking Penguin Inc., 1986; Carter P. The Road to Botany Bay: An Exploration of Landscape and History. Chicago: University of Chicago Press 1989; Said E.W. Narrative, Geography and Interpretation // New Left Review. 180. March-April 1990. P.81-97; Daniels S. Fields of Vision. Princeton: Princeton University Press, 1993; Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996; Edney M. Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765-1843. Chicago: University of Chicago Press, 1997; Krygier J.B. Maps, the Representational Barrage of 19th Century Expedition Reports, and the Production of Scientific Knowledge // Cartography and GIS. 1997. 24:1. P. 27-50; Text and Territory: Geographical Imagination in the European Middle Ages. Ed. S. Tomasch & S. Gilles. The Middle Ages Series. Philadelphia: U. of Pennsylvania Press, 1998; Morin K.M., Guelke J.K. Strategies of Representation, Relationship and Resistance: British Women Travelers and Mormon Plural Wives, ca. 1870-1890 // Annals of the Association of American Geographers. September 1998. Vol. 88. # 3. P. 437-462; Merrifield A. The Extraordinary Voyages of Ed Soja; Inside the "Trialectics of Spatiality" // Annals of the Association of American Geographers. June 1999. Vol. 89. # 2. P. 345-347; Soja E.W. Keeping Space Open // Annals of the Association of American Geographers. June 1999. Vol. 89. # 2. P. 348-353; Sui D.Z. Visuality, Aurality and Shifting Metaphors of Geographical Thought in the Late Twentieth Century // Annals of the Association of American Geographers. June 2000. Vol. 90. # 2. P. 322-343; Papatheodorou A. Why people travel to different places // Annals of Tourism Research. 2001. Vol. 28. # 1. P. 164-179; Nash D. On Travelers, Ethnographers and Tourists // Annals of Tourism Research.

2001. Vol. 28. # 2. P. 493-496; *Elsrud T.* Risk creation in traveling – Backpacker Adventure Narration // *Annals of Tourism Research*. 2001. Vol. 28. # 3. P. 597-617 и др.

² *Генисаретский О.И.* Процепция и виртуальность в возможных жизненных мирах // *Виртуальные реальности в возможных жизненных мирах*. М.: Институт человека РАН, 1995. С. 63-68; *Нуркова В.В.* “Человек путешествующий”. География и автобиография // *Вестник исторической географии* № 2. Москва—Смоленск: Ойкумена, 2001. С. 65-87; *Keay J.* *Eccentric Travellers*. London: John Murray, 1982; *Glazer E.* *The Self-Reflexive Traveler: Paul Theroux on the Art of Travel and Travel Writing* // *The Centennial Review*. 1989. Vol. 33.

³ См.: *Леву-Строс К.* *Печальные тропики*. М.: Мысль, 1984; *Adams P.G.* *Travellers and Travel Liars, 1600-1800*. Berkeley Univ. Press, 1962; *Finisane R. C.* *Miracles & Pilgrims*. London: Dent, 1977; *Turner V. and Turner E.* *Image and Pilgrimage in Christian Culture*. New York, 1978.

⁴ См.: *Ревакина Н.В., Ромодановская В.А.* Межуниверситетский центр научных исследований путешествий в Италию // *Россия и Италия*. Вып. 4. Встреча культур. М.: Наука, 2000. С. 333-340; *Marshall P.J. and Williams G.* *The Great Map of Mankind: British Perception of the World in the Age of Enlightenment*. London, 1982; *Stafford B.* *Voyage into Substance: Art, Science, Nature, and the Illustrated Travel Account, 1760-1840*. Cambridge: MIT Press, 1984; *Pratt M. L.* *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London: Routledge, 1992; *Buzard J.* *The Beaten Track: European Tourism, Literature, and the Ways to ‘Culture’ 1800-1918*. Oxford: Clarendon Press, 1993; *Stagl A.J.* *A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550-1800*. Chur, 1995; *Medieval Christian Perceptions of Islam: A Book of Essays*. Ed. *J.V. Tolan*. Garland, 1996; *Reciprocal Images. Russian Culture in the Mirror of Travellers’ Accounts* / Ed. by *P.U. Moeller*. Copenhagen, 1997; *Xcp Journal: Cross Cultural Poetics*. 1999. April. *Voyage / Voyaguer / Voyageur*.

⁵ См.: *Бауман З.* От паломника к туристу // *Социологический журнал*. 1995. № 4; *Сандомирская И.И.* Новая жизнь на марше. Сталинский туризм как “практика пути” // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4. С. 163-172; *Белкин М.* Зачем и за чем? Путешественник и турист в исторической перспективе // *Интеллектуальный форум*. 2000. № 1. С. 20-58; *Wallace E.* *The Great Reconnaissance: Soldiers, Artists and Scientists on the Frontier, 1848-1861*. Boston: Little, Brown and Company, 1955; *Massingham H. & P.* *The Englishmen Abroad*. London: Phoenix House, 1962; *Trease R.G.* *The Grand Tour*. London: Heinemann, 1967; *Rowling M.* *Everyday Life of Medieval Traveller*. London: Badsford, 1971; *Clifford J.* *Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge, Mass., 1997; *Bauman Z.* *Postmodernity and Its Discontents*. Cambridge, 1997; *Sandomirskaya I.*

"Proletarian Tourism": Incorporated History and Incorporated Rhetoric / / Soviet Civilization between Past and Present / Ed. by *Mette Bryld and Erik Kulavig*. Odense, 1998. P. 39-52.

⁶ См., например: *Стрелкова Г.В.* Паломничество к святым местам в традиции варкари // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. № 4; *Глушкова И.П.* Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры. М.: Научный мир, 2000; *Morinis E.A.* Pilgrimage in the Hindu Tradition. A Case Study of West Bengal. Delhi, 1984; *Mokashi D.V. Palkhi*. An Indian Pilgrimage. Albany, 1987.

⁷ См.: *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М., 1969; *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былинке // Славянский фольклор. М., 1972; Он же. Статическое и динамическое начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сборник памяти В.Я. Проппа. М., 1975; *Максимов Д.Е.* Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока / / Блоковский сборник № 2. Тарту, 1972; *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Он же. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-408; *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227-285; *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988; *Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы. Ч. I. М.: "Радикс", 1993; *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространств, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994; *Кин Д.* Странники в веках. М.: Издат. фирма "Восточная литература" РАН, 1996; *Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления ("Преступление и наказание") // Из работ московского семиотического круга. М., 1997; *Цивьян Т.В.* О структуре времени и пространства в романе Достоевского "Подросток" // Там же; *Невская Л.Г., Николаева Т.М., Седакова И.А., Цивьян Т.В.* Концепт пути в фольклорной модели мира // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998; *Седакова О.А.* "Странствия владычня" (Из наблюдений над церковнославянским словом) // Слово и культура. Сб. статей памяти Н.И. Толстого. Т. I. М., 1998; *Никитина С.Е.* Сотворение мира и концепт Исхода/похода в культуре молокан-прыгунов // От Бытия к Исходу. М., 1998; *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 163-175, 239-301; *Цивьян Т.В.* Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста. М.: Изд-во "Индрик", 1999; *Штеценко Е.А.* История, написанная в пути (Записки и книги путешественников в американской литературе XVII–XIX вв). М.: ИМЛИ РАН, "Наследие", 1999; *Арутюнова Н.Д.* Путь по дороге и бездорожью //

Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека "Дубна", 1999. С. 3-18; *Розина Р.И.* Движение в физическом и ментальном пространстве // Там же. С. 108-119; *Казакевич О.А.* Путешествие шамана (по материалам шаманских легенд и волшебных сказок северных селькупов) // Там же. С. 254-260; *Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Там же. С. 269-286; *Никитина С.Е.* Роду путешественного (О концепте пути в русских конфессиональных культурах) // Там же. С. 297-304; *Григорьев В.П.* В. Хлебников: *Веха, двигавая и путь* // Там же. С. 413-423; *Зализняк Анна А.* Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол добираться // Логический анализ языка. Языки пространства. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 30-38; *Яковлева Е.С.* Пространство умоизображения и его отражение в русском языке // Там же. С. 268-277; *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Там же. С. 277-289; *Филипенко М.В.* Следы "пути" в высказывании // Там же. С. 308-315; *Казакевич О.А.* Селькупская дорога (Пространственная ориентация в фольклоре северных селькупов) // Там же. С. 322-329; *Никитина С.Е.* Келья в три окошечка (о пространстве в духовном стихе) // Там же. С. 348-357; *Гик А.В.* "Случится все, что предназначено" (путь и судьба в идиостиле М. Кузмина) // Там же. С. 385-391; *Григорьев В.П.* Хлебников: "Настоящий голод пространства" // Там же. С. 400-407; *Михеев М.И.* Деформация пространства в пределах *русской души* (по текстам Андрея Платонова) // Там же. С. 407-420; *Сандомирская И.* Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001 (Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 50). С. 56-59, 93-102; *Adams P. G.* Travel Literature and the Evolution of the Novel. Kentucky: The University Press of Kentucky 1983; *Campbell M.* The Witness and The Other World: Exotic European Travel Writing 1400-1600. Ithaca and London, 1988; *Augustinos O.* French Odysseys: Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore, 1994; *von Martels Z.* Travel Fact & Travel Fiction: Studies in Fiction, Literary Tradition, Scholarly Discovery and Observation in Travel Writing. Leiden, 1994.

⁸ *Завадская Е.В.* "В необузданной жажде пространства" (поэтика странствий в творчестве О.Э. Мандельштама // Вопросы философии. 1991. № 11; *Генисаретский О.И.* Хождение к святыням: философия путешестввенности И.М. Гревса // Упражнения в сути дела. М.: Русский мир, 1993. С. 140-154; *Подорога В.* Точка-в-хаосе. Пауль Клее как тополог // Вопросы искусствознания. 1994. № 4. С. 387-412, особенно 402; Он же. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М.: Ad Marginem, 1995; *Касавин И.Т.* "Человек мигрирующий": онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. №

7; *Ортега-и-Гассет Х.* Камень и небо. М.: Грант, 2000; *Бодрийар Ж.* Америка. СПб.: "Владимир Даль", 2000; *Рыклин М.* Вечная Россия. Две интерпретации на тему маркиза де Кюстина // Авто(био)графия. М.: Логос, 2001. С. 241-260; *Brauwer R.W.* Boundaries and Frontiers in Medieval Muslim Geography // Transactions of the American Philos. Society. 85/6. 1995. P. 1-73; *Vilhjalmsson T.* Time and travel in Old Norse Society // Disputatio. 1997. 2. P. 89-114 и др.

⁹ *Строев А.* "Те, кто поправляет Фортуну". Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998; Он же. Россия глазами французов // Логос. 1999. # 8 (18). С. 8-42; *Howard C.* English Travellers of the Renaissance. London: John Lane, 1914; *Newton A.P.* Travel & Travellers in the Middle Ages. London: Kegan Paul, 1926; *Penrose B.* Travel & Discovery in the Renaissance. Cambridge (MA), 1952; *Casson L.* Travel in the Ancient World. London: Allen & Anwin, 1972; *Hudson K.* Air Travel, a Social History. Somerset: Adams & Dart, 1972; *Beckingham C.F.* Between Islam and Christendom: Travellers, Facts, Legends in the Middle Ages and the Renaissance. London, 1983; *Ohler N.* The Medieval Traveller. Woodbridge, 1989; *Davidson L.K. & Dunn-Wood. M.* Pilgrimage in the Middle Ages: A Research Guide. Garland Medieval Bibliographies, 16. New York-London, 1993; *Brefeld J.* A Guidebook for the Jerusalem Pilgrimage in the Late Middle Ages: A Case for Computer-Aided Criticism. Hilversum, 1994.

¹⁰ См.: *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (46). С. 255-275.

¹¹ См.: *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. М.: Янус-К, 1998.

¹² См.: *Плигузов А.И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль: Археографический Центр, 1993.

¹³ *Мельникова Е.А.* Указ. соч. С. 129.

¹⁴ Там же. С. 12, 14.

¹⁵ Там же. С. 196-197.

¹⁶ См.: *Флоренский П.А.* Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях // Он же. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль: 2000. С. 81-259; Он же. Значение пространственности // Там же. С. 272-274; Он же. Абсолютность пространственности // Там же. С. 274-296; Он же. Обратная перспектива // Он же. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. С. 175-183; Он же. Храмовое действо // Там же. С. 283-307 и др.

¹⁷ См.: *Нанси Ж.-Л.* Coprus. М.: Ad marginem, 1999.

¹⁸ *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997. С. 102-114; Он же. Прологомены к истории понятия времени. Томск: изд-во "Водолей", 1998. С. 234-248; Он же. Искусство и пространство // Он

же. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 312-316; *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: "Ювента", "Наука", 1999. С. 312-384 и др.

¹⁹ См.: *Бурстин Д.* Американцы: Национальный опыт. М.: Изд. группа "Прогресс"—"Литера", 1993; *Петровская Е.В.* Часть света. М.: Ad marginem, 1995; *Миронов Б.Н.* Указ. соч.; *Turner F.J.* The Significance of the Frontier in American History // Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin. 1894. # 41. P. 79—112; Idem. The Frontier in American History. N.Y., 1920; *Webb W.R.* The Great Frontier. Austin: University of Texas Press, 1964; *Taylor G.R.* (ed.). The Turner Thesis: Concerning the Role of the Frontier in American History. N.Y., 1966; *Billington R.A.* The American Frontier // *Bohannon P., and Plogg F.* (eds.)/ Beyond the Frontier. N.Y., 1967. P. 3—24; *Eccles W.J.* The Canadian Frontier. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1969; *Miller, D.H., and Steffen, J.O.* (eds.). The Frontier. Norman: University of Oklahoma Press, 1977 (Vol. 1), 1979 (Vol. 2); *America's Frontier Story. A Documentary History of Westward Expansion.* Huntington, 1980; *Billington R.A.* Westward Expansion. A History of the American Frontier. N.Y., 1982; Idem. *America's Frontier Heritage.* Albuquerque, 1991 и др.

²⁰ См.: *Ямпольский М.Б.* Ad marginem, 2000; Он же. О близком (Очерки немиметического зрения). М.: НЛО, 2001.

²¹ См.: *Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 107-115.

²² См.: *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.

²³ См. в этой связи: *Строев А.* Россия глазами французов // *Логос*. 1999. № 8 (18). С. 19.

²⁴ См.: *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985.

²⁵ *Ямпольский М.Б.* Наблюдатель С. 267.

²⁶ Там же. С. 284.

²⁷ Там же. С. 230.

²⁸ См.: там же. С. 101 (пример Везувия как светового зрелища).

²⁹ Там же. С. 67 (облака в Италии и светофания).

³⁰ Там же. С. 188 (трансцендирование пейзажа и водопад).

³¹ Ср. также: с. 113.

³² Там же. С. 152.

³³ Там же. С. 242.

³⁴ Там же. С. 244 (путешествие по железной дороге).

³⁵ Там же. С. 102.

³⁶ См.: *Маслов В.И.* Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начала XIX вв. // *Историко-литературный сборник, посвященный В.И. Срезневскому*. Л., 1924; *Роботи Т.* Литература "путешествий" // *Русская проза*. Л., 1926; *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.*

“Письма русского путешественника” Карамзина и их место в развитии русской культуры // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525-607; особенно с. 561-563, 573-574 и 577.

³⁷ *Беньямин В.* Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997; также: *Замятин Д.Н.* Феноменология С. 263.

³⁸ См. в этой связи: *Замятин Д.Н.* Империя пространства. Географические образы в романе А. Платонова “Чевенгур”; также: *Замятина Н.Ю.* Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова “Чевенгур” // Полюса и центры роста в региональном развитии. М.: ИГ РАН, 1998. С. 190—194.

³⁹ *Григорьев А.* Письма. М.: Наука, 1999.

⁴⁰ Там же. С. 271.

⁴¹ Там же. С. 263.

⁴² Там же. С. 168.

⁴³ Там же. С. 210.

⁴⁴ Там же. С. 250.

⁴⁵ См.: *Замятин Д.Н.* Стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Вестник исторической географии № 2. Москва—Смоленск: Ойкумена, 2001. С. 4-15; он же. Феноменология С. 264-265, 267-268.

⁴⁶ См. например: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Риме. М.: Издательство Независимая газета, 2001; Он же. Знаменитые русские о Флоренции. М.: Издательство Независимая газета, 2001.

⁴⁷ См.: *Павловская А.В.* Россия и Америка. Проблемы общения культур. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998.

⁴⁸ Там же. С. 118-140.

⁴⁹ См. например: Путевые записки итальянских путешественников XIV века // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва “Наука”, 1982. С. 9-113 (столкновение и взаимодействие образов христианского Запада и исламского Востока в ходе паломничества в Святую Землю).

⁵⁰ Там же. С. 241.

⁵¹ Там же. С. 203-282.

⁵² Там же. С. 251-261.

⁵³ См., например: *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Издат. группа “Прогресс”, 1995. С. 579-597; *Малето Е.И.* Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников XII—XV вв. (по материалам хождений) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Он же. Хождения русских путешественников XII - XV вв. М.: ИРИ РАН, 2000; также: *Мирский Д.С.* История русской литературы. С древнейших времен до 1925 года. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992.

⁵⁴ См.: *Замятин Д.Н.* Империя пространства. Географические образы в романе Андрея Платонова “Чевенгур” // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 82-90.

⁵⁵ См.: *Энгельгардт Б.М.* “Фрегат “Паллада”” // *Гончаров И.А.* Фрегат “Паллада”. Очерки путешествия в двух томах. Л.: Наука, 1986. С. 722, 724, 749-753, 756-757; также: *Орнатская Т.И.* От “Путешествия в Арзрум” к “Фрегату “Палладе”” // Болдинские чтения. Горький, 1981. С. 156-165.

⁵⁶ См. весьма характерные примеры: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954; Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697—1699. М.: Наука, 1992; Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. Выпуск I. М.: Наследие, 2000; также: *Травников С.Н.* Путевые записки петровского времени (Проблемы историзма). М., 1987.

⁵⁷ См.: *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 590-597; *Лурье Я.С.* Русский “чужеземец” в Индии XV века // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, 1986. С. 61-88; *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале “Хождения за три моря” Афанасия Никитина) // Он же. Избр. Труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 381-433, особенно 400-401.

⁵⁸ См.: *Лобикова Н.М.* Пушкин и Восток. М., 1974; *Тартаковская Л.А.* “Путешествие в Арзрум”: художественное исследование Востока // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М.: Наука, 1991. См. также: *Смольников И.Ф.* Путешествие Пушкина в Оренбургский край. М.: Мысль, 1991.

⁵⁹ См.: *Эйдельман Н.Я.* Быть может за хребтом Кавказа: (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М., 1990; *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М.: Издат фирма “Восточная литература” РАН, 2000.

⁶⁰ См., например: *Бестужев Н.А.* Записки о Голландии 1815 г. / Он же. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1983. С. 42-90.

⁶¹ См. также: Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991.

⁶² См.: *Ротчев А.Г.* Воспоминания русского путешественника. М., 1991.

⁶³ См. *Розанов В.В.* Сочинения: Иная земля, иное небо Полное собрание путевых очерков, 1899-1913 гг. / Сост., коммент. и ред. В.Г. Сукача. М.: Танаис, 1994.

⁶⁴ См.: *Ефремов Ф.С.* Девятилетнее странствование [Записки русского “странствователя” по Средней Азии в 70-х гг. 18 в.] / Под ред., с вступ. ст. и прим. Э. Мурзаева. М.: Географгиз, 1952.

⁶⁵ См., например: *Бронгулеев В.* Африканский дневник Н. Гумилева // Наше наследие. 1988. I. С. 79-88; Гумилев Н. Африканская охота // Там же. С. 88-92.

⁶⁶ См.: *Белый А.* Армения: Очерк, письма, воспоминания. Ереван: Наири, 1997; *Мандельштам О.Э.* Путешествие в Армению // *Мандельштам О.Э.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 100-134; также: Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого. Вступит. ст., публ. и коммент. Н.В. Котрелева // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва "Наука", 1988. С. 143-178.

⁶⁷ См.: *Мандельштам О.Э.* <Читая Палласа> // *Мандельштам О.Э.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза. М.: Худож. лит., 1990. С. 354-367.

⁶⁸ См. также: *Григорьев В.П.* Хлебников: "Настоящий голод пространства" // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 400-407.

⁶⁹ См.: *Хомяков А.С.* Англия // Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 167-196.

⁷⁰ См.: *Вайль П., Генис А.* Американа. М.: СП "Слово", 1991; *Вайль П.* Гений места. М.: Изд-во Независимая газета, 1999.

Е.А. Яблоков

ПРОСТРАНСТВО МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Если окинуть мысленным взором весь массив булгаковских произведений и сопоставить создаваемые в них жизненные ситуации, то становится понятно, что писатель постоянно рисует мир в состоянии катастрофы. Конкретные формы катастроф могут быть весьма разными: социальный катаклизм, приводящий к разрушению привычного уклада жизни (роман “Белая гвардия”, пьеса “Бег”); явление демонического существа, потенциально опасного для миропорядка (повесть “Собачье сердце”); мировая война, чуть не уничтожившая всю цивилизацию (пьеса “Адам и Ева”); нашествие невиданных чудовищ, угрожающих людям гибелью (повесть “Роковые яйца”); создание “машины времени”, которое едва не приводит к “смешению” времен (пьесы “Блаженство” и “Иван Васильевич”); необъяснимое вмешательство inferнальных персонажей, воспринимаемое либо как приход Антихриста (повесть “Дьяволиада”), либо как Страшный суд (роман “Мастер и Маргарита”). На уровень вселенской катастрофы зачастую возводятся и “бытовые” события: допустим, пожар дворца (рассказ “Ханский огонь”) или многоквартирного дома (рассказ “№ 13. — Дом Эльпит-Рабкоммуна”) осознан как гибель последнего “оплота Империи”, но вместе с тем — как крушение надежд на благоприятную судьбу “новой”, большевистской России.

При всей “фельетонной” злободневности и точности исторических деталей у Булгакова его художественное мышление “архетипично”: писатель всегда стремится к тому, чтобы в пределах “современной” фабулы актуализировать знаки иных исторических эпох, совместить различные культурные “коды”. Эта “многослойность” сюжета, пародийная “диффузия” нескольких хронотопов в пределах одной сюжетной ситуации представляется одной из важнейших черт булгаковской поэтики. Фабульные события, имеющие вполне “современный” вид, призваны вызвать у читателя ассоциации и с иными историческими эпохами: как правило, это античность времен Римской империи, Киевская Русь, а также европейская история рубежа XVIII—XIX вв.;

в качестве “промежуточных” подтекстов могут выступать события XVI (эпохи Ивана Грозного и Бориса Годунова, царствование Карла IX во Франции) и XVII вв.

Выбор (осознанный или бессознательный) данных исторических периодов в качестве подтекстного “фона” продиктован, судя по всему, желанием писателя подчеркнуть их “типологическое” сходство с российской действительностью начала XX в. Главная общая черта — “апокалиптичность”, ощущение “тектонического” сдвига цивилизации, смена культурной парадигмы: 1) закат античности и начало христианской эры мировой истории; 2) возникновение Русского государства и эсхатологические ожидания в Европе конца первого тысячелетия; 3) эпоха Великой Французской революции и наполеоновских войн; 4) период революций и войн в России. Возникающий здесь образ истории отмечен явной цикличностью: реализуясь “симультанно” в нескольких временных срезах, булгаковская фабула содержит идею бесконечной исторической перспективы, в которой борьба культур и постоянные смены одного культурного “кода” другим выглядят как ситуация универсальная, бесконечно повторяющаяся и, в сущности, самоценная. Что касается “места”, с которого булгаковский читатель призван “наблюдать” за происходящим, то это, так сказать, “высокий” пункт типологического сходства всех исторических циклов (сколько бы их ни было) — как бы некая “изохронная” точка, откуда видно сразу “во все стороны” (сравним хотя бы сцену на Воробьевых горах в финале “Мастера и Маргариты”).

“Катастрофа” — момент всемирно-исторического “скачка”, когда ход времени как бы разрывается и сквозь время “проглядывает” вечность, — является постоянным атрибутом булгаковского художественного мира; однако именно в силу “перманентности” катастрофы этот мир никогда не может погибнуть “окончательно”: на страницах романов, повестей и пьес звучит “пророчество о гибели, которое одновременно и сбылось, и сохранило свою актуальность на будущее — так сказать, конец света, не имеющий конца”¹. Это вполне отчетливо прослеживается, если обратиться к основному “пространственному” образу — образу города.

Как известно, Булгаков писатель по преимуществу “городской”; о деревне, по его собственному признанию, он писать не умел и не мог, в силу нелюбви к ней² (исключение составляют “Записки юного врача” — хотя, конечно, и в рассказах этого цикла отношение к деревне скорее настороженное, нежели любовное). Гибнущий город — почти неизбежная “декорация” булгаковских сюжетов, но показательно, что его гибель всегда заявлена лишь “потенциально”; на деле все ограничивается уничтожением одного или нескольких строений. Так, в “Белой гвардии” Мышлаевский предлагает (и получает отказ) поджечь здание Александровской гимназии; в “Роковых яйцах” сго-

рает здание Зооинститута; в “Мастере и Маргарите” гибнут в огне четыре здания — “Грибоедов”, дом № 302-бис, Торгсин и дом, в подвале которого находится жилище Мастера; кроме того, Маргарита “затопляет” писательский дом (вспомним, кстати, “потоп”, устроенный Шариковым в квартире Преображенского). Гибель дома — столь же устойчивый мотив, как и гибель города: “Дома <...> горят и рушатся в творчестве Булгакова один за другим. <...> Тревожное зарево пожара, как и мирный домашний свет свечи, гипнотически притягивает взгляд Булгакова, служит устойчивым образным знаком его художественной системы”³. Своеобразным вариантом мотива “всеобщего” пожара в пьесе “Адам и Ева” оказывается гибель города (Ленинграда) и как бы всей цивилизации от “солнечного” газа.

Но недаром в произведениях писателя постоянно возникает ситуация “мнимого статус-кво”, когда события в итоге приводятся к первоначальному состоянию и “глобальный” конфликт исчерпывается как бы бесследно. Совсем уж, было, грянувший “конец света” фактически ничего не завершает и парадоксальным образом не приводит ни к каким существенным переменам в жизни: она продолжает идти своим чередом, а страшные испытания забываются, как уходит из памяти страшный сон, — именно так завершаются, например, “Роковые яйца” и “Собачье сердце”, “Белая гвардия” и “Мастер и Маргарита”. Если булгаковские катастрофы и нельзя считать совсем уж “недействительными”, то они все же не вполне действительны: человечество, несмотря на заблуждения, продолжает двигаться своим путем; постоянно “гибнущий” мир все же достаточно стабилен и продолжает вечное движение путем проб и ошибок.

Итак, стремление к созданию циклической модели времени связано у Булгакова с диалектически противоположной тенденцией: показать “круговое” движение в точках разрывов, в моменты кризисов и катастроф. “Кризисное” время — переход от одного цикла к другому, перерыв постепенности, эсхатология, “конец света”. Естественно, что “явления вечности” могут совершиться не в “обычном”, “гомогенном” пространстве, а связаны с особым — “кризисным” локусом: с внешней точки зрения, он представлен как концентрический, замкнутый, изолированный от “большого” мира, но по своим “внутренним”, сущностным свойствам оказывается фактически лишен важнейших “пространственных” признаков — ограниченности, протяженности и т. п.: ограниченность “размыкается” в бесконечность, расстояния становятся несущественны, а “географическая” привязка оказывается, скорее, формальностью.

“Концентрическая” структура пространства явно присутствует в романе “Белая гвардия”. Собственно, уже тот факт, что основной локус именуется “Городом”, вводит ассоциации с античным Римом и

актуализирует оппозицию “центр” vs “периферия” (“Город” vs “мир”): “Петлюровщина не что иное, как бунт давно покоренного варварского племени, нашествие варваров на Рим, война мировой деревни против мирового Города”⁴. Однако “римскими” аналогиями дело не ограничивается; романнный образ Города парадоксален в своей “изотопичности”, построен с помощью синтеза нескольких “городских мифов”. Например, актуализация “наполеоновского мифа” в “Белой гвардии” ведет к тому, что Город, находящийся в политической оппозиции к большевистской Москве, в то же время начинает и сам ассоциироваться с Москвой, поскольку осажден и взят “Наполеоном”-Петлюрой. Рисуя картину массового бегства в Город “с севера”, автор “Белой гвардии” привлекает еще один миф: собравший “цвет” обеих столиц и принявший на себя идеологическую функцию “анти-Москвы”, Город в этом качестве ассоциируется с Петербургом, словно становясь оплотом монархии в нем как бы совершается “встреча” Петровской империи с Древней Русью: эпохальный исторический процесс обращается вспять, и “новая столица” (вспоминая пушкинского “Медного всадника”) теперь прибегает (в буквальном смысле) к “матери городов русских”, будто ища защиты.

“Сакральность” образа Города в “Белой гвардии” усиливается и за счет ассоциаций с Иерусалимом прежде всего вследствие функциональной общности Киева и Иерусалима как центров христианства; не случайно, например, в сцене молитвы Елены в пространство ее спальни “встраивается” локус древнего Иерусалима (точно так же в последнем булгаковском романе в образе Москвы / Ершалаима явственна “римская” составляющая). И еще один город “просвечивает” в “Белой гвардии”: Вавилон евангельский символ гибнущей греховной цивилизации. “Вавилонские” ассоциации вызывает вполне идиллический, на первый взгляд, образ “города-сада”: “Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестрея миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, царствовал вечный Царский сад”. Аналогия с “висячими садами” Семирамиды намечена и в образе “сказочного многоярусного сада”, в котором находятся квартира Юлии и жилище родственников Най-Турса: “Оригинальный сад, <...> все ярусы, ярусы, флигеля...”. Сходство с одним из “чудес света” здесь не так безобидно: мифологема “Вавилона” усиливает обертон “греховности”, неотъемлемо присутствующий в образе булгаковского Города (сравним затем мотив “вавилонского столпотворения” и “смешения языков” в пьесе “Бег”). Мотив “города-сада”, амбивалентно сочетающего “божеское” и “дьявольское” начала, будет продолжен в “Мастере и Маргарите”: “Над черной бездной <...> загорелся необъятный город с царствующими над ним сверкающими идолами поверх пышно разрос-

шегося за много тысяч этих лун садом. Прямо к этому саду протянулась долгожданная прокуратором лунная дорога”. С мотивом сада связаны и московские эпизоды “Мастера и Маргариты”: как “резиденция” Воланда (квартира № 50), так и его “рабочее место” (Варьете) расположены на Садовой улице; да и появляется этот персонаж впервые в “саду” в сквере на Патриарших прудах.

Образу вечного / не вечного города соответствует коллизия вечного / не вечного дома. Так, в “Белой гвардии” центром городского — и, в общем мирового — пространства предстает дом № 13 на Алексеевском спуске — дом Турбиных. Образ дома, обжитого помещения, интерьера в булгаковских произведениях нередко обретает черты “ковчега”, спасительного корабля в бурном “житейском море”. Так, герой-рассказчик “Записок покойника”, вспоминая о зарождении замысла романа “Черный снег” (проброобразом которого стала “Белая гвардия”), отметит образ “дома-корабля” как один из ключевых: “Дом спал. Я глянул в окно. Ни одно в пяти этажах не светилося, я понял, что это не дом, а многоярусный корабль, который летит под неподвижным черным небом. Меня развеселила мысль о движении. Я успокоился <...> Так я начал писать роман”. Булгаков неоднократно воплощает образ “дома-корабля”, “дома-ковчега” но, как правило, не очень-то надежного. Наряду с домом Турбиных, в “Белой гвардии” явно актуализируется образ Александровской гимназии: “Странно, в центре города, среди развала, кипения и суеты, остался мертвый четырехъярусный корабль”. Полковник Малышев и иже с ним пытаются “оживить” его, воскресить в его недрах миф о бородинской славе русского оружия, но безуспешно: подобно “крысе”-Тальбергу, покинувшему турбинский “ковчег”, разбегаются крысы (уже не метафорические, а реальные) и из Александровской гимназии, предчувствуя военную угрозу.

Крысы обитают внизу, в “трюме”; силовые линии, связывающие “низ” и “верх”, пронизывают всю толщу романного мира. Поэтому немаловажно то обстоятельство, что Турбины — не единственные обитатели дома № 13: “Двухэтажность романного Дома Булгаков последовательно осмысляет и изображает как два этажа вертепа — украинского кукольного театра, народного мистериально-сатирического действия”⁵. Одно из значений слова “вертеп” — пещера; “прохладная и сырая квартира” Василисы, в которую со двора ведет “мрачное подземелье”, явно соотносится с образом подвала, “подполья”: “Василиса спал рядом с женой в сырой спальне. Пахло мышами, плесенью, ворчливой сонной скукой”. Двухуровневая пространственная структура отличает не только дом № 13, но и Александровскую гимназию: у обоих “кораблей” есть “трюмы”, таящие нечто такое, что способно подорвать идею спасения, ради которой действуют те, кто

“плывет” на “верхних палубах”. Оба “ковчега”, воплощавшие для героев уютный “детский” миф, неминуемо теряют свою спасительную силу; образ “вечного дома” разрушается, а герои, искавшие покоя и уюта, обречены на бесприютность. Придавая большое значение вертикальной координате пространства, автор “Белой гвардии” соотносит с ней местоположение практически всех жилищ персонажей: ср. подвальную комнатку Максима, квартиру Лисовичей в нижнем этаже, квартиру Русакова на Подоле (то есть буквально “внизу”). Амбивалентность верха и низа воплощена, например, в названии винного подвального: “Погреб — замок Тамары”.

В последнем булгаковском романе образ дома—“приюта” пародировается, вытесняется в “подземелье” (подвал Мастера), а затем — во вневременную реальность, то есть на “абсолютную” периферию бытия. Впрочем, “воспоминание” о доме Турбиных все же сохраняется: рисуя “вечный приют” Мастера и Маргариты, “Булгаков переводит немецкий рай в соприродные себе малороссийско-гоголевские широты <...> Герои скачут вперед, но автор стремится назад, в прошлое, которому нет конца. Архаичный стиль — воплощение архаичной мечты: родительский дом и книги, любимые в детстве. <...> Бессмертие — это романтический пласт европейской культуры, <...> отложившийся в интерьер дома Турбиных”⁶.

Модель ограниченного “спасительного” локуса будет реализована во многих булгаковских произведениях. Так, для героя цикла “Записки юного врача” явно свойственна “островная” психология — свои отношения с непонятной ему крестьянской средой он мыслит в категориях “светлой” ойкумены (больницы) и противостоящего ей “темного” пространства полей: поэтому вполне закономерно самоотождествление Юного Врача с Робинзоном Крузо (например, в рассказе “Пропавший глаз”). Еще отчетливее мотив “робинзонады” и образ “необитаемого острова” проявятся в пьесе “Адам и Ева”, где оставшиеся в живых единственные (как они полагают) несколько человек на земле должны стать основой для новой цивилизации.

Тенденция к “мифологизации” городского пространства соотносится у Булгакова с таким важным качеством изображаемой реальности, как ее “сценографичность”: пейзаж обретает черты “интерьера”, декорации. Например, в “Белой гвардии” наивысшей (буквально) точкой пространства Города, с которой связано основное действие, и своеобразным источником повсеместно распространяющейся “героически-опереточной” атмосферы оказывается “магазин “Парижский шик” Маддам Анжу” — расположенный, что характерно, на Театральной улице. В пространстве романа “Мастер и Маргарита” подобная функция будет связана с Триумфальной площадью: “От Варьете, как от центральной точки, все это смысловое поле театральности (балагана) и

одновременно бесовского шабаша <...> и казни-искупления как бы растекается, заполняя собой все пространство романа. <...> Тем самым вся Москва предстает в виде некоей расширившейся сцены театра Варьете, а все совершающееся получает оттенок балаганного представления⁷. Воланд выступает “сверхзрителем”, “суперзрителем” событий романа и одновременно его действующим лицом⁸ подобно тому, как в “Белой гвардии” катастрофа Города в значительной мере обусловлена игрой, которая “от скуки” затеяна Шполянским.

Одним из проявлений “театрализации” романного пространства оказывается ситуация “диффузии” хронотопов, когда в пределах одного пространственно-временного “континуума” возникает другой; можно видеть в этом аналог драматургического приема “театр в театре”. Надо заметить, что контаминация нескольких хронотопов в пределах одной художественной реальности, тяготение к фабульно-композиционному принципу “анфилады”, “матрешки” — излюбленный прием писателя, который постоянно использовал структуры, организованные как “текст в тексте”, “театр в театре”: таковы рассказ “Морфий”, повесть “Собачье сердце”, романы “Записки покойника” и “Мастер и Маргарита”, комедия “Багровый остров”, драма “Кабала святош”, “мольериана” “Полоумный Журден”.

В романе “Белая гвардия” “диффузия” хронотопов обнаруживается, например, в сцене, когда парадный зал Александровской гимназии с портретом “Александра Благословенного” предстает травестированным Бородинским полем (впрочем, лозунг “нового Бородина” оказывается несостоятельным). Сходная ситуация, когда Елена Турбина во время молитвы видит древний Иерусалим: “Совершенная тишина молчала за дверями и за окнами, день темнел страшно быстро, и еще раз возникло видение стеклянный свет небесного купола, какие-то невиданные, красно-желтые песчаные глыбы, маслячные деревья, черной вековой тишью и холодом повеял в сердце собор”; “День исчез <...>, и совершенно неслышным пришел тот, к кому через заступничество смуглой девы взывала Елена. Он появился рядом из развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благодный, и босой”.

Подобное явление наблюдаем в романе “Записки покойника”. История “коробочки” Максудова, с помощью которой он, создавая пьесу, буквально “воскрешает” ушедшую жизнь и умерших людей, начинается с того, что сны героя фактически “встраиваются” в реальность, переструктурируя окружающий Максудова мир: “Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье. <...> Тут мне стало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, шурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, а в ней сквозь строчки

видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе”. С этого, между прочим, и начинается “крестный путь” Максудова, приведший его к самоубийству. “Зародыш” данной сюжетной схемы содержится уже в рассказе “Морфий”, где Поляков в самом начале своей болезни (опять-таки завершившейся самоубийством) видит “двойные сны” с “театральным” сюжетом: “Основной из них, я бы сказал, стеклянный. Он прозрачен. <...> Я вижу жутко освещенную рампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнерис, колыша зеленым пером, поет. <...> Сквозь переливающиеся краски “Аиды” выступает совершенно реально край моего письменного стола, видный из двери кабинета, лампа, лоснящийся пол, и слышны, прорываясь сквозь волну оркестра Большого театра, ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты.

Значит, восемь часов — это Анна К. Идет ко мне будить меня и сообщить, что делается в приемной”. Разумеется, в пьесах Булгакова “взаимопроникновение” хронотопов проявляется еще эффективнее, становясь композиционно-сюжетной основой “Багрового острова”, “Блаженства” и “Ивана Васильевича”. Что же касается эпических произведений, то самоочевидно, что взаимодействие двух хронотопов (“московской” и “ершалаимской” фабул) составляет основу структуры художественного времени-пространства в романе “Мастер и Маргарита”.

Прослеживая основные типы булгаковских “интерьеров”, можно заметить явную противопоставленность таких локусов, как частная многокомнатная квартира — и квартира коммунальная. В ряде случаев (например, в комедии “Зойкина квартира”, повести “Собачье сердце”) именно угроза “уплотнения” — превращения частной квартиры в коммунальную — является важной мотивировкой фабулы. Но наиболее важным представляется тип локуса, который, пользуясь определением из “закатного” романа Булгакова, можно охарактеризовать как “нехорошая квартира”. Именно в таком локусе “квартиры-мира” наиболее отчетливо выявляются отмечавшиеся выше свойства “кризисного” пространства: “выключенность” из актуального времени и возможность свободного контакта с иными хронотопами.

В романе “Белая гвардия” к такому типу локусов принадлежит квартира таинственной Юлии Рейсс. Если дом главного героя — дом № 13 — стоит “на спуске”, то при описании жилища Юлии подчеркивается его пространственная “вознесенность”: Алексей, успев заметить справа “многоярусный сад”, затем взбегает вслед за спасительницей “по кирпичной лесенке” и в итоге оказывается в “белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной”. То обстоятельство, что на реальной Мало-Подвальной улице в Киеве не могли бы разместиться такие большие сады, как те, что помещены Булгаковым на его Мало-Провальной⁹, служит дополнительным аргументом

за то, что писателю важно было не сохранить внешнее правдоподобие, а создать образ странного “земного рая”, где, как и в раю небесном, “чистые” и “нечистые” обитают рядом: показательно, что неподалеку от Юлии, любовницы “рокового” Шполянского, живут “в нижнем ярусе таинственного сада” родственники “светлого рыцаря” Най-Турса. “Многоярусный сад” на Мало-Провальной предстает моделью всего “Города-сада”, раскинувшегося на днепровских холмах, “как многоярусные соты”; запутанные отношения между “темными” и “светлыми” силами в “Мало-Провальном” саду, многократно усиливаясь, находят соответствие в той трагической буффонаде, которая царит в саду “общегородском”.

Если образ дома № 13 в “Белой гвардии”, так сказать, “центро-стремителен”, ибо символизирует стремление к “вневременному” существованию и изоляции от мира, то скрытая “инфернальная” сущность Юлии обуславливает для ее жилища действие законов “пятого измерения”; здесь предполагаются связи как с далеким прошлым (“портреты 40-х годов” на стенах), так и с будущим: через Шполянского “контакты” этой квартиры простираются до самой “таинственной Москвы” — т. е. через данный локус осуществляются контакты с в “иными” мирами. Однако дом Турбиных обнаруживает известное сходство с квартирой Юлии по признаку архаичности, “внеисторичности” (по крайней мере, мнимой). В последнем булгаковском романе черты обоих этих жилищ совместятся в облике дома Маргариты: “двухэтажный дом <...> постройки изумительной” и “стеклянный фонарь (т. е. эркер. — Е. Я.) старинных сеней” из “Белой гвардии” претворятся в двухэтажный “окрашенный луною с того боку, где выступает фонарь с трехстворчатым окном, <...> готический особняк”; однако это жилье в “Мастере и Маргарите” имеет уже полностью “отчужденный” характер: в нем нет места главным героям.

Тип “квартиры-мира” из романа “Белая гвардия” перейдет, во-первых, в комедию “Зойкина квартира”, а в “Мастере и Маргарите” трансформируется в образ “нехорошей квартиры”. Показательно, что, как и квартира Зои Пельц, квартира № 50 занимает “вознесенное” положение — находится на пятом этаже дома на Садовой (кстати, дом имеет номер 302-бис, и, разумеется, последнее словечко — не только латинское, но и украинское). Как и в жилище Юлии, хронотоп “Зойкиной квартиры” и “нехорошей квартиры” подчиняются неким особым законам.

Одно из проявлений коллизии времени и вечности в произведениях Булгакова — явный интерес писателя к проблеме относительности времени. Характерно, что на вопрос Маргариты, удивляющейся, что полночь длится слишком долго, Воланд отвечает: “Праздничную ночь приятно немного и задержать”. А в ранней редакции романа Коро-

вьев, в связи с вопросом героини “Который час?”, высказывается еще определеннее:

— Полночь, пять минут первого, — ответил Коровьев.

— Как? — вскричала Маргарита, — но ведь бал шел три часа...

— Ничего не известно, Маргарита Николаевна!.. Кто, чего, сколько шел! Ах, до чего все это условно, ах, как условно!”. Когда Маргарита говорит: “Более всего меня поражает, где все это помещается. — Она повела рукой, подчеркивая этим необъятность зала”, — Коровьев заявляет: “Самое несложное из всего! <> Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до черт знает каких пределов!”

С этими “эйнштейновскими” рассуждениями перекликается довольно активный в произведениях Булгакова мотив “машины времени”. Рейн в пьесе “Блаженство” (соответственно, Тимофеев в “Иване Васильевиче”) конструирует такой аппарат, и его квартира оказывается “окном” в иной пространственно-временной континуум. Не случайно Радаманов говорит о гостях из XX века: “Трое свалились к нам из четвертого измерения”. Ср. и слова Рейна: “как я вам объясню, что время есть фикция, что не существует прошедшего и будущего... Как я вам объясню идею о пространстве, которое, например, может иметь пять измерений?..” Показательно, что хотя герои пьесы проводят в будущем около двух недель, однако в “свое” настоящее они возвращаются “в тот же день и час, когда <...> вылетели в Блаженство”. Столь же “таинственной” и “безграничной”, если вдуматься, предстает квартира Пушкина в пьесе “Последние дни” — именно в силу того, что главный герой не присутствует на сцене “физически” и, таким образом, его сущность остается неясной до самого конца: квартира Пушкина — это хронотоп, где обитает таинственный “Некто”, который, как можно судить, не принадлежит не только настоящему времени, но и времени вообще.

В булгаковском художественном мире исключительно важны онирические мотивы, и “диффузия” хронотопов нередко мотивируется ситуацией сна или измененного сознания (бред, психическое заболевание, опьянение и т. п.). Показательно, например, замечание из письма Булгакова по поводу постановки “Зойкиной квартиры”: “У зрителя должно остаться впечатление, что он видел сон в квартире Зойки, в котором промелькнули странные люди, произошли соблазнительные и кровавые происшествия, и все это исчезло”. Позже, в романе “Записки покойника”, сочинение второй пьесы Максудова (прообразом которой явилась как раз “Зойкина квартира”) представлено как воплощение неких болезненных видений: “Из-под полу по вечерам доносился вальс, один и тот же (кто-то разучивал его), и вальс этот порождал картинки в коробочке,

довольно странные и редкие. Так, например, мне казалось, что внизу притон курильщиков опиума, и даже складывалось нечто, что я развязно мысленно называл — “третьим действием”. Именно сизый дым, женщина с асимметричным лицом, какой-то фрачник, отравленный дымом, и подкрадывающийся к нему с финским отточенным ножом человек с лимонным лицом и раскосыми глазами. Удар ножом, поток крови. Бред, как видите!”

Ониричность как важнейшая черта “исторической” реальности в художественном мире Булгакова усиливает впечатление “кризисности” времени-пространства: хронотоп кажется “обратимым” по всем направлениям, причинно-следственные связи в нем выглядят не столь строгими. Ситуация “всеобщего сна” означает выход из времени и подключение к “высшей” реальности; поэтому она в известном смысле достовернее яви и не усугубляет неопределенность “зыбкого времени”, а, напротив, снимает ее, становясь знаком приобщения к вечности. Не случайно столь важны в булгаковских романах эпизоды “искупительных” снов, в которых явлены мотив перерождения / раскаяния и прорыва к Истине. В “Белой гвардии” обращают на себя внимание два финальных эпизода, в одном из которых видим Ивана Русакова строго говоря, не спящего, но как бы грезящего, выключенного из “временной” реальности: “По мере того, как он читал потрясающую книгу, ум его становится как сверкающий меч, углубляющийся в тьму. <...> Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий. И страха не испытывал, а мудрую покорность и благоговение”. Намеченный здесь мотив “вечной дороги” предвосхищает сны Пилата и Ивана Бездомного / Понырева в последнем булгаковском романе. Однако им “предшествует” и другой эпизод “Белой гвардии” финальный сон Петьки Щеглова, который предстает “идеальным двойником” главного героя. Если Алексей в своем сне не может обрести желанной свободы: “Беззвучно стреляли, и пытался бежать от них Турбин, но ноги прилипали к тротуару на Мало-Провальной, и погибал во сне Турбин”, — то в сне Петьки мотив получает “катартическое” развитие: “Петька был маленький <...> И сон привиделся ему простой и радостный <...> Будто бы шел Петька по зеленому большому лугу, а на этом лугу лежал сверкающий алмазный шар, больше Петьки. Во сне взрослые, когда им нужно бежать, прилипают к земле, стонут и мечутся, пытаясь оторвать ноги от трясины. Детские же ноги легки и свободны”. “Обременяющий” сон перетекает в “освобождающий”, дающий радость безгрешного ребенка. Здесь, как впоследствии и в “Мастере и Маргарите”, желанным состоянием, обретаемым во снах, оказывается движение в вечности — сравним единый образ “светящейся голубой дороги” и бело-голубого света, затопляющего все пространство, подобно воде.

Мотив дороги как символ “сверхпространства” — топоса, наиболее адекватного вечности — появляется уже в “Белой гвардии”: Най-Турс и Николка напоминают рыцаря и оруженосца. В последнем же романе образ “лунной дороги” станет важнейшим и тоже будет связан с “идеальным” героем: дом “не нужен Иешуа, земная жизнь которого — вечная дорога”¹⁰; в странствии его вечно сопровождает прощенный Пилат, а единожды в году им сопутствует — пусть лишь в качестве “зрителя” — Иван Николаевич Понырев, возвращающийся (хотя бы на одну ночь) к прежнему “бездомному” состоянию.

Литература

- 1 *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994. С. 49, 56.
- 2 См.: *Булгаков М.* Дневник. Письма: 1914—1940. М., 1997. С. 153.
- 3 *Лакшин В. Я.* Берега культуры. М., 1994. С. 260.
- 4 *Каганская М.* Белое и красное // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 95.
- 5 *Петровский М.* Мастер и город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001. С. 141.
- 6 *Каганская М. и Бар-Селла З.* Мастер Гамбсь и Маргарита. Тель-Авив, 1984. С. 144.
- 7 *Гаспаров Б. М.* Указ. соч. С. 46—47.
- 8 *Нинов А.* О драматургии и театре Михаила Булгакова: Итоги и перспективы изучения // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 36.
- 9 *Петровский М.* Указ. соч. С. 260.
- 10 *Лотман Ю. М.* Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 461.

Н.Ю. Замятина

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ: АМЕРИКАНСКИЙ ФРОНТИР И ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА “ЧЕВЕНГУР”¹

“Для религиозного человека пространство неоднородно... Когда священное проявляется в какой-либо иерофании, возникает не только разрыв однородности пространства, но обнаруживается некая абсолютная реальность, которая противопоставляется нереальности, всей огромной протяженности окружающего мира”, — пишет классик религиоведения и теории мифов М. Элиаде [8, с. 22]. Однако структурированное, сориентированное пространство — не исключительная прерогатива религиозного сознания. Однородность пространства нарушается и, например, светскими идеологическими системами [11] и даже на бытовом уровне — как атавизм, или “пережиток”, прошлого мифологического опыта человечества [8].

Не исключено, что многие самые современные и модные понятия могут быть подсознательно сориентированы и локализованы самым причудливым образом. Механизм такой подсознательной локализации отлично прослеживается, например, по роману А. Платонова “Чевенгур” — по общему признанию критиков, почти уникального литературного образца мифологического мировидения.

В первую очередь, в “Чевенгуре” обращает на себя внимание сосуществование как бы двух территориально разведенных *параллельных миров*, или *разных реальностей*. Герои периодически как бы попадают то в одну, то в другую реальность, каждая из которых оказывает специфическое влияние на их судьбу. Жизнь в каждом из этих миров, или реальностей, протекает словно бы по разным законам, и даже пространство и время в этих мирах различны.

Первый мир — степь. Образ степи в “Чевенгуре” несет важную содержательную нагрузку. Степь, через которую *постоянно движутся* герои романа, безлюдная, безжизненная, полная праха умер-

¹ Впервые напечатано в книге: Полюса и центры роста в региональном развитии / Отв. ред. Ю.Г. Липец. М.: ИГ РАН, 1998. С. 190—194.

ших растений, — это бесконечность, пустота, бесконечное пустое пространство (эти слова в тексте “Чевенгура” используются как синонимы). “Степь нигде не прекращалась, только к опущенному небу шел плавный затажной скат, которого еще ни один конь не превозмог до конца”².

Пустота степи оказывается в романе вместилищем жизни и смерти. Жизнь и смерть то и дело *соединяются в пустоте пространства* (особенно показателен фрагмент, когда в степи происходит столкновение поездов и умирает красноармеец, и тут же, “в безлюдье”, рождает мальчика жена путевого сторожа). Пространство в романе тесно: “Вдалеке неустанно гудел какой-то срочный поезд — его стискивали тяжелые пространства, и он, вопя, бежал по глухой щели выемки”³. Образ тесноты пространства повторяется в описании могил — Розы, отца Саши — тем самым, образ пространства оказывается тождественным образу могилы (для людей и для паровозов). Та же теснота — “ровный, покаты́й против неба живот земли, вдыхающий в себя ветер и жмущийся под тяжестью пешехода”⁴.

Пространство — степь как область безжизненного фактически противостоит *местам*, где есть жизнь, — городу, деревням: “... цели должны быть среди дворов и людей, потому что дальше ничего нет, кроме травы, поникшей в безлюдном пространстве”. Но, словно по воле судьбы, все события, судьбоносные встречи в романе происходят в степи. Жизнь *в месте*, напротив, циклична и бессобытийна, как механический ход часов в покинутой деревне, как механический круговорот самой природы.

Многие герои романа — как бы медиаторы между жизнью и смертью, то есть между местом и пространством. Их удел — как бы балансирование (до поры) на границе между жизнью и смертью. Уходит посмотреть *тот мир* отец Саши Дванова, сам Саша почти оказывается *там* — то в бреду болезни, то раненый, то встречаясь во сне с мертвым отцом. *На могилу* — на могилу Розы — погоняет своего коня Копенкин. *Любое движение* для Копенкина — *движение на могилу* Розы. Собственно механическое перемещение становится аналогом такого же удаления от жизни — и приближения к пространству, вживания в пространство: движение облегает страдания жизни, в движении, или скитании существуют прочие — почти не живущие.

Смерть и рождение, постоянное движение — смысловое наполнение платоновского пространства.

² С. 171. Здесь и далее ссылки приводятся по изданию: Платонов А.П. Чевенгур: Роман и повести. М.: Советский писатель, 1989.

³ С. 93.

⁴ С. 166.

Подобная картина мира (противопоставление места жительства пугающе-враждебному окружающему пространству) — классическая картина мира в мифологическом и религиозном сознании; она была характерна и для бытового сознания средневекового европейца⁵: “Локальный микрокосм окружен “внесоциальной” природой, рассматриваемой как чуждый и враждебный, неконтролируемый мир, противостоящий “социализированному” пространству. В эпосе он населен чудовищами, совершающими набеги на “героический мир”, угрожающими благополучию “героического общества” [3, с. 14].

Свой мир в мифологии — сакрализованное место, а дикое, несакрализованное окружение — несакрализованное пространство, а потому — хаос, мрак, состояние до творения, до рождения. Образ пространства вне места тем самым оказывается равным бытию вне жизни (после смерти, до рождения): “Неизвестное пространство, простирающееся за пределами “его мира”, не космизовано, потому что не освящено. Оно есть лишь некая аморфная протяженность, на которую не спроецирован пока еще ни один ориентир, которая не обладает структурой. Это ... пространство представляет для религиозного человека абсолютное небытие. Если, к несчастью, ему выпадает заблудиться там, он ... ощущает себя как бы растворенным в хаосе; и он заканчивает тем, что погибает” [8, с. 47].

“Бытие в пространстве представляется как постоянное неуспокоенное движение. Для овладения пространством нужно перемещение, *моторное освоение*. Движение — неперемное условие такого овладения” [6, с. 133]. В древнем сознании движение почти равносильно хаосу: “С точки зрения просвещенного историка-византийца... всякий “варварский” народ⁶, ведущий иной тип хозяйствования по сравнению с интенсивным греко-римским, зачисляется в разряд племен, ведущих недостаточно оседлый образ жизни” [там же].

Тем самым, степь у А. Платонова оказывается практически тождественной традиционному мифологическому понятию пространства как обозначения некоего *мира вне жизни, или потустороннего мира*: мира после смерти и до рождения. Тот мир открывается человеку в движении: в самом процессе рождения или умирания, и в механическом перемещении.

Пустое и побуждающее к подвижности пространство оказывается в “Чевенгуре” средой существования коммунистической идеи. Дванову социализм видится как мелиорация безжизненных степных водоразделов; для Копенкина он связан с образом лежащей в могиле (читай: в пространстве) Розы Люксембург. Собственно, в пространстве живут

⁵ Впрочем, крестьянское сознание, вообще во многом мифологично [7, с. 103].

⁶ Иные народы, как правило, воспринимались в древнем мире как часть Хаоса [4, 6 и др.].

(живут-странствуют!) все герои — носители идеи коммунизма. Яркий пример — Копенкин (“командир полевых большевиков”). Житель пространства — и сам создатель коммунистического Чевенгура: “За городом Чепурный почувствовал себя свободней и умней. Снова перед ним открылось успокоительное пространство. Лесов, бугров и зданий чевенгурец не любил...”⁷

Коммунистический Чевенгур — по сути, попытка жить в пространстве (что, учитывая безжизненную сущность платоновского пространства, невозможно). История Чевенгура — история последовательного слияния с окружающей степью. Городская жизнь (вместе с жителями) устранена из него, и степной бурьян овладевает его улицами. Чевенгурцы почти не заходят в дома (как бы живут в пространстве Чевенгура). Как истинный “житель” пространства не-город Чевенгур живет в движении: движутся его дома, населением становятся бродяги-прочие. Наконец, едва зажив (прочие получают жен, уходят с улиц в дома), Чевенгур гибнет — и гибнет в степи, куда зачем-то вышли при виде врага чевенгурцы.

По Платонову, коммунизм можно было бы назвать идеологией пространства. Любопытно, что “локализация” этой идеологии — в пространстве — почти не имеет аналогов.

Любую идеологию (как религиозную, так и светскую) можно считать системой ориентации в окружающем мире. При этом большинство идеологических систем ориентации сходны: светская идеология структурирует мир подобно описанным ранее религиозной и мифологической. Как сказано выше, религиозное сознание делит мир на две части: реальное (жизнь) и нереальное (внешнее, находящееся вне жизни). В территориальном отношении эта картина мира выглядит концентрической, причем в центре жизни — самое священное место — центр мира. Центр мира выступает как место сообщения *этого* мира, или жизни, с миром потусторонним [7]. Идеология, как объясняющая устройство этого мира, берет на себя и функции сообщения между мирами, размещая свои проявления на земле в центре мира. Центром мира становятся храмы, алтари. Аналогично имеет свои центральные места, места своего наивысшего проявления и светская идеология [11].

С точки зрения соотношения места и пространства место как бы *раскрывает то, что скрыто в таинственном бесконечном пространстве*: “Места существуют везде и всюду в мире (разумеется, божественном) и поэтому открыты, тогда как пространство — потаенно, скрыто, неочевидно. Если пространство скрыто и невидимо, то как мы это потаенное можем видеть? Ответ: только через место... Все, что метит взор вокруг, — есть место, рождающееся из пространства, пространство же показывает себя ... через место” [2, с. 23].

⁷ С. 166.

По-видимому, идеология как бы нуждается в месте как медиаторе между различными уровнями представлений, как некоем связующем звене, организующем представления об окружающем мире.

Любопытно, что по предложению Прошки Ревком Чевенгура был первоначально размещен в сакральном месте городка — в церкви. Так и следовало по традиции размещать важнейшие идеологические атрибуты: “свято место пусто не бывает”. При смене религий новые алтари, как правило, закладывались на месте старых. Однако чевенгурский коммунизм не ужился в бывшей церкви. Чевенгур стал примером принципиально иного способа сношения пространства и жизни: не *пространство вошло в жизнь* в сакральном месте, а *жизнь вышла в пространство* путем перемещения — а в конечном счете и растворилась в нем.

Столь необычная, анти-местная локализация платоновского социализма вполне объяснима. За пределами сакрализованного места не только хаос, но и *иное время*. “... “окружающий нас мир”, в котором ощущается присутствие человека, ... имеет внеземные архетипы, понимаемые либо как план, как форма, либо как обыкновенный “двойник”, но существующий на более высоком, космическом уровне. Не все в “окружающем мире” обладает такого рода прототипами. Например, пустынные области, населенные чудовищами, невозделанные земли, неведомые моря, куда не осмеливается заплывать ни один мореплаватель, и т.д. не имеют своего собственного прототипа, как имеют его город Вавилон или египетские *номы*. Они соответствуют мифической модели, но уже другого типа: все эти дикие, невозделанные области уподобляются хаосу, они относятся к еще не дифференцированному, бесформенному бытию, *предшествующему сотворению* (выделено мной. — Н. З.)” [7, с. 36]. “Младенческая игра времени и пространства на заре новой европейской истории оставляла Колумбу (1492 г.) право верить в то, что он отбывает в прошлое, в ветхозаветные страны, и за океаном его ждут времена библейских праотцов. Толмачом экспедиции в “Индию” был нанят обращенный иудей Луис де Торрес, владевший греческим, арабским и ивритом” [5, с. 15].

Пространство Чевенгура тоже как бы живет иным временем (в нем, например, виртуально существуют умершая Роза Люксембург и отец Саши Дванова). Символичны в этой связи и древние латы “заповедного коммуниста” Пашинцева. Но пространство — не только прошлое. Прошлое в пространстве соединено с будущим, и социализм (коммунизм) поселяется в пространстве по праву идеи будущего, идеи жизни после смерти, после конца света. “... Чепурный не вытерпел тайны времени и прекратил долготу истории срочным устройством коммунизма в Чевенгуре — так же, как рыбак Дванов не вытерпел своей жизни и превратил ее в смерть, чтобы заранее испытать красоту того света”⁸.

⁸ С. 285.

Если к Чевенгуру как идеологии пространства (в платоновском понимании) и можно подобрать аналоги, то, пожалуй, лучшим аналогом будет идеология американского фронта. Отметим очевидные, на наш взгляд, точки соприкосновения картин мира в “Чевенгуре” и “фронтирной”.

Фронт — образ из американской истории, тесно связанный с формированием комплекса американской национальной мифологии. Прямое значение термина “фронт” (от английского *frontier* — “граница”) — граница между освоенной и неосвоенной территориями — естественно, перемещающаяся с продвижением освоения. С распространением в конце XIX в. так называемой “фронтирной гипотезы” Ф. Дж. Тернера с ним принято связывать формирование самостоятельной американской нации, наделенной такими чертами, как энергичность, предприимчивость, свободолюбие, индивидуализм, оптимизм в преодолении трудностей и др. Это общепринятое описание фронта, так сказать, в общем, тогда как и само явление, и его образы чрезвычайно многогранны. Некоторые стороны образа фронта, а также его эволюция кажутся нам интересными в контексте сравнения с пространством Платона.

В первую очередь, стоит отметить фронт как пример мощного образа *не-места*. “Не-местность”, или даже “анти-местность” фронта выражается в его подвижности. Движению фронта посвящен целый пласт исторических работ. Большинство из них, однако, сконцентрировано вокруг изучения конкретных фактов движения фронта: физико-географических причин пути и скорости продвижения в том или ином месте, влияния на продвижение фронта уровня развития техники и т.д. (наиболее полные описания истории фронта сделаны в середине XX в. Р.А. Биллингтоном). Более интересна, на наш взгляд, идея опыта подвижности как “воспитателя”.

Еще Ф.Дж. Тернер, благодаря которому термин “фронт” вошел в историческую науку, подчеркивал, что фронт — “*не место, но состояние общества*”. Это то состояние общества, когда его собственно еще нет — нет общественных норм, идеалов, традиций. Подвижность, постоянное перемещение вперед жителей фронта заставляло их терять свои старые привычки, пересматривать взгляды на мир и на себя. Отправлявшиеся на фронт как бы “выпадали” из общества, **выпадали из (обычной) жизни**. В этом смысле фронт — пространство по-платоновски. Согласно традиционной *фронтирной гипотезе* Тернера этот, почти платоновский, опыт **выпадения из жизни** стал причиной закрепления в американском характере таких качеств как демократизм, подвижность, склонность к перемене мест, вообще восприимчивость к новому, нацеленность на будущий успех, а также, в сравнении с Европой, расточительность и даже определенная бесхозяй-

ственность⁹. Сравнительный анализ того, какими видятся последствия существования в движении в “Чевенгуре” и фронтальной гипотезе, представляется нам одним из любопытных направлений дальнейших исследований.

Другое направление может быть связано с образом “чистого листа”, или пустоты, также играющей важную роль во фронтальной мифологии. История эволюции образа окружающего ландшафта в Америке как пустоты начинается с пуританской картины мира. Окружающая дикая природа, включая индейцев, виделась пуританам в классической мифологической и религиозной традиции: враждебной, варварской, нецивилизованной, “нечистой”, — то есть не-местной, анти-местной в свете изложенного выше [см., например, 4 и 10]. Это враждебное окружение представлялось подлежащим уничтожению через “цивилизацию”, или сакрализацию (в данном случае эти понятия выступают как синонимы). В этой связи уничтожение индейцев представляется сродни уничтожению “вчерашнего народа”, или полубуржуев, в Чевенгуре — как расчистка поля для некоторого “светлого будущего” (для коммунизма — в Чевенгуре, для построения праведного Града на Холме — у пуритан). Возможно также и изучение чисто мифологической стороны вопроса: путь через пустоту как рождение нации, по аналогии с посвящениями и инициациями у древних народов, которые обычно происходили в их пустоте: в лесу, в пещере, на горе, в особой хижине вне поселения и т.д.

Наконец, как фронт, так и платоновское пространство могут быть представлены как будто бы локализованное на земле “будущее” (хотя одновременно и прошлое), место, где исчезает, где искривляется время. Возможно, аналогичные представления встречаются и в других системах пространственных представлений, или картин мира — в фольклоре тех или иных народов, в литературных произведениях. По-видимому, можно говорить о некотором архетипе территории вне-места, вне-времени и его проявлении в тех или иных литературных произведениях или даже конкретных поступках.

Любопытно, что идея коммунизма как идеологии пространства, или анти-места, оказывается не только “плодом фантазии” Андрея Платонова. Основные положения взаимосвязи платоновского пространства и социализма перекликаются с некоторыми результатами анализа связей реальной идеологии советского социализма и реального совет-

⁹ Заметим, что факты зачастую могут свидетельствовать против этой гипотезы. Сомнителен уже сам “фронтальный опыт американской нации”. Так, например, известно, что отнюдь не “вся Америка” и даже не бо́льшая часть ее населения побывала на фронтире: целину осваивало сравнительно небольшое число “профессиональных” пионеров, продававших расчищенные и окультуренные участки земельным спекулянтам.

ского пространства. В частности, в одной из немногих пока работ на эту тему [1] В.Л. Каганский выводит социализм как идеологию безжизненного текучего пространства. Советское пространство, по Каганскому, — “анти-ландшафт, невменяемое, самоуничтожающееся пространство” [1, с. 61], пространство подвижного не-существования: “В нашем пространстве никто нигде не живет, в советском пространстве почти невозможно укорениться. ... Ни местных жителей, ни самих мест” [1, с. 53–55]. Автор “выходит” и на феномен платоновского пространства: “Смысловая непереваемость А. Платонова кроется, видимо, еще и в невозможности представить его пространство как жизненный мир” [1, с. 60, в сноске].

Поскольку Каганский, в свойственной ему манере, рассуждает исключительно “из себя”, а не “из Платонова”, можно считать, что наши выводы о связи социализма и пространства подтверждаются как бы с другой стороны, на каганском пути эмпирического анализа практики.

Аналогично, выводы о перманентной стройке, незавершенности как черте социалистического ландшафта [1; см. также: А. Раппопорт. К эстетике тоталитарной среды // Сборник материалов ВНИИТАГ: Современные проблемы формирования городской среды. Материалы научной конференции “Городская среда”. Суздаль, 1989.] перекликаются с рассуждениями о незавершенности как черте американской — фронтальной — культуры: “Но, вероятно, нельзя считать случайностью, что во всех анализируемых текстах — от скупых пуританских хроник до зрелых соцветий литературного модернизма — просматривается событийный пласт, иными словами, то, что сопротивляется выведению конечного смысла... Во всех текстах акцентируется их принципиальная неполнота, или ... частичность” [4, с. 6].

Подобные совпадения могли бы стать поводом для интереснейших изысканий по организации и мысленной структуре пространства России, в том числе и для выработки “практических рекомендаций” по “вписыванию” в мысленное пространство различных имплантируемых территориальных структур вроде федерализма и т.д.

Литература

1. Каганский В.Л. Ландшафт советского пространства // Наука о культуре: итоги и перспективы (приложение к “Панораме культурной жизни стран СНГ и Балтии”). Вып. 3. М., 1995.
2. Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. 1997. № 5.
3. Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. М., 1998.
4. Петровская Е.В. Часть света. М., 1995.
5. Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993.

6. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М., 1998.
7. Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. М., 1987.
8. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
9. Turner F.J. The Frontier in American history. New York., 1920.
10. Bowden M.J. Invented tradition and academic convention in geographical thought about New England // GeoJournal. 1992. Vol. 26, no 2.
11. Hoheisel K., Rinschede G. Raumwixsamkeit von Religionen und Ideologien // Praxis Geographie. 1989. № 9.

О.А. Лавренова

ПОСТИЖЕНИЕ ЛАНДШАФТА: ФИЛОСОФИЯ ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ «ЦИТАДЕЛЬ»

Бытие культуры всегда сопряжено с рефлексией по отношению к вмещающему и окружающему ее пространству. Осмысливая географическое пространство, культура заново структурирует среду своего обитания. Осмысление мира сравнимо с его освоением, так как способствует его упорядочиванию, превращению неконтролируемой среды в знаковую систему, где даже ее хаотичность и неподконтрольность превращается в знак, обретает свое фиксированное место в картине мира. Семиотически упорядоченное пространство становится обжитым.

Современная западная философия вполне справедливо рассматривает представления о географическом пространстве как собственно географическое пространство, а последнее представляется как тотально-ментальное¹. В результате взаимодействия человека и среды представления о географическом пространстве становятся его частью, и правомерно говорить уже не столько о географическом, сколько о геокультурном пространстве. Концептуальный уровень понимания оказывается более действенным, чем перцептуальный, и ландшафты воздействуют на человека, преимущественно, пропорционально их смыслу, символике, а не внешнему облику². Факт неизбежного символизирования пространства культурой позволяет рассматривать геокультурное пространство как набор сообщений. Конструируется среда обитания, так как человек набрасывает смысловую сеть на элементы ландшафта³ и создает качественно иной мир, наполненный значениями и символами.

Особое явление в геокультурном пространстве — это философия и концепции ландшафта и географического пространства, возникающие в результате творческой деятельности писателей, поэтов, художников. С одной стороны, творческая элита любой из национальных культур закрепляет в своих произведениях уже существующие географические образы и создает новые. С другой — творцы культуры также привносят в геокультурное пространство новое

понимание закономерностей его существования. “Настоящий художник не отражает (в буквальном смысле), а трансформирует жизнь в искусстве, создавая новую реальность”⁴. То же относится и к роли творцов культуры в геокультурном пространстве. Писателями и художниками переосмысливаются древние архетипы и символы, определяющие восприятие пространства, и формируются новые ландшафтные и пространственные метафоры.

Изучение геокультурного пространства в литературном тексте дает возможность реконструировать глубинные процессы культуры. “Географическое пространство, которое становится своим собственным образом (или образами), может быть и средством, *универсальным инструментом типологического анализа письма и различного рода текстов*”⁵.

Предметом нашего внимания в данном случае является роман-притча Антуана де Сент-Экзюпери “Цитадель”. Французским летчиком и блистательным писателем-гуманистом в этом эпохальном философском произведении была развернута картина гипотетического Царства и, соответственно, его культурного ландшафта⁶ (если переложить на язык современной науки суть высказываний писателя о взаимодействии человека и окружающего мира). Культурный ландшафт представляет собой знаковую систему, в которой знаки находятся в сложных и поливалентных взаимоотношениях, поэтому его вполне можно рассматривать как текст, доступный прочтению. Такому взгляду на культурный ландшафт весьма способствует культурологическое понятие текста “как гибкой в своих границах, иерархизированной, но подвижно структурирующейся системы значащих элементов, охватывающей диапазон от единичного высказывания до многоэлементных и гетерогенных символических образований”⁷.

При превращении географического пространства в знаковую систему соблюдается правило минимизации — сокращения исходной информации при назывании географического объекта. После исторического названия места и возникновения общепринятого топонима культура наполняет его дополнительными смыслами, космологическими, архетипальными, историческими. В этом отношении проблематика изучения текстуализации культурного ландшафта сквозь призму художественно-философского текста представляет особый интерес. Мастер художественного слова, А. де Сент-Экзюпери свидетельствует о том, что называние и означивание становятся инструментом освоения и “присвоения” пространства: “*Слово — это попытка соединиться с сущим и присвоить его себе* (здесь и далее выделено мной. — О.Л.). *Вот я сказал “гора” и забрал ее вместе с гиенами, шакалами, затишками, подъемом к звездам, выветренным гребнем но у меня всего-навсего слово и его нужно наполнить*”⁸. Но нельзя путать обозначение явления с самим явлением⁹.

Итак, будучи творцом культуры, А. де Сент-Экзюпери удивительно точно подмечает и моделирует особенности генезиса культурного ландшафта, утверждая, что процесс его формирования зависит от творческой силы, творческого импульса созидающей его культуры: *“ башня, город и царство подобны дереву. Они живые, ибо рождает их человек. Человек уверен, что главное — правильный расчет. Он не сомневается, что стены воздвигаются умом и соображением. Нет, их воздвигает страсть. Человек носит в себе свой город, он хранит его в своем сердце, как дерево — семечко. Вычисления, расчеты — оболочка его желания”*¹⁰.

В этом процессе свобода созидательного творчества культуры соотносится с предопределенностью изначальных свойств ландшафта, непреложность которых невозможно преодолеть, но возможно мудро использовать.

“Утро это свободно и готово для игры, словно золова арфа. Господи! Таким, а не иным рождается на рассвете удел городов, пальмовых рощ, возделанных полей и апельсиновых деревьев. Вот справа от меня морской залив с кораблями. Вот слева от меня голубеет гора, чьи склоны благословлены тонкорунными овцами, гора, что нижними своими камнями вцепилась в пустыню. А вдали пурпуровые пески, где цветет одно только солнце.

Такое лицо у моего царства, а не другое. <...> На что мне жаловаться, Господи, оглядывая с патриаршей мудростью мое царство, где все разложено по местам, будто румяные фрукты в корзинке? Из-за чего гневаться, горевать, ненавидеть, жаждать мести? Вот уток для моего полотна. Вот поле для моей пахоты. Вот арфа для моей песни. <...>

*Жаловаться ли мне, что гора стоит у этой границы, а не у другой? Здесь, будто играя в лапту, отражает она наскоки кочевников из пустыни. И это хорошо. А там — дальше, где царство мое не защищено, я воздвигну свои крепости”*¹¹ — так говорит Правитель гипотетического Царства-Цитадели.

В соответствии с мировоззрением французского писателя-гуманиста творческий импульс культуры и Божественный импульс являются основными созидательными силами, формирующими Царство.

Как полагает современная антропология, осознание Божественного закона явилось изначальным импульсом семиотизации пространства, имеющей разную форму выражения в различных культурах. Превращение среды в знаковую систему, где в роли знака выступают географические объекты или элементы культурного ландшафта, а в роли означаемого — архетипы, трансцендентные понятия и категории и соответствующие символы, создает религиозно-мифологическую (или сакральную) географию. В результате складывается символическое понимание пространства, когда карта мира становится своеобразной иконой, отражающей традиционное мирозерцание и различными своими частями выражающей на плоскости “вертикальные” слои мироздания.

Иконографическое представление о мире реализуется и во внутренней организации культурного ландшафта.

При глубоком осмыслении текст культурного ландшафта города, поселения и окрестностей превращается в священный или исторический текст, позволяющий по-иному осмыслить привычное пространство. Осмысление локального пространства на качественно ином уровне позволяет максимально реализовать духовные и личностные запросы человека, проживающего в этом месте. Не столько уроки краеведения, оперирующие разрозненными блоками информации, сколько воспитание умения читать текст культурного ландшафта может превратить место проживания в “поле любви и заботы”¹².

И, тем не менее, в знаковых системах, в том числе и в ландшафте, существует некоторая произвольность связи формы знака и означаемого. “Суть — это пленница, пойманная в ловушку, но что общего у нее с ловушкой?”¹³ Поэтому умение чтения священных и исторических текстов подразумевает овладение их метафорическим языком, не столько знание знаков, сколько представление об означаемом. Тогда перемещение в пространстве превращается в увлекательное чтение исторического текста или, при особой сонастроенности сознания трансцендентным категориям — в чтение священного текста, в молитву.

В “Цитадели” особое место занимает описание закономерностей взаимодействия человека и географического пространства именно с точки зрения одухотворения, символизирования ландшафта культурой, создания незримых связей, “уз любви”, связующих воедино человека и ландшафт, человека и пространство.

А. де Сент-Экзюпери обращается в своем произведении к наиболее значимым архаическим символам, которые в той или иной редакции присутствуют в каждом локальном культурном ландшафте. Наиболее значимы в национальной и мировой культуре полисемантические образования, в которых место, его визуальные, событийные и качественные характеристики оказываются неразрывно связанными с элементами культурного ландшафта. Так, дорога предстает как полисемантический символ Пути. Река как “стержень” локальной вселенной, а также мирового пути¹⁴. Холм, самое высокое место в поселении, обычно освященное храмом, монастырем — символ устремления земли к Небу, молитвы. Храм — “наиболее обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания”¹⁵ как такового. Город как символ комплексного общества¹⁶ и Космоса, противопоставленного Хаосу неструктурированного окружающего пространства.

Осмысление пространства дает возможность “прочтения” и “проживания” трансцендентных категорий в ландшафте, что, в свою очередь, создает первооснову самоидентификации культуры. Даже в современном обществе в случае актуализации архаического и религиоз-

но-мифологического пластов культуры географические объекты, локальности, элементы ландшафтов, географическое пространство в целом становятся выразителями архетипов человеческого сознания.

Особую роль в бытии культурного ландшафта и в воспитании человеческой личности имеют сакральные пространства. «Для религиозного человека *пространство неоднородно*: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других. <...> Таким образом, есть пространства священные, то есть “сильные”, значимые, и есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы нет ни структуры, ни содержания, одним словом, аморфные”¹⁷. Сакрализация определенных локусов создает смысловые магниты, притягивающие к себе геобиографии многих людей. “Храмы, собранные в одном месте, стали святым городом, который управляет твоим путем, потому что ты в пустыне и стремишься к нему”¹⁸.

При этом становление образа географического пространства в сознании человека всегда индивидуально. Постигание пространства есть личностное его проживание, тем не менее, имеющее определенные философско-психологические закономерности, к которым и обращается французский писатель в романе “Цитадель”.

Так, восприятие священных и культурных смыслов, прочтение текста привычного культурного ландшафта — ландшафта места жительства — возможно лишь при некоторой отстраненности взгляда, рефлексии. Поверхностный взгляд обывателя не фиксирует особенность и значимость места: “*Не знающий людей убежден, что благоговение перед оазисом обращено в оазисе. Нет, живущие в нем не задумываются, где живут. Благоговееет перед оазисом иссушенное песками сердце бродяги. И я учил своих воинов любить оазисы*”¹⁹.

Но в то же время существует и противоположный психологический механизм, когда суть взаимоотношений человека и ландшафта выражается в бытийности места жительства, а смысл жизни распространяется на родной дом, поселок, край. В этом случае для жителя процесс осознания знаковости привычного места сходен с процессом саморефлексии. И тогда обыватель принимает ландшафт, в котором он живет, как целостность и данность. Об этом и повествует А. де Сент-Экзюпери устами своего героя, размышляющего о подвластном ему гипотетическом царстве: “*Великая истина открылась мне. Я узнал: люди живут. А смысл их жизни в их доме. Дорога, ячменное поле, склон холма разговаривают по-разному с чужаком и с тем, кто здесь родился. Привычный взгляд не дивится выхваченным частностям, он и не видит ничего, родная картина давно легла ему на сердце*”²⁰. Иногда информация, заключенная в ландшафте, воспринимается его обитателями на подсознательном уровне, но при этом они в достаточной мере ощущают ее значимость, если связаны с местом обитания “узами любви”.

Хаотичность, неоформленность пространства как такового разрушительна для оформленного и скомпонованного человеческого бытия. «Для традиционных обществ весьма характерно противопоставление между территорией обитания и неизвестным, неопределенным пространством, которое их окружает. Первое — это «Мир» (точнее, «наш мир»), Космос. Все остальное — это уже не Космос, а что-то вроде «иного мира»²¹. «Дом противостоит пространству, традиции противостоят бегу времени»²². В «Цитадели» огромная роль отводится жилищу и его соотношению с окружающим географическим и космическим пространством. Это закономерно, так как жилище — это «*Вселенная, которую человек создает, имитируя примерное Творение богов, то есть космогонию.* <...> Жилище представляет собой *imago mundi*²³, поэтому оно символически располагается в «Центре Мироздания»²⁴.

И в то же время осмысление пространства как простора способствует осознанию значимости места жительство. Место обретает пространственный, геокультурный контекст, который позволяет понять целостность мира и становится сверхсмыслом места.

«Как вы оживлялись, когда к вашему костру подсаживался странник, пришедший с караваном из дальних мест и рассказывал о тамошних чудесах <...> Множество событий соприкасалось с вами, пространство расширяло вас, и ваш собственный шатер, любимый и ненавистный, уязвимый и надежный, становился вам во сто крат дороже. Вас ловила волшебная сеть, и вы становились куда пространственней, чем были сами по себе

Вам необходим простор, а высвобождает его в вас только слово»²⁵.

Применительно к закономерностям бытия культурного ландшафта как знаковой системы можно рассматривать размышления французского писателя и замечательного стилиста о соотношении знака и семиотической системы, части и целого, играющих особую роль в адекватности осмысления мира. «Камни не знают и не могут ничего знать о храме, который сложен ими. Ничего не знает нарост коры обо всем дереве, одетом и этим кусочком, и всеми остальными. А дерево и дом ничего не знают о царстве, которое они совместно составляют. Ты не знаешь о Боге. Чтобы узнать, камню должен явиться храм, кусочку коры — дерево, но и это бессмысленно, у них нет языка, чтобы вместить огромность, столь их превосходящую. Язык — это иерархия, которую представляет собой дерево»²⁶. В осмыслении ландшафта как текста чрезвычайно значим контекст и упорядоченность иерархии языка. Смысл отдельных геообъектов, так же, как смысл вещей, зависит от культурного контекста. Периодичность выявления смысла и избирательность его действия — также закономерности существования культурного ландшафта как знаковой системы.

Часть не сознает смысла целого. В соответствии с иерархией и соподчинением смыслов можно рассматривать и иерархию ландшафтов по значимости и комплексности, создающую целостность пространственно-временных связей — контекст. *“Я чту творческое начало, пусть на первый взгляд оно — сама несправедливость, ибо притеснило камень во имя храма. Но вот храм построен, теперь ты видишь, что он — смысл камней и возданная им справедливость?”*²⁷

Постижение контекста в его целостности определяет возможность понять и освоить вещь, явление, ландшафт в его внутреннем многообразии. *“Сначала я должен полюбить. Охватить цельность. Потом я пойму и ту вещьность, из которой она состоит, пойму, каким образом она сложилась. Но откуда взяться вещьности, если нет во мне того, что ее превосходит и к чему я устремлен”*²⁸. В этой закономерности проявляется не только взаимосвязь эмоционального состояния и способности воспринимать информацию, закодированную в культурном ландшафте. Незнание порождает страх, а чувство приязни к ландшафту, топофилия, возникает не на пустом месте, но сопряжено с довольно обширными знаниями, имеющими позитивную смысловую и эмоциональную оценку. Именно, понять цельность — значит полюбить.

Связующая сила культуры преобразует разрозненность отдельных геобъектов в нечто целое, возникает территориальная самоидентификация культуры. *“Я связал горы и реки между собой, и возникло царство и озарило сердце воодушевлением”*²⁹ — так говорит Правитель Царства-Цитадели, творящий его цельность.

Субъективная разнородность мира возникает не только из объективной его разнородности, но и благодаря неравномерному осмыслению его объектов ментальностью национальной культуры. Существует довольно много мест вне и даже внутри территориальных границ национальной культуры, не значимых для нее. *“Символы-мотивации — это, как правило, ландшафтные знаки этнической целостности, воспринятой в виде судьбы этноса. Таковы для русских река Волга, Куликово поле, Бородино, сыра мать-земля, по которой ходили Богоматерь и Андрей Первозванный”*³⁰. В символы превращается не только история, запечатленная в культурном ландшафте, но и функциональная значимость геобъектов, приобретающая в традиционном сознании мифологический оттенок. *«Камни облагораживают храм. Дерево — отчее гнездо. Река — принадлежность к царству. Реку царства воспевают: “Мать наших стад, неспешная кровь полей, водительница стругов”*»³¹

Перемещение в пространстве в соответствии с закономерностями бытия культурного ландшафта становится постижением пространства и — упражнением в любви.

“Я странствовал по незнакомым уголкам, постигая: повиновение каким запретам складывает человека. Моя лошадка неспешным шагом трусила

проселком от одной деревни к другой. Дорога могла бы пройти напрямик по полю, но нет, бережно обогнула его, и я потерял несколько минут на объезд, повинувшись прямоугольнику ячменя. Я мог проехать прямо, но признал значимость поля и обогнул его. Прямоугольник ячменя потеснил мою жизнь, отнял малую толику времени, что могла бы послужить чему-то иному. Я подчинился ячменному полю, согласившись объехать его, мог пустить лошадь напрямик, но отнесся к нему почтительно, будто к святыне. Долго я ехал и вдоль стены, огородившей чьи-то владения, прихоти стены стали моей дорогой. Дорога моя чтит чужие владения и плавно волнилась по выступам и нишам стены. За стеной я видел макушки деревьев, они росли гуще, чем в наших оазисах, видел пруды с пресной водой, они поблескивали между ветвями. Слышал тишину. Вот ворота, затененные листвой. Здесь моя дорога раздвоилась, одна ее ветка потянулась служить огороженному стеной владению, другая повела меня вдаль. Странствовал я несуетно, лошадь то спотыкалась о рытвину, то тянула шею к траве, пробившейся возле стены, и у меня появилось ощущение, что дорога моя, с ее уклонами и поклонами, с ее неторопливостью и задаром растраченным временем, была своеобразным обрядом, была залом, где ждут появления короля, была очерком лица властелина и каждый, кто следовал ей, в тряской ли тележке, на ленивом ли ослике, сам того не ведая, упражнялся в любви³².

Запреты и степени свободы культурного ландшафта — запечатленный в пространстве уклад, воспитывающий определенный тип человека. «Мой отец <...> создал свой уклад, стремясь залучить к себе таких людей, а не иных. Были другие времена, другие складывали свои уклады и залучали к себе других людей³³. Уклад, запечатленный в ландшафте, воссоздает культуру, транслируя традиции через поколения. Сначала мы создаем облик, индивидуальность места, потом оно создает нас³⁴.

Культурой в географическом пространстве создаются незримые силовые линии, направляющие течение человеческой жизни. Священные и культурные смыслы расцветивают самый однообразный, даже пустынный, пейзаж. Тот, кто не понимает языка культурного ландшафта, особенностей уклада связанной с ним культуры, не может прочесть этот полисемантический текст: «Но вот я захотел, чтобы ты стал еще богаче, чтобы колодцы, будто магниты, притягивали и отталкивали, а пустыня лепила тебя, словно руки скульптора, придавая форму душе и сердцу, и я населил ее врагами. <...> Все вокруг намагнитится, напряжется, однообразная бескрайняя желтизна окажется многоцветней благодатных краев с голубыми горами, зелеными долинами, пресными озерами и травой на лугах.

<...> И вот что еще примечательно: если я отправлю с твоим караваном путешественника, который не знает твоего языка, твоих опасений, надежд и радостей, который увидит только, как похлопывают верблюдов твои погонщики во время нескончаемого пути по од-

нообразным бесплодным пескам, он почувствует лишь томительность нескончаемого пути и будет звать всю дорогу и ничего не откроет для себя в моей пустыне”³⁵.

Гуманизм “Цитадели” центрируется на проблеме преобразования человека и приближения его к Господу, поэтому особую значимость в романе-притче имеют инициатические пространства и ландшафты преодоления.

Пустыня предстает как инициатическое пространство, пробуждающее в человеке потенциальную внутреннюю силу. Оно навязывает свои правила, передвижение в нем становится символическим, подчиняющимся силовым линиям распределенных в пространстве смыслов. *“Если я сумею приобщить тебя к языку пустыни — не пустыня главное, главное — напрягающий уклад жизни, — то пустыня, будто солнце, заставит тебя выпустить росток и расти.*

Ты пройдешь через нее, словно через сказочные кипящие котлы, и когда выйдешь на другом берегу, то радостно рассмеешься, ощутив свои силу и мужество”³⁶

Культурный ландшафт как текст порождает движение-текст, которое можно обозначить как танец. Символизируя пространство, человек начинает передвигаться в нем осмысленно — от смысла к смыслу, эта осмысленность движения пробуждает душу, меняет человека. *“Колодцы посреди раскаленных песков, которые ты преодолеваешь, — ступени лестницы; пески — твой враг, ты его побеждаешь, ибо танец начат, и ты должен станцевать его до конца. Потому что тебя подчинил себе уклад пустыни”³⁷.*

Перемещение в инициатическом пространстве пустыни требует целеустремленности. Только импульс целеустремленности способен противостоять поглощающему свойству враждебной среды. Образ места назначения из рядового гео-психологического явления, использующегося в индустрии туризма³⁸, превращается в магнит цели, неотвратимо притягивающий к себе путь. *“Но хорошо, если предуказанный путь предстает в виде цели. То есть ты отправляешься в путь за недостижимым. В пустыне мне приходилось тяжело. И сначала казалось, что сладить с ней невозможно. И тогда дальний бархан я преображал в долгожданную гавань. Я добирался до нее, и она теряла свое могущество. Тогда я перемещал счастливую гавань к горбатым холмам, что виднелись на горизонте. Доходил до них, и они теряли свою магическую власть. А я выбирал следующую цель. И так от цели к цели преодолел пески”³⁹.* В инициатическом пространстве, качества которого близки к тому, чтобы быть “несовместимыми с жизнью”, происходит смысловая инверсия. Не священное место становится магнитом, влекущим к себе, но магнит цели становится священным, ибо ведет через пространство символической и потенциальной физической смерти — к жизни.

Биполярность пустыни и оазиса — это соотношение двух качественно различных пространств: инициатического пространства, требующего движения сквозь и противоречащего оседлому бытию, и локализованного поселения, чья внутренняя динамика не в необходимости перемещения, а в непрерывном противостоянии. *“В бесплодных песках вы научились жить, как кедр, утверждаясь благодаря врагам, которые окружили вас со всех сторон. Завоевав оазис, вы останетесь в живых, если не превратите его в нору, куда забиваются и обо всем забывают. Помните: оазис — это каждодневная победа над пустыней”*⁴⁰.

В качестве ландшафта преодоления в “Цитадели” обычно выступает горный ландшафт⁴¹. Преодоление приравнивается к постижению и к созиданию ландшафта. Преодоление способствует последовательному формированию образа ландшафта в индивидуальном сознании.

*“Нет пейзажа, если никто не карабкался в гору, пейзаж — не зрелище, он — преодоление. Но если принести тебя наверх в паланкине, ты увидишь что-то туманное и незначительное, и почему, собственно, оно должно быть значимым? Тот, кто с удовлетворением скрестил руки и любит пейзажем, прибавляет ему сладость отдохновения после трудного подъема, голубизну угасающего дня. Ему нравится композиция пейзажа, каждым своим шагом он расставлял по местам реки, холмы, отодвигал вдаль деревню. Он — автор этого пейзажа и рад, как ребенок, который выложил из камушков город и любит творением своих рук”*⁴².

Описывая динамику восприятия пейзажа, Экзюпери представляет преодоление ландшафта и создание целостного визуально-чувственного образа — пейзажа — как способ самопознания и высвобождения внутренних смыслов, таящихся в сознании. *“Победа — тот же пейзаж, его не получишь в пользование, увидев с вершины горы, его создали твои ноющие от усталости ноги. Пейзаж, победа — переход от одного состояния к другому”*⁴³.

Соотношение пейзажа, созданного преодолением, и воспоминания о нем создает проблему восприятия ландшафта как осмысления движения и преодоления. Но образ ландшафта преодоления нестабилен и недолговечен, ибо основан на чувстве удовлетворения от победы, чувстве, которое требует постоянного подкрепления. *“Вскарабкавшийся на вершину горы с полчаса радуется пейзажу, упивается одержанной победой. В его памяти живы камни, по которым он карабкался вверх. Но воспоминание быстро меркнет. И пейзаж теряет интерес”*⁴⁴. *“Нет на земле неисчерпаемых источников — пейзаж, увиденный с вершины горы, радуется, пока сохраняет вкус победы”*⁴⁵.

В соответствии с концепцией преобразования человека в Человека, возникает метафора преодоления ландшафта, упорядочения хаоса, которое по сути сравнимо с богопознанием — процессом преодоления и упорядочения смысла бытия. *“Для чего тебе тогда искать Господа,*

*слагать гимн, карабкаться на горную вершину, чтобы упорядочить пейзаж, который клубится сейчас перед тобой хаосом?*⁴⁶

Осмывая закономерности бытия человека в пространстве, в ландшафте, А. де Сент-Экзюпери создает множество ландшафтных метафор, имеющих глубокий философский смысл. Приведем здесь некоторые из них, чтобы проиллюстрировать возможности художественного слова, интерпретирующего и моделирующего смыслы пространственных закономерностей.

Метафора ландшафта как данности, которую невозможно изменить, соединяет географическое пространство и гипотетическое пространство человеческого сознания:

*“Прошлое — тот же пейзаж, <...> — здесь у тебя гора, там речка, по прихоти памяти ты расставляешь между ними города, которые любишь навещать. Если тебе что-то недостало, ты строишь воздушный замок. <...> Но не сожалей, твердя, что лучше бы помнить другое. <...> Какой завоеватель, завладев землями, сожалел, что гора поднимается здесь, а река течет там?”*⁴⁷

Метафора пути, дороги как сознательно принятой несвободы свода правил, регламентирующих жизнь, дороги, сопряженной со свободой выбора одного пути из многих:

*“Я не вижу, в чем противоречит принуждение свободе. Чем больше проторил я дорог, тем свободнее ты в выборе. Хотя каждая из дорог — принуждение, потому что я оградил ее дорожными столбами. И что ты имеешь в виду, говоря “свобода” и не видя перед собой ни одной дороги? Или ты называешь свободой блуждание наугад в пустоте? Поверь, принуждение новой дороги увеличит твою свободу”*⁴⁸.

Метафора, сопоставляющая бытие человека и ландшафта: *“Я верю только в перепады почвы, поощряющие прилив любви”*⁴⁹. Такая интерпретация способствует вовлечению закономерностей географического пространства в семиотические коды культуры.

Чрезвычайно интересна географическая метафора души: *“Не телесная оболочка, не толкотня мыслей — значима только душа, ее простор, ее времена года, горные пики, молчаливые пустыни, снежные обвалы, цветущие склоны, дремлющие воды — вот он, этот весомый для жизни залог, незримый, но надежный”*⁵⁰.

Ландшафтная метафора танца, обозначающая ритм как одно из организующих начал ландшафта. Современные исследователи полагают, что именно ритмомышление было ведущим в эпоху первобытных магических ритуалов⁵¹. В мистериях различных эпох и народов “ритм и пластические средства танца использовались в целях трансформации сознания”⁵², что роднит танец с преодолением и собственным бытием ландшафта. Силовые линии, определяющие движение человека, определяют также бытие ландшафта:

“Ты смотрел на реку с вершины горы? Вот ей встретилась скала, не в силах перепрыгнуть через нее, река ее огибает, извивается по равнине, следуя понижениям почвы, медлит в излучинах, потому что мал перепад и ослабла сила, влекущая ее к морю. Вот задремала, разлившись озером, и вновь торопливо устремилась вперед, разрезав равнину, будто клинок.

И танцовщица считалась с силовыми линиями, и это мне больше всего понравилось, она останавливалась здесь, вольно летела там”⁵³.

Ландшафтными метафорами обозначаются даже самые сокровенные понятия. Закономерности географического пространства оказываются сродни закономерностям Божественного Бытия. Море, стихия, Господь подвержены извечным законам периодичности: *“И у Господа есть приливы и отливы, как у моря, Он оставляет иногда праведника, и Он тоже бывает сух, будто обнажившаяся галька”⁵⁴.*

Богопознание, движение к Богу сходно с поиском пути к неведомому колодцу. Тоска по сверхмыслу приравнивается к тоске по жизненно важному локусу в пустыне. Символ расширения души в соответствии с непознаваемым, но ощутимым контекстом сверхмысла — также пространственная метафора.

“Как искать то, что для меня еще лишено смысла? Как хотеть того, о чем и не подозреваешь? И все же было мне что-то вроде тоски о том, что не имело для меня пока смысла. Иначе почему я приходил к тем истинам, которых не мог предвидеть? Я шел вперед, и было похоже, будто я знаю дорогу, но шел я к неведомому колодцу. Я ощущал связующие нити, ощущал соответствия, как твои слепые гусеницы ощущают солнце. <...> Гусеницы не знают солнца, слепой не знает огня, а ты не знаешь, с чем в согласии храм, который ты строишь, и почему благодаря ему расширяется в человеке душа”⁵⁵.

Роман-притча “Цитадель” — сам по себе сложная метафора, сопоставлениями смыслов и явлений отражающая идею взаимосвязи Божественного и человеческого, пространства трансцендентного и географического.

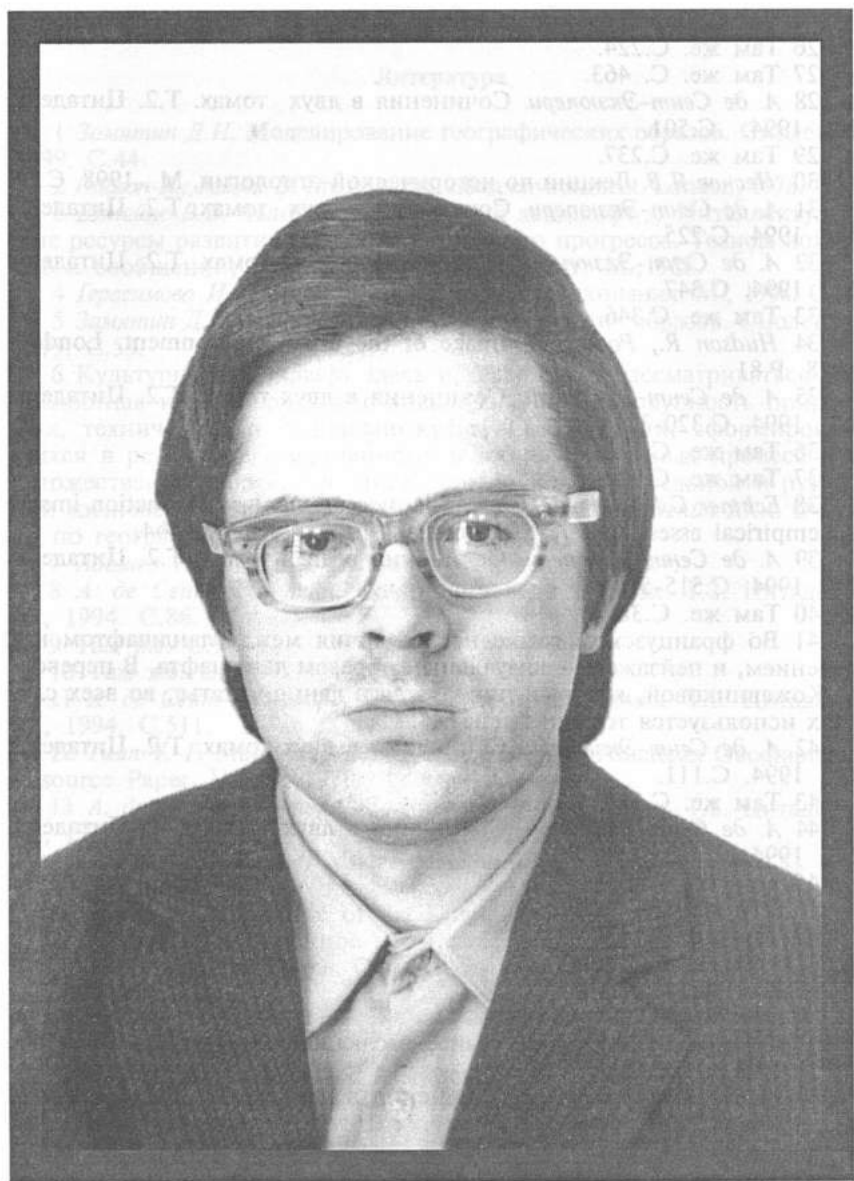
Философское постижение ландшафта немислимо без подобного творческого переосмысления закономерностей его существования и его восприятия — без переосмысления в контексте самых сущностных проблем человеческого бытия и трансцендентных категорий. Такое постижение создает канву семантической упорядоченности мира и первооснову самоидентификации культуры в географическом пространстве. Уникальные ландшафтные и пространственные метафоры, созданные творцами культуры, становятся неотъемлемой составляющей геокультурного пространства, так как во многом определяют формирование географических образов. Осмысление же пространства культуры связано с рождением многоуровневых географических образов — от образа мира до образа места. И, соответственно, современный

образ мира уже немислим без философии пространства и пространственно-философских метафор А. де Сент-Экзюпери.

Литература

- 1 *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Смоленск, 1999. С.44.
- 2 *Hudson R., Pocock D.* Image of the urban environment. London, 1978. P.33.
- 3 *Штейнс В.В.* Человек и культурный ландшафт // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса. Тезисы докладов и сообщений, Нальчик. 23-27 мая 1988 г. М., 1988.
- 4 *Герасимова И.А.* Человек в мире: эволюция сознания. М., 1998. С.15.
- 5 *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Смоленск, 1999. С.53.
- 6 Культурный ландшафт здесь и далее будет рассматриваться как "целостная и территориально локализованная совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей" (*Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб., 1997. С.9).
- 7 *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь, 2000. С.7.
- 8 *А. де Сент-Экзюпери.* Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.86.
- 9 Там же. С.91.
- 10 Там же. С.63.
- 11 *А. де Сент-Экзюпери.* Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.511.
- 12 *Tuan Y.-F.* Man and nature // Association of American Geographers, Resource Paper, Vol.10, 1970.
- 13 *А. де Сент-Экзюпери.* Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.345.
- 14 *Топоров В.Н.* Река // Мифы народов мира. — Т. 2. М., 1988. С. 176.
- 15 *Топоров В.Н.* Река // Мифы народов мира. — Т. 2. М., 1988. С. 93.
- 16 *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge, 1960
- 17 *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. С.22.
- 18 *А. де Сент-Экзюпери.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Цитадель. М., 1994. С. 226-227.
- 19 Там же. С. 37.
- 20 Там же. С.18.
- 21 *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. С.27.
- 22 *А. де Сент-Экзюпери.* Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.19.
- 23 Образ мира (лат).
- 24 *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. С.43.

- 25 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.52.
- 26 Там же. С.224.
- 27 Там же. С. 463.
- 28 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.501.
- 29 Там же. С.237.
- 30 *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии. М., 1998. С.77.
- 31 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.225.
- 32 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.347.
- 33 Там же. С.346.
- 34 *Hudson R., Poscock D.* Image of the urban environment. London, 1978. P.81.
- 35 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.320-321.
- 36 Там же. С.322.
- 37 Там же. С.320.
- 38 *Echtner C.M., Ritchie J.B.B.* The measurement of destination image: an empirical assessment // *J.Travel Res.* 1993. Vol. 31. №4.
- 39 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.515-516.
- 40 Там же. С.38.
- 41 Во французском языке нет различия между ландшафтом как явлением, и пейзажем — визуальным образом ландшафта. В переводе М.Кожевниковой, который цитируется в данной статье, во всех случаях используется термин “пейзаж”.
- 42 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.111.
- 43 Там же. С.131.
- 44 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.382.
- 45 Там же. С.155.
- 46 Там же. С.147.
- 47 Там же. С.145.
- 48 Там же. С.218.
- 49 Там же. С.223.
- 50 Там же. С.239.
- 51 *Герасимова И.А.* Человек в мире: эволюция сознания. М., 1998. С.79.
- 52 Там же. С.85.
- 53 *A. де Сент-Экзюпери*. Сочинения в двух томах. Т.2. Цитадель. М., 1994. С.190.
- 54 Там же. С.532.
- 55 Там же. С.309.

Олег Рашитович Ширгазин

Олег Рашитович Ширгазин родился 3 марта 1950 г. в Башкортостане. После окончания средней школы он поступил в Московский радиоаппаратостроительный техникум, где обучался с 1965 по 1969 год. В 1970 г. поступил на географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, а в 1976 г. окончил его по специальности экономическая география. С 1976 по 1979 год Олег Рашитович работал в Институте генпланов Мосгорисполкома. С 1979 по 1984 год он работал в должности старшего инженера в Институте географии АН СССР, а с 1984 по 1989 год – научным сотрудником ЦНИИ градостроительства. С 1989 по 1995 год он – главный специалист Москомприроды.

С 1995 года Олег Рашитович начал работать в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия в должности старшего научного сотрудника в секторе комплексных региональных программ охраны и использования наследия.

Олег Рашитович подготовил и опубликовал более 30 статей в научных сборниках и журналах.

В 1989 году Олег Рашитович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук. Диссертация посвящена проблеме формирования рекреационных сетей вокруг городов.

Круг его интересов был чрезвычайно разнообразен. Особое внимание в последнее десятилетие своей жизни он обращал на проблемы культурной географии. Центральной темой его исследований стала тема географической интерпретации литературных произведений. Его дебют на этом направлении был связан с таким сложным и интересным произведением, как “Слово о полку Игореве”.

Олега Рашиновича хорошо знали и ценили в кругу пушкинovedов – на научных конференциях он выступал с докладами. Вот и в этой книге – альманахе “Гуманитарная география” – представлена его статья “Двойное отражение образов стран Европы и России в стихотворении А.С. Пушкина “К вельможе” и в биографии Н.Б. Юсупова”.

Олег Рашитович погиб 16 августа 2003 года на 54-м году жизни в результате дорожного происшествия. Горько сознавать, что нет с нами умного исследователя, скромного, красивого и интеллигентного человека.

О.Р. Ширгазин

ДВОЙНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗОВ СТРАН ЕВРОПЫ И РОССИИ В СТИХОТВОРЕНИИ А.С.ПУШКИНА “К ВЕЛЬМОЖЕ” И В БИОГРАФИИ Н.Б. ЮСУПОВА

Общественная и культурная жизнь Европы, ее история всегда глубоко интересовали А.С. Пушкина, и он в своих произведениях нередко избирал местом действия европейские города и страны. Да и многие его произведения написаны под непосредственным воздействием европейских поэтов и писателей или просто являются высокохудожественными переложениями их сюжетов.

В этом отношении стихотворение “К вельможе” является еще одним важным свидетельством глубокого понимания Пушкиным процессов развития общественной и культурной жизни в Европе во второй половине XVIII – первой трети XIX в. Оно также свидетельствует о эволюции его мировоззрения от радикализма в сторону умеренности и гуманизма. При этом он не отказывается от многих своих идей юности о торжестве разума и красоты, но его взгляды становятся более сложными, свидетельствующими о проникновении в философию историко-культурных процессов, о понимании специфики исторического пути и реалиях общественной и культурной жизни России.

В стихотворении на примере Франции показаны кругообразные циклические процессы, негативные стороны эпохи Просвещения, воплотившиеся в нравственных чертах его идеологов – Вольтере и Дидро, в легкомысленных и распутных придворных порядках, атмосфера которых не способствовала управлению государством в драматический период его истории. О французской революции сказано мало, но ёмко и содержательно в словах-девизах, своеобразных символах, которые помогают понять дух и смысл революции. Период Реставрации, последовавший за ней, не вызывает особых симпатий у Пушкина, так как меркантильные расчеты вытеснили интерес к искусству.

Но Пушкин уделяет внимание не только Франции как центру европейской жизни. В поле его зрения попадают и Англия, и Испания и Голландия, и Италия, хотя поэт нигде не обозначает эти названия стран. При этом каждая страна получает некий образ, который, хотя и является субъективным, лаконичным и даже иногда одномерным, все же отражает историко-культурную, общественную и частную картину жизни этих стран. Эти своеобразные культурно-страноведческие характеристики представляют для географа особый интерес, так как позволяют еще раз показать, что географические познания Пушкина были чрезвычайно обширны и составляли существенную часть его мировоззрения.

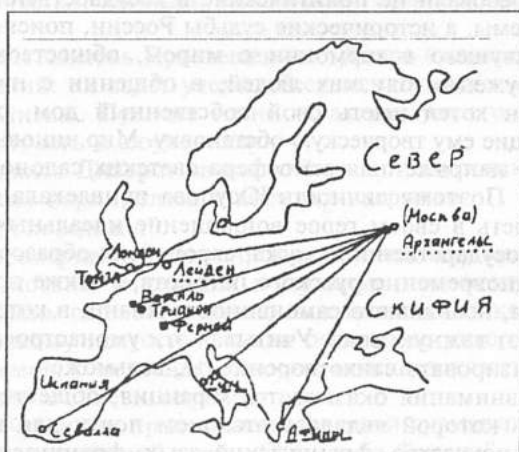

Рис. 1

Необычность этих описаний состоит в том, что все события, персонажи, ландшафты связаны одним лицом — Н.Б. Юсуповым, который объездил в молодости пол-Европы, учился там, общался с философами, поэтами, художниками, артистами, потом стал дипломатом и крупным государственным деятелем.

Пушкин в стихотворении как бы повторяет его жизнь, описывая наиболее интересные встречи с замечательными людьми. Поэтому произведение отражает, видимо, не только воззрения Пушкина, но и оценки Юсупова.

Необычность описания-воспоминания также состоит в том, что оно ведется из дворца Юсупова "Архангельское", которое является как бы центром, вокруг и из которого разворачивается вся панорама событий, стран, жизни героев. Стихотворение начинается с описания дворца и заканчивается его сравнением с виллой римского аристократа.

Для понимания общей тональности стихотворения необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать тот период жизни Пушкина, в который он написал это произведение. Он давно уже пережил увлечения молодости, надежды на кардинальные общественные изменения в стране; тяжело пережив поражение декабристов, он после беседы с царем поверил в возможность эволюционного совершенствования общества сверху силами аристократии, проникнутой духом просвещения и гуманизма и в тоже время поддерживающей самодержавный образ правления. Он верил в возможность соединения имперских патриотических традиций с идеалами любви и народной свободы, хотя поэта все больше интересовали не политические и государственно-бюрократические проблемы, а исторические судьбы России, поиск совершенного человека, живущего в гармонии с миром, обществом, и с самим собой, в окружении близких людей, в общении с произведениями искусства. Он хотел иметь свой собственный дом, семью, покой, обеспечивающие ему творческую обстановку. Мир чиновников в Санкт-Петербурге и напряженная атмосфера светских салонов и балов уже тяготили его. Поэтому личность Юсупова привлекала его внимание. Он хотел видеть в своем герое воплощение идеальных качеств просвещенного государственного мужа, европейски образованного интеллектуала и одновременно русского патриота, а также просто интересного человека, познавшего самоценность жизни, в которой любовь и красота играют важную роль. Учитывая эти унаследования Пушкина, следует анализировать стихотворение «К вельможе».

В центре внимания оказывается Франция, общественная и культурная жизнь которой являлась эталоном почти для всей Европы¹. Французское искусство, французский язык, французские философские, политические и социальные учения, наконец, французские манеры распространялись в большинстве стран. Духовные лидеры Просвещения: Вольтер, Дидро, Руссо, Гольбах, Монтескье, Даламбер, — были кумирами общественного мнения. Не только интеллектуалы, но и государственные деятели, короли и министры прислушивались к их высказываниям. Особенно была велика популярность Вольтера, который считался самым известным писателем Европы, книги которого выходили огромными тиражами, читались и изучались повсюду. Успех Вольтера во многом объяснялся тем, что он, помимо обладания философским умом, писательским талантом и остроумием, отлично чувствовал интересы публики и был верным слугой модного направления, проповедовавшего «царство разума» и всячески клеймившего церковь и христианство, доходя при этом до самого грубого цинизма.

Коронованные главы, члены владетельных домов искали с ним союза и дружбы и опасались его враждебности, хотя он и сам заискивал иногда перед монархами, как это было с прусским королем

Фридрихом II. Екатерина II также была его поклонницей и переписывалась с ним, считая его своим наставником; так же она общалась с Дидро и Даламбером. Поэтому первый визит Юсупов наносит Вольтеру в имени Ферней (неподалеку от Женевы), которое Вольтер приобрел за деньги, заработанные литературным трудом и биржевыми спекуляциями. Образ Вольтера в стихотворении явно не вызывает симпатий:

“...циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый”.

Хотя он отличается умом, смелостью и остроумием, но его отрицательные качества (цинизм, лстивость, пронырливость) явно их перевешивают.

Другой представитель Просвещения — Дидро вызывает значительно больше симпатий: он ведет ученые беседы, излагает свои взгляды на историю и религию. Пушкин точно характеризует его атеистические воззрения и страсть к поучениям:

“Садился Дидерот за шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедовал”.

Однако чрезмерная увлеченность проповедями, видимо, вводила его часто от истины и ставила в сложные положения. Сравнение Дидро с афинским софистом можно истолковать двояко: и как похвалу его ораторскому искусству, и как осуждение риторических и логических приемов, с помощью которых можно доказать любое положение, а потом его же и опровергнуть.

Искусство Франции представлено фигурой драматурга Бомарше — автора всемирно известной пьесы “Женитьба Фигаро”, главный герой которой стал одним из символов эпохи, когда придворные интриги, любовные игры и государственные дела сплелись в сложный, пестрый рисунок.

“Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою
Веселый Бомарше блеснул перед тобою”.

Именно при дворе, в загородных дворцах Версале и Трианоне, между роскошными приемами, балами и разнообразными развлечениями часто решались важные государственные проблемы, но именно о них Пушкин не говорит ни слова, потому что решались они не лучшим образом. В отличие от сферы культуры, Франции здесь нечем было гордиться. Блистательная эпоха Людовика XIV была далеко позади. На континенте с ней успешно соперничали Россия, Пруссия, Австрия, а на морях и в колониях — Англия, которая отняла у нее Канаду и большую часть индийских владений. Государственные финансы были также не в лучшем положении.

Все эти обстоятельства служили ослаблению государственного управления, которое в стихотворении персонифицировано в лице прекрасной женщины, предающейся забавам и развлечениям. Создавалась благоприятная почва для распространения идей установления нового общественного порядка, основанного на законах разума и свободы.

Французская революция охарактеризована чрезвычайно кратко. Пушкин как бы не хочет долго останавливаться на этом трагическом и судьбоносном событии. Он только называет основные слова-символы революции: разум, свобода, закон, жестокость и показывает мрачную судьбу тех, кто не смог управлять событиями и спастись. Период наполеоновских войн вообще отсутствует².

Прошла буря, наступили новые времена, в которых уже нет места модным идеям и словесным баталиям. Поколение периода Реставрации извлекло уроки из прошедшего и основное внимание уделяет денежным расчетам; эти люди "...торопятся с расходом свесть приход". Им уже не до искусства, развлечений и застольных бесед: "Звук лиры Байрона развлечь едва их мог". Пушкин явно без особых симпатий относится к ним, хотя и не осуждает, а просто констатирует роль новых общественных ценностей.

На примере Франции Пушкин демонстрирует циклический характер исторического процесса ("оборот кругообразный") и три его фазы – Просвещение, Революцию и Реставрацию. Эту идею он, видимо, почерпнул у Дидро и прекрасно ее воплотил в стихотворении. Хотя, строго говоря, процесс носит не кругообразный характер, а, скорее, имеет турбулентную, вихревую, спиралевидную траекторию (кстати, слова "ветренный", "вихрь", "кипение" присутствуют у Пушкина при характеристике исторических событий). Ведь Реставрация, в чем-то повторяя эпоху Просвещения, все же имела совсем другой дух.

Среди причин революции Пушкин выделяет две: идеологическую, связанную с распространением новых идей, и политическую, связанную с кризисом власти, ее "размягчением", феминизацией и разъединением на три центра – Версаль, Трианон, Ферней. Симптоматично, что нет столицы – Парижа! Ничего не сказано и о экономических причинах – нищете масс и финансовых затруднениях.

Образ Франции, при всем его многообразии, все же скорее носит негативный характер, что связано не только с разочарованием во многих идеях Просвещения и олицетворяющих их персонах, но и с чисто политическими причинами. Дело в том, что в это время Франция противодействовала большинству акций России на международной арене; позже Россия вела ожесточенную войну с Наполеоном. Эти два обстоятельства также могли повлиять на оценки Пушкина.

Однако не стоит полагать, что поэт столь однобоко представлял себе эпоху Просвещения. Интересно отметить, что в стихотворении

отсутствуют три такие важные фигуры, как Руссо, Монтескье, Даламбер, которые выражали более гуманные и научно обоснованные взгляды на человека, общество и природу. Руссо был настоящим гуманистом, выступающим за уважение достоинства человека, его прав вне зависимости от происхождения, критиковал частную собственность. Его идея общественного договора не была модным лозунгом, а долгое время влияла на лучшие умы европейской культуры. Монтескье написал трактат “О духе законов”, который использовали многие государственные деятели, в том числе и Екатерина II, при разработке основ законодательства. Он же выступал против радикальных революционных преобразований общества. Даламбер был известным математиком и выполнял трудную роль главного редактора “Энциклопедии”. Видимо, Пушкин все это прекрасно знал, но в концепцию стихотворения “К вельможе” эти фигуры явно не вписывались.

Голландия не названа в стихотворении, но из биографии Юсупова известно, что он прожил четыре года в Лейдене, где занимался правом, историей, древними языками, физикой и химией³. Видимо, здесь он проводил свои ученые беседы с Дидро. Таким образом, Голландия предстает идеальным местом для учебы и философских бесед. Такой уютный, тихий и чистый, благополучный уголок Европы, уже совершенно не похожий на Голландию Рембрандта XVII в. — мастерскую мира, владычицу морей, соперничающую с Англией и завоевывающую колонии по всему земному шару, отблески славы которой еще видел Петр I. Время и здесь все изменило.

Образ Испании как бы перекликается с образом Франции — страны любви, но развлечения носят иной характер, соответствующий южному краю, где “небо вечно ясно”, где “лавры зыблются”, где “апельсины зреют”, где ощущается дыхание Востока и Африки. Любовные забавы здесь уже носят не куртуазный аристократический характер, а наполнены “сладострастием”, “кипением” и “ревностью”. Именно здесь разыгрывается сюжет знаменитой трагедии Пушкина “Каменный гость”. Но времена уже другие: нет ни дуэлей, ни крови, ни поэтических вечеров, ни привидений — струи духа умиротворения, игры, расчетливости проникли и сюда.

Видимо, Севилья (в тексте Севилла) не случайно оказалась в маршруте Юсупова. Этот город в XVI-XVII вв. долгое время был крупнейшим торговым центром Европы, куда стекались богатства из заморских колоний Испании. Численность его населения приближалась к 300 тыс. человек, что в то время составляло огромную величину. В порт Севильи прибывали корабли со всего света, поэтому “иностранцы” были там обычным явлением, что отмечает Пушкин. Но к концу XVIII в. величие Испании, как и блеск Севильи, сильно полекли, что проявилось как в экономике, так и во внешней политике. Она потеряла все свои европей-

ские владения, связи с колониями также нарушались нападениями английских корсаров, развитие новых буржуазных экономических отношений тормозилось монархией и феодалами, жившими еще во многом средневековыми представлениями. Правда, в описываемый период у власти находились сторонники идеологии Просвещения, проводившие разнообразные реформы. Дух либерализма не был им чужд. Влияние французских идей ощущалось повсюду. Этот период нашел свое отражение и в ранних картинах Ф. Гойи.

“Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят, и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца”.

Кажется, что Пушкин сочинял стихи, видя эти картины, настолько переключаются они между собой.

Италия, так же, как и Голландия, не упомянута в стихотворении, но названы два выдающихся итальянских мастера: Корреджо и Канова. Корреджо был художником Высокого Возрождения, а скульптор Канова — представителем классической традиции. Образ Италии предельно упрощен — она предстает только страной талантливых художников⁴.

Англии посвящены лаконичные, но очень многозначительные строфы, в основном насыщенные политической и государствоведческой тематикой. Среди географических объектов отмечены главная река Англии — Темза и столица страны — Лондон (чего не было ни в одной из описанных стран) — средоточие власти и силы. В отличие от Франции, где власть как бы рассредоточена, здесь она соединена в единую систему, обеспечивающую защиту внутренних интересов и активные внешние действия. Хотя Пушкин употребляет слово “двойственный”, по сути, речь идет о триалектической системе, так как две стороны — “натиск” и “отпор” — приводятся в действие “пружинами” из какого-то центра управления, который, правда, не обозначен в тексте. Новый порядок основан на уважении гражданских прав и экономических интересов, которые хорошо переданы образом “скупой Темзы”. Здесь расположен один из крупнейших портов и финансовый центр, откуда Великобритания строила свою мировую империю, контуры которой уже просматривались во времена Пушкина, и управляла ею.

Но суровой, трезвой и скупой Англии отнюдь не чужды и искусства. Ведь беседа Юсупова с Бомарше происходит в Лондоне, где творил Шекспир, где, видимо, французское театральное искусство находило своих поклонников. В Англии создает новую поэзию лорд Байрон — кумир многих европейских и русских поэтов. Англия у Пушкина — это страна не только новой гражданственности, но и нового искусства. Ее образ носит скорее положительный характер, но в то же время в нем ощущается какая-то аналитическая беспристрастность, в отличие от образов Франции, Испании и Италии. На по-

зитивность образа Англии могло повлиять и то обстоятельство, что отношения России с ней были в тот период в целом дружественными.

Историческую и географическую панораму сильно расширяет обращение к античным образам, что было для культуры того времени обычным явлением. Не только художники и писатели, но и политики часто обращались к античным образам для подтверждения своих мыслей, ибо там находились истоки многих социальных, политических, эстетических и иных учений современности. То было время “золотого века” европейской цивилизации.

Из древних персонажей Пушкин упоминает скифа, афинского софиста, греческого философа Аристиппа и римского аристократа, образ которого наиболее ярок и впечатляющ.

Скифия представлена не воинственным кочевником, не варваром, а любознательным учеником, пытающимся понять греческую философию. Очевидно, что он уже освоил какие-то начала греческой культуры и языка, иначе такой диалог не мог бы состояться. Исторически такая беседа вполне могла иметь место, но, скорее всего, не в Афинах, а в каком-нибудь городе Северного Причерноморья, где наблюдался синтез греко-римских и скифских культурных традиций. Скифы далеко продвинулись в освоении античных достижений и развитии собственных традиций, о чем свидетельствуют великолепные ювелирные изделия из золота, городская культура, военное дело и др.

Греция представлена не гениальными философами Аристотелем и Платоном и не выдающимися героями, поэтами и художниками. Ее представляет фигура Аристиппа — ученика великого Сократа.

Аристипп принадлежал к философской школе гедонизма, представители которой считали чувственные впечатления основой формирования представлений о мире и придавали особое значение переживанию приятных впечатлений, наслаждениям, в которых они видели смысл жизни, ее движущий мотив. Вместе с тем, Аристипп учил, что нужно сохранять самообладание и не становиться рабами наслаждений.

Рим представлен удалившимся на склоне лет от дел аристократом, который в своей роскошной вилле, украшенной произведениями искусств, устроил клуб для отдыха молодых политиков, где можно “день-другой роскошно отдохнуть,

вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь”.

Видимо, речь идет о Риме периода республики, где наблюдалась активная общественная жизнь, борьба разных социальных групп. Воин, видимо, олицетворяет военную демократию, оратор — демократию плебса⁵, консул — гражданскую республику, диктатор — военную диктатуру, предвестницу империи. Но все они как бы соединяются в доме умудренного государственного мужа и ведут диалог с ним (а, следовательно, опосредованно, и друг с другом), а он выступает в

роли учителя, находя нужные слова для каждого из них. Вряд ли возможно представить, что они только предавались беззаботному отдыху, не касаясь тем основной своей деятельности. Ведь в этом фрагменте Пушкин мало говорит об артистах, художниках, поэтах.

Возможно, в этих заключительных строфах содержится скрытая мысль о необходимости разнообразных, сменяющих друг друга форм общественной жизни для России отдаленного будущего и о важной роли опытных мудрых наставников, как бы стоящих в стороне и над потоком жизни, но хорошо его видящих и понимающих.

Образ классического Рима исключительно положительный и тесно связан с образом Италии — страны классического искусства — и личностью главного героя стихотворения — Юсупова, который и представляет Россию.

Прямые оценки общественной жизни России, ее географических условий очень скудны. Во-первых, эта страна названа “Севером”, что часто встречается в европейских источниках по отношению к России; эта характеристика дополняется образом родины “любопытного скифа”, обширные территории которой были сначала заняты кочевыми азиатскими народами, потом казаками, а в описываемый период присоединены к России. Во-вторых, ясно обозначен монархический принцип правления, основанный на четкой иерархии и подчинении субъекту верховной власти — “венчанной жене” Екатерине II. Это отражает реальное положение, когда императрица вмешивалась в решение всех сколько-нибудь важных дел — от внешней политики и государственного законодательства до планировки и строительства помещичьих усадеб. И поездки молодых русских аристократов в Европу, конечно, не были только их личной прихотью, а санкционировались верховной властью. Статус Юсупова как посланника (конечно, не в юридическом смысле) точно отражает эту ситуацию⁶. Но Пушкин не акцентирует на этом внимание и создает у читателя впечатление, что Юсупов был свободен в своих странствиях по Европе, тем самым желая обозначить свой идеал своеобразной демократии просвещенных аристократов, в среде которых монарх был лишь “первым среди равных”.

Итак, посланник России, ее олицетворение, ее многозначительный символ, который может помочь понять страну и время.

Образ Юсупова чрезвычайно многолик и подвижен. Кажется, что он соединяет в себе несоединимые роли: то он ученик, то философ, то придворный кавалер и любовник, то государственный муж и меценат. Но все же в этой разнообразной подвижности прослеживается определенное постоянство: интерес к наукам и искусствам, радостно-философское отношение к жизни и людям, поддержание достоинства в общении с иностранцами (хотя бы и выдающимися людьми). Свою сознательную жизнь он начинает как молодой ученик — “любопыт-

ный скиф”⁷, приехавший в Европу за знаниями, столь необходимыми новой России. Затем он знакомится со многими выдающимися деятелями Просвещения — философами, художниками, артистами, поэтами, его назначают послом в нескольких итальянских государствах. Вернувшись в Россию, он становится государственным деятелем⁸, а на склоне лет (как бы став “римским вельможей”) заканчивает строительство своего дома-дворца и размещает в нем великолепную коллекцию картин, скульптур и книг.

Сравнение Юсупова с римским патрицием имеет важное значение для понимания образа России — наследницы классической античной греко-римской культуры. Но это не “Третий Рим” монаха Филофея, идеи которого вдохновляли многих православных русских государственных людей в период становления Московского государства. Это и не императорский Рим с культом божественного императора, оргиями, кровавыми зрелищами и бесплатной раздачей хлеба плебсу. В стихотворении предстает общество свободных граждан, общество, в котором конкурируют, ведут диалог, сменяют друг друга разные социальные силы в общественной атмосфере, проникнутой и смягченной духом искусства.

Может быть, такой хотел видеть Пушкин Россию отдаленного будущего? Идеализируя Россию, поэт идеализирует и своего героя. Его характер обладает чертами достоинства, постоянства, молодости, приветливости:

“...твой разговор свободный

Исполнен юности. Влиянье красоты

Ты живо чувствуешь”.

Сравнивая нравственные свойства героя и его зарубежных знакомых, легко заметить его преимущества. В общении с ними он выглядит предпочтительнее как человек⁹.

Достоинство Юсупова, почтительное отношение к нему со стороны видных деятелей европейской культуры отчасти определялось величием русской императрицы, которой завидовали все крупные европейские политики: Питт, Фридрих II, Кауниц, Шуазель. Они называли Екатерину II “вечной счастливицей”, потому что ей удавались почти все политические комбинации. Ни одна страна в XVIII в. не добивалась таких внешнеполитических успехов. В ее состав вошли часть Польши, Белоруссия, часть Западной Украины, Крым, Кубань, Кабарда, плодородные земли Новороссии. Она получила новые порты: Севастополь, Николаев, Одессу, Очаков, Херсон. После победы над Наполеоном ее влияние стало столь велико, что без нее не решались, практически, никакие важные вопросы в Европе.

России удалось избежать кровавой бури революций, которые потрясали Европу, хотя пугачевский бунт и декабрьское восстание поставили под сомнение многие принципы государственного, экономичес-

кого и социального порядка в самодержавной России. Ощущалась необходимость кардинальных реформ.

Но в целом в стихотворении Пушкин, говоря о России, делает акцент на нравственных и интеллектуальных свойствах человека, а не на государственно-политических вопросах, которые критически обсуждать в то время, после подавления декабрьского восстания, было не принято.

Может быть, он видел в формировании счастливого человека в тогдашней России единственную возможную альтернативу гражданскому обществу, формирующемуся в Европе? Разве не об этом говорят знаменательные строки:

“Ты понял жизни цель: счастливый человек,

Для жизни ты живешь”.

Здесь, по существу, сформулирован принцип, созвучный идеям философии жизни, возникшим в конце XIX века в Европе. Жизнь имеет самостоятельную ценность. Ее полнота определяется наличием счастья, обретаемого, в частности, в общении с интересными людьми и произведениями искусства. Жизнь не для абстрактной идеи – бога, государства, власти, денег. Эту мысль подтверждает и стихотворение, написанное примерно в это же время – “Новоселье”, в котором поэт благословляет “веселье, свободный труд и сладкий мир” простого человека, получившего “свой домик малый”. Если мещанину вполне достаточно обычного дома, то вельможе подобает дворец.

Дом Юсупова – знаменитый дворец “Архангельское” – является продолжением его личности, вкусов, характера, хорошо отражает весь его жизненный путь. Изучив коллекцию книг, картин и скульптур, архитектуру зданий и парков, можно лучше понять внутренний мир героя, его чувства и мысли, которые, может быть, и не высказывались публично.

Начиная описание дворца, Пушкин определенно утверждает, что поместье создавалось по планам самого Юсупова, который использовал здесь знания и наблюдения, приобретенные за долгие годы жизни в Европе:

“...циркуль зодчего, палитра и резец

ученой прихоти твоей повиновались”.

Талантливые архитекторы, художники и скульпторы выполняли его замыслы или, как принято сейчас говорить, концепцию, наполняя ее конкретным содержанием¹⁰. А замыслы его возникали под влиянием впечатлений от садов, парков и дворцов Италии и Франции, коллекций французских и итальянских аристократов, а также модных направлений искусства XVIII-XIX вв., среди которых классицизм был одним из важнейших. В результате возник архитектурный и садово-парковый ансамбль с галереей и библиотекой – ансамбль, который

получил название “Подмосковный Версаль”. В его создании принимали участие известные архитекторы: де Терн, Бове, Петтонди, Тромбаро, Кампорези, русские мастера – Стрижаков, Тюрин, Мельников, Жуков, Борунов. Парк был украшен скульптурами итальянских мастеров: Кампиони, Трискорни, Пенно. “Стройные сады” создавались под влиянием французских регулярных парков Версаля и итальянских садов. Садово-парковая семантика классицизма служила прославлению монарха, вельможи, помещика, подчеркивала следование античным традициям порядка, разумности, симметрии, ясности. Жемчужинами галереи были произведения великих итальянцев: Корреджо, стиль которого отличается мягкой грацией и интимное очарование, легкость и декорированное изящество, светлый колорит, и Кановы, который подражал античной скульптуре. Для его стиля характерно торжественное спокойствие композиции, ясность, но одновременно холодность и салонная красивость.

В целом коллекция произведений искусства “Архангельское” считалась одной из самых крупных в России и в Европе в первой четверти XIX в. В основном она состояла из произведений французских, а также итальянских и голландских художников и насчитывала более 500 картин. Были представлены картины таких мастеров, как Робер, Грез, Лебрен, Виже-Лебрен, Дуайен, Давид, Гро, Берне, Тьеполо, Корреджо, Ротари, Риччи, Белотто, Баттони, Рембрандт, Ван-Дейк, Воуверман, Ван-Лео, Доу, Свебах, произведения скульпторов Кановы, Фальконе, Бушардона и других мастеров. Библиотека насчитывала около 18 тысяч томов с редкими изданиями XV-XVII вв. (в том числе изданием Библии 1462 г., “Острожской Библии” И.Федорова 1581 г., “Божественной комедии” Данте 1502 г. и другими старинными книгами итальянских, голландских, французских и русских издательств). Были произведения и русских мастеров: скульптуры Козловского, Витали, картины художников Аргунова, Орловского, Ткачева, Полтева, Сотникова, Шебанина. В комплекс усадьбы входил театр с декорациями известного итальянского художника Гонзага, сохранившимися до наших дней. Были небольшие фарфоровый, фаянсовый, хрустальный и стекольный заводы, художественная школа и мастерская.

Это имение постоянно привлекало внимание известных деятелей русской культуры. Здесь в разное время бывали Пушкин, Карамзин, Вяземский, Герцен, Огарев, Серов, Маковский, Бенуа, Клейн, Игумнов, Корин, Рихтер¹¹.

Известность “Архангельского” была настолько велика, что поэт Воейков, делая вольный перевод поэмы француза Делиля “Сады и искусство украшать пейзажи” писал:

“В “Архангельском” сады, чертоги и аллеи,

Как бы творение могучей некой Феи,

За диво бы сочли и в Англии самой”.

За время своего существования “Архангельское” приобрело такое значение в культурной жизни страны, что оно будет жить, пока существует Россия и люди, ценящие красоту.

Как уже отмечалось, “Архангельское” является пространственным центром, из которого Пушкин и Юсупов ведут совместный диалог с представителями европейской культуры, общественности, частными лицами, условными персонажами древности, живущими в Лондоне, Лейдене, Версале, Трианоне, Фернее, Севилье, Риме и Афинах¹².

Почему же Санкт-Петербург и Москва отсутствуют в этом диалоге? Ответить на этот вопрос однозначно вряд ли возможно. Может быть, Пушкин в хозяине дворца искусств и науки видел некую альтернативу (или, скорее, дополнение) столичной бюрократической власти?

Но все же слово “Москва” присутствует в стихотворении. Оно стоит в скобках рядом с названием, обозначая место его написания. И дух Москвы –веселой, родной – конечно, присутствует в произведении. Здесь уместно процитировать фрагмент еще одного стихотворения, написанного примерно в это же время – “Ответ”:

“Пора! В Москву, в Москву сейчас!

Здесь город чопорный, унылый,

Здесь речи – лед, сердца – гранит;

Здесь нет ни ветрености милой,

Ни муз, ни Пресни, ни харит”.

В сравнении с холодным, строгим Санкт-Петербургом Москва все же выигрывала в глазах Пушкина.

Вернемся опять к образу России. Она в лице Юсупова ведет успешный диалог со странами Европы. Дом хозяина и его коллекция художественных произведений также отражает связи с разнообразными культурными и национальными традициями. В нем можно найти знаки и символы почти всех времен и народов. Так и Россия предстает культурно-исторической моделью всей земной цивилизации, где соединились в единый ансамбль разные культурные традиции. Но их роль, место и значение, конечно, не одинаковы. В самом стихотворении предстают три лика России:

– Рим и Афины,

– Скифия,

– Север.

Вершину этой триалектической системы составляет античный греко-римский сегмент русской культуры, а Скифия и Север, скорее, являются дополнительными, но в то же время и нерасторжимыми частями целого. Если античный образ России Пушкин раскрывает достаточно полно, место цивилизованной Скифии также, хотя и скупно, определено, то Север представляет некую тайну, которую еще нужно понять, привлекая другие произведения поэта.

В заключение следует отметить, что стихотворение “К вельможе” содержит много непонятного, требующего дальнейших поисков.

Интересно сопоставить образы стран в стихотворении с их синтетическими образами, построенными на основе всего творчества Пушкина, творчества других известных деятелей русской культуры. Необходимо выявить устойчивые компоненты образов, присутствующие в творчестве писателей, художников, ученых разных стран, определив систему культурологических терминов, по которым следует делать такие синтетические описания.

Остается непонятным скупой образ Италии, в которой Юсупов был послом несколько лет, покупал там произведения искусства, посещал виллы итальянских аристократов. Может быть, Пушкин не хотел из деликатности или дипломатических соображений напоминать о не совсем удачной миссии при папском дворе, когда нужно было добиться должности кардинала для руководителя католиков России?

Визит в Португалию, где Юсупов был тепло принят известным деятелем эпохи Просвещения маркизом Помбалем, добившимся значительных успехов на пути реформ, также по каким-то причинам не отражен Пушкиным, хотя он ценил португальскую поэзию в лице Камоэнса.

Практически полное отсутствие германского культурного круга также следует осознать. Отчасти это объясняется тем, что Юсупов был лишь в Вене, но вряд ли это объяснение исчерпывающее. Анализ географического пространства произведений Пушкина, Лермонтова и Пастернака показывает, что Франция все же представлена в их творчестве более полно (особенно это заметно у Пастернака). Возможно, в этих особых культурно-географических отношениях России с Францией и романским миром следует искать объяснение?

Важно попытаться выяснить, как повлияло общение с Юсуповым на оценки Пушкина. Очевидно, что оно оставило свои знаки в стихотворении. Каковы вообще были взгляды Юсупова по всему кругу вопросов, затронутых в стихотворении?

Какова роль Юсупова в сооружении усадьбы и парка? В использованной литературе нет ни малейшего намека на его совместную работу с архитекторами, художниками, артистами. Но не доверять Пушкину также вряд ли возможно.

И, наконец, какое место это стихотворение занимает в эволюции общественных и культурно-исторических взглядов Пушкина?

Подводя итог, можно констатировать, что применение географического подхода в соединении с традиционным литературоведческим, культурологическим и историческим методами является полезным при анализе художественных произведений, позволяет получить новые знания.

Удалось установить, что реальные и условные географические элементы в стихотворении (города, поместья, реки, персонажи) центрированы относительно дворца “Архангельское”, откуда разворачивается панорама исторических, общественных и культурных событий и образов в диалоге Пушкина и Юсупова.

Россия, ведущая успешный диалог с Европой, выступает сильным и стабильным обществом аристократов-интеллектуалов во главе с монархом и представляет собой страну синтетической культуры, соединенной из греко-римских, скифских и северных элементов.

Франция предстает фокусом европейской цивилизации конца XVIII – начала XIX в. и моделью, где развиваются эпохальные исторические события, имеющие циклический характер – Просвещение, Революция, Реставрация. Ее образ многомерен и противоречив. Это страна политики и искусства, науки и любви, жестокости и свободы.

Романский мир (Испания и Италия) является преимущественно пространством прекрасных пейзажей, любви и искусства.

Англосаксонский и германский мир (в той мере, в какой он представлен Англией и Голландией) – это область нового динамичного порядка, основанного на приоритете гражданских и экономических интересов, а также развитию науки и искусства.

Античная цивилизация (Рим и Афины) предстает прежде всего обществом философов и аристократов, а также политиков и воинов.

Литература

- Безсонов С.* Архангельское. М., 1952.
Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. Ч. 3. Внешняя политика. СПб., 1885.
Булавина Л. Архангельское. М., 1981.
Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб., 1997.
Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры. Р.-на-Д., 1992.
Геттнер Г. История всеобщей литературы XVIII в. Т. II. Французская литература в XVIII в. СПб., 1866.
Лихачёв Д.С. Поэзия садов. Л., 1982.
Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1997.
 Новая история. Первый период. М., 1983.
 О роде князей Юсуповых. Ч. 1-2. СПб., 1866-67.
Познанский В.В. Архангельское. М., 1966.
 Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997.
Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.-Л., 1950.
 Римская история Т.Моммзена. Т. 1, 2, 3. М., 1887.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 26-29. СПб., 1893-1895.
Тарле Е.В. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1-2. М., 1945.
Торопов С.А. Архангельское. М., 1927.

Сергиенко П.Я. Триалектика. Новое понимание мира. Пушкино, 1995.

Тэн И. Философия искусства. М., 1996.

Федотов Г. Певец империи и свободы. (Пушкин в русской философской критике.) М., 1990.

Фомичев С.А. Праздник жизни. Этюды о Пушкине. СПб., 1995.

Швидковский Д.О. Императорский заказ и система взаимосвязей русской и европейской архитектуры в течение XVIII столетия // Заказчик в истории русской архитектуры. Архив архитектуры. Выпуск V. № 2. М., 1994.

Примечания

¹ Франция, а точнее франкокультурная территориальная система, и сейчас отчасти является центром Европы. Страсбург — местоположение Европарламента (расположен во Франции, но на границе с Германией), в Брюсселе — резиденции Европейского правительства и столице Бельгии — также распространен французский язык (одновременно с фламандским), в Люксембурге — местопребывании Европейского суда — французский язык является государственным наряду с немецким и люксембургским.

² Н.Б. Юсупов был на аудиенции у Наполеона, который подарил ему вазу из севрского фарфора; ему было предоставлено также право присутствовать в императорской ложе театра.

³ В галерее “Архангельское” были две картины Ван-Лоо: “Электрический опыт” и “Пневматической опыт”, которые, возможно, были приобретены в период обучения и отражают позитивный, исследовательский дух эпохи Просвещения.

⁴ В стихотворении упомянут итальянский писатель и экономист Гальяни, знакомый с Дидро и энциклопедистами, а также итальянский поэт Касти — автор комических опер и сатирической поэмы “Говорящие животные”. Но какую роль они играют в замысле произведения, предстоит еще понять, так что образ Италии, видимо, сложнее.

⁵ Термин “плебс” не имел в древности того уничижительного оттенка, который он приобрел в новое время и современную эпоху. Это был, скорее, социальный термин. Плебеями были и торговцы, и ремесленники, и наемные рабочие. Верхушка плебса имела часто значительные состояния и политическое влияние.

⁶ Юсупов переписывался с Екатериной II и, помимо выполнения официальных поручений, приобретал для нее произведения искусства.

⁷ Здесь содержится намек на азиатское происхождение его отдаленных предков. Род Юсуповых ведет свое происхождение от ногайского князя XVI в. Юсуфа, отца Казанской царицы Сююмбеки. Юсуф был прямым потомком знаменитого хана Золотой Орды Едигея и обменивался грамотами с Иваном Грозным.

⁸ В разные периоды жизни (1751-1831 гг.) он занимал следующие государственные должности: верховный маршал при трех коронациях, чрезвычайный посланник при Сардинском Дворе, в Риме, в Венеции, в

Неаполе, Министр департамента уделов, сенатор, главноначальствующий Оружейной палатой и театральными зрелищами. Он был кавалером орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, 1-ой степени Св. Владимира, Польского Белого Орла, командором большого креста державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского.

⁹ Для понимания реального облика Юсупова следует обратить более пристальное внимание на слова Пушкина: “Приятель твой Вольтер... и твой безносый Касти...” Не содержится ли здесь намек на некоторое сходство неприятных черт характера этих персонажей с характером главного героя стихотворения? Очевидно, что реальный нравственный облик Юсупова отличался от поэтического образа. “Проказил” он очень даже не “умеренно”. Устные легенды сообщают, что в деревенском доме у него была “обширная галерея портретов красавиц, которые оказывали ему благосклонность”. На старости лет он содержал в качестве любовницы крепостную актрису. Его гуманизм также имел известные пределы; он отправлял своих провинившихся крепостных крестьян в дальние имения в качестве наказания, низко оплачивал труд своего крепостного архитектора Стрижакова и даже большого обижал его работать. Управлял он своими поместьями также не лучшим образом — после его смерти остался долг на 2 342 546 руб., что по тем временам составляло громадную сумму. Значительная часть этого долга, видимо, была связана со строительством “Архангельского” и приобретением произведений искусства и книг, которые поглощали значительную часть доходов с других имений. Оценивая эти финансовые затраты в историческом ракурсе с учетом их культурного значения для России, очевидно, следует признать их высокую общественную полезность.

¹⁰ Впервые “Архангельское”, называемое тогда Уполозы, упоминается в писцовых книгах 1584 г. В 1646 г. Уполозы названы в документах “Архангельское”. Голицыны приобрели имение в 1703 г. и построили дворец и парк, собрали одну из крупнейших в России библиотек начала XVIII в. С Голицыных начинается культурный рост усадьбы. В 1810 г. поместье покупает Н.Б. Юсупов и перестраивает его.

¹¹ “Архангельское” продолжало развиваться и в последующие периоды. В 1900-х годах хозяева поместья предпринимали усилия по его оживлению и превращению в культурный центр. Меняется убранство залов, приглашаются известные деятели культуры: Маковский, Бенуа, Клейн, Игумнов. В советский период проводятся реставрационные работы. Организуются художественные выставки: “Фарфор и фаянс крепостного завода в Архангельском”, “Русский портрет и интерьер первой половины XIX в.”, “Русский лубок”, “Дворцово-парковые ансамбли Подмосковья” и другие. Ставятся спектакли в театре, украшенном декорациями Гонзага. Выступают пианисты Рихтер и Гаврилов.

¹² Окрестности “Архангельского” в советский и современный периоды русской истории стали местом летних резиденций крупных государственных деятелей.

Методология и теория

В.Н. Стрелецкий

ПАРАДИГМЫ ГЕОПРОСТРАНСТВА И МЕТОДОЛОГИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Гуманизация и гуманитаризация географии — характерная тенденция современного этапа ее развития. Одним из наиболее убедительных свидетельств этой тенденции может служить формирование и подъем за рубежом, а в последние десятилетия и в нашей стране, такой науки, как культурная география, которая все более становится своего рода ядром интеграции дисциплин гуманитарно-географического профиля.

Вместе с тем, культурная география — это наука, в полной мере еще не оформившаяся, не сложившаяся в виде “стройного”, упорядоченного набора научных направлений и субдисциплин. Неудивительно поэтому, что и самих научных дефиниций культурной географии, определений ее объекта существует достаточно много. И это не просто терминологическая разногласица, но и отражение зачастую принципиальных расхождений ученых во взглядах относительно содержания и предмета культурной географии. К тому же, культурная география, как и любая иная наука, непрерывно развивается, обогащается новыми направлениями, парадигмами и концептами.

В самом общем виде, культурную географию можно определить как науку, объектом изучения которой является *пространственное разнообразие культуры и ее распространение по земной поверхности* [Стрелецкий, 2001]. Но еще раз подчеркнем, что это лишь самая общая дефиниция, требующая конкретизации и научных интерпретаций. Так, с одной стороны, культурная география традиционно изучает пространственную дифференциацию элементов культуры — как артефактов, так и ментифактов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой. С другой стороны, объектом ее изучения часто выступают процессы и результаты пространственной самоорганизации целых культурных комплексов и их носителей — общностей людей со сложившимися, надбиологически выработанными, устойчивыми стереотипами мышления и поведения, передающими-

мися от группы к группе, от поколения к поколению. Наконец, все более важной тенденцией развития культурной географии становится изучение *представлений о географическом пространстве* в разных культурных контекстах, образов различных местностей и территорий, отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди — носители той или иной культуры.

Вопрос *о значении земного пространства для человека и культуры* — ключевой для культурной географии. В данной статье и предпринимается попытка проследить историческую трансформацию подходов ученых-географов к решению этого ключевого вопроса с момента становления культурной географии до наших дней. Разумеется, проследить очень бегло и схематично, ибо подробный, фундаментальный разбор этих сюжетов потребовал бы не одной небольшой статьи, но многих капитальных монографий.

Хорологическая концепция в географии и “пространственный” подход к исследованию культуры

Формирование культурной географии как научного направления связано с *хорологизацией географических знаний*. До методологического переворота, начатого в географии работами К. Риттера, элементы культурно-географического анализа, присутствуя в научных трудах (античных, средневековых авторов, ученых Ренессанса, Просвещения, и т.п.), являлись, главным образом, лишь фрагментарными звеньями дескриптивного страноведения. Узловой теоретической проблемой, с которой столкнулись географы XIX в., стало осмысление категории “пространство” и введение ее в научный дискурс (географы XVII–XVIII вв. этим термином практически не пользовались).

Естественно, различия в трактовке категории “пространство” в географической науке отражали дискуссии, ведшиеся вокруг этого понятия в философии и естествознании. Существовали как *субстанциональные* интерпретации пространства, восходящие к И. Ньютону и его античным предшественникам, так и *реляционные*, соответствующие традиции, заложенной Г. Лейбницем. В первом случае постулировалось бытие пространства независимо от материальных объектов, во втором — оно трактовалось как мир этих объектов, отношения между ними, и тем самым отрицалось его существование вне данных объектов и отношений.

Пространство как *вместилище объектов* представлялось пустым и изотропным, и на первых порах такое понимание было для ученых-географов более доступным и встречалось чаще. Осмысление “заполненного” анизотропного пространства как *мира всего сущего*, отношений между объектами пробивало себе дорогу труднее и дольше. Огромное

влияние на формирование “пространственной” традиции в географической науке оказали идеи И. Канта, особенно его знаменитая классификация с разграничением наук сущностных (предметных), хронологических (исторических, временных) и хорологических (географических, пространственных). Это влияние оказалось столь глубоким и существенным, вероятно, еще и потому, что профессиональная деятельность И. Канта была неразрывно связана в том числе и с географией, преподававшейся им в Кенигсбергском Университете с 1757 по 1797 гг. (сам И. Кант не публиковал своих лекций, но в начале XIX в. они были систематизированы и изданы [Kant, 1802] Ф. Ринком).

Хорологический принцип как теоретический фундамент развития географии в качестве самостоятельной отрасли знаний был обоснован К. Риттером. Предмет географии, по Риттеру, составляют “пространства на земной поверхности, поскольку пространства эти наполнены земным веществом, к какому бы царству природы вещество это не принадлежало и в какой бы форме не проявлялось” [Ritter, 1853, с. 481]. Таким образом, широко укоренившееся в современной географии представление о “земном пространстве” (или “геопространстве”, как его теперь называют многие географы) как о главном объекте изучения этой науки, восходит именно к К. Риттеру. При этом земное пространство трактовалось им в субстанциональном, ньютоновском, смысле как “вместилище” природного и культурного субстрата.

Развивая идеи И. Канта и К. Риттера, другой выдающийся немецкий мыслитель — А. Геттнер — сформулировал в своих работах целостную концепцию, названную им хорологической и призванную, по его мысли, стать методологической основой географии как одной из фундаментальных наук. Для А. Геттнера главное в географии — познание земной поверхности в ее пространственных различиях [Геттнер, 1930]. При этом на первый план в его трактовке выдвигаются уже не размещение объектов и даже не “заполнение” пространства земным “веществом” как таковое, но прежде всего *пространственные отношения* на земной поверхности, *пространственные сочетания и связи* предметов и явлений, структурные характеристики *индивидуальных районов* (местностей).

На протяжении XX в. хорологическая концепция, принятая на вооружение географами практически повсеместно, претерпела, тем не менее, *грандиозную трансформацию*. Географы, в большинстве своем, далеко отошли от представлений о пространстве как “полом ящике”, вместилище объектов. Огромные изменения в философии, естествознании, самой географии способствовали тому, что взгляд на пространство как на “пустоту” все более вытеснялся его реляционными трактовками. Параллельно этому в научный оборот входило представление о множественности “частных” пространств — от “физического” до

“социального” [Buttimer, Seamon, 1980]. В сами термины “хорология”, “хорологический подход” теперь вкладывается, как правило, совершенно *иной смысл*, чем на рубеже XIX–XX вв.

В соответствии с хорологической парадигмой в ее новой, осовремененной интерпретации, наблюдаемые на Земле пространственные отношения, связи и структуры и есть истинный предмет изучения географии. Переосмысление существа хорологического метода отмечалось и в географических исследованиях культуры. Если раньше в фокусе внимания культургеографов находилась обычно *территория* со специфичной для нее культурной “начинкой”, то теперь — пространственные отношения и подвижки между самими *культурными общностями*.

Вместе с тем, кардинальную трансформацию в географии претерпевает отнюдь не только хорологическая концепция. Примерно с рубежа 1960–1970-х гг. пересматриваются сами подходы к постановке и решению фундаментальных теоретико-методологических проблем, принципы и философские основания, на которых строилось “здание” прежней географии [Джонстон, 1987; Джеймс, Мартин, 1988]. Появляется даже броский термин — “философская революция в географии” [Johnston, 1983] — по аналогии с прогремевшей в ней в 1950–1960-е гг. “количественной революцией”. Многие корифеи западной географии — Д. Смит, Д. Харви и др. — отходят от принципов сциентизма и позитивистской философии¹. Важным следствием этих сдвигов стали общая гуманитаризация географических знаний и разворот географической науки в сторону социальной и антропокультурной проблематики.

Концептуализация понятия “культура” и становление культурной географии

Для становления и развития культурной географии не менее важным процессом, чем переосмысление категории “*пространство*”, была и концептуализация понятия “*культура*”. Однако в отношении этого базового понятия в культурной географии до сих пор царит разногласия. Впрочем, в известном смысле, такая неопределенность отражает общую ситуацию в философии культуры и мировой культурной

¹ Показательна в этом отношении эволюция взглядов Д. Харви — одного из лидеров школы пространственного анализа в так называемой “новой” географии 1960–1970-х гг., автора фундаментальной монографии “Explanation in geography” (1969, рус. пер. 1974 г.). Книга же, написанная тем же автором двадцать лет спустя [Harvey, 1989], стала своего рода манифестом постмодернизма в социальных науках; для культургеографов особенно интересна третья глава этой книги — “Experience of space and time” [Harvey, 1989, p. 201–326], название которой, наиболее адекватно ее смыслу, можно перевести как “опыт переживания и восприятия пространства и времени”.

антропологии, в которых термин “культура” употребляется в самых разнообразных смыслах. Одних только определений “культуры” насчитывается несколько сотен — специальные труды посвящены только систематизации и типологии философских и научных подходов к культуре, классификации ее дефиниций — глобалистских, структуралистских, функционалистских, технологических, аксиологических, семиотических и многих других [Kroeber, Kluckhohn, 1952; Moore, 1952; White, 1959 и др.].

Разумеется, в зависимости от того, какое содержание вкладывалось учеными-географами в термин “культура”, существенно менялись предметные рамки и методологическое “поле” культурной географии как научной дисциплины. Но каких бы представлений о сущности культуры ни придерживались географы разных школ, традиций и направлений, все они вынуждены были отвечать, по сути, на одни и те же, вопросы — “Что подразумевается под пространственными различиями в культуре?” и “Как их можно измерять?”

Исторически культурная география формировалась в “лоне” единой антропогеографии, или географии человека [Реклю, 1898–1906; Ratzel, 1882–1891; Ратцель, 1902, 1903–1906; Vidal de la Blache, 1922; Богораз-Тан, 1928]. По мере “отпочкования” от последней экономической географии (географии хозяйства), все более “обесчеловечивавшейся”, и возникновения сравнительно обособленных и специализированных социально-географических дисциплин именно культурная география становилась как бы “хранительницей завета”, наследницей гуманитарных и гуманистических традиций прежней антропогеографии. По такому сценарию происходило становление культурной географии во Франции [Claval, 1964], Германии [Bartels, 1968], дореволюционной России (слабее был выражен этот процесс в XIX в. в англоязычных странах). В этой же связи на рубеже XIX–XX вв. особенно тесная смычка сложилась у культурной географии с этнографией. Л. Фробениус и Ф. Гребнер в Германии, Д.Н. Анучин и В.Г. Богораз-Тан в России внесли огромный вклад в развитие как этнографии, так и культурной географии — их трудно “записать” по какому-либо одному “ведомству”. Но существенно то, что “культура” понималась географами при этом как *одна из сфер человеческой активности*. Соответственно, культурная география стала постепенно превращаться в одну из “отраслевых” дисциплин — наряду с экономической, социальной, политической географией.

В XX в. положение существенно изменилось. Бурное развитие и дифференциация наук о культуре, усложнение научных и философских представлений о ней оказали сильное воздействие и на географию. Осознание того, что культура — всеобъемлюща и всеохватна, способствовало углублению междисциплинарных исследований, но одновременно “раз-

мывало” единство и целостность традиционно понимаемой культурной географии изнутри. Так, взгляд на культуру как на способ жизни людей влек за собой переоценку представлений о самом предмете культурной географии, все более вторгающейся теперь в сферу исследований экономико-, социо- и даже физико-географов [Wagner, 1960, Carter, 1968, Dicken, Pitts, 1970]. В интерпретации Дж.Ф. Картера, культура — это специфический способ надбиологической адаптации человеческого общества к окружающей среде [Carter, 1968, p. 5]. Американские культургеографы Дж. Спенсер и В. Томас [Spencer, Thomas, 1969, 1973] понимают под культурой совокупность усвоенного людьми поведения и способов жизнедеятельности. В трактовке П. Хаггета, культура — это “устойчивые стереотипы заученного людского поведения, с помощью которых основные понятия и представления могут быть переданы от одного поколения к другому или от одной общности людей к другой” [Hagget, 1979, с. 282].

Стало очевидно, что культурная география едва ли может претендовать на монополию изучения какого-либо “субстратного” сегмента геосферы — наподобие того, как геоморфология изучает рельеф Земли, а экономическая география — размещение хозяйства. Соответственно, все большее распространение получало представление, что целью культурной географии является исследование традиционных географических объектов под особым — геокультурным — углом зрения [Mikesell, 1978]. В соответствии с такой трактовкой, культурную географию как самостоятельную научную дисциплину отличает не наличие особого объекта изучения, но специфическая эпистемология.

Для отечественной культурной географии XX в. оказался очень тяжелым временем. Традиции дореволюционной русской географии, широко использовавшей антропокультурные подходы, в советский период были фактически утрачены, и даже такая дисциплина, как география населения и населенных мест, развивалась в Советском Союзе главным образом в общем “русле” экономической географии. Редкие исключения, такие, как, например, пронизанный антропогеографическими и хорологическими мотивами выдающийся труд В.П. Семенова-Тян-Шанского “Район и страна” [Семенов-Тян-Шанский, 1928], не могли принципиально изменить ситуацию. Ценность и актуальность географии культуры либо отрицались вообще, либо ее предмет понимался предельно узко.

Лишь с 1980-х гг. культурная география стала осознаваться как требующее серьезной теоретической разработки научное направление. Важный толчок ее развитию дали труды В.М. Гохмана, исходившего в своих теоретических построениях от распространенных в современной культурологии взглядов на культуру как на систему средств и механизмов адаптации человеческого общества к окружающей среде

[Гохман, 1984], а также работы Ю.А. Веденина по географии искусства и культурному ландшафту [Веденин, 1990, 1997].

Однако очень многие российские культургеографы по-прежнему склонны воспринимать “культуру” как некую *частную сферу* человеческой деятельности, вычленяемую по тем или иным критериям (совершенно различным, кстати, у разных авторов) из универсума общественной жизни. Симптоматично, что до сих пор в российской культурной географии распространены достаточно “жесткие” детерминистские аналитико-синтетические схемы, вполне пригодные для исследования географического распространения объектов так называемой “материальной культуры”, но плохо приспособленные для постижения *пространства смыслов*. Иссушающее воздействие естественнонаучного мышления как бы задает вектор весьма “однобокого” (на сегодняшний день) развития отечественной культурной географии. В этом отношении налицо ее существенное отставание не только от собственно гуманитарных дисциплин — культурологии, культурной антропологии, философии культуры, но и от мировой географической науки.

Геопространство и культура: “сосуществующие” парадигмы в культурной географии

Как уже отмечалось выше, ключевым, с точки зрения теории и методологии культурной географии, является вопрос *о значении земного пространства для человека и культуры*. Его концептуализация велась с разных методологических позиций — в частности, с позиций метафизического, сциентистского, феноменологического и перцепционного подходов [Стрелецкий, 1999]. В этом смысле трудно говорить о культурной географии как о научной дисциплине, пользующейся *единой, универсальной теорией и методологией*. Не удивительно, что в недрах культурной географии сформировалось несколько фактически автономных направлений, в рамках которых сосуществуют альтернативные мировоззренческие линии разработки данного, ключевого, вопроса. Рассмотрим же вкратце теоретические основания — парадигмы — каждого из этих четырех подходов.

Метафизический подход к постижению гуманитарной роли геопространства предусматривает формирование такой аналитической модели, при которой априори признаются некие научно неверифицируемые (сверхопытные) принципы и положения. В любую историческую эпоху метафизические допущения играют важную роль в формировании географической картины мира, объемлющей и Природу, и Культуру, однако как методологическая установка в научном познании они артикулируются значительно реже.

Метафизика геопространства как специфическая научная парадигма в культурной географии восходит к самым истокам хорологической концепции, берет начало в построениях И. Канта и К. Риттера. Отталкиваясь от идей И. Канта о земном шаре как обиталище Человека, К. Риттер считал поверхность Земли жилищем (*Wohnort*) и “воспитательным домом” для человечества в его земном странствии [*Pumtner*, 1864, с. 7]. Само устройство земной поверхности призвано послужить созреванию, воспитанию человеческого рода и его распространению по разным континентам и регионам. Конфигурация всех ее элементов, ее топография — соотношение вод и суши, расположение материков, островов, полуостровов — имеет, по К. Риттеру, трансцендентный, провиденциальный смысл. В русле риттеррианской метафизики выстраивал свою концепцию и другой выдающийся географ XIX в. — швейцарец А. Гюйо. “Земля создана для человека, как тело сотворено для души”, писал А. Гюйо, и далее — “Мы должны смотреть на Землю как на жилище человека и поприще деятельности человеческих обществ — одним словом, как на средство развития всего человеческого рода, и с этой стороны объяснять каждую физическую черту различных частей ее” [*Гюйо*, 1861, с. 9–10]. Отсюда, делал вывод А. Гюйо, каждый материк имеет свое предназначение в истории человечества.

С позиций сегодняшнего дня, многие идеи К. Риттера, особенно положения, вырванные из контекста его работ, легко подвергнуть уничтожающей критике. Один из главных тезисов немецкого географа, особенно часто критикуемый [*Исаченко*, 1971, с. 192–193 и др.], — его трактовка хода мировой истории, определяемого рисунком земной поверхности [*Pumtner*, 1856]. Обратим внимание, критика воззрений К. Риттера строится на строго *детерминистской* основе, в то время как вся его концепция носит сугубо *метафизический* характер. Связь развития и распространения культуры с особенностями земного пространства у К. Риттера и его последователей — не причинно-следственная (как у поборников географического, биологического или любого иного детерминизма). К. Риттером дается совершенно иное — телеологическое по сути — объяснение. Земное пространство культурно дифференцируется, регионализуется благодаря самому провидению, конечному аттрактору, некоей заведомо полагаемой цели. Связь здесь если и есть, то не каузальная, а финалистская.

“Метафизика пространства” стала отправной точкой в развитии одного из течений в культурной географии XX в. (иногда его не совсем удачно и не очень точно называют “неориттеррианством”). Объектом изучения культурной географии, согласно воззрениям сторонников этого течения, являются сами пространственные отношения культур на земной поверхности [*Philo*, 1991]. При этом не внутренние географические черты и особенности, характерные для того или иного участка земной повер-

хности, предопределяют, по их мнению, пространственную динамику культуры, но наоборот, разные пути развития культуры проясняют “смысл” территориальных конфигураций и их имманентных географических свойств. В пространственной мозаике культуры можно увидеть некую упорядоченность, но чтобы ее увидеть, она должна быть не просто изучена, но осмыслена, а осмыслена она может быть только метафизически, внеопытно, предвзято. Такие взгляды на соотношение и взаимодействие культуры и геопространства, весьма распространенные на Западе [Pohl, 1986; Philo, 1991], мало кем разделяются среди отечественных географов. Отчасти близка метафизическому подходу трактовка культурной географии как интерпретации территории [Новиков, 1993], автор которой считает важнейшей задачей этой научной дисциплины установление “смысловых” взаимосвязей между устройством земного пространства и культурной эволюцией.

Сциентистский подход к проблеме “геопространство и культура” основан на объективистской и рациональной, ценностно-нейтральной методологии изучения причинно-следственных и функциональных связей между свойствами (качествами, особенностями) географического пространства и культурными явлениями. Одна сциентистская линия разработки данной проблемы — *изучение роли географического фактора в культурном процессе*. Диапазон взглядов здесь — от географического детерминизма (в том числе современного энвайронментализма) до географического индетерминизма (нигилизма), отводящего природным условиям пренебрежимо малую роль в генезисе культурных различий в геопространстве. Промежуточное положение занимает географический *поссибилизм*, сторонники которого исходят из представлений об относительной автономности человека от влияния природной среды, а последнюю трактуют как пространственный континуум природных и культурных ландшафтов, признавая многовариантность ее воздействия на социум (Э. Рекло и П. Видадь де ла Блаш во Франции, О. Шлютер и Л. Вайбель в Германии, И. Боумен и К. Зауэр в США).

Другое распространенное в культурной географии “сциентистское” направление — *пространственный анализ культуры*, изучение ее территориальной организации и структуры, отношений и связей между ее элементами, “культурной морфологии” земной поверхности. В рамках этого направления исследуется пространственная дифференциация “материальной” и “духовной” культуры, роль инноваций в трансформации традиционных институтов и пространственной диффузии культуры, устойчивость локальных очагов сельской культуры в условиях “пресса” урбанизации и модернизации, этнические, конфессиональные, социальные, экономические факторы и предпосылки пространственного разнообразия культуры, и многое др. Заметное влияние школы пространственного анализа культуры испытали и многие пос-

ледователи концепции культурного ландшафта (в интерпретации К. Зауэра — К. Солтера) [Wagner, 1960; Wagner, Mikesell, 1962; Jordan, Rowntree, 1982]. Последние, а в их числе и “классик” мировой культурной географии Терри Джордан, фактически разделяют обе “традиционные”, наиболее давно укоренившиеся сциентистские установки географической науки — пространственную и средовую.

Однако жестко детерминистский сциентистский подход к географическому изучению столь сложного и многообразного явления, как культура, имеет серьезные изъяны и ограничения. Так или иначе, исследователи, придерживающиеся данной методологии, вынуждены подходить к культуре в значительной степени как к *объекту*. Такая методология, позволяющая адекватно решать аналитические задачи, например, в географии промышленности, изучения систем расселения или транспортных сетей, нередко заводит исследователя в тупик, когда объект его анализа становится культурой. Ведь ее носители — люди, активные *субъекты*, со своим самосознанием, ценностными установками и рефлексивными возможностями.

Феноменологический подход используется как способ работы прежде всего в “смысловом поле” пространственных отношений и значений фактов и явлений культуры. Геопространство *культурных феноменов* — это не пространство материальных объектов как таковых, а *пространство смыслов*. Главная методологическая установка сторонников феноменологического подхода — отказ от любых притязаний на выявление законов объективного мира безотносительно к сознанию человека [Relph, 1981a, p. 99]. Важнейшей целью культурной географии при таком подходе становится выявление и описание смысловых связей между сознанием и наблюдаемыми на земной поверхности артефактами [Relph, 1981a, 1981b; Ley, 1983; Pickles, 1985; Cosgrove, 1988; Place / Culture / Representation, 1997].

Огромная эвристическая ценность феноменологического подхода в культурной географии заключается в том, что он позволяет избежать крайностей социального (а то и социоприродного) редуccionизма при изучении пространственной дифференциации культуры. Это особенно актуально для отечественной географии, поскольку в ней культура зачастую интерпретировалась как нечто не самодостаточное, но вторичное, производное, обусловленное внешними факторами (физико-географическими, социально-экономическими, политико-идеологическими и т.д.). Да и сами географические описания “культурных комплексов” выполнялись при этом в значительной степени формально. От исследователя ускользало главное в культуре — процессы смыслообразования, закрепления и “трансляции” смыслов во времени и пространстве. Общеизвестно, что значимость фактов определяется не ими самими, но точкой зрения на них [Гадамер, 1988]. Соответствен-

но, культура может выступать ключом к “тексту”, осмыслив который, человек постигает гуманитарную роль земного пространства. В этом смысле феноменологическая география представляет собой своего рода “геопространственную герменевтику”.

Перцепционный подход близок феноменологическому и сфокусирован на осмыслении такого явления, как восприятие и переживание пространства в разных культурах и культурных контекстах. Строго говоря, его можно считать *одной из разновидностей* феноменологического подхода, поскольку перцепция как процесс формирования и постижения некоего спектра значений существующих предметов и явлений, их свойств, особенностей и функций имманентна самой феноменологической эпистемологии.

Тем не менее, когда в 1950–1960-е гг. на Западе появились первые работы по перцепционной географии (“географии восприятия”), они имели к феноменологии весьма отдаленное отношение. На начальной стадии развития этой дисциплины географы в основном проявляли интерес к таким вопросам, как простая регистрация сознанием индивидуума или группы людей внешних импульсов среды. Поэтому “ранняя” перцепционная география развивалась в тесной связке с бихевиористской (“поведенческой”) географией, испытавшей сильное воздействие социальной и когнитивной психологии [Голд, 1990]. Не случайно авторами работ по поведенческой и перцепционной географии были тогда почти исключительно профессиональные социогеографы; культургеографов среди них практически не было.

Однако в 1970–1980-е гг. ситуация существенно изменилась. Причем изменилась не предметная сторона исследований (“object”), но *позиция самих исследователей* (“attitude”) [McDowell, 1994, p. 153], или, в терминологии, предложенной Г.Д. Костинским и М.А. Розовым [Костинский, Розов, 1984; Костинский, 1990], — *установка сознания*. Объектная установка, характерная для позитивистской и неопозитивистской методологии, которой в значительной степени продолжали следовать авторы пионерных работ по перцепционной и бихевиористской географии, сменилась субъект-объектной установкой. “Такая установка, — пишут Г.Д. Костинский и М.А. Розов, — коренным образом отличается от объектной установки сознания, при которой объект противопоставлен субъекту и в акте восприятия предстает как точное отображение того, что существует вне субъекта... При субъект-объектной установке сознания действия субъекта выступают не как “соприкосновения” с чем-то данным, а как реальность, организуемая по определенной программе. Программа эта не задается извне...” [Костинский, Розов, 1984, с. 170–171].

Субъект-объектная установка сознания открыла перед культурной географией колоссальные новые возможности. Здесь и семантический анализ пространства и качества среды, изучение символики, смысла и

ценности места, осмысление пространственной картины сакрального и профанного, топофилии и топофобии, структуры географических образов пространства и др. [Tuun, 1974, 1977; Daniels, 1992 и др.]. Более того, вслед за этим сами географические образы стали новым объектом моделирования [Замятин, 1999; 2003]. Смена доминирующей мировоззренческой установки фактически ознаменовала собой переход к новому, *постмодернистскому этапу* в развитии географии человека [Soja, 1987, 1989], все более отходящей от господствовавших в ней на протяжении примерно двух столетий естественнонаучных образцов и идеалов.

В последние десятилетия XX в. в корне изменился взгляд даже на, казалось бы, традиционные для культурной географии аспекты исследования, в частности, на проблему взаимоотношений между жизнедеятельностью людей и окружающей средой. В центре внимания культургеографов теперь оказались не “объективные” параметры данных взаимосвязей, но прежде всего сюжеты, характеризующие отношение тех или иных социальных общностей к среде их обитания, ценностные ориентации социальных групп, роль мировоззренческих, религиозных, этических парадигм в процессах “освоения” (причем не только и не столько материального, сколько ментального) ими географического пространства [Claval, 1981, 1993]. Переосмыслению подверглись и базовые понятия культурной географии — “культурный район” и “культурный ландшафт”.

Эволюция понятия “культурный район”

Трактовка понятия “район” в культурной географии имеет две разные традиции. В первом случае “районируется” территория, во втором — культура. Первый подход восходит к идеям основоположников хорологической концепции о “заполнении” географического пространства, второй — к представлениям о пространственном бытии самой культуры.

Районирование территории представляет собой более давнюю традицию, нашедшую свое наиболее яркое воплощение в идеях А. Геттнера. В первой половине XX в. данная традиция получила дальнейшее развитие в трудах последователей А. Геттнера — Р. Градмана и Г. Лаугензака в Германии, Н. Феннемана в США, С. де Геера в Швеции, П. Мишотта в Бельгии и др., в том числе в их работах социально- и культурно-географической направленности. Их последовательный хорологизм (в “изначальном”, кантовском понимании) проявлялся, в частности, в том, что авторы стремились максимально абстрагироваться от материального “субстрата” изучаемых ими процессов. С философской точки зрения, при таком подходе не столь важно, чем конкретно “заполняется” район, является ли он природным, хозяйственным, культурным целым...

Последним “классиком” этой традиции, после которого она постепенно, по крайней мере в культурной географии, стала угасать, был американский географ Р. Хартшорн — автор фундаментального труда “Сущность географии” [Hartshorne, 1939]. Подчеркивая свою приверженность хронологическим идеям, Р. Хартшорн, вместе с тем, считал географию вообще, а культурную географию в частности, наукой чисто идеографической. География призвана описывать множество районов (местностей), каждый из которых — сугубо индивидуален и неповторим. Какие-либо общие закономерности пространственной дифференциации культуры, по Р. Хартшорну, отсутствуют. Лишь местоположение связывает разные элементы культуры, заполняющие пространство и взаимодействующие в нем. При этом район есть чисто *ментальный конструкт*, а не достоверный факт или продукт исследования [Hartshorne, 1939, p. 253]. Последний тезис Р. Хартшорна разделяется большинством американских культургеографов, в том числе и теми, кто считает географию наукой скорее номотетической, нежели идеографической, и критикует геттнеровско-хартшорновские взгляды на геопространство. Возможно, данное обстоятельство и предопределило огромную популярность Р. Хартшорна в сообществе англо-американских географов, последовательно “отказывающих” культурным районам в статусе объективной реальности.

В противовес идеям о пространствах, “вмещающих” культуру, во второй половине XX в. большое распространение получила и противоположная точка зрения, согласно которой объектом культурного районирования выступает не территория, “заполненная” неким материальным и ментальным субстратом, но сама культура. Культурные районы — это прежде всего территориальные общности людей [Zelinsky, 1973; Смирнягин, 1989]². Нетрудно увидеть, что в основе трактовок такого рода лежит принципиально иное понимание категории пространства. Единство культурного района цементирует прежде всего региональное самосознание его жителей — самих носителей культуры.

² Разработка теоретических представлений о территориальных (или региональных) общностях людей стала важным направлением в западной географии с середины XX в. Первоначально приоритет здесь явно принадлежал исследователям в области социальной географии, начавшим выделять так называемые “региональные общности” в ряду других социальных общностей — “естественных жизненных объединений” (семья, род, племя и др.), “целевых групп”, “профессиональных групп” и т.д. (в немецкой географии — в работах Х. Вайперта, В. Хартке; см. обзор в: [Sozialgeographie, 1977, S. 45–49]). Схожая ситуация отмечалась и в нашей стране, где разработкой данной проблемы занимались преимущественно социологи (О.Н. Яницкий, О.И. Шкаратан) и социогеографы (А.В. Петров). “Разворот” концепции территориальной общности людей в сторону культурной географии стал возможен лишь тогда, когда в фокусе внимания исследователей оказались именно вопросы регионального самосознания [Bartels, 1981, S. 10–12].

В этой связи закономерным выглядит отмеченный в западной культурной географии в 1980–1990-е гг. бум публикаций, посвященных проблемам *региональной идентичности*. Понятие “идентичность” (“identity”), заимствованное из психологии и культурной антропологии, органично вписалось в концепцию новой, постмодернистской культурной географии [Cragg, 1998]; оно стало своего рода исходной категорией, использование которой оказалось чрезвычайно эффективным, в том числе и при различении, разграничении и интерпретации культурных районов. Растущий интерес исследователей отмечается и к проблемам устойчивости и изменчивости региональной идентичности в условиях глобализации мирового развития и мультикультуризации локальных обществ, которые обстоятельно анализируются, в частности, в недавно опубликованной фундаментальной монографии ведущих современных английских географов [Human geography..., 2001, p. 154–179].

Культурное районирование — “альфа и омега” современной культурной географии. Однако в нашей стране оно занимает гораздо более скромное место по сравнению с частными, “секторальными” направлениями геокультурных исследований (таких, как география религий, география традиционного этнического природопользования, география искусства и т.п.). Есть несколько факторов, тормозящих развитие “районного” направления исследований в отечественной культурной географии.

Во-первых, в этом проявляется общая не слишком благоприятная ситуация в российской культурной географии, ее заметное отставание на фоне существующих в данной дисциплине мировых стандартов. Культурное районирование требует комплексного географического анализа культурных явлений и процессов и может успешно развиваться лишь на солидном фундаменте частных субдисциплин.

Во-вторых, среди наших географов определенно сказывается десятилетиями выработавшаяся на протяжении всей советской эпохи и глубоко укоренившаяся традиция: подходить к району как к объективной реальности. Отсюда проистекают расхожие представления о безальтернативности сеток якобы “единственно верных”, действительно существующих районов для той или иной конкретной территории. Такая методология часто дает сбой даже при изучении природных ландшафтов, ибо само утверждение об их объективном существовании в конкретном географическом контуре, независимо от наблюдателя и сознания последнего, является известным упрощением процесса познания. Тем более необходимо отдавать себе в этом отчет в гуманитарных исследованиях, в частности, при выделении культурных районов. Ведь районирование, помимо прочего, — еще и связанная с целеполаганием методологическая процедура, и применительно к любой территории могут быть, в принципе, выявлены и использованы различные основания для выделения разных систем районов.

В-третьих, весьма ограничены возможности заимствования культур-географами опыта районирования, освоенного за рамками географической науки. Речь идет в первую очередь об этнографическом районировании, имеющем в нашей стране давние, прочные и очень авторитетные традиции. Но между культурными районами, выделяемыми этнографами и географами, имеется существенное различие. В первом случае объектом изучения выступают комплексы традиционной культуры, а во втором, как правило, — современной культуры. В частности, фундаментальные работы по этнографическому районированию России, при всей их колоссальной научной ценности, лишь частично могут быть использованы при выделении и характеристике современных культурных районов. С позиций культурной географии, этнографические районы — скорее реликтовые, представляющие, в основном, исторический интерес, и комплексы современной, “живой” культуры, особенно городской, требуют совершенно иных подходов к пространственному анализу.

В-четвертых, многообразие пространственных форм жизнедеятельности людей, а стало быть, и географическое бытие самой культуры, не может быть сведено к одним лишь региональным феноменам. Наряду с ними существуют заведомо внерегиональные, внерайонные формы самоорганизации и поведения людей в пространстве, в связи с чем районная парадигма в культурно-географических исследованиях попросту не всегда применима. Яркий пример внерайонных геокультурных феноменов — этнические диаспоры. Большой интерес для географического анализа представляют также разного рода переходные, контактные зоны, геокультурные градиенты и т.п.

Эволюция понятия “культурный ландшафт”

Ландшафтная традиция в географии — не менее мощная, чем хронологическая. Термином “ландшафт” широко пользовался еще Александр Гумбольдт, автор “Космоса” и “Картин природы”. Некоторые ученые, например, О. Шлютер, вообще ставили знак равенства между географией и ландшафтоведением (Landschaftskunde). О. Шлютер, трактовавший понятие “ландшафт” с позиций антропоцентризма — как сочетание объектов, доступных человеческому восприятию с помощью органов чувств [Schluetter, 1920], фактически заложил основы ландшафтной парадигмы, в корне отличавшейся от принятой в физико-географическом ландшафтоведении. Он же первым ввел термин “культурный ландшафт” (“Kulturlandschaft”), противопоставив его естественному, первозданному ландшафту (“Urlandschaft”).

Несколько позднее в США возникла Калифорнийская (Берклийская) школа культурного ландшафта во главе с К. Зауэром, испытавшим силь-

ное влияние идей О. Шлютера. К. Зауэр основное внимание уделял *“морфологии ландшафта”* — сочетанию его элементов со своей структурой и функциями [Sauer, 1925]. Полемизируя со сторонниками географического детерминизма, К. Зауэр рассматривал природную составляющую ландшафта в первую очередь как *фон* человеческой деятельности. Концепция К. Зауэра получила дальнейшее развитие в работах других американских культургеографов, в частности, К. Солтера.

Еще больше последователей у К. Зауэра было в Европе, особенно в Германии и других немецкоязычных странах. В Западной Европе во второй половине XX в. ведущим институциональным центром культурно-ландшафтных исследований стал основанный еще Клаусом Феном и функционирующий до сих пор Общеевропейский семинар “Расселение — культурный ландшафт — окружающая среда” при Боннском Университете. Семинар, объединяющий около 150 ведущих ученых в области исследований культурного ландшафта со всей Европы, проводит регулярные сессии (с 1972 г. — ежегодные). Культурный ландшафт, в интерпретации К. Фена, — это территория, освоенная и преобразованная людьми, представляющими определенную культурную общность [Fehn, 1971]. Такая трактовка — вполне в традициях зауэровской школы: под субъектами культурного ландшафта понимаются специфические *культурные группы*, отличные от себе подобных и пространственно локализованные.

По мнению ученика и последователя К. Фена, немецкого культургеографа Х.-Й. Нитца, культурный ландшафт есть результат заселения ранее неосвоенной территории и трансформации первичного ландшафта в соответствии с “паттерном” колонизации, выражающим, в том числе, основополагающие нормы и ценности, разделяемые переселенцами [Nitz, 1995, S. 13]. Другой немецкий географ, Й. Штадельбауэр, понимает под культурным ландшафтом проявление результатов взаимодействия населения, расселения и хозяйственной активности на географически оконтуренном участке земного пространства [Stadelbauer, 1995, S. 219]. В концепции культурного ландшафта по Й. Штадельбауэру упор делается уже не на артикуляции самого физического пространства, но на протекающей в его пределах человеческой деятельности.

В последнее время в зарубежной географии получили также распространение и интерпретации *культурного ландшафта как экзистенциальной среды* (экзистенциального пространства) устойчивых территориальных общностей людей. Сторонники этого подхода подчеркивают, что в процессе освоения ландшафта следует видеть две стороны. Географическое пространство осваивается людьми прагматически, обустроивается. Но оно же осваивается ими духовно — аксиологически, знаково, символически [Pohl, 1986; Richner, 1996, 1999 и др.].

При таком подходе упор делается не на изучении объективированных, визуальных материализованных форм культурного ландшафта и осязаемых результатов человеческой деятельности, но прежде всего на постижении духовного содержания и смыслового значения места, региона, ландшафта, их эстетических и символических характеристик. Вообще, “образное” видение ландшафта было в традициях европейской антропогеографии и смежных с нею гуманитарных наук еще в начале XX вв. [Banse, 1928 и др]. Позднее же, в середине и на протяжении большей части второй половины прошлого столетия, когда в западной географии доминировали естественнонаучные идеалы и парадигмы, проблемам восприятия и формирования образа ландшафта уделялось значительно меньше внимания, чем материально осязаемым процессам взаимодействия человека с окружающей средой.

В последней трети XX в. ситуация существенно изменилась. Важный толчок изменениям дали исследования в области *перцепционной* и *феноменологической* (так называемой гуманистической) географии, о которых речь шла выше, и новый “бум” работ по *краеведению* (так называемых “local studies” в англоязычных странах и особенно “Heimatkunde” — “родиноведение” — в немецкоязычных странах), а также работы по *региональной идентичности* и *местному самосознанию*.

Соответственно, научные представления о культурном ландшафте к концу XIX — началу XX вв. также претерпели большие изменения. Образ ландшафта — неотъемлемая составляющая регионального, местного самосознания, и не случайно изучение процессов формирования культурных идентичностей в географическом пространстве шло “бок о бок” с *переосмыслением феномена культурного ландшафта*. Появились разного рода “альтернативные” географии. Такова, например, концепция “географии символов” (“символической географии”, географии “символических регионализаций”), развиваемая швейцарским ученым М. Рихнером. Региональные символы осмысливаются как духовный компонент культурного ландшафта, но именно благодаря ему, по М. Рихнеру, можно говорить о “географической метафорике родины” [Richner, 1999, S. 12].

Еще в более широком контексте переосмысливается понятие “культурный ландшафт” в трудах одного из ведущих европейских социогеографов швейцарца Бенно Верлена [Werlen, 1988, 2000 и др], работавшего в течение последних 15 лет в Цюрихе, Берне, Вене, Штутгарте, а в настоящее время — в Йене. Б. Верлен, отталкивавшийся в своих теоретических построениях от идей основоположников “мюнхенской школы” немецкой социальной географии и испытавший сильное влияние бихевиоризма и перцепционной географии англоязычных стран, стал признанным лидером нового исследовательского направления — так называемой “деятельностно ориентированной социальной географии”

(“Handlungszentrierte Sozialgeographie”) [Werlen, 1988, 2000]. Ключевая идейная посылка Б. Верлена — интерпретация пространства в социальной географии как пространства деятельности человека (“Aktionsraum”), “конструируемого” субъектом деятельности [Werlen, 2000, S. 351]. В классической антропогеографии и ранней социальной и культурной географии категория “пространство” мыслилась географами как нечто внешнее по отношению к человеческому обществу, а культурные ландшафты трактовались как фон деятельности последнего. По Б. Верлену, культурные ландшафты — своего рода ячейки социального пространства, имманентно присущего самому обществу.

В отечественную географию термин “культурный ландшафт” вошел с работами Л.С. Берга 1920-х гг. Первоначально культурные ландшафты либо отождествлялись с антропогенными, либо трактовались как одна из их разновидностей (“хорошие”, “облагороженные”, культурные ландшафты — в отличие от “плохих”, “аккультурных”, деградирующих под влиянием неразумной человеческой деятельности). В понятие “культурный ландшафт” включали его природную, измененную человеком, первооснову и искусственные сооружения — объекты материальной культуры. Схожей позиции придерживались и многие советские экономико- и историкогеографы — Ю.Г. Саушкин [1946], Р.М. Кабо [1947] и др.

Однако с 1980-х гг., по мере возрождения отечественной культурной географии, началось известное переосмысление сущности культурного ландшафта. Прежде всего, росло осознание того, что культура связана с ландшафтом через процессы деятельности — то есть потоки вещества, энергии и информации, а не только через ее результаты. Соответственно, вскоре и проявления духовной культуры некоторые российские географы стали понимать как неотъемлемую часть культурного ландшафта [Веденин, 1990], а затем и сам человек — носитель определенного типа культуры — стал “включаться” в него. Заметное, хотя и косвенное, влияние на новую концепцию, по-видимому, оказала и теория этногенеза Л.Н. Гумилева, в частности, его идеи неразрывной связи этноса с вмещающим (“кормящим”) ландшафтом.

Опираясь на представления о ноосфере, Ю.А. Веденин определяет культурный ландшафт как “целостную и территориально локализованную совокупность вещества, энергии и информации, сформировавшихся в результате спонтанных природных процессов, преобразовательной и интеллектуально-созидательной деятельности людей” [Веденин, 1990, с. 6]. По Ю.А. Веденину, в культурном ландшафте можно выделить два основных слоя — природный и культурный. Первый слой включает естественную и преобразованную людьми природу, во втором — выделяются пласты материальной, а также (в отличие от традиционного подхода к культурному ландшафту) и духовной культуры. По

иному основанию дифференциации, в культурном слое выделяются пласты культурного наследия и современной живой культуры; последний, в свою очередь, может быть подразделен на группы комплексов традиционной и новационной культуры. Концепция Ю.А. Веденина получила развитие в последующих публикациях сотрудников российского Института Наследия, на базе которого сложилась одна из наиболее известных школ культурно-ландшафтных исследований в нашей стране [Веденин, 1997; Туровский, 1998; Веденин и др., 2001 и др.].

Новые исследовательские установки отчетливо проявляются в последнее десятилетие и в трудах занимающихся культурно-ландшафтной проблематикой отечественных физикогеографов, в фокусе внимания которых теперь все чаще оказываются вопросы жизнедеятельности в том или ином культурном ландшафте локальных групп населения, *местных сообществ*, целенаправленно “осваивающих” среду своего обитания [Калуцков, 1995; Культурный ландшафт, 1998; Калуцков, 2000]. Сложившийся под несомненным влиянием идей и научных традиций этнической экологии и экологии человека, такой подход к культурному ландшафту (В.Н. Калуцков называет его экологическим) выражает идеал гармонии человека, его деятельности и природы [Калуцков, 1995, с. 18]. Под культурным ландшафтом при этом понимается целостное проявление национальной культуры в определенных географических условиях (характерно, что в своих последних работах автор даже предпочитает использовать термин *этнокультурный ландшафт*). В подходе В.Н. Калуцкова, как и у Ю.А. Веденина, превалирует объективистская методология, но им особо подчеркивается неэффективность, уязвимость традиционных географических способов изучения и важность разработки и освоения иной понятийно-терминологической системы — “языка” культурного ландшафта. Ключевыми понятиями здесь выступают не привычные географам “природа”, “территория”, “комплекс”, “структура”, но “место”, “название”, “образ” [там же].

Близка экологическому направлению, но имеет несколько иной мировоззренческий ракурс собственно гуманитарная линия постижения культурного ландшафта, последовательно прослеживаемая, кстати, и за рамками географии — в этнологии, градоведении, семантике и герменевтике ландшафта. Гуманитарное видение культурного ландшафта подразумевает признание самоценности и уникальности каждого освоенного человеком участка земной поверхности; характерным является *отношение к ландшафту как к тексту*, с субъективной методологией описательно — дифференцирующе — переживающего плана [Каганский, Родман, 1995]. По мнению авторов, “всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей — культурный ландшафт, если это пространство одновременно целю и

дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически” [Каганский, Родоман, 1995, с. 32]. Заметим, что такой подход делает противопоставление природного ландшафта культурному во многих случаях просто бессмысленным. Ведь культурный ландшафт не может быть понят вне ценностей определенной культуры, равно как и без учета экологического опыта, хозяйственной практики, менталитета ее носителей. И в этом смысле каждый ландшафт, являющийся средой жизнедеятельности того или иного этноса, племени, любой общности людей, — есть ландшафт культурный, даже если он и не имеет осязаемых следов техногенного воздействия человека на природу.

Представления территориальных групп и локальных сообществ людей о среде своего обитания и жизнедеятельности, восприятие “родных” и “чужих” местностей, образы ландшафта — данный круг вопросов занимает теперь важное место в проблематике и тематике культурно-ландшафтных исследований. Анализ происходящих в них изменений позволяет сделать вывод, что в целом последние протекают в русле отмечающихся с конца XX в. сдвигов в мировой гуманитарной географии, связанных с переосмыслением роли географического пространства для Человека и Культуры и мировоззренческой “экспансией” новых парадигм, в том числе и непосредственно порожденных интеллектуальной атмосферой эпохи постмодерна.

Литература

1. Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры по Земле. Основы антропогеографии. М.-Л.: Госиздат, 1928.
2. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: “Дмитрий Буланин”. — М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1997.
3. Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1. — С. 5–17.
4. Веденин Ю.А., Замятин Д.Н., Крылов М.П. и др. Культурная география. Сб. статей. — М.: Институт Наследия, 2001. — 192 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, 1960].
6. Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. Л.-М.: Госиздат, 1930. [Hettner, 1927].
7. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. — М.: Прогресс, 1990. [Gold, 1980].
8. Гохман В.М. Общественная география: ее сущность, структура // Вопросы географии. — М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1984. Сб. 122 / 123. — С. 57–64.
9. Гюйо А. Земля и человек, или физическая география в отношении истории человеческого рода. — М.: Изд. А. Черенин, 1861. [Guyot, 1849].

10. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. — М.: Прогресс, 1988. [James, Martin, 1981].
11. Джонстон Р.Дж. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. — М.: Прогресс, 1987. [Johnston, 1983].
12. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. — Смоленск: Изд-во "Ойкумена", 1999.
13. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетейя, 2003.
14. Исаченко А.Г. Развитие географических идей. — М.: Мысль, 1971.
15. Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. 1947. № 5. — С. 5—32.
16. Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Наука о культуре: итоги и перспективы. Вып. 3. Ландшафт и культура. — М.: РГБ, Информационно-аналитический сборник. 1995.
17. Калуцков В.Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник МГУ. Сер. 5. Геогр. 1995. № 4. — С. 16—20.
18. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
19. Костинский Г.Д. Установки сознания и представления о различных традициях в географии // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 5. — С. 123—129.
20. Костинский Г.Д., Розов М.А. Проблемы исследования восприятия географической реальности // Основные понятия, модели и методы общегеографических исследований. — М.: ИГАН СССР, 1984. — С. 169—174.
21. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования / Отв. ред. В.Н. Калуцков и Т.М. Красовская. — М. - Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
22. Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. — М.: МГУ — ИЛА РАН, 1993. — С. 84—93.
23. Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1—2. — СПб.: Просвещение, 1902. [Ratzel, 1885—1888].
24. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное земледование. — СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон. Т. 1. Вып. 1—4. 1903—1905; Т. 2. 1906. [Ratzel, 1901—1902].
25. Реклю Э. Земля и люди. Всемирная география. Т. 1—19. — СПб.: Изд-во О.Н. Попова, 1898—1906. [Reclus, 1876—1894].
26. Риттер К. Идеи о сравнительном земледовании // Магазин земледования и путешествий. Геогр. сб., издав. Н. Фраговым. — М. Т. 2. 1853. [Ritter, 1852].

27. *Ritter K.* Общее землеведение. Лекции, чит. в Берлинск. Ун-те и изд. Г.А. Даниэлем. — М.: Изд-во М. и А. Глазуновых, 1864. [Ritter, 1862].
28. *Ritter K.* Пространственное устройство наружной поверхности земного шара и ее влияние на ход развития истории человечества / / *Ritter K.* Землеведение Азии. Пер. и доп. П.П. Семенова. Т. I. — СПб.: Изд. Голубков, 1856. С. 139–179. [Ritter, 1850].
29. *Саушкин Ю.Г.* Культурный ландшафт // Вопросы географии. 1946. № 1. С. 97–106.
30. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928.
31. *Смирнягин Л.В.* Районы США: портрет современной Америки. — М.: Мысль, 1989.
32. *Стрелецкий В.Н.* Геопространство и культура: к вопросу о некоторых теоретико-методологических основаниях культурно-географической аналитики // Третий Конгресс этнографов и антропологов России. 8–11 июня 1999. Тез. докл. — М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН — Асс. этнографов и антропологов России, 1999. — С. 54.
33. *Стрелецкий В.Н.* Этническое расселение и география культуры / / СССР — СНГ — Россия: география населения и социальная география / Отв. ред. П.М. Полян. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 396–466.
34. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. — М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1998.
35. *Hagget P.* География: синтез современных знаний. — М.: Прогресс, 1979. [Haggett, 1975].
36. *Banse E.* Landschaft und Seele: neue Wege der Untersuchung und Gestaltung. Muenchen, 1928. 469 S.
37. *Bartels D.* Menschliche Territorialität und Aufgabe der Heimatkunde // Heimatbewusstsein. Erfahrungen und Gedanken. Beiträge zur Theorienbildung. Husum: Hrsg. von W. Riedel, 1981. S. 9–24.
38. *Bartels D.* Zur wissenschaftstheoretischen Grundlegung einer Geographie des Menschen. Wiesbaden: Steiner, 1968.
39. *Buttimer A., Seamon D.* (eds.). The human experience of space and place. NY.: St. Martin's Press, 1980.
40. *Carter G.* Man and the land: A cultural geography. NY: Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1968.
41. *Claval P.* Essai sur l'évolution de la géographie humaine / Annales littéraires de l' Univ. de Besançon. Cahiers de géographie de Besançon. № 12. P.: Les Belles Lettres, 1964.
42. *Claval P.* Les géographes et les réalités culturelles // L'espace géogr. 1981. Vol. 10. № 4. P. 242–248.
43. *Claval P.* La géographie, science carrefour // Acta geographica. 1993. V. 96. P. 2–15.

44. *Cosgrove D.E.* Social formation and symbolic landscape. Madison: The Univ. of Wisconsin Press, 1988.
45. *Crang M.* Cultural geography. L.-NY.: Routledge, 1998.
46. *Daniels S.* Place and the geographical imagination // *Geography*. 1992. № 4 (77). P. 310–322.
47. *Dicken S., Pitts F.* Introduction to cultural geography. A study of man and his environment. Waltham (Mass.) – Toronto: Xerox College – Ginn, 1970.
48. Dictionary of human geography / Ed by R.J. Johnston, D. Gregory, D. Smith. 2nd Ed. – Oxford: Blackwell, 1986.
49. *Fehn K.* Zum wissenschaftstheoretischen Standort der Kulturlandschaftsgeschichte // *Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in München*. 1971. Bd. 56. S. 95–104.
50. *Hartshorne R.* The nature of geography: A critical survey of current thought in the light of the past // *Annals of Association of American Geographers*. Vol. 29. 1939. P. 171–645.
51. *Harvey D.* The condition of postmodernity. An enquiry into the origins of cultural change. Oxford and Cambridge (Mass.): Basil Blackwell, 1989.
52. Human geography / Ed. by P. Daniels, M. Bradshaw, D. Shaw, J. Sidaway. Harlow (Essex): Pearson Education, 2001. Ch. 6. Geography, culture and global change. P. 154–179.
53. *Johnston R.J.* Philosophy and human geography: an introduction to contemporary approaches. London: Edward Arnold, 1983.
54. *Jordan T., Rowntree L.* The Human mosaic: A thematic introduction to cultural geography. 3rd ed. Cambridge: Harper & Row, 1982.
55. [Kant I.] Immanuel Kant's physische Geographie. – Koenigsberg: Herausg. von F.T. Rink, 1802.
56. *Kroeber A.L., Kluckhohn C.* Culture, a critical review of concepts and definitions // *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology – Cambridge (Mass.): Harvard University*. 1952. Vol. 47 (I). P. 1–223.
57. *Ley D.* Cultural / humanistic geography // *Progress in human geography*. 1983. Vol. 7. № 2. P. 267–275.
58. *McDowell L.* The transformation of cultural geography // *Human geography. Society, space and social science / Ed. by D. Gregory, R. Martin, G. Smith*. Houndmills, Basingstoke: Macmillan, 1994. P. 146–174.
59. *Mikesell M.W.* Tradition and innovation in cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1978. Vol. 68. № 1. P. 1–16.
60. *Moore O.K.* Nominal definitions of "Culture" // *Philosophy of Science*. 1952. Vol. 19. P. 245–256.
61. *Nitz H.-J.* Връше in der Kulturlandschaftsentwicklung // *Siedlungsforschung: Archdologie – Geschichte – Geographie*. Bd. 13..

Bonn: Verlag Siedlungsforschung — Büro für historische Stadt- und Landschaftsforschung. 1995. S. 9–30.

62. *Philo C.* New words, new worlds: Reconceptualising social and cultural geography. Lampeter: Department of geography, St. David's Univ. College, 1991.

63. *Pickles J.* Phenomenology, science and geography: spatiality and the human science. Cambridge: Cambridge Univ Press, 1985.

64. Place \ Culture \ Representation. 3rd ed. / Ed. by J Duncan, D. Ley. L.: Routledge, 1997.

65. *Pohl J.* Die Geographie als hermeneutische Wissenschaft. Ein Rekonstruktionsversuch. Kallmuenz — Regensburg: Lassleben / Muenchner Geographische Hefte. 1986. Heft 52.

66. *Ratzel F.* Anthropogeographie. Bd.1. Grundzuege der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882. Bd. 2. Die geographische Verbreitung des Menschen, Stuttgart: J. Engelhorn, 1891.

67. *Relf E.* Phenomenology // Themes in geographic thought / ed. by M.E. Harvey, B.P. Holly. NY.: St. Martin's Press, 1981(a). P. 99–114.

68. *Relf E.* Rational landscape and humanistic geography. L.: Groom Helm, 1981(b).

69. *Richner M.* Sozialgeographie symbolischer Regionalisierungen. Zur gesellschaftlichen Konstruktion regionaler Wahrzeichen. 2te durchges. Aufl. Zuerich: LU-Verlag, 1999 [*Richner, 1996*].

70. *Sauer C.O.* The Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography. 1925. № 2. P. 19–53.

71. *Schluetter O.* Die Erdkunde in ihrem Verhaeltnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // Geographische Anzeiger. Bd. 21. 1920. S. 145–152, 213–218.

72. *Soja E.* The postmodernization of human geography: a review essay // Annals of the Association of American Geographers. 1987. V. 77. P. 289–296.

73. *Soja E.* Postmodern geographies: The reassertion of space in critical social theory. L.-NY.: Verso, 1989.

74. Sozialgeographie / Hrsg. von J. Maier, R. Paesler, K. Ruppert, P. Schaffer. Braunschweig: Geogr. Verlagsgesellschaft, 1977.

75. *Spencer J., Thomas W.* Cultural geography: An evolutionary introduction to our humanized Earth. NY: John Wiley & Sons, Inc., 1969.

76. *Spencer J.E., Thomas W.L.* Introducing cultural geography. NY: John Wiley & Sons, Inc., 1973.

77. *Stadelbauer J.* Kulturlandschaft // Siedlungsforschung: Archdologie — Geschichte — Geographie. Bd. 13.. Bonn: Verlag Siedlungsforschung — Büro für historische Stadt- und Landschaftsforschung. 1995. S. 219–249.

78. *Tuan Yi-Fu.* Topophilia: A study of environmental perception, attitudes and values. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1974.

79. *Tuan Yi-Fu*. Space and place: the perspective of experience. 2nd print. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977.
80. *Vidal de la Blache P.* Principes de geographie humaine. Paris: Armand Colin, 1922.
81. *Wagner Ph.* The human use of the Earth. Chicago: The Free Press of Glencoe, Illinois, 1960.
82. *Wagner Ph., Mikesell M.* Readings in cultural geography. Chicago: Chicago University Press, 1962.
83. *Werlen B.* Gesellschaft, Handlung und Raum: Grundlagen handlungstheoretischer Sozialgeographie. 2te durchges. Auflage. Stuttgart: Steiner Verl., 1988.
84. *Werlen B.* Sozialgeographie. Bern – Stuttgart – Wien: Verlag Paul Haupt, 2000.
85. *White L.* The concept of culture // American Anthropologist (Wash.). 1959. Vol. 61. P. 227–251.
86. *Zelinsky W.* The cultural geography of the United States. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.

Р.Ф. Туровский

СТРУКТУРНЫЙ, ЛАНДШАФТНЫЙ И ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Эволюция географии в XX в. привела к выделению в ее составе целого ряда дисциплин гуманитарной направленности. Одной из них стала культурная география. Подобно многим географическим дисциплинам, ее одновременно можно назвать наукой древней и очень молодой. Этот парадокс объясняется тем, что само описание географических особенностей культуры имеет многовековую историю. С незапамятных времен каждый путешественник считал своим долгом отметить, какие традиции, нравы, обычаи характерны для земель, которые он посетил, чем отличаются населяющие их народы от того народа, который представляет сам автор. По сути, описания путешествий были первыми культурно-географическими работами, пусть не “аналитическими” и в чем-то наивными, но зато ярко и образно раскрывающими культурную мозаику нашей планеты. Но как строгая наука со своим методологическим аппаратом культурная география возникает только в XX столетии, когда долгое накопление фактического материала о культурном разнообразии ойкумены, наконец, приводит исследователей к необходимости синтезировать этот материал, выявить взаимосвязи и закономерности, построить географические модели. В этот момент и происходит рождение культурной географии.

К концу XX в. культурная география в общих чертах сложилась как наука. Синтезируя зарубежный и российский опыт культурно-географических исследований, можно определить ее общетеоретическое и методологическое содержание. На основании анализа зарубежных и отечественных культурно-географических и культурологических работ мы предлагаем считать основными подходами в культурной географии *структурный, ландшафтный и динамический*.

Структурный подход является наиболее развитым и “очевидным” в культурной географии. Его можно назвать отправной точкой культурно-географического исследования. Когда мы видим неоднородность культурного пространства, у нас возникает потребность в ее систем-

ном описании, сделать которое можно только превратив культурно-географическую непрерывность в дискретную среду, состоящую из определенных геокультурных систем со своими названиями, границами и комплексами характеристик. Другими словами, речь идет о выделении культурных районов и определении разделяющих их культурных границ.

Основой для определения и делимитации культурных районов служит прошлое и сегодняшнее распространение различных культурных явлений. Прежде чем перейти к собственно районированию, мы должны внимательно, причем в динамике, изучить распространение интересующего нас явления.

При проведении структурного исследования культурная география оперирует тремя типами пространственных категорий:

- точечными (точка, место, центр, культурный очаг);
- линейными (линия, граница, направление, вектор);
- площадными (непрерывные и прерывистые ареалы, территории, районы).

Используя эти категории, мы “разлагаем” непрерывное пространство на структурные элементы. Мы выделяем ареалы, которые характеризуются относительным единством каких-либо культурных параметров, и пространство начинает делиться на “смысловые пространства”, причем пространство не складывается из компактных “блоков”. Поэтому мы имеем дело не только с “обычными” ареалами, но и с анклавами, эксклавами, обособленными изолятами. Каждый ареал представляет собой условность, поскольку, как правило, имеет ядро, обладающее всеми характеристиками в полной мере, и менее репрезентативную периферию.

Далее, мы ищем границы этих ареалов, определяем пути распространения культурных явлений, и на мозаику культурных “пятен” накладывается сеть из линий.

Наконец, карта покрывается россыпью точек, которые обозначают центры возникновения или транзита культурных явлений, места творческой деятельности, важные культурные объекты и т.п.

Следует отметить, что точечные и линейные объекты выделяются условно. По сути, точка и линия — это результаты масштабирования площадных объектов, поскольку любые географические объекты обладают площадью. Просто при определенном масштабе эта площадь теряет географический смысл, и объект становится точечным, как город на карте мира.

Эта проблема проявляется при анализе культурных границ. В неоднородном, флуктуирующем культурном пространстве редко можно встретить четкую линейную границу. Скорее можно говорить о пограничных зонах, захватывающих существенные территории.

Пограничные зоны могут проходить через две стадии развития. На первом этапе в них может происходить простое смешение культурных характеристик, и они становятся пестрыми, мультикультурными и не более того. Многие пограничные зоны так и застывают на этом этапе. На стыках геокультурных “плит”, например, формируются мощные переходные зоны, обладающие своей культурной оригинальностью в результате смешения характеристик двух соседних “больших” пространств. Их можно также называть зонами геокультурных разломов.

Но культурный процесс может развиваться и дальше — в сторону формирования специфически переходных районов, обладающих при этом культурным единством, собственной идентичностью и этнической гомогенностью. Многие “малые” культуры возникли на стыке “великих” и органично сочетают в себе их черты.

Еще одно важное понятие — фронтир, приграничная зона одной страны, обычно крупной и обладающей геокультурной уникальностью. Ее основная культурная функция — служить плацдармом для экспансии во внешнее, “заграничное” пространство, а побочный эффект — восприятие культуры этого внешнего пространства, хотя оно зачастую и признается “варварским”.

Структурное культурно-географическое исследование имеет своей целью определение, описание и картирование культурных ареалов, произведенное на основе анализа одной или множества культурных характеристик. Культурные ареалы мы понимаем как территории, заселенные людьми, разделяющими общие культурные особенности. Исследование позволяет показать распространение простых или комплексных культурных явлений в статике, то есть на данный момент времени. Единственно верной, законченной схемы культурных ареалов нет и не может быть, поскольку очень многое зависит от авторского подхода, точности методики, выбранных критериев и т.п. В принципе, это является аргументом в пользу “чистой” феноменологии, однако нельзя отрицать правомерности и перспективности структурных исследований, которые хотя и не являются высокоточными, но в то же время служат реальным инструментом для познания культурной карты мира в одном из приближений.

В культурной географии принято выделять культурные районы трех типов. Самый простой — *формальный, или гомогенный, культурный район*. Он определяется как “территория, заселенная людьми, которых объединяет одна или больше культурных особенностей” [Jordan, Rowntree, 1986, p. 6]. В простейших случаях речь идет о выделении территорий по одной только культурной характеристике.

В более сложных случаях речь идет о комплексных культурных характеристиках. Например, требуется выделить ареал эскимосской культуры. Понятие “эскимосская культура” может рассматриваться

через различные культурные характеристики — язык, религия, экономическая культура, социальная организация, жилище. Каждая из них имеет свою географию распространения. Далее можно пойти по одному из двух путей. Можно или выделить ядро эскимосской культуры, где совпадают все перечисленные выше характеристики, и разнородные периферии, где сложилось иное сочетание этих характеристик, отличное от идеально-типического, или все-таки приблизительно обозначить ареал распространения эскимосской культуры, выделив территорию, где если не все, то хотя бы большинство характеристик соответствует “идеальному” типу.

При определении комплексных культурных пространств, обладающих яркой индивидуальностью, в западной литературе используется понятие *culture area*, которое можно приблизительно переводить как “культурный ареал”. Это понятие впервые возникло в культурологии, точнее, в американской этнографии. Культурный ареал — это комплексный формальный культурный район, представляющий собой целостную культуру, основанный на сложной композиции культурных характеристик. Для его определения нужны комплексный подход, принимающий во внимание множество параметров, интуиция и личный опыт исследователя. Такие авторы, как О. Шпенглер и А. Тойнби, по сути, как раз и занимались выделением культурных ареалов, разве что без должной географической точности, то есть без определения границ и картирования.

Выделение культурных ареалов, то есть комплексное многоуровневое культурно-географическое районирование Земли является важнейшей задачей культурной географии. В таком исследовании важны подбор характеристик и оценка их значимости. Например, очень часто ведущей характеристикой при глобальном культурно-географическом районировании становится религия. Однако следует учитывать и другие параметры — этнические, исторические, географическое положение, необходимость выделить единую и целостную территорию (хотя не все исследователи признают это обязательным).

Еще один важный исходный параметр — это масштаб исследования. Культурно-географическое районирование имеет свою таксономию, в нем выделяются культурно-географические единицы многих уровней. В первом приближении мы можем поделить мир на культурные районы глобального уровня, так называемые цивилизации. Каждый из них имеет свое внутреннее строение, делится на районы второго порядка и так далее.

Структура мирового культурного пространства парадоксальным образом сочетает устойчивость и изменчивость. Границы культурных районов действительно расплывчаты, и их точное определение всегда составляет проблему. Скорее можно говорить о ядрах культурных

районов, перифериях и переходных зонах. Однако при этом мы наблюдаем как бы заданные природой геокультурные формы, которые в целом сохраняются на протяжении веков и даже тысячелетий. Этому есть свое объяснение: традиции создавались в те годы, когда территориальная мобильность не была столь велика, и люди были привязаны к своим достаточно обособленным пространствам. Человечество веками существовало в рамках устойчивых поселенческих структур, привязанных к структурам природных ландшафтов и отделенных друг от друга физическими барьерами. Культура на протяжении тысячелетий заполняла пространственные ячейки, заданные самой природой, и только в XIX–XX вв. фактор глобализации культуры стал значимым и пришел на смену обычному культурному обмену.

Вот почему традиционное культурное пространство, сложившееся к моменту начала глобализации (“доглобализационное”), выглядит вполне устойчивым¹.

На множестве примеров можно наблюдать удивительную культурно-географическую преемственность: менялось наполнение, а культурно-географическая ячейка оставалась прежней. Культурные центры, в отличие от культурных районов, менее устойчивы, что естественно: “легкие” точки подвижнее “громоздких” пространств. Однако и здесь отмечается многовековая преемственность.

Вторым типом культурного района служит *функциональный, или узловой, культурный район*. Если при определении формальных культурных районов мы ищем более или менее условную однородность культурного пространства и считаем однородные территории такими районами, то в случае с функциональными районами это не обязательно. В основе функционального района лежит определенная организация пространства. Если формальный район строится на мозаике ареалов, то функциональный — на линиях организационных сетей. Функциональный район является не площадным, а точечно-линейным, он представляет собой единство культурных связей, складывается из узлов — культурных столиц, исторических центров и зон их влияния, которые определяются через анализ направлений распространения культурных импульсов.

С помощью функциональных связей можно плодотворно исследовать структуру культурного пространства, определять его ядра и периферии через сгущения и разрежения культурных сетей. Например, географию европейской культуры можно изучать через три мощные средневековые сети — городов, университетов и монастырей. Функциональный анализ пытается наложить на расплывчатое, “смазанное”

¹ Изучение “постглобализационного” культурного пространства еще впереди, хотя его черты можно проследживать уже сейчас на основе распространения культурных признаков глобализации — больших и малых глобальных культурных форм, включая формы масс-культуры.

культурное пространство, получаемое в результате формального анализа, более жесткую сетку и даже представить его как строгую геометрическую структуру. Для этого и нужно исследовать иные геометрические формы — точки, линии и векторы.

Вне зависимости от того, на какой из аспектов культурного пространства делается упор — на распространение культурных характеристик или функциональные связи, структурный анализ является многоуровневым. Только в одном случае целью является выделение культурных районов разного порядка, в другом — культурных центров и связей.

При этом более глубокий структурный анализ культурного пространства должен использовать как формальный, так и функциональный подходы. Решение сложных задач типа определения границ культурных районов первого или второго порядка невозможно без обращения к карте культурных связей, которая позволяет уточнить взаимоотношения культурных районов и их местоположение. Каждый комплексный культурный район имеет свою функциональную схему. Он может представлять собой моно-, би- или полицентрическую структуру со своим дальнейшим разветвлением связей. Так, древнеримская цивилизация была явно моноцентрической и строилась по модели “единый центр — множество провинций”. Напротив, древняя Месопотамия и “молодая” Европа представляют собой сложные, полицентрические пространства с развитой внутренней иерархией. Там постоянно возникали новые центры, или разные центры имели разные функции.

Третий тип культурных районов — *обыденные* (*vernacular*). Для них совсем не обязательно формальное или функциональное единство. Эти районы существуют в представлениях культурных групп и определяются через их самоидентификацию и ментальные образы.

Ландшафтный подход в культурной географии возник одним из первых, поскольку именно его использовал основатель этой науки К. Зауэр. Именно концепция культурного ландшафта как особого образования на земной поверхности позволила отделить культурную географию как от физической географии и связанного с ней географического детерминизма, так и от культурологии.

Согласно одному из определений, характерных для американской культурно-географической школы, “культурный ландшафт — это искусственный ландшафт, который культурные группы создают, заселяя землю” [Jordan, Rowntree, 1986, p. 24]. А К. Солтер буквально в первой фразе своей книги пишет: “Культурный ландшафт — это искусственный ландшафт, который человек создает, преобразуя природу, с тем, чтобы обеспечить себя краткосрочными запасами продовольствия, убежищем, одеждой и развлечениями” [Salter, 1971].

Существует традиция воспринимать и описывать прежде всего видимую сторону культурного ландшафта, когда акцент делается на

его внешнем облике (appearance). Чаще всего речь идет о таких ландшафтных характеристиках, как система заселения, система распределения земли и представленная в ландшафте архитектура. Предполагается, что каждый тип культуры вносит свои изменения в визуальный ландшафт, оставляет на земной поверхности свои следы.

Культурный ландшафт в этих определениях отделяется от природного ландшафта и представляет собой комплекс изменений, внесенных в природный ландшафт человеком. Внимание исследователя концентрируется на факторах и результатах трансформации человеком природного ландшафта. Поэтому культурный ландшафт нередко рассматривается наряду с природным ландшафтом и даже помимо природного ландшафта. Если следовать К. Зауэру, культурный ландшафт и природный ландшафт вместе взятые составляют ландшафт в целом: “Конструкция ландшафта включает (1) черты природной территории и (2) формы, наложенные на физический ландшафт деятельностью человека, культурный ландшафт” [Sauer, 1927, p. 186].

Другой подход к культурному ландшафту был характерен для отечественной науки. Согласно этому представлению, культурный ландшафт — это модификация, антропогенное продолжение природного ландшафта. Зачастую это тот же природный ландшафт, но только искусственно созданный человеком — парк, сельскохозяйственное угодье и т.п. — то есть “окультуренный” или специально созданный людьми природный ландшафт. По мнению Б. Родомана, “культурными, в широком смысле слова, называются любые ландшафты, в создании которых люди сыграли значительную роль, а в узком, положительно-оценочном значении — только благоприятные для населения антропогенные ландшафты, которым противопоставляются ландшафты “акультурные”, испорченные” [Родоман, 1980, с. 118]. Таким образом, традиционный подход отечественной науки подразумевает под культурным ландшафтом или рукотворную имитацию природного ландшафта (созданную человеком для хозяйственных или рекреационных нужд) или “хороший”, то есть полезный в хозяйстве или эстетически ценный антропогенный ландшафт.

Однако современные физико-географы, и прежде всего В. Калуцков, стремятся уйти от этого подхода, представляя культурный ландшафт как культуру местного сообщества, помещенную в определенные природные условия. Культурный ландшафт, в соответствии с этим подходом, представляет собой как бы переплетение культуры, природы и территории (места), целостную среду обитания культурной группы, которую она не просто населяет, но, по сути, создает. Он принципиально отделяется и от природного, и от антропогенного (техногенного) ландшафта (Культурный ландшафт, 1998).

В работе “Культурные ландшафты России” [Туровский, 1998] подробно рассматриваются особенности существующих в науке подходов

к изучению культурного ландшафта и предлагаются пути их дальнейшего развития в рамках *культурно-географического ландшафтоведения*.

На основании уже сложившихся подходов к пониманию культурного ландшафта следует отметить, что *обязательным в ландшафтном подходе является присутствие природного и визуального компонентов*: природа служит отправной точкой, а пейзаж — первой постигаемой исследователем характеристикой культурного ландшафта.

Требует особого пояснения тезис об обязательном присутствии природы в культурном ландшафте. Очевидно, что существуют ландшафты, создавая которые человек “переработал” природную основу почти до полного ее исчезновения. Крайний пример — городской ландшафт, например, средневекового европейского города, где для природы, кажется, не осталось места. Однако концепция культурного ландшафта позволяет описывать и интерпретировать и такие ландшафты, поскольку в их основе все равно лежит переработка “исходного” природного ландшафта, и природа все равно присутствует в таком ландшафте, но не как часть культурного комплекса (в виде парков, например), а как окружающая среда с ее климатом, почвами, гидрографией и т.д. Подчеркнем, что, на наш взгляд, культурный ландшафт не есть ландшафт “неприродный” или “постприродный” (стопроцентно антропогенный), скорее он “суперприродный”, включающий, перерабатывающий и дополняющий природу.

Природоцентрический ландшафтный подход заслуживает определенного пересмотра. Сегодня на Земле не осталось природных ландшафтов, которые не были бы хоть как-то изменены человеком — носителем определенной культуры. Это значит, что все они стали своеобразным компонентом культуры. Даже Антарктида имеет определенную культурную специфику и определенное место на культурной карте мира. А еще более трансформированные, освоенные культурой природные ландшафты — это поля интенсивной культурной активности человека, “кормящие” и “вмещающие” ландшафты этногенеза (по Л. Гумилеву), месторазвития локальных культур (по П. Савицкому) и т.д.

Замечательная эвристическая ценность понятия “ландшафт” заключается в том, что с его помощью можно описывать сложные комплексы явлений, которые складываются на земной поверхности. *Неотъемлемое свойство культурного ландшафта — его комплексность*. Для культурной географии невозможно рассмотрение ландшафтов без учета исследуемых явлений культуры, не обязательно связанных с природным ландшафтом и хоть как-то в нем выраженных. Поэтому культурный ландшафт не может рассматриваться как простая модификация природного ландшафта, он возникает при соприкосновении духовной жизни человека и территории и представляет собой качественно новое явление.

При этом культурная география не рассматривает культуру в отрыве от природы, тем самым сохраняя свою генетическую связь с изначальной, природоцентрической географией. Природный подход является органической частью ландшафтного подхода в целом. Однако результатом “окультуривания” природного ландшафта стало появление в ландшафте духовного (информационного, ментального) компонента, который составляет невидимое содержание культурного ландшафта; он не выражен непосредственно на местности, но присутствует в сознании людей и “читается” в ландшафте.

Особо следует подчеркнуть отличия культурно-географического ландшафтоведения от районирования, то есть ландшафтного подхода от структурного. Главная задача структурного подхода — деление пространства на части по определенным признакам — “простым” и “сложным”. На выходе мы получаем те или иные типы культурных районов. Культурный район мы обычно понимаем как более или менее однородное образование — территорию, на которой представлена некая культурная характеристика или группа характеристик.

Как и район, культурный ландшафт является площадным явлением, геокультурной системой и итогом “искусственной”, “авторской” дискретизации культурно-географического континуума. Но ландшафтный подход акцентирует формирование комплексов, которые характеризуются уникальным сочетанием природных и культурных характеристик — внешним видом, спецификой природной среды, особенностями духовной жизни, функциональным единством ландшафта. Культурный ландшафт, будучи географическим комплексом, понимается как *дифференцированная территория, составленная из множества ячеек*. Здания, улицы, парки, поля сражений, священные рощи и др., все это — ячейки целостных культурных ландшафтов.

Оправдана “пограничная” операция — *культурно-ландшафтное районирование*, то есть деление местности на сложные комплексы культурных ландшафтов. Такое деление является высшей формой районирования [Туrowsкий, 1998]. Ведь, по сути, культурный ландшафт — это предельная форма существования функционального культурного района. Как уже говорилось, функциональные районы выделяются на основании комплекса характеристик. Культурный ландшафт включает максимально возможное число таких характеристик.

С культурно-ландшафтным районированием связана еще одна теоретическая проблема — *индивидуальности и уникальности* ландшафтов. В пределе каждый культурный ландшафт уникален, поскольку представляет собой неповторимое сочетание характеристик. Это значит, что он должен иметь свое собственное имя и место на карте — критерии индивидуальности. Поэтому ландшафтный подход переключается с эксцепционализмом Р. Хартшорна, представление об уни-

кальности места весьма ему созвучно. Однако похожих ландшафтов немало. Поэтому, в зависимости от целей исследования, можно выделять типы культурных ландшафтов. Также культурные ландшафты могут объединяться в “общие” ландшафты более высокого порядка. С этим связана таксономия культурных ландшафтов, на основе которой делается многоуровневое районирование [Туровский, 1998].

Изучение культурного ландшафта может проводиться по нескольким параметрам — морфологическим, временным и функциональным.

“Визуальный”, или “пейзажный”, культурный ландшафт мы постоянно наблюдаем вокруг себя, он окружает нас, мы видим его своими глазами. Поэтому обоснован “визуальный” подход к культурному ландшафту, но, как и в случае с природным подходом, он должен быть “упакован” в более широкие рамки. Американские ученые, принимающие этот подход за основу, предлагают дедуктивный метод познания человеческой культуры через ландшафт, поскольку “ландшафт отражает культуру, и культурный географ может узнать многое о группе людей, внимательно наблюдая ландшафт” [Jordan, Rowntree, 1986, p. 25]. В этом есть свой смысл, ведь культурный ландшафт, по словам французского географа П. Видаля де ла Блаша, представляет собой нашу коллективную автобиографию, отражающую наши вкусы, ценности, устремления и страхи, его можно читать, как книгу [de la Blache, 1926].

Морфологическое исследование позволяет усложнить представление о структуре культурного ландшафта. Все, о чем шла речь выше, составляет *физические (материальные) композиционные элементы культурного ландшафта*, которые подразделяются на *природные и рукотворные*. Это — *пейзажная или визуальная часть культурного ландшафта*, к которой не сводится весь ландшафт.

Более полный подход к понятию “культурный ландшафт” предложил Ю. Веденин, который видит культурный ландшафт как “целостную территориально локализованную совокупность тел и явлений, сформировавшихся в результате взаимодействия природных процессов и разнообразной деятельности человека, при этом результаты деятельности человека, воплощенные в объектах материальной и духовной культуры, являются частью культурного ландшафта” [Веденин, 1988, с. 49]. Действительно, в ходе своей культурной деятельности человек наполняет девственный природный ландшафт духовным содержанием, одухотворяет природный ландшафт. Искусство во всех его проявлениях тоже выступает как ландшафтообразующий фактор, причем разные виды искусства имеют разные функции в процессе ландшафтогенеза: “одни виды искусства формируют отношение человека к природному или антропогенному ландшафту (литература, живопись, музыка), другие непосредственно связаны с его преобразованием и развитием (градостроительство, архитектура, ландшафтная архитектура и т.д.)” [Веденин, 1988, с. 49].

Культурный ландшафт имеет не только пейзажную форму проявления: Составной частью ландшафта являются исторические события, происходившие на данной местности, знаменитые люди, которые жили и творили на этой территории, образцы культуры, созданные в этой местности и описывающие эту местность (книги, картины и др.), этнокультурные особенности местного населения, язык, религия, бытовая и хозяйственная культура. Все это нельзя или сложно наблюдать на местности непосредственно, но нельзя и исключить из культурного ландшафта.

Таким образом, пейзажный ландшафт — это проекция культурного ландшафта на территорию. Ландшафт имеет не только телесную оболочку, но и духовное наполнение, которое раскрывается по мере постижения его культурно-исторических свойств и существует в виде научной и “бытовой” информации. *С точки зрения морфологии, культурный ландшафт включает в себя пейзажные (материальные, физические) и нематериальные (духовные, информационные) компоненты.* Целостный культурный ландшафт — это не просто “картинка”, это целый текст (“книга” Видаля де ла Блаша), прочтение которого является сложным и неочевидным процессом. При этом нематериальная часть культурного ландшафта — это не просто “плоский” текст, набор фраз, но и целая гамма свойств, отношений, восприятий и т.д. Поэтому важнейшей задачей исследователя становится интерпретация культурного ландшафта.

Человек наделяет ландшафты специфическими характеристиками — сакральными, национальными, эстетическими, причем особенность восприятия одного и того же ландшафта, “теплота” отношения различна для культурных групп и иногда просто полярна. Мы можем изучать *ландшафт (пространство) культуры*, представляющий собой воспринимаемые культурной группой доминанты своего ландшафта, его священные места и типично-стереотипные характеристики. Каждая культура имеет свой идеально-типический ландшафт, описываемый в произведениях искусства и устном предании (или, как сейчас говорят, в общественном мнении).

Морфологию культурного ландшафта можно рассматривать и через субъекты ландшафтогенеза. В таком случае говорят о *природном* и *антропогенном* компонентах культурного ландшафта. При этом антропогенный слой состоит не только из материальных форм, но и из образцов духовной культуры, форм духовной жизни.

К культурному ландшафту можно подойти и точки зрения его временной структуры. В пейзажной части культурного ландшафта в чилу естественных причин исторические пласты никогда не мрут быть представлены в полной мере, некоторые из них могут совсем не созреться, в особенности самые древние. Хотя в идеальном случае,

как отмечал Р. Кабо, “общий процесс взаимодействия природы и общества в своем движении выступает реально в многообразных социально-экономических и культурно-бытовых формах, возникающих во времени одна после другой, но располагающихся в пространстве одна рядом с другой” [Кабо, 1947, с. 5].

На таком представлении основано историко-географическое понимание культурного ландшафта, состоящего из *исторических пластов* — свидетельств различных эпох. На территории исторические пласты обычно представлены отдельными сооружениями той или иной эпохи, реже — целыми архитектурными ансамблями. В духовной части культурного ландшафта исторические пласты представлены в виде народной исторической памяти (в том числе в таких формах, как эпос, былина, сказка), исторических произведений и современных исследований, воссоздающих культурные ландшафты прошлого.

Следующий подход к изучению культурного ландшафта — функциональный. В пределах культурного ландшафта, который складывается из большого числа географических объектов, каждая местность может играть свою роль в создании и воспроизводстве образцов культуры. Прежде всего напрашивается использование модели “центр — периферия”, которая позволяет различать внутри ландшафта доминирующие *центры*, создающие новые образцы культуры, и *периферию*, воспроизводящую старые образцы. Целостную концепцию такого рода структуры культурного ландшафта можно найти в работах Ю. Веденина. Этот автор рассматривает *поляризацию культурного ландшафта*, которая проявляется в выделении в его составе ведущих центров новационной культуры и периферийных очагов традиционной культуры.

На наш взгляд, целесообразно говорить о *функциональной*, или *ролевой структуре культурного ландшафта*. Различные местности в пределах ландшафта имеют свой набор культурогенетических ролей (функций). Одни местности “специализируются” на новационной культуре (свойство центральности) и выполняют функцию центра, другие — на традиционной (свойство периферийности) и являются перифериями, третьи — имеют смешанную специализацию, их можно отнести к полупериферии.

Ландшафтный подход имеет важное прикладное значение. Представляя собой своеобразные комплексы на земной поверхности, культурные ландшафты становятся объектом культурного и природного наследия, специально охраняемыми территориями. В целом же культурный ландшафт — это квинтэссенция культурной географии (однако следует предостеречь от слишком частого или расширительного использования этого понятия, в результате чего теряется его сущность). Являясь типично географическим комплексом, он составляет специальное знание и своего рода ноу-хау этой научной дисциплины.

Изучение культурного ландшафта, это — большой шаг вперед по сравнению с традиционными геокультурологическими исследованиями, которые не всегда являются географическими по своей сути, и в которых география зачастую имеет вспомогательное значение.

Если структурный подход рассматривает культурное пространство в определенный момент времени, то **динамический** акцентирует его развитие во времени и пространстве. Основной предмет исследования — распространение культурных явлений как процесс (с выделением направлений этого распространения).

В соответствии со взглядами К. Зауэра, одной из методологических основ культурной географии служит культурная история. Географический подход к культурной истории базируется на реконструкции культурных районов прошлого и анализе их эволюции. По сути своей такая культурно-географическая динамика является продолжением культурной динамики в пространстве, ее географическим измерением. Все культурные процессы прошлого имели конкретную территориальную привязку, которая и интересует культурную географию. Плодотворным и интересным направлением является исследование исторических связей между территориями, которое проводится по различным свидетельствам.

Динамическое культурно-географическое исследование может быть ориентировано на решение трех исследовательских задач.

Первая задача — *анализ происхождения в пространстве и времени определенных культурных характеристик, путей, времени и способа их распространения.*

Вторая задача — *реконструкция реликтовых культурных районов*, то есть структурный анализ культурного пространства в прошлом, на том или ином этапе его развития. Это направление, строго говоря, является переходным между структурным и динамическим подходами.

Третья задача находится на стыке динамического и ландшафтного подходов. Речь идет об *изучении характера культурных ландшафтов прошлого.*

Чистая динамика культурного пространства является предметом направления, известного как культурная диффузия. Она как раз и занимается процессами распространения идей, инноваций, отношений и различных культурных характеристик в динамике. Исследование культурной диффузии имеет несколько теоретических источников. Во-первых, это диффузионизм в культурологии. Во-вторых, это географическая теория диффузии инноваций, описывающая сам процесс и изобретенная знаменитым шведским географом Т. Хегерстрандом. В-третьих, это отдельные исследования в географии экономической культуры, посвященные распространению сельскохозяйственных культур [Sauer, 1952]. В этих исследованиях была отработана методика изучения динамики любых культурных явлений, предполагающая

определение культурных очагов, а далее — путей и времени распространения тех или иных явлений.

Т. Хегерstrand и его последователи выделяют несколько типов диффузии инноваций, которые могут рассматриваться и в культурной географии [Høgerstrand, 1962, 1967]. Сегодня можно систематизировать эту теорию следующим образом.

Во-первых, существует *“сплошная” диффузия* (в англоязычном варианте contagious diffusion). В этом случае речь идет о непрерывном распространении явления, занимающего, таким образом, все большее и большее пространство. В культуре, однако, этот самый простой и очевидный тип диффузии встречается нечасто.

Во-вторых, выделяется *иерархическая, или каскадная, диффузия*. В этом случае распространение явления идет от центра к центру, постепенно, и явление, таким образом, занимает далеко не всю территорию. Как правило, на начальном этапе появляются центры первого порядка, которые становятся источниками инноваций. От них явление распространяется к более многочисленным центрам второго порядка, затем — к центрам третьего порядка. Пространство же между центрами заполняется постепенно.

Именно этот тип диффузии наиболее часто встречается в культурной географии. Дело в том, что культурное пространство организовано по иерархическому принципу и представляет собой функциональную систему. Соответственно и распространение культурного явления чаще идет от центра к центру, по уже сложившимся направлениям культурных связей с параллельным *“заращением”* сфер влияния отдельных центров.

Еще один тип диффузии инноваций — *диффузия через перемещение* (relocation diffusion). Она происходит в том случае, если культурная характеристика перемещается, полностью мигрирует из одной страны в другую.

Диффузия инноваций может отличаться не только географически, но и содержательными особенностями. Выше речь шла в основном о *“прямой”* диффузии, когда культурное явление с той или иной корректировкой, но в основе своей переносится на новую территорию. Но исследователи также выделяют *“косвенную”, или стимулирующую, диффузию* (stimulus diffusion). В этом случае территория и связанная с ней культурная группа не принимают культурное явление, однако его попадание влечет за собой определенные изменения в доминирующей культуре.

Таким образом, диффузия инноваций стимулирует собственный культурный процесс на определенной территории, который может быть и негативной реакцией на инновацию, способствующей укреплению традиционной культуры, и трансформацией местной культуры с определенным *“перевариванием”* инновации.

Итак, при анализе диффузии инноваций не следует просто фиксировать распространение конкретного явления, поскольку диффузия инноваций не является механическим процессом “прямого переноса”. Нужно также отслеживать варианты реакции среды, которые не сводятся к одной лишь простой ассимиляции или даже стимулированной извне частичной трансформации местной культуры. Реакция отторжения с неким “симметричным” ответом на вызов внешнего мира, например, созданием нового культа — тоже один из возможных процессов культурной диффузии.

Из культурологии известны и другие реакции, например, взаимодействие, когда “внешняя” и местная культура вступают в обмен ценностями. Результатом может стать формирование синкретической культуры.

Также говорят о колонизации, когда инновации навязываются местной культуре, что обычно влечет за собой утрату ею целостности и появление целой гаммы последствий — от формирования оппозиционных традиционалистских групп до синкретизма и даже полной переориентации отдельных групп на “импортные” ценности. Рассматривается и процесс геттоизации, когда культурная группа начинает вести изолированное существование в чуждой среде.

Концепция Т. Хегерстранда нередко подвергалась критике за механистический подход. Действительно, она скорее изображает процесс, нежели его объясняет, то есть выполняет инструментальную функцию. На наш взгляд, разумеется, что культурно-географическое исследование должно анализировать культурно-исторический контекст диффузии, что очевидно следует из проведенного выше сопоставления возможных вариантов реакции местной среды на инновацию.

Динамическое культурно-географическое исследование оперирует не только направлениями и типами диффузии, но еще целым рядом понятий и концепций.

Например, это *концепция барьеров*, стоящих на пути культурной диффузии. Выделяются несколько типов барьеров:

— Абсорбирующие барьеры полностью “впитывают” культурное явление и препятствуют его дальнейшему распространению.

— Прерывающие барьеры представляют собой физические препятствия для диффузии, столь значимые в прошлые эпохи (моря, пустыни, горные хребты).

— Существуют и проницаемые барьеры, которые отфильтровывают культурный “поток”, частично пропуская его содержимое на новую территорию.

Анализ путей распространения инноваций заставляет объяснять причины большего или меньшего сопротивления среды, большей или меньшей вязкости пространства. В плотных, компактных сообществах работает так называемый “эффект соседства”, и явление распростра-

няется быстро. Но нередко приходится сталкиваться с полным и не всегда легко объяснимым “нераспространением” (nondiffusion, как называли это явление критики Т. Хегерстранда).

Еще одна распространенная тема — зависимость процесса диффузии от расстояния. В географических работах часто можно встретить механистическое представление о том, что восприимчивость среды к инновациям уменьшается с расстоянием от центра инновации (в англоязычной литературе это явление называется distance decay). Однако для культурной географии это совсем не очевидно. Здесь процесс диффузии часто идет неисповедимыми, “окольными” путями и не может описываться по банальной схеме “чем дальше, тем меньше”.

Сложный процесс культурной диффузии приводит к формированию двух культурно-географических полюсов — инновационного и традиционного. Центры инноваций сочетаются с очагами и убежищами традиции и вместе создают особую структуру культурного пространства. Активная экспансия “чуждых” инноваций может приводить к возникновению изолированных убежищ традиции.

Динамические исследования позволяют исследовать иерархическое строение культурного пространства. Эта иерархия открывается нам при исследовании функциональных районов и становится еще более ясной после изучения историко-географического контекста и диффузионных процессов. Иерархически выстроенное культурное пространство функционирует по модели “центр — периферия”. Оно имеет в своем составе центры культурогенеза нескольких порядков и периферии, являющиеся как акцепторами инноваций, так и очагами традиции.

Геокультурная динамика представляет собой бесконечный процесс. Здесь можно наблюдать создание все новых центров, упадок старых культурных очагов и строительство новых на бывшей периферии, возрождение старых центров и т.д. Общей тенденцией можно назвать включение все новых территорий в мировой культурный процесс, появление все большего числа центров, причем число новых центров превосходит число теряющих свое значение. По сути, в мире происходит непрерывная цепная реакция распространения культурных форм и явлений, вовлекающая в этот процесс все большую территорию.

Культурная география со всеми ее подходами и направлениями предлагает способ целостного постижения мира, в котором мы живем. Она видит, глубоко чувствует его внутренние различия, определяя границы, внутренние рубежи между культурно-географическими единицами. И она понимает каждую такую единицу как сложный комплекс взаимосвязанных явлений, а, видя взаимосвязи, понимает и условность границ. Тем самым ей удается сочетать анализ и синтез, и, эффективно оперируя границами и культурно-территориальными комплексами, давать яркое, целостное представление об ойкумене.

Литература

Веденин Ю.А. Искусство как один из факторов формирования культурного ландшафта // Известия АН СССР. Серия географическая. 1988, № 1.

Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990, № 1, с. 3–17.

Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск № 2. М.: ГИВЦ МК РФ, 1997, с. 3–99.

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб: “Дмитрий Буланин”, 1997.

Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.

Дружинин А.Г. Методологические основы географических исследований культуры // Известия ВГО, т. 121, вып. 1, 1989, с. 59–64.

Дружинин А.Г. География культуры: некоторые аспекты формирования нового научного направления // Известия ВГО, т. 121, вып. 4, 1989, с. 307–312.

Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск: “Ойкумена”, 1999.

Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Выпуск пятый, 1947.

Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера. М.: Издательство ФБМК, 1998.

Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. Смоленск: Изд. СГУ, 1998.

Родоман Б.Б. Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования // Географические науки и районная планировка. Сб. 11. М., 1980.

Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1994.

Туровский Р.Ф. Российское и европейское пространства: культурно-географический подход // Известия РАН. Серия географическая, 1993, № 2, с. 116–122.

Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.

Чеснов Я.В. Теория “культурных областей” в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976.

Blache P. Vidal de la. Principles of Human Geography. N.Y., 1926.

Fellmann J., Getis A., Getis J. Human Geography. Landscapes of Human Activities. Third Edition. 1992.

Högerstrand T. The Propagation of Innovation Waves // Readings in Cultural Geography. Ed. by *Wagner P.L.* and *Mikesell M.W.* Chicago and London, 1962.

Högerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967.

Jordan T. The European Culture Area. A Systematic Geography. N.Y., 1979.

Jordan T., Rowntree L. The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography. Fourth edition. N.Y., 1986.

Readings in Cultural Geography. Ed. by *Wagner P.L.* and *Mikesell M.W.* Chicago and London, 1962.

Salter C.L. The Cultural Landscape. Belmont, Ca., 1971.

Sauer K. Morphology of Landscape // University of California. Publications in Geography. 1925, Vol. II, № 2.

Sauer K. Recent Developments in Cultural Geography // *Hayes E.C.* (ed.). Recent developments in the Social Sciences. N.Y., 1927.

Sauer K. Agricultural Origins and Dispersals, 1952.

Zelinsky W. The Cultural Geography of the United States, 1973.

В.Н. Калуцков

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА¹

Топологическая теория культурного ландшафта — новый шаг в развитии этнокультурного ландшафтоведения как междисциплинарного направления исследований культурного ландшафта. Ядро теории — представление о топосе, или местоназвании — продвигает в понимании вопросов внутренней организации культурного ландшафта, позволяет сформировать инструментарий, особенно эффективно работающий при исследовании традиционных культурных ландшафтов. Топологический подход может быть полезен и при исследовании традиционных культурных ландшафтов как объектов культурного наследия.

1. Основные положения топологической теории культурного ландшафта

1.1. Проблема организации культурного ландшафта. Любое ландшафтное исследование на определенном этапе выходит на вопросы организации “своего” объекта. В 1990-е годы внимание исследователей было обращено на вопросы целостности культурного ландшафта как объекта — через разработку теоретических представлений [2, 4, 5, 6, 9, 14, 15], иерархических построений и вопросов районирования [4, 5, 10, 15], с помощью постановки вопросов культурного наследия [2, 3], через анализ опыта взаимодействия конкретных сообществ с природно-культурной средой [8].

Однако уже на следующем этапе приходит понимание сложности и неоднородности объекта. Акцент на вопросы организации ориентирует на выявление внутреннего устройства ландшафта; при этом параллельно формируются требования на разработку адекватных исследовательских методов, возникают вопросы о “первичной” единице организации, внутренних механизмах его устойчивости и т.д. Таким образом, сама поста-

¹ Статья написана по материалам доклада “Пространственная организация северно-русского культурного ландшафта” и его обсуждения на семинаре “Культурный ландшафт” в МГУ имени М.В. Ломоносова 21 марта 2001 г.

новка вопроса об организации объекта задает требования на соответствующие методико-методологические разработки. Обращаясь к истории русского (советского) ландшафтоведения XX века, заметим, что именно "погружение" в объект и исследование его внутреннего устройства (морфологической структуры природного ландшафта) способствовало тому, что ландшафтоведение мощно заявило о себе.

Неразработанность представлений о базовой пространственно-территориальной единице культурного ландшафта можно считать проблемным моментом, сдерживающим дальнейшее развитие этноландшафтных исследований.

Напомним, что в принципиальном плане под культурным ландшафтом понимается природно-культурная среда развития народа, этноса, сообщества, в конкретном — природно-культурная среда развития определенного местного сообщества [7].

1.2. Представление о топосе. Подобно природному территориальному комплексу или геосистеме топос представляет собой элементарную единицу организации культурного ландшафта. **Топос — это местоназвание.**

В конкретном культурном ландшафте топос возникает, когда место/угодье получает свое имя (топоним) или в случае локализации топонима. Тем самым уже на элементарном уровне мы сталкиваемся с ситуацией упорядочивания, соорганизации: название нового места или новое название старого места дается местным сообществом не только с учетом особенностей места или характера его использования, но и для избежания путаницы с учетом всего культурного ландшафта, включая его топонимическую подсистему. В рамках "своего" культурного ландшафта любой топос соотносится со своим местом, своим топонимом, с определенной территорией (в явном или неявном виде), с центром ландшафта — главным топосом, с другими топосами этого ландшафта.

Проблемный момент, на который редко обращается внимание в географических работах, но который значим в этноландшафтных исследованиях, связан с названием (номинацией) выделенных территориальных единиц. Как правило, названия природных территориальных комплексов занимают несколько строк и потому не операциональны. К тому же, ориентация на типичность выделенных единиц не позволяет выявить их индивидуальные особенности. Такие географические разработки с позиции культуры и человеческой истории региона, края "немы".

Обратим особое внимание на то, что любой топоним, любое название места всегда дается с позиции какого-либо сообщества (и им же удерживается) и всегда является частью какого-либо культурного ландшафта — городского, сельского или странового. В одном и том же культурном ландшафте не может быть двух Красных Площадей или двух Долгих Полей. Это означает, что, будучи единственным, каждый топоним не

только подчеркивает уникальность конкретного места в конкретном культурном ландшафте, но и особым способом — через внутриландшафтную систему называния (номинации) мест — организует все пространство культурного ландшафта, занимая в нем вполне определенную организационную позицию. Таким образом, прямо (например, Заречье) или косвенно в конкретном культурном ландшафте любой топоним всегда несет на себе организационную функцию.

В рамках определенного культурного ландшафта топоним всегда имеет следующую вертикальную структуру, в которой место представляет собой материальную основу, а топоним — идеальную:

Вместе с тем, было бы большим упрощением считать, что место представляет собой только материальную основу, субстрат топонима, а топоним — идеальную: и топоним и место как бы проникают друг в друга.

Напомним, что под местом понимается такое образование, топология которого выстраивается, исходя из принципиальной нерасчлененности духовного и материального начал [7]. Топологичность места за счет своей нерасчлененности (целостности) позволяет “удерживать” и природные и культурные процессы в их совокупности, что для этнокультурного ландшафтоведения принципиально важно. В сравнении с понятием “территории” понятие “место” экологично: “... место мыслится как потенциальное жилище, как то, что может вмещать человека, стать ему домом... территорию и район, в отличие от места, нельзя рассматривать как дом человека” [11].

Место — материальная основа топонима, при этом во многих случаях его свойства отражаются в топониме.

Отметим один важный “парадоксальный” момент: в принципе, любое безымянное место уже имеет своё протоимя (прототопоним), которое содержится в типе места, угодыя. И этот прототопоним может стать и топонимом: так, *городище* становится *Городищем*, *росчитка* — *Росчиткой*, а *пожня* — *Пожней* или *Поженкой*:

Иначе, любое безымянное место — это прототопос.

При смене одного топоса другим, например, в связи со сменой хозяйственного использования места, старый тип места может перейти в топоним. Так, *новина Ивана Петровича* становится *полем Новина Ивана Петровича*, (*печище*) Белоусовское печище — *лугом Белоусовское печище*, а *деревня* — *полем Деревня*. Это важный момент динамики топоса.

Топос — место, которое в конкретном культурном ландшафте получило свое имя, топоним.

Топоним — это идеальное начало топоса, но такое идеальное начало, которое за счет свойства “отражения” своего субстрата может точно передавать материальные свойства топоса.

Топос не может быть безымянным. С топонима начинается история топоса. Через топоним осуществляется социализация топоса: он становится достоянием сообщества, находит свое место на ментальной карте сообщества и хранится в “банке общественно значимой информации”. Только через топоним может быть осуществлена и “общественная возгонка” топоса: в связи с повышением его значимости он может стать полиландшафтным (см. ниже).

В ряде ситуаций у одного топоса может быть несколько названий, т.е. одному топосу соответствует несколько топонимов. Это характерно для так называемых полиландшафтных топосов, а также при изменении старого названия одного места на новое.

В принципиальном плане можно утверждать, что **топос — это локализованный топоним**.

Топос соотносится с определенной территорией — угодьем или природным территориальным комплексом (ПТК); принципиальное же отличие топоса от территории заключается в том, что топос всегда в свернутом виде содержит знание о “своем” культурном ландшафте и может быть осмыслен только с позиций этого культурного ландшафта. Другое отличие топоса от ПТК и угодья заключается в том, что топос всегда имеет имя (имя места или топоним). В ситуации отсутствия управленческих и хозяйственных инноваций, при стабильной организации ландшафта многие (особенно сельскохозяйственные) топосы совпадают с местными хозяйственными угодьями. Однако вся система жизнедеятельности местного сообщества не может быть задана через угодья. При расширенном понимании угодья как участка земли, отличающимся от соседних использованием или природными особенностями [16], можно утверждать, что **топос — это именованное угодье**.

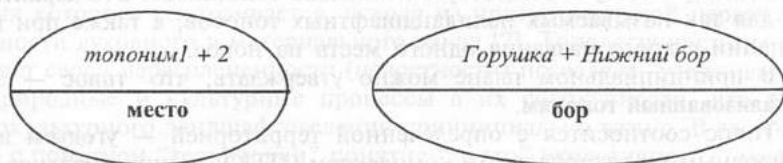
Выделяются топосы с определенными (“жесткими”) и размытыми (“мягкими”) территориальными границами. Определенность / размытость границ топоса зависит от “жесткости” границ соответствующего места и от положения в пределах культурного ландшафта. Территориальные границы сельскохозяйственных топосов обычно более определены,

чем, например, лесных. То же можно сказать и о центральных топосах конкретного культурного ландшафта по сравнению с периферийными.

Некоторые топосы “живут” в культурных ландшафтах разных уровней иерархии и, соответственно, могут быть осмыслены с разных позиций. Например, топос *Бородинское поле* входит в Бородинский деревенский культурный ландшафт, Московский край и русский национальный ландшафт. Именно такие топосы легко поддаются масштабированию: возможно, в этом кроется причина образования вокруг этих топосов микротопонимических полей и природно-культурных комплексов. При переходе с уровня на уровень может меняться семантика топоса, вплоть до противоположной: топосы, обладающие положительным образом на верхних иерархических уровнях, могут его терять на нижних.

Полиландшафтный статус топоса может быть связан и с периферийным территориальным положением одного и того же топоса в разных культурных ландшафтах. В таких случаях этот топос имеет несколько топонимов — по одному в каждом культурном ландшафте:

С такими случаями часто сталкиваются исследователи Русского Севера [1, 8]. Например, когда одно болото или лес, находящиеся на

хозяйственной периферии разных деревень, жителями каждой из этих деревень называются по-разному. Так, одно и то же болото жители пинежской деревни Кобелево называют *Большим*, а жители Земцова — *Земцовским*, один и тот же лесной массив усть-покшона зовут *бор Горушка*, а жители околка Холм — (*бор*) *Нижний бор*.

С другим, еще более любопытным, случаем мы столкнулись в районе сурских деревень (Верхнее Пинежье). Возвышенность, расположенная к западу от деревни Пахурово, зовется ее жителями Митиной горой, а жители соседней деревни Холм зовут ее Хараполой, причем в обоих случаях семантика этого места, проявившаяся в приметах, сходная. Сравните: “Из-за Митиной горы ветер подул — будет дождь” и “Из-за Хараполы ветер — будет дождь”.

К моноландшафтным относятся топосы, которые “живут” только в пределах одного культурного ландшафта. К ним относятся уже упоминавшиеся “зеркальные” топосы (в которых топоним зеркально отражает тип места), например, ручей Ручей и все другие, которые не

переходят в иные культурные ландшафты (соседние или другого иерархического уровня). Заметим, что “зеркальные” топосы обычно находятся в центре конкретного ландшафта (городского или деревенского, современного или реликтового).

Устойчивость топоса зависит от природных и общественных факторов. В конкретном культурном ландшафте устойчивость топоса (всех топосов данного ландшафта) поддерживается деятельной памятью сообщества — регулярной хозяйственной деятельностью, местными культурными традициями — мифологическими, обрядовыми, семейными. И в ментальной карте сообщества и / или в физическом своем проявлении топос постоянно должен обновляться, иначе наступает забвение и умирание. Сообщество выступает не только основной топологической “машиной” культурного ландшафта, но и его топологической памятью.

Устойчивость топоса во многом определяется “естественностью” его границ: при прочих равных условиях более устойчивы топосы с четкими природными границами по сравнению с топосами, границы которых созданы деятельностью сообщества. Например, сельскохозяйственные топосы с искусственными границами относятся к наименее устойчивым: при укрупнении угодий границы мелких топосов исчезают. Тем самым место как материальная основа топоса разрушается. Возникает ситуация топологической неустойчивости. И некоторое время топос может сохраняться только в форме топонима.

Полиландшафтные топосы более устойчивы по сравнению с моноландшафтными, поскольку они “живут” не в одном культурном ландшафте и их общественное бытие поддерживается не одним, а несколькими сообществами.

Топос — местоназвание, единица организации культурного ландшафта, обладающая территориальными, визуальными, семантическими и другими свойствами, которые могут быть выявлены и осмыслены только в рамках определенного культурного ландшафта.

1.3. Типология топосов. В типологических построениях используются три основания — происхождение топоса, его роль в территориальной организации культурного ландшафта и преобладающая функция топоса в культурном ландшафте.

По происхождению все топосы разделяются на 2 группы — культурные и природные (см. рисунок). Все сложные случаи при определении генезиса топоса должны рассматриваться с позиции того культурного ландшафта, к которому относится топос.

По роли в территориальной организации культурного ландшафта выделяются основные и инфраструктурные топосы. Основные (фоновые или площадные) топосы заполняют пространство культурного ландшафта и тем самым во многом задают его своеобразие. Инфра-

структурные или линейно-границные топосы ограничивают (например, **река**) или связывают основные топосы между собой (к примеру, **дорога, тропа**). В совокупности основные и инфраструктурные топосы организуют пространство и территорию культурного ландшафта.

Рисунок 1. Типология топосов

* Типы топосов по преобладающей функции приведены для севернорусских лесных культурных ландшафтов.

** Сакральные топосы — местоназвания, которые обладают собственными сакральными территориями (например, монастырь, кладбище).

Если по происхождению и роли в территориальной организации культурного ландшафта выделенные типы универсальны, то по преобладающей функции топоса в культурном ландшафте большинство выделенных типов носит региональный характер. Это объясняется природным и культурным своеобразием каждого региона. Так, для севернорусских лесных культурных ландшафтов (регион Русского Севера) выделено 9 типологических групп топосов (рис.). К ним отнесены комплексные, сакральные, селитебные, сельскохозяйственные, лесные, речные, озерные и болотные, дорожные и границные. Уже в

самом наборе типов по преобладающей в культурном ландшафте функции “проступают” и этнокультурные (селитебные, сельскохозяйственные топосы) и природные особенности региона — лесные, речные, озерные и болотные топосы.

В связи с неоднозначным пониманием сакральности поясним, что сакральный топос и сакральное место не являются синонимами, последнее понятие гораздо шире. Сакральные топосы — это такие сакральные местоназвания, которые обладают собственными сакральными территориями (например, **монастырь, кладбище**). Ручей *Буково*, где “пугает и молится”, представляет собой сакральное место, но не является сакральным топосом, относясь к речным топосам.

1.4. Представление о топологической организации культурного ландшафта.

В первом приближении **топологическая организация культурного ландшафта представляет систему топосов, соотнесенных друг с другом.**

Топологическая организация культурного ландшафта может быть представлена в типологической развертке (по составу и соотнесению топосов разного типа), в территориальном аспекте (через анализ территориального рисунка и соположения разных типов топосов), в пространственно-семантическом аспекте, через выявление комплексов топосов (природно-культурных комплексов). При постановке вопросов культурного наследия представляет интерес историко-культурологический аспект — при этом внимание фиксируется на уникальных и реликтовых топосах и группах топосов.

В процессе освоения и обустройства “своего” культурного ландшафта любое сообщество постепенно создает свою систему топологической организации. Система топологической организации любого культурного ландшафта уникальна не только потому, что нет похожих городов и деревень, но и по причине влияния этнокультурного, хозяйственного и природно-географического факторов. Например, такой широко распространенный топос, как **село**, широко распространенный в Центральной России, практически не встречается на Русском Севере не по причине отсутствия храмов в деревнях, а в связи с особенностями истории региона.

Наряду с традициями сообщества среди факторов топологической организации культурного ландшафта нужно указать на властно-административные и хозяйственные инновации, территориальные проектные разработки. В ситуации примыкания к центрам инноваций управленческие факторы занимают ведущее место. В провинции, удаленной от центров, сильны факторы традиций. Роль инноваций и традиций в топологической организации конкретного культурного ландшафта и их соотношение представляют собой интересное проблемное поле для исследования.

Основным субъектом топологической организации культурного ландшафта выступает (местное) сообщество.

С одной стороны, топологическая организация культурного ландшафта представляет собой **ментальную конструкцию**. Она выстроена на значимости определенных мест, на запретах, местных мифологических представлениях, других поддерживаемых экологических традициях. К тому же, она хранится и поддерживается в сознании и памяти сообщества как коллективного организатора своего культурного ландшафта. Такие ментальные карты сообщества выявляются только с помощью специальных исследований.

С другой стороны, топологическая организация культурного ландшафта — **реальная конструкция**, отражающая природные и хозяйственные особенности освоенной территории: по точности такие “ментальные” карты локального культурного ландшафта могут составить конкуренцию традиционным географическим картам соответствующего масштаба. В результате регулярной хозяйственной деятельности поддерживаются угодья ландшафта, обновляется деятельная память сообщества. Наиболее зримо топологическая организация культурного ландшафта проявляется в его топонимической системе, фольклоре местного сообщества, в территориальной организации хозяйственной деятельности конкретного селения.

Топологическая организация позволяет “схватить” и удержать как территориальную, так и во многом связанную с ней пространственную организацию освоенной сообществом местности. Вековой опыт освоения сформировал у сообщества навыки знатока и коллективного исследователя своего культурного ландшафта. При этом создана местная (от региона до деревни) географическая терминология и своя топонимическая система, в совокупности отражающие географические пространственно-территориальные особенности культурного ландшафта.

Топологическая организация культурного ландшафта — это пространственно-территориальная организация совокупности всей жизнедеятельности (местного) сообщества на “своей” земле, территории.

2. Методика и техника топологических исследований культурного ландшафта (принципиальные моменты)

При проведении этноландшафтных исследований и выявлении топологической структуры культурного ландшафта важен принцип комплексности. Это означает, что, наряду с литературными источниками знаний о культурных ландшафтах региона (работа со словарями, справочниками, краеведческой литературой, материалами этнографических и фольклорных исследований), важны нетрадиционные источники, например, местные СМИ или местные телефонные справочни-

ки, которые могут содержать очень важную информацию о местных культурных ландшафтах и топосах.

К примеру, современный телефонный справочник муниципально-образовательного района «Пинежский район» выстроен с учетом местной (устной) культурной традиции и для внимательного исследователя передает многие особенности культурных ландшафтов. Например, кроме официальных названий деревень, которые можно найти в любом издании или на административной карте, в него занесены названия околков² деревень, которые нигде не публикуются. Только там можно найти и местные, бытующие в устной традиции, топонимы. К примеру, топоним *Покшеньга*, которым жители только Карпогорского куста деревень именуют деревню *Кобелёво*, расположенную в устье реки Покшеньги (устойчивый случай устного локального употребления топонима).

Самое большое значение придается полевым обследованиям, встречам, беседам и опросам представителей местного сообщества. Это важно для понимания живого характера топосов и культурного ландшафта в целом. Принцип комплексности в данном случае означает, что опросы проводятся среди представителей разных профессиональных и социальных групп (при определенной целевой установке — разных возрастных групп). Понятно, что охотники и лесники хорошо знают лесные и болотные топосы, рыбаки — речные, а колхозники и фермеры — сельскохозяйственные. В таких работах наибольшую ценность как знатоки представляют учителя, местные уроженцы. Именно они могут помочь объяснить новые феномены (места, топосы), с которыми исследователь сталкивается впервые.

Полезна пространственная фиксация топосов, которая осуществляется для топосов центра культурного ландшафта на основе порядка 1: 5 000 или 1: 10 000, а для периферийных — 1: 50 000 или 1: 100 000. При этом большую ценность представляют маршруты в сопровождении местных жителей.

Технически топосы в беседах выявляются довольно просто. Собеседника просят привести примеры типов мест, которые они называют. И, если такие приводятся, мы имеем дело с топосом. Иногда они сами «всплывают» в разговоре.

«Было бы у нас время, сводил бы я вас по нашим хоботам», — говорит местный житель. И после объяснения, что такое *хобот*, приводятся примеры: *Семеновский хобот*, *Якунятский хобот*... Таким образом мы выявляем новый своеобразный топос, характерный для всего Зюздинского культурного ландшафта Кировской области.

² Околками на русском Севере называют части крупных деревень.

3. Опыт применения топологической теории в практике этноландшафтных исследований традиционных культурных ландшафтов

3.1. Пинежье. Для Пинежского краевого культурного ландшафта характерна большая типологическая дифференциация топосов. На основе Словаря местных географических терминов [16], других публикаций и собственного опыта многолетних полевых исследований выявлено 46 типов топосов: 27 основных и 19 инфраструктурных. Среди основных топосов культурные преобладают над природными — 17 и 10 (таблица).

Отметим особо типологическую группу “Комплексные топосы”, которая состоит из типа топоса **место, урочище**, представляя собой точки роста других типов топосов или выступая в качестве замены всех других типов топосов (например, в ситуации утраты какого-либо типа топоса).

Пинежье отличается богатой духовной культурой и развитой системой сакральных топосов, среди которых встречаются **монастырь, церковь, часовня, обетный крест**, а также **кладбище**.

Среди типологических подгрупп наиболее полно представлены речные топосы — 14 (3 площадных и 11 линейных) и сельскохозяйственные — 7 типов. Наиболее развернутая подгруппа речных топосов для Пинежского культурного ландшафта свидетельствует не только о хорошем знании пинежанами реки, но и ее значения в истории освоения края.

Речные топосы занимают ведущее положение и среди группы инфраструктурных мест: их насчитывается 11 (река сама представляет собой инфраструктуру всего края, и такая позиция закономерна).

Среди основных площадных топосов наиболее полно представлены сельскохозяйственные — 6 типов. Обратим внимание, что среди них отсутствует топос **пастбище**, что объясняется давней традицией лесного выпаса на Русском Севере: как угодье пастбища на Пинежье появились несколько десятилетий назад и топонимически оказались еще не освоенными местным сообществом.

Обратим внимание на большую устойчивость и отсутствие реликтовых топосов среди природных типов (речных, лесных, болотных) в сравнении с сельскохозяйственными. Для последних характерна тенденция упрощения регионального своеобразия в связи с изменением технологии и унификацией сельскохозяйственной терминологии, прочно вошедшей в коллективное сознание пинежан. Многие из природных типов топосов точно соответствуют ареалам природных явлений, например, тип топоса **мурга** (яма с водой) совпадает с распространением местного карста.

Отметим реликтовый характер многих типов топосов. Например, сельскохозяйственных, возникновение которых связано с подсечным земледелием — **чищенина, росчистка, новина, билетно**.

№	Топосы	Пинежский культурный ландшафт	Зюдинский культурный ландшафт
1	Комплексные топосы	МЕСТО, УРОЧИЩЕ	МЕСТО
2	Селитебные	СЕЛО; ДЕРЕВНЯ; ПОСЕЛОК; ОКОЛОК, ОКОЛОДОК; ПЕЧИЩЕ (реликт., Веркола)**	СЕЛО; ДЕРЕВНЯ; ПОСЕЛОК; ПОЧИНОК; СТАРИНА
3	Сельскохозяйственные	ПОЛЕ; ЛУГ, НАВОЛОК; СЕНОКОС, ПОЖНЯ; ЧИЩЕНИНА (реликт.), РОСЧИСТКА (реликт.), НОВИНА (реликт.), БИЛЕТНО (реликт.); КУЛИГА (реликт.); КАЛТУС	ПОЛЕ; ЛУГ; ХОБОТ; ОРАЙ, КОЧКИ ПРИСАДА; ЛОГ (в нагорных деревнях)**
4	Сакральные*	КЛАДБИЩЕ, МОГИЛЫ; ЦЕРКОВЬ; МОНАСТЫРЬ; ЧАСОВНЯ; (ОБЕТНЫЙ) КРЕСТ	КЛАДБИЩЕ; ЦЕРКОВЬ
5	Лесные	ВЕРЕТЬЯ; БОР, ЛЕС	ВЕРЕТЯ; ГОРА, УГОР; ШУТЁМ
6	Речные	РЕКА; РЕЧКА; РУЧЕЙ; КУРЬЯ; ЛЯГА; СЛУДА; ЯМА; ОСТРОВ; НОС, МЫС ГОРА, УГОР; ЩЕЛЬЯ; ПРОЛИВ; ВИСКА; РОССОХА	РЕКА; РЕЧКА; РУЧЕЙ; КУРЬЯ; ЛЯГА; СЛУДКА; КОЧКА; КЛОЧ; ПЕРЕКАТ, ПЕРЕБОР (реликт.); ХОЛУЙ (реликт.) СТАРИЦА
7	Озерные и болотные	ОЗЕРО; БОЛОТО; РАДА; ЛЫВА; МУРГА (Нижнее Пинежье)**	ОЗЕРО; БОЛОТО
8	Дорожные	ДОРОГА; УЛИЦА; ТРОПА; КОСИК, СПУСК; ПУТИК	ДОРОГА; УЛИЦА; ДОРОЖКА, ТРОПА, ЛЫС (реликт.); РОССТАНЬ
9	Граничные	ВОРОТА; ПРОСЕКА; МЕЖА (реликт.)	ВОРОТА; ГРАНЬ

Таблица. Системы топосов Пинежского (Архангельская область) и Зюдинского (Кировская область) краевых культурных ландшафтов

* Сакральные топосы — местоназвания, которые обладают собственными сакральными территориями. ** Топосы с ограниченным ареалом распространения (в культурных ландшафтах низших иерархических уровней). Схожие топосы выделены жирным шрифтом.

Типологии топосов можно выстроить также для субкраевых, кустовых и деревенских культурных ландшафтов. Некоторые типы топосов встречаются только в верховье Пинеги (например, **исада**), другие характерны только для одного куста или даже для одной деревни, например, **печище** для Верколы (таблица).

3.2. Зюздинский край. Материалы по типологии топосов Зюздинского (или Афанасьевского) культурного ландшафта получены в результате фольклорной экспедиции 2001 года в северную часть Афанасьевского района Кировской области. Разовый характер обследования предполагает возможность уточнения и расширения состава выявленных топосов.

Своеобразие Зюздинского культурного ландшафта, расположенного в верховьях Камы, определяется местоположением, связанным прежде всего с удаленностью от столиц и крупных промышленных центров, природными предпосылками (высокая залесенность, таежность), полиэтничностью (устойчивыми контактами с коми-пермяками, значительным участием старообрядческих общин в жизни края), а также своеобразием освоения, связанным с несколькими волнами освоения края.

Приведем описание наиболее своеобразных живых и реликтовых топосов края (таблица).

Среди селитебных топосов остановимся на описании топоса **старина**. Общерусским аналогом этого топоса является **селище**. Массовый характер топоса связан с хуторским типом освоения и расселения, широко распространенным на Вятской земле еще в конце 1930-х годов. Несколько кампаний по централизации (переселению людей из хуторов и починков в центральные усадьбы, деревни) и породили этот феномен. Но **старина** — не только широко распространенный топос. Старина для многих вятчан — это синоним малой родины. Многие из жителей регулярно посещают места своей молодости, возят с собой детей и внуков.

Выше мы упоминали сельскохозяйственный топос **хобот**. Происхождение слова пока не ясно. Означает он поля, разработанные на пойменных излучинах реки (отдаленно они напоминают хобот; возможно, отсюда и название). В наши дни топос становится комплексным. Пойменные поля зарастают лесом, частично переходят в сенокосы, луга, но по-прежнему называются **хоботами**. Топос является живым и широко распространенным.

Среди реликтовых упомянем дорожный топос **лыс** и речной **холуй** (ударение на первом слоге). Первый означает лесную тропу, которую пролысывали (делали затеси на деревьях). Второй (**холуй**) — это лесной завал на реке. Если дальнейшие исследования подтвердят это значение, можно объяснить значение ряда топонимов региона, таких, как Белая и Черная Холуницы.

3.3 Сравнение топологической организации Пинежского и Зюздинского культурных ландшафтов. Оба культурных ландшафта во многом

близки и по природному и по этнокультурному критериям. В обоих случаях природные ландшафты, на основе которых сложились культурные, относятся к таежному типу (Пинежский — преимущественно к северотаежному, Зюздинский — к южнотаежному подтипу). Этнокультурная общность рассматриваемых культурных ландшафтов определяется мощным влиянием леса на хозяйственный уклад и всю культурную составляющую; общим является и значительное участие “коми-фактора”: Пинежье граничит с Республикой Коми, а Афанасьевский район — с Коми-Пермяцким округом.

При сравнении состава топосов прежде всего обращает внимание значительная доля общерусских топосов (**село, деревня, поле** и т.д.), которые встречаются в обоих культурных ландшафтах (таблица). Похожая ситуация складывается и в отношении сельскохозяйственных топосов, краевое разнообразие которых все чаще заменяется общерусскими топосами **поле** и **луг**. Например, на Пинежье реликтовыми стали топосы, связанные с подсечно-огневым земледелием — **новина, чищенина, рощистка**.

Для рассматриваемых культурных ландшафтов отмечается макрорегиональное (северное) единство, общие этнокультурные корни. В обоих ландшафтах встречается характерный для всего Русского Севера топос **курья**. Примечательно отсутствие топоса **пастбище**, связанное с бытующей практикой лесного скотоводства, также характерной для Севера.

Топос **гора, угор** на Пинежье относится к речным, обозначая высокий берег реки. В Зюздинском культурном ландшафте распространено общерусское значение этого топоса (высокое место, которое может быть и не связано с рекой); при этом намечается тенденция к комплексному пониманию топоса — гора может быть и в лесу и на освоенном месте.

Сравнительный анализ систем топосов демонстрирует своеобразие каждого культурного ландшафта. Так, Пинежье с его богатыми духовными традициями выделяется развернутой системой сакральных топосов. Обращает на себя внимание и большое разнообразие речных и болотных топосов Пинежья.

Особый “вкус” каждой из систем придают реликтовые топосы, например, колоритный **перебор** (современный **перекат**) или уже упоминавшиеся **лыс** и **холуй** Зюздинского ландшафта.

4. Выводы

Введение в практику этноландшафтных исследований представления о топосе как элементарной организационной единице (подобно ПТК или геосистеме) дает инструмент для выявления и исследования внутренней организации культурного ландшафта.

Выявление, фиксация, картографирование и последующий пространственный анализ топосов, изучение их состава позволяют выйти

на вопросы пространственной и территориальной организации культурного ландшафта. Особую ценность представляет фиксация реликтовых топосов, отражающих исторические особенности хозяйства и культуры, своеобразие освоения регионов.

Система топосов традиционных культурных ландшафтов может рассматриваться как важный элемент регионального и местного “нематериального” культурного наследия, а сам метод позволяет “измерить” уникальность / типичность конкретного культурного ландшафта.

Литература

1. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
2. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: РНИИ-КиПН, 1997.
3. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Сер. геогр., 2001, № 1.
4. *Каганский В.Л., Родоман Б.Б.* Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре: итоги и перспективы (информационно-аналитический сборник). Вып. 3. М.: РГБ (Информкультура), 1995.
5. *Каганский В.Л.* Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта // “Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии” / Семинар “Культурный ландшафт”: второй тематический выпуск докладов. — М. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
6. *Калуцков В.Н.* Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // “Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии” / Семинар “Культурный ландшафт”: второй тематический выпуск докладов. М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
7. *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения: Учебное пособие. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
8. *Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А.* и др. Культурный ландшафт Русского Севера / Семинар “Культурный ландшафт”: первый тематический выпуск докладов. — М.: Изд-во ФБМК, 1998.
9. *Калуцков В.Н., Красовская Т.М.* Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География, 2000, № 4.
10. *Колбовский Е.Ю.* Культурный ландшафт и экологическая организация территорий регионов // Автореферат на соиск. уч. степ. докт. геогр. наук. Воронеж, 1999.
11. *Костинский Г.Д.* Идея пространственности в географии // Известия АН, серия географическая, 1992, № 6.
12. *Николаев В.А.* Культурный ландшафт — геоэкологическая система // Вестн. Моск. ун-та. Сер.5. География, 2000, № 4.

13. *Симина Г.Я.* Географические названия (по материалам письменных источников и топонимики Пинежья). Л.: Наука, 1980.

14. *Симонов Ю.Г.* Культурный ландшафт как объект географического анализа // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии / Семинар "Культурный ландшафт": второй тематический выпуск докладов. М. — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.

15. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия, 1998.

16. Энциклопедический словарь географических терминов. М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1968.

М.П. Крылов

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Данная статья продолжает серию публикаций автора по проблемам региональной идентичности и подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 01-06-80362, № 01-06-88025)

Региональная идентичность — одна из важнейших генотипических черт русской культуры.

В культуре и языке каждого народа заложены специфические, отличные от других народов, представления о характере свойственного ему территориально-регионального устройства, выражающем одну из важнейших традиций данного народа. Согласно Э. Бенвенисту (1970; рус пер. 1995, с. 238), у каждого из индоевропейских народов имеются свои собственные "...термины, даже целые ряды терминов, которые обозначают территориальные и социальные единицы различной величины. С самого начала (т.е. начиная с доисторической эпохи. — М. К.) территориальная организация оказывается весьма сложной, и у каждого народа имела своя разновидность этой организации". В то же время у индоевропейцев был зафиксирован лишь один термин, распространенный на значительной территории; это — город — "urbs" или "civitas" — в значении общества в пределах компактной территории, но при неясной (этрусской) этимологии (с. 240)". Указанное обстоятельство — дополнительный аргумент в пользу особо важной, хотя и культурно изменчивой, роли города в региональной идентичности.

Высказывается мнение об однородности по территории ("глобальности", "универсальности") российских культурных характеристик, с чем логически увязывается отсутствие (якобы) в России и у русских чувства местного патриотизма, "чувства места", отсутствие территориальной укорененности (Смирнягин Л.В., 1999, с. 112, и др.). Россия, таким образом, как бы становится моделью "глобалистского" развития, преодолевшего местные культурные различия в рамках единой цивилизации. Однако подобно тому, как нет ясности в существовании

единого (западного) или множества параллельно развивающихся, начиная, допустим, с “осевого времени”, источников глобалистского развития, также нет единого мнения об исходном (“генетическом”) или “приобретенном” характере российской “аспатиальности” (термин предложен Л.В. Смирнягиным для характеристики “внепространственности” русской культуры). В этом случае из приведенных пар примеров современная мировая и/или российская аспатиальность/глобальность обратимы, во всяком случае, в их нынешней форме. В отличие от “глобалистской мировой универсальности”, для России универсальность-аспатиальность чаще трактуется отрицательно.

Примером негативной трактовки российской “аспатиальности” может быть точка зрения Г.Ю. Любарского (2000, с. 439): “...за последний век народ (русский. — М. К.)... потерял структуру и в качестве живой преобразующей силы рассматриваться в собственных его импульсах не может”. Одной из отсутствующих структур, по мысли Любарского, является территориально-региональная. Особняком стоит концепция А.С. Ахиезера, также недовольного российской геопространственной парадигмой. В работах Ахиезера, на наш взгляд, в каком-то смысле воспроизводится известная концепция А.П. Щапова (1862), смысл которой в региональной многополюсности России, однако с противоположной оценочной шкалой. В развитой региональной идентичности Ахиезер видит “локализм”, почти трайбализм. В общем виде здесь, очевидно, сказывается методологическая нерешенность проблемы (допустимых пределов) полезности разнообразия (по А.А. Любищеву или К. Леви-Строссу) или единообразия (по А.А. Богданову или А. Дж. Тойнби).

Концепция “аспатиальности”, формирования в России человека-перекати-поле часто увязывается с концепцией “перманентной колонизации” как источником (негативным) цивилизационной специфики России. Примером здесь может быть точка зрения Н.И. Цимбаева (1997, с.36), связывающего перманентность колонизации с основными “болевыми” точками российской цивилизации: “Перемещение в пространстве — на Дон, за Волгу, в Новороссию — неизбежно означало перемещение в системе социальных координат. Оттого и зыбки были в России понятия о сословных правах и преимуществах, оттого даже в дворянстве и купечестве сословный интерес уступал частному. Здесь источник общественной слабости, причина отсутствия того, что Гегель называл нравственным корнем, который он видел в крепости торгово-ремесленных и иных сословий и корпораций. Устойчивость — хозяйственная, социальная, бытовая — достигалась не прежде, чем пограничье переходило под твердую московскую руку”.

Слабость сословно-корпоративного интереса была выражена, как нередко считают, и непосредственно в региональном аспекте. Так, Ш. Эйзенштадт (1978; рус. пер. 1999, с. 175) пишет: “не существовало

(в России. — М. К.) почти никакого способа объединить локальные интересы крестьян в более широкую группировку, несмотря на имевшую некоторое распространение традицию неформального объединения крестьян соседних деревень или районов для различных целей. Не очень отличались в этом отношении и городские группы”.

Неясно, однако, заложено ли отсутствие соответствующих механизмов в самой культуре, или же отсутствие соответствующих структур есть результат активного и постоянного внедрения центра, неукоснительно нейтрализующего действие (или формирование) механизмов региональной социокультурной самоорганизации, как о том пишет Ш. Эйзенштадт. Косвенно свидетельством в пользу исходного или, наоборот, вторичного отсутствия локального-региональной общинности в России может быть доказательство или опровержение концепции “аспатиальности русской культуры”, исходя из того, что общинность обычно является неперменным атрибутом любой регионально выраженной культуры, во всяком случае, культуры, близкой, в том или ином смысле, к традиционной.

Тем не менее, необходимо констатировать, что, несмотря на существование устойчивой концептуальной традиции, связанной с декларацией “русской аспатиальности” и освященной именами М.П. Погодина, С.М. Соловьева, В. Вейдле, Н.Н. Баранского, Г. Гачева и других, данный тезис остается без строгого доказательства как в теоретическом плане, так и в связи с обобщением эмпирического материала. Отсутствуют критерии степени социокультурного подобия или контрастности в территориальном (региональном) аспекте. Известно, что К. Леви-Стросс, в частности, писал о том, что крупные общества должны быть относительно однородны в территориальном аспекте, при этом оптимум пространственной однородности/разнообразия у каждого общества — свой. Совершенно не очевидно, что из факта относительной территориальной однородности (однотипности) культуры жестко, однозначно следует отсутствие местного патриотизма, чувства места и укорененности (например, персонажи Б.М. Кустодиева достаточно похожи друг на друга, хотя и находятся в разной, но похожей, чаще приволжской, среде обитания — они почти “аспатиальны”, но безусловно укоренены в Костроме, Кинешме, Астрахани, Лебедяни и т.д.).

Традиция “аспатиальности” игнорирует существование другой, противоположной, традиции в отечественной науке и публицистике, восходящей к именам А.П. Шапова и Н.И. Костомарова (последние, правда, иногда “балансируют на грани” признания допустимости сепаратизма).

Концепции “аспатиальности” противоречит немало работ отечественных историков, например, Н.Д. Чечулина, 1889 (о “крепких устоях” жизни в центральной России в XVI в.); А. Каплуновского, 1991 (о раз-

витости помещицкой общины в России); А.Г. Бахтина, 2001 (об отсутствии “экстенсивного” импульса в присоединении к России Поволжья и Приуралья); В.Н. Кузнецова, 2001 (об аномальности бегства крестьян от помещиков); П.В. Акулышина, В.А. Пылькина, 2000 (о существовании в 10-е — 20-е годы XX века жесткого социокультурного барьера между Тамбовской и Рязанской губерниями, и об отсутствии таких барьеров между Тамбовской губернией, с одной стороны, и Воронежской, Саратовской и Пензенской губерниями, с другой); Е.А. Шинакова, 2000 (о сохранении границ между древними племенами в сохранившихся в народе традициях, например, ареал расселения радимичей совпадает с ареалом празднования Радунницы). В этом же ряду следует упомянуть классические работы М.К. Любавского.

Согласно социологическим опросам, проведенным З.В. Сикевич (1996, с. 63) в Санкт-Петербурге, Мичуринске, Новочеркасске, а также среди русского населения г. Черновцы, лишь 27,1% респондентов выбрали “аспатиальную” пословицу: “Где ни жить, только (б) сыту быть”, в то время как 72, 9% респондентов проявили развитую региональную идентичность, выбрав пословицу: “С родной земли — умри, не сходи”.

Региональная идентичность является цивилизационной константой, возможно, в большей степени, чем язык, и по степени постоянства, по-видимому, приближается к “национальному характеру”, возможно, даже опережая его. Язык (при сохранении цивилизации) может быть утрачен, мышление может быть изменено, национальный характер деформирован (хотя это возможно лишь отчасти), но укорененность “в своей земле” является атрибутом данной цивилизации, по определению. При этом укорененность применительно ко всей цивилизации (включая совокупность ее географических точек) обязательно предполагает укорененность применительно к каждой географической точке, к каждому региону в пределах данной цивилизации, хотя обычно “чисто цивилизационная” укорененность, безусловно, сильнее, чем “чисто региональная (локальная)” укорененность. В качестве цивилизационной константы региональная идентичность в отдельных случаях может быть даже более приемлемой или универсальной характеристикой, чем религиозная традиция, так как при сравнении обществ в пространстве и во времени по критерию религии возникают или неявно подразумеваются вопросы, несущие повышенную этическую нагрузку, например, об “основной” или “истинной” вере, о том, кого считать верующим и насколько допустим отход от религиозных канонов.

Очевидно, что константность, “генотипичность” региональной идентичности нельзя отождествлять с “традиционностью”, в противовес “современности”, “модерности” (Сикевич, 1996). Это неверно как для хронологического, так и для стадийного понимания традиции-современности.

Возвращаясь к вопросу о моделировании проблемой “российской аспатиальности” современной проблемы “глобализации”, как в форме “глокализации”, так и в более космополитичных формах (см.: *Ионов, 2001*), необходимо обратить внимание на целую совокупность парадоксов, или противоречий, обнаруживающихся при сопоставлении проводимых (хотя бы и весьма фрагментарных) эмпирических исследований российской региональной идентичности. Эти парадоксы, или противоречия, создают достаточно широкий спектр возможной интерпретации соотношения между местной спецификой, реализующейся в региональной идентичности, и современными процессами, претендующими на универсальность.

Эти парадоксы, или противоречия, следующие:

1). Российская региональная идентичность обосновывается равным образом и как предпосылка “современности”, “современной культуры”, модернизации (*Крылов, 1999*), и как предпосылка (или форма проявления) традиционной, архаичной, несовременной культуры (вне связи с упомянутой выше концепцией Ахиезера): *Сверкунова, 1996; Левада, 1999; Сикевич, 1996*.

В данной методологической коллизии возможно, с нашей точки зрения, указать на мнение И.Л. Андреева (2000), ссылающегося на К. Юнга, о связи современной американской (США) общинности (а тем самым, добавим мы, и гражданского общества) и традиционной и, возможно, архаической культуры Черной Африки. Американская общинность рассматривается при этом как постоянный и универсальный противовес “массоидного”, неструктурированного, аморфного общества (похожего на некоторые версии постсовременного общества, например, по А.Е. Чучину-Русову, 1999).

2). “Экологичность” как проявление региональной идентичности (“экос”=дом) равным образом трактуется, исходя из результатов эмпирических исследований, и как следствие, результат традиционной, архаической, несовременной культуры (*Станек, Староста, Столбов, 2001, с. 103-104*), и как проявление модернизации (*Крылов, 1999*), включающей, однако, некоторый архаический компонент, например, связанный с “нерасчлененностью”, безальтернативностью сознания, отказом от альтернативного выбора (*Крылов, 1999*).

3). Сложившаяся в России система регионального устройства (“рыхлая”, континуальная, неконтрастная), являющаяся, с общенаучной точки зрения, скорее очень развитой (может быть, “дряхлой”), трактуется как проявление “неразвитости”. В то же время похожие признаки, согласно А.В. Коротаеву (2000, с. 246), характеризуют развитость территориального устройства: “Именно “искусственность” и регулярность территориального деления, а не территориальное деление само по себе, и могут служить показателем развитости государ-

ственной организации. Специфически государственная власть может... слить две губернии в одну, или, наоборот, разделить одну — на три..., изменить границы между “административно-территориальными единицами” и т.п..., но не чисто произвольно, а учитывая естественное, независимо от нее сложившееся территориальное деление”.

Характерен пример того, с какой легкостью современный исследователь России из ФРГ отказался от своего же мнения о не(до)развитости в России национального сознания и высказал суждение о возможности для России “перескочить”, “перепрыгнуть” обычно считающийся закономерным этап “нации-государства”, оставшись “империей” (Специфика России..., 2001, с. 120) (“может быть, это не недоразвитость, а, наоборот, зрелость”). (Имперскому состоянию России соответствует меньшая контрастность региональных различий).

4). Сосуществуют мнения о корреляции региональной идентичности как с интегративными (см.: *Крылов*, 2001 и др.), так и дезинтегративными тенденциями.

5). Сосуществуют также мнения как о росте, активизации, актуализации, формировании региональной идентичности и местного самосознания (*Левада*, 1999, и др.), так и о деградации региональной идентичности и местного самосознания, выходе его за пределы базовых социальных характеристик (*Тихонова*, 1999).

6). Если по Л.В. Смирнягину (1999 и др.) региональная идентичность — один из ключевых социокультурных параметров (как с точки зрения значимости для общественной системы, так и с точки зрения “престижности” этого параметра как характеристики культурных процессов), то у Н.Е. Тихоновой (1999) региональная идентичность — это маргинальный параметр как для социокультурной системы, так и для самих людей.

Наиболее явно территориальная социокультурная контрастность в России проявляется в связи с расчлененностью на различные типы культур, имеющие довольно жесткую тенденцию к пространственной локализации. Это столичная, космополитическая культура (см.: “предстоличные” и столичные города в работе *Крылова*, 1999, совпадающие с городами — центрами производства инноваций, по А.И. Трейвишу и С.А. Тархову) и провинциальная не—космополитическая, хотя и не лишенная элементов регионального подобию мест, культура. Столичная космополитическая и провинциальная культуры далеко не всегда могут быть противопоставлены как “центр” и “периферия”: провинция “идет своим путем” по многим культурным параметрам, имеет свой стиль развития. Поэтому неверен распространенный тезис о том, что то, что сейчас характерно для столиц, в будущем будет характерно для провинции. Как курьезное непонимание проблемы провинции можно привести пример статьи В. Кичина (1997) — речь идет об отсутствии, якобы, интереса в провинции к серьезному искусству.

Дистанцию различий между столицами и провинцией представляется возможным трактовать как субэтническую или даже этническую (в порядке дискуссии).

Для идентификации разных типов культур в пределах России воспользуемся некоторыми положениями схемы В.Ф. Петрова-Стромского (2000) и примем за основу результаты нашей работы (Крылов, 1999).

Нами выделены традиционный, паратрадиционный, современный и постсовременный культурные типы, основанные на характере региональной и локальной идентичности (развитости местного патриотизма, общинности, а также значимости экологических ценностей).

Для традиционного типа, в отличие от паратрадиционного, характерна неразвитость современных форм общинности, вероятно — неразвитость общинности вообще.

Для современного и постсовременного типов характерны атомарность личности и нарушение общинности, “разведенность” общинности и местного самосознания.

Для современного типа (он же — столичный и предстоличный, в отличие от провинциального, а также — “космополитический”) характерны релятивизм, экономизм, взаимозаменяемость экологических и прочих благ, ослабленная собственно региональная идентичность.

Традиционный, паратрадиционный и современный типы культуры укладываются в российский цивилизационный ритм закономерностей, хотя уже современный тип представляет собой аномалию по отношению к доминирующим традиционному и паратрадиционному типам. И лишь постсовременный тип культуры, представленный в России, не укладывается в российский цивилизационный ритм.

Для постсовременного типа характерна прежде всего мозаичность, нарушение единого культурного поля при усилении социально-экономической связности, хаотичность закономерностей и в таком смысле непредсказуемость, в итоге — сочетание космополитичности с “рассыпанными” в ней ядрами традиции. Собственно региональная идентичность ослаблена или представлена лишь локальным уровнем.

Постсовременный тип — это Московская область. Современный тип — Москва, Самара, Нижний Новгород, Казань, Новосибирск, Красноярск. Паратрадиционный тип — Тверь, Саратов, Смоленск, Иркутск, другие города. Традиционный тип — Тамбов, Вологда (в тенденции переходящие в паратрадиционный тип), другие города, не подверженные тотальной индустриализации (хотя и могущие страдать, в культурном отношении, от перенасыщенности индустрией и стандартной застройкой), а также города более низкого ранга.

Наш результат, скорее, не подтверждает мнение В.Г. Федотовой (1998) о том, что в целом “Россия представляет собой традиционное общество, которое частично модернизировано, частично разрушено”.

При этом “в традиционном, современном (модернизированном) и разрушенном секторах доминируют различные типы сознания; разрушенный сектор в максимальной степени тяготеет к архаике”. В России, согласно нашим результатам, наблюдается элемент органичности между традиционным и модернизированным, в то же время архаика не связана с разрушением традиции.

Несмотря на близость полученной картины пространственной дифференциации культурных типов, связанных с региональной идентичностью и местным самосознанием, к модели “глокализации”, у нас речь должна идти, как представляется, не о “глокализации” (формирование местных различий в рамках единой универсальной закономерности), а, напротив, о близости или же о параллелизме в действии как однотипных, так и разнотипных закономерностей, сходство между которыми обуславливается их “включением” в состав культурного тела российской цивилизации. В особенности разнородными оказываются доминирующие в России закономерности, сопряженные с традиционным и паратрадиционным культурными типами, по отношению к закономерностям, сопряженным с современным и постсовременным культурными типами. Таким образом, в России, в отличие от той ситуации, которая описывает модель глокализации, большой культурный контраст фиксируется не на локальном, а на “глобальном” уровне. Силы “глобализма”, вырастающие из традиционного, “антиглобалистского” субстрата, достаточно дистанцированы от этого субстрата, и в таком смысле “антиглобализм” (или партикуляризм) оказывается доминирующим по отношению к “глобализму” (универсализму), а концепция “аспатиальности” скорее не подтверждается, если иметь в виду характер культуры, его традиционность, а не довольно проблематичную область, связанную со степенью похожести или непохожести регионов.

В то же время возникают различные варианты идентичности в городах, связанных с гипериндустриализацией; например, при использовании экологического критерия можно противопоставить Дзержинск Нижегородской области (ослаблено “экологическое чувство места”), Липецк (экологическая пассивность на фоне “родного” сельского окружения) и Череповец (сопротивление жителей экологической опасности).

В дальнейшем более подробно рассмотрим формирование региональной (городской) идентичности в г. Череповце (с учетом материалов ФОМ, ВЦИОМ, Вологодского НКЦ ЦЭМИ РАН, а также материалов, любезно предоставленных нам В.Р. Поповым).

Проведенный анализ материалов по г. Череповцу показывает, что нового, “искусственного”, “космополитического” или “коммунистического” человека в нем создать не удалось. Природа российского человека осталась той же, что проявляется, в частности, в региональной идентичности (это положение можно сравнить с результатом

Сикевич (1996), неожиданно выявившей весьма значительную роль традиционных народных пословиц и поговорок в мышлении современных городских жителей — не только Мичуринска, Новочеркаска и Черновиц, но также, в не меньшей степени, и Санкт-Петербурга).

При ответе на вопрос: “Что Вы назовете в первую очередь, рассказывая о себе?”, — 56% жителей Череповца выбрало именно свой город, а не место работы или профессию (это — значимость региональной идентичности для мировосприятия жителей Череповца).

Пространственная идентификация для жителей Череповца в первую очередь была связана с Череповцом (72%), во вторую очередь, опять же, с Череповцом (30%) и с Северо-Западом России (30%), в отличие от Вологодской области (25%) и России (25%). Заметим, что в историческом прошлом эта территория входила в состав Новгородской, затем — Череповецкой губернии, ранее — Белозерского княжества и провинции и не была связана с Вологодой (Вологодским княжеством, провинцией, губернией).

В Череповце также однозначно прослеживается выбор в пользу российской цивилизационной идентичности — 60,3% респондентов выбрали Россию (для гипотетической ситуации такого выбора), при отрицательном ответе 18,3% (по Вологде: 78,1% и 9,8%).

Однако, несмотря на высокое, по меркам Вологодской области и России, материальное положение, жителям Череповца присуще ощущение так называемой “грусти новых городов” (как следствие очень сильного, хотя и не тотального, разрушения старого Череповца), формирование некоторых элементов “комплекса неполноценности”. Из выбравших, согласно опросам, Россию, Череповец выбрали лишь 2,6% (“определенно, да”) или же 10,2% (включая ответ: “вероятно, да”), при 44,8% (или 62,9%) выбравших Вологду.

Для 77,0% жителей Череповца лучшим местом жизни осталось то, где прошло детство (против 74,4% в Вологде). Большинство жителей Череповца и Вологды интересуется в первую очередь теми событиями, которые происходят в их городах. 77% жителей Череповца и 48% жителей Вологды считают, что “нужно сделать все возможное, чтобы сохранить местные различия в говорах и т.п.”

Представляется, что результаты опросов не подтверждают гипотезу об исходной, генетической аспатиальности россиян.

При проведении нами опросов жителей г. Старая Русса в августе 2001 г. обозначилась тенденция довольно хорошего развития исторической памяти и высокой степени укорененности (по месту рождения и по развитию местного патриотизма) жителей города, несмотря на разрушения города во время Великой Отечественной войны. Они ощущали региональные культурные барьеры — противопоставляли себя как новгородских не только псковским (“скобарям” — скупым), но

и валдайским. В то же время на Валдае прослеживается неформальная связь с Тверским краем: “Валдай и Торжок — города-побратимы”. Жители Валдая достаточно часто становятся студентами тверских вузов.

Полученные результаты заставляют скептически отнестись к мнению об отсутствии у россиян исторического сознания, а также, в принципе, и к тезису о слабости российской традиционной культуры (Хорос, 1993) — скорее всего, следует различать историческую память на коллективно-генотипическом уровне, к которой тяготеет региональная идентичность, и историческую память совокупности индивидов, к которой обычно обращена критика, упреки в забвении населением исторических названий улиц и т.п.

В то же время историческая память населения отличается, естественно, от совокупности представлений, складывающихся у краеведов и других активных членов местных общностей, вокруг которых формируются региональные идентичности.

У краеведов формируются свои собственные представления о культурно-исторических рубежах и территориях, основанные на ином понимании исторической памяти. Пензенский историк В.В. Гошуляк (1995, с. 5-6) пишет: “В основе исторического краеведения лежит идея о феномене края, региона. Край — это индивидуальная действительность, которую нельзя разрушить административными границами. Поэтому Пензенский край и современная Пензенская область в историческом аспекте — это не одно и то же... Чем ближе к современной эпохе, тем четче вырисовываются особенности Пензенского края, которые уже нельзя связывать с нынешним административно-территориальным делением”. Сходное понятие о Тамбовском крае (в границах Тамбовской губернии до 1922 г.) существует и у тамбовских краеведов. Существенно, что представления краеведов реализуются в учебных пособиях по курсам истории и географии своей области. Однако для закрепления этих представлений важно развитие (априорное) местного патриотизма, безотносительно к строгому знанию и вообще к внешней информации, связанное, однако, с местными смыслообразующими структурами (природа, история, предки, жизненный опыт). Очевидно, что такого рода трактовка понятия “край” отличается от трактовки более популярного среди историков и географов понятия “историческая провинция”, предполагающего стабильность границ и значительную степень преемственности культурных смыслов территории, а также понятия “бытовая область” (Мрочек-Дроздовский, 1876; Смирнягин, 1999), которое связано с повседневной жизнедеятельностью населения.

Таким образом, в зависимости от степени жесткости критерия “аспятиальности”, меняется и оценка региональной дифференцированности культуры. Однако региональная идентичность как социокультурный феномен базируется на множестве предпосылок местного и неместного

порядка, существенно выходящих за рамки проблемы региональной дифференциации культуры, часть которых рассмотрена в данной статье.

Литература

- Акульшин П.В., Пылькин В.А.* Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губернии в 1918-1921 гг. Рязань, 2000.
- Андреев И.Л.* Является ли африканец “европейцем наоборот”? // Вопросы философии, 1999, № 11, с. 46-67.
- Бахтин А.Г.* Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории, 2001, № 5, с. 52-72.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. 1. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия, пер. с фр. под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995, 453 с.
- Гошуляк В.В.* История Пензенского края, книга 1, Пенза, 1995, 146 с.
- Ионов И.Н.* Историческая глобалистика: предмет и метод // Общественные науки и современность, 2001, № 4, с. 123-137.
- Каплуновский А.* Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья 1870—1918. Историко-этнографическое исследование. М., 1991.
- Кичин В.* Столичные штучки о наличии страны не подозревают / Известия, 1997, 4 декабря.
- Коротаев А.В.* От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб: МАЭ РАН, 2000, с. 224-332.
- Костомаров Н.И.* Об отношении русской истории к географии и этнографии // Н.И. Костомаров. Земские соборы, Чарли, 1995, с. 424-440.
- Крылов М.П.* Социально-экологический подход к феномену российской урбанизации // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999, с. 228-236.
- Крылов М.П.* О системе понятий, описывающей феномен региональной идентичности // Территориальная дифференциация и регионализация в современном мире. Сборник научных статей. Смоленск: Универсум, 2001, с. 165-172.
- Кузнецов В.Н.* Побег крестьян от помещика как социально-психологический феномен // Вопросы истории. 2001, 32, с. 148-158.
- Леви-Стросс К.* Раса и история // К. Леви-Стросс. Путь масок, М.: Республика, 2000, с. 323-356.
- Левада Ю.А.* Десять лет перемен в сознании человека // Общественные науки и современность, 1999, № 5, с. 33.
- Любарский Г.Ю.* Морфология истории. Сравнительный метод и историческое развитие. М.: КМК, 2000, 449 с.

Мрочек-Дроздовский П. Областное управление в России в 18 веке до учреждения о губерниях. М., 1876, 280 с.

Петров-Стромский В.Ф. Три эстетики европейского искусства // Вопросы философии, 2000, № 7, с. 3-12.

Сверкунова Н.В. Феномен сибиряка // Социс, 1996, № 8, с. 90-94.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М.: 1996.

Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России, М.: Московский общественный научный фонд, 1999, с.108-115.

Специфика России глазами немецкого ученого. На вопросы д.ф.н. А.Г. Здравомыслова отвечает проф. Кельнского университета Г. Зимон // Общественные науки и современность, 2001, № 4, с. 113-122.

Станек О. Староста П., Столбов В. Удовлетворенность местом жительства в малых поселениях: экологический фактор // Социс, 2001, № 7, с. 97-105.

Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность, 1999. № 4.

Федотова В.Г. Хаос и утопия в русской истории // Вопросы философии, 1998, № 5.

Хорос В.Г. Российская модернизация : проблемы и перспективы. Круглый стол // Вопросы философии, 1993, № 7, с. 12-16.

Цимбаев Н.И. До горизонта — земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. № 1. С.18-42.

Чечулин Н.Д. Города Московского государства в 16 веке. СПб, 1889, 349с.

Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии, 1999, № 4, с. 31.

Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб: МАЭ РАН, 2000, с. 303-347.

Щапов А.П. Избранное. Иркутск, 2001

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999, 416 с.

Ad marginem

Т.А. Галкина

РОССИЯ И ЕВРОПА. ВЗАИМООТРАЖЕНИЕ В СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ

В последнее время немало споров ведется, чтобы доказать “европейскость” или “азиатскость” России или же ее “евразийство”. Это не абстрактные и не схоластические споры, поскольку причастность России к Европе или к Азии — ключевое качество ее геополитического положения. Однако с исторической точки зрения геополитическое положение страны — не есть нечто неизменное. Оно меняется в зависимости от изменения места страны в мировой геополитической, политической и экономической системах, от ее взаимоотношений с далекими и близкими соседями по планете, от степени ее включенности в политическую, экономическую и культурную жизнь всего мира. В зависимости от этого меняется и взгляд на страну “со стороны” и “изнутри”, то есть ее идентичность и самоидентификация. Представления о той или иной территории, равно как и национальное самосознание формируются самыми разными путями и средствами. Среди них немаловажную роль играют литература, музыка и изобразительное искусство, иконография в целом, как это показал в своих исследованиях Ж. Готтман еще в 1952 г. (*Gottman, 1952*).

С одной стороны, общественные представления о той или иной стране, территории могут быть использованы и используются как инструменты создания политических идентичностей через интеллектуальную элиту, с другой — коллективные стереотипы и представления отчетливо проявляются в работах писателей, художников, музыкантов, которые неразрывно связаны со своей эпохой и в то же время находятся под влиянием культурного и политического наследия прошлого.

Цель, подходы и методы исследования

Цель этого исследования — определить место России в геополитической системе “Восток — Запад” на разных этапах развития нашей

страны; эволюцию самоидентификации России; изменение образа России (Российской империи — Советского Союза — России) в Европе и, наоборот, восприятия Европы в России. В данной статье из всех важных инструментов формирования идентичности и представлений о стране рассмотрен один — музыка. Как источник информации об общественных представлениях, играющих важную роль в формировании географических образов той или иной страны, города, территории, музыка практически безгранична, поэтому мы намеренно ограничились анализом произведений наиболее абстрактных жанров программной академической музыки, написанной в традициях европейской классики, главным образом, крупных форм.

Первоначальным импульсом к этому исследованию послужил постоянный интерес автора к классической музыке и, в связи с этим, многолетняя привычка записывать услышанное: композитор, исполнитель, дата прослушивания. Из этих записей создалась первоначальная база данных, которая затем была целенаправленно расширена из разных источников. Это музыкальные словари, энциклопедии, специальные музыковедческие работы. База данных продолжает пополняться и в настоящее время.

При просмотре всех этих материалов невольно бросается в глаза, что композиторы разных направлений, разных эпох и стран нередко дают своим произведениям (независимо от жанров и форм) названия, связанные с географическими регионами, странами, городами, различными географическими объектами. Почти всегда это находит выражение в соответствующем национальном (иногда даже фольклорном) характере музыки. Музыка, которую можно условно назвать “пейзажной” (или “географизированной”, топонимической), составляет значительную часть всего мирового музыкального наследия и относится к категории программной музыки.

Под *программной* (в широком смысле) мы понимаем всякую музыку, которая для полного раскрытия своего образного содержания нуждается в содействии таких немusических элементов, как слово, сценическое действие, танец, литературный заголовок, сюжет, визуальный образ, т.е. полностью содержание такого рода музыки раскрывается при использовании элементов или средств других искусств. Подобная разновидность программности встречается в музыкальном искусстве на протяжении всей известной нам истории и значительно чаще, чем музыка “абсолютная” (или “чистая”). В инструментальной и оркестровой музыке, по отношению к которой и возникло само понятие “программности”, встречаются разные формы преломления программного принципа и разные “темы”. Сужая и конкретизируя поле исследования, мы сосредоточили свое внимание на произведениях, где в наименьшей мере представлена немusическая составляю-

щая (сценическое действие и т.п.), и сводится она прежде всего к заглавию произведения (или посвящению) и подзаголовкам частей, а сам “географический (ландшафтный, пейзажный) образ” выражен именно музыкальными средствами, чаще всего — путем использования местного музыкального фольклора или национальной классической музыки, иногда даже путем звукоподражания. (Париж был одним из первых городов Европы, получивших отражение в музыке. Его звуковой образ вызвал к жизни хоровую фантазию композитора XVI в. Жанекена “Уличные выкрики Парижа”).

Таким образом, из анализа исключены многочисленные оперные произведения типа “Итальянки в Алжире” Россини, “Осады Коринфа” Бетховена и в целом опера как жанр; балеты (“Неаполь” Альдано, “Пламя Парижа” Асафьева и т.п.). Однако, приняты во внимание некоторые оперные увертюры и другие оркестровые фрагменты из опер, исполняемые как отдельные концертные номера (такие как “Рассвет на Москва-реке” из “Хованщины” Мусоргского, “Гимн великому городу” из “Медного всадника” Глиэра). Из вокально-инструментальных произведений оставляем кантаты, оратории и другие жанры, близкие к симфоническо-сонатным, т.е. наиболее абстрактным, чисто музыкальным и — наиболее крупные по форме. Не рассматриваются бесчисленные песни, а также танцевальная музыка как отражающие не столько местность, сколько характер народа, на ней проживающего.

Необходимо признать, что выделение блока “пейзажной” музыки для нашего специфического анализа достаточно условно, так как берутся только те произведения, которые явно, своим названием посвящены тому или иному географическому объекту (стране, району, городу и т.п.). Однако не следует забывать, что огромное количество музыкальных произведений посвящено родной стране композитора, полностью выражая его отношение к ней, но при этом без всяких географических наименований. Так, главной темой творчества Шопена была тема его родины — Польши. Образ Польши — картины ее величественного прошлого, образы национальной литературы, современного композитору польского быта, звуки народных песен и танцев — все это составляет основное содержание всего творчества Шопена. Это как бы музыкальный портрет страны, но географические названия отражены там только в названиях региональных танцев (краковяк, мазурка) или в общепольском полонезе. То же самое можно сказать и о музыке Грига, которая очень образно отражает норвежскую природу и весь колорит норвежской жизни, но у Грига почти нет произведений, в названии которых упоминалась бы Норвегия, не считая “Норвежских танцев”. Русские композиторы, даже те, чья музыка отличается яркой национальной самобытностью (Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков), также не афишировали

свою любовь к родной земле в названиях своих произведений — они их пронизывали ею.

Многие музыкальные произведения посвящены не столько тем или иным территориям, географическим единицам, сколько историческим событиям, происходившим там. Но именно эти произведения часто носят название соответствующей местности. Так, Р. Вагнера, последнего художника-романтика XIX века, всколыхнули польские революционные события. Свое сочувствие повстанцам он выразил в симфонической увертюре “Польша” (1836). Ее музыка проникнута мелодиями и ритмами польских песен и танцев.

Можно отметить и еще одно наблюдение: чем более велик и философичен композитор, тем реже у него встречаются программные произведения, посвященные определенной местности, ее пейзажам, городам и т.п. У таких титанов музыкальной мысли, как Моцарт, Бах, Гендель, Бетховен, Шостакович, Прокофьев, Шнитке, таких произведений совсем мало. Их музыка посвящена в основном глубоким человеческим проблемам и чувствам, а любовь к родине они выражали более общими и глубокими средствами — не через посвящения определенным ее местностям. При этом они часто использовали в музыке народные мотивы своей страны и других стран. Композиторы меньшего масштаба чаще вдохновлялись образами конкретной территории, прежде всего, родной страны, но в то же время они нередко оставались популярными только в пределах своей страны или ее провинций.

Если совокупность этих произведений представить в виде своего рода музыкальной географической карты, то территория земного шара на ней (элементы поверхности континентов, стран и их районов и городов) будет отражена весьма неравномерно, с разной степенью интенсивности в зависимости от частоты их упоминания, и даже с “белыми пятнами”. Какие-то страны, города, районы окажутся “фоногеничными” (можно ввести этот условный термин), другие не затрагивали воображения композиторов.

В этой работе мы ограничились рассмотрением произведений композиторов Европы и России (всей территории Российской империи до 1917 года) и затем — Советского Союза, включая все его республики. Таким образом, работа показывает как бы “музыкальный взгляд” европейцев на Европу и Россию (Советский Союз), включая азиатскую часть, и, напротив, “музыкальный взгляд” из России (Советского Союза) на Европу и на свою собственную страну. В любом случае это именно “европейский взгляд”, поскольку композиторы союзных республик азиатской части СССР творили в указанных жанрах в рамках европейской музыкальной традиции.

Методика исследования

В работе были рассмотрены названия симфонических и камерных произведений 385 композиторов, творивших в европейской музыкальной традиции, начиная с середины XVIII века и до наших дней. Все эти композиторы упоминаются в “Музыкальном энциклопедическом словаре (М.: “Советская энциклопедия”, 1990) и других музыковедческих изданиях, а также в упомянутой выше специальной картотеке, составленной автором и обновляемой и пополняемой по сей день. Выявлено 950 произведений, содержащих в названии топонимы. Это музыка, посвященная территории на разных иерархических уровнях — от континента до топографических объектов, таких, как морфологические элементы города (улицы, площади, городские фонтаны, памятники и т.п.) и пейзажа (горы, холмы, реки, озера и т.д.).

Наш метод состоит, кроме анализа частоты упоминания топонимов, в их классификации по:

- а) принадлежности к континентам, странам или же районам России;
- б) географическим объектам (провинции и районы; горы, реки и побережья, озера, лесные массивы и т.д.; города, их кварталы и улицы);
- в) иерархии топонимов (степени детализации).

Рассмотрены произведения следующих жанров и форм:

- симфонии,
- симфонические поэмы,
- сюиты,
- музыкальные картины,
- рапсодии,
- крупные хоровые произведения (хор в роли оркестра): кантаты, оратории,
- симфонические фантазии,
- инструментальные произведения малых форм.

Музыка рассматривается, главным образом, начиная с конца XVIII века вплоть до распада СССР и даже до последних лет. Это делается не только по субъективным причинам (работа синтезирует результаты более специальных исследований), но объясняется также относительно более поздним развитием “пейзажной” программной музыки, взлет которой был связан с эпохой романтизма — первой половиной XIX века, и бурным возрождением этого жанра в середине XX века. Из всего списка “пейзажных” произведений композиторов различных стран Европы с особым вниманием рассмотрены те, что посвящены топонимам России/Советского Союза с целью выявить место России в Европе через музыкальное восприятие ее территории как отечественными, так и зарубежными (европейскими) композиторами.

Наш метод состоит, кроме анализа частоты упоминания топонимов, в их классификации по:

- а) принадлежности к континентам, странам или же районам России;
- б) географическим объектам (провинции и районы; горы, реки и побережья, озера, лесные массивы и т.д.; города, их кварталы и улицы);
- в) иерархии топонимов (степени детализации).

В качестве инструмента анализа в работе используются специально составленные таблицы и диаграммы музыкальных представлений о Европе и о России (Советском Союзе) по периодам, и делается попытка связать эволюцию самоидентификации страны в зеркале академической музыки с ее геополитическим развитием.

Эволюция отражения в музыке Европы и России

XVIII век. Программная музыка, в том числе и “пейзажная”, появилась и развилась в Европе в XVIII веке, хотя первые опыты можно обнаружить и в XVI веке. Первоначально это были чаще всего пейзажные зарисовки, не привязанные к определенной местности (например, поэтичные по замыслу и тонко выполненные лирические пейзажи Куперена, “Времена года” Вивальди и др.). Однако в целом для эпохи классицизма этот жанр не был характерен. В России симфоническая культура появилась в начале XVIII века. Классическая музыка европейской традиции возникла сначала в виде оперного и балетного жанров. Неудивительно, что “европейскость” русской музыки была гораздо более заметна, чем “европейскость” русской поэзии того же времени, поскольку традиции классической музыки пришли в Россию из Европы, тогда как поэзия непосредственно связана с национальными источниками.

Культурные, политические и гуманитарные (человеческие, личные) связи между Россией и Европой интенсифицируются. Русские композиторы часто посещают европейские страны. Русские композиторы: Д. Бортнянский, П. Скоков, И. Хандошкин, М. Березовский, Е. Фомин, — подолгу жили в Италии, двое последних были даже избраны почетными членами Филармонической Академии (Академии Музыки) в Болонье. М.И. Глинка, считающийся основателем русской национальной классической музыки, много путешествовал по Италии, Австрии, Германии, Испании, Франции, Польше. Широко используя русское национальное музыкальное наследие, он нередко вдохновлялся произведениями венских классиков, прежде всего Моцарта и Бетховена. Все вышеупомянутые композиторы написали довольно много произведений, посвященных Европе, в том числе такие яркие и выразительные, как “Арагонская хота” и “Ночь в Мадриде” Глинки.

XIX век. В начале и особенно в середине XIX века в России, как во всей Европе, доминирующим стилем в изобразительном искусстве и в музыке становится романтизм.

“Пейзажная” программная музыка в наибольшей мере характерна для композиторов-романтиков XIX века, музыка которых была наиболее изобразительной, фигуративной, “пейзажной”, часто посвященной конкретной территории. Разумеется, и в предромантическую эпоху итальянская, французская, немецкая, русская музыка отличались друг от друга особенностями, исходящими из их национального склада. Однако над этим национальным началом явно преобладали тенденции к известному универсализму музыкального языка. В новое же время опора на местное, “локальное”, национальное становится определяющим моментом музыкального искусства. В эпоху романтизма очень важную роль играет использование народного музыкального наследия, пробуждается интерес к истории, фольклору родной страны и в то же время — к своеобразию жизни, быта, искусства народов других стран. В эту эпоху европейская музыка состояла из многих ясно очерченных национальных школ. (Конен, 1976). Европейские романтики развивают в своих произведениях специфическое направление программной музыки, связанное с “Пасторальной симфонией” Бетховена. Итальянская и Шотландская симфонии Мендельсона или “Рейн” Шумана принадлежат как раз к этому типу. Именно эпоха романтизма породила интерес к жизни и искусству народов других стран. Венские классики Гайдн и Бетховен интересовались Россией, чей политический и культурный престиж в мире быстро возрастал.

Всего в XIX веке русскими композиторами было написано свыше 20 произведений, посвященных отдельным странам Европы и их городам (не только столичным). Это не только путевые впечатления, но и отражение глубокой связи русской музыкальной культуры с европейской, прежде всего со странами, наиболее близкими русскому народу по национальному характеру. Так, близость к Испании, например, выражалась даже в шуточном стихотворении поэта И. Колошина, популярном в России в середине XIX в.:

*За Пиренейскими горами
Лежит такая же страна,
Богата дивными дарами,
Но без порядка и она.*

*В ней так же много грязных станций
И недостаток лошадей,
Такое ж множество инстанций
И подкупаемых судей.*

Боткин, 1976

В силу сложившихся традиций, давних и глубоких культурных связей особенно большое внимание русских композиторов XIX в. привлекали Италия и Испания, которым было посвящено в этот период соответственно 7 и 5 произведений, не говоря уже о музыкальном влиянии, не выраженном в названиях. А если присоединить и произведения советских композиторов, то окажется, что и Италия, и Испания “заслужили” по 12 посвящений со стороны композиторов нашей страны. Надо сказать, что и в целом в европейской музыке Италия и Испания резко выделяются среди других стран по числу посвященных им произведений (67 и 62 произведения соответственно, из них в XIX в. написаны соответственно 41 и 45 произведений). Кроме того, эти страны наиболее подробно и углубленно отражены в музыке с точки зрения территориальной иерархии. Имеется в виду, что существуют музыкальные произведения, посвященные этим странам в целом (многочисленные “Испанские” и “Итальянские” симфонии, фантазии, каприччо Листа, Мендельсона, Римского-Корсакова, Чайковского и др.); их районам или историческим областям (“Астурия” Альбениса, “Арагонская рапсодия” Грандоса, сюита “Пьемонт” А. Синигалья и т.п.), городам (“Рим” Ж. Бизе, “Кордова” Альбениса, “Ода Валенсии” В. д’Энди), отдельным архитектурным элементам городов (“Ворота Альгамбры” Альбениса, “Фонтаны Рима” О.Респиги) и пейзажей (“Кипарисы Виллы д’Эсте” Листа, “Холмы Анакапри” Дебюсси, “Пинии Рима” Респиги). Причем, все эти объекты отражены как отечественными (по отношению к ним), так и зарубежными композиторами XIX-XX вв. В значительной мере в произведениях, посвященных Италии и Испании, отражены непосредственные личные впечатления композиторов от посещения этих стран (“Итальянская симфония” Мендельсона, “Ночь в Мадриде” Глинки), а это, в свою очередь, связано с бурным началом развития иностранного туризма сначала в Италии — в начале XIX в., а затем и в Испании. Иногда на создание произведения, посвященного той или иной географической территории (местности) композитора толкают не личные, а литературные или художественные впечатления, или же их совокупность. Так, вторая симфония Г. Берлиоза “Гарольд в Италии” отразила не только его личные впечатления от страны, но и навеяна была его увлечением поэзией Байрона, с поэмой которого и связано название симфонии.

Как известно, итальянская культура оказала огромное влияние на культуру других европейских стран. Многие молодые художники и композиторы из стран Европы, в том числе из России, завершали в Италии свое образование; среди образованных людей было принято совершать непрременные экскурсии в Италию. Многие музыкальные произведения отражают образы различных местностей Италии — это результат такого рода поездок. Вот почему чаще всего в их названиях фигурируют “обязательные” для туристского посещения Рим, Вене-

ция, Флоренция, Неаполь, Капри. В Испании аналогичное значение имеют Мадрид, Кордова, Гранада, Севилья, Наварра, Малага, т.е. в основном города Андалусии.

Испания, отражена в музыке примерно в той же степени, что и Италия, причем с той же степенью подробности. Рассмотрено 62 произведения, посвященных Испании, из них 26 — стране в целом, 12 — отдельным областям (Андалусии, Астурии, Арагону, Стране Басков, Каталонии), 21 — ее городам и их элементам. Среди последней группы выделяются известные “живописные” циклы Альбениса, Гранадоса, Дебюсси. В произведениях зарубежных (по отношению к Испании) композиторов отражены, главным образом, столица Мадрид (Боккерини, Глинки) или же населенные пункты политического значения (“Герника” Л. Ноно и П. Дессау).

На втором уровне “фоногенности” стоят также Венгрия, Франция и Великобритания (соответственно: 43, 40 и 37 произведений). Венгрия в этом ряду — это в какой-то мере результат случайности: тот факт, что именно в Венгрии родился гениальный Ференц Лист, воспевший свою родину в многочисленных симфонических и фортепианных произведениях, сыграл здесь решающую роль. Но не случайно и не на пустом месте Лист родился как композитор в стране с богатейшими традициями народной музыки. Именно любовь к своей стране и потребность использовать родной музыкальный фольклор подсказали Листу “географические сюжеты” многих его программных произведений. То же можно сказать и о творчестве двух других венгерских композиторов, уже XX века — З. Кодаи и Б. Бартока. Благодаря такой “случайности”, из 43 произведений 33 написаны венгерскими композиторами.

Кроме венгерских композиторов, Венгрии посвящали свои произведения композиторы Германии, Франции, Австрии (в 1867-1914 гг. последние были, в сущности, местными композиторами Австро-Венгрии). Нередко эти произведения были написаны под впечатлением о пребывании в стране. Так, среди фортепианных дуэтов Шуберта особый интерес представляет “Венгерский дивертисмент” (1824), написанный им под впечатлением от пребывания в Венгрии и даже, по свидетельству современников, на материале слышанных им в Целесе песен. Тема Венгрии разработана в музыке менее подробно, чем темы Италии и Испании. Только три произведения посвящены городам (Будапешту, Каллаи-Кеттени и Эстергому), а из элементов городов фигурируют лишь две части Будапешта — Буда и Пешт в произведениях Кодаи, Листа и Ланнера. Все вышесказанное говорит о некоей периферийности и замкнутости Венгрии по сравнению с Италией и Испанией.

Что касается Англии и Франции, то соотношение между посвященными им произведениями, написанными “местными” и “зарубежными” композиторами, вполне сопоставимо: соответственно 12 и

25 — в Англии и 16 и 24 — во Франции). Однако Англия имеет не только несколько бульшую отраженность вовне, но и более подробно разработана: нашли отражение в музыке 5 районов Великобритании (собственно Англия, Норфолк, графство Соммерсет, Шотландия, Гебридские острова) и 3 района Франции (Эльзас, Бретань, Прованс). Из английских городов наиболее “фоногеничным” оказался, естественно, столичный Лондон (в основном, английские композиторы), а кроме того — Ноттингем, Оксфорд, Портсмут), во Франции — конечно же, Париж, а также Реймс, Лимож. Можно сделать вывод, что, как закономерность, отражение в музыке находят прежде всего столичные города, а все прочие — как случайность, связанная с личным опытом того или иного композитора. Иногда в музыке находят отражение небольшие города и даже деревни (Герника в Испании), но обладающие важным историческим или политическим значением. По сравнению с Италией и Испанией, Англия и Франция, практически, не побудили русских композиторов к творчеству, особенно в первой половине XIX века.

Во второй половине XIX века связи с европейскими странами становятся более интенсивными, что отразилось и на творчестве русских композиторов. Излюбленная итальянская и испанская тематика у Римского-Корсакова, Чайковского, Балакирева дополняется посвящениями Франции, Греции, Германии у Глазунова, Мусоргского и др. Одновременно с политическими переменами и развитием движения славянофилов, русские композиторы XIX века, проявляли интерес к славянским странам, например, к Чехии, Сербии, Польше.

В то же время русские композиторы-романтики, так же, как и европейские, обратились к народной культуре своей страны. Было создано большое количество программных “пейзажных” произведений, посвященных российскому государству в целом, его регионам, (Белоруссия, Украина, Кавказ, прибалтийские страны), великим рекам. Это соответствовало подъему патриотических чувств после войны против Наполеона. Волга появляется как важнейший образ — символ и территориальная ось европейской части России (хотя ей посвящено меньше музыкальных произведений, чем поэтических). Регионы, наиболее далекие географически или по своей культурной традиции от Европы, воспринимаются в целом, не детализированно. Экзотические для европейцев и малоизвестные Сибирь и Азия фигурируют в европейской и русской музыке как абстрактный “Восток” (у Годара во Франции, Венявского в Польше, Славенского в Югославии и, равным образом, у Направника, Глазунова и Кюи в России), что еще раз доказывает близость России к европейскому художественному миру. Топоним “Сибирь” встречается лишь один раз, при этом у зарубежного композитора — француза Галеви в 1903 г.

К музыкальной “пейзажной” музыке были склонны не только романтики первой половины XIX века, но и позднее, в совершенно иную эпоху конца XIX — начала XX вв. — импрессионисты, правда, на другой принципиальной основе.

В конце XIX века и до 1917 года русскими композиторами было создано около 30 крупных симфонических и хоровых произведений, посвященных России, при этом территория страны была “разработана” довольно подробно. Иначе говоря, эти произведения относились к регионам и к расположенным в них городам (Кавказ, Средняя Азия, Украина, Карелия, Петербург и Москва), включая отдельные кварталы или элементы городов и их пригороды (Кремль в Москве, Каменный Остров и Петергоф в Петербурге). Правда, русская музыка этого периода оказалась весьма “централизованной”: наибольшее количество произведений и с наибольшей дробностью топонимов (включая отдельные районы и даже здания) относилось к столичным городам Москве и Петербургу. Из периферийных регионов внимание композиторов привлекли Украина, Крым, Армения, Грузия и Средняя Азия. Из общего количества симфонических произведений, посвященных России в этот период, 77% были написаны русскими композиторами. Если сравнить с наиболее “филофоничной” страной Европы — Италией, то пропорция здесь обратная: только треть произведений, посвященных этой стране, принадлежит итальянским авторам, а за период с 1870 по 1917 — всего 8%. Это связано и с большей закрытостью России в этот период по сравнению с только что (в 1871 г.) объединившейся Италией, привлекавшей всеобщее внимание своей политической и культурной активностью.

За тот же период европейские композиторы написали 12 симфонических произведений, посвященных России. Русские композиторы в тот же период намного больше интересовались Европой, которой посвятили 20 произведений, в том числе: 7 — Италии, 5 — Испании, по 2 — Франции и Греции и т.д. В наибольшей степени ими “освоена” итальянская территория, ей посвящены произведения, названия которых содержат не только название страны в целом, но и ее отдельных городов — Неаполя, Флоренции, Рима. Интересно отметить, что эти пропорции точно соответствуют доле итальянских топонимов во всей симфонической и инструментальной музыке, проанализированной нами: 46% всех программных произведений, посвященных той или иной территории, относятся к Италии, 41% — к Испании, и примерно столько же — к Венгрии, Франция с ее 32% — на четвертом месте. Норвегия, Польша и Швейцария также входят в первую дюжину наиболее “фоногеничных” стран. Следует заметить, что европейские композиторы не создали ни одного произведения, посвященного Европе в целом. По-видимому, для музыкального воплощения территории композитор нуждается в непосред-

ственных чувственных ощущениях, впечатлениях, а для этого необходим взгляд извне. Нет симфонических произведений, посвященных Земле как планете, однако другие планеты, внешние по отношению к Земле, уже воспринимаются музыкальным сознанием (английский композитор Холст, “Планеты”). Впрочем, этому явлению может быть и другое объяснение: Европа настолько разнообразна по своей природе и была настолько раздроблена политически в XIX веке (когда и была написана большая часть европейской “пейзажной” музыки), что не воспринималась композиторами как целое или была для них слишком абстрактным понятием, чтобы воплощать ее в чувственном искусстве музыки.

Всего за период с XVIII века до 1917 г. европейские композиторы написали 25 симфонических и камерных произведений, посвященных России и ее национальным окраинам. Иностранные композиторы редко оставались в России надолго или путешествовали по ней, чаще они ограничивались визитами в две столицы — Петербург и Москву, что и отражалось в их произведениях. Россия, при всем интересе к русской культуре, оставалась в глазах европейских авторов страной далекой и экзотической. В XVIII в. интерес не был еще взаимным. Европейские композиторы посвятили России 7 произведений, но — “безответно”. Впрочем, это легко объясняется тем, что в этот период жанр симфонической музыки только начал свое развитие в России. В XIX веке интерес уже можно считать вполне взаимным: европейские композиторы посвятили России и ее национальным окраинам 18 произведений, а русские композиторы посвятили Европе 20 произведений, в том числе 7 — Италии, 5 — Испании, по 2 — Франции и Греции и т.д. Наиболее подробно ими “освоена” итальянская территория: произведения посвящены не только стране в целом, но и ее отдельным городам — Неаполю, Флоренции, Риму. Ровно столько же, сколько Европе (20), русские композиторы посвятили произведений и своей родине, кроме того, 11 произведений было посвящено недавно присоединенным к Российской империи новым территориям — Кавказу и Средней Азии. Данные таблицы показывают, что в XIX веке Россия и Европа в целом в равной мере отражали друг друга в музыке, хотя в Европе эти произведения составляет лишь малую часть огромного пласта, содержащего отражение европейскими композиторами, своих собственных стран. Цифры, показывающие посвящения своих произведений европейскими композиторами Европе и русскими — России кажутся несопоставимыми (соответственно 210 и 31), но это впечатление обманчиво, так как европейские посвящения относятся к разным странам.

Советский период. Радикальные изменения в самоидентификации России — Советского Союза после 1917 г. имели глубокие послед-

Таблица 1.

Отражение территорий Западной Европы
и России/Советского Союза в музыке

Территории	XVIII век			XIX век			XX век (после 1917 г.)		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Западная Европа	187	—	—	210	20	—	140	14	4
Россия/ РСФСР	7	—	—	14	20	2	5	78	22
Нац. окраины России/ Республики СССР (без РСФСР)	—	—	—	4	11	10	8	27	167

1. Европейские композиторы.
2. Русские композиторы XVIII-XIX веков / композиторы РСФСР.
3. Композиторы национальных окраин России / композиторы республик Советского Союза.

ствия для эволюции программной симфонической музыки. В классической музыке Россия (после 1922 г. — Советский Союз) и Европа быстро “теряют друг друга из виду”. “Петроградскими вечерами” (1924 г.) Д. Мийо отмечен последний всплеск интереса европейских композиторов к новой России, к Советскому Союзу (который, к тому же, и не был слишком активен). Впредь зарубежные композиторы вдохновлялись на создание произведений, посвященных Советскому Союзу, благодаря не личным контактам, которые были очень редки, а важным политическим событиям, происходившим в СССР (прежде всего, Сталинградской битве, Ленинградской блокаде). Большой интерес вызывают республики СССР, главным образом, по личным этническим причинам (финский композитор Клами посвятил несколько произведений соседней Карелии и родственным финно-угорским народам, французский композитор Алексанян — своей исторической родине Армении). По другую сторону “железного занавеса”, в советской музыке, сохранялся в течение определенного времени, особенно до второй мировой войны, традиционный интерес к Италии и к Испании (“Итальянская симфония” Василенко, 1934 г., “Каталонская сюита” Ипполитова-Иванова, 1934 г. и др.). Можно сказать, что Испания последней “покинула” музыку советских композиторов, однако в значительной мере интерес к ней носил политический характер и связан был с гражданской войной в Испании.

В первые послевоенные годы в советской музыке можно заметить увеличение интереса к “свободным” славянским странам — отголосок

общей борьбы против нацистских захватчиков. Впоследствии произведения советских композиторов, посвященные другим странам, отражали не только культурные отношения, но и внешнюю политику СССР и крупные политические события за рубежом (сюита Жубановой из балета “Хиросима”, 1972; “Албанская рапсодия” и сюита “Вьетнам” Кара-Караева, соответственно 1952 и 1972 гг.). Когда воображение уносило советского композитора за пределы своей страны, он лишь изредка отдавал его политически нейтральным или даже фантастическим сюжетам (“Атлантида” Иванова, 1945-1949). Из 312 топонимов, представленных в “пейзажной” советской музыке, только 18 относятся к Европе, остальные — к различным территориям и городам Советского Союза.

Таким образом, советская музыка была изолированной, “самодостаточной”. Представления о мире, которые она создавала, определялись советской гиперцентрализацией и, в зависимости от того или иного периода, более или менее строгим идеологическим контролем.

В то же время симфоническая культура в СССР широко распространилась по стране. Национальная политика, которая требовала развития всех форм культуры в союзных и автономных республиках, доступности музыкального образования, “социальные заказы” властей, которые стимулировали создание симфонических произведений к крупным историческим датам в истории России или тех или иных республик — все это вызывало появление большого количества музыкальных произведений, посвященных Советскому Союзу в целом (11 произведений), России/Руси (14), Ленинграду (17) и Москве (16), столицам республик и другим городам практически во всех регионах, крупным рекам, другим географическим объектам (озерам, каналам и т.д.). В республики Средней Азии и в некоторые автономные республики симфоническая музыка была “импортирована” из центра, причем исключительно с помощью выпускников Московской и Ленинградской консерваторий. Значительное число произведений о Москве, главным образом крупных хоровых сочинений, было написано по специальному заказу в связи с кампанией празднования 800-летия Москвы. Большая часть таких “заказных” произведений была осуждена на забвение, но были, конечно, и счастливые исключения (особенно кантаты и оратории Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна). Произведения, связанные с Ленинградом, чаще всего были вдохновлены его героической защитой и блокадой во время войны, например, Седьмая симфония Шостаковича (“Ленинградская”). Многие произведения, посвященные Москве, особенно те, что были написаны по случаю ее 800-летнего юбилея, более формальны, чем произведения о Ленинграде, поскольку Москва как столица символизировала советскую власть.

Советские композиторы посвящали свои произведения бывшим “национальным окраинам”, ставшим социалистическими республика-

ми, глядя на них как изнутри, будучи местными уроженцами, так и из центра, из столицы или крупных городов Европейской части СССР, прежде всего Москвы и Ленинграда, где существовали крупнейшие композиторские организации и школы. Симфонические сюиты, симфонии и кантаты посвящались и республикам в целом, и отдельным городам, как крупным (“Картинки Таллина” Э.Каппа), так и мелким (“Лачплесис” Я.Иванова).

Московские и ленинградские композиторы, так же, как и композиторы союзных республик, судя по названиям их произведений крупных форм (кантат, ораторий, симфоний), воспринимали Родину в целом (“Великая Родина” Кабалевского, “Наша Родина”, “Родная земля” — разных композиторов). Образы этой музыки были всегда патриотическими и сверхпатриотическими, напоминая своим образным строем поэзию XVIII века. Кроме того, эти произведения были написаны в жанрах, свойственных XVIII веку, таких, как кантаты и оратории, и имели торжественные и официальные названия: “Несокрушимый Союз” (Абдраева), “Цвети, Советская страна” (Ал. Александрова), “Солнце сверкает над нашей страной” (Шостаковича); в республиках — “Дважды орденоносный Киргизстан” (кантата Малдыбаева), “Ликуй, мой Киргизстан” (Малдыбаева). Типичным в советское время было и посвящение музыкальных произведений промышленным объектам: заводским стройкам, электростанциям, строительству каналов (“Сказ о Сибсельмаше” А. Новикова, “Слава строителям ЗагЭС” М. Баланчивадзе). Следует заметить, что сочинения, посвященные собственно России (Агафонникова, Асафьева, Прокофьева, Пахмутовой, Светланова и других) были в целом менее формальны. Были, конечно, и очень хорошие сочинения, созданные композиторами союзных республик. Что касается небольших населенных пунктов, то больше всего внимание советских композиторов привлекли, по понятным причинам, Шушенское, Горки Ленинские, Разлив. Фигурируют также, по разным причинам, и такие мелкие населенные пункты, как Кижы, Починок и некоторые другие. В советское время, по сравнению с предшествующей эпохой, заметно расширение географии музыкальных образов за счет включения в пласт “пейзажной” музыки образов Сибири и азиатских республик.

Таким образом, в советский период создание территориальных образов даже в таком абстрактном искусстве, как симфоническая музыка, следовало общим тенденциям автоцентризма (СССР как центр “прогрессивного” мира), идеологизации и подчинения политическим и геополитическим интересам власти (акцент на “братских странах”). Столицы и другие крупные идеологические центры занимали важное место. Но, конечно, неформальная “географизированная” музыка была жива и обогащалась очень важными произведениями (“Русские пей-

жажи” Б.Асафьева, “Русская сюита” Пахмутовой, кантата “Курские песни” Свиридова, “Молдавская рапсодия” М. Вайнберга и др.).

Заключение

Эволюция территориальных образов в русской и европейской симфонической музыке XVIII-XIX вв., без сомнения, была связана с геополитическими ориентациями России. Сначала чисто “западнические” и в то же время сверхпатриотические, ориентированные на Европу, Петербург как символы модернизации, они стали затем намного более сложными и нередко противоречивыми. В XIX веке в территориальных образах сочетаются местности — символы идеологических и геополитических течений — славянофильского или “евразийского” и “западнического”. Борьба между этими течениями выразилась во все большем противопоставлении в русской культуре образов Санкт-Петербурга и Москвы, крупных городов и провинции. При этом освоенность европейской части России оставалась гораздо более высокой.

Изменения территориальных образов показывают, как и когда были освоены восточные районы России, как эволюционируют географические понятия и отношение интеллектуальной элиты к различным районам мира, очерчивают историко-культурный каркас страны. Используемый в статье метод может, таким образом, обнаружить степень включения в национальное сознание и оценку новых территорий на различных исторических этапах.

Чем выше искусство или иное явление культуры, тем в большей степени оно теряет узконациональные черты, но все же не выходит за рамки крупнейших (континентальных, а не региональных) культур. Так, русская музыка XVIII-XX вв., другие искусства и даже литература, национальные рамки которой, казалось бы, ограничивает язык, развиваются в русле европейской культуры.

Европа в сильной степени привлекала внимание русских композиторов дореволюционного периода, что объяснялось и практической доступностью для них европейских стран, многообразными и устойчивыми культурными связями со странами Европы и сильным европейским влиянием на русскую культуру. Примерно в равной, хотя и в несколько меньшей, степени отражалась дореволюционная Россия в музыкальном сознании европейских композиторов. Анализ взаимного отражения России и Европы в программной симфонической музыке показывает, что Россия была неотъемлемой частью Европы и европейской культуры.

В советской музыке среди “пейзажных” или “географизированных” музыкальных произведений преобладают заказные, политизированные, нередко связанные с определенными политическими событиями

ями или памятными датами. Особенно это касается музыки национальных окраин, куда европейская симфоническая культура насаждалась “извне” выпускниками ведущих столичных музыкальных вузов или новыми местными композиторскими кадрами. Характерно, что композиторы союзных республик очень часто писали “пейзажную” музыку, но чаще всего она была посвящена именно собственной республике или же Советскому Союзу в целом. Композиторы как бы не видели других стран и даже соседних республик. Иные страны привлекали их внимание лишь в том случае, когда там происходили важные для строительства коммунистического общества события или освободительная борьба. Советский Союз был практически закрыт как музыкальная тема для композиторов других стран. На музыкальной карте мира он выглядел изолированным и самодостаточным. При этом в симфонической музыке использовалось большое количество топонимов огромной страны.

В настоящее время, после распада Советского Союза, еще рано делать широкие обобщения в области программной, “географизированной” музыки, но уже можно утверждать, что российские композиторы и музыканты-исполнители стали органичной частью европейской музыкальной жизни, а современная европейская музыка нередко звучит в концертных залах России (правда, в основном, в столицах) и регулярнейшим образом — в программах радиостанции “Орфей”. Напротив, ослаблены музыкальные связи с бывшими союзными республиками, особенно в азиатской части. Таким образом, в сфере академической симфонической музыки Россия после распада Советского Союза снова повернулась лицом к Европе.

Литература

- Боткин В.П.* Письма об Испании. М., 1976.
- Вайнкоп Ю., Гусин И.* Краткий биографический словарь композиторов. М., 1987.
- Колосов В.А.* (ред.) Геополитическое положение России: представления и реальность. М., 2000.
- Келдыш Г.В.* (ред.). Музыкальный энциклопедический словарь. М., 1990.
- Конен В.* История зарубежной музыки. Вып. 3. М., 1976.
- Музыкальный энциклопедический словарь. М.: “Советская энциклопедия”, 1990. 671 с.
- Gottman J.* La politique des etats et leur geographie. Paris, 1952.

И.И. Митин

ЧЕРЕПОВЕЦ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Материалы к образу города (статья написана в 2001 году)

1. РазноОБРАЗный город (Вместо введения)

Реальная географическая картина <...> может выступить как самый эффективный культурно-географический или политико-географический образ, который представит “квинтэссенцию” страны или района.

Д.Н. Замятин. Моделирование географических образов

Череповец — необычный город. Он удивляет многоликостью, разнообразностью (и разнообразностью) и — непонятностью. Весь город словно наполнен ею: это не только сочетания несочетаемого, но и просто какие-то несуразные вещи, складывается ощущение, что в городе что-то как-то не так, будто логика событий и мест нарушается — и поворачивает вспять, вернее, встаёт на дыбы, изменяя своему закономерному (т.е. ожидаемому) течению. Происходят, таким образом, трансформации пространства и времени. Они и определяют образ Череповца. Это город, не похожий на другие, хотя, с другой стороны — наоборот, очень напоминающий многие города, но все вместе, скопом, в некоторой неразберихе, и кусками — пространственными и временными.

Череповец с первого, “заочного”, взгляда — типичный “второй город” (Каганский, 1997; 1999). Это узел новаций и прогресса, оппозиция центру, сильный город, активно взаимодействующий с окружающими субъектами, особенно — с центром страны, в данном случае — больше с Санкт-Петербургом, в меньшей степени — с Москвой. Череповец связан и с зарубежьем, что не слишком характерно для провинциальных городов, ведь Череповец — “второй город”. Но географа интересует, в первую очередь, как эта прогрессивность отражается в пространстве, на территории. Приезжаешь в Череповец — и не видишь сразу этого прогресса, инновационности и новаторства. Их будто и нет в пространстве, есть ли они вообще — надо разобраться.

Почему город не реализовывает свои возможности? Город распадается и не существует в единстве; город противоречит сам себе в наличии дохода и отсутствии — нет, не расходов, а понимания атрибутов прогрессивности. Город странен.

Да, Череповец поражает, прежде всего, даже не громаднейшим комбинатом (ОАО “СеверСталь”), хотя и его размеры, размах и — успех (!) — поражают; он поражает раздирающими его противоречиями и различиями. Всё везде немного не так, по-разному (полимасштабно). Надо найти что-то, что бы объединяло и — объясняло (!) многоликость места (города).

А Череповец изначально возник на негласной границе; вернее, сначала она была и официальной — разделом влияния Новгорода (Великого) и Владимиро-Суздальской Руси. Город возник на пересечении торговых путей. Со сменой центров в стране Череповец не переставал быть в полосе конфронтации — до сегодняшнего дня. Может быть, пограничное (“экотонное”) положение и послужило причиной всех неудач и подъёмов города, постоянных трансформаций времени и пространства. И это сделало Череповец таким, какой он есть — городом разноликим, интересным.

2. Череповец на карте страны. Провинция? Периферия? Центр?

— Алло, Центр, говорит Периферия <...>

У нас все нормально, все нормально.

Выслали триста вагонов баранины.

Алло, диктую по буквам — триста:

Тагир, Рустик, Ильдар, Саид, Талгат, Акбузат...

— Алло, Периферия, говорит Центр.

Вас поняли, баранину ждем.

Высылаем вам два вагона сапог.

Повторяю по буквам — два:

“Динамик”, “Воскресение”, “Аквариум”...

ДДТ (Ю. Шевчук). Периферия

Положение Череповца неоднозначно. Впрочем, так же неоднозначно и экономико-географическое положение (ЭГП) всего Европейского Севера. Череповец — это и центр, и глубокая провинция, это несколько сотен километров и до Москвы, и до “Студёного моря”. Город Череповец можно считать воротами из старинного русского Верхневолжья в “озёрный край”. Воротами на Север. Но только ворота эти, главным образом, речные, водные. Если посмотреть на сетку автодорог и железнодорожных путей, то Череповец — это вроде бы чистая вотчина Питера; хотя близость к Москве (правда, через Вологду — а это существенно для “второго

города” Вологодской области) даёт возможность опять выделить и здесь “экотонность” между Москвой и “Северной Пальмирой”. С другой стороны, дорога на восток – это и дорога на Урал, старопромышленный и пока ещё ресурсный, и дорога в богатый Печорский край. Такое сочетание отношений пространства, связей и приближений гораздо полнее “традиционной” схемы размещения ЧерМК (Оленегорск, Костомукша – Инта, Воркута – Рыбинское водохранилище – Санкт-Петербург, в меньшей степени – Москва) отражает эклектичность транспортных, а, значит – экономических, социальных и культурных связей города. И определяет его положение: Череповец – волжский город в Северном крае; “неизбежный” полюс притяжения на пути с Востока на Запад, и, в принципе, – с Севера на Юг.

Такое положение не позволяет определить степень “провинциальности” города методами оценки положения. Тут дело даже не в “выпадении” города из окружения, а в неоднозначности ЭГП. Город воплощает в себе, казалось бы, периферию – но периферию по отношению и к Москве, и к Санкт-Петербургу, и к Северу. Такое положение позволяет городу стать (!) центром. Но оно оставляет место для объективных и субъективных факторов, способных помешать этому становлению. Идёт ли оно сегодня? Не трогая пока пространственной и временной дифференциации на примере субъективных ощущений автора от города, приведём просто слова Алексея Мордашова (главы “СеверСтали”): “Для меня вкус жизни – другой. Я вырос в провинциальном промышленном городе, понимаете? Это не Москва. Череповец – это даже не город. Это такой скорее рабочий посёлок” (Мостовщиков, 2001). Это осознанная провинциальность. Хотя положение Череповца не безвыходное, но нужны ли ему привилегии, прелести центра – неизвестно.

3. Трансформации времени и пространства, населения и хозяйства в глобальном масштабе. Череповец среди Белозёрско-Шекснинского края: смена приоритетов

3.1 Пространство и время в комплексных географических характеристиках

*Я сознаю, что всякий, кто пытался попасть
в зачарованный замок, сгинул без вести
в болотах Пространства. Я сознаю <...>,
что Время есть жидкая среда,
в которой подрастает культура метафор.*

В. Набоков. Ада, или Радости страсти

Трансформация пространства и времени – суть изменения единого информационного поля. Это будто бы волны воды, внезапно взъерошен-

ные брызгающей малышней. Сменяют друг друга образы мест и эпох; с ними не просто изменяются города и сёла и сменяют друг друга на территории. С ними познаётся и само это информационное поле. А оно и есть – всё. Образ места есть категория и пространственная, и временная. И сжимается и растягивается она как в пространстве, так и во времени – беспредельно. Связывает всё воедино некий каркас. Для временного контекста каркас – это пространственное начало. Для пространственного – аналогия. Когнитивность образа определяет его постоянную изменчивость – со сменой настроения, самочувствия, желаний и возможностей, с каждым ударом сердца, в конце концов. Инверсии и трансформации образов места должны стать, наверное, ключевым моментом комплексного географического исследования, потому что они, во-первых, отражают все аспекты территории и времени, во-вторых, выражают мышление, образ жизни и восприятие, в-третьих, порождают территориальные комплексы, служат мотивом единства территории.

3.2 Трансформация образа Череповца во времени

Пространство, в котором возник сгусток современного города, обладает непосредственной реальностью, между тем как пространство его ретроспективного образа (взятого отдельно от вещественного воплощения) переливчато мерцает в другом пространстве – воображаемом, а моста, который поможет нам перейти из одного в другое, не существует.

В. Набоков. Ада, или Радости страсти

Череповец удивительно ведёт себя при изучении временной трансформации его образа. Город испытывает волны, которые, то подбрасывая, то опуская его, всё же оставляют город всегда на плаву, но при этом радикально меняют облик города. Образ Череповца – пример образа, который уже не то что второй или третий в истории – больше и больше; и каждое новое “рождение” города поражает эклектичностью. Кажется, город “попробовал” всё.

Череповец, или – как он назывался практически до первой половины XX столетия (!) – Череповец – начинался с монастыря. Вообще освоение этой территории шло с двух сторон – соперничали Новгород и Ростов. В истории Череповца эти два города всегда играли большую роль. Некие черты прогрессивности местности проявлялись уже тогда. Но после этого история местности при слиянии Ягорбы и Шексны была длительное время связана с деятельностью монастыря. С его упразднением город (а он уже к концу XVIII века получил такой

статус) не зачах, а, напротив, расцвёл, обрета новый образ, новое лицо. Торговый город на пути к Северу — выгодное положение. Но всё это время Череповец не был центром окружающей местности, не был тем стягивающим ядром, той силой притяжения, которая манит потоки вещества и энергии. Центром края были лежащие к северу Белозёрск и Кириллов. Города эти также обладали выгодным положением на Мариинском водном пути. Важность края обуславливалась и положением на периферии губернии, мало того — на стыке ряда губерний, казалось бы — в медвежьем углу, но — с выгодным, как бы мы сегодня сказали, транспортно-географическим положением. Эта особенность края (сочетание с административно-территориальным делением) послужила и положительным, и отрицательным фактором развития. Пограничность в то время ещё могла предопределить прогрессивность: стремление “выжить” в сложных условиях, как ответ на вызов. Череповец, равно как и уже упоминавшиеся Белозёрск (до определённого момента) и Кириллов, — не были частью Вологодской губернии, они входили в состав сначала Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии, позже (и — в основном) Новгородской. Эта губерния могла бы стать диполем, подобным современной Архангельской области, но диполем, вытянутым с юго-запада (Новгород) на северо-восток (Череповец). Но не возросла ещё “сила” города настолько, чтобы конкурировать с Новгородом, хотя бы и на “местном” — губернском — уровне. Положение Череповца было двояким: окраинное положение города выливалось в “полноценную” периферийность. Об этом свидетельствуют краше других черты города, где происходит действие гоголевского “Ревизора” (правда, говорят, что прототипом его послужила Устюжна, отстоящая от Череповца на сотню километров). Череповец был “искусственно” сделан городом Екатериной Второй, но в развитии так и оставался “заштатным”. Да, “с успехами людскости и просвещения Север беспрестанно изменяется, и, если смею сказать, прирастает к просвещённой Европе” (Батюшков, 1986), однако Шекснинско-Белозёрский край, который уже к прошлому столетию можно было смело называть Череповецким, не был ещё частью “цивилизированной” части страны. Приведём ещё одну цитату из К.Н. Батюшкова (чьё имение Хантоново располагалось в Череповецком уезде): “Я так загрубел на берегах Шексны и железной Уломы, где некогда володел варвар Синеус, что не в состоянии ничего сказать лестного, не в силах ничего написать, кроме простой, самой голой истины” (Батюшков, 1986). Но и в этой, казалось бы, “отрицательной” характеристике места слышатся мотивы особой прелести провинции, очаровывающей удалённостью и отрешённостью. Не в этой ли провинциальности, олицетворяющей ту “русскость” и “истинность”, которая всё далее и далее уходит в крупных городах, центрах, типа

Москвы и Петербурга, был главный “kozyрь” Череповца, особенно в XVIII-XIX вв.? Это, наверное, та черта, которая неотступно (но с угасанием) следовала за городом, преодолевая смену его образа. Но другая судьба была уготована Череповцу...

В 20-х годах XX века город характеризовался ещё как центр крупного сельскохозяйственного района и района интенсивных лесозаготовок. Череповец вновь преобразился, на сей раз довольно радикально, так как город лесозаготовителей — это уже не город торговцев, это не “старорусский” (хоть и окраинный) город, это город новый, отчасти уже советский. Такая временная трансформация Череповца подобна пространственной трансформации на юго-востоке Архангельской области: Сольвычегодск олицетворяет старый русский Север — “культурный” и патриархально-консервативный; его полная противоположность — Котлас (и Коряжма, и т.п.) — город новый, выросший на эксплуатации лесных богатств края; и эти два города характеризуются различным составом населения, разными “обычаями” и “нравами”. Эта же трансформация произошла и с Череповцом. Отметим: произошла опять искусственно, “сверху”, как и присвоение городского статуса за два столетия до этого. Но и это “испытание” не стало последним в современной истории Череповца. Опять “сверху” в город “привели” чёрную металлургию (Челноков, 1996). Вместе с ростом производства рос и город, становясь новым, другим, “образцовым” городом советских тружеников. Уже не старым, умиляющим провинциальностью, но так и не ставшим центральным, пусть и промышленным, городом. Рост Череповца изменил его всесторонне: преобразил место города на карте страны — из незаметного города на “ближней” периферии сделал заметным, но где? Наверное, именно в этот момент Череповец “оторвался” от пространства, “завис в воздухе”, стал великим городом государства “нигде”. В глобальном масштабе Череповец оказался уже не городом областного подчинения Вологодской области, он стал городом Череповецкого металлургического комбината (ЧерМК), городом “СеверСтали”. Череповец словно перепрыгнул с карты районной территории, олицетворяющей “совнархозовское” центральное управление, на карту промышленности, карту “отраслевого, министерского” управления. Так, собственно, происходило со всеми “вторыми городами”, которые по сути своей — оплоты Центра именно в связи с отраслевым управлением. Но как это отразилось на окрестностях города?

3.3 Череповец и окрестности: пространственные трансформации образа места

*Когда окрест ночная мгла
И мир разнежился в покое
Душа стыдливо расцвела
На кромке поля.*

А. Брагин. На кромке поля

Пространственные трансформации неотделимы от временных — они взаимодополняющие звенья единого механизма, крутящего нашу Вселенную постоянно.

Мы уже говорили немного о смене лидера в Шекснинско-Белозёрском крае на уровне губерний: Петербург — Новгород и немного — на самом высоком уровне: Новгород — Ростов — Москва. Если последняя цепочка нам важна лишь для того, чтобы проследить соперничество Москвы и “северной столицы” (а не продолжить ли цепочку Петербургом?), то первая в конце концов приводит к интересному результату на внутригубернском уровне. В цепочке Петербург — Новгород — Череповец, город Череповец — центр одноименной губернии в 20-х годах прошлого века. Это как раз тот самый период перерождения старого захолустного городка в новый, советский, город, пока — на основе развития лесного комплекса. Позже Череповец снова входит в Ленинградскую область (как в начале XVIII века — в Ингерманландскую губернию), с 1937 г. — в подчинение Вологды. Выходит, что Череповец стал “вторым городом”, по сути, случайно. Ведь ни с одним другим классическим “вторым городом” не было такого, чтобы он возвысился до того самого строительства, которое придало ему силу на территории. А Череповец был центром губернии за 30 лет до строительства ЧерМК! И тогда не смог удержать позицию центра, а после, став оплотом другой ветви управления, уже не мог. Это город “несудьбы”, по замечанию Нины Ивановой-Романовой — поэтессы и писательницы, проживавшей в 1923–29 гг. в Череповце.

На местном уровне город оказался окружённым обслуживающими — промышленно обслуживающими — сателлитами. Выезжаешь за город — хозяйственные нежилые постройки, потом посёлки, которые выглядят как обычная по размерам среднерусская деревня, но в ней высятся пятиэтажки. Вот и вся “зона влияния” города! “Грибок” Череповца поднялся над областью высоко, и лишь маленькая “шляпка” способна быть его окружением, но окружение это город не крашит. Крупный город может создать вокруг себя пригородную зону — зону, более свободную, нежели сам город — месторождение социальных новаций, не доступных инертному центру зарождающейся

агломерации. Но не так случилось с Череповцом. Его окрестности малы и утилитарно выстроены, и та великая пустота, которая неизбежно где-то наступает по мере того, как уезжаешь всё дальше от города – здесь совсем близко, буквально наступает на пятки городу. Исторически город рос “среди равных” – посмотрите на карту прошлых столетий. Северо-восток Новгородской губернии: Кадуй, Устюжна, Череповец, Кириллов, Белозёрск (уже Вологодчина), Вытегра (Олонецкая губерния) Небольшие городки, стягивающие территорию, формирующие её как неправильную в классическом понимании, но определённо организованную, устойчивую, со своей системой центров (Лухманов, Солдатова, 1997), а, значит, как территорию, полную консерватизма, упорядоченности и – умиротворения. Изменить, разрушить такую систему смогло “вторжение” промышленного Череповца. Оно “раскачало” территорию, изменив статус территориальных пространственных единиц в округе: принизив старые “равные”, поскольку они оказались при новом крупном центре. Край сконцентрировался вокруг Череповца. Не вокруг Вологды – центра областного, а вокруг отраслевого, который не должен заведовать территорией; может (Тольятти, например, тоже “второй город”, но попавший в полосу Сызрань – Жигули – Самара и поддерживающий расселенческие структуры окрестностей), но не должен. Произошла, таким образом, инверсия пространства.

4. Череповец старый и новый: город изнутри.

Временные и пространственные трансформации в городской черте

4.1 Череповец глазами путешественника. Раскрывающийся образ города

*Вглядимся повнимательнее, сквозь
поверхностную и повседневную пену <...>.*

*И что увидим? Что-то совсем другое,
не пенистое, и вполне достойно,
а главное – характерное и характерное.*

Ю.М. Осипов. Задачи русского дерзномыслия

Города встречают нас по-разному; и в процессе познания, когнитивного исследования пространства образ города постоянно претерпевает изменения. Смысл этих изменений – не просто в постоянном более глубоком раскрытии города перед путешественником. Смысл глубже – в различных “пластах” образа города. Ярче всего этот аспект иллюстрирует Ленинград (Петербург): первый взгляд на город оставляет впечатление торжественного и монументального величия, но есть и другой

образный “пласт” — трущобы центра, преследующие внимательного исследователя повсюду, и третий — совершенно одинаковые новостройки по окраинам, не охваченным метрополитеном и потому потерявшимся в лабиринте автобусных маршрутов. Такая же инверсия образа встречает наблюдательного путешественника, въезжающего в Ярославль с юга: “образ ожидания” города Ярославля рисует картину старинного русского города, типичного “набора” памятников архитектуры и старины пресловутого “Золотого кольца”; а южная окраина города — это типичный промышленный рабочий район, к тому же с острым запахом нефтепродуктов, который не покидает эти места, наверное, никогда.

Череповец — пример не столь яркий, однако, чрезвычайно показательный для выявления образа. Город встречает путешественника трассой “а-ля МКАД” — освещённой, многополосной, создающей однозначное впечатление “богатого” города, встречается с размахом, претензией на роскошь, указанием на особенности статуса. Только вот этот образ рушится сразу же по мере того, как пересекаешь железную дорогу. Череповец “разочаровывает” провинциальностью. Есть такой городок Ступино в Московской области: аналогии с Череповцом навевает, вроде бы, разве что металлургический комбинат (СМК); население не дотягивает и до 100 тыс. жителей. Но именно его черты проглядываются в Череповце. Он, как “Большое Ступино”, поражает несоответствием объёма города и его наполнения. Огромный город, который всё тянется и тянется, меняясь, но — в своих определённых рамках, никак не отвечает “образу ожидания” “трёхсоттысячника”, крупнейшего города области в полутора тысяче километров от Москвы и Петербурга, центра промышленного производства общероссийского уровня. Районы города формируют единую картину, которая, конечно, отражает и эпохи, исторические и архитектурные, но все они объединяются в целостную картину. И эта картина по мере познания города будто сжимается всё больше и больше до тех пор, пока город не представляется просто московским старым (старым советским!) рабочим районом, “выдернутым” из своего окружения и живущим своей жизнью.

Другая, более полная, картина Череповца возникает после полного “обзора” города, включая ЧерМК, удивительный центр и другие районы. Город распадается на отдельные куски, которые хочется назвать “городами” — так они не похожи один на другой.

4.2 “Город” Старый Череповец. Временные трансформации образа города и современный облик центра города

*Здесь церкви будто не ломали,
Здесь бородатые мосты.
Сарай и пышные дворцы,
Наверно, и не воевали...
И трудно верится, что пало
То, с чем боролась вся страна!
Гнилая баржа-старина
На якорь здесь печально стала.*

Ю. Шевчук. Старая Вологда

Череповец старый – это отдельный город в городе. Он существует отдельно – во времени и пространстве. Центр современного Череповца – это будто бы просто слепок Череповца 100-летней давности. А если рассматривать его пространственно – на уровне аналогии – то это старорусский городок. И черты этого городка в Старом Череповце налицо. В центре (!) нет намёка на “богатый” город, нет указания на промышленный город, нет черт большого города. Всё в миниатюре и как будто немного застыло – тихо и уютно, будто и нет рядом гремящего, пульсирующего города Череповца. А его и нет Нет для Старого Череповца. Он существует отдельно.

Что не сохранил старый Череповец в Старом Череповце – так это вид окружения: панораму Шексны и Ягорбы, северные и западные деревни. И ещё: “довоенный Череповец выглядел, как сплошной город-сад” (Новикова, 1999). И эти черты старый город практически потерял. Отчасти потому, что “умерли” его окрестности – Зашекснинские земли и Заягорбье вместо лугов и дубрав стали городом. Отчасти – ввиду особенностей восприятия берега Шексны – нового (!) крутого берега.

Доминантами старого Череповца были соборы вдоль Воскресенского проспекта. Они отчасти перестали быть доминантами по причине отсутствия их в современном Старом Череповце. Но проспект всё равно “ориентируется” на Соборную горку с Воскресенским собором. В этом “городе” нет ничего большого, монументального, советского (кроме названия проспекта). Даже проспект Советский носит в себе чётко выраженные черты проспекта Воскресенского – и совершенно не случайно на каждой табличке на нём указано: “Советский проспект. Бывший Воскресенский”.

Особая роль Воскресенского собора ещё и в том, что он стал ныне связующим звеном Старого Череповца и Нового Череповца.

4.3 “Город” Новый Череповец. Разрыв причинно-следственной связи в пространственной трансформации образа

Хоть нет в Отечестве пророка,

Скажу:

Что граду над Шексной

Стоять,

Пока неподалёку

Небесный храм и храм земной.

А. Брагин. Музей

Речь пойдёт не о том “Череповце”, который занимает большую часть города Череповца. Речь пойдёт о той маленькой части его, о том маленьком островке, который выделяется из всего окружения. На крутом берегу новой Шексны (Кузнецов, 1999), за лесистым склоном, укрывающим этот “город” от окрестностей, расположились коттеджи.

Ворота этого “города” явно парадоксальны — это Шексна и памятник Преподобным Афанасию и Феодосию. Их распростёртые руки словно встречают невидимых посетителей Нового Череповца. Река и лесной склон оберегают “город” от случайных ненужных взглядов; покой охраняет Воскресенский собор, который объединяет Новый и Старый Череповец; частью которого из них он является — неясно. Положение на берегу, в леске, несколько отдельно от старой застройки, на границе (!) не только с Новым Череповцом, но и с советской застройкой наводит на мысль о его обособленности. Воскресенский собор — живой символ всего Череповца, “экотонное” положение которого не позволяет определить его статус и “предрасположенности”, что и служит причиной незавершённости объекта (собора и города) и его образа. Им сопутствует тайна — грустная тайна неопределённости.

Вернёмся к самому Новому Череповцу. Эти коттеджи — добротные, красивые, аккуратные. Таких нет в окрестностях города, где дачи и те не слишком часты, а “крутых” построек немного, и все они носят некие черты окружающей “традиционной” застройки. Вокруг — “зелёный массив”, тихо и уютно. Но это не тишина Старого Череповца. Это тишина более искусственная, созданная верным выбором человека. Население “города” связано с ОАО “СеверСталь” — тут, якобы, проживает руководство ОАО. Отметим, что здесь можно встретить машины (естественно, не отечественного производства) с номерными знаками Республики Карелии. Деятельность холдинга “СеверСталь”, как известно, уже перешагнула за пределы Череповца: “Карельский окатыш”, Оленегорский и Ковдорский горнообогатительные комбинаты, Ульяновский автозавод, Коломенский и Заволжский машзаводы, Выксунский металлургический комбинат, Челябинский трубный —

вот далеко не полный список предприятий, входящих в сферу влияния холдинга. И этот масштаб, этот размах чувствуется именно здесь, словно Новый Череповец — сердце “Империи СеверСталь”. Империи единственной крупной российской финансово-промышленной группы немосковского происхождения. Сюда не сходятся дороги и не съезжаются туристы, но это — центр, ядро. Скрытое и неафишируемое, как вся российская “большая” экономика.

4.4 “Город” СеверСталь. Сюрреализм промышленности

Огромные каркасные системы могут привести к возникновению градостроительства в пространстве, т.е. к градостроительству, использующему различные, независимые друг от друга уровни. Возможность бесконечного разрастания этих пространственных структур даёт повод говорить о создании агломерации в пространстве.

И. Фридман

Череповец живёт отдельно от завода. Они не связаны напрямую. (Только трамваем, который пронизывает весь город). Metallургический комбинат существует отдельно не только от города, где живут люди, на нём работающие. Он живёт отдельно и от людей, им управляющих, и от Нового Череповца. СеверСталь — это “город” ещё советского metallургического комбината — ударника. И одновременно “город” передового объекта российского “капитализма”.

Обычно считается, что крупное промышленное предприятие вызывает отрицательные впечатления загрязнением окружающей территории, коптящими небо трубами, неприятно пахнущей “атмосферой”, уродливыми агрегатами. Это не так. Вид огромной СеверСтали навеивает мысли о “промышленном сюрреализме”. Переплетение труб и конструкций, переходов и коммуникаций создаёт впечатление не промышленного хаоса, а, наоборот, разумно организованного города.

Отметим ещё одну черту “города” СеверСталь: он существует как двустороннее зеркало. Одна сторона — внешняя и общедоступная. Это трамвайная линия. Трамвай пронизывает “город”, в то же время будто бы и не проходя по его территории. Линия трамвая огорожена заборами с проходными у трамвайных остановок. Такая вот инверсия образа транспорта, доступного и недоступного, охватывающего и не заходящего в “город”. В трамвае 4-го маршрута нет кондуктора — наверное, потому, что трамвай идёт по “другому городу” — СеверСтали.

Связующее звено СеверСтали и Череповца (трудно сказать — какого) — это здания правления. Они вплотную примыкают к заводской промышленной территории. С другой стороны, они образуют город-

скую площадь. А ещё правление СеверСтали – центр управления гиганта новой российской промышленности, центр общегосударственного уровня. Это третья, общероссийского уровня, доминанта Череповца – и опять в “пограничном” положении.

Вернёмся к самому “городу”. Внутри (внутри забора и череды проходных) это на самом деле город – с улицами, проспектами и перекрёстками. Тут есть свои указатели “улиц” и “объектов социально-экономической инфраструктуры”. По городу можно свободно прогуливаться – не видно ограничений его, достаточно места – “город” огромен, и не просто благодаря величине территории, но ещё и насыщенности пространства. Оно словно увеличивает число измерений, и в этом новом многомерном пространстве даже небольшой участок территории – огромен. Всё есть в этом городе, но нет понимания его (“города”) как части финансово-промышленной империи. Это просто город рабочих, и не только рабочих, но и инженеров, управленцев, делающих свою работу на благо любимого комбината-“города”.

4.4.1 “Город” Череповец. Типичный советский город, оторванный от истории и хозяйства, времени и пространства

*Здесь линейку я
Изогнутую приложу
И циркулем отмерю расстояние...
Затем прямую, тоже по линейке,
Я проведу, чтоб круг квадратом сделался.
Здесь в центре будет рынок. К рынку улицы
Пойдут прямые. Так лучи расходятся,
Сверкая, от звезды.
Звезда округлая, лучи прямые.*

Аристофан. Птицы

Этот “город” представляет собой большую часть территории, входящей официально в городскую черту. Это “город” советский – как по архитектуре (внешние признаки), так и по менталитету жителей (внутренние признаки). Ядро этого “города” – трамвай. Он пронизывает его с востока на запад, объединяя разрозненные элементы. И он же, кстати, уносит обитателей “города” в другой “город”, где некоторые из них работают.

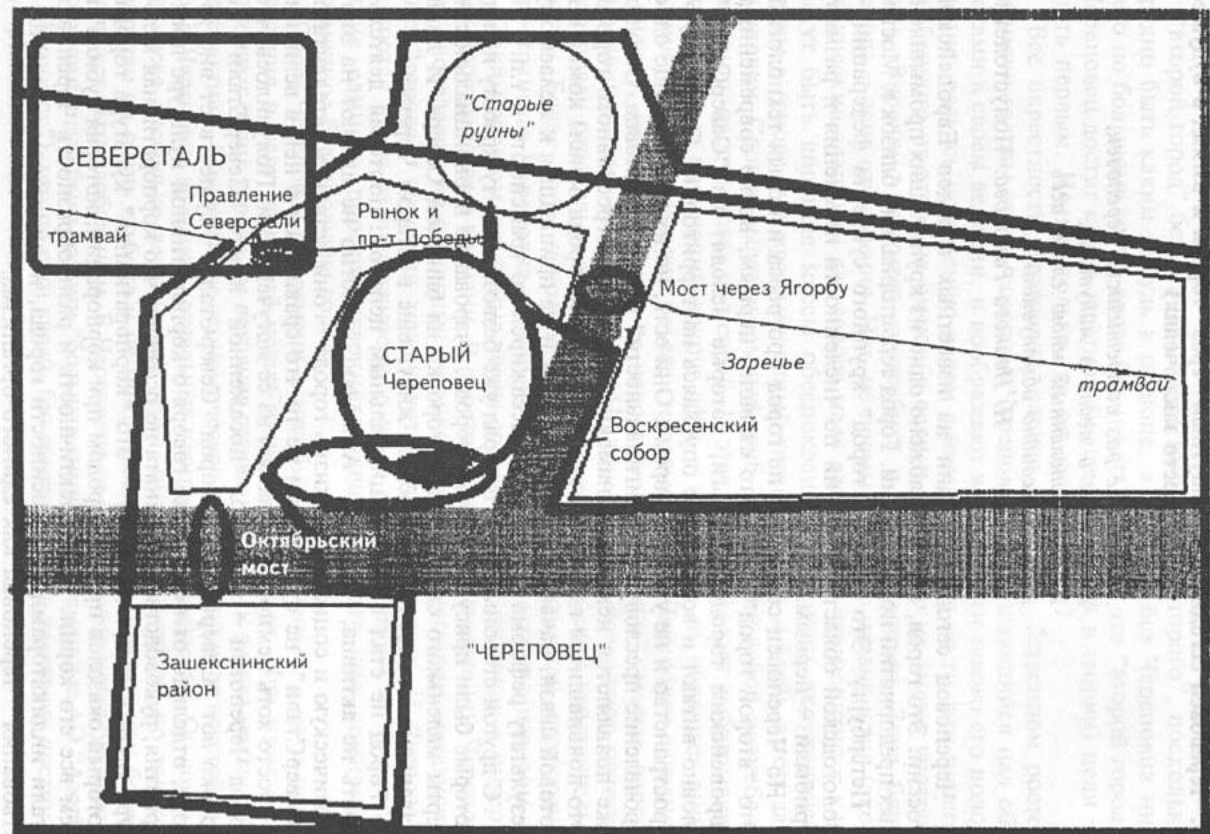
Этот “город” устроен вполне классически: есть по-советски центральные районы (фундаментальные кирпичные здания в стиле сталинского неоклассицизма, восхищающие монументальностью и ужасающие современным ветхим и безобразным состоянием – это, правда, в меньшей степени выражено в Череповце) со скверами и площа-

дями, скульптурами вождей и радующихся наступающему коммунизму граждан. Этот район территориально связан с окраинами Старого Череповца – средней частью Индустриального района. На окраине центра расположены типичные советские “старые окраины” – периферия, сочетающая в себе прогрессивность центра, насыщенность парковыми насаждениями пригородов, вкрапления промышленности окраин, транспортные магистрали. Типичный отрезок такого района в Череповце – район между проспектом Победы и вокзалом, район улицы Заря Свободы. Трамвайная линия от Вокзала к улице Верещагина – будто ожившая московская трасса 27-го трамвая в Тимирязевском районе, черты повторяются до мелочей, индексируя заодно принадлежность к одной “функциональной зоне”.

Отдельные части этого “города” – за реками. Топонимика здесь ярко отражает особенности районов. Заречье – так обычно называют район за Ягорбой). Это естественное продолжение “города”. Неестественное его продолжение – район, неукложе называемый Зашекснинским.

Заречье – обыкновенная окраина среднестатистического советского города. Вдоль продолжения главного проспекта “центра”, вдоль той же линии трамвая вырастают новые кварталы – в силу естественной нужды “города” в размещении растущего числа его жителей. Поэтому этот район естественным образом “вжился” в среду, стал органичной частью “города”. Череповец живёт, в основном, двумя районами – центром Череповца и Заречьем. Зашекснинский район некоторыми чертами напоминает Петербург. “Давно ли Зашекснинский район называли “Простоквашино” за отдалённость, необустроенность, за отсутствие магазинов, школ, детских садов и других общественных строений?! Минуту несколько лет, и, встречая <...> тех, кто перебрался в эту новую часть города, приходится слышать практически одинаковые отзывы: “Мне здесь нравится жить!” <...> Но не всё благополучно в новом районе. Если основная трасса – Октябрьский проспект – хорошеет с каждым годом, <...> то окраины напоминают больше мусорную свалку, до которой никому нет дела”, – читаем в местной газете (*Космос*, 2001). Итак, новый, быстрорастущий город с чертами некоторой “показухи” и гонки за “планом” по благоустройству. Чем не “новая столица”? Но, вообще-то, такое продолжение не характерно для среднестатистического советского города, каким, вроде бы, являлся Череповец.

Выделенные в настоящей главе “города” Череповца показаны условно на схеме (вместе с общероссийскими “доминантами” Череповца и связующими звеньями “городов” и их районов).

5. Череповец сегодня: сиюминутный “срез” города и взгляд в будущее (Вместо заключения)

*... Мы ещё раз встретились, Череповец,
Памятник и песня о минувшем,
И обожествлённый мною слепо весь
И так очевидно обманувший ...*

Н. Иванова-Романова. Полустолетие

Череповец сегодня – один из известных городов Европейской России. Это город, где расположено одно из крупнейших промышленных предприятий новой России. Город территориально близок к Москве и Петербургу. Это “второй город” крупного субъекта федерации – Вологодской области, ставший по численности населения и размеру прибыли – первым.

Но Череповец сегодня – не город прогресса и новых технологий. Это “второй город”, де-факто ставший первым, но не современным европейским городом. Деньги, которые исходят из “СеверСтали”, словно витают в воздухе, не опускаясь на территорию. Они минуют пространство и не уходят во время. Они есть, но их нет. Это ещё одно проявление пресловутой “оригинальности” города Череповца. Сегодня уже появляются некоторые намёки на черты прогрессивного города. Это появившиеся где-то в укромных уголках города офисы компаний сотовой связи, начавшаяся было, но так и не пришедшая к желаемому результату реформа городского пассажирского транспорта и т.п.

С другой стороны, город потерял уже безвозвратно ту красоту и уют, которые были присущи старому городу, очарование провинциальности, черты маленького старорусского городка на ближнем Севере. И лишь маленькие отголоски этого образа живут ещё в Старом Череповце.

Город не стал полифункциональным центром: портовая деятельность не активна; “Азот” и “Аммофос” заметно не влияют на экономическую и социальную жизнь города – они остались сателлитами “СеверСтали”, не сумевшими не то что сравняться с ней в величии, а просто хоть немного показаться из её могучей тени. Получилось, что город Череповец – это город “посаженной” в него “СеверСтали”, но только вот “СеверСталь”, “город” СеверСталь – существует вне города, отдельно от него. Даже говоря о корпоративной культуре предприятия, руководство комбината не осознаёт, что корпоративная культура такого (!) предприятия – это “корпоративная” культура города, который оказался просто городом при корпорации, которая “убила” в нём все его корни. Так эклектичность и разнообразность Череповца стали индикаторами разобщённости города, индикаторами “несуществования” Череповца как единого организма.

А могут ли отдельные части (!) целого быть центром? Череповец – “второй город” без города. Более того – без “второго”, поскольку трудно быть каким-нибудь в регионе, в котором без Череповца ничего по большому счёту, вроде бы, и нет. Выходит, что “второй город” Череповец достиг своей заветной (и недостижимой в теории) цели – стать первым. Но вот только где он стал первым?

Все окрестности Череповца, словно забыв о собственном росте, подняли головы вверх, созерцая Череповец, возвышающийся над облаками в своём величии, и воображают все прелести такого его положения, радуясь положению рядом с ним, несмотря на то, что ничего особенного от этого не имеют, а если и имеют, то не умеют употребить. Впрочем, не умеет употребить и сам Череповец. Зона близ города – зона отчуждения. Нет, не промышленного предприятия (экологический алармизм для города мало характерен, что понятно – как могут быть широкие массы обеспокоены состоянием окружающей среды в городе, где промышленный гигант – царь и бог?), а города-высочки. Слово вылез огромный гриб, закрывший собой полнеба и половину пространства под собой. И этот гриб не желает выбрасывать споры новых начинаний вокруг себя – надулся и не обращает внимания на то, что сам уже изъеден червями. Таков Череповец сегодня. Конечно, нельзя отрицать – некоторые “подвижки”, малые черты “продвинутости” есть в городе. Но они ещё не позволяют назвать Череповец передовым городом современной российской действительности. Более того, некоторые особенности внутренней структуры пространства Череповца просто не позволяют назвать его городом.

Таким образом, основные черты современного Череповца – инверсии пространства и времени. В пространственном отношении Череповец распадается на отдельные кусочки, участки территории, независимые “города”, аналогия между которыми отсутствует. И “города” теряются не из-за ничтожности, а из-за неопределённости. А отсутствие единого пространственного начала ставит под сомнение временное благополучие города.

Образ Череповца во времени всегда был неустойчивым – из-за принесения в него извне всё новых и новых элементов. При этом они изменяют облик города, не сохраняя старых черт его. У города нет ясной перспективы. Современное экономическое положение города неустойчиво. В Череповце возможны отдельные прогрессивные проекты. Он сохраняет уже несколько десятилетий заряд, импульс прогресса, но только запрятан он очень глубоко и не может охватить весь город, а тем более не может быть глобальным. В Череповце на базе отходов металлургического комбината была развита “большая химия” (современные АО “Азот” и “Аммофос”), что по сути своей, без сомнения, шаг навстречу постиндустриальным малоотходным технологиям.

В 1990-е годы череповецкий комбинат сумел не только выстоять в сложных и противоречивых изменившихся условиях, но и создать мощную, конкурентоспособную финансово-промышленную группу, без сомнения, одну из важнейших на общероссийском уровне.

Есть и ещё некоторые черты прогресса Череповца. Например, в музыкальной культуре. В 1982 году в Череповце был записан новый альбом группы ДДТ (Юрий Шевчук) “Компромисс”, который обозначил и в лучших символах указал на типично шевчуковский стиль умного, “продвинутого” советского-российского рока, без сомнения, в глобальном временном масштабе — стиль лидера отечественной рок-музыки конца XX века. Но складывается ощущение, что заложенный изначально импульс прогресса расходуется на протяжении всей истории города лишь на выживание в условиях “сваливающихся” на город “сверху” изменений, ломающих и перечёркивающих всё, сделанное ранее. И глубочайший кризис наступил в Череповце именно сегодня. Череповец — аморфный город в аморфной стране, бывшей сверхдержаве ныне аморфного мира. Череповец и в самом деле очень напоминает саму Россию — и во временном аспекте, и в пространственном. Те же постоянные перемены, невозможность довести до конца благие начинания, разбросанность и эклектичность территории, отсутствие единства, недоделанность и недодуманность всего вокруг. И так — до мелочей, полимасштабно.

Таким образом, современное состояние Череповца можно оценить как крайне эклектичное и неоднозначное: с одной стороны, вроде бы, прогрессивное, с другой — просто катастрофическое, ведущее к начавшемуся уже коллапсу.

Перейдём к попыткам оценить перспективы города. Выше мы уже показали, что судьба Череповца во многом аналогична судьбе России (полимасштабная пространственная трансформация). А можем ли мы предсказать, спрогнозировать, сконструировать судьбу России? Можно ли вообще давать прогноз развития России, не зная черт дальнейшего развития мира (а не знаем мы их, поскольку не знаем судьбы России)? Можем ли мы что-либо сказать о перспективах такого неординарного и неоднозначного, разнообразного и эклектичного города, как Череповец, не зная будущего России (а оно, видимо, зависит именно от судьбы таких отдельных локусов пространства, как возможный лидер и столь же возможный аутсайдер Череповец)?

В такой ситуации остаётся рассматривать современный потенциал места. Образ города представляет его как разорванный в качественных, количественных, временных и пространственных характеристиках. Необходимо только указать, что Череповец имеет (!) предпосылки дальнейшего прогрессивного развития, но связаны они с успехом основы (на глобальном уровне) города — ОАО “СеверСталь”. Сумеет ли Череповец “ожить”, создав внутреннюю структуру, удобную для

жителей и прогрессивную для общества? Сумеет ли создать современную по структуре “зону влияния” вокруг себя? Если сумеет, то город станет полюсом роста для сегодняшних разрозненных частей города, разрозненных социальных групп, разрозненных экономических субъектов, для окрестных посёлков и деревень.

Единство и всеобщая воля к победе – это то, что делает Череповец передовым городом на общероссийском уровне. Вопрос только в том, как научиться этому единству. Что может объединить столь разнообразный город, столь разнообразное население, столь разнообразное пространство на столь неопределённом (и разнообразном) временном срезе? Этот вопрос выходит на уровень размышлений о национальной идее всей России. Возможно ли найти объединяющий стимул для отдельно взятой совокупности внутри России? На этот вопрос ответить сегодня, наверное, нельзя.

Но есть и ещё одно проявление “несудьбы” Череповца. Мы говорим о том, что сегодня город получает шанс “расцвести” благодаря тому, что наконец-то он может не “перепрыгивать” с одной основы на другую (меняя образы и цели), а сосредоточиться на развитии существующего образа. Но не надо забывать о том, что сегодняшний образ Череповца связан с “СеверСталью”, возникшей здесь совсем в другую эпоху. И если всё получится, и если окрепший Череповец станет полюсом роста и поднимет все города и веси, его окружающие, кто станет лидером бывшей периферийной области? Когда Череповец вытянет на поверхность из глубины разрухи всё своё окружение, хозяином которого он де-факто сегодня является, сможет ли он, пройдя путь от “второго города” к первому городу отсталого региона, стать первым городом процветающего региона? Или станет цветком, одарившим красотой и подарившим жизнь своему окружению, но погибшим первым? Сегодня мы не знаем, что станет главным в области: промышленный потенциал Череповца, транспортный – Вологды, историко-культурный – Кириллова и Белозерска, сочетание второго и третьего (благодаря Котласу) – Великого Устюга? Есть лишь надежда, что Череповец сможет в будущем вновь радикально сменить свой образ, приспособившись в очередной раз к новым условиям? А в настоящем выскочка-Череповец торчит неприступной водонапорной башней посреди голого поля, не “засаженого” домами, которые эта башня могла бы снабжать.

Литература

Каганский В.Л. Вторые города больших регионов современной России (к проблеме приватизации пространства) // Проблемы регионального развития: модели и эксперименты. М.: ИГ РАН, 1997.

- Каганский В.Л. Российское пространство. Территориально-институциональная структура как проблема // Вопросы экономики. 1999. № 3.
- Мостовщиков С. Мордашов // Эксперт. 2001. № 5 (265). С. 33.
- Батюшков К.Н. Вечер у Кантемира. // Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М.: "Правда", 1986. С. 269.
- Батюшков К.Н. [Письмо] А.Н. Оленину [4 июня 1817 г.] // Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М.: "Правда", 1986. С. 431.
- Челноков Б.В. ЧМЗ – ЧМК – АО "СеверСталь". (Историческая ошибка или образец инженерно-технической мысли?) // Череповец. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: "Русь" ВГПУ, 1996. С. 78-92.
- Лухманов Д.Н., Солдатов Н.В. Генезис систем местных центров (на примере Вологодской области) // Известия РАН. Сер. геогр. 1997. № 2.
- Новикова Н.И. Из воспоминаний череповецкого старожила. Город моего детства (Череповец в 1930-е годы) // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: "Легия", 1999. С. 71.
- Кузнецов А.В. Шексна – река Велеса. (Топонимический путеводитель по реке, которой нет). Вологда: КИО МДК, 1999.
- Костров В. Центр скребует, пора вспомнить и об окраинах // Голос Череповца. 2001. №10(836). С. 14.

ЭССЕИСТИКА

Козловский В.А. Роль фактора пространства. Территориально-институциональная структура как проблема // Вопросы экономики. 1999. № 3.

Мостышвили С. Мухомов // Эксперт. 2001. № 3 (765). С. 33.

Батюшков К.Н. Восток у Кантэмора // Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М.: "Правда", 1986. С. 269.

Батюшков К.Н. [Письмо] А.Н. Оленику [4 июля 1817 г.] // Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М.: "Правда", 1986. С. 431.

Челюков Б.В. ЧМЗ — ЧМК — АО "СеверСталь". (Исторический экскурс в историю развития предприятия в условиях рыночной экономики и инновационной деятельности) // Вестник Вятского государственного университета. Вып. 1. Вологда: "Факт" ВГУ. 1996. С. 89-92.

А.Н. Окара

“ЕВРОПА-II” КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ РОССИИ И УКРАИНЫ

Прежде чем рассуждать о возможностях, целях, задачах и стратегиях украинской и российской “интеграции в Европу”, необходимо четко определить семантические поля, смысловое наполнение этого имени — что на данный момент понимается под “Европой”?

Сам термин весьма нечеток, а обозначаемая им реальность довольно динамична, поэтому в его употреблении в различные исторические периоды и в различных тематических контекстах баланс смыслов неодинаков, те или иные обертоны звучат по-разному, объективные критерии “европейскости” отсутствуют в принципе.

Так, “Европа” может употребляться и пониматься в нескольких значениях:

- в географическом: земля от Атлантического океана до Уральских гор;
- в расовом: ареал расселения белой, индоевропейской расы;
- в лингвистическом: народы, изначально говорящие на языках индоевропейской семьи;
- в религиозном: как место первичного распространения христианства;
- в цивилизационном: как макрогеографическая и метакультурная реальность, являющаяся наследницей (в тех или иных аспектах) Римской империи.

Современная конструкция географического образа “Европа” в общих чертах сложилась на рубеже Средних веков и Возрождения как лишенное трансцендентных смыслов обозначение пространства, которое в предыдущую эпоху понималось как “Священная Империя”.

Если раньше, говоря о “европейскости” того или иного явления, подразумевали его некий высокий духовный потенциал, определенную “избранность” на фоне “неевропейского”, то теперь “европейскость” стала синонимом технологического и экономического развития, синонимом материального благополучия, высокого стандарта потребления, то есть акценты “европейскости” переместились с “высоких” материй на “низкие”.

Современная Западная Европа близка к предсказанному еще в начале XX века мыслителями консервативно-революционной направленности закату — она не является производителем новых духовных смыслов, поэтому избрание ее в качестве цивилизационного ориентира, образца развития и для России, и для Украины представляется весьма сомнительным и, одновременно, симптоматичным: такая “европейскость” является квинтэссенцией “современного мира” эпохи “Последних Времен”, всеохватывающим и всепроникающим либеральным дискурсом.

В системе современных информационных коммуникаций подобная “Европа” является умело раскрученным “брендом”, за которым не стоят ожидаемые смыслы. Фактически, главные современные “европейские демократические ценности” — “права человека”, “правовое государство”, “рыночная экономика”, “открытое общество” — не более чем симулякры, виртуальные образы без онтологического наполнения, обозначения без обозначаемого. Претендуя на общемировую универсальность и исключительность, “европейские ценности” создают имидж западноевропейского цивилизационного сообщества как “локомотива человечества” и помогают ему решать разнообразные манипулятивные политико-технологические задачи.

Фактически, “интеграция в Европу” по западноевропейскому сценарию означает и для Украины, и для России принятие в качестве единственно возможных цивилизационно образующих критериев определенных этических, духовных, социально-политических ценностей, возникших в контексте сугубо западноевропейской культуры. Попытка насаждения этих ценностей в восточноевропейских странах, имеющая место в последнее время, более всего похожа на “гуманитарный шантаж” (вне зависимости от того, кто им занимается).

Подобное “редактирование смыслов”, при котором “Европа” фактически отождествляется с Западной Европой, а всё “европейское” с западноевропейским, является очевидной информационной провокацией, логически вытекающей из европоцентристского мировоззрения и представления о собственной мессианской исключительности (разновидностью последнего является также теория “Золотого миллиарда”).

Однако все то географическое и культурно-языковое пространство, которое в совокупности может быть названо “Европой в широком смысле”, в цивилизационном отношении неоднородно. Так, в христианскую эпоху Римская империя состояла из двух частей — Западной, которая позже трансформировалась в Западную Европу, а теперь — в ЕС, и Восточной (Византии), объединившей вокруг себя сообщество восточно-христианских народов. Актуальность подобного, цивилизационно мотивированного, подхода особенно возросла в последнее десятилетие, когда деление Европейского континента по политическо-

му признаку — на капиталистический Запад и социалистический Восток — утратило смысл.

Вообще же, самая устойчивая граница между Западной и Восточной Европой — именно цивилизационная, а не политическая. Так называемая Центральная Европа, к которой уместно отнести Польшу, Чехию, Словакию, Хорватию, Венгрию, страны Балтии, — классический пример “лимитрофа” (промежуточного пространства между самодостаточными цивилизациями). С одной стороны, по “духу” эти страны принадлежат западно-христианской цивилизации, но, с другой стороны, в культурно-языковом плане и по характеру социально-политических институтов и отношений исторически они близки именно восточноевропейскому миру — это феномен католическо-протестантских, но не романо-германских (преимущественно славянских) народов.

Нынче популярно представление о “блуждающих границах Европы”, когда “европейскость” понимается как соответствие некоему культурно-цивилизационному стандарту, поэтому не всегда даже те или иные романо-германские страны считались частью “настоящей Европы”. Никогда никакого сомнения не возникало относительно “европейскости” Франции, Бельгии, Голландии. А вот относительно принадлежности Германии, Испании, Англии, южной части Италии с течением времени мнения менялись: так, еще в начале XX века “настоящая Европа” даже Германию не рассматривала в качестве своей составной части.

В последнее десятилетие “стать Европой”, то есть фактически “стать Западной Европой”, пытаются Польша, Чехия, Венгрия, Хорватия. Возможно, отчасти у них это получится. Но даже в случае полноценной интеграции во все западноевропейские структуры их шансы на получение “квоты” в пресловутом “Золотом миллиарде” близки к нулю.

В современной Украине *“европейська інтеграція”* заняла место национальной идеи (недавно даже было создано одноименное министерство!) — именно желанием “быть Европой” или “интегрироваться в Европу” теперь объясняется вся украинская история (в начале 1990-х такой универсальной идеей было обретение независимости). При этом *“Европа”* понимается как синоним “цивилизованного общества”, а цивилизационная основа европейской общности идеологами евроинтеграции в расчет не берется.

В украинском идеологическом пространстве существуют два понимания евроинтеграции: 1) “вместе с Европой против азиатской, нецивилизованной, агрессивной России” (характерно для этнонационалистов и “национально-демократических” сил — обоих “Рухов”, партии “Реформи і порядок”, “Конгреса українських націоналістів”) и 2) “в Европу вместе в России” (присуще силам либеральной ориентации — “Яблуко”, “Трудова Україна”, СДПУ(о), а также администрации президента и структурам исполнительной власти). Однако обе эти позиции выявляют несубъ-

ектность подобных политических сил, отсутствие у них воли к “формотворчеству”, к разработке оригинальных цивилизационных сценариев.

И в расовом, и в культурно-языковом, и в религиозном, и в историческом отношениях не вызывает никаких сомнений ни российская, ни украинская “европейскость”, причем объясняемая не как результат культурного влияния Западной Европы, а как имманентно присущий автохтонному населению качественный показатель. Но такая “европейскость” вовсе не тождественна “европейскости” современных французов или англичан.

Границы ЕС заставляют вспомнить об очертаниях империи Карла Великого, но за пределами этой общности еще не вызрел альтернативный цивилизационный проект, уравновешивающий баланс сил на территории Европейского континента.

Поэтому актуальной задачей представляется не “интеграция в Европу”, что, в конечном итоге, подразумевает вестернизацию и отказ от собственной неповторимости и исторической уникальности, а выстраивание альтернативного цивилизационного пространства — *“Европы-II”* — и собирание в него близких в цивилизационном отношении государств.

В настоящее время приобрела популярность концепция “второй”, “иной” или “незападной” Европы, рассматриваемой как “второй эшелон” общеевропейского модернизационного процесса. Однако проект *“Европы-II”* не имеет ничего общего с этими идеями, более того, он даже радикально противоположен им в ценностном подходе. Если идеологи “второго эшелона” говорят об отсталости восточноевропейской цивилизационной парадигмы сравнительно с западноевропейской и о необходимости “модернизации-как-вестернизации”, то проект *“Европы-II”* должен способствовать реализации сценария “модернизации-без-вестернизации”.

Недостаточная выраженность восточноевропейского цивилизационного сознания является следствием не только стратегического поражения СССР в “холодной войне”, в результате чего западноевропейские институты (ЕС, НАТО) оказались пока безальтернативными, но и существования мощной традиции европоцентризма, подразумевавшей, что основными генераторами новаций, “эталоном” общемирового развития являются Франция, Англия и Германия, в меньшей степени — Италия, Испания, Швейцария.

При этом следует помнить, что цивилизационные границы Восточной Европы проходят вовсе не по Уралу, а совпадают с восточными границами России (так же, как частью западноевропейской цивилизации являются США и Канада). Конечно, восточноевропейская цивилизационная идентичность Сибири и Дальнего Востока выражена слабее, чем Центральной России (что, кстати, дает основание говорить об этих регионах как о “лимесе” — неустойчивой окраине цивилиза-

ционной платформы), но ее поддержание обеспечивается доминированием славянского православного и “постправославного” населения.

Популярные в последнее время идеи евразийства тоже не должны вводить в заблуждение. Евразии как особой цивилизации в строгом понимании нет. Евразия как цивилизация — это метафора, преувеличение основателей евразийства. Однако есть евразийство как особая геополитическая идентичность, которая вполне может быть востребована именно строителями *“Европы-II”*.

Полноценная интеграция России и Украины в структуры западно-европейского сообщества фактически означала бы принятие их в состав так называемого “Золотого миллиарда”. Однако это не представляется возможным как по цивилизационным причинам (для Запада весь восточно-христианский мир — заблудшие “схизматики”, что в очередной раз подтвердил визит папы Римского в Киев и Львов), так и по причинам этнокультурным (романо-германцы и англосаксы никогда не рассматривали славян в качестве “равных”), а также и по причинам грядущего кризиса истощения природных ресурсов, который может вызвать обострение конкурентной борьбы.

Нет никакого сомнения в том, что в случае принятия в ЕС Украины она окончательно перестанет быть субъектом какой-либо внешнеполитической активности, не говоря уже о внешнеэкономической — это будет равнозначно уничтожению большей части украинского экономического потенциала, не соответствующего стандартам Евросоюза; едва ли более радостные перспективы ожидают и украинскую культуру. Принятие же в Европейский Союз России не выглядит реальным ни при каких условиях, сколько бы его руководители или руководители России не убеждали в обратном.

Таким образом, евроинтеграционная идеология и в России, и на Украине должна быть радикальным образом переосмыслена на основе восточно-христианской цивилизационной идентичности.

Во-первых, необходимо осознать критерии “европейскости”: *“Европа”* — это не только западноевропейские страны, но и восточно-христианская Восточная Европа — наследница византийской ойкумены (“Византийского Содружества Наций”). И Россия, и Украина должны включиться в активную идеологическую и информационную борьбу за *“Европу”* — по продвижению цивилизационного проекта *“Европа-II”*.

Во-вторых, необходимо преодоление евроцентризма, понимаемого как неотвратимость вестернизации. Также необходимо отказаться от универсалистского понимания ценностей, выработанных в контексте романо-германского протестантско-католического мира: и для России, и для Украины интерес представляет не копирование и даже не адаптация западноевропейского понимания социально-политичес-

кой жизни и соответствующих институтов, а выработка на основе восточно-христианских цивилизационнообразующих ценностей собственных критериев политического и общественного устройства (в том числе модели “правового государства”, “гражданского общества”, “прав человека” и т.д.).

В-третьих, следует позиционировать себя в качестве двойного (Киев — Москва) центра восточноевропейской ойкумены (помимо Украины и России, сюда также относят: Армению, Белоруссию, Болгарию, Грецию, Грузию, Кипр, Македонию, Молдавию, Румынию, Сербию, Черногорию). В силу исторических особенностей, сложившихся традиций двусторонних отношений и политических реалий текущего момента Москва и Киев могут информационно воздействовать и привлекать в проект разные страны.

В-четвертых, правильно осознанный интегрирующий цивилизационный “знаменатель” должен рассматриваться как основа для геоэкономического и геостратегического сотрудничества, а в будущем — даже для выстраивания приоритетных внешнеэкономических и оборонных блоков. “Европа-II” может стать подобием “государства-системы” — единственно актуального и субъектного на сегодняшний день в геополитическом и геоэкономическом отношении образования, каковыми являются ЕС, США, Китай, в прошлом — СССР.

В-пятых, концепция “национальных интересов”, которой государства руководствуются в своей внутренней и внешней политике, и в России, и на Украине должна быть подкорректирована в соответствии с “интересами цивилизации”, что может предполагать большую согласованность внешнеполитической активности и даже определенные самоограничения.

Только реализация проекта “Европы-II” как полновесного содружества восточноевропейских народов на основе общей цивилизационной идентичности в перспективе может стать важным фактором общеевропейской стабильности, залогом того, что и Россия, и Украина в сложнейших условиях глобальной конкурентной борьбы сохранят собственные государственности, национальные культуры, геополитическую и макроэкономическую субъектность. При этом речь вовсе не идет о самоизоляции, о строительстве новых “берлинских стен”, линий демаркации и т.д. Напротив, необходима самая тесная интеграция в общеевропейском контексте. Однако она должна не подменять, как это часто происходит, а восстанавливать смыслы общемирового развития человечества.

Рустам Рахматуллин

ТРИ МИФА МАЛОЯРОСЛАВЦА

1. Дата

12 октября 1817 года император Александр, взойдя на Воробьевы горы, “положил первый камень на основание храму Христу Спасителю”. Дата закладки обьяснялась так: “Французы на сие число в ночи оставили Москву”. Сам Бонапарт ушел 7-го, извещенный от Мюрата о схватке авангарда с русской армией вблизи Тарутина. Но арьергард под предводительством Мортье — сорокадневного начальника Москвы — действительно ушел в исходе 11 числа, минируя в Кремле и Новодевичьем. Церковные же сутки исчисляются с вечера предыдущих, отсюда и 12 октября. Тем вечером французский авангард, теперь под предводительством Дельзона, был уже у Малоярославца, а главная квартира, то есть сам Наполеон, — в сутках от будущего боя, в Боровске.

Среди четырехсот тысяч народа и пятидесяти тысяч войска, бывших при закладке храма, о Малоярославце не могли не помнить. Как дата торжества 24 (12) октября скрадывает расстояние между двумя событиями: хвост дракона только оставлял Москву, когда при Малоярославце ему рубили голову. Память освобождения столицы приходится на память решающего боя в ста верстах от города. Сличаются два взгляда: из Москвы освобожденной и от юго-запада, оставшегося неприступным.

“Предел продвижения, начало бегства и гибели врага”, — сказал Кутузов Малоярославцу.

ЧАСТЬ I

2. Юго-запад

Действительно, ни русской армии, переживавшей оккупацию Москвы в Тарутине, на полпути к Калуге, ни городам и селам юго-запада исход французов в полном боевом порядке из столицы не показался отступлением. Боровск был смят и подожжен, Калуга угрожаема. В Калуге помещался армейский зимний склад, которым овладев, француз перевер-

нул бы ход кампании. (А из Калуги открывался Киев, в виду которого Наполеон мог снова делать ставки — теперь на расчленение страны, в духе Карла XII и союзного французам польского реваншизма.) Словом, продолжалась война.

Когда Кутузов защитил Старокалужский тракт в Тарутине, Наполеон перешагнул на Боровский, Новокалужский тракт (ныне пунктирный, перевитый с киевской железной дорогой). Русская армия вышла наперерез; точкой проекции Тарутина на новый тракт стал Малоярославец.

3. Театр войны

Этот нагорный город засекает Новокалужский тракт и смотрит в сторону Москвы. В ту сторону, откуда, к ужасу уездных жителей, 11 октября 1812 года вывалился французский авангард. Наутро завязался бой двух авангардов, к середине дня, с подходом Бонапарта и Кутузова во главе армий, ставший решающим сражением второй половины войны.

Обстоятельства действия помещены в обстоятельства места и оглашаются лучше всего с высоты давно не обитаемого малоярославецкого городища, удобнейшего для войны и наблюдения.

Малая речка Лужа в оторочке старых ив широким круглым жестом из-под городища обнимает луговую пойму. Пойма замкнута стеной горы без признаков жилья в темном лесу. Это Бунина гора, откуда вышел враг и где видна лесная просека — дорога из Москвы и Боровска. Спустившись с Буниной горы, дорога прибегала лугом к городскому берегу, брала для переправы приуроченный к овражному подъему мост, и мимо городища тянула через город на Калугу. Мост ныне переставлен за правую кулису панорамы, и туда же за мостом ушла дорога с ее движением, уже не представимым на лугу. Город по эту сторону речного круга укрывается вишневыми садами в оврагах и на плато собственной горы, отъединенной от реки лесным подолом, на который выдвинуто городище. Влево гора идет на круг за кругом речки, где понижается навстречу понижающейся Буниной горе. На точке встречи, в дальнем фокусе картины, белеет церковь отдаленного погоста, называемого странным именем Карижа. Луговина вся под выпасом, шесть сотен лет не изменили этого, и в центре круга старая раскидистая ива с выжженным нутром берет картину в ближний фокус, доставляя тень кричащим пастухам, как доставляла, может быть, кричавшему команди принцу Богарне в горячем деле Малоярославца. Фигура принца, тактически руководившего атакой, непременно занимала стратегическое зрение Наполеона, стоявшего на Буниной горе.

Вот подлинно театр военных действий, с ударением на слове театр. Вот бельэтаж и императорская ложа — Бунина гора. Вот луг — партер,

откуда штурмовали сцену города, как возмущившиеся зрители, французы. Вот городище — несомненно, лучший образ этой сцены, на которой мы стоим хозяевами театра.

4. Модель

Есть за чертой старой Москвы знаки, модели ее центра — прикровенные, сложные знаки, и сейчас не место их указывать. Есть знаки и модели локальных, угловых московских мизансцен, точнейшие не только символически, но и ландшафтно, и градостроительно, а потому наглядные.

Из Малоярославца узнаются старые пейзажи Воробьевых гор и Лужников, исполненные в пасторальном, подгородном тоне. Москва — второй за Лужниками план — как бы заставлена от Малоярославца Буниной горой. Метафорически же Бунина гора с ее дорогой предстает за Москву.

Словно продолжая моделировать, при Николае Первом через город провели Варшавскую дорогу — дубль Смоленской, и, как Воробьевы горы, город поместился между юго-западной и западной дорогами.

5. Витберг

Но есть подобия, а есть знаки подобия. Для Малоярославца как модели Воробьевых гор это Никольский Черноостровский монастырь, господствующий в панораме городской горы, за городищем. Ампи́рный памятник баталии, в которой прежние строения монастыря были разрушены или сгорели вместе с целым городом. Ступающий пятью ступенями по склону городской горы, с двухъярусным и трехэтажным купольным собором в центре, Черноостровский монастырь, по настоящему местному преданию, построен Александром Витбергом.

Строительные фабула и фатум этой стройки в самом деле сходны с витберговским фатумом незавершенности, завещанности, неуспеха. В Черноостровском скоро треснула нижняя церковь возводимого собора, была разобрана и начата сначала. Долгострой здесь меряется тридцатью шестью годами.

Как Александр Первый ушел в Сибирь не потому, что это доказуемо, а потому, что это нужно и не нуждается в доказывании, — так же культуре нужно, чтобы архитектор, не сумевший возвести свой храм на память 1812 года в Москве, тремя ступенями на склоне Воробьевых гор, над Лужниками, в замке речной излучины, во исполнение обета императора, — чтобы он сделал это на модельном малоярославецком масштабе. И, что факт, на средства императора.

6. Герцен

Неслучайность странного сближения двух мизансцен и строек подтверждается сугубо. Изъясня программу храма Спасителя со слов самого Витберга, его товарищ по вятской ссылке Герцен пишет в “Былом и думах” странными словами:

“Близ Москвы, между Можайской и Калужской дорогой, небольшая возвышенность царит над всем городом...” — это Воробьевы горы. Но дальше: “Эту гору обогнул Наполеон с своей армией...” И вдруг совсем неясно: “Тут переломилась его сила”. Затем нелепость: “От подошвы Воробьевых гор началось отступление”. И наконец: “Можно ли было найти лучше место для храма в память 1812 года как дальнейшую точку, до которой достигнул неприятель”.

Слава Малоярославца вновь похищена — теперь для Воробьевых гор. Им просто переадресованы слова Кутузова о Малоярославце как о пределе нападения, начале бегства и гибели врага.

Как в празднике закладки храма Христа Спасителя, — в составе герценовской интуиции участвует, вместе с московско-петербургской памятью, память оставившей столицу армии и юго-западных уездов о течении войны. В этом парадоксальном взгляде Наполеон уходит за вершину Воробьевых гор и одновременно бежит от их подошвы. От них, а не от Малоярославца и Тарутина, поскольку Горы взяты символически. И так же символически обороняют русский юго-запад, физически обороненный в Тарутине и Малоярославце. Горы Москвы есть образ засеки, препятствия на юго-западном пути из города.

И это не странней, чем Витберг в Малоярославце. Это разве что одна и та же странность.

Единство мест оправдано единством времени — 12 октября, объединившего два действия: освобождение Москвы и отстояние России.

ЧАСТЬ II

7. Кутузов

Сценой сражения стал бы не столько Малоярославец, сколько луговина перед ним, если бы русский авангард — пехотный корпус Дохтурова — занял город раньше, чем французский. Но Дельзон вошел в него под вечер 11 числа, а Дохтуров ударил только ранним утром.

Завязавшийся бой стал последним для Дельзона, а для Дохтурова, может быть, первейшим. Город, перешедший между армиями восемь раз за 18 боевых часов, сгоревший, прирастивший свою гору четырнадцатью тысячами тел, остался к ночи за французами — так! — но в охвате русского кольца, перекрывавшего все выезды из города, кроме московского.

На следующий день никто не начал первым, а схавший из Городни на рекогносцировку Бонапарт едва не стал добычей каза-

ков. В деревенской избе Наполеон держал совет, известный по картине Верещагина “В Городне: пробиваться или отступить?”. 15 октября французы отступили в Боровск для перехода на Смоленскую дорогу и оставления России.

Из схватки победительных с непобедимыми первые вышли побежденными. Собственно, это формула всего течения войны 1812 года. Сам Бонапарт сложил начало этой формулы по поводу Бородин.

Кутузов знал ее конец, когда письмом царю, составленным немедленно после боя, уверил всю Россию, что оставил город за собой, и даже в февралье 1813 года писал, что враг ушел на Боровск той же ночью.

Еще Кутузов знал, что миф не ложь.

ЧАСТЬ III

8. Савва

Малоярославец сам продолжил мифотворчество. По местному преданию, дело с французом решил повытчик земского суда Савва Иванович Беляев — имя человека действительно существовавшего. Этому подвигу, как и работе Витберга в монастыре, нет подтверждений. Но, как и Витберга, город не выдаст Беляева.

Не позже 1860 года “болярин” Савва поминается на местных панихидах 12 октября, сразу за именем Кутузова, а в 1899 году город поставит ему памятник, причем по народной подписке.

В прологе мифа городничий по фамилии Быковский — тоже реальное лицо — сжигает мост перед явившимся на луг Дельзоном; французы начинают наводить понтоны. Тогда Савва Иванович вменил согражданам бежать на городскую мельницу, выше течением, чтобы разбить ее плотину, и сам возглавил эту вылазку. Поднявшейся водой понтоны были сметены. Пока вода входила в берега, в город входил и укреплялся на его высотах Дохтуров. Так по преданию.

Местный миф — значит: растущий обстоятельствами места. Места, самой природой (и самим Владимиром Андреевичем Храбрым — основателем и первым князем Малоярославца, стратегом Куликова поля) приготовленного отразить врага на подступе, на луговине, в полукольце воды и гор.

Причем воды обильной и способной прибывать. Город хотел бы утопить француза в котле текущего с горы огня высотных батарей.

И удивительно: в Москве тема потопа характерно лужниковская.* Беляев сообщает эту тему модельному ландшафту Малоярославца.

9. Спас-Загорье

Наука говорит, что именно плотина сделалась мостом французской переправы после того, как городничий разобрал (не сжег) дорожный

мост. Видимо, сослагательная мысль захваченного города разбить плотину зачинает миф о Савве.

Еще наука говорит, что в это время Дохтуров, переходя на скором марше из Тарутина реку Протву у Спас-Загорья, нашел там вместо брода половодье и пять часов ставил мосты. Сам Дохтуров докладывал, что “жители, узнав о занятии неприятелем Боровска, истребили бывшую здесь плотину”. Вот, кажется, второй источник мифа.

Источник — но не доказательство, и миф не пользуется этим эпизодом. Поскольку, даже если бы высокая вода пришла из Малоярославца (устье Лужи выше Спас-Загорья по течению Протвы), задержанными оказались бы равно чужие и свои. Если же вечером 11 октября были открыты две плотины, задержание французов перед Малоярославцем компенсирует задержку русских в Спас-Загорье.

10. Гений места

Савва, человек и монумент, есть гений места Малоярославца.

Однако что такое гений места?

Античность называла гениями духов мест и их изображения.

Церковь не отрицает существования природных, низших духов; но, справедливо возбраняя поклоняться им и их изображениям, предпочитает оных не описывать. Их описание оставлено фольклору и поэзии, где леший, домовый и водяной суть гении вполне античные.

Когда и если Церковь использует античный термин, то просветляет его смысл. Для Церкви гений есть синоним ангела, небесного патрона, освящающего место через имя храма и/или собственным присутствием в пору земного подвига. Святая сила либо изгоняет, либо укрощает низших духов.

Светская культура тоже изменяет смысл понятия, чтоб не отказываться от него. Гением может полагаться основатель или устроитель, оформитель места. Может — человек, чье имя просто первым откликается на имя места. Два эти смысла часто сходятся.

Возможен третий культурный смысл понятия, в котором гений есть синоним аллегории — иносказания в персоне — обстоятельств места. Когда фольклор впадает в суеверие, он выпадает из аллегоризма. Природа аллегории не суеверна, хотя бы суеверие умело приспособить аллегорию.

Возможны, наконец, комбинаторные значения. Скажем, когда строитель, оформитель места ходит воплощенной, телесной аллегорией его, как Максимилиан Волошин в Коктебеле. Или когда строитель достигает святости. Или когда литературный персонаж есть маска ангела.

Общее всех значений — в том, что место персонафицируется гением.

Что же теперь наш Савва?

Это не ортодоксальный гений, если только он не маска ангела. Для суеверия он маска водяного, заправляющего равно и рекой, и мокрым лугом, и источником. А для культуры светской он есть аллегория. Ампириное телесное иносказание природных обстоятельств Малоярославца. Аллегория высокой и спасительной воды.

11. Кордон

Сказать иначе — водного кордона. Точнее, двух кордонов: между берегами речки — и между ее отрезками. Один кордон — сама река, другой кордон — плотина — делит ее саму. Но оба, как один, устроены между высокой и низкой водой. Это так ясно на плотине, но верно и для разделенных рекой горы и дола, если гора и дол обводнены. А в Малоярославце это так: его глядящая на мокрый луг гора гудит и отворяется ключами.

Речной кордон вбирает горные ручьи, очеркивая луг, и принимает луговую воду, ограждая гору (город). При этом из линейного такой кордон способен сам раздаться вширь. Савва есть аллегория как удержания воды, так и ее раздачи. Он аллегория низкого берега, разлива, водополя, — но и воды нагорной, прибывающей размеренно или внезапно. Он же — аллегория плотины: когда запруда спущена, вода отыскивает под собой бывшее русло, возвращаясь в линию, а та вода, что исходила руслом от плотины, на время превращается в запруду.

Оберегать, спасать на этом рубеже поставлен Черноостровский монастырь — острог и остров одновременно, остров и цитадель спасения среди потопа, именем святого Николая.

Привел же “русский бог” на это место Бонапарта! Доселе были у него Аркольский мост, Тильзитский плот, Неман, Москва-река в Дорогомилове, которую он положил себе второй границей города, прождав ключей в каком-то кабаке на водопольном берегу перед мостом в виду высокого Арбата. Все это прежде, а теперь — малая речка Лужа. А после будет переход Березины.

Загадка Герцена, назначившего Воробьевы горы вместо Малоярославца пределом продвижения Наполеона, полнится смыслом, словно поднимается вода. Выходит, Бонапарт на выходе из юго-западных ворот Москвы попал из огня в воду. Здесь испытание стихиями, мистерия. Недаром же поэты называли послепожарную Москву послепотопной.

12. Аустерлици

В мифе о Савве есть еще один, не местный, дальний, как далека Европа, смысл.

“Остатки войск Ланжерона и Дохтурова, смешавшись, теснились на плотинах и берегах у деревни Аугеста, — пишет Лев Толстой финал

Аустерлица. — В 6-м часу только у плотины Аугеста еще слышалась жаркая канонада одних французов, выстроивших многочисленные батареи на спуске Праценских высот и бивших по нашим отступающим войскам. В арьергарде Дохтуров и другие, собирая батальоны, отстреливались от французской кавалерии, преследовавшей наших.”

Толстой, ставивший ни во что военное искусство, на другом конце романа, накануне Малоярославца и в связи с ним, награждает Дмитрия Дохтурова самыми высокими эпитетами, а пример возвратит читателя в Аустерлиц. Возвратимся и мы:

“На узкой плотине Аугеста, на которой столько лет мирно сиживал в колпаке старичок-мельник с удочками, в то время как внук его, засучив рукава рубашки, перебирал в лейке серебряную трепещущую рыбу; на этой плотине, по которой столько лет мирно проезжали на своих парных возах, нагруженных пшеницей, в мохнатых шапках и синих куртках моравы и, запыленные мукой, с белыми возами уезжали по той же плотине, — на этой узкой плотине теперь, между фурами и пушками, под лошадьми и между колес толпились обезображенные страхом смерти люди, давя друг друга, умирая, шагая через умирающих и убивая друг друга для того только, чтобы, пройдя несколько шагов, быть точно так же убитыми”.

Пропустим несколько подробностей разгрома, столь же печальных, как финал, когда “одно из задних орудий, вступавшее на плотину, своротило на лед. Толпы солдат с плотины стали сбегать на замерзший пруд. <...> И крики ужаса послышались в толпе. <...> Лошади тронулись с берега. Лед, державший пеших, рухнул огромным куском, и человек сорок, бывших на льду, бросились кто вперед, кто назад, потопляя один другого”.

Все это правда не только художественная. В исходе Аустерлица, которому один лишь Дохтуров действительно противился, значатся мельница, запруда и потоп, преданием о Савве помещенные в начало малоярославецкой победы. Савва и его плотина — антураж реванша русской армии за Аустерлиц — и личной сатисфакции для Дохтурова. Савва похищает славу победителей не для себя, а чтобы самому венчать их ею.

Моравское, родное имя Аустерлица — Славков. Малоярославец гордится своей славой — ярой, но, по длине нашей памяти, малой — и свидетельствует павшую славу Аустерлица.

В Малоярославце закатилось солнце Аустерлица, где на Праценской горе лежал со знаменем Андрей Болконский, открывая небо.

Примечание

* См. об этом эссе Рустама Рахматуллина “Потоп и ковчег” — *“Exlibris — НГ”*, 25.05.2000.

А.Н. Балдин

NOVOSCOPE, ИЛИ ОСНОВАНИЕ ГЕОГРАФИКИ

1. Америго Веспуччи, флорентиец, не изобретал *географики*. Но он, несомненно, участвовал в становлении этой раздвигающей горизонт дисциплины. Он путешествовал по морю, и одновременно, острием карандаша — по бумаге (ровно расстеленной карте). Карту Веспуччи рассматривал как сумму: строгого чертежа и зыбкой поверхности Земли. Чертеж подстилал поверхность Земли, проступал сквозь хаотическую вязь рек, пунктир дорог. Следование ему придавало путешествию смысл. При этом важнее всего было обнаружить точку встречи Большого Чертежа и карты, их общий знак, пароль, открывающий карту, как дверцу.

2. *Географикой* — сличением идеального чертежа и реальной карты — были увлечены еще финикийцы. Берег древней Финикии рисует на карте вертикальную, восходящую на север, прямо к Полярной звезде, черту. (Понятия “меридиан” еще не существовало, но было знание о великой устойчивости этой проведенной между землей и морем линии). Солнце переваливается через нее, как волан через сетку. *Справа* от сетки, на востоке, находилась страна рассвета — финикийцы называли ее “ашу”, теперь это Азия. *Слева* — море, область заката, “эбур”, Европа. Берег, протянутый тонкой линией точно посередине мира, сделался нулевой, стартовой чертой; сами же финикийцы стали первыми путешественниками древности.

Этот ровно отчеркнутый берег (первый штрих, ось Y на Большом Чертеже) обозначил границу, на которой началось соревнование европейского и азиатского миров. Стороны заняли полярные позиции, что заметно по одному уже направлению письма: к западу от финикийской вертикали пишут слева направо, на востоке — наоборот.

В этом соревновании началось строительство регулярного мира. Во все стороны от игрового поля пролегли новые оси и сгибы карты, поднялись грани, сложились углы. В углах, в остриях осей, на сту-

пенях Большого Макета помещали себя — Египет, Греция, Италия, и далее без конца. Замечательно то, что ни одна из этих стран не мыслила себя простым протяжением земли, но находила в своих очертаниях большой смысл, логику Чертежа. Рим, оседлавший Апеннинский полуостров, полагал его ступенью лестницы, идущей с востока на запад через все страны Средиземноморья. От стартовой финикийской черты — к Морю Мрака, что клубилось за Геркулесовыми столбами. История разворачивалась, как подъем по лестнице, взойдя по которой, “путник догонит Солнце”.

Разумеется, Веспуччи не был первопроходцем на этом поле. Но он участвовал в сооружении Макета: свернул карту в кокон; его стараниями она приобрела объем. Осью его был меридиан Флоренции, вертикальная черточка, проникающая землю и небеса.

3. Иногда эти тайные знаки, каракули географики, ровно сложенные складки Макета как будто готовы были начертиться явно, — на берегу, у стоптанных ступеней мола, который в такие минуты казался мостом, ведущим на ту сторону Моря Мрака, настолько твердо и прямо был направлен на запад его мраморный вектор. (Суеверные португальцы избегали в очерке своих приморских строений столь откровенных ортогоналей; они словно цепляли якорями линию лагуны, сохраняя ее природную вязь, даже набережной не давая лечь строго по прямой, дабы их любимый Лиссабон не стек в море: шутки с Чертежом небезопасны). Веспуччи, однако, понимал, что большое путешествие невозможно без чтения этих исходных, ровно проведенных линий: только следуя узловым точкам их пересечений, *фокусам пространства*, можно миновать пределы очевидного.

Потому — учит географика — отправлявшийся за эти пределы непременно должен был запастись Новоскопом.

Молва приписывает изобретение сего мифического прибора кардиналу и философу Николаю Кузанскому, великому синтетику, искателю мирового равновесия. Его он усматривал в формуле “тождества противоречий”, сложения претензий полярных (скажем, Царьграда и Рима) в большем по знаку, всепоместительном мире. Примирительные проекты, им предложенные, включали первый чертеж европейской карты и очередной вселенский алфавит, — увы, большинство из них не были восприняты современниками. К таким принадлежал и Новоскоп. Это был скорее не инструмент, но метод — *познания в путешествии*, соединяющий начало гуманитарное (восточное, обозначенное славянским корнем — NOVO, читаемым как “готовый к встрече с новым”) и техническое (западное, латинское — SCOPE, предполагающее прирост рационально расчерченного, “проникнутого крестом” пространства).

Связуя слово с пространством, этот инструмент-пароль мог безошибочно указать путнику на присутствие спасительного, Божьего, закона в устройстве “отворяющей зев ойкумены”.

Такой или подобный инструмент всякому того времени путешественнику был насущно необходим. В XV веке плоскость карты еще только росла в объем, земная сфера чертилась заново. В ее проектные, завтрашние пределы и был устремлен Новоскоп. Он удваивал своему владельцу зрение: Земля совпадала со Словом.

Знал ли Веспуччи о Новоскопе, меряя шагами раскаленный мол? Неизвестно. Однако известен собственный его гео-графический пароль, близкий по своему звучанию инструменту-девизу Кузанского. Это слово — OVO.

4. 20 мая 1499 года корабли под командой адмирала Алонсо Охеда вышли из Пуэрто-де-Санта-Мария, близ Кадиса, и взяли курс на запад. Там, за стеною океана, по расчетам Америго, мысленно уже обогнувшего земной шар, находилось восточное побережье Азии. Веспуччи участвовал в экспедиции в качестве главного кормчего и космографа. Спустя 24 дня корабли пересекли Атлантику — Море Мрака — и вышли к берегам предполагаемой “Азии”, в трех градусах северной широты. Так в построении Веспуччи в дополнение к стартовой флорентийской вертикали появилась важнейшая, несущая горизонталь, ось “икс” — пояс, готовый замкнуться на талии Земли.

Вскоре он вновь отправляется на запад. Достигнув “азиатского” берега, его экспедиция поворачивает и идет на юг, до 33 градуса южной широты. Здесь путешественники рассчитывают обнаружить таинственную Каттигару — город, который на карте Птолемея был обозначен как крайняя юго-восточная точка Азии. За ней, по мнению древних, свет земной не имел силы, далее открывался провал в ночное Ничто. Веспуччи подобрался к этой точке с “изнанки” карты. Однако вместо ожидаемого поворота в сторону Индии “азиатский” берег тянулся все далее на юг. Так далеко на юг Азия не простиралась. Стало быть, это была уже не Азия, а *новый материк*.

Недоброжелатели утверждают, что Америго попросту узурпировал открытие Колумба, который за несколько лет до того сам склонялся к выводу, что сумма открытых им на западе земель, островов и незамкнутых отрезков берега есть не Азия, но иная часть света, подобие Атлантиды. К тому же известно, что еще в 1493—1498 гг., будучи в Севилье, Веспуччи участвовал в подготовке второй и третьей экспедиций Колумба и, несомненно, с ним общался, уясняя координаты и направление запредельного маршрута. В самом деле, налицо некоторое преследование — Веспуччи шел по стопам Колумба.

И цели как будто были те же: замкнуть периметр, “застегнуть земной пояс”. Мысль о застежке явилась ему в узком проливе между островом Св. Троицы (Тринидад) и материком, там, где море ревет между острых, точно зубы дракона, скал. Колумб, побывавший здесь раньше, назвал начало и конец пролива Пастью Дракона и Пастью Змеи. Записав в дневнике о “застежке”, Веспуччи ставит рядом знак OVO — здесь он более всего интересен.

5. Объяснений у знака множество. Ключ, застежка, “флорентийское яйцо” (о нем чуть ниже). На языке географии символ OVO еще со времен романских означал равновесие двух половин римской империи, западной и восточной. Это был прообраз современной карты полушарий. Апофеоз симметрии: два Рима (два O) были взвешены, как на весах. Правда, к XV веку правое O — отверстие Византии, значительно сузилось, сошло в точку. Константинополь осадили турки-османы. Мировые веса пошатнулись, грозя обвалом.

В тот момент Флоренция выдвинула себя в качестве нового “балансира”. Здесь явилась идея Унии, воссоединения — слияния в *общий круг* — всех христианских церквей. Флоренция стремилась в центр круга — точку, в которую следовало поместить иглу макроциркуля. Она добилась своего: союз церквей был заключен в ее стенах в 1439 году.

Новый круг готов был одеться скорлупою, точно содержащее плазму истинной веры “яйцо будущего мира”. Здесь и скрыт флорентийский секрет. Дело в том, что городская республика еще со времен готических полагала себя началом, или “яйцом (ovum) нового мира”. Таким был ее девиз, транспарант, вышитый на лиловых знаменах. В основе его лежал принцип объединения свободных (приобщенных к большому пространству) граждан. Крепостное право было отменено здесь еще в 1289 году. От этого момента, по мнению здешних патриотов, среди которых громче остальных звучал голос Данте, свободы республиканские должны были распространиться от стен Флоренции, как от источника света, от новоначала, от яйца — *ab ovo*.

Флорентийская Уния XV века позволяла реализовать старинный девиз, насытив его новым содержанием.

Однако новая эпоха внесла в Большой Чертеж самую существенную поправку. Исходный, плоский, *овал* насытился пространством; круг обратился в сферу. Филиппо Брунеллески — знаменитый архитектор, математик и составитель шарад — так воплотил городской девиз. Сооружая в 1430-х годах новый купол над собором Санта-Мария-дель-Фьоре, он поднял над городом грандиозное яйцо. Это было решительное пробуждение формы, спящей со времен античных. Новое время зрело под сводом купола, словно в яичной скорлупе. Готический плоский пейзаж Флоренции был смят, как платок. Все подавляло вылезшее из его руин безразмерное O.

Иные толкователи говорят о сходстве купола с цветочным бутонем (Флоренция по латыни — “цветущая”); бутон, проросший из стен собора, готов был раскрыться по меридианам. Так воплощена была мечта гуманистов о глобусе — фигуре переполненной, начиненной до отказа, пространством. Определение верное, прибавляющее простора вне и внутри сорокаметрового суперкупола. Но это позднейшее сравнение, к тому же оскопленное цензурой. Брунеллески в своих шардах был куда откровеннее. С его легкой руки в каждой флорентийской школе — и в доме дядюшки Антонио, где юный Америго брал уроки — знак OVO читался в одном единственном значении: мужские гениталии *en face*.

Так или иначе, энергия Возрождения нашла себе выход; прежняя, двумерная карта была прорвана.

В 1453 году Царьград пал; Уния не сохранила церковного единства. Симметрия карты — формула OVO — была нарушена. И неизбежно эта карта начала поиски нового равновесия: того требовал Чертеж, построенный по принципу перекрестка, равноотверстого во все стороны света.

Восток для католического Рима был потерян — вектор поиска новых пространств был устремлен на запад.

6. Таким был фон, на котором Веспуччи принялся растить свою сферу.

Он родился 9 марта 1454 года — Большие Весы ходили ходуном; знак OVO был им прочитан как личный, сокровенный шифр. В-первых, средняя буква — V, поставленная (неким дальновидным каллиграфом) в начало его фамилии. Во-вторых, происхождение. Предки матери Веспуччи были венецианцами. Венеция — еще одно заглавное V, еще одни “весы”: торговля Запада с Византией на протяжении средних веков шла через Венецию.

Однажды, достигнув берегов нового материка (впрочем, нет, тогда он все еще был “Западной Индией”), Веспуччи обнаружил в орнаменте мелких бухт и излучин обширную лагуну. Вокруг воды стояли лачуги индейцев на сваях. Воспоминания посетили его. Лагуна была отражением водного зеркала Венеции, проекцией города на противоположную сторону земной сферы. Он назвал это место “маленькой Венецией”, по-испански — Венесуэлой.

Это было озеро Маракайбо; здесь круглый год без грозы сверкают молнии. Полагают, что под озером проходит разлом, связавший в странный узел электрическое и магнитное поля.

Веспуччи не знает ничего об игре запредельных полей, но все же отмечает это место галочкой, на карте появляется погруженное в воду V, зеркальное отражение Больших Венецианских Весов.

Несомненно также, что буква V — корабль в поперечном разрезе. Корабль Америго рассек море, разъяв его шелковую сферу на полушария. И вот оно явилось снова — OVO.

Все сошлось в искомом пароле: V — вектор векового бега, инициал кормчего, память о Венеции, впадина, галочка и корабль. Эта целеустремленная буква отчетливо указывала на новый центр тяжести, средоточие равновесия в *пространстве*. Бег закончился, здесь сошлись острием грани волшебной стрелки, здесь изначальная идея о “Яйце нового мира”, об экспансии свобод республиканских должна была найти окончательное воплощение.

7. Проследим внимательно за тем, как сопоставляет Веспуччи карту и Большой Чертеж. Согласно его сокровенной формуле, буква V разделила полушария, обозначив трещину, распавшуюся ось. Трещина стартует из раструба итальянского “сапога”, опоясывая земной шар.

На противоположной его стороне должна была замкнуться “застежка” OVO, готовая удержать покачнувшийся христианский мир. (В Тоскане судили иначе: не *треснувший*, но *вдохнувший полной грудью*, обретший объем.) Однако оказалось, что расходящаяся кверху конусом буква указывала на нечто большее.

Свет, пролившийся из конуса V, обернулся целым материком. Не древняя Индия, но — Новый Свет.

Карта изошла светом.

Так обнаружил Америго, что путешествие его в самом деле происходит по неравнодушной, подвижной — послушной Чертежу — плоти Земли. Это был ключевой важности момент. Так он заглянул в Новоскоп.

8. Далее путь Веспуччи только уточняется. Даже переписка его чертит на карте показательные пунктиры и круги. В 1504 году, по окончании своих странствий, Веспуччи пишет трактат “Четыре путешествия”, или “Mundus Novis” (“Новый мир”). Трактат в виде подробного письма он отправляет во Флоренцию — в самый центр выстроенной им бумажной композиции. Письмо адресовано руководителю городской республики, гонфалоньеру юстиции (знаменосцу правосудия) Пьетро Содерини.

Веспуччи утверждает свой приоритет в открытии новой земли, он обращается за подмогой к единомышленникам, водрузившим половину глобуса на главный городской собор.

Содерини немедленно публикует “Четыре путешествия” и начинает деятельность, которую сегодня назвали бы раскруткой “американского” проекта. Самым показательным его деянием было следующее. Он переправляет трактат Веспуччи герцогу Лотарингии Рене II. Письмо, преломив свою траекторию во Флоренции, отправляется на север.

“Поощритель географических открытий” — так пишет о Рене энциклопедия Брокгауза и Евфрона. В Сен-Дье герцог содержит типографию, где печатает карты и описания дальних странствий. Издателем у него работает известный картограф Мартин Вальдземюллер. Иногда он выпускает свои карты под псевдонимом “Овчарка”. (Мартин пас новооткрытые земли, словно ключья от Золотого Руна. Из них они на пару с сумасшедшим герцогом частенько составляли свое.) В 1507 году Вальдземюллер выпускает большую карту мира, 4,5 на 8 футов, печатанную с 12-ти досок, на которой помещает изображение обеих Америк — Северной и Южной. Впервые на карте нового континента появляется надпись *Америка* — земля Америго.

Вместе с картой выходит брошюра “Введение в космографию”. “Введение” выдержало несколько изданий, разойдясь значительным по тем временам тиражом. Это было началом целой волны публикаций. В том же 1507 году в Риме последовало издание карты мира с изображением Нового Света, вновь обозначенного как *Америка*. В Испании немецкий книгопродавец Иоганн Оттмар издает брошюру “Третье путешествие”, в котором связывает Новый Свет с именем Веспуччи. Также при жизни Веспуччи выходит анонимный трактат “Mondo nuovo i paesi novamente ritrovati Alberico Vesputio Florentino”. Автором его был Алессандро Порци — космограф.

Далее последовали еще несколько изданий “Четырех путешествий Америго”, в частности, в “Сборнике (raccolta) новейших путешествий”. В 1508 году последовал их латинский перевод, затем немецкий, и в 1516 году французский. Это было полномасштабное наступление, и оно оказалось успешным. Имя Америго прочно утвердилось на карте нового континента.

Надо признать: в определенной степени это была “бумажная” победа.

Испанцы оспаривали его приоритет — впоследствии к ним присоединились многие исследователи, среди них Гумбольдт, — однако удержать изливание света из отверстого земного купола было уже невозможно.

9. Новый Свет стал проекцией Новой Европы, прибавлением новой сферы, второго, полнотелого О. История рассудила справедливо. Спор за название выиграла те, чье зрение было удвоено (карта плюс чертеж, преодолевший плоскость, ставший сферой). Выиграли “прозревшие” жители Тосканы, обитатели Нового Времени. Их интересовало приращение света. Испанцев интересовало золото — подобие света, но не сам свет.

При этом искатели большего мира зачастую сами не могли освоить обнаруженного ими пространства. Упомянутый герцог Лотарингии Рене II выглядит прямым безумцем. Пол его кабинета выстлан картами, на стенах лепятся рисунки сирен и василисков, над кратером камина громоздится аллегория Африки: в шахматном порядке изб-

ражены одноногие антиподы, единственной своею ступней, точно зонтом, укрывающиеся от палящего солнца.

Хейзинга рассказывает о Рене анекдоты. В 1477 году после битвы при Нанси герцог хоронит поверженного врага, повелителя Бургундии Карла Смелого. Желая выказать уважение противнику, он является на погребение в трауре "à l'antique", с длинной золотой бородой, доходящей ему до пояса. Как полагает Рене, сей маскарад уподобляет его одному из героев Гомера. В античной маске он предается христианской молитве.

Здесь кроется важный секрет: большой мир был им вычитан, высмотрен в книгах. История отворила просвещенному герцогу свое второе дно, обнажив залежи античной культуры. От этого момента начинается его постоянная рефлексия, сравнение эпох, и далее — борьба химеры с реальностью. В этом весь Рене: путешественник, толком не ступавший ногой за пределы своей страны, искатель новых земель и миров — бумажных. Он находил их во множестве на страницах книг в скрипториуме Нанси.

Его солдаты отказались идти воевать в ту неделю, на которую падало "Избиение младенцев". Слово опережало реальность даже для тяжеловооруженных ландскнехтов — неудивительно, что их предводитель скакал на деревянном коне между книжных стоп, в бороде из фольги.

Может быть, эта склонность к виртуальному странствию была вызвана промежуточным состоянием самой Лотарингии? Страна то и дело выезжала из-под ног — ее, точно одеяло, перетягивали между собой два грузных соседа — Франция и Германия. Одеяло шло складками — Лотарингия покрыта горами.

10. Здесь появляются рассуждения практического свойства. Говорят, что склонность к пространственной рефлексии проявили маргиналы, отодвинутые европейской историей на второй план.

Отсюда склонность к утопии, мечты, бумажные химеры.

В самом деле, пятнадцатый век обернулся для Европы сущим времятрясением. В ожидании рокового 1500-го года нарастали ожидания эсхатологические. Приобретения на западе (Реконкиста, авансы Колумба), катастрофические потери на востоке; карта континента лезла по швам. В этих условиях выживали хищники, самодержцы. Людовик XI — во Франции, в центре Европы — глава Священной Римской империи Максимилиан, на востоке — новоявленный кесарь, nasledующий византийским императорам Иоанн III. Расталкивая друга друга тучными плечами, помещаясь с трудом в европейских теснинах, они оставляли между собой слабые, исходящие светом (учености?) щели, вкрапления сложного свойства.

Так — сверкающей цепочкой — сложилась цепь княжеств, государств второго, “серебряного”, ряда: Сицилия, Неаполь, Флоренция, Пьемонт, Прованс, Бургундия, Лотарингия, Нижние Земли, — переходящие прямо в песчаные банки Северного моря. Диагональ, напоминающая левую половинку буквы V, левое плечо Больших Весов.

Нестойкое сие ожерелье постоянно стремилось от дробы к сплочению. Лига Тосканских городов была создана против Фридриха Барбароссы еще в 1185 году. Тогда впервые в Европе после древних Афин формировался союз государств разумных против царств-хищников. Еще одну лигу, Общего Блага, собирал современник Веспуччи, Карл Смелый, интригуя против Людовика XI — короля-паука.

Склонность к составлению лиг показательна. Главы малых государств были не столько помазанники божьи, сколько креатуры политические. Между ними были возможны, и, наверное, даже необходимы какие-то рассудочно рожденные союзы, соглашения и лиги. Банкиры Медичи, сооружая свой, подчиненный денежному балансу, ровно взвешенный мир, органично вписывались в новый — рациональный, трехмерный — интерьер Европы.

11. Вот и ответ тем, кто относит Медичи, Веспуччи и герцога Рене к маргиналам. Их интерьер не был химерой; он был строго расчерчен, совмещен с колодцем перспективы, устойчив и поместителен, как голландский сундук.

Более того. За построениями Веспуччи и его союзников видится нечто большее, нежели банковский расчет или стремление переменить политический статус. Новоевропейцы формировали не лиги, но *поле* — ярко освещенную площадку, стартовав от которой, они могли переместиться в будущее. Не промежуточное состояние Лотарингии или Тосканы электризовало их обитателей, — они оформляли новый, больший мир, в коем намеревались жить ближайшие пятьсот лет. Новый мир был твердо рассчитан, расчерчен, как глобус, и этот глобус *совпадал* с земной явью. Именно так: Америка, “открытая” Веспуччи, оказалась в первую очередь подтверждением предварительно составленного Чертежа.

Еще раз: в соревновании за приоритет — в слове, имени собственном — Америго Веспуччи победил заслуженно.

Это была победа географики. Победа Новоскопа — того нового метода, который подразумевал равновесие расчета и вымысла, и найденной (на той стороне Земли) реальности. Так гравировал свои “Осады” Жак Калло — в них он счастливо свел жесткий план и кружево свободного рисунка. Несомненно, и он заглянул в Новоскоп, этот известнейший из географиков, лучший рисовальщик своего времени, кстати, выходец из Лотарингии.

Комфортное трехмерие, им запечатленное, еще не раз обнаружит себя в просвещенной, временами благополучной Европе. Цепь “серебряных княжеств” и теперь удерживает ее от развала (см. расположение структур, точек опоры, нервных центров Евросоюза). За этим стоит порядок на географической карте, устойчивость латинского шрифта в молоке бумаги.

12. Другой вопрос — как обнаруживает себя Чертеж, подстеленный “яйцеголовыми” европейцами под новооткрытый континент? Соответствует ли ожиданиям прожекторов сама Америка, слоеный пирог, испеченный на сковороде Нового Света?

Есть основания полагать, что их построения и схемы сказались на ее судьбе. Свет, пролившийся из щели в евроскорлупе, оказался в полной мере насыщен арифметической утопией, страстью ровного счета, столь свойственной Новому Времени. Взять одни только та-мошные города, расчерченные в клетку, где вместо названий улиц поставлены номера. При этом X становится равен Y : расчерчен не только план, но и фасад — небоскребы суть те же бумажные прямоугольники плана, поставленные на попа.

Поставлены прямо на землю: страна скользит по сковородке, раскаленный материк остается нетронут. Здесь мы вновь возвращаемся к безумному герцогу Рене. Он был начитан, но не погружен в плоть книг; он оставался вне пространства страницы, оттого и был удовлетворен пляскою василисков, маскарадом, *изображением* иного. Его стараниями Новый Свет получил кукольное, яркое имя; не оттого ли здесь так верят в изображение, наведенное на целлулоиде, бегущее по экрану? Верят в счет, — бизнес трехмерен, взвешен, подчинен цифре. Впрочем, не о том речь.

Речь о “бумажной” болезни, осложнении, неизбежно возникающем у того, кто слишком долго смотрит в Новоскоп. В самом деле, пользование Чертежом небезопасно.

Сразу же нужно оговориться. В данном диагнозе нет стремления унижить антиподов, кукол, пляшущих на сковороде.

Можно с тем же успехом разобрать “русский модуль”, несомненно оформляющий всю нашу жизнь. Россия также надстроена, возведена над Словом (фрагментом Чертежа?). Сочинена, сотворена по заданию. Народ ее собран волевым усилием и тем же усилием удержан — командирован, и потому более склонен к воинству, нежели к обществу. Попыток отыскать русскую матрицу было множество; в большинстве случаев предлагалась *сфера*. (Видимо, в противовес жестко расчисленному римскому модулю, *Roma quadrata*, со временем переросшему в куб.)

13. Это похоже на правду, во всяком случае, похоже на Москву. Надувной ее шарик очевиден — особенно в плане, проекции на карту.

Однако очевидность обманчива, он легко уворачивается, — *оборачивается* матрешкой, круглой физиономией аборигена или иной пустотелой карикатурой.

Появление москвосферы было показательно синхронно с общим потрясением континента, пришедшимся на XV век. В тот момент, когда катастрофически сужался контур Царьграда, когда Европа искала ось нового равновесия — одновременно с опытами Веспуччи, — на северо-востоке континента нарисовалось Новое О. Оно стремилось заменить Константинополь, как того требовала формула равновесия, аксиома OVO. В Европе отказывались принять за второе, равное Риму, О растущую на севере Московию; а она уже готовилась к скорому (1480) освобождению, замыканию в Ноль.

Можно наблюдать, затаив дыхание, как в его направлении потянулась правая диагональ буквы V (траекторию левой мы уже проследили: из Флоренции в Брюссель, по оси строительства всех возможных евролиг). На северо-восток из той же точки устремился восходящий вектор — так можно трактовать путь Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора, невесты Иоанна III. Она ехала из Флоренции в Москву, в брачном поезде длиной в милю, бороздя по дороге ветхую карту. Софья была девицей полной и румяной (злые языки говорили, что она не могла найти жениха в Европе, потому что в полноте своей напоминала шар). Шар шел вверх по карте, стремясь найти точку успокоения, дальнейшего роста. Точкой стала Москва.

В самом деле, выходит законченная композиция. Карта раздвинула рамки разом на запад и восток; влево полетели корабли Колумба, вправо — монгольфьер Софьи. Поэтому еще раз: упрек в склонности к “бумажной” болезни, поверхностному видению предмета можно в равной степени адресовать москвиту и американцу. Но не это главное. В конце концов, о симметрии в новейшей истории России и Америки сказано много, и начерчено много схем — Ново-OVO только продолжает этот длинный ряд.

14. Более интересен общий катаклизм, спазм во времени, “приуроченный” к 1500-ому году — именно он перекроил европейскую карту, симметрично ее раздвинув, возведя из круга в шар. Изменился знак восприятия: двухмерный план обрел пространство, встал горбом — мир стал трехмерен.

Это потрясение было предельно сосредоточено во времени. Для Константинополя роковой датой был 7000-й год от сотворения мира (1492-й по европейскому календарю). В этом году на востоке ожидали конца света, замыкания земного времени в точку. *В том же году* Колумб в самом деле обнаружил конец, границу — Старого Света; началось приращение иного пространства, в ином, *заново развернутом*, времени.

Разворот календаря совершился почти мгновенно. Податливая земная плоть оказалась к нему равнодушна. Можно возразить — равнодушен к импульсу календаря оказался наблюдатель, географ; его напряженные “юбилейные” ожидания разрешились новым видением прежней картины.

Однако слишком много совпадений: никак не связанные друг с другом, инакосчитающие, пишущие навстречу друг другу исследователи, не сговариваясь, сводили в общий фокус линии на своих чертежах.

В оном фокусе чертилась искомая эмблема, читался пароль, распечатывающий землю и небеса. Веспуччи записал свой пароль как OVO — глобус, распоротый пополам идущим по меридиану кораблём.

Несомненно, также был очерчен (уравновешен во времени) предыдущий юбилей, точка Миллениума, 1000-й год от Р.Х. Точно так же — рассуждает географика — были оформлены, приведены каждая к своему знаку все предыдущие круглые даты, ямы календаря. Каждая из них была отмечена эмблемой, свернуто описывающей очередную глобальную (скорее ментальную, нежели реальную) метаморфозу. Более того, эти знаки, выстроенные в ряд, составляют очевидную последовательность — “роста” времени, прибавления сложности в его восприятии.

Вертикаль (берег, мачта) финикийцев стоит в начале этого ряда; объемная модель Веспуччи — в середине. Он не изобретал географики, однако вклад его в строительство этой дисциплины очевиден.

Время, следуя слову OVO, отворилось в объем, открыло дно — Возрождение было реализацией этой новой потенции эпохи.

Разумеется, всякая гео-графическая эмблема адресована своему веку. Картонная игрушка Веспуччи ограничена в пользовании. Кстати, в России его построения никогда не были популярны — курсанты Петербургского морского училища, перевирая фамилию Веспуччи, звали его Беспутным. Свет он рассматривал как явление физическое: такой свет можно было лепить, резать вдоль и поперек и выпускать конусом. Это более подходило западной традиции “макетирования”. На христианском востоке понятие света трактовалось иначе, иногда ему добавляли знак сложности, и он становился уже четырехмерен, нерукотворен.

Л.В. Смирнягин

ЙЕЛЛОУСТОН (ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ)

В августе 2001 года, после многочисленных поездок в США, мне выпала, наконец, удача совершить своё первое путешествие по этой стране, которое можно назвать почти профессиональным. Ведь ехал я на автомашине, а не на поезде или в автобусе и уж тем более не летел, и вёз меня не посторонний равнодушный дядя, а собственный зять Миша Харшан, который хотя и суров в обращении со мною, но всё же оказался готовым войти в мои географические пристрастия. Путешествие было посвящено тому, чтобы показать его младшему сыну и моему внуку Тимоше (одиннадцати лет — с половиной, как он любит подчеркивать) не что иное, как чудо американской природы Йеллоустон. Это почти полторы тысячи километров от района Сан-Франциско, где в городе Лафайет живёт семья моей дочери Катерины. Туда и обратно — целых три тысячи “кэмэ”, что очень неплохо для одной недели, которую Миша отвёл на это мероприятие.

Маршрут. Миша потребовал проложить самый короткий путь. Это дело совсем несложное, оно легко решается с помощью компьютерных программ типа “Trip planner” — я как раз накануне купил очередной дорожный атлас Ренд-Макнелли (я делаю это каждый год), и диск с такой программой прилагался к нему почти бесплатно. Путь пролёг на восток от Сан-Франциско по междуштатной автостраде 80 до невадского городка Уэллс, потом на север по местной дороге № 93 до айдахского города Твин-Фоллс на реке Снейк, потом по Интерстейтам № 84, № 86 и № 15 вдоль этой реки до Твин-Фоллс, а оттуда уже по совсем местной дороге в сам Йеллоустон. Миша перепроверил это с помощью интернетских “примочек” и одобрил, однако на мои предложения вернуться домой через Солт-Лейк-Сити ответил решительным отказом, потому что интернет сказал, что так будет на пару сотен миль дальше. Географу мучительно возвращаться тем же путём, но дарёному коню в зубы не смотрят, и я смирился, тем более

что вызревал вариант возвращаться не по левому берегу Снейка, а через вулканические лавы правобережья этой реки.

Судьба благоволила мне. В Йеллоустоне мы захехали сильно на юг, было нелепо упустить возможность повидать ещё и соседний Гранд-Титонс-парк, знаменитый своими красотами, а он ещё южнее, так что оттуда кратчайшим путём домой оказался всё же путь через Солт-Лейк-Сити. Так мы и поехали, поэтому в целом наш маршрут оказался выстроенным географически грамотно.

Сначала собирались ехать вчетвером, вместе с Катей, но перспектива остаться на неделю одной показалась ей более заманчивой, и это тоже оказалось на руку путешественникам, ибо сказал же поэт серебряного века Иван Рукавишников: “Без женщин в море уходи, иная радость в битве с бурей”. Так что поехали мы втроём: Миша как водитель, я как Паганель и Тима как причина путешествия или повод для него. Вкладом Кати в наше путешествие была её весьма разумная идея стартовать не из Лафайета, а с их дачи возле озера Тахо, в Траки, на самой границе с Невадой. Ведь дача тоже как бы дом, и перемещение в неё сэкономило нам пару сотен миль. Так мы и сделали. Мы выехали 6 августа под вечер, потому что до дачи (трудно поверить) езды на машине ровно 2 часа 15 минут.

Путь на дачу. Я буду описывать наше путешествие именно как таковое, без вступительных рассказов о том, что такое Сан-Франциско и его район, из которого мы стартовали. Сан-Франциско заслуживает, конечно, отдельного рассказа (я никак не могу приступить к нему, потому что узнаю? об этом прекрасном городе всё новое и новое с каждым приездом). Я поставил себе задачу дать бесхитростное (по возможности) описание самого пути и переживаний географа по этому поводу. Я знаю не один десяток коллег у себя на родине, которые испытали бы на моём месте примерно то же самое, а потому чтение моих записок сможет, полагаю, дать им живое представление об Америке, увиденной моими глазами.

По сходным причинам я не буду описывать путь до дачи: я проделывал его уже не раз и не два, поэтому особых эмоций он у меня уже не вызывает. Стоит отметить лишь некоторые примечательные для географа особенности этого отрезка нашего маршрута. Вот они:

Превосходные и редкие в Америке индустриальные пейзажи на выезде из агломерации Сан-Франциско на северо-восток — перед мостом в Бенишиа. Сначала мощный завод Шеврона — это колыбель сей гигантской нефтяной компании, её головное предприятие, целый город слева от дороги. Потом два парных НПЗ, один из них компании “Тексако” — они по обе стороны дороги, аккуратенькие и свежескрашенные в жёлтое и зелёное. Это совсем иной мир, Мартинез и Пит-

тсбург, рабочие, притом латиносы; дома тут вдвое дешевле, чем в Лафайете.

Ужасно ветрено в горле между горами, через которое прорывается совместное устье Сакраменто и Сан-Хоакина. Тут прорывается и воздушная масса из перенагретой Центральной долины к морю. Даже мощный автомобиль наш и тот слегка виляет, а уж какие-нибудь “жигули” наверняка бы просто сдуло. Миша вообще любит говорить об этом: как беспомощны были бы российские машины на американских автострадах, где общий поток идёт со скоростью примерно 70 миль (т.е. 110 км) в час, а её “жигули” или даже “волга”, по его словам, способны выдерживать лишь на некоторых отрезках, да и то прямым, на повороте же они наверняка потеряют дорогу.

Сакраменто. Который раз проезжаем мимо, но так и не заехали. Миша уверяет, что скучный город. Есть группа небоскребов, издали видно, что солидный город.

Интерстейт № 80 преодолевает Сьерру странно. Шоссе не вьётся по долинам, а сразу взбирается на отрог, перпендикулярный главному хребту, и несётся по нему до перевала, благодаря чему с него постоянно открываются виды вниз. Машины развивают на нём приличную скорость, и мы идем почти все время со скоростью 80-90 миль в час.

Душераздирающий вид на сам перевал, когда открывается озеро Доннер — слишком большое для перевала. И сам перевал с очевидностью свидетельствует, что Сьерра-Невада обрывается только на запад, но не на восток, потому что с востока всё очень невысоко. Над озером слева громадный обрыв, на нём стоят несколько дач, и я люто завидую их владельцам по поводу вида оттуда, но Миша сказал, что зимой там не чистят снег, а потому попасть туда очень трудно.

Дача на Траки — сосновое Подмоскowie или Финский залив — так пахнет смолой, такая тишина, благолепие. А ведь это трагические места, тут люди ели друг друга, когда партия Доннера застряла здесь полтора века назад.

Въезд в Неваду. Утром Миша поднял нас ни свет ни заря, и в 7.04 мы уже выехали. Дело в том, что Миша крайне не любит водить машину, а потому не уверен, что сможет продержаться за рулём больше нескольких часов. Это странно для меня, ведь я привык думать, что человек охотнее всего делает то, что у него получается хорошо, а Миша водит первоклассно. Как он объясняет, он за рулём уже четверть века, и всякий флёр с вождения слетел, а на американских шикарных дорогах вождение крайне монотонно. К тому же Миша боится страшной жары — а с чего бы, раз у нас не бараклит бензонасос и мощный кондиционер внутри?

Запомнилось, что по въезде в Неваду мы увидели совсем иную картину, чем в Калифорнии. Это настоящая пустыня, безлюдье, всё в буро-желтых тонах, много голой земли, а леса исчезли практически полностью. А ведь границы Невады — условные прямые линии! Забегая вперед, скажу, что этот эффект встречался нам не раз. Особенно ярок он на границе Невады и Айдахо (об этом позже). В Неваде он усилен тем, что она вся окружена казино, словно крепостями: ведь в пограничных с нею штатах азартные игры запрещены, так что невадцы воздвигают громадные здания казино вроде “Сизарс” или “Харрах” буквально на самой границе. Как правило, тут возникают двойные города вроде Вандовера и Уэст-Вандовера на границе с Ютой, и в невадском расположены казино, а в соседнем — жильё, причем иногда дело доходит до того, что ровно по границе идёт улица с примечательным названием “Стейт-лайн-стрит”, и казино высятся на невадской стороне улицы воистину как крепости. Что ж, это вполне понятно: в самой-то Неваде народу всего два миллиона, и расчёт делается в основном на приезжих.

Здесь, на выезде из Калифорнии, стоит Бумтаун — новенький городок, созданный специально для игроков несколько лет назад. Он никак не добьется процветания — ведь Рино слишком близко.

Рино. Сам Рино произвел на меня сильное впечатление: роскошь, изощренное воображение строителей (надо же, в “Силвер Легаси” прямо посередине здания, на всю его высоту, стоит настоящий гигантский шахтный копёр, и по нему, мигая, ползут вагонетки). Если вдуматься, то роскошь тут не вещная, не в материале вроде ковров или люстр, а в буйстве цветов — таком буйстве, что о правильности сочетаний уже и речи не идёт, так всего много. Меня как человека довольно тупого в данной сфере это просто завораживает: ведь наша культура весьма угрюма по краскам, природа блёклая, одежда монотонная, так что мы привыкли радоваться чуть заметным оттенкам. А тут — как обухом по голове, и в глазу что-то просыпается дремавшее без применения. Особенно пестры и неистовы игорные залы, тут вообще не видишь серого или белого, даже свет кажется не просто приглушённым, а как бы померкшим от цветовой перегрузки. Кстати, всё выглядит весьма пристойно и радушно, словно речь идёт не о злостном пороке человеческого, а о бесхитростном развлечении вроде ковыряния в носу.

Мишу мои причитания смешили. Так может говорить, по его словам, только человек, не видевший Лас-Вегаса. Я подозревал по рассказам, что это так, но нарочито давал волю своему инстинктивному эго (географическая шизофрения, о которой мы мечтали на Алтае с Алексеем Новиковым: одна твоя половина раскованно разгля-

дывает местность, а вторая следит за первой и записывает её впечатления).

В глубине же души я обиделся за Рино. Кто такой этот Лас-Вегас — выскочка, чистюля, нувориш? Сто лет назад, когда по его месту ещё бегали индейцы-паюты, Рино уже гремел на всю страну своей репутацией самого греховного города США, с жуткими мафиозными бандами, игорными притонами пресловутой Дэвисовой аллеи, публичными домами, а заодно и роскошными особняками над рекой Траки, которые построили себе те, кому повезло в Вирджиния-Сити, Тонопе или Голдфилде — ведь для них Рино был настоящей цивилизацией, а не дырой, как их родные горняцкие посёлки. Кстати, университет штата в Рино возник уже в 1886 году (!), сюда его перенесли из Элко. С 1920-х годов вся страна, затаив дыхание, слушала радиопередачи из Рино, когда там проходили знаменитые боксёрские бои, так что название этого города не знал в США разве что дебил. Именно Рино первым навёл порядок в игорном бизнесе; уже в 1930-х годах великий Гарольд Смит открыл тут первый “чистый” игорный дом, чем породил даже общеупотребительную поговорку “Harold’s club or bust” (как бы половчее перевести-то?). А великий Вильям Харрах? То-то. Сейчас Рино не блещет в игорном бизнесе, в том числе и потому, что отцы города сознательно сдерживали рост казино, и нынче экономика города довольно диверсифицирована.

Рино вполне подтвердил свою репутацию “biggest small town in the world”. Вообще-то он весьма немал по американскими масштабам — сильно за 100 тысяч жителей, но он легко поддаётся полному обзору с соседнего холма. Однако посреди него высятся мощные коробки казино, высотой во множество этажей, занятых ярусными стоянками автомобилей и отелями. Если не знать, что это казино, то зрелище со стороны просто загадочное: перед вами настоящий даунтаун для города-полумиллионника, а сам город явно меньше в пять раз. Вот и получается, что город-то довольно солидный, но на этом Сеньке как бы слишком большая шапка, и выглядит он словно Филиппок.

За Рино начинается не изведанная нами страна (вообще-то в прошлом году мы ездили в знаменитый город-призрак Вирджиния-Сити, но это недалеко). Ощущение простора и пустынности накатывает сразу, особенно на Мишу: он дивится свободному шоссе, отсутствию жилья до горизонта и общей распахнутости ландшафта — всё не как в Калифорнии, переполненной людьми и необычными красотоми. Окончательно убило Мишу то, что за Рино пропал сигнал в сотовом телефоне. По условиям Америки это признак полной глухомани (впрочем, местные сотовые службы, как мы выяснили позже, все же работают).

“Увы” — экономгеографам. Для меня это ощущение глухоты было почти комично подчеркнуто и тем, что за Рино нам стали попадаться — что бы вы думали? — заводы! Настоящие гиганты индустрии, как сказали бы в советской газете, стоят посреди пустынной местности, примостившись у подножья горы, словно стараясь не бросаться в глаза. Это серьёзная промышленность, а не какие-то “хай-теки” — отрасли особо высоких технологий. Тут вам и труба здоровенная, и крупные формы корпусов, и причудливые очертания хранилищ. Была узнаваемая по очертаниям ТЭС “Трейси”, работающая на нефти и газе, потом предприятия по добыче и переработке диатомита, которого тут полно. Все они тщательно покрашены в контрастные цвета (любимые — желтый и зеленый) и потому выглядят аккуратно, а это, наверно, не просто для тяжелой промышленности; Миша уверяет, что так велят муниципальные власти.

Несмотря на это прихорашивание, само расположение таких заводов в столь пустынной местности невольно навеивает мысль о том, что в современной американской культуре тяжелая индустрия оттеснена на периферию общественного внимания — притом, как видно по Неваде, оттеснена в буквальном смысле. Глядя на это, я вспоминал своих коллег-“экороссов” с братской кафедры, где всё ещё царит культ “настоящей экономической географии”, посвящающей львиную долю усилий именно этой самой промышленности как самому почтенному объекту исследования. Да и сам-то я до сих пор тяготею, честно говоря, именно к такому пониманию родной науки.

Из других экономико-географических наблюдений стоит подчеркнуть то, что вдоль Интерстейта № 80 всё время идёт железная дорога Юнион Пасифик. По ней изредка проходят составы с контейнерами — точно такими же, какие по инерстейту везут многочисленные могучие траки. Этих траков необычно много, и у меня сложилось было впечатление, что их тут больше, чем легковых автомобилей. Однако когда я поведал об этом наблюдении Мише, он просто возмутился и предложил подсчитать; уже через две минуты стало ясно, что у меня “глюки” и что легковых втрое больше. Всё равно это очень высокая пропорция — четверть всего движения приходится на грузовики дальнего следования. Мне показалось, что это тоже унижение для правоверного российского экономгеографа: ведь он по определению должен боготворить железные дороги, а фото на описанный выше сюжет было бы свидетельством их позора. Позор был бы в зрелище того, как поезд обгоняют дальнобойщики ровно с тем же грузом контейнеров, а раз обгоняют, значит грузовик не только гибче железки (доставка от двери до двери), но и гораздо быстрее.

Страна бескрайних горизонтов — open sky country. Так звали в XIX веке Горный Запад. Чувство простора обеспечивает не только широта обзора, не только громадное небо, не застланное лесами или бортами ущелий (ведь мы все время едем по равнине, окружённой горками), но и редкостное однообразие общего вида. А ведь тут полно всяких неровностей рельефа, временами принимающих облик настоящих скалистых гор (впрочем, редко). Просто размещаются они очень хаотично, словно случайно оброненные Творцом по пути к Скалистым горам. На открытке прочел, что в Неваде насчитывают 236 горных хребтов, хребтиков, кряжей, цепей и так далее — двести тридцать шесть, надо же! И все они наотрез отказываются следовать меридиональной логике Скалистых гор, протягиваясь как бог на душу положит. Правильнее сказать, что они в основном тоже меридиональные, но Скалистые горы и Сьерра-Невада косят налево, к северо-западу, а невадские горки в основном на северо-восток.

Мы долго ехали вдоль знаменитой реки Гумбольдт, названной так в честь великого моего коллеги и путешественника Александра Гумбольдта. Она теряется в пустыне к югу от Рино, в озерке того же названия, а тянется очень издалека. В переселенческую эпоху здесь проходила одно время ветка Калифорнийской тропы, и это не прекращает меня волновать. Сколько ужасов претерпели переселенцы именно на этих участках пути! А сейчас мы проскакиваем Неваду за считанные часы в комфорте и беззаботности. Самым страшным куском (не считая солёных пустынь Юты) был переход от поворота реки Гумбольдт до реки Траки у подножья Сьерры-Невады. Переселенцам это стоило трех дней перехода сначала по настоящей пустыне, а потом вдоль ужасного своей узостью и каменистостью каньона реки Траки. Партия Доннера потеряла тут последних своих волов. Мы же проехали этот отрезок по Интерстейт № 80 за полтора часа, в том числе по каньону за двадцать минут! Я бы провел их в размышлениях над бренностью человеческого существования, коли был бы философом, но географу более пристало рефлексировать по поводу того, какую власть над пространством приобрел человек всего за полтора столетия.

Река Гумбольдт не видна с шоссе (не считая переездов через неё), потому что она маловодна, широко разлита в своём мелком русле, разбита на много рукавов. Её выдает лишь обилие желтой травы более яркого, чем обычно, цвета. Кое-где на гумбольдтовой воде с помощью дождевания организованы целые поля кормовых трав (в основном люцерны), и сочная их зелень радостными пятнами выделяется на суровом фоне невадских просторов. Правда, это случается редко, но всё же пустынности Невады не следует преувеличивать. Между полынными кустами полно невысокой травы, которая своей желтизной и жухлостью навеивает грустные мысли о жестоком солнце и безводье, однако это

“глуки”, как говорят мои студенты. Такой травы полно и в Калифорнии, которая летом выглядит совершенно выжженной. Дочь же моя объяснила мне и показала в натуре, что это не останки растительности, а настоящее стоячее сено, которое с удовольствием пожирают коровы. Недаром на склонах Центральной долины и вокруг Лафайета так много стад: это настоящий рай для скотоводства. Вот и в Неваде та же история, только рай тут пониже классом, хотя и здесь условия для выпаса считаются весьма приличными. Недаром всю местность к северу от дороги № 80 до самой Юты принято называть “Ковбой кантри”, и всё связанное с ковбойской культурой здесь в особой чести. При этом речь идёт не о реликтах времён “техасщины”, а о культуре, сохранившейся до сих пор. У неё даже есть собственное название — бакару (buscaroo), а в Уиннемаке, этой духовной столице Ковбой кантри, существует музей и “Зал славы бакару”, где имеют честь пребывать в виде портретов и скульптур только скотоводы, родившиеся в XIX веке и работавшие не далее 200 миль от Уиннемаки.

Открытие. Словом, для меня тут было много открытий. Ведь я считал эту часть страны типичной “пустой четвертью”, как говорят в Америке, без собственного лица, без регулярности в ландшафте и экономике — сплошной переход от одного яркого района к другому или некий перерыв, чтобы дух перевести, между Средним Западом и Калифорнией. На деле же тут своя жизнь, своя культурка, своё личико и свой патриотизм (патриотизмик?). Народу тут совсем мало, но если это учесть, то экономика выглядит нешуточной по своему размаху. Графство Элко, например, занимает первое (!) место в Неваде по душевому доходу — 38 тыс. долларов (данные примерно на 1998 год, когда Элко входило в 8% самых богатых графств страны). Конечно, абсолютные размеры экономики скромные, особенно по сравнению с территорией, по которой она как бы размазана. И тем большего почтения заслуживают местные жители за то, что на таких гигантских пространствах сумели создать нечто самобытное. Немалую роль, наверное, сыграли испанцы и баски, которых здесь особенно много и которые считаются отменными пастухами, особенно овец. Лет семьдесят назад в Неваде было почти полтора миллиона овец, и лучше басков никто не умел их пасти, потому что баски отличаются физической крепостью, привычкой к тяжёлому физическому труду и долговому одиночеству. Но мода на шерстяную одежду и баранину прошла, нынче поголовье овец в штате, дай бог, 30 тысяч. Тем не менее, до сих пор тут полно басконских ресторанчиков, празднеств, фестивалей.

Главное же открытие этого отрезка — обнаружение в моей географической душе очередного предрассудка. На карте вся эта часть США окрашена в коричневый (иногда даже в Тимно-коричневый) цвет,

которым принято обозначать большую высоту над уровнем моря. У многих полуграмотных географов, вроде меня, это почему-то связывается с ожиданием, что здесь горы. С чего бы? Ведь коричневость — это высота и только высота, а не орография, не геоморфология, и здесь мне был преподан на этот счёт самый наглядный урок. Наша дорога шла почти всё время так ровно, что негде было окинуть взором дали с пригорка, с какого-нибудь взлобья. Как только мы въехали на первый из них, я схватился за аппарат и успел сделать обрядовый снимок — и слава богу, потому что больше такого не встречалось.

Лишь однажды, на повороте Гумбольдта, мы въехали в ущелье и взяли перевал в 6114 футов под культовым названием Эмигрант-Пасс (сколько их Америке — не сосчитать, даже по дороге в Траки есть такой). И всего один раз горы встали-таки препятствием на нашем пути, так что для шоссе и соседней железной дороги пришлось просверлить три туннеля; они считаются достопримечательностью невадской части Интерстейт № 80 и непременно изображаются на открытках. Правда, почти по всей Неваде мы ехали вдоль реки Гумбольдт и лишь за Элко попрощались с нею, потому что истоки её остались слева, в “национальном лесу Гумбольдт”, но вокруг-то на многие мили простиралась такая же нагорная равнина. Не речка же их сделала, она слишком мала для этого. Здесь горы выглядят вкраплениями, а не равнины — долинами. Впрочем, горы нешуточные — около 7 тыс. футов, иной раз по 8-9 тыс., но ведь мы-то ехали все время на грани 4-5 тысяч, так что относительной высоте удивляться не приходилось. К тому же, почти все эти горы выглядят грудями обломочного материала, припорошенного скудными кустиками да редкой травой, и лишь после Элко в зоне видимости показались горы, облагороженные настоящими скалами.

Невадские городки и то, что между ними. В этой равнинности была своя польза и для меня. К моей радости, Миша быстро устаёт от монотонности вождения и требует остановки, чтобы развеяться, а мне выпадает шанс посмотреть очередной городишко на Интерстейт № 80 (а может, это он такой тонкий человек: имитирует усталость, чтобы дать мне такой шанс как бы незаметно, не грузя моей совести?). После Рино встречаются только маленькие городишки, которые почти все показались мне довольно милыми — может быть, оттого, что их было мало, и каждый воспринимался как оазис.

Первая остановка — в городке Лавлок (Миша переводит название как “пояс верности” — неплохо, хотя на самом деле это имя местного фермера, который пожертвовал компании “Юнион Пасифик” 85 акров своей земли в обмен на обещание, что эту железнодорожную станцию назовут его именем). Здесь нам встретился завод на самой дороге, при

въезде в город, и был он отличного вида, прямо как новенький. Лавлок уже на реке Гумбольдт, вокруг довольно зелено, вдали даже леса видны. Уже десять часов, мы три часа в пути (за вычетом завтрака в казино “Силвер Легаси”), а температура за бортом 78 по Фаренгейту — немного, однако, для такой пустыни и для августа.

За Лавлоком местность приобретает упорядоченность, потому что справа тянется внушительный хребет в 9 тысяч футов под названием — ну, конечно же, Гумбольдт; носитель этого имени был жив, когда рождалась местная топонимика, и занимались ею люди, сами много путешествовавшие, а потому относившиеся к Гумбольдту с большим почтением (чаще всего это был Джон Фримонт — мой любимый персонаж среди освоителей Запада). У подножия тоже копают диатомит. Чуть подальше я ожидал увидеть золотую шахту “Флорида”, совсем новенькую, судя по описаниям, и потому особо примечательную: ведь нынче в Неваде новый расцвет добычи золота. Однако найти её глазами так и не удалось. О прошлых взлётах золотой лихорадки мог напомнить крошечный, но милый городок Юнионвилл, мимо которого мы проскочили на большой скорости, а жаль: тут в 1861 году в поисках “фарта” орудовал лопатой Сэмюэль Клементс, он же Марк Твен.

Новая золотая лихорадка дала сильный толчок развитию местных городков. Следующий по курсу городок Виннемука мы застали с почти 10-тысячным населением, а ещё десять лет назад тут было втрое меньше жителей. Городок старинный, названный в честь вождя индейцев-паутов, сегодня в нём нет шахтёров, но он обслуживает обширную прилегающую зону. Здесь, как я упоминал, знаменитый музей ковбойской культуры и даже зал славы “бакару”, но нам было не до него.

Уже в 12.31 мы выехали из Уиннемаки. В 12.47 взобрались на перевал Голконда, и это дало возможность осмотреть экосистему окрестных гор. Сушь, бородавчатые колючки неопрятными куртинами, буро-желтая земля, которую разнообразят только выходы ярко-жёлтой породы. Съезд с Голконды в долину Пумперникель (ах, что за слово-то!) весьма впечатляющ — это самое живописное место Интерстейта № 80 в Неваде. Собственно, пейзаж тот же, но охват шире. Вдали слева маячит очередной заводиче, стоящий в полнейшей пустыне, — это ТЭС “Валми”, работающая на ютском угле, которого она пожирает по 2 млн. т в год.

Без остановки проехали мы Бэтл-Маунтин, названный так в память о сражениях с шошонами в 1861 году. На мой взгляд, это самый невзрачный из местных городков, разбросанный, пыльный и переполненный трейлерными домиками. Их немало и в других городках, но они обычно оттеснены на окраины, да и выглядят попроще, чем

в этой дыре. Причина, может быть, в том, что в 80-х и 90-х годах городок пережил большой бум благодаря крупной добыче серебра и золота, но к новому тысячелетию бум кончился, главные шахты закрылись, и больше половины населения разъехалось. Вот что такое невадский “бум-энд-баст”.

Здесь Миша сделал весьма глубокомысленное заключение: вместо привычных супермаркетов “Селфвей” тут господствуют моллы цепи “Риглис”, а они на 20-30% дороже. Получается, что народ тут беднее не просто по низкой зарплате, но ещё и по причине дорогих магазинов. Завозить сюда продукты и товары, видать, недёшево. Месяц назад я наблюдал подобный эффект в саратовском Ершове, у границы с Казахстаном: облик городка, прямо скажем, небогатый, а цены на всё куда выше, чем в Саратове. К большой моей досаде, за разговорами я позабыл посмотреть на экзите 244 одну из крупнейших в мире баритовых шахт, которая должна была стоять у самой дороги. Недаром же Баттл-Маунтин зовёт себя “баритовой столицей мира”.

После переезда через Гумбольдт направо открылась обширная долина. Если б дело было лет двадцать назад, нам могло посчастливиться увидеть гейзер задолго до Йеллоустона, потому что здесь, милях в 10 от интерстейта, есть группа из полусотни термальных источников, больше половины из них — гейзеры, и некоторые били на 10 метров. Это Бейовави (Beowawe). Геологическая служба, да и вообще все власти, почему-то отказывались признать за ними статус чуда природы и не ставили под охрану. Воспользовавшись этим, лет 15 назад одна из компаний соорудила тут геотермальный завод на 11,5 тыс. кВт. Потом мы миновали перевал с характерным названием Эмигрант-Пасс — название почти сакральное для Запада. Сколько таких в разных его штатах! Даже на дороге из Сан-Франциско в Траки я и то встречал такое.

В 14.30 въехали, наконец, в Элко — самый солидный из городков, нанизанных на Интерстейт № 80 после Рино (в нём больше 35 тыс. жителей, как в родном Лафайете). Здесь и Уолл-Март, и К-Март весьма крупные, и недаром: Элко вынужден обслуживать гигантскую территорию. Пусть она едва заселена, но уж очень обширна. Ведь ближайшие города более крупного размера расположены очень далеко: до Рино 450 км, до Солт-Лейк-Сити 380, до Лас-Вегаса 640, до Твин-Фоллса 220. Вид у города приветливый, зелёный, довольно зажиточный, и я готов подтвердить мнение Н. Крэмптона, который в своем справочнике “Сто лучших городков Америки”, в издании за 1993 год, поставил Элко на первое (!) место в США (ох, сколько я гонялся за этой книжкой!). Наверное, сказываются ещё последствия бума, который Элко пережил в 90-х годах в связи с открытиями золотых шахт в сотне-другой километров к северу и к югу от него (Тускаропа и Гамильтон соответственно).

В те годы город рос так быстро, что люди въезжали в новые дома, в которых, говорят, ещё краска не успевала просохнуть.

Здесь мы остановились, чтобы Миша передохнул, и я погулял по городу. Удивило в очередной раз нарочито солидное здание управы местного графства Элко — каменное, с колоннами, прямо мини-конгресс. Может, это связано с гигантскими размерами графства Элко (по площади оно больше Массачузетса, Коннектикута и Род-Айленда вместе взятых), но, скорее всего, это просто американская традиция — придавать солидность государственным учреждениям. Вспомнилось, что и в Лавлоке, городке и вовсе крошечном, городская управа весьма хороша и колонниста. Невольно всплыли воспоминания о только что виденных уродливых российских управах — отнюдь не лучших зданиях своих городов.

Лучшее украшение Элко — кладбище, выходящее прямо к главной дороге справа. Оно в основном испанское, а, значит, католическое, а, значит, пышное и добротное. Я побродил по нему и подивился обилию не-американских фамилий. По-видимому, если Уиннемака — столица “бакару”, то есть американских ковбоев, то Элко — самый басконский город штата (а раз так, то и страны в целом). Эти две культуры уживались, оказывается, с немалым трудом — но все же ужились, и теперь в Элко проходит немало фестивалей и ковбойской песенной поэзии, и басконских.

Заодно подумалось: а почему в Америке совсем не обыгрываются церкви в качестве стержней организации городского пространства? Это так типично для наших городов, и это так эффективно в Европе. Ведь церкви и, особенно, соборы всегда отличаются гигантскими размерами, и даже безобразные, казалось бы, творения конца XIX века способны “держать” городскую среду, придавать ей специфический облик. Здесь же при въезде во многие городки встречаешь специальные транспаранты с перечнем церквей разных конфессий, и длина этого списка поражает россиянина, однако самих зданий обычно так и не видишь.

Объяснения найти, конечно, можно. Прежде всего, моленные дома почти у всех протестантов весьма скромные на вид, небольшие. Катя уверяет, что это потому, что у протестантов бог живёт в душе каждого христианина, который сам себе церковь, и церковь становится не обиталищем господина, а местом, где прихожане вместе молятся и укрепляют друг друга в вере. Но есть в этом, по моему мнению, и своя поза, перпендикулярничанье с католиками, с их привычкой к пышности. Конфессий много, нельзя давать преимущество одной из них ради того, чтобы было кому торчать торчком в центре и организовывать, видите ли, городскую среду. Может быть, это и отражение более широкой культурной традиции — нарочитого отделения церкви

от государства, которое как-то подспудно мешает американцам выставлять церкви на передний план. А жаль. Облик городов от этого явно страдает. Невадские городки выручает рельеф: почти в каждом из них организующую роль выполняет соседняя гора, которая видна практически отовсюду, а поскольку горы эти всегда разные по внешности, городки получают свой неповторимый облик.

Наконец, в 15.10 мы подъехали в городку Уэллс, где нам предстояло свернуть с Интерстейта № 80 на шоссе № 93 и отправиться на север к Твин-Фоллс. Уэллс был избран вначале в качестве ночёвки, финиша первого дня, однако Миша внезапно объявил, что он ещё бодр и что мы сможем дотянуть до Твин-Фоллс в Айдахо. Я несказанно этому обрадовался, потому что ночёвка в примечательном городе казалась мне куда привлекательнее, чем в непримечательном. А вид Уэллса и вправду не радовал. Когда-то Уэллс был оживлённым лагерем переселенцев благодаря свежей воде местных ключей и тому, что это были ворота в благословенную долину Гумбольдта. В окрестностях появились крупные ранчо, но жесточайшая зима 1889-1890 годов истребила скот почти полностью, и Уэллс захирел. Сегодня, на взгляд приезжего, он был уж очень мал и безлик (если не считать того, что бензин тут был в 2 доллара за галлон против 1-48 в Лавлоке, где Миша заправился и чем немало возгордился, увидев уэллсовские цены).

За Уэллсом стало площе и суше, никаких рек уже не было, местность стала вовсе угрюмой. Мы везли отличный атлас Невады, и на нём эта местность была изображена содержащей только пересыхающие ручьи; кое-где их останки угадывались по обширным лысым белым пескам. Однако, о чудо, местные умельцы ухитрились перехватывать воду этих ручейков и организовали приличное по размаху дождевание. Оно показалось мне слишком обширным для таких ничтожных водотоков, и я заподозрил местных фермеров в артезианстве. Так или иначе, но сочная зелень радовала наш глаз куда чаще, чем с Интерстейта № 80. Может быть, в этом интерстейте и было всё дело: с него поля смотрелись как бы лежащими в отдалении, тонущими среди дикой травы и полыни, а тут мы ехали вровень с окружением и могли прикоснуться к этим полям руками.

Порадовал местный рельеф. Во-первых, стали встречаться странные увалы с плоскими поверхностями — словно донные отложения древнего озера Бонневиль. Во-вторых, здешние горы причудливее, их гребни зубчатее, а предгорья чернее, эффектнее (как сказал бы Аркадий Черноморский, это последствия вулканической деятельности — и на этот раз, как ни странно, попал бы в точку). Над грядой гор на севере поднялась огромная туча, курчавая и величественная, из её основания спадала какая-то белая пелена, уходящая за горы, придавая всему этому и без того зловещему сооружению облик атомного гриба.

Я таких не видывал; потом уже, на картинке, встретил очень похожее облако, подпись же гласила, что это, мол, буря в Неваде надвигается. Нас участь сия миновала стороной, а именно западной.

А вот и Айдахо. Наконец, почти ровно в 16 часов мы въехали в последний, пограничный невадский городок с характернейшим игроцким названием Джекпот (что-то вроде “фарт” или “попёрло”); путешественник уверял, что все улицы городка названы соответственно, по игроцки. И, конечно же, тут стояли казино — не столь импозантные, как в Рино, но всё же контрастно возвышающиеся над домиками обитателей городка. Они возникли сравнительно недавно, после 1956 года, когда усилиями знаменитого сенатора Кефопера игорные автоматы были запрещены во всех штатах, где существовали до этого, в том числе и в Айдахо — но не в Неваде, разумеется. Я в восторге попрыгал вокруг транспаранта с надписью “Айдахо” — всё-таки ещё один увиденный мною американский штат, двадцатый по счёту.

Настала очередь снова удивиться тому, как прямая и условная граница между американскими штатами фиксирует реальную границу между ландшафтами — и природными, и человеческими. Вообще-то Джекпот лежит уже в бассейне Снейка, и после границы сразу, без раскочки, поверхность стала совсем ровной, горы отступили, оставшись на невадской стороне в виде кулис, а самое главное — со страшной скоростью начала нарастать распашка, дождевание и всяческое колошение пшеницы, золотой при этом, словно в “Кубанских казаках”. Высота была почти точно 3000 футов, довольно большая, но выглядело это уже не горной пустыней, а вполне аграрно. Через полчаса появилась даже кукуруза, притом стоящая настоящей стеной. Место колючей проводки заняли жердевые изгороди (видно, с лесом уже не было особых проблем). Конечно, попадалась регулярно и полынная степь, но полынь была уже помельче, и появлялась она словно потупив глазки, сознавая свою неуместность. Много говорили о том, что здесь и прохладнее, и влажнее — недаром же мы целый час пилили на север, притом на приличной скорости. Когда же открылась, наконец, долина реки Снейк, всё стало на свои места, потому что это была не просто река, но решающее орудие полива и дождевания. Впрочем, в этот день даже здесь стояла могучая жара, наш термометр показывал 93 по Фаренгейту.

Чудо-навигатор. Про термометр стоит сказать особо, для географа это важно. В Мишиной машине стоит некий навигатор — прибор XXI века, который связан со спутником и позволяет отслеживать положение наше на карте — она тут же изображена на экране навигатора, и по ней ползет наш кружочек. Масштаб карты можно увеличивать,

а если уменьшать, то на ней проступают знакомые названия и очертания. Мише больше всего полезен маршрут со стрелками — куда надо ехать и где свернуть. Для этого в навигатор надо ввести названия пунктов отправления и назначения, и он сам вычертит оптимальный маршрут (самый короткий либо по времени, либо по расстоянию — как закажешь). Маршрут предупреждает о каждом повороте (даже пишет всё время, сколько до него осталось футов или миль), так что просто невозможно заблудиться (если промахнешься с поворотом, он покажет путь назад, на правильную дорогу). В навигаторе, к тому же, гигантский список всяких полезных заведений (ресторанов, магазинов, учреждений и т.п.). Въезжая через несколько дней в Солт-Лейк-Сити, мы определили с помощью навигатора, где тут японский ресторан, ближайший к площади Темпл, и навигатор сам нашел таковой и привел нас к нему.

Мне в навигаторе особенно любы опции, позволяющие в любой момент определить нашу высоту над уровнем моря, температуру воздуха за бортом и, что особенно умиляет, широту и долготу с точностью до секунды. Мише эта страсть к фиксации координат кажется блажью, а у меня она вызывает острые ассоциации с советским временем, когда координаты любого пункта в СССР считались страшным секретом. Вспоминался рассказ Риты Бондаревой о том, как секретники обрезали края листов карты с обозначением координат, когда Рита отправлялась в Прикаспий искать природный газ с геологической партией, а поскольку работы шли в местности совершенно безлюдной и пустынной, то подчас невозможно было отличить один лист карты от другого.

Навигатор привирает в определении высоты. Это я выяснил на обратном пути. На отрезке Траки — Остин есть столбики, фиксирующие высоту в 3000, 2500 и 200 метров, и во всех трех местах навигатор показал на 80 футов меньше; за Сакраменто же он впал в полный ноль, игнорируя подъёмы на автострадные эстакады и некоторые холмики. Поэтому высоты, которые я буду называть далее, надо бы для верности уменьшать хотя бы на 70 футов. Видно, навигатор предусматривает некоторую юстировку, но Мише подобная мысль показалась святотатственной.

Диктофон и “акура”. Ещё одно замечание общего характера. Я взял с собою японский диктофончик, цифровой и потому совершенно крошечный, не более сложенного носового платочка (я так и носил его раньше — в нагрудном кармане пиджака). Я купил его аж за сто баксов в Сан-Франциско два года назад, и он здорово выручал меня в поездках (особенно, помнится, на Алтае). Его хватает на час, потом надо записывать поверх предыдущей записи, но часа вполне хватает на промежуток

между стоянками, на которых можно переписать наговоренное на бумагу. Ведь если ведёшь дневник в пути на бумаге, то отвлекаешься от лицезрения и можешь, уткнувшись взором в дневник, пропустить что-нибудь важное, а с диктофоном ты фиксируешь впечатления, не отрывая глаз от проносящегося за окном. К тому же, в автобусе страшно трясёт, и в дневнике остаются каракули, которые уже на следующий день неузнаваемы, а потому, читай, пропали.

На этот раз диктофончик остался без применения — по двум причинам. Во-первых, мы постоянно болтали с Мишей, в том числе (и по большей части) о важном, вместе генерировали впечатления и сопоставляли их. Диктовка шла бы этому вразрез. Во-вторых, и это главное, ехали мы не в советском автобусе и не по советским дорогам, а по Интерстейт № 80 и в шикарном японском автомобиле “акура”, стоящем бешеных денег. Это огромная, тяжёлая машина, поэтому нас совершенно не трясло, и я мог писать дневник, словно сидя за письменным столом. Кстати, я с унынием убедился, что неразборчивость моего почерка сохранилась едва ли не полностью; значит, виноваты были не столько советские автобусы и дороги, сколько корявые мои руки.

“Акура” составляет предмет особой гордости Миши Харшана, и он не устаёт её расхваливать, стоит только, по неосторожности, спросить у него что-нибудь про неё. Вообще-то я слышал от него раньше нечто подобное и про первую их машину “mitsubishi”, и про вторую (“лумину”). У них характерные номера. “Лумину” водит Катя, и поскольку она русская, на её номере написано латинскими буквами “РУССКУЕ”. На “акуре” написано “ЕВРЕУ”, потому что Миша — еврей, а у “mitsubishi”, которую водит Саша, номер обычный, американский, из чего становится ясно, что Саша — американец.

Твин-Фоллс. В пять часов пополудни, почти ровно, мы въехали-таки в Твин-Фоллс — итога всего лишь за десять часов в пути! Перебрав несколько мотелей, остановились в наиболее приглядном — даже с бассейном, в который местным постояльцам позволительно ходить прямо из номера в трусах. Здесь познакомились с армянской семьёй из СССР, которая то ли держит эту гостиницу, то ли служит в ней; обменялись дежурными приветливыми словами. Армянин нигде не пропадёт, по живучести он почище еврея (этого я не стал говорить Мише, потому что он считает своих евреев самыми живучими на свете). Я собирался было привести записи в порядок и почитать что-нибудь про маршрут, но оказалось, что я зверски устал, а потому мы быстро заснули — благо Миша привык ложиться сравнительно рано (да и сам он, наверное, утомился прилично, хотя внешне он здоровенный, словно боевой носорог).

Твин-Фоллс показался мне на редкость захудалым городишкой. Главная улица выглядит как обычное шоссе с мотелями и шоппинг-центрами — только они “посеяны” вдоль неё погуще, чем обычно. Это я о бульваре Блу-Лейк, на котором мы и нашли свой мотель. Улица именно главная, потому что на ней стоит городская управа рядом с какими-то иными учреждениями. Все они построены под “грик ревайвл” и косят под солидность, но они совершенно теряются среди пестроты и безвкусыя ночлежек и лавочек. Вот этого я городам не прощаю — отсутствия желания казаться красивыми. Вспомнился маленький Лавлок: там управа обыграна немудрящей, но всё же площадью, она солидно посторонилась, пропуская придорожную толпу ночлежек-лавочек, и видно было, что Лавлок хочет казаться красивым (а как не вспомнить кладбище в Элко, выходящее прямо к главной дороге!).

Тут же, в Твин-Фоллс, — ни намёка на подобное. А ведь бульвар выходит к роскошному ущелью реки Снейк — уменьшенной копии Гранд-Каньона, весьма, тем не менее, впечатляющей своей дикостью, чернотой скал и, главное, неправдоподобным обликом пустынной долины внизу, по которой вьётся река — совершенно в стиле гудзонской школы американских живописцев XIX века (а я-то всегда думал, что это вымышленные картинки, сделанные неизлечимыми романтиками). Этот каньон с отвесными стенами в 200 метров был прорыт в одночасье 15 тысяч лет назад, когда гигантское озеро Бонневиль, занимавшее чуть ли не всю нынешнюю Юту, вдруг прорвалось возле Покателло в Снейк и ушло почти полностью в Тихий океан. Однако ущелье остаётся на самой окраине города, оно никак не участвует в его облике. Может, там охранная зона? Чем иначе объяснить равнодушие города к такой природной роскоши, которая могла бы стать акцентом городского облика? Вспоминаются знаменитые слова Екатерины Великой, адресованные Нижнему Новгороду: “город ситуацией прекрасен, а строением мерзок”.

Дополнительная достопримечательность — мост через это ущелье, который в год его постройки считался самым высоким в мире (486 футов, то есть 146 метров от дна каньона). Сверху же он особого впечатления не производит: высота скрадывается, а длина моста невелика, всего 280 метров.

Захудалось Твин-Фоллса кажется странной — в ней больше от характера жителей, чем от медвежести этого угла. Ведь численность населения тут пристойная для Америки — под 35 тысяч жителей. Мы заехали в шоппинг-центр, чтобы в “Барнс энд Ноблс” купить путеводители по Айдахо и Вайомингу, и Миша был поражён размерами этого центра: по его словам, они во много раз больше, чем в соседнем с Лафайеттом Конкорде, где больше 100 тысяч жителей. Грамотному географу (то есть мне) сразу приходит в голову (мне — именно в это место), что Твин-

Фоллс выполняет большие центральные функции для обширного ареала. Действительно, по карте легко видно, что вокруг Твин-Фоллса (кроме восточного направления) на сотню километров нет похожего по людности города, тогда как Конкорд затеснён множеством городов и городишек, в каждом из которых есть хоть какой-то шоппинг-центр. На обратном пути в Уэллсе я нашёл этому вещное подтверждение: среди “центральных газет” (то есть не местных) тут продавалась газета из Рино и газета из Твин-Фоллс! А ведь между ними 110 миль по третьеразрядной дороге, то есть 180 километров! Неплохой диаметр зоны влияния, скажу я вам, для городишки в 35 тысяч жителей!

Третий день — вдоль Снейка. Миша опять поднял нас ни свет ни заря — благо я еще не полностью расстался с “джет-легом” (ведь я вылетел из Москвы 1 августа) и мне было почти всё равно, когда вставать и ложиться. Тима встаёт легко — он тоже жаворонок, как и отец, и в точности по-отцовски топаёт по утрам, словно слон, потому что ходит с пятки (так делают все уверенные в себе люди или те, кто внушает себе, что я-де таков, но Тима совсем другого склада человек и топаёт только из-за генов). Точности ради скажу, что встали мы в 6.08. На сборы уходит обычно 10-15 минут, потому что Миша очень стремительный — словно я в раннем детстве, и всё время нас подгоняет. Для меня это настоящий подвиг: ведь я привык вставать в 9-10 часов да ещё часок плялиться, лёжа, в телевизор, соображая попутно, чем бы мне таким заняться сегодня (прямо по Пастернаку: “как бы бубнил: что, бишь, постой, имел я нынче съесть в предмете?”).

С утра мы спешили и не заехали на водопады Шошон — они были близко, но дорогу к ним нам никак не могли объяснить. А жаль. Они, говорят, совсем пересохли из-за разбора воды на полив картошки, и для меня такое торжество экономической географии над физической было бы очень поучительно (ведь старые фотографии в путеводителе говорят, что это было впечатляющее зрелище). Вспоминается история с Ниагарским водопадом. На нём построены ГЭС общей мощностью где-то в 2 млн. кВт, однако туристы, приезжающие поглазеть на “пресловущую” Ниагару, дают заметно больше бизнеса, чем эти ГЭС, так что днём ГЭСы не получают ни капли, чтобы водопад не мелел. Зато ночью водопад почти полностью отрубает и накапливают воду в громадных хранилищах на уровне верхнего бьефа, чтобы днём пользоваться ее падением в нижний, не трогая самого водопада. Но то Ниагара, а здесь — Шошон, не имеющий международной репутации. А местным жителям картошка важнее красот, вот водопад и высох. Между тем Шошон с его 212 футами на 52 фута выше Ниагары, он заслужил в своё время звание “Ниагары Запада”, но это его не спасло.

Мы ехали по Интерстейту № 84 вдоль Снейка, по трассе знаменитой Орегонской тропы девятнадцатого века, и картофельные поля сопровождали нас. Они ярко-зелёные и радуют глаз после невадской бурости. Повсюду дождевание, и Миша ворчит: видать, вода дешёвая, а я за воду в Лафайете плачу кучу долларов каждый месяц из-за бассейна. Я не уверен, что вода тут особенно дешёва, просто она приносит, наверное, куда больше через повышенные урожаи, чем уносит в виде оплаты. Почва тут на редкость чёрная, словно чернозём, но это, видать, из-за постоянных лавовых примесей: ведь рядом, по ту сторону Снейка, гигантские лавовые плато. Всё очень ровно, только вдали справа — отроги гор, как последнее “прощай” из Невады. Это именно “прощай”, а не “здравствуй”, потому что до йеллоустонских гор ещё далеко.

Мэдрик-Вэлли. Уроки американского села. В сельской местности Айдахо многое кажется поучительным для наших сельских местностей. Даже такая нехитрая вещь, как изгороди, вызывает досаду по поводу недогадливости наших селян. У нас закапывают столбики в землю, а к ним крепят саму изгородь. Столбики гВ сельской местности Айдахо многое кажется поучительным для наших сельских местностей. Даже такая нехитрая вещь, как изгороди, вызывает досаду по поводу недогадливости наших селян. У нас закапывают столбики в землю, а к ним крепят саму изгородь. Столбики говсем маленькими, и выглядят они очень забавно: металлические серые цилиндрики метров по пять-шесть высотой и по три метра в диаметре стоят гурьбой, прижавшись к распределительной штанге, словно ясельные детки к воспитательнице, а та испускает к каждому из них свою линию подачи зерна, как будто держит их на помочах. Не очень понятно, впрочем, как идет отбор зерна. Ведь цилиндры стоят на земле, а у нас они подняты так, чтобы под них мог проехать вагон или грузовик, так что зерно, загруженное первым, первым же будет и отгружено.

Очень по-американски хранят сено — в ладных таких сарайчиках-домиках из гофрированного серого железа — наверное, сборных. Само сено почти всё кубическое, редко-редко в валиках, и эти кубы складывают перед хранением во внушительные стены, напомнившие мне суриковское “Взятие снежного городка”.

Вдоль Снейка. Сушая житница! Тимно-зелёная картошка, огненно-жёлтая, воистину золотая пшеница плотным ёжиком, как на башке у русского бандита, постоянно попадаются пасущиеся красивые лошади (не многовато ли для автомобильной страны?). Особенно эффектно выглядели пшеничные поля перед Блекфутом: в стене колосьев регулярно проглядывали узкие пустые щели, в которых, оказывается, лежат

дождевальными трубами, и это придаёт полям особый геометризм, подчёркивающий их ухоженность. Интересно, почему это не мешает полевым работам? Тут же увидели комбайн: маленький, зелёный, ладный, прёт с огромной скоростью. Ничего похожего на наш марсианский “Дон”.

Однако житница сия — отнюдь не дар природы, она вполне рукотворна. Местную полупустыню превратил в житницу Айра Перрин, который в 1894 году добился у конгресса США принятия специального закона об орошении, а потом стал распорядителем работ, которые позволили оросить более 150 тысяч га. С тех пор Перрин — славное имя для Айдахо, им назван мост в Твин-Фоллс, который упоминался выше. Центром этих работ и стал в то время Твин-Фоллс, куда уже пришла железная дорога Юнион Пасифик. С тех пор подобные работы не прекращались, продвигаясь постепенно всё выше и выше по Снейку, так что мы встретили их последствия три дня спустя, в парке Гранд-Титонс, в самых верховьях Снейка.

Всё это особенно хорошо видно с развилки интерстейтов № 86 и № 84: вокруг полным-полно полынных пустошей вполне невадского облика, бурых и унылых. Такой была вся здешняя земля, пока её не начали дождевать. Будь в Неваде не хилый Гумбольдт, а могучий Снейк, и там было бы то же, по-видимому.

Впрочем, Снейк тоже выглядит не очень впечатляюще, уж больно много воды отсасывают из него на полив. В Покателло с досадой замечаю на карте, что мы дважды пересекли эту реку, но за разговорами не заметили этого. Надо быть повнимательнее и планировать лицезрение окружающего загодя, по карте и путеводителю.

Вдоль Снейка. Многое мимо. Карта и путеводитель говорят, что мы пропускаем множество интереснейших вещей, стремясь поскорее достичь Йеллоустона. Ладно бы, что не свернули к плотине Америкен-Фоллс, построенной в 1927 и, повторно, в 1976 году за 46 млн. долларов, чтобы образовать самое крупное на Снейке водохранилище (плотина как плотина); ладно бы, что не проехали по правому берегу Снейка через Абердин, Стерлинг, Спрингфилд и Пингри, где выращивают лучшую в Айдахо картошку (дороги больно поганые для шикарной “акуры”). Ладно бы, что перед Америкен-Фоллс мы полюбовались было видом ущелья, по которому идет Интерстейт № 86, так и не осознав, что это самый опасный участок Орегонской тропы, где всё время ждали засады свирепых шошонов, и хотя за всю историю тропы шошоны убили тут всего 11 пионеров в 1862 году, после прохода ущелья пионеры облегчённо вздыхали и выбивали свои имена на специальной скале Реджистер-Рок (я сам виноват: не успел об этом прочесть, а то наверняка свернули бы, благо это рядом). Но в часе

езды к западу от Америкен-Фоллс мы могли увидеть (и, главное, показать Тиме) Грейт-Рифт — одно из самых великих геологических чудес Земли, с ледяными пещерами, свежими кратерами и тому подобным. Увы, если голод не тётка, то и время не дядька, нам надо засветло попасть в Йеллоустон, и потому в 9-40 миновали Америкен-Фоллс и через полчаса въехали в Покателло — самый большой город в этом углу Айдахо (55 тыс. жителей).

Покателло расположен поодаль от Снейка и родился вовсе не в связи с этой рекой, а волею железнодорожных магнатов, потому что именно здесь в 1887 году пересеклись линии Юнион Пасифик и Юта Норзерн. К нашему сожалению, город сильно скошен к югу, где расположены все его достопримечательности и центральные здания, мы же проезжали по северу и потому города не увидели. Кроме шикарного (именно шикарного) завода “Симплет” на окраине города — завод всего лишь, а выглядит как украшение. Здесь мы задержались только для того, чтобы купить ягод — любимой Мишиной еды. Черника оказалась из Канады; я ел её по ягодке, то есть по-русски, а Миша, по своему обыкновению, горстями. Миша с удовольствием отметил, что черешня несладкая, а потому, значит, чилийская, ибо лучшая в мире черешня, как известно, — калифорнийская, Миша её даже в Париже встречал. Миша к тому же сделал чисто американское наблюдение: надо же, в Покателло Уолл-Март торгует не только дешёвыми промтоварами, но и едой! Мне бы это и в глаз не попало (правда, Катя позже всё это опровергла).

Ровно в 11 (время калифорнийское, как и далее) мы покинули Покателло и, “взяв” (to take) Интерстейт № 15, покатали по индейской резервации, хотя вокруг ничто этого не выдавало. Всё было типично, как от самого Твин-Фоллса. Миша даже заключил, что местность очень похожа на окрестности какого-нибудь Дмитрова — только если убрать горы на горизонте. А что, нормально: ведь Дмитров лежит в знаменитой Яхромской пойме, славной своими овощами, в том числе и картошкой, а тут её полным-полно.

Айдахо-Фоллс. Первые мормоны. Вскоре мы въехали в Айдахо-Фоллс. Никаких фоллсов тут нет, город, оказывается, назвали так ради того, чтобы завлекать поселенцев. Ещё с интерстейта я заметил в городе шпиль с какой-то фигурой, и мне привиделось, что это мормонский храм — темпл: ведь я давно читал, что эти края освоены мормонами, и всё жаждал найти этому вещественное подтверждение. Как ни странно, Миша согласился свернуть — и через пять минут мы и вправду стояли перед торжественным и странным сооружением типичных мормонских угловатых очертаний, ослепительно белым, в окружении прелестной зелени. Миша готов был усомниться, потому

что мне он верит с большой неохотой, но, к моему счастью, надпись неопровержимо свидетельствовала, чтог это действительно темпл.

Я был наслышан, что в темпл пускают только самых правоверных мормонов, и посоветовал убраться во-свояси, сделав дежурные снимки, но Миша увидел “визитос сентер”, смело пошёл на абордаж — и мы не пожалели. Внутри был маленький музей и, главное, приветливые и приставучие экскурсоводы в большом возрасте (ветераны движения?). Они тут же врубили нам плёнку на русском с кратким пояснением, дали брошюрку на русском языке, но вот насчет “Книги Мормона” на русском сказали Мише, что пришлют ему, если даст адрес (стандартный трюк миссионеров-зазывал). Знали бы они, с кем имеют дело! Нет на земле религии, вероисповедания или секты, которая могла бы расколебать угрюмый Мишин атеизм. Тем не менее он с большим вниманием и любовью выслушал вкрадчивые речи, чем меня несколько удивил, но вскоре я обнаружил причину: Мишу поразили огромные картины на мормонские сюжеты, выполненные в виде фотошопных копий с реальных картин, а поскольку Миша профессиональный спец по компьютерному пакету “фотошоп”, то ему было важно добиться разрешения сфотографировать их — а как этого добьёшься иначе, как пылкой заинтересованностью в рассказе! Тима откровенно скучал. Подобные проблемы, будь то происхождение мироздания или душа, его ещё не волнуют; что-то, однако, говорило мне, что не стоит удивляться, если он станет глубоко верующим человеком — вопреки всем генам.

У меня дома есть два экземпляра “Книги Мормона”, но я её, естественно, не читал, потому что при беглом взгляде она слишком похожа на Библию, а я и её-то половины не прочёл, где уж тут тратить время на боковые ветви. Неудивительно, что я узнал о мормонах много нового, и мне стало стыдно за ту чепуху, которую я “отгружал” студентам, когда речь в лекциях доходила до Мормонского Запада. Вот несколько беглых примет: на мормонских темплах всегда стоит фигура Морония — сына Мормона, который и написал эту книгу со слов своего отца; темпл не храм, а особое место собраний высшего духовенства и главных обрядов вроде венчания, а для молений у них либо табернакль — большой зал собраний, либо нормальная церковь (сё мы повидали в Солт-Лейк-Сити); мормоны не называют себя мормонами, но — “святыми последнего дня” (the latter day saints), и назвать себя мормоном было бы для них равносильно тому, чтобы христианин назвал себя лукой или моисеем (так нам пояснили в Юте). По этому поводу вспоминается эпизод из “Вокруг света за 80 дней” Жюль Верна. В Юте одного из героев (Паспарту) начинает охмурять мормонский миссионер и говорит при этом: “Мы, мормоны...” (я прочёл это по возвращении в Тиминой книжке, случайно).

Вот что значит — писать книги о путешествиях, не вылезая из кабинета. Сколько ни читай, а всё равно “проколешься”, если имитируешь своё присутствие там, где не был.

Айдахо — Монтана. Въезжаем в горы. Уже в 12.30 мы покинули Айдахо-Фоллс и свернули с Интерстейта № 15 на восток, чтобы три дня провести на обычных американских дорогах. Нас встретила совсем иная местность. Нет, картошки было по-прежнему полно, но впереди и справа встали нешуточные горы. Возле Рексбурга очертания гор стали какими-то фантастическими по своей резкости, изрезанности — словно разбитое стекло (увидел бы такое на рисунке или картине, сказал бы, что так не бывает). Я даже попытался зарисовать этот облик в дневничок. Мне не пришло в голову, что это западный вид на знаменитый Гранд-Титонс, который сильно уступает восточному, но и отсюда достаточно импозантен для того, чтобы у айдахских подножий Титона возникли шикарные горнолыжные курорты. Вообще-то они должны быть куда лучше, чем на восточном склоне: ведь западный перенос влаги приносит осадки именно на айдахский склон, тогда как Вайоминг оказывается в ветровой тени.

Наконец в 13.22 мы пересекли речку Хенрис-Форк и в лоб въехали в чисто горную страну — хвойный лес, ущелья, потом распадки с хвойным же лесом. Высота 5500 футов, но жара адская — 94 Фаренгейта. Это последняя перед Йеллоустоном смена ландшафта. Мимо нас проехал красочный грузовик-лесовоз с громадными брёвнами...

Ничего себе! В 13.30 дорога внезапно потеряла твердое покрытие и почти тут же — пробка с громадным, примерно на километр, хвостом машин. Не могу отказать себе в удовольствии указать координаты нашей вынужденной стоянки на три четверти часа: 44°18'04" северной широты и 111°27'25" западной долготы на высоте 6102 фута при температуре 91 по Фаренгейту. Побродили по леску, поразившись обилию сушняка, серого от выжженности солнцем; здорово для костра, но страшно опасно по причине пожаров — порох, а не страна.

Тронулись мы только в 14.17, и выяснилось, что на дороге идут работы по смене покрытия. Американцы, я вижу, ремонтируют сразу очень длинными участками — такая уж у них техника, такой огромный поезд занимается укладкой. И только в 14.31 мы встали на твердое покрытие.

Я с трепетом ждал встречи со своим двадцать первым штатом — Монтаной. Ведь дорога примерно 10 миль должна была пройти по территории этого штата, и я жаждал сняться на фоне очередного плаката. Действительно, ровно в 15.00 мы въехали в Монтану — и поразились величественным видам вдаль, где одни серьезные горы вставали на фоне других, еще более величественных и синих (я обожаю такие обращённые

перспективы). Плакат я пропустил, надеясь перехватить его на следующей границе, с Вайомингом, но оказалось, что она поглощена парком Йеллоустон, который, к моему удивлению, несколько выходит из Вайоминга, охватывая чуть-чуть и Монтану, и Айдахо.

Уэст-Йеллоустон. Бизонье мясо. И вот мы въезжаем в Уэст-Йеллоустон — западные ворота в Йеллоустонский парк. Прелестный маленький городишко посреди обширного распадка с невысокими горами на горизонте. Жителей здесь всего около тысячи, а вот мотелей около пятидесяти. Нам это показалось странным, потому что в самом парке, судя по справочникам, было полно гостиниц. Миша решил, что, поскольку уже вторник, в парке должно быть полупустынно и с жильём проблемы не будет. Именно в этом мне крупно повезло: если бы Миша знал, что в парке всё забито, он остановился бы тут, в “Весте”, как зовут свой городишко местные жители, а отсюда кратчайший путь домой, конечно же, по старой дороге, а не через страну мормонов.

“Вест” показался страшной глухоманью, так оно и было на самом деле. Особенно унизило его в моих глазах то, что автобус отсюда ходит только в Биллингс, штат Монтана, а он, по моим представлениям, сам был дыра дырой. Туда же летают и самолёты. Тоже мне столица! Когда-то сюда была проложена железная дорога из Солт-Лейк-Сити, но с 1960 года она не работает — автомобиль её убил.

Здесь пришло время поесть, и мы сделали это в ресторанчике, где Миша уговорил меня поесть бизоньего мяса. Бизонов, дескать, теперь полно, их разводят и на мясо. Что ж, мясо как мясо, отдаёт дичиной, словно лосиное, но вполне съедобно. Фраера были эти пресловутые американцы конца XIX века, которые истребляли бизонов только ради их языка!

Йеллоустон. Пожар 1988 года. В 15.55 мы тронулись в путь, и вскоре въехали в настоящий Йеллоустон. Ехали мы небыстро, затаив дыхание и вертя головами в ожидании того, по поводу чего надо было ахать. Ничего подобного не встречалось очень долго — разве что рыболов, стоящий голыми ногами в горной реке (потом выяснилось, что здесь она тёплая от гейзеров). Хуже того, местность казалась какой-то мусорной: повсюду странные останки деревьев, десятками гектаров, вперемешку с нормальным хвойным лесом. У мёртвых деревьев стволы были пепельно-серые, словно иссушённые солнцем до костей. В этом зрелище было нечто изысканное, потому что цвета были чистые, не грязные, однако мы-то ждали чего-нибудь на “ах”, а его всё не было и не было.

Между тем зрелище мёртвых деревьев заслуживало добротного “ах”, не будь мы так зациклены на пресловутых гейзерах. Ведь это было

последствие страшных пожаров летом и осенью 1988 года, когда в парке выгорело около 600 тыс. акров, то есть треть его поверхности (ещё 400 тысяч — в соседних лесах). Вся страна встала на уши: гибнет чудо американской природы! На борьбу с пожарами были брошены 25 тысяч человек, она обошлась в 120 млн. долларов. Практически все здания в парке удалось спасти, но животный мир пострадал: в огне погибли, согласно статистике, 9 бизонов, шесть черных медведей, 269 крупных оленей (элков) и 4 мелких (дилов), а также два лося.

А вот причина самих пожаров наводит на очень непростые размышления, которыми стоит поделиться. Причиной сочли страшно сухое лето. За июнь и июль не выпало ни капли, и содержание влаги в живых деревьях стало таким же ничтожным, как и в мёртвых. Однако учёные давным-давно говорили, что главной причиной большого пожара оказалось — что бы вы думали? — отсутствие небольших пожаров. Дело в том, что пожары всегда играли важную и полезную роль в хвойной экосистеме. Без них лес оказывается заваленным упавшими деревьями-перестарками, в нём заводится бездна жуков-древоедов, и всё неуклонно идёт к тому, чтобы сгореть к чёртовой матери по-капитальному.

Однако понимание этого пришло к людям довольно поздно. В Йеллоустоне, самом знаменитом парке страны, с самого начала объявили настоящую войну любым лесным пожарам, пресекая их на корню. Только с 1972 года в Йеллоустоне перешли к стратегии контролируемых малых пожаров, но было уже поздно. К трагическому лету 1988 года йеллоустонские леса уже не менее чем на треть состояли из деревьев по 200 лет и старше, и супер-пожар стал просто неизбежен. Публика, конечно же, сразу припомнила руководству парка его стратегию малых пожаров и назвала ее тактикой “пусть горит”, и это было не только несправедливо, но и странно для американцев. Ведь в их культуре, в отличие от нашей, существует прекрасная привычка безжалостно разрушать старое, если оно стоит на пути нового. Есть даже понятие *creative destruction* — творческое разрушение, разрушение ради созидания. Нам такое понять не под силу, достаточно вспомнить кампанию протестов по поводу укрупнения деревень.

Кстати, ущерб от пожара за пределами флоры был невелик. Что такое две сотни элков или несколько бизонов, когда одних тут 30 тысяч, а других две с половиной тысячи? Правда, в последующую зиму погибло от бескормицы гораздо больше, но всё же фатальной угрозы. Кстати, ущерб от пожара за пределами флоры был невелик. Что такое две сотни элков или несколько бизонов, когда одних тут 30 тысяч, а других две с половиной тысячи? Правда, в последующую зиму погибло от бескормицы гораздо больше, но всё же фатальной угрозы — просто добропорядочный, но даже отличный облик: ведь для

пеших туристов (хайкеров) повсюду откроются отменные виды, которых снова не станет, когда войдёт в рост обильная молодая поросль.

Первые гейзеры. Разочарование. За обсуждением этих проблем мы доехали, наконец, до Мэдисона, где развилка на север и на юг, и тронулись на юг, потому что размечтались о ночёвке в самой интересной, по описаниям, гостинице парка “Олд Фейзфул”, построенной как раз напротив самого снимаемого гейзера того же названия (он исправно бьёт каждые 80 минут). Вскоре стали попадаться курящиеся воронки посреди грязевых топей, по которым были проложены аккуратные деревянные дорожки-настилы. Виды эти нас разочаровали. Ведь ещё в прошлом году я видел подобное в парке Лассен в самой Калифорнии.

Словом, когда мы доехали до “Олд Фейзфул”, настроение наше совсем упало, и Миша произнёс-таки фразу, которая вертелась и у меня в голове: “Да, до Камчатки всему этому далеко”. И в самом деле, в камчатской Долине гейзеров все чудеса упакованы в небольшую лошину, где пар и грязь просто пышут, словно в преисподней. Миша был там со старшим сыном Сашей пару лет назад, я — лет семь тому назад. Плотность явлений, их яркость на Камчатке несравнимо шибче, чем в Йеллоустоне. Да, именно в Йеллоустоне самый большой в мире гейзер Стимбуут, который бьёт на 300 футов, но кто это видит? Последний раз он ставил рекорды в позапрошлом году, до этого — в 1990 году, а в остальное время выглядит вполне обыденно. Согласно наблюдениям, между извержениями-рекордами может пройти и пятьдесят лет, и один год. Вообще-то он работает почти всё время, но на высоту около 40 футов, а вот когда ставит рекорд, то его грохот, говорят, слышен за 25 километров. Хорош и Олд Фейзфул. Мы с Тимой только-только подходили к нему, как вдруг он выдал фонтан на 150 футов. Остальные же гейзеры мало чем радуют бывалого человека (в смысле — бывшего на Камчатке или хотя бы в парке Лассен).

Здесь даже существует такое понятие — predictability, то есть предсказуемость, и каждый гейзер может быть охарактеризован с этой стороны. Увы, у большинства из них показатели эти оставляют желать много лучшего. Олд-Фейзфул — редкое исключение, и недаром лучшая гостиница парка построена именно рядом с этим прилежным гейзером. Здесь даже бытует старинная шутка: как предсказать, когда забьёт Олд Фейзфул? А вы смотрите на народ: как начнёт скапливаться на скамейках вокруг гейзера, так гейзер, того и гляди, забьёт.

К тому же, гейзеры сильно разбросаны по огромной территории парка и потому выглядят маленькими фокусами на фоне равнодушной к этому природы — не то что на Камчатке, когда в этом вулканическом безумии участвует вся Природа с большой буквы, и мел-

кие детали, вроде деревьев или скал, просто меркнут под напором такого зрелища.

Олд-Фейзфул. Неудача с жильём. Разочарованные и понурые, но ободряемые предвкушением гостиничного номера, мы вошли в знаменитый отель — и я опешил. Центральный холл был сделан в виде гигантского шатра высотой в три-четыре этажа, с люнетами-оконцами вроде чердачных; по сторонам его вились лестницы и балконы, сделанные из нарочито искривленных стволов деревьев, а посередине торчал чудовищной величины камин, который, наверное, мог бы войти за размеры в книгу Гиннеса. Полное впечатление, что ты в гостях у великана. Пожить в таком месте — память на всю жизнь, не слабее, чем от самого Йеллоустана. К тому же, в справочнике говорилось, что из номеров 175 и 176 особенно дивный вид на гейзер Олд-Фейзфул и прилегающие вулканические страсти. Правда, такое удовольствие стоит 345 долларов за ночь, но и в обычном номере было бы здорово.

Не тут-то было! Вопреки Мишиным надеждам на будний день, все номера оказались забиты. Забитыми оказались и остальные гостиницы парка, да что гостиницы — в кемпграундах не было ни одного свободного места! Это нас вовсе ошарашило. У нас была с собою палатка и спальные мешки, однако в Америке не встанешь где ни попадя, как в России, — только в кемпграундах, где для каждой палатки отведено место с кострищем и баком для мусора, который не сможет повалить или открыть медведь. Я пользовался таким местечком во время поездок со своими родичами по парку Лассен и был так сильно поражён этой картиной, её контрастом с нашими студенческими бивуаками в России, что всё искал повода поведать об этом поподробнее российской публике. Если б нас пустили в кемпграунд на этот раз, я не преминул бы сладострастнейше весь его описать. Но коль не пустили, ограничусь этими словами.

Вот когда Миша пожалел, что мы не остановились в “Весте” (я же, разумеется, втайне порадовался: наши шансы вернуться через мормонов возрастали). Миша, однако, человек слишком бывалый, чтобы ему дали от ворот поворот. Конечно, он выбил нам номер, но не здесь, а в туристской деревушке Грант-Виллидж. Она была неподалёку, но на самой южной стороне парка, откуда начинается выезд из него на юг, в парк Гранд Титоне (я уже потирал руки втайне).

Перед тем, как отправиться туда, Миша повлёк нас осматривать вулканические чудеса возле гостиницы (сколько в нём энергии, залюбовался я, — залюбовался, как Шварценеггер Де Витой в моём любимом фильме “Близнецы”). Как-никак, а именно здесь лежит так называемый Верхний гейзеровый бассейн, в котором располагается

почти половина из 300 местных гейзеров. Правда, мы осмотрели только южную оконечность этого бассейна, который тянется на северо-запад примерно на три-четыре мили, но и этого нам хватило для общего представления, потому что тут были и фумаролы, и грязевые вулканчики, и настоящие гейзеры вроде Бихива или Львиного. Осмотр можно совершать только по проложенным аккуратным мосткам.

Грант-Виллидж. Разбор полётов. Вечерело, в полдвятого по местному времени было уже всего 58 по Фаренгейту. Мы отправились в Грант-Виллидж, названную так ради Уллиса Гранта, в чьё президентство и был создан Йеллоустонский парк. Деревня расположена на берегу Йеллоустонского озера на высоте 7782 фута (координаты? А вот они: 44°23'23" северной широты и 110°33'18" западной долготы). Это непримечательное сборище домиков, которые мыши русскому глазу, но американскому давно отдают мылом, потому что такие "избы" натканы по всем американским паркам. Полученный номер привёл Мишу в ярость: за приличные денежки нам дали какой-то пенал без телевизора и кондиционера. Удивлён был даже я — я, почётный постоялец захудалых студенческих общаг в глухой российской провинции, где за последние 25 лет мне пришлось провести примерно десятую часть своей жизни во время наших университетских практик (надо же, в сумме это больше двух лет, как представишь — так и больно и смешно; если же по чести, то я этим горжусь).

В тот день на нас напала страсть объясняться по поводу разочарования Йеллоустоном. Это делало нам честь, потому что, по моим наблюдениям, мало кто готов признаться себе в разочаровании, попав в место с мировой репутацией, а из тех, кто признаётся, почти все встают в позу наплевателей: подумаешь, мол, чем тут любоваться-то, я же не козёл наивный, как вы все. Миша сказал, что виною российская привычка всё сравнивать, а зачем это делать, когда тут действительно красиво, безотносительно Камчатки. Я же заподозрил, что дело в чрезмерных ожиданиях, притом слишком упрощённых, настроенных на сплошные "ах". Главное — мы недостаточно знаем про это место и слишком уповаем на чистое зрелище.

Действительно, стоило почитать хоть чуть-чуть из брошюр, которые нам дали на въезде (недаром даже он платный — по 10 баксов со взрослого), и из путеводителя, как меня стало засасывать сознание того, что мы находимся в гигантском жерле вулкана. Да что там вулкана — в жерле последствий геологической катастрофы, которой, возможно, не было аналога в предыдущей истории Земли. Эта часть земной оболочки долгие миллионы лет была одной из самых спокойных, а примерно 2 миллиона лет назад её вспучило и потом разорвало под страшным напором раскалённых недр. В небо вылетело

600 кубомиль пепла, который теперь находят в Калифорнии, Айове и на берегу Мексиканского залива. Наверное, климат всей Земли походил на долгие годы, пока пепел не осел окончательно. Недаром именно здесь находятся 40% всех гейзеров Земли. Ну и что, что они разбросаны на громадной территории: это же следствие громадности самого происшествия, тоже своего рода объект туризма рекордной величины.

Немалую роль играет и удача. Гейзеры, как правило, бьют лениво, чуть-чуть, явно халтура, только два-три из них готовы радовать глаз постоянно. Если повезет, то увезёшь потрясающие впечатления о рёве, смраде, неистовстве недр и тому подобном, но это случается редко. Приходится переключаться на “сайтсинг” исторического типа: смотришь на пустынные руины и поражаешься рассказу гида о том, что здесь тыщу лет назад кипела цивилизация.

Всё говорило о том, что в Йеллоустон надо “въехать”, как сказали бы мои студенты. Это вовсе не то модное местечко с кричащими небывалостями, которые настолько типичны для Америки, что там, как мне казалось, вообще разучились различать полутона, лепить опыт из лепета и так далее. Словом, я подумал об Америке хорошо. Если американцы гордятся таким сложным, неброским вроде бы парком, то это свидетельствует об их собственной достаточной усложнённости.

Миша добавил, что в американском быту Йеллоустон славится не только гейзерами и даже не столько ими, сколько медведями, которые многократно воспеты в детских книжках, комиксах и тому подобное, притом в неизменной привязке именно к Йеллоустону. Справочники налегали на фауну вообще, сообщая, что тут крупнейшее в мире, в две с половиной тысячи голов, стадо бизонов, пасущихся на воле, и крупнейшее стадо оленей-элков в тридцать тысяч голов. Это нас приободрило, особенно Тиму, которого неподвижные объекты мало развлекают, и он обычно лежит поверх походных вещей на самой корме “акуры”, читая забойный роман “Дюна”. Предвкушение встречи с фауной сделало особенно осмысленной покупку Мишей туристского тура на следующий день. Туру предстояло начаться в восемь утра и завершиться только к четырём вечера.

День четвертый. Тур по Йеллоустону. Естественно, встали мы в точности, как и раньше, минута в минуту — то есть ни свет ни заря, и отправились в столовку. Там встретили Катю — московскую студентку из модного вуза по международной торговле и финансам имени Грибоедова (надо же, какие аллюзии для института со специализацией по международным делам — прямо общежитие имени монаха Бертольда Шварца!). Катя работает за стойкой бара. Она прибыла сюда тропой, которая мне уже была известна по одиссее моего студента по

имени Витя Саксон. Этой тропой молодые российские студенты приезжают в США как бы подработать, но главная их цель — поднатореть в английском языке и понюхать американского пороху. Никого пока не знаю, кто использовал бы такую тропу, чтобы вообще слинять; может, пока принимают? И правильно делают. Саксон — так тот вообще забил на эту идею по возвращении. Я поинтересовался, не скучно ли в такой дыре, но Катя бодро ответила, что всё же ездит в Город — таковым, к моему изумлению, оказался не Солт-Лейк-Сити, а монтанский Биллингс. Йеллоустон в зоне тяготения Биллингса! Это меня окончательно убило, и я посмотрел-таки атлас Ренд-Макнелли насчет людности этого городишки. Надо же — сто тысяч! Shame on me, сколько всё же во мне накопилось ложного знания и полужнания о США. Печаль и скорбь!

Экскурсоводом оказалась девушка, только что окончившая университет в Коннектикуте. Она сама вела автобус по непростым дорогам и одновременно говорила об окружающих красотах, что непросто, но, наверное, именно поэтому приносит ей неполохой приработок перед тем, как заняться основной своей профессией (кажется, что-то по биологии). Маршруты по Йеллоустону простые. Хорошее шоссе описывает в парке некую восьмерку, две петли — северную на 80 миль и южную на 96 миль. На каждую нужно, с остановками, по дню. Мы решили выбрать южную, “нашу”, а на северную не хватило ни времени, ни, честно говоря, запала. Сейчас-то я жалею, что не поехали потом и по северной петле — там похуже с гейзерами, но полно отменных водопадов, но в тот роковой день всё же сказалось наше стартовое разочарование. Особенно досадно, что мы не увидели травертиновых каскадов на горячих источниках Маммоз: судя по открыткам, очень красочное зрелище, просто не веришь своим глазам (а именно в таких случаях личное свидание особенно ценно).

Сначала мы долго ехали вдоль Йеллоустонского озера, но оно было от нас справа, а оттуда лупило утреннее солнце, и мы видели только контуры, словно кулисы. Зрелище сильно теряло из-за обилия горелого леса. Так и не удалось привыкнуть к этим печальным седым скелетам — уж больно непохожи они на наши горелые леса с их обугленными стволами, благодаря чему сразу видишь, в чём дело. Правда, повсюду под скелетами яркая зелень молодки, не больше метра, но господствует всё же серый цвет. К тому же заповедный лес не убирают, между стволами полно мусора, и сразу понятно, что тут босиком не походишь, а в моих глазах это очень большой минус. Вдобавок и погода испортилась немного. Вчера день был безмятежно ясным, а сегодня небесное око затянуло плёнкой плоских стратосферных облаков, и краски несколько померкли.

Остальные же впечатления разбиваются четко на три группы: сначала животные, потом водопад с каньоном и уже потом, по значимости, гейзеры.

Бизоны, элки, гризли. Уже в 9.30 мы увидели бизонов, притом сразу стадо штук в пятьдесят. И не просто увидели, а чуть не потрогали их. Мало сказать, что они подпускают человека совсем близко. Они просто совершенно равнодушны к его присутствию — то ли потому, что давно не видели от него вреда, то ли из-за того, что они гораздо крупнее. Однако бизоны оказались значительно меньше, чем я ожидал, — пожалуй, даже помельче наших зубров. Пишут, что это следствие смещения горных (местных) бизонов с равнинными (привезёнными по неосторожности человеком из самых добрых чувств). К тому же они сильно линяют в августе, и вид бизонов был крайне неопрятным из-за свисающих клоков не совсем отпавшей шерсти. У них не разглядишь глаз, поэтому для меня они остались животными в себе, мрачными глыбами плоти какого-то геологического возраста и облика. В телятах, которых тут полно, есть своя прелесть, но даже я в детстве был прелестен. Путеводители всячески заклинают не подходить к ним близко, потому что бизоны-де свирепы и агрессивны, но эти предупреждения излишни: и вид, и поведение бизонов говорят сами за себя. Когда мы стояли на обочине в пяти метрах от стада, два бычка не ладили, стали бодаться, один струсил и затрусил прочь, другой за ним — и оба прямо мимо нашего автобуса поперёк шоссе, забитого машинами!

Потом мы видали столько стад, что перестали выходить из автобуса, он только приостанавливался, чтобы дать нам возможность разглядеть детали. А какие там детали — главное, что поражало, так это неисчислимое их количество на равнинах, хорошо обозреваемых из автобуса.

Уже после водопада мы застали стадо элков совсем у самой дороги. Они медленно и грациозно переходили небольшую речку, подпуская нас практически вплотную. Ближайшая ко мне коровка щипала траву, игнорируя меня просто по-хамски; на шее у неё болталось что-то вроде ботала, но Миша сказал, что это радиомаяк. Я пытался втянуть его в обсуждение того, что они просто не знают, что мы разумны, и что сами мы, возможно, не различаем в окружающей природе присутствие кого-то несоизмеримо более разумного, чем мы, но эта тема взволновала только Тиму, да и то не сильно. (Что-то у меня всё время идут внутренние рифмы: тема — Тима, болталось — ботало, струсил — затрусил, но это я не нарочно — просто привык слышать то, что пишу, и одно слово тянет другое из памяти прямо по звучанию).

Всё это, как говорится, впечатляет, и сильно. Сначала появляются аналогии с зоопарком — там тоже видишь животных вплотную. Однако потом быстро понимаешь, что там хозяин ты, а здесь — они, и

что сходство только в том, что и там, и тут ты их разглядываешь, а они тебя видали в гробу. Полное ощущение, что ты в настоящих гостях у Матушки-Природы, и это не только умиляет, но и тревожит как-то инстинктивно — будто ты наглый блудный сын и тебе, того гляди, дадут подзатыльник, если Матушка разглядит глазами какого-нибудь элка, что ты, наконец, объявился из своего греховного далёка. Именно стоя перед элками, я почувствовал, что печален, и очень этому удивился. Запомню это навсегда.

Увы, мы так и не увидели мишек. Это тем более досадно, что Мишу зовут Мишей и что Тима с младенчества просто боготворит это животное. Нам сказали, что сейчас слишком жарко для гризли, который отлёживается в холодке. А ведь в начале прошлого века каждый зрячий мог видеть гризли десятками, потому что они постоянно толклись на открытых помойках возле отелей и кемпграундов. Увы, в 1970 году все открытые помойки сожгли и уничтожили, завезли помойные баки, недоступные для медведей. Между прочим, в последующие три зимы десятки гризли погибли от голода, потому что разучились добывать себе пищу естественным путём. Рейнджеры, работники Йеллоустонского парка, не без труда добились восстановления поголовья, и теперь оно оценивается в 300-500 голов (некоторые утверждают, что их 600). Увы, ни один из них не вышел, как бывало раньше много раз, к дороге, не встал поперёк движения, не попытлся испугать ребёнка. Кстати, насчет испугать: по статистике, за последние 20 лет в парке насчитано 22 увечья людей, причинённых гризли, но это всего единица на 2,1 млн. посетителей! Есть два смертельных случая, но это — по причине слишком близкого подхода к медведицам с пестунами.

Не увидели мы и волков, которых тут стало уже около 170 особей, а до 1995 года не было ни одного, потому что их истребили в нелепой заботе о сохранности копытных. Нынешние стаи сложились из дюжины особей, завезенных из Канады, всего за полдюжины лет. Газетка, выданная нам при въезде, содержала информацию, которая меня поразила. Какая дотошность в лесянии Природы! Все волчьи стаи не только известны, но и закартированы, их “первые лица” радиомечены и носят клички или номера, за потраву скота фермерам выплачиваются деньги (с 1995 года — 46 тыс. долларов).

Водопад и снова гейзеры. Река Йеллоустон впадает в Миссури и тем самым отдаёт свои воды Атлантическому океану, а не Тихому. Большой континентальный водораздел пересекает парк меридионально, и на обратном пути мы, конечно же, снялись на фоне соответствующего природоохранного плаката. Тиму долго занимало это свойство соседних дожлин: одной предстояло течь в один океан, а другой — в другой, хотя падали они на Землю бок о бок. Так вот, река Йеллоустон прорыла в

вулканических породах парка отменный узкий каньон с отвесными стенами, добротное подражание колорадскому Гранд-Каньону. Украшение его — шикарный водопад. Это, наверное, самое снимаемое место в парке после Олд-Фейзфула. Мы смотрели на него с площадки поодаль и несколько сверху, скрадывая себе восприятие его высоты. Об этом свидетельствует такой эпизод. Мы с Тимой начали было ехидничать в адрес его отца — мастера спорта по водному туризму: мол, это ему не пороги фиговые, тут бы он наверняка струсил. Тут подошёл сам мастер спорта и, не зная нашего разговора, сказал задумчиво, что такие водопады он проходил сто раз без особого риска, потому что расход воды здесь, на глазок, 30 кубометров в секунду и внизу не образуется опасное завихрение “бочка”; на одной нашей алтайской речке Башкауз, по его словам, больше дюжины таких водопадов. Мы с Тимой приуныли, но потом я узнал, что высота-то водопада — сто метров, и когда я сказал об этом Мише, он взял свои слова обратно.

А в тот день я в который раз с досадой подумал о том, как необходима моя прекрасная родина. Все эти Башкаузы могут увидеть только сотые процента российского населения, потому что только они обладают сноровкой и здоровьем для преодоления жутких лишений на пути к этим самым красотам. А здесь к ним проложены отличные дороги. Вспомнилась история с гигантским потухшим вулканом Лассен высотой 10 457 футов: в прошлом году Миша и Саша буквально “сбегали” на него за три часа, потому что до высоты примерно в 7 тыс. футов идёт первоклассное шоссе.

Наконец, гейзеры. Мы на них уже насмотрелись давеча, но всё же вылезали прилежно вместе со всеми и ходили по мосткам вокруг kloчкующих земляных котелков. Меня больше поражало обилие народа — просто паломничество какое-то! И это в будний-то день. Притом встречались все возрасты, все расы, а не то что престарелый туризм вкупе с детьми на каникулах. Тиму просто достала статистика о гейзере, который являл собою ворчащую огромную лужу с рыжими берегами, но на самом деле лужа была обширным жерлом, через которое, когда гейзер разъярится, выходило какое-то несусветное количество воды — кажется, 4 млн галлонов в минуту, по словам экскурсоводши из Коннектикута. Гейзер действовал в такие периоды по 45 часов, и Тима, шевеля губами и морща лоб, долго подсчитывал, сколько же это “несусветное” составляло за такой срок — всё время выходила цифра, соизмеримая с объёмом озера Байкал, что немислимо.

В Гранд-Титонс. Номер нам дали только на одну ночь, и Миша был вынужден искать жильё за пределами Йеллоустона. Ближайшим к нам ночлегом оказалась гостиница Сигнал-Маунтин в соседнем парке Гранд-Титонс — соседнем с юга! А это значит, что мормонов

и Солт-Лейк-Сити нам уже не миновать. Туда мы и отправились сразу после экскурсии (где-то около пяти вечера), потому что номер свой сдали еще утром.

Мы еще не выехали из парка, как местность стала снижаться, и Миша обратил мое внимание на то, как часто стали попадаться лиственные деревья, как хорош стал подлесок. Между Йеллоустонским парком и парком Гранд-Титонс есть некоторый зазор, его скупил не слишком давно Джон Рокфеллер и подарил государству, но сам, шельмец, всё же оставил в нём свои немалые имения — а всё потому, что питал надежду подмять туристский бизнес к югу от Йеллоустона. Именно он и построил комплекс Сигнал-Маунтин, но потом всё же сдался и продал всё это конкурентам.

Именно тут Миша решил свернуть по навигатору, как именно добираться нам домой. Я затаил дыхание. Навигатор не подвёл и невозмутимо начертил маршрут через Солт-Лейк-Сити. Миша опешил, хотя совсем не так сильно, как я ожидал. Авторитет навигатора был для него непререкаем. Он погонял его ещё несколько раз, прочитал все от Веста — да, оттуда надо было возвращаться старой дорогой, посмотрел от Грант-Виллидж — да, через мормонов. Наверное, мормоны в Айдахо-Фоллс всё же оставили в Мише приятные воспоминания, и перспектива снова полюбоваться ими примирила его с лишними километрами. Я объяснил ему, что мы здорово сдали на юг, и если бы мы заранее планировали посмотреть Титон, то уже дома убедились бы, что возвращаться надо через Солт-Лейк-Сити. Про себя же я возблагодарил провидение за то, что не вылез с этим вариантом дома: тогда Миша наверняка бы отказался ехать в Титон, а свернуть его с принятого решения, даже если оно вздорное, почти невозможно (он называет это твёрдостью характера).

Гранд-Титон. Первое свидание. Долгая поездка по милым, но не примечательным местам убаюкала нас, мы забыли, где находимся, как вдруг — АХ! — мы вылетели на берег озера Джексон, и перед нами разверзлась картина Гранд-Титона — торжественная гряда красавиц-вершин, стоящая справа, за гладью озера, как бы в профиль; одна вершина выглядывала из-за другой, как Энгельс из-за Маркса. Прямо обухом по голове. Челюсть отпала и со стуком ударилась о грудь, и последующие двенадцать часов оставалась в таком положении даже во время сна. По мере продвижения нашего на юг гряда постепенно и степенно развёртывалась к нам лицом. Солнце стояло у нее за спиной, поэтому мы видели только очертания, но что это были за очертания! Словно зазубрины разбитого в сердцах стекла. Даже Мишу это разобрало, хотя он и пытался что-то бормотать насчёт виденного им на Памире и Тянь-Шане.

Озеро Джексон-Лейк — это водохранилище в верховьях нашей старой знакомой реки Снейк, устроенное ради улучшения полива картофельных полей далеко внизу по течению. На этот счёт в Америке было много споров, вроде наших дебатов о Катунской ГЭС, но здесь победили строители. Мы подъехали к плотине вплотную. Она невысока, но смотрится отлично, потому что из-за неё выглядывает Титонская гряда. Миша, как ему и положено, ворчал на плотину — руки, мол, прочь от природы, а мне озеро показалось вполне уместным, оно очень шло Титону — уж наверняка больше, чем засушливая и бурая долина Снейка в прошлом.

Гостиница Сигнал-Маунтин оказалась комплексом избушек, одну из которых мы и сняли. Очень мило. Я прежде никогда так не ночевал в Америке, хотя слышал о подобном не раз. Бревенчатая хижина с псевдодомоткаными одеялами и скатертями, с нарочито громоздкой мебелью; маленькие окошки глядят куда попало. Однако есть всё, что надо. Само же место просто лакомое. С веранды главного здания, где есть внятный чертёж окрестностей, — самый роскошный вид на Гранд-Титон, анфас, поверх озера, наполненного яхточками. В вечернем свете озеро красиво само по себе. Тут же магазинчик сувениров с хорошим подбором открыток, и здесь я купил паловскую (то есть для воспроизводства в Европе) кассету с видовым фильмом про сей парк (сроду такого не делал, но предвкушение того, как я в истерическом восторге показываю это в Москве, заставило преодолеть сомнения, а также заплатить двадцать долларов).

Я вычитал в путеводителе, что тут есть подъём на самую Сигнальную гору, откуда-де отличный обзор. С трудом, но уговорил Мишу съездить туда (у нас кончался бензин), и мы не пожалели. Правда, обзорная площадка на вершине повернута к гряде Гранд-Титон не лицом, а боком; видна только главная вершина в 13 тысяч футов, зато есть невероятный по величественности вид на долину реки Снейк, уже вышедшей из озера Джексон-Лейк. Река тут змеится самым элегантным образом, и грациозная её излучина на фоне Гранд-Титона стала, судя по открыткам, самым снимаемым сюжетом в этом парке. Нам же не повезло, солнце категорически мешало видеть знаменитую гряду. Судя по описаниям, сложилась мода ходить сюда на самом восходе и самом закате.

Вечером сел было читать про парк, но Миша, вернувшись после кормёжки Тимоши, погнал меня на улицу любоваться окрестностями в лучах заходящего солнца. И слава богу, а то я упустил бы едва ли не самое главное. Всё заволоч почти багровый сумрак, вода засветилась тем же цветом, отражая закатное небо, розовые штрихи изысканно легли на свинцовую уже поверхность озера. Мне вспомнилась чем-то похожая (изысканностью?) картинка, которой мы мно-ого лет

назад любовались с Ритой Бондаревой, Катиной матушкой, на озере Неро, в Ростове Великом: та же благородно-серая гладь, штрихи многочисленных плоскодонок у берега, покой и величие. Кулисой для той картины служил смутный силуэт Алексеевского монастыря, а здесь — гигантская громада гор, иззубренность которой разила глаз как никогда, потому что только она и была различима на фоне ещё светлого неба, детали же потонули во мраке.

Такие зрелища всегда навевают на меня подозрения, что природа что-то хочет сказать — настолько её облик становится выразительным. Но что она хочет сказать? Я с юности запомнил слова Гейне из “Путевых картин” — любимой моей книжки той поры: “О Природа, немая дева! Как мне внятен язык твоих зарниц, эти судорожные попытки заговорить, пробегающие по твоему прекрасному лицу”. У нас в географии, с легкой руки одного немецкого классика по имени Карл Риттер, есть старая традиция полагать, что Господь устроил эту планету как обширное поучение человекам и что каждый пейзаж на ней суть отдельный конкретный урок, а также поприще для того, чтобы именно в нём предаваться размышлениям на совершенно определённую тему. В таком свете путешествия — это воспитание разных сторон духа с помощью картин Природы. Увы, в этой традиции не объясняется, почему Создатель, изготовив сей букварь, не оснастил нас соответствующей грамотностью или хотя бы догадками, как ею овладеть, так что мы палимся на эти красоты с чисто эстетическими эмоциями, не понимая, что это наглядные пособия, насыщенные особым, глубинным смыслом.

Для меня все эти переживания были особенно важны потому, что обычно мне гораздо ближе человеческие артефакты, а не исходная Природа как таковая. Я очень даже понимаю слова Пастернака, адресованные Венеции и излагаемые мною приблизительно: “И меня постигло это счастье, и мне довелось ходить на свидание с куском застроенного пространства, словно на свидание с любимой женщиной”. Дело, наверное, в том, что у меня не слишком хорошее воображение, и вполне очевидный язык архитектуры дается мне гораздо легче, чем язык Природы, для понимания которого нужна интуиция, склад визионера. Это похоже на восприятие перспективы: я очень плохо вижу левым глазом из-за катаракты и понимаю перспективу в живописи только в тех случаях, когда она резко подчёркнута какими-то средствами (как уходящие вдаль дороги на картинах Нисского или рисунок пола в “Обручении” Рафаэля). Так и здесь: одухотворённость Природы в парке Гранд-Титонс была настолько очевидна, что даже я это понял.

День пятый. Прощание с Титоном. Наутро нас ждал новый облик Титонской гряды — нежно-розовый, со множеством премилых дета-

лей, ясно видимых в чистом воздухе. Словно подняли тюлевую занавеску. Миша сделал прелестное фото Тимы на этом фоне. Даже не позавтракав, мы тронулись в очень далёкий путь, потому что нам предстояло не просто посетить Солт-Лейк-Сити, но проехать его насквозь и заночевать уже в Неваде. Трудно было себе представить, в каких контрастных местах нам предстояло побывать всего за один день, но и представлять этого не хотелось, потому что глаза и голова были заняты лицезрением Титонской гряды, которая развёртывалась справа от нас по мере продвижения вдоль неё на юг. Мы подъехали к её подножию почти вплотную, и причина очарования этих мест стала особенно понятной. Ведь Титонская гряда обрывается на восток с редкостной крутизной, да к тому же с редкостной разницей между вершинами и подножием: вершины в 12-13 тысяч футов, а долина на уровне около 6 тысяч, вот и получается разница не менее чем в два километра при горизонтальном расстоянии в считанные километры. Таких видов на Земле не так уж много. Конечно, есть и куда пошибче. Например, Арарат возвышается над своей долиной примерно на 4 километра, так же и Килиманджаро, но у них обширнейшие подножия, и такой разницей можно любоваться только издалека. А тут ты видишь эту гигантскую стену почти вплотную.

Почти забавно, что стена эта вовсе не неприступна. Трудно поверить, но на главную вершину Гранд-Титон, которая выглядит просто устрашающе из-за своей крутизны, ежегодно взбираются тысячи (именно так!) человек, да притом по большей части чистые “чайники”, которые проходят тут же, у подножия, краткий курс длиной в неделю и ценой долларов в пятьсот. По самой стене бродить так просто, что путеводители называют это “хайкинг”, а не альпинизм, именуя парком для пешего туризма. Не ходи по косогору, сапоги стопчешь — вот и вся опасность, оказывается. Зато виды оттуда, говорят, сногшибательные, хотя это подозрительно: ведь самой-то гряды ты уже не видишь, а может ли что-нибудь заменить её?

Вся эта местность славится не только живописностью, но и обилием всякого зверья вроде лосей или бизонов. Такие животные смотрятся особенно эффектно на фоне Титонской гряды — по крайней мере, судя по открыткам. Одна из них показалась мне настолько очаровательной, что я возмечтал повесить её в рамке на стене своей квартиры. Нам же удалось повстречать лишь лань на Сигнал-Маунтин.

По мере приближения к знаменитому Джексон-Хоулу гряда не столько разворачивалась, сколько сворачивалась, вид её становился всё менее внушительным, и перед Джексон-Хоулом от неё оставались только намёки на то, что предстояло впереди путнику, въезжающему в парк с юга, но не с севера, как мы. Ему предстояли нарастающие впечатления, что-то сходное с воем сирены, который начинается негромко с очень низких

нот, а завершается оглушительным визгом. Нас же, въехавших с севера, сразу — обухом по голове. Не знаю, что лучше.

Джексон-Хоул знаменит обилием домов миллионеров и миллиардеров, он очень любим такой публикой. Но дворцы эти где-то на окраинах. В местной газете дома с видом на Титон предлагаются за полмиллиона и более при скромном числе спален, и Мишу это ввело в некоторую задумчивость. Сам же городок выглядит пошлово. Вдобавок он спрятался за какой-то увал, словно стыдясь своей убогости перед лицом классического Титона.

Из Вайоминга в Айдахо. Просёлочная Америка. Отсюда мы повернули на запад. Мне хотелось ехать на юго-запад, потому что я прочёл много интересного про этот угол штата Айдахо, поскольку мне казалось, что это кратчайший путь к Солт-Лейк-Сити. Однако навигатор, оказывается, стремится как можно быстрее поставить нас на очередную междуштатную автостраду, а потому прочертил дорогу широтно, чтобы вывести на Интерстейт № 15, идущий в Солт-Лейк-Сити от знакомого нам Покателло. И мы поехали себе по третьеразрядным американским дорогам. Меня это крайне радовало — словно разрешение заглянуть Америке за занавес, да и Мишу не очень расстроило, потому что качество дорог в этой стране предельно высокое даже в такой глухомани, а машин тут почти нет, так что вождение лёгкое.

Не только машин, но и людей тут очень мало. Мы едем вдоль того же пресловутого Снейка, вокруг только крошечные городишки да пастбища, но дорога по-прежнему очень ровная, ибо местность вполне равнинная — если, конечно, не считать довольно высоких гор по обочинам снейковой долины. Вид у местности вполне буколический, это отнюдь не невадские пустыни. Голого грунта не видно, трава хоть и жёлтая, но вполне пригодная для скота даже на вид. Виденное два дня назад в той же долине, но ниже по течению, убеждает, что американцы и эти места легко могут превратить в зерновые житницы, если будет спрос на зерно, — стоит только организовать дождевание, а Снейк к этому привычен, как никакая другая река, наверное. Мишу тоже это завораживает, он периодически начинает восклицать: “Сколько же народу еще сможет вместить Америка”!

Нас поражает сочетание высокого класса дороги и совершенной её пустынности. Когда мы свернули в национальный лесной заказник Карибу (он назван так не в честь северного оленя, а по прозвищу одного местного траппера), то первая встречная машина попалась только после первых девяти (!) минут, а вторая и вовсе не встречалась гораздо дольше. Для кого же поддерживают такие роскошные дороги? Вспомнилась книжка, подаренная мне много лет назад моей американской подругой Крис Бакнер — “Голубые шоссе”. Речь в ней идет

о путешествиях по самым просёлочным дорогам страны, которые в атласах рисуют голубыми линиями, словно вены на плоти Америки. Ездить по ним считается неким особым приключением, и по многим из них, судя по этой книжке, за год проезжает не более сотни автомобилей. Это надо же!

В 8.40 мы, наконец-то, расстались со Снейком. Перед этим река пропилила в меридиональных горах приличное ущелье, из гордости проложив себе путь на северо-запад, а не в бессточные озера Большого Бассейна, и на дне ущелья образовала добротный каньон, который популярен у водных туристов. Наш путь лежал строго на запад по совсем уже пустынным дорогам, блуждающим по пшеничным полям и пастбищам. Они привели нас в Сода-Спрингс — приличный и вполне процветающий, судя по добротным домам, городишко. Его главная достопримечательность — рукотворный гейзер, который ударил из неаккуратно пробуренной скважины, но мы не стали к нему сворачивать (чем он нас удивит после Йеллоустона-то?), зато при въезде вдоволь налюбовались здоровенным фосфатным заводом Монсанто при фосфоритном карьере. Я и не знал, что фосфатное сырьё добывается в Америке за пределами Флориды. Так и потянуло вылезти, договориться с начальством и провести здесь экскурсию своих студентов; спасло только то, что студенты остались дома, и спасло капитально.

В Сода-Спрингс мы встретились с рекой Бивер, которая отрезает от Айдахо, лежащего в тихоокеанском бассейне, кусок бессточности, потому что начинается она в Юте и там же заканчивается в Большом Солёном озере, сделав перед этим петлю по соседнему штату. Здесь знакомые по среднему Снейку картины: угрюмая полярная целина и, впритык, тучные пшеничные нивы под дождеванием, а также, разумеется, картофель со своей сочно-зелёной ботвой.

Наконец, мы врзались фронтально в горы. Это было знаменитое ответвление Орегонской тропы, по которому идущие в Калифорнию пытались обогнуть Большое Солёное озеро. Собственно, здесь и началась настоящая Калифорнийская тропа, потому что прямой путь Доннера через соляные пустыни не нашёл особых раздражителей. Сверху открывался вид на вполне цветущую долину — все ту же смесь пшеничных и картофельных полей, вкрапленных в пастбища и полярную целину; вот только людей не хватало. Так мы простились с просёлочной Америкой, потому что за перевалом нас ждала Интерстейт-15, после которой до самого Траки нам предстояло ехать только по автострадам.

Интерстейт № 15. Уже в 10.40 мы встали на Интерстейт № 15 — какая рань! Пара часов после Титон-парка — и мы совсем в другой стране. Нам ехать налево, а направо, в сторону Покателло, открылось место, весьма примечательное геологически и гидрографически: имен-

но тут во время Уже в 10.40 мы встали на Интерстейт № 15 — какая рань! Пара часов после Титон-парка — и мы совсем в другой стране. Нам ехать налево, а направо, в сторону Покателло, открылось место, весьма примечательное геологически и гидрографически: именно тут во время да идет по левому её борту, и нам открываются милые виды на мирную жизнь внизу.

Главное, что меня занимало, так это переход из Айдахо в Юту. Он состоялся в 11.17 как бы сам собою, и это разочаровало меня, но вскоре я заметил, что становится всё суше и суше, притом довольно быстро, горы лысеют, местность становится какой-то неприбранной, а тут ещё и жара достигает апогея (94 по Фаренгейту), даже горы справа начинают подёргиваться синим маревом. Опять, по-видимому, прямая линия границы между штатами фиксирует естественный переход. Потом я стал с замиранием ждать появления Большого Солёного озера, но оно долго-долго не давало о себе знать, хотя по карте было давно пора. Вот уже слева начались нешуточные горы, суровые, мрачно-чёрные — это хребет Уосатч, под которым лежит основная страна мормонов; надо было быть большим оптимистом, чтобы у подножия такой угрюмости сказать, как Бригем Янг в 1847 году: “This is the place”, — и сделать жест рукой, как бронзовый Юрий Долгорукий напротив Моссовета. Вот переехали реку Бивер, вдоль которой мы пилили всего два часа назад, тут она совсем ещё маленькая, не шире десяти метров. Вот уже и Огден, большой мормонский город на пять-шесть разъездов — экзитов, в нём мы после некоторых приключений нашли книжный магазин всемирно известной цепи “Барнс энд Ноблс”, чтобы я купил путеводитель по Юте (типичная спесь географа — покупать путеводитель именно в том месте, которому он посвящён, — а надо бы заранее, гораздо заранее!). Ненавижу “Барнс энд Ноблс” — у них нет раздела “География”.

Лица у Огдена я так и не разглядел, и это заставило географа во мне лишний раз с горечью посетовать на эти интерстейты. Мчишься по ним с гигантской скоростью — сильно за 100 “кэмэ” в час, и тобой овладевает иллюзия господства над пространством. Главный ориентир — не километровые (милевые) столбы, тем более что они практически не видны — такие крохотные, не то что в России, а номера экзитов, то есть разъездов, поскольку они аккуратно пронумерованы и на карте. Величину города начинаешь определять (что неверно) по тому, сколько ему посвящено экзитов: у Элко их три, у Баттл-Маунтина один, у Огдена шесть.

Однако всё это глюки. Как говорят студенты: если видишь в небе люк, ты не бойся, это глюк. Интерстейты — это дырки в Пространстве, которые оно уступает человеку как бы с иронией, потому что основная его плоть остаётся недоступной с этих автострад. Это труба,

из которой выбраться можно только на экзитах и вокруг которой воздвигнуты стены, непроницаемо отделяющие автомобилиста от реального Пространства, не считая неба. Кое-где это стены в буквальном смысле (особенно часто я встречал их вокруг Вашингтона — это противозумные барьеры), а в остальных случаях, если речь идёт о населённой местности, тебя отгораживает от реальной Америки совершенно стандартный, одинаковый для всей страны набор мотелей, закусочных, заправок и шоппинг-центров. Наверное, это страшно удобно, но в то же время — страшно скучно. Такой, видите ли, сплошной Твин-Фоллс. Всё это пестрит и выглядит, особенно при большой скорости, как-то неприбранно. Словом, езда по интерстейтам — чистый бобслей: скорость огромная, а видишь только носки собственных ботинок (в данном случае — зад передней машины).

Интерстейты не только изувечили облик Америки эстетически, они извратили смысл этого облика. Одинаковость их среды внушила представление о том, что страна стала одинаковой, она вдолбила это и американцам, и — уж тем более — пришлым туристам. Я не знаю точных цифр, но подозреваю, что на интерстейты приходится две трети поездок между городами, поэтому именно по виду с интерстейтов американец судит о том, как выглядит его страна сегодня. Между тем, это, повторяю, трубы, туннели в теле страны — так и хочется сказать — кишки, а применительно к автострадам — прямая кишка. К сердцу, легким, а тем более к душе это не имеет отношения.

Меня удивляет, что не нашлось человека (градостроителя, инженера, художника), который нашёл бы какое-то приемлемое эстетическое решение этой проблемы — ну, скажем, как супермаркеты — моллы решили проблему торговых кварталов. Тут нужен какой-то фантазёр, который найдёт особо крупные формы, способные охватить не просто очень большие пространства, но пространства, обозреваемые на большой скорости. Нужны мазки малярной кистью, но рукою Леонардовой. Я не стал тревожить этими соображениями Мишу, потому что подозревал его ответ: мол, кого это заботит в Америке? Вид как вид, лишь бы было удобно. Но некрасиво — значит неудобно, ответил бы я, а Миша пожал бы плечами — вот и вся дискуссия.

Большое и очень Солёное озеро. Наконец в 11.50 Солёное озеро мелькнуло впереди справа, показалось голубой полоскою и снова исчезло за увалом. Ничего, подумал я, сейчас выскочим на берег, и я налюбуюсь. Не тут-то было! Больше я его почти и не видел, хотя ехал вплотную, — а всё потому, что озеро заключено в громадные валы. Оказывается, оно медленно, но сильно меняет свой уровень по не вполне понятным причинам. Даже в течение года его уровень может измениться на 20–45 см, а в долгосрочном смысле перепад может достигнуть нескольких метров!

В 1960-х уровень начал стремительно падать и достиг небывало низкой абсолютной отметки в 1257 метров над уровнем моря, вследствие чего площадь озера сократилась просто драматически — с 6400 (это максимум) до 2300 кв. км. Просто Арал какой-то! Как и в Узбекистане, падение приписали разбору впадающих рек на орошение, а поскольку от орошения никто не думал отказываться, высохшее дно принялись активно застраивать, благо прямо к озеру с востока подходили крупные города. Однако в 1982 году озеро внезапно пошло в рост и к 1987 году его уровень поднялся на 4 метра. Мормоны помешаны на истории, особенно своей собственной, и они хорошо помнят, что в 1873 году, ещё при жизни их второго пророка Бригема Янга, разлив озера был просто катастрофический, а потому спешно начали принимать меры. Ведь вода стала затапливать и дома, и фабрики, и аэропорт, а заодно и несколько природных заказников по охране птичьей фауны. Мало того, что построили дамбы, но создали ещё и перекачку воды из озера в пустыню на западе — вроде как восстанавливали древнее озеро Бонневиль.

В январе 1987 года озеро достигло рекордной абсолютной отметки в 1263 метра — и разлив прекратился, однако дамбы по-прежнему закрывают вид на озеро с востока, и только с повышенных участков города оно видно достаточно хорошо. Вид у него вполне симпатичный, но это глюк. Вода в озере невероятно солёная — во много раз солонее морской, и только палестинское Мертвое море превосходит в этом ютскую солёность. На вкус вода омерзительна, потому что помимо простой соли содержит кучу фосфатов магния, кальция и другой дряни — всего около 28% твёрдого. Естественно, что тут идёт активная добыча подобных элементов — по счастью, на северной оконечности озера, вне видимости населением и туристами.

Солт-Лейк-Сити. Мы приближались к Солт-Лейк-Сити с некоторым трепетом предвкушения встречи с необычным. Как-никак, а столица 12 миллионов мормонов, самой необычной из крупных христианских сект. Вообще-то трепет был не очень уместен, потому что хотя мормоны и создали этот город, но сейчас составляют в нём едва ли десятую часть населения, так что вряд ли можно было ожидать, что в его облике мормонская культура будет господствовать.

Въезд в Солт-Лейк-Сити с севера (13.15) был весьма будничным, это явно был промышленный район: заводские корпуса не из самых опрятных, хранилища, скромные жилища. Благо у нас был чудонавигатор и хороший план — мы быстро выбрались к самому центру, а его занимает главная (и единственная?) достопримечательность города — площадь Темпл. На ней, за высокой жёлтой стеной (правда, с распахнутыми воротами) расположены главные святыни “святых последнего дня”.

Мы запарковались и отправились было в японский ресторан, но у них странное обыкновение закрываться где-то в два пополудни, то есть в разгар обеденного перерыва. Мы ошиблись со временем, потому что подзабыли, что тут всё на час раньше нашего калифорнийского (как, впрочем, и в Айдахо и Йеллоустоне — просто не привыкли). Пришлось есть в шоппинг-молле, обычном, как во всей Америке, и здесь я оценил эту обычность глазами американца: где бы ты ни был, тебе всё знакомо, словно ты дома, и ты находишь нужное, что называется, с закрытыми глазами, не перегружая психику, которая остаётся, тем самым, свободной для поглощения того, что здесь действительно достойно внимания.

На улице стояла страшная жара — за 90 по Фаренгейту. Улицы, как я и ожидал, были широковаты; как известно, Бригем Янг велел делать улицы такой ширины, чтобы на них могла развернуться фура с двумя волами в упряжке. Меридиональные улицы всегда выходят на кряж Уосатч, который нависает над городом, как бы постоянно присутствует в нём, и уже это делает город узнаваемым на открытках.

Площадь Темпл оформлена под оазис в пустыне: в ней всё зелено, тенисто, даже прохладно, есть несколько фонтанов; в одном купалась собака, и это сильно смущало мормонских экскурсоводов, особенно моя попытка сие фотографировать: благостная атмосфера нарушалась, а насильничать даже над собакой что-то им мешало — то ли вера, то ли верность сценарию спектакля под названием “Радушие, радушие и только радушие”. Везде чистота кристальная, от неё меня всегда воротит, потому что она обезжизнивает среду категорически, превращая её в свалку декораций, как бы изящно они ни были расставлены. Гвоздь программы, конечно, Темпл с неизменным Моронием наверху. Издали он смахивает на Вестминстер, но вблизи ничуть не похож — суше, строже, мрачнее, несмотря на то, что гораздо светлее. Туда, естественно, никого не пускают, кроме самых посвящённых; по словам одного молодого мормона, с которым я в 1987 году боролся за мир в походе по Украине, туда допускают только тех мормонов, которые привели в церковь двух новообращённых (отсюда, видать, такая агрессивность мормонских миссионеров). Ноги сами понесли нас в самое знакомое по внешности здание — церковь, и зря. В ней было мало необычного — христиане всё же, но из-за неё нам не хватило времени на загадочный табернакль — гигантский зал собранный для песен, проповедей и молитв. Судя по открыткам, это внушительнейшее зрелище.

Согласно рекламе, здесь проводятся экскурсии на 32 языках. И в самом деле, нас тут же снабдили русскоговорящей мормонкой. Ею оказалась девушка из Дилиджана, тоненькая и бровастая. С ней почему-то пришла и вторая мормонка, которая лишь улыбалась. Наверное,

так принято — может, из недоверия самим мормонам? Глядишь, и не она меня сагитирует, а я её? Миша был очень вежлив, а для него это большой напряг, потому что он не просто атеист, но атеист воинствующий, в быту глумливый. Тиму же он отпустил поиграть в соседнюю аркаду, через улицу — видно, как и я, подозревает, что в Тиме может проснуться что-то по-настоящему религиозное. К сожалению, девушка рассказывала нам об основах веры, а не о том, что стояло вокруг, а про веру мы уже наслышались в Айдахо-Фоллс.

Народу — полно! Просто приходится проталкиваться. И, судя по поведению людей, подавляющее большинство из них — не мормоны, а любопытные. То же и на улицах вне площади. Миша даже задал нескольким прохожим вопросы, требующие для ответа элементарных знаний о мормонстве, — все прохожие, улыбнувшись, пожимали плечами. Поэтому стены вокруг Темпла остались для меня символом того, что нынче мормоны в своём городе — словно в крепости, за пределами которой высится только громадная штаб-квартира мормонов, посвящённая их мирским делам.

Место вместо местоположения. История мормонской Юты на редкость поучительна. К тому же она очень ценна для нас, географов, потому что прекрасно иллюстрирует одну модную нынче идею. Мормоны пришли сюда, когда местность была не то что пустынна — она была совершенно враждебна жизни. Тут не жили даже индейцы, настолько тут было жарко летом, холодно зимой, а главное — безводно. Самое главное в том, что мормоны выбрали это место как раз за его безлюдность. Это типично для гонимых за веру, вспомним хотя бы пуритан. Поэтому все они — прекрасные колонисты, притом особо дисциплинированные и сплочённые этими самыми гонениями. Так вот, нарочно выбрав пустое место, мормоны из ничего сделали конфетку. Они запрудили крошечные речки, стекавшие с Уосатча, и ухитрились создать на их воде приличную ирригацию, а потом пошло-поехало. Этого я уже навиделся: стоит полить здешнюю землю, как на месте полынной степи появляются тучные поля.

Созвучно же модной идее это вот в чём. Интернетная революция довершила дело, которое вершил прогресс на транспорте, — ликвидацию расстояний. Всё стало близко, всё стало доступно. Родилась и утвердилась мысль, что региональные различия внутри страны должны растаять, потому что взаимосвязи между местами стали слишком простыми, активными, и все места вскоре станут похожими друг на друга. Однако передовые географы утверждают совсем обратное: именно в силу этих процессов должно подняться значение каждого места. Об этом с немалой страстью написал некто Ноэл Коткин в книге «Новая география»: мол, раньше процветание каждого места зависело,

в основном, от его расположения в системе других мест, то есть близко ли или далеко оно от источников ресурсов, от транспортных артерий, от крупных культурных центров и тому подобное, а вот теперь все друг к другу как бы одинаково близки; близость перестала играть роль, зато особо важным стало свойство самого места как такового, притом, прежде всего, уникальность данного места — чем оно отличается от других. Таким образом, значение различий нарастает, и дифференциация в пространстве становится всё важнее.

Мормоны воплотили эту идею в жизнь ещё в середине XIX века. Они создали Место вне всякой зависимости от остальных мест, Место само по себе (недаром Бригем Янг так и сказал: — *this is the place*). Кое-кто, конечно, скажет, что Место сие отнюдь не было независимым от остальных, потому что его выбрали как раз за удалённость от этих “остальных”. Но это, пожалуй, слишком тонко. Как говорил конферансье в “Необыкновенном концерте” Образцова: “Не слишком ли я для вас интеллигентен?”.

Испытание веры. Свидание с мормонской столицей несколько прояснило меня насчёт особенностей этого способа веры, но так и не рассеяло глубокого моего недоумения по поводу самого его возникновения, долгожительства и, главное, постоянного роста численности его адептов. Наоборот, потянуло на обобщения — что есть религиозная вера вообще, какую роль играет в ней вера как таковая. Судя по мормонам, совершенно центральную. И у меня, и у большинства известных мне людей, с которыми заведёшь было разговоры на такую тему, постоянно возникает соблазн обсуждать это всё сугубо рационально, копаться в странностях обрядов, в биографии Христа. Священная история кажется вычурной, порою нелепой, переполненной противоречиями. Ладно бы, когда речь идет об истории библейской, — всё-таки древнейшие времена, патина времени скрадывает детали, как бы извиняет их. Но каково мормонам-то? Ведь это всё было в 1820-1825 годах, когда заложились основы их специфической истории. К тому же их “книжная” история, рассказанная Мормоном и Моронием, была настолько причудливой, что враги мормонов долго уверяли, что Книга Мормона — это всего лишь рукопись не принятого к публикации фантастического романа одного пастора из Палмайры, штат Нью-Йорк, и именно эту рукопись, а не какие-то скрижали, нашёл экзальтированный юноша Смит, и нашёл её не в земле, в месте обетованном, а на чердаке, среди рухляди. Рационалистам в это верится, конечно, с пол-оборота.

Как было дело? Джозефу Смиуту, живущему недалеко от Палмайры, во сне несколько раз явился Мороний, который каждый раз пересказывал ему историю о том, как Христос проповедовал в Америке среди индейцев, как здесь развилось христианство и как потом “хорошие

люди” во главе с его отцом Мормоном были истреблены почти поголовно “плохими парнями”, так что Мормон едва успел продиктовать своему сыну всю эту историю. Она была записана в волшебной книге со страницами из золота, которую Джозеф Смит отрыл в указанном месте и смог прочесть написанный по-древнееврейски текст только с помощью откопанных же очков. Ну, каково?

Как это прошло в то время, можно понять: это был период удивительной духовной экзальтации, которая постигла именно эту часть Америки — так называемый Апстейт Нью-Йорк, между Буффало и Олбани. Но потом, но сейчас? Учение мормонов предписывало многожёнство ради форсированного увеличения единоверцев, мормоны отличались редкостной агрессивностью в миссионерском своём деле, и всё это просто бесило остальных христиан, так что неудивительно, что мормонов повсюду преследовали, гнали, а накануне их ухода в будущую Юту устроили им настоящий погром в Науву (Иллинойс), убив Джозефа Смита.

Объяснение может быть только одно, и рационалистам его принять трудно. Объяснение — в силе веры. Духовно горящему человеку, да и просто человеку религиозного склада, кажутся нелепыми фактологические придирки рационалистов. При чём тут правдоподобие священной истории, осмысленность литургии? Всё это внешнее, всё это либо метафора, суть которой внятна только посвящённым, либо ритуальное действие, нарочито театрализованное и тоже полное метафорического значения. Конечно, в христианстве есть своя традиция поиска как бы научной апологии веры, постижения разумом (чего стоит один Фома Аквинат), но, по большому счёту, это вера и только вера, попытки рационального объяснения здесь должны просто оскорблять. Это то же самое, что верить потому, что видел чудо; ты обязан верить и без чуда, просто сердцем, а если не отросло в душе нужное место (как у меня), оставайся атеистом. Только лучше уж в таком случае воспринимать это с печалью, как уродство (подобно мне), а не кичиться тем, что не отросло и что не понимаешь.

Мормонство в этом свете — просто чемпионская проверка веры, искушение нелепицей особой силы. Так что мне мормоны представляются верующими в квадрате и уже поэтому достойными особого уважения — тем паче, что среди их главных заветов есть “статья”, согласно которой всякому человеку дозволяется принять ту форму поклонения Всевышнему, которую он изберет. Ну и лады.

Солёная Юта и ютская соль. Уже в 15.30 мы встали на Интерстейт № 80 — на высоте 4176 футов, при температуре 97 по Фаренгейту, на 40°46'14" северной широты и 112°06'04" западной долготы. Теперь наш путь строго на запад, до Рино и Траки.

Здесь начался отрезок нашего путешествия, который Миша потом назвал самым интересным и даже удивительным, потому что только этого он и в самом деле никогда не видел. А поначалу пейзаж обещал совсем обратное: совершенно голая пустыня, голые безобразные холмы, необычной, зловещей синевы озеро, которое, к тому же, пованивает, и сильно. На берегу — старинное здание мавританских форм. Это уменьшенная копия знаменитого курорта Солтэйр, на котором воздух так полезителен для лёгких — наверное, как в соляных шахтах Донбасса, где мне посчастливилось бывать, — но, в отличие от роскошных подземных соляных залов, этот курорт выглядел таким жалким, что душу щемило: уж очень он одинок среди этой пустыни, явно враждебной всякому проявлению жизни.

Дальше — хуже. Озеро кончилось, вместо него справа пошла смесь соли с землёй, бурая и гнусная на вид. Всё ровно и совершенно безжизненно, только вдали невысокие резкие горы в дымке, тоже голые и угрюмые. Совершенно inferнальный пейзаж, и Миша сказал с нервным смешком: “Ну и гнусная же картина”, и добавил, что ничего гаже он в жизни не видал. Как издевательство выглядели разбитные рекламы невадских казино, которые начали встречаться сразу после выезда из Солт-Лейк-Сити (и это в штате трезвенников?!). Дорога — как стрела, и это добавляет уныния уже сверх всякой меры. Наверное, именно поэтому, когда начинает уже тошнить, видим на обочине справа какую-то идиотскую скульптурную композицию высотой метров шесть, которая призвана просто развлечь путника своими бессмысленными шарами ярких цветов. Оказывается, это некая “Метафора”, причём не чего-нибудь, а штата Юта с его обильными, видите ли, плодами. Правда, слева попалась было (возле Делле) целина невадского типа, с жёлтой травой, но трава была очень жёсткая на вид и не покрывала грунта полностью. К тому же это был лишь оазис.

Именно на этом маршруте трагически застряла партия Доннера летом 1846 года, когда послушалась совета Хастингса и отправилась в июне из вайомингского форта Бриджер по следам его повозок. Увы, Хастингс шёл этим путём в сухой сезон, когда поверхность была, как у интерстейта, а Доннер пошел позже, и его фуры стали вязнуть в песке, скот — помирать от обезвоживания. На людей же этот пейзаж наверняка оказывал самое угнетающее действие. Именно из-за этого они опоздали и подошли к Сьерра-Неваде, когда перевалы уже закрывались из-за снегопадов.

По счастью, нам довелось ехать по такой местности достаточно долго, и постепенно стала открываться её прелесть — ведь и бульдог может быть прекрасен, если у вас достанет изощренности — вкуса, чтобы оценить это. Всё было так безобразно, что стало прекрасным — типичный оксюморон. Опять же — на полпути до невадской гра-

ницы соли становилось всё больше, а грунта меньше. Как нарочно (так, наверное, и есть), Интерстейт № 80 в этих местах не изолирован от окружения, и мы, едуци по самой кромке солёной пустыни, стали замечать на ней всё больше следов от автомобилей в поперечном от шоссе направлении. Искушение было невыносимым, и в 16.50 Миша съехал-таки на соляную твердь. Она оказалась не такой уж и твердью: её поверхность можно было взрыхлить руками, но совсем неглубоко, дальше шла прочная соль. Миша с удовольствием повыписывал на ней восьмёрки, но разогнаться не решился, хотя следы показывали, что сюда не раз и не сто съезжали по несколько машин сразу и устраивали гонки бок о бок — где ещё такое возможно? Ведь пейзаж этот уходил за горизонт, где маячили невысокие горы.

Ещё ближе к Неваде — и поверхность стала быстро светлеть, а перед самой Невадой превратилась в ослепительно белую скатерть — Бонневильские солёные равнины (Bonneville salt flats). Мы снова съехали с автострады — под нами была крепчайшая соль, не вышелушить ни крошки. Тима поснимал на видео, как наша “акура” делает свои восьмёрки. За бортом — 100 по Фаренгейту, но переносится это легче, чем в Солт-Лейк-Сити.

После этого мне не составило труда уговорить Мишу свернуть перед самой границей с Невадой направо, на всемирно знаменитый спидвей, где ставят мировые рекорды автомобильной скорости. К старту вела асфальтовая дорожка мили в три, а спидвей оказался просто кучкой флажков, обозначающих у края асфальта, что именно отсюда начинается скоростная трасса. За флажками была просто бескрайняя ярчайше-белая равнина с эффектными рыжими горами поодаль — а на карте была изображена некая прямая линия, словно только по ней и можно было мчаться за рекордом. На спидвей нас не пустили толкавшиеся тут странные живописные люди — отправители культа скорости, со своими мотоциклами, домом на колёсах. А не пустили потому, что трассу-де готовили для завтрашних соревнований. Миша побеседовал с ними о смысле жизни, который оказался в том, что после езды по соли машину надо тщательно вымыть, а то она скукожится.

Вендовер. И вот в 17.30 мы пересекаем границу с Невадой. Ну и скорость! Это Вендовер, знаменитый тем, что тут базировалась сводная военная группа, которая в пустыне к юго-востоку взорвала первый прообраз атомной бомбы. К сожалению, я узнал об этом только после отъезда, и мы не посмотрели на поставленный по сему поводу монумент.

Тут состоялся очередной и, наверное, самый наглядный урок насчёт глубокой осмысленности прямых границ американских штатов. Мы поселились в гостинице на невадской стороне, в Уэст-Вендовере, и окно нашего номера выходило на Юту. Из него было прекрасно

видно, как на ютской стороне сияет под солнцем снегоподобная соль, но именно на границе с Невадой она внезапно обрывалась. Насколько я знаю, граница между Ютой и Невадой проводилась по совершенно иным соображениям, нежели начало или конец всех этих солёностей, так нет же — всё легло так, словно солёная пустыня после проведения границы послушно отползла на положенное расстояние. Это запомнилось даже Мише, который к таким деталям был до этого равнодушен.

Конечно же, в Уэст-Вендовере было несколько казино (в гостиной одного из них мы и стояли), и поскольку посетителями были в основном жители Юты, в Уэст-Вендовере действовал часовой пояс “маунтин”, как в Юте, а не “пасифик”, как положено в Неваде (впрочем, так же было и в Джекпоте: он в Неваде, а время айдахское). На радостях прибытия почти домой Миша взял аж сдвоенный номер, который после убогостей вайомингских “лоджей” показался нам настоящей роскошью, и я славно отдохнул и даже успел многое из записей привести в порядок. Погода тем временем ухудшилась, набрякли тучки, и Миша с тревогой сказал, что если грянет дождь, то добраться до Траки будет нелегко, так как скорость сильно упадёт. Ссылаясь на это, он пообещал поднять нас ещё раньше обычного.

Домой по привычной дороге. Так он и сделал, притом явно переборщил, так что нам с трудом удалось найти себе завтрак в своём казино — так было рано. Я лишний раз полюбовался на смятение красок, типичное для таких заведений. Попытался снять, но подскочивший важный служака-латинос показал жестами, что это запрещено. Миша, однако, тоже сделал жест, обозначающий, что можно, но не при этом хлыще. Я взял своё в столовке.

Обратный путь был новым только до Уэллса. Понимание того, что больше неожиданностей не встретится и “жина не будет”, почти полностью меня демобилизовало, и мы, сами того не заметив, полностью отвлеклись от дороги, предавшись болтовне. Сначала состоялась полезнейшая лекция Харшана об особенностях ситуации с хай-теками (как жаль, что не было моих аспирантов Ромы Фомина и Вити Саксона, которые трудятся именно над этой темой), потом лекция того же лектора о том, как в Америке покупают и продают дома (по словам Миши, это просто позор, что я оказался вовсе не сведущим в этом: мол, в Москве это знает всякий, кто начинает хоть что-то узнавать про Америку; сразу стало понятно, что у нас разный круг общения и что мой не собирается покупать в Америке недвижимость — то ли не хочет, то ли рылом не вышел, а скорее всего — сначала не вышел, а потом не захотел). Потом я по неосторожности затронул расовый вопрос — и лучше бы я этого не делал; ни характер спора, ни аргументы, ни подоплёка идеологическая не делали нам чести.

Опоминались мы лишь дважды. Сначала пришлось вылезти в Уэллсе — крошечном городишке, который мы миновали в прошлый раз. Причина в том, что тут совсем подошёл к концу бензин. Как выяснил я позже в интернетовском путеводителе по Интерстейт-80, это один из самых длинных в США отрезков интерстейта без возможностей заправиться. Здесь я купил газету, притом из Твин-Фоллс, что немало меня поразило: ведь это не просто далеко, но даже из другого штата.

Второй раз — уже в Элко, где шесть дней назад мы провели столько времени, что я успел с этим городом сродниться. Элко лежит на высоте 5055 футов и обладает, как я уже писал, некоторыми признаками значительного города. Например, ему посвящены три (!) экзита, хотя между ними города нет. Сюда мы въехали уже в 9.20 и поняли, что убежали-таки от дождя, хотя пару раз он падал нам на ветровое стекло. Здесь продаются газеты и из Твин-Фоллс, и из Рино: видать, граница зон влияния, сложенных по кристаллеровской схеме $K=4$, то есть с городом на самой границе.

Купил я и местную газету “Дейли Фри Пресс”. О чём тут пишут? Ага, всё весьма примечательно, всё лишний раз подтверждает, что мы в “Ковбой кантри”. Главная статья — о том, как местные скотоводы бойкотируют распродажу коров, которых Земельное управление США конфисковало недавно у владельцев ранчо “Рафтер Дайамонд”: скот, видите ли, пасся на государственной земле в неполюженном месте. Ведь 80% территории Невады принадлежит федеральному правительству (едва ли не рекорд среди всех штатов, кроме Аляски), и почти все эти проценты находятся под наблюдением этого самого управления — злейшего врага невадских скотоводов, которые издревле привыкли считать эту пустыню как бы бросовой для Америки, а потому принадлежащей им и способной существовать только под их всё понимающим оком. Вторая — о четырёх степных пожарах (один аж на 20 тыс. акров). Ещё две, и пребольших, — о западных шошонах, которые подали в ООН жалобу на федеральное правительство США по поводу нарушения их извечных прав на выпас скота; это шошонское племя йомба, их 6600 человек, живут они в основном в центральной Неваде, но частью также в Калифорнии, Айдахо и Юте. Само обращение индейцев в ООН выглядит в США вполне резонным: ведь индейцы трактуются здесь (пока живут в резервации) не как граждане США, а словно бы как хозяева страны, как лица, с племенами которых надо заключать государственные договора. Прелестные письма читателей. Уильям Пеннебейкер начинает письмо так: “Ну вот, эти федеральные паразиты снова здесь и снова творят своё при полной поддержке наших избранных официальных лиц, а также некоторых чиновников штата”. Тим Браун жалуется на то, что его конкуренты по уборке мусора распускают о нём сплетни, будто он связан с мафией, чтобы вытеснить его из бизнеса; прямо — интриги в

общественном туалете. Наконец, весьма примечательная статья из Лас-Вегаса: спикер невадской нижней палаты легислатуры Деннис Хастерт заявил, что не федеральное правительство, а штаты должны решать, как регулировать новый вид игорного бизнеса — интернетовский; для Невады это вопрос, мягко говоря, важный.

Кто “держит” территорию? Это чтиво вернуло меня к старинной географической проблеме, которая не даёт мне покоя уже много лет и называется “Кто держит территорию?”. В Неваде чуть больше 2 млн. жителей, притом в Лас-Вегасе и окрестностях живут 1,3 млн. из них, в Рино и окрестностях — ещё 325 тыс. Их жизнь своеобразна, она настолько динамична, что Лас-Вегас, например, считается самым быстрорастущим городом США. Недаром 80% нынешних жителей Невады родились вне штата, четверть из них — в Калифорнии. Но эти города и окрестности занимают дай бог 10% площади штата, тогда как на 90% территории разлита тончайшим слоем (слишком мало людей) совершенно иная культура — культура скотоводов, шахтеров, фермеров, которые живут тут три-четыре поколения подряд, прекрасно знают свои корни, свою землю и крайне босявито относятся к попыткам регулировать их местную жизнь из Вашингтона. В сельском хозяйстве занято всего 5 тыс. тружеников Невады, что-то около 1% её рабочей силы, примерно столько же в горном деле. Кстати, земледелие посвящено в основном выращиванию люцерны на корм скоту, и эта продукция составляет всего 1% валового регионального продукта штата, но поглощает 80% воды, которую невадцы берут у природы.

Но дело даже не в этой диспропорции, которой в Неваде любят колоть глаза провинциалам. Дело в кричащем культурном противоречии между жителями городов и сельской местности. Что делает Неваду Невадой — всемирно знаменитое коловращение Больших Денег в Лас-Вегасе и Рино или культура горстки коренных невадцев, старинная и самобытная, да ещё приправленная перцем басконского наследия? Первая даёт львиную долю продукта, но приурочена к двум точкам и не имеет никаких ресурсных корней в географической среде штата, а другая ничтожна по экономическим и демографическим размерам, но характеризует собою практически всю территорию Невады.

Конец пути. Бэттл-Маунтин мы опять проехали мимо. Лишний раз полюбовался на местное обыкновение — рисовать с помощью извести громадные инициалы города на ближайшем холме — словно ориентиры для авиапилотов. В Элко это было “Е”, в Бэттл-Маунтин “ВМ”, в Уиннемаке “W” Этот обычай вообще типичен для Запада, и родился

он ещё в калифорнийском Беркли. Здесь Миша сказал, что пейзаж очень напоминает ему то, что он видел в Техасе, в окрестностях Далласа, хотя там, естественно, ровнее.

В 11.00 въехали в Уиннемаку. Мишу потянуло в сон, и он решил подремать полчаса, а я пошёл побродить и набрёл на хорошие открытки основных здешних, с позволения сказать, городов, притом снятых с воздуха, — Элко, Уиннемаки, Уэллса. На этих снимках отлично виден характер местности: обширные равнины, на которых торчат немалые горы, занимающие, пожалуй, не более четверти поверхности. Сверху городки выглядят весьма уныло, но на деле Элко и Уиннемака куда краше (точнее сказать, приемлемее). Просто у всех американских городков принято делать плоскими крыши общественных зданий, а это выглядит с воздуха, я бы сказал, гнусно. Крупные города ещё пригляднее благодаря небоскрёбам, а мелкие городки всегда безобразят облик Америки, когда его подают в снимках сверху.

Мы выехали из Уиннемаки в 11.35, и до Лавлока Миша мыл мне мозги святочными страшилками про советскую внешнюю разведку, в основном, со слов лукавого Суворова (“Ледокол” и прочее).

Наконец, мы въехали в Рино. Опять “Силвер Легаси”, кревоугодие, игорные автоматы (не хватало еще сказать “и девочки”, но это было бы чистое хвастовство). Уже в 15.00 мы тронулись в последний пробег. Как назло, через полчаса застряли в длиннейшей пробке, что привело Мишу в изумление: это в пятницу-то, да ещё в противоположную от Рино сторону? Вспомнились слова Кати о том, как в пятницу наше родное шоссе № 24, пролегающее под самыми окнами в Лафайете, оказывается забитым в обе стороны, потому что жители Сан-Франциско, утомлённые своим урбанизмом, спешат вырваться на природу, а жители пригородов, изголодавшиеся по урбанизму в своих посёлках, спешат “оттянуться” в большом городе. У нас всё оказалось проще: огромный трейлер пёр по интерстейту сильно негабаритный груз. Пробка кончилась в 15.58, и мы помчались в Траки.

И вот ФИНИШ! Мы на даче. Это 16.11, 6210 футов над уровнем моря, 39°20'49" северной широты 120°12'21" западной долготы при 79° по Фаренгейту.

Много лет назад я вёл подобный путевой дневник — о том, как мы за три дня перегнали с Райром Симоняном его “волгу” из Москвы в Ереван. Это было прекрасно, и когда мы самолётом вернулись обратно, я закончил дневник словами примерно такими: ну вот, мы вылезли из самолёта, всё кончилось, и всё, что случится плохого после этого, уже не будет иметь отношения к этому празднику и не сможет отравить воспоминание о нём. Можно было бы кончить такими

словами и этот дневник, но я добавлю другое. В Траки я сказал Мише: “Спасибо, Михаил Александрович, что Вы существуете на Земле. Именно благодаря этому я и совершил это путешествие”. Миша воспринял эти слова благосклонно и предложил развить данную тему. Будем считать, что мой дневник и есть это развитие.

И. Г. Яковенко

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Проблемное поле “человек и пространство” относится к сфере неисчерпаемых, вечных вопросов, к которым обращаются представители самых разных научных дисциплин (физики, философы, психологи). В этом поле можно выделить проблематику, лежащую на пересечении исторического, культурологического и географического знания. Речь идет о взаимосвязи исторического человека с вмещающим ландшафтом. О связи социально-культурных форм с ландшафтно-климатическими условиями, в которых они формируются. О заданности некоторых значимых характеристик психического строя человеческой личности и, соответственно, национального характера, доминирующей ментальности природным окружением, в котором формируются этносы и культуры.

На уровне наблюдения и констатирующих обобщений, связь человека с природной средой, в которую он вписан, фиксируется достаточно давно. Если мы обратимся к отечественному материалу, то обнаружим, что множество авторов самого разного ряда: писатели, публицисты, философы, литературоведы, историки, — чуть ли ни два века писали и пишут о связи русской истории и культуры, “русского духа с духом ландшафта”, природой, средой, в которой живет народ.¹ Простое наблюдение как будто подтверждает эти суждения, но остается чувство неудовлетворенности. Оно вызвано не только тривиальностью, затасканностью тезиса о связи культуры с “духами ландшафта”. В этом утверждении есть раннегуманитарная нестрогость. Очевидность, а, скорее, общепризнанность такого соответствия как бы снимает вопрос о механизмах причинно-следственной связи, о природе подобной корреляции. Описанный ход мысли мог быть терпим в эпоху Ключевского, К. Леонтьева или Бердяева, но не сегодня.

В общем виде исследуемый нами тезис может быть сформулирован следующим образом: фундаментальные характеристики исторического субъекта, формирующегося и развивающегося на некоторой территории, а также характеристики создаваемого этим историческим субъек-

том социально-культурного целого устойчиво коррелируют с ландшафтно-климатическими характеристиками вмещающего пространства. Механизм такой корреспонденции видится в согласовании человека и всей суммы его самопроявлений с характеристиками среды.

Как и почему это происходит — здесь не рассматривается, а сама связь предполагается самоочевидной. На каких основаниях выделяются характеристики сопоставляемых феноменов, которые позволяют сделать подобное утверждение, не уточняется. Вопрос о том, не является ли тезис о соответствии человека, его культуры окружающей его среде результатом некоторой психологической или культурной аберрации, не возникает. Между тем, как вообще можно соотносить такие разнородные, в высшей степени сложно сопоставимые сущности как человек и пространство, в которое он вписан? Не является ли подобное сопоставление результатом актуализации некоторых мифологических представлений? Ибо для того, чтобы сопоставить человека и природную среду, необходима сопряженность, а она достигается через обращение к “духам ландшафта”. Человек и *genius loci* соотносятся как духовные сущности. Таким же образом извлекается (или полагается) некий “спиритус” — дух культуры и социальных форм. Лишь после этого описанные категории (исторический субъект и окружающая среда) сопоставляются как нечто единосущное, сопоставимое по своей природе. Нам кажется, что, при всей нестрогости и осязаемой связи с мифологическими мотивами, в исследуемых представлениях фиксируется или, скорее, нащупывается реальность, которую еще предстоит корректно описать и объяснить. Та связь, которую угадывают исследователи, имеет отношение к сложно формулируемому структурному единству — единству образов природы, человека, общества и культуры.

Попытаемся обозначить некоторые подходы и высказать соображения, позволяющие продвинуться на путях разработки намеченной нами проблемы. В монографии, написанной автором совместно с А. Пелипенко², содержится принципиальное положение о соответствии структур человеческой ментальности, деятельности и социальности. В тот же ряд ложится структура созданного человеком предметного тела культуры как зримое выражение структуры деятельности. Кроме того, с точки зрения структуры, все эти явления характеризуются фрактальностью и изоморфизмом. Таким образом, названные феномены предстают в качестве различных экспликаций некой единой сущности, как отражения единой субстанции на различающихся экранах, плоскостях или планах выражения. Я полагаю, что сущность, о которой идет речь, — природа психического, задающая и переживание мира, и мышление, и действие.

Можно с высокой степенью вероятности допустить, что в природе человеческой психики лежит свойство согласования структуры ментальности человека и структуры образа вмещающего пространства. Это

согласование осуществляется через сферу психики субъекта органами чувств. Природа, ландшафт осваиваются и переживаются сознанием, которое подстраивается под характеристики пространства. В ходе такого подстраивания достигается структурное и морфологическое соответствие пространства ментальности и вмещающего субъекта пространства. Видимо, такое подстраивание диктуется задачей минимизации психических напряжений и соответствует генеральной для всего живого стратегии сохранения энергии. Из всех возможных состояний большая самоорганизующаяся система выбирает такое, в котором внутренние напряжения (в том числе и психические) будут минимальны. Отсюда соответствие характеристик всех экспликатов человека. Наши интуитивные представления о связи культуры, ментальности и пространства вырастают из этого механизма.

Можно говорить о генеральной интенции к увязыванию структуры человеческой психики со структурой переживаемого. Психика человека настраивается таким образом, чтобы структурно совпадать или, если угодно, “резонировать” со структурой пространственно-временного континуума, которая транслируется в сферу психического органами чувств. Именно такое состояние психической сферы человека оказывается менее всего энергоемким и дисгармоничным, причем сам процесс подобного подстраивания не фиксируется сознанием, происходит автоматически и императивно. Те, у кого подобная настройка, в силу тех или иных причин (врожденных или культурных), не происходит, неадекватны миру, в который они вписаны, страдают от дискомфорта, а потому в стратегическом плане отбраковываются. Они имеют меньше шансов на воспроизводство системы своего миропереживания.

Далее, осмысливая себя в пространственно-временном континууме, человек проецирует сложившуюся устойчивую структуру во всех социальных и культурных формах самопроявления. В силу описанной механики традиционная культура, в частности, традиционная художественная культура, как форма выражения психического строя базовой личности, оказывается структурно изоморфной переживанию мира, в который вписан человек. Тут важно подчеркнуть — речь идет не о мире вообще, взятом с некоторой объективистской точки зрения, но о том, как он переживается. Пахарь и кочевник, живущие в одной лесостепи имеют разную структуру потока ощущений и впечатлений, ибо крестьянин сидит на одном месте и ходит в буквальном смысле слова по земле, а кочевник видит то же мир из своего седла. Его горизонт, темпоритм, мера разработанности и порядок поступления впечатлений существенно иные. Соответственно, будут отличаться их песни и танцы, а заимствования будут перерабатываться таким образом, чтобы вписаться в исходный континуум. Песнь ямщика, то есть кочевника, заунывна для барина. Между тем, это естественно и един-

ственно возможно, ибо барин живет в мире усадьбы и ближайшего, если не столичного, города. Ямщик же гармонизирует себя, вписывает себя в **свой мир** — мир бесконечных дорог и однообразных, на наш городской взгляд, впечатлений.

Итак, в основе исследуемого феномена лежит изоморфизм структуры образа внешнего мира и структуры человеческой психики. Данные перцепции выстраиваются в образный строй окружающего мира, который имеет некоторые устойчивые характеристики и формирует обобщенный образ — определенную ритмическую, структурную, интенциональную конфигурацию. Структура ментального и психического пространства человека выстраивается резонансно и оказывается изоморфной. Такая конфигурация минимизирует энергию вписания в мир, облегчает его переживание, оказывается оптимальной.

Однако зависимость человека от вмещающего пространства не стоит преувеличивать и абсолютизировать. Североамериканские индейцы и граждане США заселяли и заселяют одну и ту же территорию, но при этом создали два разительно отличающихся культурных космоса. Можно возразить, что в этом примере сказываются существенные стадийные различия. Возьмем другой пример: ландшафтно-климатические характеристики соседствующих регионов Беларуси, Прибалтики и европейской России в какой-то степени совпадают, однако существенные различия в культурном пространстве наблюдаются лишь по границе локальных цивилизаций, объединяя Северо-Запад России с Беларуссией с одной стороны и республики Балтии — с другой.

Как представляется, связь с “духами пространства” выше на ранних стадиях исторического развития. Архаический человек, живший в магическую эпоху, был максимально задан этими сущностями. Переход от присваивающего к производящему хозяйству создает вторую природу (предметное и идеальное тело культуры), в которую вписан человек, и это позволяет достигать относительной автономии от первой природы. Особенно мощно рукотворная природа работает в городах, где она сгущается тем сильнее, чем больше город. Тем не менее, полной автономии от среды человек не достигает. Немецкие села в Сибири, являя пример “орднунга” для наших соотечественников, создают автономное от природного и культурного окружения пространство. Однако это пространство не замкнуто и автономно лишь относительно. Оно не спасает “наших” немцев от обрусения, которое проявляется, в том числе, и в сравнительной хаотизации среды. Разумеется, здесь мы имеем дело и с процессами культурной ассимиляции, но не только.

Не следует полагать, что вторая природа, как бы, надстраивается над первой, создавая двухслойную структуру. Пространство, в котором люди живут веками, осваивая его из поколения в поколение,

преображается. Оно “антропизуется” и окультурируется. Человек присутствует в нем в “снятом” (в гегелевском смысле) виде. Устойчивые модели хозяйства и жизни человека задают характеристики ландшафта. В этом случае культурное и природное взаимопроникают. Осваивая такой ландшафт, человек согласует себя не столько с природой, сколько с культурой, давно и устойчиво вписанной в эту природу.

Вторая природа, или антропогенная среда — социальное пространство, предметная среда, ритмы и модели жизни, заданная культурой картина мира — представляет собой значимое для человека пространство, в которое он вписывается в процессах аккультурации и социализации. Антропогенная среда может по-разному и в разной мере согласовываться со средой природной. Разные культуры и цивилизации, разные стадии исторического развития формируют целый веер стратегий освоения одной и той же среды. Бьющие нерпу аборигены Аляски выстраивают существенно иной культурный космос, нежели их соседи — янки, работающие на нефтепромыслах. Существова бок о бок, разные культуры демонстрируют различающуюся жизненную философию и весьма различные практики освоения среды. В результате формируется достаточно противоречивый пространственно-временной и смысловой континуум, сложная, динамичная и гетерогенная картина, в которой пространство оказывается лишь одной из составляющих.

Связь человека и природного окружения достаточно противоречива уже в традиционных обществах. Но с разворачиванием процессов модернизации картина еще более усложняется. Промышленная среда задается едиными технологическими императивами, которые достаточно жёстки и оставляют весьма узкое поле для культурно заданных вариаций. В результате облик промышленных производств и городов индустриальной эпохи во всем мире примерно одинаков. Новая урбанистическая среда и порождаемый ею образ жизни достаточно универсальны и автономны от вмещающего пространства.

Наконец, между социокультурными формами и характеристиками пространства существует противоречие, связанное с несовпадением географии ландшафтно-климатических зон и ареала локальных цивилизаций. Локальная цивилизация, возникшая в некоторой ландшафтно-климатической среде и характеризующаяся устойчивым типом освоения пространства, стремится к максимальному расширению и неизбежно достигает пределов “своей” зоны, захватывая, хотя бы частично, пространство с иными ландшафтно-климатическими характеристиками. Таким образом, культура предельно соответствует вмещающему пространству в центре локуса, на границах же локальных цивилизаций она представлена в виде вариаций базовой модели, не всегда идеально сбалансированных с характеристиками пограничной зоны.

Все эти соображения следует учитывать, обращаясь к вопросу о связи человека и природного окружения. Тем не менее, устойчивые традиционные культуры действительно характеризуются органической связью с родным пространством. Нам представляется, что ментальность оказывается полностью открытой воздействию внешней среды в эпоху культурного (цивилизационного) синтеза. Тогда она предельно пластична и резонансно подлаживается под характеристики сложившегося в этот момент природного, социального и культурного пространства. Далее происходит кристаллизация. Ментальность “окаменеет” и превращается в фактор, воспроизводящий эти характеристики. Она становится относительно автономной от вариаций параметров вмещающего пространства. При этом некоторые характеристики среды обитания племен и народов, вошедших в процесс синтеза, вплетаются в устойчивое целое культуры и оказываются структурирующей силой. Сложившаяся культура начинает задавать стиль, стратегию собственного развития. Это происходит до тех пор, пока данная цивилизация не исчерпает свои потенции как технология бытия. Далее происходит либо подвижка внутри исходного системного качества, либо крах и снятие локальной цивилизации.

А теперь отвлечемся от соображений общего характера и обратимся к отечественному материалу.

“В России что-нибудь да заслоняет взор. Елка, забор, столб — во что-нибудь да упрется взгляд. Даже в какой-то мере справедливым или защитным кажется: тяжело осознавать такое немислимое пространство, если иметь к тому же бескрайние просторы.

*Я ехал однажды по Западно-Сибирской низменности. Проснулся, взглянул в окно — редколесье, болото, плоскость. Корова стоит по колено в болоте и жует плоско двигая челюстями. Заснул, проснулся — редколесье, болото, корова жует, стоя в нем по колено. Проснулся на вторые сутки — болото, корова. И это был уже не простор — кошмар”.*³ Эта цитата, принадлежащая одному из признанных русских писателей второй половины XX столетия, рисует яркий и такой знакомый (и по личным впечатлениям, и по литературе), устойчивый образ, отгалкиваясь от которого русская мысль давно уже движется по путям самопознания. Много говорится об однообразии и бесструктурности российского пространства. Между тем, в строго топологическом смысле, это не так. Российское пространство структурировано так же, как и всякое другое. Что же касается однообразия, то, видимо, чистая пустыня, или тундра, или голая степь не менее, если не более однообразны, нежели “средневзвешенный” российский пейзаж. Но зрительный образ типичного российского пространства, действительно, минимально структурирован и наводит на мысль о психологическом угнетении сознания, помещенного в это пространство, и о сен-

сорной депривации. Обращаясь к этому феномену, можно вспомнить о том, что вставшая на задние ноги обезьяна постоянно нуждается в вертикали. Зрительный образ вертикали относится к витальным психологическим потребностям человека. Разумеется, вертикаль должна соотноситься с горизонталью. В противном случае, как в Нью-Йорке, человек начинает испытывать дискомфорт на узких улочках, обставленных небоскребами.

Если несколько углубиться в культурную семантику вертикального и горизонтального, надо сказать, что вертикаль соотносится с сакральным, горизонталь корреспондирует с профанным. Нормальное перемещение по вертикали для человека невозможно, кроме того, вертикаль воспринимается симультанно. Горизонталь — поле движения человека, она раскрывается перед человеческим взором по мере его движения. Эмпирически вертикали конечны, поверхностные горизонталь — безграничны. Протяженность горизонтали связывается со смыслами имманентного. Вертикаль же связана с трансцендентным. Целостность человеческой личности **требует** выраженного в зрительных образах баланса сакрального и профанического, имманентного и трансцендентного.

Люди, создающие города, а значит и цивилизации, максимальный комфорт испытывают в ландшафте, где вертикали пропорционально соотношены с горизонталями. Где пейзаж, чередуясь по мере движения, сменяется с “горного” — то есть такого, в котором доминирует вертикаль, — на “равнинный” — пейзаж, в котором доминирующей оказывается горизонталь. Абсолютно идеально, с психологической точки зрения, нахождение на границе горного и равнинного ландшафтов. Можно жить в долине, но в виду гор, или в горах, но в виду долины. Частный случай такого положения на границе ландшафтов и сред — жизнь на берегу моря, в долине, в виду подступающих к берегу гор. Заметим, что в такой среде рождалась европейская цивилизация.

Структурность зрительного образа российского пространства не соответствует неким базовым психологическим потребностям человека, создающего городскую цивилизацию. Не землянка, но Дом с большой буквы, настоящее строение, для своего возникновения нуждается в зрительной, образной опоре в ландшафте. Вообще говоря, переживание дома как горы, видимо, относится к древнейшим архетипическим идеям. Первые освоенные человеком пещеры были, по преимуществу, в горах. Там, где нет дома, — нет города. А там, где нет города, — нет цивилизации. В таком пространстве можно создавать кочевые ранние государства без городов, но с шатрами владык. Либо чужими руками — руками людей, принадлежавших городской культуре, — эфемерные, просуществовавшие недолго и сгинувшие монгольские города без городского вала, за крайним домом которых сразу начиналась степь.

Чередование топи, леса, болота, степи, пустошей и перелесков — конечно же, некая структура, но малоблагоприятная для комфортного бытия человека. Этот негативный момент тормозил историческое развитие народов, исконно населявших российские пространства (финно-угров). Выжить можно было, “оукливаясь” в малом, замкнутом пространстве локальной общности — Рода. Тогда “наша” деревня оказывалась центром Вселенной, вертикалью, если не зрительной, то смысловой, метафизической, а обжитая округа не превышала десяти-двадцати квадратных километров. Так складывалось некоторое соразмерное человеку пространство, в котором достигались терпимые параметры разнообразия, соотносимости, освоенности. Либо можно было выжить, став кочевником, который сливается с этим пространством и переживает его в седле.

Охотник, кочевник, человек каменного века обходится без постоянного жилища и может жить вдаль от вертикалей. Но, и это в высшей степени характерно, он не создает цивилизации. Для этого необходимы зримые вертикали. Если их мало, их создают руками. Прежде всего — пирамиды, а кроме того — курганы, стены, валы, культовые здания. Они не только функциональны, но и несут в себе смыслы сакрального, которые неотделимы от высоты, крутизны, отвесности конструкции. Пологий холм более или менее приятен взору, но не рождает переживаний, связанных с сакральными смыслами. Когда в одном из своих романов братья Стругацкие присвоили носителю иерархического статуса в вымышленном средневековом обществе титул “Крутой утёс”, ими двигала безошибочная культурологическая интуиция. Возможно, что мифология духовности, страсть к небу, запредельному, в российской культуре связана и с острым дефицитом переживания вертикалей.

На пространствах, лишенных вертикалей, изменения не воспринимаются ритмически. Зрительный ритм членится вертикалями. Иными словами, ритмическое членение горизонтально развернутого зрительного образа требует перпендикуляра. За отсутствием вертикалей пространство как-то меняется, но неопределенно, мерцая, преобразуясь и переходя из одного состояния в другое незаметно и как-то вдруг. Его морфология, его структура не схватывается сознанием. Камень, горы — жестко оформленные сущности. Они трехмерны и имеют вертикальное измерение, у них есть граница. Топи и болота, поля и перелески воспринимаются как растянутая горизонталь. Они бесформенны в своем зрительном образе. Глазу не за что ухватиться. Здесь не рождается идея структуры, предшествующей городу и цивилизации.

Далее, перед нами пространство, не замыкающееся естественно в локальные целостности, немереное (Сибирь по-татарски — “немереная земля”). Для некочевника такая ситуация психически глубоко дискомфортна. Ибо пространство не дает опор для чувства защищенности. Мир

плохой, продуваемый ветрами со всех сторон, фундаментально неуютный. Горы — не только вертикаль, но преграда и защита. Реки и моря, горы и пропасти не только несут необходимое человеку разнообразие, но и огораживают, задают естественную границу, выгораживают освоенное пространство и даруют защищенность. А здесь, как сказал классик, три дня на коне скачи, ни до какой границы не доскачешь. Граница любая: сред, различающихся пространств, ландшафтных и климатических зон, государств — категория морфологическая, без нее нет и не может быть формы. В России же граница — миф. Она не осязаема, не поверяема экзистенциально, лишена личностного, человеческого содержания. Сознание, помещенное в такую среду, фатально болеет бесструктурностью.

Отсюда апофатическая доминанта русского духа. Характеристики космоса не описываемы, ибо не схватываемы. Эта богословская универсалия находит опору в личностном опыте. Отсюда же — пассивная и магическая стратегия приспособления к среде. Альтернативная магической цивилизационно-инструментальная позиция есть позиция структурированная. В ней субъект и объект разделены и противопоставлены. Прежде всего, субъект выделяет себя из среды, формирует субъект-объектные отношения с миром. Но для этого нужна структурность окружающего мира. Если же мир бесструктурен, то для человека естественнее **растворяться в нем**, сливаясь в магической целостности. Далее, субъект выделяет из противопоставленного ему универсума объект, представляет его значимые характеристики, инструменты и механизмы своего воздействия. В магическом же акте воздействия субъект сливается с объектом. Воздействие неинструментально в том смысле, что между субъектом и объектом нет опосредующих, инструментальных сущностей и инстанций ментальных и материальных. Верее, они минимизированы.

Магический субъект схватывает ситуацию симультанно и невербально, вне таких опосредующих сущностей, как смыслы, понятия, идеальные модели. Его реакции так же симультанны и непредсказуемы, а действия пролегают по маршрутам непостижимым для собственного сознания и не поддаются рационализации субъектом действия. Присущая русской культуре экстенсивная доминанта освоения космоса (хозяйственного, пространственного) вырастает из такой стратегии с необходимостью.

Родившийся в подобной природной среде человек к пяти-семи годам переживает импринтинг. Образ среды закрепляется в его подсознании как фундаментальная данность, как образ космоса, как единственно освоенное и родное. Такова заданная фундаментальными законами психики универсалия становления человека. Но данное в опыте и природенное пространство психологически малокомфортно. Отсюда тревожность, дискомфорт, подавленность. И острая привязанность к этому пространству. Центрированность психики под неустой-

чивый, дискомфортный тип среды. Ситуация, прямо скажем, трагическая. Человек страдает, но не может жить вне своих страданий.

Привязанность жителей регионов со сложными природно-климатическими условиями к своей среде, неспособность ее покинуть и малая выживаемость за пределами своих зон — закон природы. Речь идет об одном из механизмов самоорганизации человеческих сообществ. Чем неоптимальнее среда, тем привязаннее к ней ее обитатели. Они центрированы на эту неоптимальную среду и не способны сменить ее на другую, в то время как жители пояса оптимальных широт легко расселяются по всему миру. Например, греки. В противном случае все племена, населяющие крайние зоны, покинули бы свои места, что вступает в конфликт с фундаментальной доминантой всего живого — борьбой за расширение экологической ниши и увеличение численности вида.

Оформленное в православной семантике убеждение в том, что России сужены страдания до конца времен, как нам представляется, восходят в том числе и к описанному источнику. Отсюда же моделирование человеком созданной им самой среды так, что бы ее характеристики совпадали с этими базовыми природными. Отсюда, хаос, дискомфорт, загаженность, лужи урины в лифтах. Отсюда и общая, выходящая за рамки православного сознания, тяга к идеологиям, продуцирующим переживание мира как дискомфортного, бесперспективного и трагического. Возможно, что самые глубокие истоки гностической интенции русского духа лежат в характеристиках вмещающего пространства.

Выскажем предположение: зрительный образ минимально оформленного структурно, плоского российского пространства по своим характеристикам близок к образу хаоса. Ведь то, что мы воспринимаем как хаос в математическом смысле чистым хаосом не является. Его всегда можно описать в виде ряда распределений и функций. Возьмем такой яркий образ культурного хаоса, как большую свалку. В ней всегда можно выявить некие локальные зоны, отдельные пространства, обозначить центр и периферию, выделить границу. Перед нами пространство со своей морфологией и структурой, но законы, по которым создается такая форма, читаются человеком как негативные, противостоят упорядочивающей интенции человеческой деятельности и оформляются в ценностно негативном образе хаоса. Вообще говоря, образ хаоса носит не отвлеченно-математический характер. Он задан культурно и остро аксиологичен.

Одна из глав книги В. Кантора “Феномен русского европейца” называется “Хаос как норма социальной жизни”. В этом названии выражена общепризнанная идея о крайне низкой упорядоченности российского универсума, о высокой пронизанности его хаосом. Тому есть масса объяснений — таких, как варварство, отречение от реального мира, погруженность в магическое самосозерцание и т.д. Со

своей стороны добавим к этому списку факторов хаотизации российской жизни коренящуюся в глубинах психики потребность корректировать структурные характеристики универсума человеческой ментальности и деятельности с характеристиками воспринимаемого этим субъектом образа природной среды.

Еще один сюжет. Как мы уже сказали, российское пространство идеально соответствует догосударственным или раннегосударственным феноменам. Другие стратегии человеческого бытия в таком пространстве вступают в конфликт со средой, требуют ее преодоления, выгораживания из среды. Если охотник, кочевник или точечный земледелец здесь органичнее, то государство создается вопреки. Оно создается в силу иных детерминатив, не менее императивных (движение мировой цивилизации вширь и последовательный охват ею всех пространств земного шара). Но это — из другого ряда детерминаций, не отменяющего психологическую конфликтность на уровне субъекта. Отсюда у людей, захваченных процессами становления зрелой государственности, стресс от движения по неорганичному пути, дополнительный психологический груз, наконец, выраженная антигосударственническая интенция традиционного сознания.

Способ преодолеть описанные коллизии — изменение вмещающего человека пространства. Процесс этот идет постоянно, изо дня в день и из поколения в поколение. Здесь можно выделить две стратегии. Прежде всего, это создание целостной, мощной антропогенной среды, которая “забивает” характеристики среды природной и начинает доминировать. Такая среда формируется в городах. Заметим, что в крупных городах, где создается относительно автономное пространство и человек вписан во вторичную, антропоморфную среду, его ментальность, социальность, структура деятельности начинают существенно отличаться от соответствующих структур в “глубинке”. Завалившийся плетень и разрушенный коровник естественны в глуши. На Арбате не менее естественна среднеевропейская среда, соответствующее ей поведение и сознание. Урбанизация, концентрация людей в городах-“миллионниках” радикально вырывает человека из морока малокомфортного природного окружения.

Города, или замыкание в локальных рукотворных капсулах, — агрессивная, скорее отрицающая природное окружение, чем взаимовязывающая, согласующая его с человеком стратегия освоения пространства. Другая, гораздо более мягкая и гибкая стратегия реализуется в сельской, провинциальной среде, в малом городе и его округе. Человек обретает гармонию со средой, преобразуя ее в черед поколений. Некоторый, критический, уровень плотности населения, оседло проживающего на данной территории веками, не просто увеличивает антропогенные характеристики ландшафта, но изменяет его при-

роду. Пространство превращается в освоенное человеком, а потому природнѐнное, комфортное. В освоенном пространстве нет пустошей и буреломов, а болота, леса, озера вписаны в культурный контекст, освоены хозяйственно, антропоморфизованы. Ценители русского ландшафта прежде всего имеют в виду именно такое — освоенное и гармонизованное, соразмерное человеку пространство.

В завершение выскажем некоторые суждения общего характера. Природная среда в самых разных отношениях может быть более или менее оптимальна для проживания человека. Двигаясь вширь, мировая цивилизация последовательно охватывает все пространства, на которых возможно создание устойчивой среды жизнедеятельности. Пространство может “противиться” такому освоению — давить на человека, в том числе и психологически, трансформировать в нежелательном направлении характеристики складывающегося социокультурного универсума. Все эти неблагоприятные тенденции преодолеваются лишь в ходе исторического процесса. Осваивая пространство в череде поколений, человек изменяет среду и изменяется сам. Постепенно отношения человека и природы гармонизируются, а сама природная среда становится соразмерной человеку, комфортной на некотором глубинном уровне. Такова генеральная тенденция. Масса частных феноменов и локальных процессов выпадают и противостоят этой тенденции, но общая логика исторического процесса, в конечном счете, доминирует.

В этом деле малоэффективны “буря и натиск”. Резкими усилиями окружающее пространство можно скорее разрушить и обезобразить. Но нескончаемый труд поколений, наращивающий “гумус” цивилизации, необратимо преобразует и пространство, и человека.

Не менее чужеродна для жизни и среда, порождавшая манихейство и гнозис (Иран, Египет). И по условиям, и по зрительному образу, и по характеру культуры, и по обстоятельству незамкнутости и нелокализации, и по неимманентному характеру исторического развития, по насильственной включенности в цивилизацию и по столкновению двух несоединимых культур.

Заметим, что реализующаяся в пространствах лимитрофа в зонах перехода от одной локальной цивилизации к другой амальгама цивилизационных характеристик не равна устойчивому синкретизму. Настоящий синкретизм (Индия, Китай) все всасывает и перемальвует.

Манихеи там, где амальгама, взаимоподавление пластов, там, где нет выраженной доминанты. Борьба двух космических сущностей структурно отражает ситуацию борьбы двух нетождественных культурных систем. В таких условиях целостная доктрина, создававшая космос, отражавший подсознание местной культуры, соответствующая ситуации в доминирующей ментальности, имела все шансы на успех.

В Китае этих глубинных оснований не было. Потому там глубоко маргинальное на окраине и не надолго.

Итак, изоморфизм среды и человеческого сознания константен. В эпоху модернизационной трансформации происходит подвижка, которая заслуживает нашего внимания. Среда — не только природная, но и культурная — начинает меняться в силу действия объективных и неподконтрольных человеку процессов. В результате появляются изменения, фиксируемые на уровне картины мира и образа жизни: растет производительность труда, происходит урбанизация, дробится социальный и культурный синкретизис, изменяются предметное тело культуры, окружающая природная среда, социальное и ментальное пространство, в которое вписан субъект. Потребность в синхронизации ментального пространства с континуумом окружающей человека реальности вступает в конфликт с системным качеством ментальности. Субъекты, в ментальности которых системное качество выражено наиболее сильно (в отличие, скажем, от представителей динамично ориентированных диаспор, горожан или местных западников), переживают острый дискомфорт. Структура мира трагически “уклоняется” от заданной культурой модели. Это означает, что мир надо исправить. Об этом хорошо говорит Вальтер Шубарт: *“До тех пор, пока мессианская душа надеется спасти мир, лишенный гармонии, она еще не достигла предела своих мучений. Но напряженность между внутренним и внешним может дойти до такой степени насилия, когда это становится невыносимым”*⁴.

Тогда-то и происходит революционный взрыв. Субъективно, по исходному импульсу, он направлен назад и имеет своей целью привести мир к параметрам, заданным в базовой модели. Цель — возвращение к истокам, что бы ни говорили идеологи, будь то табориты, коммунисты, фашисты или полпотовцы, реализовавшие в конце XX в. лабораторно чистую модель возвращения к истокам. Происходит инверсионный взрыв, проливается много крови, а это важный и необходимый момент.

Кровь фиксирует изменения в мире (жертвоприношение как механизм принятия нового в культуре). Страх смерти блокирует неприятие нового и в рамках ритуала жертвоприношения обновляет мировосприятие. Вместо возвращения к истокам возникает новая конфигурация, инкорпорирующая те или иные элементы нового качества. Также изменяется и ментальность — она увязывается с новым качеством бытия.

Мы переживаем как хаотизацию разрушение или нарушение устойчивой модели. Однако в хаосе и из хаоса может родиться перспективное качество. Могли ли римские интеллектуалы и политики предвидеть панораму средневековой реальности? Могли ли они делать что-либо, кроме бесплодных на последнем этапе попыток сохранять модель античного космоса?

Качественные изменения несут с собой одну грустную истину: смертны не только мы, но и весь наш мир, все то, что дорого нам, что представляется нам вечным. Обычно люди стараются не думать об этом, но в эпохи больших перемен истина открывается перед теми, кто готов к ее восприятию. Всю свою историю человечество выживает ценой постоянных изменений, отрицая и уничтожая предшествующее, выстраивая новое на костях старого.

Литература

¹ См., например: Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России. М.: МИРОС, 1994.

² Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: “Языки русской культуры”, 1998.

³ Битов Андрей. Уроки Армении. Путешествие в небольшую страну. 1967-1969.

⁴ Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: “Русская идея”, 2000. С. 71.

ОБРАЗОВАНИЕ

Качественные изменения несут с собой одну грустную истину: смертны не только мы, но и весь наш мир, все то, что дорого нам, что представляется нам вечным. Обычно люди стараются не думать об этом, но в эпохи больших перемен истины открываются перед теми, кто готов к ее восприятию. Вся своя история человечества выживает ценой постоянных изменений, отрицая и уничтожая предшествовавшее, выстраивая новое на костях старого.

В.Н. Стрелецкий

ПРОГРАММА ЛЕКЦИОННОГО КУРСА “ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ”

1. Введение

Цель курса — дать студентам представление о предмете культурной географии как научной дисциплины, о проблемах географического изучения культурного многообразия человечества и его неразрывной связи с ландшафтной сферой Земли.

Основные задачи курса вытекают из его цели:

- 1) ввести студентов в круг основных проблем, понятий и методов культурной географии как научной дисциплины, дать представление о ее месте в системе наук, связях с другими научными дисциплинами;
- 2) способствовать интеграции знаний в изучении культурного многообразия и единства человечества, взаимообусловленности мира природы и мира культуры в разных регионах Земли;
- 3) дать общее представление студентам о геокультурных процессах, их выраженности в земном пространстве;
- 4) привлечь особое внимание студентов к проблеме сохранения разнообразия культур, способствовать осознанию опасности их унификации, утраты локальных культурных ценностей;
- 5) развить навыки самостоятельных культурно-географических исследований студентов.

Связи с другими дисциплинами в учебном процессе.

В рамках данного учебного курса культурная география трактуется, при ее определении в самом общем виде, как *научная дисциплина, изучающая культурное разнообразие человечества в пространственном (хорологическом) отношении*. Объект изучения культурной географии — *распространение человеческой культуры по земной поверхности*. В связи с многозначностью и емкостью самого понятия “культура”, предмет культурно-географических (геокультурных) исследований имеет весьма широ-

кие рамки. С одной стороны, культурная география традиционно исследует пространственную дифференциацию элементов культуры — как артефактов, так и ментифактов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, с другой же стороны, — процессы и результаты пространственной самоорганизации целых культурных комплексов и их носителей — общностей людей со сложившимися, надбиологически выработанными, устойчивыми стереотипами мышления и поведения, передающимися от группы к группе, от поколения к поколению.

В последние десятилетия чрезвычайно важной тенденцией развития культурной географии стало также изучение *представлений о географическом пространстве* в разных культурных контекстах, образов различных местностей и территорий, отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди — носители той или иной культуры. Географические представления разных территориальных групп людей, своего рода “ментальная география” представляют для данной научной дисциплины, безусловно, не меньший исследовательский интерес, чем география “объективированной” культуры.

При таком понимании существа культурной географии, очевидно, что ее связи с другими науками исключительно широки и многообразны. Представляется, что при ее изучении как учебного курса особенно важны связи культурной географии с четырьмя группами учебных дисциплин.

Во-первых, это ее связи с другими географическими дисциплинами — в рамках как физической географии, так и географии человека (географии общества). Изучение географии культуры в отрыве от природных ландшафтов, равно как и живущих в них людей — “носителей” культуры, невозможно и теряет смысл.

Во-вторых, это ее связи с культурологическими дисциплинами. Изучение географии культуры предусматривает в качестве необходимой предпосылки постижение существа столь многогранного, многозначного явления, как культура, формирование научного, теоретического, концептуализированного представления о ней.

В-третьих, это ее связи с этнологией и этнографией. У них с культурной географией очень много “точек соприкосновения”. Но этнические факторы — лишь одна из групп факторов, определяющих географическое разнообразие культур. Поэтому культурная география и этнография не сводимы друг к другу.

В-четвертых, это ее связи с историческими дисциплинами, прежде всего с историей культуры. Общеизвестны слова Элизе Реклю, что География по отношению к человеку и культуре — не что иное как История в пространстве, точно так же, как История является Географией во времени. Применительно к культуре (как системе относительно устойчивой, в которой историческая традиция является одним из ключевых звеньев, определяющих ее функционирование), справедливость этих слов особенно очевидна.

К сожалению, в прошлом в нашей стране географическому изучению культурных явлений и процессов уделялось явно недостаточное внимание — не случайно сама обществоведческая ветвь географической науки формировалась и развивалась преимущественно как экономическая, а затем социально-экономическая география. Преподавание учебной дисциплины “Основы культурной географии” имеет огромное значение для обновления и гуманизации географического образования, и шире — вузовского образования вообще.

Программа разработана на основе подготовленного автором курса лекций, читаемого им с 1998 г. в Российском Университете Дружбы Народов студентам Экономического и Филологического факультетов. Поскольку данный учебный курс имеет “вводный” характер, подготовка специалистов в области культурной географии требует дополнения его другими спецкурсами, такими, как “Культурная география регионов мира”, “Культурная география России” и др.

II. Содержание программы

Феномен культуры и проблемы ее географического изучения. Сущность культуры и многообразие ее определений. Глобалистские, структуралистские, функциональные, аксиологические, символические, технологические и др. интерпретации культуры. Классификация А. Кребера и К. Клакхона. Культура как “вторая природа”. Человеческая деятельность и культура. Культура как надбиологический способ адаптации людей к окружающей среде. Знаки культуры. Культурные космосы. Универсализм и уникализм как парадигмы объяснения культурного процесса. Эволюция и диффузия в развитии культур. Географический подход к изучению культуры: почему он важен и в чем заключается? Множественность и пространственное разнообразие культур. Ментифакты, социофакты и артефакты в географических исследованиях. Культуры и образы жизни. Парадигма эквивалентности культур и ее значение для культурной географии.

Предмет культурной географии и ее место в системе наук. Культурологическая ветвь географии человека: тенденции формирования и этапы развития. “Широкий” и “узкий” взгляд на предмет культурной географии (географии культуры) в истории географической мысли. отождествление культурной географии с географией человека: “pro” и “contra”. География населения и география культуры. Соотношение культурной географии с социальной, экономической, политической географией. Связи культурной географии с физической географией, с культурологическими и историческими науками, этнологией. Характеристики культуры как региональные индикаторы. Территориальные общности людей и их поведение в геопространстве как объекты изучения в культурной геогра-

фии. Региональное самосознание как феномен культуры. Проблемы изучения региональной идентичности. Представления в разных культурах о географическом пространстве.

Историография культурной географии. Национальные традиции и школы. Античные авторы, классики Ренессанса и европейского Просвещения о географическом разнообразии культур, зависимости их развития от характера природных условий. Карл Риттер о значении земного пространства для человека и культуры. “Антропогеография” Фридриха Ратцеля, ее роль в развитии культурно-географических идей. Географический детерминизм, индетерминизм и POSSИБИЛИЗМ в культурной географии. Этапы развития западноевропейской культурной географии. “География человека” во Франции: от Элизе Реклю до учеников Видала де ла Блаша. “Культурные районы” и “культурные ландшафты” А. Геттнера и О. Шлютера. Карл Зауэр — основоположник американской культурной географии. Берклийская школа последователей К. Зауэра и ее место в формировании культурной географии как научной дисциплины. Культурная география в США и Западной Европе в середине и второй половине XX в. Классические труды Ф. Вагнера, Дж.Ф. Картера, Т. Джордана, С. Холла, К. Фена, К. Рупперта. В. Зелински о культурах как территориальных общностях людей. Сциентистские и антисциентистские установки в культурной географии второй половины XX в. Западная “гуманистическая география” 1970-1980-х гг. Школа П. Клаваля во Франции. Постмодерн в современной западной культурной географии.

Становление и развитие географии культуры в России. Антропокультурные подходы в дореволюционной русской географии. Л.И. Мечников о роли географической среды в генезисе и пространственной динамике очагов культуры. Антропогеографические и культурно-географические исследования А.И. Воейкова, Д.Н. Анучина, П.П. и В.П. Семеновых-Тян-Шанских, В.Г. Богораз-Тана, А.А. Крубера. “Район и страна” В.П. Семенова-Тян-Шанского (1928). Причины забвения дореволюционных традиций культурно-географических исследований в научном сообществе советских географов с конца 1920-х — начала 1930-х гг. Роль идей Н.Н. Баранского, Л.Е. Иофа, Р.М. Кабо, В.М. Гохмана, Б.Б. Родомана в гуманизации отечественной географии и освоении геокультурной тематики. Вклад советских этнографов в изучение географии традиционной культуры народов мира. Теоретико-методологические проблемы географии культуры в работах российских ученых в 1980-90-е гг. Работы Ю.А. Веденина по географии искусства.

Ландшафт и культура. Учение о культурном ландшафте. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре. Роль и место культуры в формировании ландшафтной оболочки Земли. Восприятие ландшафта как феномен культуры. Эстетика ландшафта. Образы ландшафта в культуре народов мира. Понятие о культурных ландшафтах и их соотношении с естественными и

антропогенными ландшафтами. Дискуссия о культурном ландшафте в зарубежной и отечественной географии. Аксиологические и дезаксиологические трактовки термина “культурный ландшафт”. Основные направления научной разработки проблематики культурного ландшафта в современной географии: конструктивистское, экологическое, гуманитарное направления. “Природный” и “культурный” слои в культурном ландшафте. Элементы материальной и духовной, традиционной и инновационной культуры, “живой” культуры и культурного наследия как ландшафтно-дифференцирующие и ландшафтно-дескриптивные признаки.

Географическая среда и многообразие культур. Взаимодействие человека и природы в разных природных регионах Земли и его две стороны. Зависимость общества от физико-географических условий среды на разных ступенях культурной эволюции. Воздействие человеческой культуры на окружающую среду и ландшафты. Фактор ландшафтного разнообразия в зарождении культур. Географическая зональность и дифференциация культур. Жизнь людей в постоянно влажных тропиках, в аридной тропической полосе, в умеренных и приполярных широтах (сопоставление). Климат и образ жизни. Культуры равнин и культуры гор. Пустыня и общество. Значение рек и морей в происхождении, развитии и взаимодействии культур. Изолированные островные культуры. Экологические кризисы в истории человечества, их региональные особенности и влияние на культурный процесс в разных ландшафтных зонах.

Антропогенез и география культуры. Антропогенез, социогенез и культурогенез, их взаимосвязь. В поисках прародины человечества: моноцентрические и полицентрические гипотезы. Географическая среда, биология человека и его культурная адаптация к физико-географическим условиям. Исторические ступени антропогенеза и сапиентации, их региональные очаги и геокультурные аспекты. Прогресс орудий труда как “вектор” сапиентации. “Кластеры” культурных признаков разных человеческих популяций (*Homo Habilis*, *Homo Erectus*, ранние *Homo Sapiens*), их географическое распространение. Динамика изначальной Ойкумены: человек заселяет Землю. Формирование и география человеческих рас. Есть ли связь между расой и культурой?

Этническая мозаика и география культуры. В чем проявляется “этничность” культуры? Этнические основания геокультурного разнообразия. Человечество — мозаика народов. Примордиалистские, инструменталистские и конструктивистские концепции этноса в мировой культурной антропологии. Теории этноса в отечественной этнологии. Понятие этнической идентичности. Этническое расселение как объект изучения географической науки. Его основные типы и формы. Отражение особенностей этнического расселения в географии культуры. Понятия материальной и формальной аккультурации. Этнические меньшинства как культурные общности. Культурная география этнических диаспор.

Языки народов мира и география культуры. Язык как связующее звено культуры и как культурно-дифференцирующий фактор. Лингвистическая классификация народов мира. Понятие о говорах, диалектах, языках, языковых группах и семьях. Возникновение, обособление и распространение по земному шару языковых групп и семей. Этнолингвистический состав населения разных континентов и регионов мира. География языковых семей и языковых групп народов России.

Географические проблемы изучения хозяйственно-культурной дифференциации человечества. Хозяйственно-культурное многообразие народов мира как объект изучения географов и этнографов. Мировая схема “форм хозяйственной деятельности” Э. Хана, ее развитие в работах К. Зауэра, Д. Грига и других зарубежных ученых. Концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ) в советской этнографии (работы С.П. Толстова, М.Г. Левина, Н.Н. Чебоксарова, Б.В. Андрианова, В.П. Алексеева). ХКТ и историко-этнографические области. Принципы выделения ХКТ. Роль естественно-географических условий в их генезисе. Основные макрогруппы ХКТ, соотношение между ними в разные исторические эпохи. ХКТ доаграрных обществ: собиратели, охотники и рыболовы. Их распространение по Земному шару на рубеже нашей эры, к началу Нового времени и в современную эпоху (по Н.Н. Чебоксарову и Б.В. Андрианову).

Хозяйственно-культурные типы народов аграрных обществ (географический обзор). Историко-географические особенности перехода от присваивающего хозяйства к производящему. География Неолитической революции. Центры происхождения культурных растений и domestikации животных. Значение горных и предгорных районов в генезисе земледельческо-скотоводческих культур. Ступени эволюции производящего хозяйства и культурная дифференциация народов мира. Влияние земледельческой культуры на плотность и размещение населения. Виды аграрной деятельности и разнообразие образов жизни. Ручные и пашенные земледельцы. Кочевые и оседлые скотоводы. Роль ирригации в становлении очагов высокой культуры. Области “великих исторических рек” как культурные регионы. Культурно-географические различия между областями мотыжного и плужного земледелия. Районы переложного, подсечно-огневого и залежного земледелия в I – II тысячелетиях н.э. География номадических культур Евразии и Африки.

Геокультурные аспекты урбогенеза и урбанизации. Урбогенез и урбанизация: соотношение понятий и пространственно-временные рамки. Исторические стадии урбогенеза и урбанизации, их отражение в географии городов, в динамике городских сетей. Типы городов как культурных центров. Особенности городов разных культурно-исторических регионов, областей и стран. Специфическое социокультурное пространство города — интеллектуальное, языковое, коммуникативное. Открытость города. Город как субъект и пространство диалога культур. Восприятие

города на Западе и на Востоке. Города как культурные анклавы. Города как очаги нововведений. Понятие о социокультурном потенциале города. Современная урбанизация как пространственное распространение городского образа жизни. Формируется ли единое пространство урбанизированной культуры?

Миграции людей и пространственная диффузия культуры. Взаимодействие между культурными мирами. Понятие о пространственной диффузии явлений культуры. Диффузионистские концепции в этнологии и культурной антропологии (работы Ф. Ратцеля, Л. Фробениуса, Ф. Гребнера и др.), их влияние на развитие культурной географии. Виды, элементы и фазы пространственной диффузии культуры. Роль культурных контактов в истории человечества. Явления культуры как признак взаимной связи между народами. Пространственная мобильность, устойчивость и способность к заимствованию у разных элементов культуры. Волны “великих переселений” народов и распространение культур по Земному шару. Миграции кочевников: их причины и культурные последствия для разных регионов Земли. Барьеры на пути культурной диффузии: физико-географические и цивилизационно-культурные. Роль морей в культурных контактах.

География религий народов мира (общий обзор). Роль религий в дифференциации культур на разных ступенях истории человечества. Зарождение и эволюция религиозных верований. Отражение в религиозных культах особенностей географической среды. Отношение к природе в различных религиях. Конфессиональная мозаика человечества: племенные, национальные, мировые религии. Миграции людей и распространение религиозных идей. Особенности формирования конфессионального состава населения и современная география религий в отдельных регионах и частях света. Межконфессиональные разломы в современном мире. Конфессиональный фактор в этнических и территориальных конфликтах.

Мировые религии как объект изучения культурной географии. Распространение мировых религий (буддизм, христианство, ислам) по Земному шару: очаги возникновения, факторы и волны пространственной экспансии (сравнение). Особенности расселения и динамика численности христиан, мусульман и буддистов в отдельных регионах мира. Различия религиозных этик буддизма, христианства и ислама, их культурно-, социально- и экономико-географические следствия. Влияние мировых религий на образ жизни, бытовой уклад, формирование и трансформацию политических институтов в разных регионах Земли.

Культурные районы мира. Основы культурного районирования. Регионализм как феномен культуры. Культурный район как территориальная общность людей. Однородные и узловые культурные районы. Проблема отбора наиболее важных признаков при культурном районировании. Культурные границы, их барьерная и контактная функции. Цивилиза-

ции, историко-культурные области и локальные культурные комплексы как таксономические единицы культурного районирования. Сетки культурных районов мира (сравнение). Культурные районы России. Устойчивы ли культурные районы?

Глобализация и судьбы локальных культур. Глобализация и ее культурно-географические последствия. Традиционализм и модернизация в мировом и региональных контекстах. Географическое многообразие форм взаимодействия традиционной и инновационной культуры. Проблема устойчивости традиционных институтов в условиях глобализации. Тождественны ли друг другу “вестернизация” и “модернизация” традиционных обществ? Сохранение культурного разнообразия как императив устойчивого развития человечества.

III. Список литературы к учебному курсу

Основная литература:

1. *Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998.
2. *Андреанов Б.В.* Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985.
3. *Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982.
4. *Богораз-Тан В.Г.* Распространение культуры по Земле. Основы антропогеографии. М.-Л.: Госиздат, 1928.
5. *Вавилов Н.И.* Центры происхождения культурных растений. Л.: Всес. Ин-т прикладной ботаники и новых культур, 1926.
6. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: “Дмитрий Буланин”, 1997.
7. *Воейков А.И.* Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека / Чтения по культурно-экономической географии. СПб.: Изд. С.П. Бобина, 1911.
8. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо—Психо—Логос. М.: Издат. группа “Прогресс — Культура”, 1995.
9. География искусства. Вып. I — III. М.: Институт Наследия, 1996—2002.
10. *Геттнер А.* Как культура распространялась по Земному шару. Л.: Начатки знаний, 1925.
11. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Наука, 1989.
12. *Джеймс П., Мартин Дж.* Все возможные миры. История географических идей. М.: Прогресс, 1988.
13. *Дружинин А.Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999.
14. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.
15. *Кабо Р.М.* Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. №5. 1947. С.5—32.

16. *Калуцков В.Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ, 2000.
17. Культурная география / Отв. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 2001.
18. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования / Отв. ред. В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская. М. – Смоленск: Изд. СГУ, 1998.
19. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М.: Голос труда, 1924; 2-е изд.: М.: Прогресс—Пангея, 1995.
20. Мифы народов мира. Т. 1–2. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991–1992.
21. Народы и религии мира: Энциклопедия / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
22. *Ратцель Ф.* Земля и жизнь. Сравнительное земледование. СПб.: Изд-во Брокгауз—Ефрон. Т. 1. Вып. 1–4. 1903–1905; Т. 2. 1906.
23. *Ратцель Ф.* Народоведение. Т. 1–2. СПб.: Просвещение, 1902.
24. *Реклю Э.* Земля и люди. Всемирная география. Т. 1–19. СПб.: Изд-во О.Н. Попова, 1898–1906.
25. Религиозные традиции мира / Под ред. Б.Г. Иэрхарта, Д. Иэрхарта и Дж. Де Ру. Т.1-2. М.: Крон-пресс, 1996.
26. *Ritter K.* Пространственное устройство наружной поверхности земного шара и ее влияние на ход развития истории человечества // *Ritter K.* Земледование Азии. Пер. и доп. П.П. Семенова. Т. I. СПб.: Изд. Голубков, 1856. С.139–179.
27. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества (под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. рук. П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. В 19 тт. – СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1899–1914.
28. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М. – Л.: Госиздат, 1928.
29. Страны и народы: Научно-популярное географо-этнографическое издание. В 20 тт. М.: Мысль, 1978–1985.
30. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С.18–28.
31. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Мысль, 1991.
32. *Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. С. 279–366.
33. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. I. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.
34. *Broek J. O. M., Webb J. W.* A geography of mankind. NY: McGraw-Hill, 1968 (Chapter 8: Culture realms. P. 183–207).
35. *Carter G.* Man and the land: A cultural geography. NY: Holt, Rinehart & Winston, Inc., 1968.
36. *Harvey D.* The condition of postmodernity. An enquiry into the origins of cultural change. Oxford and Cambridge (Mass.): Basil Blackwell, 1989.

37. *Jordan T., Rowntree L.* The human mosaic: A thematic introduction to cultural geography. NY: Harper & Row, 1982.
38. *Ley D., Samuels M.* Humanistic geography. L.: Groom Helm, 1979.
39. *Sauer C.O.* The morphology of landscape // University of California Publications in Geography. 1925. № 2. P.19–53.
40. *Tuan Yi-Fu.* Space and place: the perspective of experience. 2nd print. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977.

Дополнительная и специальная литература:

1. *Алексеев В.П.* География человеческих рас. М.: Мысль, 1974.
2. *Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3–16.
3. *Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Историко-этнографические области: проблемы историко-этнографического районирования // Советская этнография. 1975. № 3. С. 15–25.
4. *Баландин Р.К., Бондарев Л.Г.* Природа и цивилизация / Том в серии "Мир географии". М.: Мысль, 1988.
5. *Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г.* Создано человечеством: О единстве и многообразии культуры. М.: Политиздат, 1984.
6. *Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г.* О предмете и задачах этногеографии // Сов. этнография. 1963. № 1. С. 11–25.
7. *Веденин Ю.А.* Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск № 2, М.: ГИВЦ МК РФ, 1997. С. 3–99.
8. *Витвер И.А.* Французская школа "географии человека" // Уч. зап. МГУ. Вып. 35. Сер. геогр. 1940. С. 5–57.
9. *Геттнер А.* Россия: культурно-политическая география. М.: Изд. Ю. Лепковского, 1909.
10. *Гольц Г.А.* Урбанизация как феномен культуры: закономерности социально-информационного разнообразия // Изв. РАН. Сер. геогр. 1994. № 3. С. 24–37.
11. Город как социокультурное явление исторического процесса (под ред. *Э.В. Сайко*). М.: Наука, 1995.
12. *Замятин Д.Н.* Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
13. *Иванов Вяч.Вс.* Природные символы как элементы знаковых систем культуры // Природа и общество: Исторические этапы и формы взаимодействия. М.: Наука, 1981. С. 275–284.
14. *Иванов К.П.* Проблемы этнической географии / Под ред. А.И. Чистобаева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
15. Империя пространства. Хрестоматия по геополитике и геокультуре России / Сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин. М.: Росспэн, 2003. 720 с.

16. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
17. *Каринский С.С.* География и искусство // Вестник МГУ. Сер. 5. Геогр. 1990. № 2. С. 27–33.
18. *Ковалев Е.М.* Гуманитарная география России. М.: Ла Варяг, 1995.
19. *Костинский Г.Д.* Установки сознания и представления о различных традициях в географии. // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 5. С. 123–129.
20. *Криндач А.Д.* География религии как научное направление. // Изв. РАН. Сер. геогр. 1992. № 3. С. 63–69.
21. *Крицюнас В.-Р.Л.* Геоисторическая парадигма и районирование мира // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. М.: МГУ – ИЛА РАН, 1993. С. 95–113.
22. *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989.
23. *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект). М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1998.
24. *Мурзаев Э.М.* Топонимика и география. М.: Наука, 1995.
25. *Новиков А.В.* Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. – М.: МГУ – ИЛА РАН, 1993. С. 84–93.
26. *Пучков П.И.* Современная география религий. М.: Наука, 1975.
27. *Селиванов А.О.* Природа, история, культура. Экологические аспекты культуры народов мира. М.: ГЕОС, 2000.
28. *Серебрянный Л.Р.* География и живопись // Изв. РАН. Сер. геогр. 1992. № 6. С. 41–46.
29. *Стрелецкий В.Н.* Этническое расселение и география культуры // СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география. / Отв. ред. П.М. Полян. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 396–466.
30. *Суций С.Я., Дружинин А.Г.* Очерки по географии русской культуры. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 1994.
31. *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры). Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993.
32. *Токарев С.А.* О культе гор у народов Евразии // Сов. этнография. 1982. № 3. С. 107–113.
33. Традиционный опыт природопользования в России / Отв. ред. Л.В. Данилова, А.К. Соколов. М.: Наука, 1998.
34. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1998.
35. *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985.

36. *Чеснов Я.В.* О теории “культурных областей” в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М.: Наука, 1976. С. 68–96.
37. *Элиаде М.* Космос и история. Избр. работы. М.: Прогресс, 1987.
38. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. М. Крюков, И. Зельнов. М.: Наука, 1988.
39. *Banase E.* Landschaft und Seele. Neue Wege der Untersuchung und Gestaltung. Muenchen – Berlin: Oldenburg, 1928.
40. *Claval P.* Essai sur l'évolution de la géographie humaine. Paris: Les Belles-Lettres, 1964.
41. *Cosgrove D., Daniels S.* The iconography of landscape. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
42. *Crang M.* Cultural geography. L. – NY.: Routledge, 1998.
43. Cultural identity and global process / Ed. by J. Friedmann. L.: Sage, 1994.
44. *Dicken S., Pitts F.* Introduction to cultural geography. A study of man and his environment. Waltham (Mass.) – Toronto: Xerox College – Ginn, 1970.
45. *Featherstone M.* Undoing culture: globalization, postmodernism and identity. L.: Sage, 1995.
46. *Gregory D.* Geographical imaginations. Oxford: Basil Blackwell, 1994.
47. *Jackson P.* Maps of meaning: An introduction to cultural geography. L.: Unwin Hyman, 1989.
48. *Hahn E.* Die Wirtschaftsformen der Erde. // Petermann's Mitteilungen. 1892. Bd. 38.
49. *Ratzel F.* Anthropogeographie. Bd.1. Grundzuege der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart: J. Engelhorn, 1882.; Bd. 2. Die geographische Verbreitung des Menschen, Stuttgart: J. Engelhorn, 1891.
50. *Relph E.* Place and placelessness. L.: Pion, 1976.
51. *Sack R.* Human territoriality: its theory and history. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
52. *Sauer C.O.* Agricultural Origins and Dispersals. NY.: American Geogr. Society, 1952.
53. *Schlueter O.* Die Ziele der Geographie des Menschen. Muenchen: R. Oldenburg, 1920.
54. *Semple E.* Influence of geographic environment. L.: Constable, 1911.
55. *Spencer J., Thomas W.* Cultural geography: An evolutionary introduction to our humanized Earth. NY: John Wiley & Sons, Inc., 1969.
56. *Vidal de la Blache P.* Principes de Géographie humaine. Paris: Armand Colin, 1922.
57. *Wagner Ph., Mikesell M.* Readings in cultural geography. Chicago: Chicago University Press, 1962.
58. *Zelinsky W.* The cultural geography of the United States. Englewood Cliffs, NJ.: Prentice-Hall, 1973.

Аннотация

Учебный курс «Основы культурной географии» предназначен для студентов гуманитарных специальностей, уже имеющих базовые знания как по культурологии, так и по географии. Он рассчитан на студентов, специализирующихся в области географических и культурологических наук, а также студентов-старшекурсников других гуманитарных и обществоведческих специальностей (историков, филологов, экономистов и др.). Цель курса — дать студентам представление о предмете культурной географии как научной дисциплины, о проблемах географического изучения культурного многообразия человечества и его неразрывной связи с ландшафтной сферой Земли.

Summary

The course on Cultural Geography is offered to the students specializing in human sciences with the anthropological and geographical background. The course covers a theoretical introduction to cultural geography and a brief description of historical and regional cultural geography of Mankind.

Н.Ю. Замятина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВ МЕСТ В ПРЕПОДАВАНИИ СТРАНОВЕДЕНИЯ И ГРАДОВЕДЕНИЯ*

Страноведение и градоведение, не занимаясь непосредственно изучением представлений, открывает, тем не менее, широкое поле для прикладного применения результатов их изучения, получаемых в соответствующих отраслях географии. В первую очередь, страноведение и градоведение предъявляют спрос на образы отдельных мест, стран и городов.

В современной географии сосуществуют различные трактовки понятия образа. В классической поведенческой (когнитивной) географии (во многом следующей естественнонаучному подходу к предмету), как и в психологии, образ – визуальный объект, “картинка”, возникающая в сознании человека. Иногда образ рассматривается как совокупность различных (не только визуальных) представлений об объекте, отраженных в сознании одного человека или группы людей. С гуманитарной точки зрения, образ – комплекс несомых *текстом* представлений об объекте или явлении. В любом случае важен такой аспект образа как целостность (если угодно – системность). В большинстве случаев использование термина “образ” подразумевает определенным способом организованную информацию (зрительную или иных видов), восприятие которой не равно изолированному восприятию отдельных ее элементов.

На основании последней особенности попытаемся сформулировать *определение образа места*, как оно может найти применение в прикладной сфере: это *определенным способом организованная, внутренне целостная информация о месте* (визуальная или иного рода).

В страно- и градоведении могут быть использованы как “естественнические” образы, представленные в сознании, так и “гуманитарные” образы, представленные в текстах. В первом случае образы, используемые в страноведении, представляются нам как дополнительная информация к комплексной характеристике страны: например, сведения о том, какие ассоциации вызывает у большинства жителей их столица, с чем чаще всего ассоциируется

* Фрагмент готовящегося пособия для студентов географических специальностей “Образ города: методика полевой гуманитарно-географической работы”.

форма страны и т.д. Во втором случае образ служит основой (одной из основ) описания (характеристики) страны. Настоящий текст посвящен именно второму случаю: созданию текстов, служащих основой для восприятия образов мест (учебники, лекции, популярные энциклопедии и др.).

Итак, текст должен содержать некоторую информацию, на основе которой у читателя (слушателя) будет формироваться образ места. Можно утверждать, что сильный, хорошо воспринимаемый и запоминающийся образ места должен удовлетворять определенным критериям. Это можно проследить по классическим образцам художественных и страноведческих описаний, имеющихся в литературе; примерно те же критерии используются в деловой практике создания имиджа. Ниже мы предприняли попытку обобщить и сформулировать основные требования к образному страноведческому тексту.

“Квантовая” организация текста. Информация должна группироваться в сгустки, тематические блоки. Важно, чтобы группировка информации по блокам была не формальной (вроде традиционной схемы “положение—население—хозяйство”), а содержательной, например:

Город N: а) степной, б) приморский.

При этом в каждом блоке группируется весь комплекс информации, включая особенности населения и хозяйства, связанный, соответственно, со степью и морем.

Это правило, по сути, есть базовое требование образного страноведения, неоднократно оговоренное классиками. Примерно об этом писал Н.Н. Баранский, формулируя основные требования к страноведческой характеристике:

“В описании идут в определенном порядке, от полочки к полочке, от номера к номеру, не отбирая признаков по их важности, не заботясь о внутренней связи между отдельными чертами хозяйства страны или района, не стараясь их объяснить, не сопоставляя их с особенностями исторических судеб.

Совершенно иначе строится характеристика.

Для характеристики отбираются важнейшие черты, отличающие данную страну или данный район от прочих; эти черты приводятся в определенную связь между собой, в определенную систему, из них выделяется ведущая, занимающая в этой системе центральное положение. Затем мобилизуются те особенности в положении, природе и исторических судьбах данной страны или района, которые могут объяснить уже выявленные нами особенности хозяйственного облика данной страны или района.”

Баранский Н.Н. О связи явлений в экономической географии // Избранные труды. Становление советской экономической географии. М.: “Мысль”, 1980. 287 с. — С. 166.

Характерно, что этим классическим рекомендациям не удовлетворяет огромная масса страноведческих трудов, включая самые современные: в “гуманизированных” работах меняется лишь список “полочек”, вместо отраслей промышленности в обязательном порядке перечисляются региональные периодические издания и т.д. По-видимому, проблема в том, что требования образности часто противоречат требованиям комплексной страноведческой характеристики. Характеристика подразумевает энциклопедичность, перебор свойств места “от геологии до идеологии”. Образность же требует отказа от чрезмерной мелочности. Здесь необходима живопись широкими мазками. Незначительные для данного места сведения должны “генерализоваться” с его образной карты. Широко распространенные в страноведении сплошные переборы типа “цветная металлургия в данной стране развита слабо, легкая промышленность представлена отдельными полкустарными предприятиями” несут смерть образности описаний. Энциклопедичность в тематике вступает в противоречие с законами функционирования мышления, стремящемуся к группировке информации. Получая информацию о слабо развитой цветной металлургии и полкустарных фабриках, сознание пытается увязать их с основной специализацией страны (допустим, нефтедобыча) и друг с другом и, не выдерживая подобной задачи, маркирует получаемый текст как “кашу”, трудную для усвоения.

Из необходимости фильтрации информации в образном описании следует, что целесообразно рассматривать как отдельные задачи создание справочных, энциклопедических страноведческих характеристик, и образные, рассчитанные на живого читателя, страноведческие тексты (в частности, учебники). Во втором случае просто необходимо отсеять часть информации, а оставшуюся часть максимально компактно сгруппировать в несколько блоков.

Ограничение числа ведущих тем. Ведущих тем не должно быть слишком много для одного города/страны (категорически не более семи), в противном случае возникают существенные сложности с усвоением информации. Это требование жестко выдерживается профессиональными имиджмейкерами; оно же интуитивно соблюдается в искусстве:

“Несомненно, оттого, что я напичкал их своими грезами, имена не отличаются большой емкостью; мне удавалось поместить в них самое большее две или три важнейшие достопримечательности города, и они располагались там друг подле дружки вплотную. Может быть, именно упрощенность этих образов была одной из причин власти, которую они забрали надо мной. <...> Когда отец мой решил однажды, что мы поедем на пасхальные каникулы во Флоренцию и Венецию, то, не найдя в имени Флоренция места для элементов, составляющих обыкновенно города, я принужден был породить на свет некий сверхъестественный город путем оплодотворения определенными весенними запахами того, что, по моим

представлениям, было сущностью гения Джотто. <...> Имя Флоренция было разделено в моем воображении на два отделения. В одном, под архитектурным балдахином, я разглядывал фреску, частью задернутую занавесом утреннего солнца, пыльным, косым и все более раздвигающимся; в другом <...> я поспешно переходил — чтобы скорее сесть за стол, где меня ожидал завтрак с фруктами и вином кьянти, — Арно по мосту Понте-Веккьо, заваленному жонкильями, нарциссами и анемонами”.

Пруст М. В сторону Свана: роман / Пер. с фр. А. Франковского. — СПб.: Азбука, 2000. — 640 с. — С. 557—558.

3. Символы тем. Желательно, чтобы каждый “квант” информации (тематический блок) имел свой яркий символ, дополненный информацией. Лучше всего это иллюстрировать на примере путешествия и экскурсии. В большинстве случаев в памяти экскурсия или путешествие связываются с определенным предметом, событием, ярким коротким воспоминанием. Это может быть символический вид (вроде Эйфелевой башни в Париже), фотография на фоне, событие из личной жизни (Это там мы познакомились с) и даже — кстати, очень часто — гастрономическое воспоминание (Ах, это тот город, где в ресторане подавали). Подобные символы не стоит воспринимать как редукцию информации. Скорее наоборот, они служат своеобразными “закладками” в памяти, позволяющими хорошо запомнить, различать и при необходимости “оживлять” то или иное воспоминание.

Это универсальное свойство памяти, одно из классических описаний которого принадлежит М. Прусту:

“Много лет уже, как от Комбре для меня не существовало ничего больше, кроме театра драмы моего отхода ко сну, и вот, в один зимний день, когда я пришел домой, мать моя, увидя, что я озяб, предложила мне выпить, против моего обыкновения, чашку чаю. Сначала я отказался, но, не знаю почему, передумал. Мама велела подать мне одно из тех кругленьких и пузатеньких пирожных, называемых “мадлен”, формочками для которых как будто служат желобчатые раковины моллюсков из вида морских гребешков. И тотчас же, удрученный унылым днем и перспективой печального завтра, я машинально поднес к своим губам ложечку чаю, в котором намочил кусочек “мадлен”. Но в то самое мгновение, когда глоток чаю с крошками пирожного коснулся моего нёба, я вздрогнул, пораженный необыкновенностью происходящего во мне. Сладостное ощущение широкой волной разлилось по мне, казалось, без всякой причины. <...> Откуда могла прийти ко мне эта могучая радость? Я чувствовал, что она была связана со вкусом чая и пирожного, но она безмерно превосходила его, она должна была быть иной природы. Откуда же приходила она? Что она означала? Где схватить ее?

<...>

И вдруг воспоминание всплыло передо мной. Вкус этот был вкусом кусочка “мадлен”, которым по воскресным утрам в Комбре (так как по воскресеньям я не выходил из дому до начала мессы) угощала меня тетя Леония, предварительно намочив его в чае или настойке из липового цвета, когда я приходил в ее комнату поздороваться с нею. Вид “мадлен” не вызвал во мне никаких воспоминаний, прежде чем я не отведал ее; может быть, оттого, что с тех пор я часто видел эти пирожные на полках кондитерских, не пробуя их, так что их образ перестал вызывать у меня далекие дни Комбре и ассоциировался с другими, более свежими впечатлениями <...> Но, когда от давнего прошлого ничего уже не осталось, после смерти живых существ, после разрушения вещей, одно только, более хрупкие, но более живучие, более невестественные, более стойкие, более верные запахи и вкусы долго еще продолжают, словно души, напоминать о себе, ожидать, надеяться, продолжают, среди развалин всего прочего, нести, не изнемогая под его тяжестью, на своей едва ощутимой капельке огромное здание воспоминания.

И как только узнал я вкус кусочка размоченной в липовой настойке “мадлен”, которую угощала меня тетя <...>, так тотчас старый серый дом с фасадом на улицу, куда выходили окна ее комнаты, прибавился, подобно театральной декорации, к маленькому флигелю, выходившему окнами в сад и построенному для моих родителей на задах (этот обломок я только и представлял себе до сих пор); а вслед за домом — город с утра до вечера и во всякую погоду, площадь, куда меня посылали перед завтраком, улицы, по которым я ходил, дальние прогулки, которые предпринимались, если погода была хорошая. И как в японской игре, состоящей в том, что в фарфоровую чашку, наполненную водой, опускают маленькие скомканые клочки бумаги, которые, едва только погрузившись в воду, расправляются, приобретают очертания, окрашиваются, обособляются, становятся цветами, домами, плотными и распознаваемыми персонажами, так и теперь все цветы нашего сада и парка г-на Свана, кувшинки Вивоны, обыватели городка и их маленькие домики, церковь и весь Комбре со своими окрестностями, все то, что обладает формой и плотностью, все это, город и сады, всплыло из моей чашки чаю.”

Пруст М., с. 95—97.

То же относится и к географической информации. Снабженная символом, эта пища оказывается гораздо приятнее для пищеварения нашего сознания.

Следует, однако, призвать к осторожности, с которой нужно прибегать к использованию в качестве символов места его типовых достопримечательностей и расхожих “символов”. Конечно, традиционные символы вроде Собора Василия Блаженного в Москве или Эйфелевой башни в Париже легко послужат мысленной “закладкой” для узнавания, соответственно, Москвы или Парижа. Однако этого мало для узнавания

образа в целом. Собор может быть использован в качестве символа Москвы только в том случае, если желаемый образ Москвы должен быть основан на православии, традиционности, лубочности, — всем том, что может ассоциироваться с собором. Эйфелева башня хороша как символ способности Парижа к обновлению. Если же автор не хочет придавать образу Москвы патриархальную благообразность, а Парижу — динамичность, эти расхожие символы стоит обойти стороной. Образ не должен уподобляться стереотипическому японскому туристу, пунктуально “отмечающемуся” на фотопленке у всех достопримечательностей по списку.

Подбор символа требует особой тщательности; он должен быть подобран так, чтобы спектр возможных ассоциаций с ним как можно полнее охватывал соответствующий тематический блок характеристики города (страны). При этом желательно подбирать символы, близкие и понятные потенциальному получателю информации (читателю, слушателю, инвестору и т.д.). Приводимый ниже текст иллюстрирует процесс формирования образа города: от вычленения темы — древность — до конденсации образа в мысленный символ. Особо обратим внимание на вписанность достопримечательности — церкви — в более широкий образ древней, первозданной земли (вехи вписания мы отметили *полужирным шрифтом*):

“Мойм заветнейшим желанием было увидеть бурю на море, прельщавшую меня не столько в качестве величественного зрелища, сколько в качестве явления, приоткрывающего подлинную жизнь природы; или, вернее, прекрасными зрелищами были для меня только те, которые, как я знал, не принадлежат к числу искусственно созданных для моего развлечения, но являются необходимыми, не поддающимися изменению, — красоты природы или великие произведения искусства. <...> Я требовал также, чтобы морской берег, с которого я наблюдал бы её, был естественным берегом, а не молот, недавно сооружённым муниципалитетом. <...> И имя Бальбек, которое называл нам Легранден, запечатлелось в моем сознании как имя городка, расположенного “у мрачных морских берегов, славившихся многочисленными кораблекрушениями и ежегодно в течение шести месяцев окутанных саваном густых туманов и пеной волн”.

“Там еще чувствуется под ногами, — говорил он нам, — гораздо сильнее даже, чем в Финистере (хотя бы этот древнейший костяк земли загромождался в настоящее время отелями, неспособными изменить его характер), там чувствуется настоящий предел французской, европейской земли, старого мира. И это последняя стоянка рыбаков, живших с начала мира у порога незапамятно древнего царства морских туманов и ночных теней”. Однажды, когда я заговорил в Комбре об этом бальбекском пляже со Сваном, чтобы узнать от него, действительно ли эта местность является наиболее подходящей для наблюдения штормов на море, он отвечал: “Да, мне кажется, я хорошо знаю Бальбек! Бальбекская церковь, построенная в XII и XIII столетиях, еще наполовину романская, является, может быть, наиболее любопытным образцом норманской готики, но замечательнее

всего, что там чувствуется влияние даже персидского искусства". И эти места, казавшиеся мне до сих пор не чем иным, как куском незапамятно древней природы, современной великим геологическим эпохам, — места, столь далекие от истории человечества, как Океан или Большая Медведица, и населенные диким племенем рыбаков, для которого так же, как и для китов, не существовало средневековья, — приобрели в моих глазах еще большую прелесть, когда они вдруг представились мне вплетенными в ряд веков, пережившими эпоху романского стиля, когда я узнал, что готический трилистник пришел украсить, в назначенный час, также и эти дикие скалы, подобно тем нежным, но живучим растениям, которые с наступлением весны усеивают хрупкими звездочками снега полярных областей. И если готика приносила этим местам и этим людям недоставшую им определенность, то и они сообщали ей взамен известное своеобразие. Я пробовал мысленно нарисовать себе картину жизни этих рыбаков, представить себе робкие и неуклюжие попытки социальных отношений, которые они устанавливали там в средние века, скученные на узкой полоске земли, в преддверии ада, у подножия скал смерти; и готика казалась мне более живой теперь, когда, отделив ее от городов, где я воображал ее до сих пор, я мог видеть, как в одном частном случае, среди диких утесов, она пустила корни, выросла и расцвела остроконечной колокольней. Меня повели в музей посмотреть репродукции самых прославленных статуй бальбекской церкви — кудрявых и курносых апостолов, Деву Марию с портала, — и от радости у меня захватило дух при мысли, что в один прекрасный день я буду иметь возможность увидеть их воочию на фоне извечного соленого тумана. И тогда, в бурные и полные уюта февральские вечера, ветер — навевая моему сердцу (где он гудел с не меньшей силой, чем в камине моей спальни) проект поездки в Бальбек — сливал мое желание видеть готическую архитектуру с желанием любоваться штормами на море. <...> Даже не ожидая завтрашнего поезда, я мог бы, если бы позволили мне родители, торопливо одеться и уехать сегодня же, так, чтобы прибыть в Бальбек в момент, когда забрезжит рассвет надбушующем морем, от соленых брызг которого я укроюсь в церкви персидского стиля.

<...>

Что касается Бальбека, то это было одно из тех имен, на котором, как на старой норманской посуде, хранящей цвет земли, послужившей для нее материалом, видно еще изображение какого-нибудь давно исчезнувшего обычая, феодального права, старинного вида местности, вышедшей из употребления манеры произношения, которая запечатлелась в форме причудливых слогов и которую я не сомневался найти там в неприкосновенности, даже у трактирщика, который подаст мне кофе с молоком по моем приезде и поведет к церкви показать бушующее перед ней море; этого трактирщика я мысленно наделял сварливой, торжественной и средневековой внешностью персонажа из фавлю...

В имени Бальбек, как в увеличительном стекле, вставленном в те ручки для перьев, которые можно купить на морских пляжах, я различал волны, бушевавшие вокруг персидской церкви”.

Пруст М., с. 550—558.

Обратим внимание, что образность не следует путать с цветистостью описаний. Образы тщательно подбираются под определенный блок информации. В идеале, они должны автоматически вызывать в сознании читателя ряд ассоциаций, почти совпадающий с тем, что читателю и предлагается усвоить*. Ярчайшие примеры “антиобразного” построения информации часто можно услышать в спортивных комментариях, когда “для украшения” текста используются не связанные с его содержанием метафоры. Например, голландский теннисист называется “любителем тюльпанов”. Конечно, слушатель, сообщает, что тюльпаны — символ Голландии; но собственно содержание сообщения связано не со свойствами Голландии, а с результатом игры теннисиста, и для ее усвоения упоминание тюльпанов служит не столько подспорьем, сколько помехой (оправданием комментатору служит только то, что результат матча болельщику и так легко запомнить, и “мусорная” информация о тюльпанах не является здесь уж очень серьезным препятствием). Напротив, упоминание о голландских тюльпанах было бы уместно, если бы как-то соотносилось с игрой голландца — например, отличающегося изящностью, аккуратными, будто нежными ударами ракеткой и т.д. Вновь приведем в пример классическое описание Бальбека, где все эпитеты (старая норманская посуда, хранящая цвет земли, ручки для перьев, продающиеся на морских пляжах и т.д.) выстраивались в единый образный ряд древности и моря.

Наращивание темы. Помимо символа, выбранная тема должна быть предъявлена в тексте неоднократно, в разных вариациях.

“Здесь я должен в скобках заметить, что станция, где происходит действие, никогда, даже во времена мировых войн, не могла пожаловаться на нехватку мела. Ей, случалось, доставало шпал, дрезин, спичек, молибденовой руды, стрелочников, гаечных ключей, шлангов, шламбаумов, цветов для украшения откосов, красных транспарантов с необходимыми лозунгами в честь того или совершенно иного события, запасных тормозов, сифонов и поддувал, стали и шлаков, бухгалтерских отчетов, амбарных книг, пепла и алмаза, паровозных труб, скорости, патронов и марихуаны, рычагов и будильников, развлечений и дров, граммофонов и грузчиков, опытных письмовыводителей, окрестных лесов, ритмичных расписаний, сонных мух, щей, каши, хлеба, воды. Но мела на этой станции всегда было столько, что, как указывалось в заявлении телеграфного агентства, понадобится составить столько-то составов такой-то грузоподъемностью каждый, чтобы вывезти

** Проблема в том, что один и тот же символ может вызывать различные ассоциации в сознании автора образа и его читателя. Она будет рассмотрена ниже.

со станции весь потенциальный мел. Вернее, не со станции, а из меловых карьеров в районе станции. А сама станция называлась Мел, и река — туманная белая река с меловыми берегами — не могла называться иначе как Мел. Короче, все здесь, на станции и в поселке, было построено на этом мягком белом камне: люди работали в меловых карьерах и шахтах, получали меловые, перепачканные мелом рубли, из мела строили дома, улицы, устраивали меловые побелки, в школах детей учили писать мелом, мелом мыли руки, умывались, чистили кастрюли и зубы и, наконец, умирая, завещали похоронить себя на поселковом кладбище, где вместо земли был мел и каждую могилу украшала меловая плита. Надо думать, поселок Мел был на редкость чистый, весь белый и прибранный, и над ним постоянно висели облака и тучи, беременные меловыми дождями, и когда они выпадали, поселок становился еще белее и чище, то есть совсем белым, как свежая простыня в хорошей больнице. Что же касается больницы, то она и была тут хорошая и большая. В ней болели и умирали шахтеры, больные особой болезнью, которую в разговоре друг с другом называли меловой. Пыль мела попадала рабочим в легкие, проникала в кровь, и кровь становилась слабой и жидкой. Люди бледнели, лица светились в сумраке ночных смен бело и призрачно, в часы передач и свиданий светились в окнах больницы на фоне изумительно чистых занавесок, прощально светились на фоне предсмертных подушек, а потом лица светились только на фотографиях в семейных альбомах. Снимок наклеивался на отдельной странице и кто-нибудь из домашних старательно обводил его черным карандашом. Рамка получалась неровной, но торжественной.”

Саша Соколов. Школа для дураков. М.: “Огонек” — “Вариант”. 1990. — С. 36—38.

Приведенный выше текст — явный гротеск, однако хорошая образно-географическая характеристика строится примерно по той же схеме: выбирается базовый образ, который подкрепляется примерами и обыгрывается в различных вариациях:

“Генерализация, т.е. отбор главных, ведущих, входящих в характеристику черт, должна быть дополнена конкретизацией этих ведущих черт в виде живых, наглядных, доходчивых и легко запоминающихся образов.”

Баранский Н.Н. С. 172.

Особенно украшают страноведческие тексты, делают их более запоминающимися визуальные “портреты” описываемых мест. Классическая схема включающей “портрет” характеристики места формулируется следующим образом: краткое формулирование основной темы (или образный символ) ⇒ визуальные признаки, подкрепляющие основную тему ⇒ аналитические комментарии, связанные с формированием образа и причинно-следственными связями.

“Бокаж, занимающий запад Франции, во всех своих видах, мало отличающихся друг от друга, представляет тесное сочетание воды, деревьев и травы. Каждому типу почв соответствует свой тип бокажа, но составные элементы ландшафта всегда одни и те же. Пастбища, более или менее влажные, с более или менее густой травой, огорожены живыми изгородями из кустарника, цветущего весной, усиленного “головастиками”, то есть деревьями, которые безжалостно подрезаются приблизительно до уровня двух метров над землей. В местностях, где дует сильный ветер, особенно близ морского побережья, появляются высокие деревья, усиливающие создаваемый изгородью экран. Нигде не видно открытых горизонтов; за изгородями — поляны с яблоневыми садами, замкнутый мирок, сумрачный и насыщенный испарениями; влажное небо, влага, исходящая из пропитанной водой почвы, роса, качающаяся на листьях высокой травы, склоняющейся под ее тяжестью. Проселочная дорога не менее укромна: она извивается между изгородями, иногда покрытая сводом из веток; не видно, куда и откуда она идет. Липкая грязь сохраняет следы коровьих копыт, колес телег, деревянной обуви, но все эти следы перепутались: один ведет к шаткому забору, запирающемуся колом-рогаткой, чтобы скот не мог уйти со своего луга, другой у места, вытоптанного скотом вокруг лужи или вдоль ручейка. Само небо как будто замкнулось. Разнообразные звуки, проходя через туманную завесу, приглушаются, кажутся идущими издалека. Происхождение этого пейзажа объясняется особенностями климата, историей аграрной колонизации и типом сельского хозяйства, принятым у местного населения.

Постоянная влажность климата, обеспечивающая эти земли водой во все времена года, благоприятствует древесной растительности. Вплоть до средних веков лес покрывал весь запад Франции. Долины, сочившиеся водой, были непреступны из-за непроходимых зарослей кустарника, где скрывалась дичь, на которую охотились и устраивали облавы феодальные владельцы. Места уединения и тишины, излюбленные гальскими жрецами (друидами), привлекли и христианских монахов. Вырубки вокруг монастырей постепенно увеличивались. Для раскорчевки леса и обработки монастырских земель привлекались колонисты. Так создано множество маленьких деревень, сохранивших до наших дней названия древних аббатств, например: Персень, Брибек, Солины, или имена покровителей монастырей, вроде Сен-Сенери или Сен-Леонар-де-Буа в Нормандии. Позже вглубь леса стали проникать и крестьяне-одиночки; облюбовав местечко в какой-нибудь долине около ручья, они строились там. Стены из глины с соломой, грубо обструганные балки, соломенная крыша — вот и готово жилище, хлев и сарай. Рожь или гречиха посеяны вокруг усадьбы, скот пасется в лесу. Но чтобы скот не уходил слишком далеко и чтобы обеспечить его лучшим кормом на небольшом пространстве, где за ним легче следить и куда нетрудно ходить доить коров, вырубают деревья, на вырубках выделяют участки с густой травой, их огораживают живой изгородью, а тень вырубленного леса заменяют тенью нескольких яблонь. Так возникли бокажи со своими бесчисленными маленькими хуторами <...>, рассеянными среди деревьев.

<...>

Маленькие деревни занимаются исключительно производством молока и сыроварением. По дорогам постоянно проезжают грузовики, собирающие на рассвете бидоны с молоком и отправляющие в район Парижа белые сырки из творога и сметаны (деми-сель). Как и во всех районах, где разводят крупный рогатый скот, люди трудятся непрерывно, не имея и дня отдыха; кормить скот и доить коров нужно круглый год. Как и во всех районах со специализированным сельским хозяйством, продукция которого предназначена для рынка, хотя бы не очень отдаленного, полное подчинение производителя транспортнику и обществу, скупающему и перепродающему продукцию, является законом.

Жорж П. Франция. 1949 г.

// Жорж П. Франция: Экономическая и социальная география. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1951. — 334 с. — С. 134—136.

Особую роль в ряду визуальных признаков играют нежесткие, ассоциативные связи. Такие связи были особенно характерны для детерминистских географических работ XVIII — начала XX, когда географы нередко включали в текст характеристики национального характера, типичного внешнего вида жителей (Вам встречались старые фотографии с характерной подписью: “Тип кавказца”, “Тип уличной торговки в Париже” и т.д.?). Страноведческий текст был немислим без рассуждений о влиянии климата и природы в целом на характер жителей и даже политического устройства стран.

“Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами Естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Московою?”

Карамзин Н.М. История государства Российского.

В 12 т. Т.1. С. 14—15.

“Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит резких переходов. Однообразие природных форм ослабляет областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям <...>. Одинаковые потребности указывают одинаковые средства к их удовлетворению — и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства...”

Соловьев С.М.

Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 159—160.

Сама возможность выявления прямых связей между природой и национальным характером, внешним видом людей или городов представ-

ляется современной науке весьма сомнительной. Однако будучи грамотно использованными (т.е. без претензии на установление жестких причинно-следственных связей), те или иные нежесткие параллели могут сослужить хорошую службу в создании образа. Возьмем, например, описание французского города Арль в классическом труде Э. Реклю:

“Другим наиболее значительным городом в департаменте устьев Роны является город Арль, или древний Арелат, расположенный в том месте, где Рона разделяется на два рукава. К концу Римской империи Арль был столицей Галии, “Гальским Римом”, а в девятом веке он сделался столицей Прованса. В двенадцатом веке Арль стал вольным городом и достиг большого значения, наравне с Генуей и Пизой. Но междоусобные войны между представителями знатных родов и епископами ослабили силу республики и Арль мало-помалу потерял свое значение. Арль славится красотой своих жителей, особенно женщин. “Арлезьянки” отличаются белизной своей кожи, которая еще более ослепительна благодаря их черным волосам; по тонкости черт и пылкости взгляда они походят на итальянок или гречанок. Арль соперничает с Нимом многочисленностью римских памятников. Здесь находятся остатки римского амфитеатра, некогда вмещавшего 25000 зрителей.”

Э. Реклю. Народы и страны Западной Европы.

Том I. Франция. Перевод с французского.

Под редакцией и с дополнениями Н.К. Лебедева.

М.: 1915. С. 54.

В приведенном фрагменте сравнение арлезианок с итальянками и гречанками хорошо ложится в общий план создания образа Арля как города древностей, античных памятников, богатого на ассоциации с Римом. В этом контексте сопоставление арлезианок с итальянками может для некоторых читателей стать отличной меткой исторической связи Арля с Римской империей. В современной страноведческой работе такие параллели вполне допустимо упомянуть в ассоциативном контексте. Например, можно было бы написать примерно так: “В Арле много от Рима, Римского духа. Иногда его называют “Гальским Римом”, подразумевая, что в Римской империи он был столицей Галлии. Арлезианок же и сейчас часто сравнивают (принято сравнивать, обычно ставят в один ряд, известный французский географ Реклю считал похожими) с итальянками, восхваляя их тонкую, античную красоту и грацию, южную пылкость взгляда. Но главное римское наследие Арля — ...”. Главное — давать себе (и читателю) отчет в нежесткости, умысленной образности такого рода параллелей.

Ради “обыгрывания” основной темы могут использоваться такие незначительные детали места, которые были бы опущены в большинстве стандартных характеристик: местные блюда, формы крыш и заборов, местные пословицы и поговорки и т.д. Это ни сколько не противоречит предыдущему правилу отсеивания информации. Будучи связанным с основной темой

(например, “приморскость” города), мелкие детали не только не засоряют, но, наоборот, усиливают и закрепляют ее восприятие. Все подробности, связанные с раскручиванием основной темы, заслуживают внимания. Напротив, стоит пренебречь фактами, имеющими для города значение, может быть и большее, чем формы крыш и заборов (например, небольшое кожевенное производство) — но не “тянущие” на основную тему и не “подкрепленные” богатым набором дополнительных связей и ассоциаций. Образ складывается из сгустков информации, деталей, тесно “сцепляемых” сознанием между собой — хотя, может быть и малозначительных по одиночке. Кстати, имиджмейкеры рекомендуют проводить требуемую информацию в разных формах: звуковой, визуальной, текстовой и др., поскольку разные люди более чувствительны к разным видам информации.

Географическое представление образа

Помимо звуковых, вкусовых, визуальных и других ассоциаций часто полезно дать географический ряд ассоциаций: как указывалось выше, географическая организация информации зачастую оказывается самой эффективной. Попробуйте возможно более полно изложить все свои знания о Баварии, не используя ни одного другого географического названия. Теперь — без этого географического ограничения. Очевидно, что второй путь — с использованием обобщающего знания о более крупных географических объектах (Европа, Германия, Альпы), ярких, сфокусированных образов, более мелких (Мюнхен), с использованием сравнений — окажется более эффективным. Даже простая фраза “Земля на юге Германии со столицей в Мюнхене” иной раз может вызвать больше ассоциаций, чем удалось припомнить, выполняя первую задачу.

Можно посоветовать несколько приемов “географизации” информации:

1) Введение вмещающего географического контекста.

Те или иные свойства объекта можно “подать” как типичное проявление свойств более крупного географического объекта, образ которого известен и хорошо вспоминается. Таков, например, образ Стамбула в следующем фрагменте:

“...главный парадокс Стамбула таков: Азия тут — Европа, а вот Европа — самая что ни на есть Азия. Карту хочется перевернуть вверх ногами...”

Пересекаешь узкую полоску Босфора — и оказываешься в чистом respectable европейском городе, оставляя позади, в географической Европе, бессонный, шумный, грязный азиатский базар, кружащийся наподобие дервиша вокруг ядер конденсации, — мечетей и дворцов. Кружение усиливается хаотичным мельканием машин: светофоры либо отсутствуют, либо не работают, либо игнорируются. Разносчик чая со своей хрупкой подвесной конструкцией из подноса и восьми стаканчиков в безумной отваге мчится

на автомобильный поток, перекрывая криком клаксоны; машины с визгом тормозят, водители высовываются по поясу и машут одобрительно руками. На азиатской же стороне, чуть дальше аккуратного ближнего Кадыкёя — фешенебельные районы Фенербахче, Бостанджи, Гёзтепе: тут-то и селится солидный средний класс. Здесь горят огни на перекрестках, здесь следят, чтобы не рушились дома и не замусоривались улицы, — на это есть время, поскольку нет одержимости продажи и показа, никто не дергает пришельца за фалды, предлагает путеводитель, шашлык, бумажные салфетки, штаны, древний камень”.

Вайль П. Гений места. М., 1999. С. 306.

2) Географическая фокусировка информации.

Аналогично образ более крупного объекта можно дать через образ более мелкого — опять-таки, если образ более мелкого объекта более устоявшийся, широко известен или просто лучше “читается”. Так, часто образ целого региона передается через образ его главного города.

Данный прием лежит в основе методики выделения “знаковых мест”.

3) Географическая трансляция информации.

Речь идет о сравнении изучаемого географического объекта с более известным — прием, традиционный для страноведения. Трансляция информации лежит в основе использования перифраз, т.е. выражений типа “Северная Венеция” (Санкт-Петербург), “Русский Манчестер” (Иваново), “Сибирские Афины” (Томск), “Уральский Чикаго” (Екатеринбург), “Русский Нил” (Волга) и т.п.

4) Введение “зеркального” географического контекста есть характеристика места “на фоне” другого — опять-таки другое место, выбранное в качестве “зеркала”, должно обладать стойким, сложившимся образом. Классический пример такого зеркального соотношения — знаменитая фраза “Здесь не Чикаго, моя дорогая”.

5) Картографические приемы.

Уже сам вид объекта на карте — мощный географический образ: достаточно вспомнить популярную репрезентацию образа СССР как “одной шестой части суши” или использующую тот же прием картографического оформления рекламу “Автобанка”: “Банк для большой страны”.

Среди картографических приемов можно порекомендовать:

— Выделение контура территории на мелкомасштабной карте (только для крупных территорий!) — вроде контура СССР на фоне “глобуса”;

— включение в рамку карты объектов с хорошо сложившимися, знаковыми образами: близость к ним сама по себе может повлиять на образ объекта. В качестве примера приведем сильно “европеизированную” карту “Географическое положение Вологодской области”, представленную в Интернет (заметим, что карта в целом не совсем удачна, так как за счет “смещения” в Европу основной объект карты — Воло-

годская область — оказалась не по центру листа, к тому же в усеченном виде).

— Обозначение на карте знаковых объектов (“знаковых мест” с ярко выраженными и значащими в данной ситуации образами) внутри описываемой территории. Особо следует подчеркнуть важность этого приема для часто “пропадающих” в результате стандартной генерализации объектов: самый древний город региона, известные в истории небольшие природные объекты, вроде реки Угры и т.д. Разумеется, все эти объекты необходимо “поднимать” на карте только в тех случаях, если информация о них “вписывается” в разработанную концепцию создания образа.

— Исключение отдельных объектов (для “нестрогих” карт: например, на обложке туристического буклета).

Проверка контекста восприятия.

Любой текст воспринимается каждым по-своему. Даже такие простейшие характеристики, как “северный город” или “южный город” могут быть восприняты совершенно различным образом, что блестяще показал А.Ф. Строев, сопоставляя описания различных стран иностранцами:

“Описание трапезы Константена в курной избе <в России> напоминает рассказ о любой “варварской” северной стране, увиденной французами, например, Англии как в сатирическом романе Лезююра и Лувеля “Европейские дикари” (1760): “Выбравшись из жалкой своей повозки, они вошли в таверну, где воздух был столь же тяжелый, как кормившиеся там англичане; то здесь, то там слабые огоньки слегка пробивались сквозь дым от трубок и угля; отряд курильщиков, сгрудившись возле печки, грустно тянул из одного кувшина желтоватое пойло <...>”. Авторы рисуют Англию как страну смерти, где любовные истории кончаются самоубийством, законы не исполняются, а каждый житель или приезжий рискует оказаться в тюрьме по вздорному обвинению.

Вольтер в “Философских письмах” (1734) при всей своей любви к Англии также отдаёт дань стереотипам, рисуя мрачные таверны и склонность англичан к самоубийствам. В первой главе “Истории Карла XII” (1732) философ описывает Швецию ровно такой, какой предстает Россия под пером д’Онуа и французских путешественников: это страна, где летнюю

жару резко сменяет мороз, где зима длится девять месяцев, где луна и снег освещают долгую зимнюю ночь, <...> где суровый климат укрепляет здоровье людей, если только они не разрушают его неумеренным потреблением спиртных напитков

Но подобное отношение может переноситься и на Францию, если автор — южанин.

<...> Неаполитанский дипломат аббат Галиани, друг Дидро, в начале своего пребывания в Париже жалуется на климат. Он пишет в 1759 г. маркизу Тануччи: “Здоровье мое не переносит местных тягот. <...> Скверный воздух, отвратительная вода, нелепый климат, не хватает снега, фруктов, сыра, устриц — какое насилие над моим неаполитанским темпераментом”.

В XIX в. то же противопоставление Севера и Юга возникает в творчестве А. Додэ. С точки зрения писателя и его персонажей, уроженцев Прованса, Лион и, тем более, Париж, предстают как типично северные города: холодные, темные, дождливые, сырые. В этом невыносимом климате туман, текущая отовсюду вода, река, каналы создают атмосферу меланхолии и способствуют самоубийствам. Французская столица начинает напоминать Лондон или Петербург, города-призраки, города-убийцы”.

А. Строев. Россия глазами французов // Логос № 8, 1999. С. 25—26.

Художник, да и ученый-гуманитарий обычно не подстраиваются под ту или иную традицию восприятия; их цель — создать новое поле смыслов, и чем оно богаче, чем шире возможности для интерпретации (иногда даже не “запланированные” самим художником), тем выше оценивается произведение. Однако в некоторых случаях приходится заботиться о возможно более близком к авторскому восприятию материала: лекция, учебник, целенаправленное формирование имиджа территории. В таких случаях приходится учитывать особенности восприятия конструируемого текста — причем в определенной, целевой аудитории. Для этого созданные образы приходится специально проверять на “проходимость” и корректировать.

Т.А Галкина

ИТАЛИЯ

Гуманитарно-географическая характеристика

1. Общее описание страны

Италия — одна из интереснейших европейских стран. В ней сконцентрированы многие специфические особенности природы, уклада жизни и хозяйствования, а также наиболее типичные экономические и социальные проблемы сразу двух известных и крупных географических регионов — Западной Европы и Средиземноморья.

Италия привлекает туристов из всех стран мира (ежегодно ее посещают около 30 млн. иностранных туристов) своей богатой историей, которая оставила в разных уголках страны множество памятников разных эпох; своими бесчисленными музеями и картинными галереями, хранящими сокровища итальянского (прежде всего) и мирового искусства практически в каждом большом и малом городе; своей разнообразной средиземноморской природой, местами пышной, местами аскетически суровой; любителей расслабленного пляжного отдыха влекут многие километры великолепных песчаных пляжей Адриатики, уютные бухты Лигурии или Амальфитанского побережья. Здесь могут найти соответствие своим потребностям и люди, предпочитающие отдых и лечение в комфортабельных условиях, и те, для кого лучший отдых — преодоление трудностей горных походов и восхождений (для них проложены специальные маршруты в Альпах и Апеннинах). Наконец, туриста в Италии ждут многочисленные праздники, карнавалы, фестивали, спортивные состязания как местного, так и международного масштаба, и, разумеется, разнообразная и здоровая итальянская кухня.

Так что же это за страна — Италия?

Хотя сегодняшняя Италия и не относится к числу великих держав, оказывающих решающее воздействие на ход мировых событий, все же она входит в семерку наиболее экономически развитых и влиятельных стран мира и играет особенно важную роль в политической жизни Западной Европы.

По своему государственному устройству Италия с 1946 г. — буржуазная парламентская республика во главе с президентом, избираемым на 7 лет. Законодательная власть принадлежит двухпалатному парламенту, избираемому на 5 лет. Полнотой исполнительной власти пользуется Совет министров.

Внутренняя жизнь Италии очень динамична, полна контрастов и противоречий. Здесь противостоят друг другу высокоразвитая буржуазная демократия и фашистские организации, нищета и богатство, глубокая древность и новейшие достижения науки и техники, живущие активной, насыщенной жизнью крупные города и полузаброшенные горные деревушки, высокоразвитый индустриальный Север и экономически слабо-развитый Юг.

Италия делится на 20 областей, границы которых большей частью совпадают с границами исторических государственных образований, вошедших в единую Италию. Каждая область подразделяется на провинции (их насчитывается 103), а те в свою очередь на 8 тысяч коммун. Пять областей Италии со своеобразным в этническом и культурном отношении населением (Валле-д'Аоста, Фриули-Венеция-Джулия, Трентино-Альто-Адидже, Сицилия и Сардиния) имеют особый статус автономии, дающий местной администрации более широкие права. Столица Италии — Рим.

Италия ещё интересна тем, что в ее территорию вкраплены два самостоятельных, хотя и очень маленьких государства. Это мировой центр католицизма Ватикан в Риме (самое маленькое по площади — 1 га и по числу жителей — 1 тыс. государство в мире, хотя его политическое влияние в мире далеко превосходит его размеры) и Сан-Марино вблизи Адриатического побережья — самая древняя республика, сохраняющая свой строй без изменений уже семь веков. В Сан-Марино проживает около 30 тысяч человек, занимаются они в основном обслуживанием 3 млн. туристов, ежегодно посещающих эту живописную “скалу демократии”, возвышающуюся в виде горы Титано над окрестными виноградниками.

Территория Италии, глубоко вдающаяся в Средиземное море, напоминая очертаниями сапог с ботфортом и шпорой, занимает площадь в 301 тыс. кв. км.

В ее состав входит Апеннинский полуостров, прилегающая к нему с севера часть материка — Паданская равнина, окаймленная мощной дугой Альп, а также крупные острова Сицилия и Сардиния и еще несколько небольших архипелагов и островов.

Италия — страна приморская. В ее жизни огромную роль играет Средиземное море и отдельные его части: Тирренское, Лигурийское, Адриатическое и Ионическое моря. Около 80% ее границ — морские. Береговая линия Италии тянется на 7500 км. Самый “континентальный” пункт страны — перевал Сплуга в Альпах — удален от моря всего на 230 км. Морское побережье Италии густо населено и экономически намного более развито, чем внутренние районы Апеннинского полуострова.

Положение Италии в центре Средиземного моря, на перекрестке торговых путей между Западом и Востоком, было исключительно важным для неё во все эпохи. В частности, в XX веке весьма существенным для ее экономики оказалось положение на путях ближневосточной нефти в Западную Европу. Стратегическое положение страны в центре Средиземноморья делает ее важной частью системы НАТО.

По числу жителей (57,6 млн. человек в 1999 г.) Италия занимает 5-ое место в Европе, по этому показателю она приблизительно сравнима с Францией и Англией и в 1,5–2 раза уступает Германии и европейской части России. Это одна из наиболее плотно населенных стран Европы (191 чел./кв. км). По территории страны население распределено очень неравномерно. Особенно густо население сосредоточено на узких прибрежных равнинах и на обширной и богатой Паданской равнине на Севере. Гуще всего населены экономически наиболее развитые и благоприятные в природном отношении области — индустриальные Ломбардия, Пьемонт и Лигурия, столичная область Лацио, но рекорд (425 чел./кв.км) принадлежит Кампании. Реже всего население в горных областях, а также на острове Сардиния и в Базиликате.

Как и в других развитых странах, в Италии в последние десятилетия снижается рождаемость (с 1,7% в 1971 г. до 0,9% в 1995 г.) и естественный прирост населения, а начиная с 1993 г. смертность превышает рождаемость. Сокращается средний размер семьи, нация “стареет”. Экономически активное население насчитывает 24,3 млн. человек, из них 12% составляют безработные или молодежь, впервые ищущая работу.

Италия — одна из наиболее монолитных стран с этнической точки зрения. Более 98% ее населения — итальянцы. Кроме того, на территории Италии проживают компактные группы словенцев (53 тыс. человек), сербо-хорватов (3 тыс.), албанцев (свыше 100 тыс.), греков (около 30 тыс.), предки которых бежали в Италию от турецкого ига. В области Валле-д’Аоста (население — 118 тыс. человек) официальным и повседневным языком является, наряду с итальянским, — французский, а в провинции Больцано — немецкий (на нем говорят около 300 тыс. человек).

В последние годы усилилась иммиграция в Италию, и теперь там живут около 1,3 млн. иностранцев, не считая множества нелегалов-беженцев из Албании, Македонии и других стран, вплоть до заметного появления в последние годы филиппинцев, едущих в Италию в поисках работы. Это новое явление для Италии, которая в течение многих десятилетий поставляла эмигрантов в Соединенные Штаты, Аргентину, Австралию и другие страны. Лишь четверть века назад произошел перелом. Начиная с 1973 г. эмиграция значительно сократилась и даже уступает репатриации и иммиграции. Теперь уже Италия сама использует труд иностранных рабочих. В последние годы сократились и внутренние миграции, столь характерные для первых послевоенных десятилетий, когда жители слаборазвитого Юга переселялись на

Север в поисках работы и лучшей жизни, а деревенские жители с гор спускались в долины, в города.

Почти все верующие итальянцы — католики. И это не удивительно для страны, в самом сердце которой, в ее столице Риме находится государство папы Римского — Ватикан. На севере страны, в области Трентино-Альто-Адидже сосредоточены немногочисленные протестанты (географически эта область — продолжение австрийского Тироля).

Итальянский язык относится к группе романских языков индоевропейской семьи. Он сравнительно мало распространен в мире, так как в отличие, например, от Англии, Италия в свое время имела мало колоний и непродолжительное время. Итальянский язык распространялся за пределами своей страны благодаря итальянцам-эмигрантам. Именно поэтому он официально считается вторым государственным языком в Аргентине. Кроме основного, литературного итальянского языка, в основу которого положен тосканский диалект, в разных областях существует еще более 30 диалектов. На них издаются книги, ставятся спектакли, печатаются газеты.

За последние десятилетия изменилась структура занятости: на первое место среди секторов экономики вышла сфера услуг, или третичный сектор (60,7% всех занятых в экономике Италии), на втором месте — промышленность (32,3%). В сельском хозяйстве занято около 7% всех занятых в хозяйстве страны.

Более 67% населения Италии — горожане. В Италии нет одного большого города, резко выделяющегося среди прочих населенных пунктов подобно Парижу во Франции или Лондону в Англии. Крупные города Италии довольно равномерно разбросаны по разным ее областям, напоминая о своей столичной роли в былых самостоятельных государствах. По числу жителей среди городов Италии выделяются Рим (2,6 млн. жителей в административных границах города), Милан (1,3 млн.) и Неаполь (1 млн.). В действительности же эти города давно вышли за пределы своих городских границ, а Милан фактически слился с соседними городами, и теперь сплошная урбанизированная зона тянется от Турина до Бергамо.

В архитектурно-планировочной структуре итальянских городов обычно ярко выделяется древний исторический центр, окруженный позднейшими промышленными и жилыми районами. Во многих городах остро стоит проблема охраны исторического центра из-за перенаселенности, избытка автомобилей, недостатка парковок и увеличивающегося потока туристов.

Для сельской местности в горных районах страны типичны мелкие деревни; для Паданской равнины, холмистых районов Тосканы и других областей Центральной Италии характерно хуторское расселение. На вершинах холмов или на склонах разбросаны маленькие городки, фактически деревни, сохраняющие, однако, свой старинный городской облик. Для Юга Италии, особенно для Сицилии и Апулии, характерны города-села, или «агро-города», население которых превышает 10 тыс. человек, т.е. нижнюю

количественную границу, принятую для города в Италии, но жители их занимаются сельским хозяйством на окрестных полях или виноградниках.

Области Италии в экономическом и культурном отношении развиты неравномерно. Они объединяются в три крупных экономических района: Северную, Центральную и Южную Италию. Эти исторически сложившиеся регионы не статичны, а постоянно развиваются, однако, темпы развития их различны. Поэтому географы, экономисты и политики время от времени пересматривают деление Италии на крупные регионы, предлагая новое, отвечающее современному уровню развития. Так, в последние десятилетия появилось понятие “Третьей Италии”, объединяющей ряд областей Северо-Востока и Центра страны. В результате целого ряда реформ, проводившихся в 1970–90-ые годы, области, провинции и даже коммуны Италии получили больше административной самостоятельности, чем прежде, а такие области, как Сицилия, Сардиния, Фриули-Венеция-Джулия, Трентино-Альто-Адидже и Валле-д’Аоста и раньше имели более высокую степень административной самостоятельности, обладая специальным статусом. Реформы, однако, не нарушили территориальной целостности Италии как государства.

Экономически Италия развита крайне неравномерно. При всех стараниях правительства и несмотря на общий экономический прогресс в стране до сих пор не решена пресловутая “проблема Юга”. Исторически так сложилось, что в момент объединения южные области имели совершенно иной уровень экономического и политического развития, чем высокоразвитые области Севера, более слабые связи с остальной Европой и даже иную ментальность жителей. В 1950-ые годы была принята Программа развития Юга, в ее выполнение были вложены государственные, частные и иностранные капиталы. В ходе ее осуществления на Юге было построено несколько крупных промышленных предприятий (химических, нефтеперерабатывающих, металлургических и других), но они мало повлияли на сокращение разрыва между “двумя Италиями” и на экономическое развитие окружающей их территории. Недаром их прозвали “соборами в пустыне”.

Наиболее экономически развита Северная Италия. Еще в конце XIX века там сформировался так называемый индустриальный треугольник Турин — Милан — Генуя. Он и сейчас сохраняет значение главного промышленного ядра, но индустриализация и урбанизация давно уже вышли за его пределы, и сейчас гораздо равномернее развита вся Северная Италия. Основу благосостояния этой части страны создают крупные предприятия самых разных отраслей тяжелой и легкой промышленности, особенно машиностроительные заводы Милана и его окружения, автомобилестроение Турина (всемирно известные заводы “ФИАТ”), черная и цветная металлургия Генуи, электроника Болоньи, текстильные предприятия, разбросанные по всему Северу, агропромышленный комплекс Эмилии-Романьи. Не последнюю долю вносят и доходы от туризма,

поскольку на Севере располагаются такие известные зоны и центры отдыха, как Лигурийская Ривьера, побережья крупных альпийских озер (Лаго-Маджоре, Лаго-ди-Гарда, Комо и других), Равенна с ее византийскими мозаиками и легендарная Венеция.

Центральная Италия в промышленном отношении развита слабее Северной, но здесь, в области Лацио располагается столица страны город Рим — крупнейший по числу жителей город Италии (3 млн. жителей), ее главный административный, политический и культурный центр. В Центральной Италии находится и другая столица итальянской культуры — Флоренция. Промышленность Центра разнообразна, но здесь нет таких крупных предприятий, как на Севере. Сельское хозяйство высоко развито и славится своими винами (“Кьянти”, “Фраскати” и др.), фруктами, овощами, оливковым маслом.

В Южной Италии промышленность развита отдельными очагами, но довольно крупными. Наиболее важный индустриальный район здесь — Неаполь и примыкающие к нему небольшие города с металлургическими, судостроительными, автосборочными, нефтеперерабатывающими заводами, макаронными, консервными фабриками, текстильным производством. В окрестностях Неаполя — множество радиоэлектронных предприятий. Неаполь — крупнейший в стране пассажирский порт.

Самое крупное промышленное предприятие Юга — металлургический завод в Таранто. В этой же промышленной зоне расположены и химические, нефтеперерабатывающие, судостроительные заводы. Самый типичный “собор в пустыне” — химический комплекс в Бриндизи.

Во второй половине XX века крупная промышленность появилась и на островах Сицилии и Сардинии, особенно на их побережьях, в портовых городах, но все же в целом экономическое лицо Южной Италии определяют сельское хозяйство и обслуживание туристов. Обе эти отрасли используют преимущества средиземноморского климата, позволяющего выращивать твердые сорта пшеницы, необходимые для производства высококачественных макаронных изделий, виноград, оливки, цитрусовые, и равным образом благоприятного для длительного купального сезона на побережьях.

2. Достопримечательности

Большие доходы получает Италия от международного туризма. В 1998 г. в Италии путешествовали и отдыхали около 75 млн туристов, из них 32 млн — из других стран, главным образом, из Германии, Франции и США. Туризм в Италии имеет очень давние традиции. По числу мест в гостиницах, кемпингах и т.п. Италия стоит на первом месте в Европе и на третьем — в мире.

Для любого туриста, независимо от его личных интересов и пристрастий, Италия представляет необычайный интерес. Прежде всего, это —

богатейшая сокровищница культуры. Почти в каждом городе, большом или малом, есть картинная галерея, где собраны произведения итальянских художников разных эпох — от Джотто и Мазаччо эпохи раннего Возрождения до ярких представителей искусства XX века Де Кирико и Джорджо Моранди. Самые крупные художественные музеи — это Музей Ватикана в Риме (собственно в Ватикане), галерея Виллы Боргезе в Риме, галерея Брера в Милане, художественные музеи Уффици и Питти во Флоренции, Академия в Венеции и меньшего значения в мировых масштабах картинные галереи в самых разных городах. Шедевры прославленных итальянских художников можно встретить и во многих церквах.

Большая часть туристов стремится отдохнуть на берегу теплого моря, отрешиться от повседневной суеты на каком-нибудь уединенном острове или, напротив, в густой толпе других туристов насладиться красотами острова Капри или подняться на крышу Миланского собора, с трудом расходясь на узкой мраморной лестнице с уже спускающимися японцами, австралийцами, американцами.

В последние годы очень многих привлекает отдых в горах. В Альпах построено много горных курортов, горнолыжных станций или просто “вторых домов” (своего рода наших дач) для обеспеченных горожан Северной Италии. Чем выше горы, тем из более дальних мест приезжают сюда на отдых. В средневысотных же Апеннингах развит не столько иностранный туризм, сколько местный.

Но даже те туристы, которые приезжают в Италию для того, чтобы позагорать на пляже, не могут упустить возможности хотя бы прикоснуться к огромным богатствам ее культуры и истории. Многие же едут специально, чтобы посмотреть величественные руины античного Рима или возвышающийся над крышами Флоренции купол Брунеллески, медленно прокатиться в гондоле мимо дворцов Канале Гранде в Венеции, побывать в феврале на Венецианском карнавале или на концертах Флорентийского Мая, или же на спектакле прославленного театра “Ла Скала”. Огромное количество церквей Италии привлекает не только религиозных паломников, но и любого человека, интересующегося архитектурой, скульптурой, живописью.

Здесь можно видеть не только произведения итальянского искусства, но и шедевры исчезнувшего народа этрусков, в городах Тосканы, древнегреческие амфитеатры на Сицилии. Сами города представляют не меньший интерес по своей архитектуре. Каждый город имеет свое лицо, отражая своеобразие исторического развития своей области. И, конечно же, большая часть туристов не минует столицы Италии — Рима. По богатству исторических памятников и архитектурных шедевров Рим, бесспорно, выходит на первое место. Для изучения художественных богатств этого древнего города может не хватить целой жизни. Каждая эпоха, пережитая этим великим городом, оставила свой след в его архитектурном облике:

это и величественные руины Колизея и других сооружений античного Рима, и церкви, и катакомбы первых веков христианства, и великолепные дворцы и храмы эпохи Возрождения, и пышные палаццо эпохи барокко, и тяжеловесные общественные здания эпохи Муссолини, и лаконичные сооружения 60–70-х годов XX века, и новейшая архитектура. Все эти века и стили не просто составляют пеструю разнородную мозаику, но переработаны временем и рожают единый римский стиль: одновременно мощный, живописный и живой.

Самый оригинальный город Италии — Венеция. Она расположена в 4 км от твердой земли на 118 островах, разделенных каналами — широкими, как главная “улица” Венеции — Канале Гранде, или совсем узкими, где с трудом могут разминуться две гондолы. Уникальное положение Венеции лишило ее современного городского транспорта, кроме водного (типа наших “речных трамваев”), но это не значит, что в Венеции можно передвигаться только по воде. Здесь есть и длинные улицы, пересекающие острова, и набережные, и небольшие площади, и даже обширная главная площадь Сан-Марко, похожая на торжественный зал. Через каналы перекинут целый лабиринт мостов и мостиков. В своих музеях Венеция хранит живописные и исторические сокровища Венецианской республики, а ее вольный, эlegantный и театральный стиль раз в год взрывается фейерверком карнавала.

Пожалуй, самый “итальянский” город — Флоренция. Серый камень ее стен и красная черепица крыш, праздничный многоцветный мраморный узор ее Собора и Кампанилы (колокольни), золотые мозаики в куполе Баптистерия, ее богатейшие музеи хранят гордые традиции Флорентийской республики, подарившей Италии через “Божественную комедию” Данте Алигьери свой язык — тосканский диалект. Флоренция — и столица итальянских ювелиров, чьи небольшие, но сверкающие золотом лавки сосредоточены на самом старом мосту через реку Арно — Понте Веккьо.

Тоскана и соседняя Эмилия — это место обитания древнейшего, загадочного населения Апеннинского полуострова — этрусков. Их искусство можно видеть в музеях Центральной Италии, а следы их поселений — под открытым небом — в Мардзаботто, Вольтерра и других небольших городках.

Самый типичный город итальянского Юга — шумный Неаполь, необычайно живописно расположенный на берегу Неаполитанского залива, у подножия вулкана Везувия, оправдывая старую итальянскую поговорку “Увидеть Неаполь и — умереть”. Узкие улицы городского центра сбегают к морю. В дымке над ним видны очертания островов Капри и Искья — воплощение средиземноморской живописности. Весь берег к югу от Неаполя до самого Амальфи поражает своей красотой и разнообразием пейзажей. Коста Амальфитана (Амальфитанский берег) — это одна из важнейших достопримечательностей Италии.

Совершенно иной характер, но тоже весьма притягательный для туристов, имеет противоположный берег — Адриатический, вдоль которого от Равенны до самого юга тянутся широкие песчаные пляжи с цепочкой курортов вдоль них.

Италия — это не только страна — сокровищница искусств, ее природные красоты тоже отточены, как произведения искусства. На севере, среди заснеженных горных вершин, ледников и цветущих горных лугов узкие горные серпантины ведут к высокогорным курортам и горнолыжным станциям. Из цепи Альп, прикрытые ими от северных ветров, на Паданскую долину выходят обширные теплые долины альпийских озер. На их берегах курорты существовали еще в древнеримские времена и процветают и в наши дни.

Крайний юг Италии хранит памятники не только древнеримской эпохи, но и Древней Греции, которая распространяла свои владения на Южную Италию, вплоть до Неаполя, и на остров Сицилию. Древнегреческие памятники, как, например, амфитеатр в Таормине, и сейчас служат ареной театральных представлений.

В последние десятилетия остров Сардиния активно включается в рекреационную деятельность, привлекая не только туристов — любителей морских купаний, но и тех, кто интересуется древней историей и древними народами. Жители средневековой Сардинии в отличие от других районов Италии, селились не на побережье, а в центре острова, опасаясь набегов корсаров, сарацинов и завоевателей-испанцев. До сих пор на Сардинии сохранились загадочные сооружения древних сардинцев — нураги.

3. История

История Италии, оставившая следы буквально на каждом шагу, насчитывает несколько тысячелетий. При этом Италия как единое государство еще очень молода. Лишь в 1861—71 годах после упорной борьбы и в результате необычайного патриотического подъема населения она объединила в единых границах все те многочисленные мелкие государства (княжества, бывшие республики, потерявшие политическую самостоятельность, Папскую область и прочие феодальные государства), которые веками существовали на ее территории, развиваясь независимо друг от друга, иногда сливаясь, затем размежевываясь снова, порой надолго подпадая под власть соседей-завоевателей. Каждое из этих небольших государств сохраняло свое лицо, свой характер и даже свой говор, а некоторые диалекты (сардинский, например) даже считаются самостоятельными языками.

Эту страну с богатейшей историей, внесшую огромный вклад в европейскую и даже мировую культуру, заслуженно называют (наряду с Грецией) “колыбелью европейской цивилизации”. Глубокий след в мировой культуре оставила Италия времен “юности европейской цивили-

зации” — эпохи Возрождения. Человеческая деятельность непрерывно развивается на территории этой страны уже не одно тысячелетие.

Практически у каждой из ее двадцати областей был свой, неповторимый исторический путь. Каждая из них или была самостоятельным государственным образованием или входила в разные периоды в государственные союзы и прочие новообразования, которые в ходе истории меняли свой состав.

Первоначальным фактором разнородности районов Италии был еще в древности различный племенной состав населения: венеты, лигуры, этруски, различные италийские племена (самниты, сабины, умбры, латины, луканы и др.).

На протяжении трех тысячелетий исторического развития современной итальянской территории количество “геополитических актеров” менялось от века к веку, как бы пульсируя, сокращаясь в эпохи крупных государственных образований типа Римской империи до двух-трех даже одного (собственно Римская империя, включавшая в I—IV вв. всю территорию современной Италии) и, напротив, возрастая до двух и более десятков княжеств, маркграфств, республик в пору средневековой раздробленности. В первые века христианства на фоне остальной территории выделялись отдельные ядра христианизированных территорий — Рим, Помпеи, Неаполь, Милан, Реджо-ди-Калабрия, Сиракузы.

Своего максимума количество мелких государств с ярко выраженной культурно-политической идентичностью достигло в XIV-XV веках (республики Генуя, Венеция, Амальфи, Пиза, маркграфства и княжества Милан, Мантуя, Асти, Савойя, Флоренция, Сиена, Папское государство и подчиненные ему Эмилия, Романья, Марке, Умбрия, Понтекорво, владения Арагонской династии на Юге).

При этом многие территории, ныне входящие в Итальянскую Республику, в эпохи политической раздробленности представляли собой периферийные части и самой Италии, и тех государств, в которые они входили (Древней Греции, Цизальпийской Галлии, Византии, Арабского халифата, Священной римской империи, Австрийской империи, Империи Карла Великого, Наполеоновской империи). Связи этих периферийных территорий с различными территориальными центрами предопределили их своеобразие и многовековое центробежное развитие отдельных частей современной Италии.

В период первоначального накопления капитала страна была раздроблена на множество мелких городов-государств, находившихся в состоянии бесконечных междоусобиц. Товарно-денежные отношения развивались в одних государствах и претерпевали обратную эволюцию в других. Развитие капитализма растянулось на столетия. При этом отдельные территории нынешней Италии нередко имели мало общего между собой не только в экономическом, но и в политическом и в культурном отношениях.

Самые устойчивые из государств или областей — те, чьи названия повторяются на картах Италии в течение многих веков: Рим и Папское государство, Венеция, Сицилия, Неаполь, Милан-Ломбардия, Савойя, Флоренция-Тоскана. Жители этих областей Италии имели и имеют в настоящее время наиболее сильное региональное самосознание.

Италии никогда не была свойственна тенденция к унификации ее периферийных районов. Да это было бы и невозможно, принимая во внимание особенности исторического развития страны. В основе образования единого Итальянского государства лежала не столько политическая близость многочисленных княжеств, герцогств и других государственно-территориальных образований, сколько этнокультурная. Жители всех государств на Апеннингах говорили на одном, итальянском, языке, хотя и на многих его диалектах. Главное, что их объединяло в XVIII—XIX вв. — это идея единой государственности, идея сильной Италии.

Однако истинного единства не получилось в силу разнородности политической, а главное, экономической. Пресловутая “Проблема Юга” возникла сразу же вслед за объединением и продолжала быть болью и камнем на шее Италии еще многие десятилетия. Несмотря на усилия властей, а также национальных и зарубежных инвесторов, она не решена и по сию пору.

В последней трети XIX века в Итальянском королевстве ускорилось развитие капитализма, усилились его позиции в экономике страны. Капиталистические отношения проникли и в сельское хозяйство. Однако разнородные по своему экономическому уровню части страны не смогли развиваться как единый организм, и аграрный Юг все больше отставал от индустриального Севера. Это порождало многие социальные проблемы. А это, в свою очередь, способствовало проникновению в Италию в 1880-е годы идей марксизма, борьба рабочих за свои права приняла организованный характер.

В конце XIX века Италия на сравнительно короткое время стала империалистической державой, захватив Сомали и Эритрею; в начале XX века — Ливию и Додеканезские острова, лелея амбициозные планы подчинения своему влиянию всего Средиземноморья.

После Первой мировой войны, в которой Италия участвовала на стороне Антанты, в стране создалась острая революционная ситуация. Рабочее движение находилось под сильным влиянием революции в России и под руководством Коммунистической партии Италии. На другом полюсе политической борьбы находилась фашистская партия Муссолини, которая пришла к власти в 1922 г. и правила до 1943 г. Фашистская Италия воевала во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии. Однако внутри страны действовало мощное движение Сопротивления с многочисленными партизанскими отрядами. Оно-то и сыграло решающую роль в освобождении страны от фашизма и от оккупации.

В результате всенародного референдума в 1946 г. Италия стала республикой, в 1948 г. была принята новая конституция. Но бурная политическая жизнь с острой борьбой в Италии не утихала никогда. В последние годы особенно усилилось противостояние между левоцентристскими и правоцентристскими партиями с тенденцией к превосходству идей правых. После векового существования единой Италии появились сепаратистские движения (“Лига Севера”).

Италия — член Совета Европы, ООН, НАТО и других международных организаций.

4. Природные условия

Природные условия Италии — одно из основных богатств страны. Почти вся ее территория расположена в области средиземноморского климата — самого комфортного для жизни человека и ведения хозяйства, в частности, для развития туризма в промышленных масштабах. Кроме того, теплый и сухой средиземноморский климат позволяет не только экономить энергию, но и строить, например, некоторые заводы (химические установки) на открытом воздухе, под навесами или в облегченных конструкциях. Не говоря уже о том, что средиземноморский климат благоприятствует выращиванию огромного разнообразия сельскохозяйственных культур. Однако большая протяженность страны с севера на юг, контрасты рельефа, различная экспозиция горных склонов по отношению к господствующим ветрам западных румбов создают существенные климатические различия. На Паданской равнине климат умеренно-континентальный с элементами субтропического. В полуостровной Италии, а также на Лигурийской Ривьере климат типично средиземноморский — с мягкой влажной зимой и жарким засушливым летом. В горах климат соответствует высотной поясности, т.е. там последовательно сменяют друг друга по вертикали все типы климатов от субтропического до арктического. Однако на берегах высокогорных альпийских озер климат неожиданно, не по положению теплый. Это явление объясняется тем, что большинство этих озерных долин открыто теплему южному воздуху.

Италия — не только морская, но и гористая страна: горы и холмы занимают более 80% ее территории. Низменности, где сосредоточен экономический потенциал страны, представлены Паданской равниной и узкими низменными полосами вдоль морских побережий и наиболее крупных рек. С севера гигантской дугой протяженностью 1200 км Италию огибают Альпийские горы. И Альпы, и Апеннинские горы, занимающие почти всю полуостровную Италию, возникли в эпоху альпийской складчатости. В силу геологической молодости Италия — страна с высокой сейсмичностью, где часты землетрясения и имеются действующие вулканы. Самый крупный и самый активный из них — Этна на острове

Сицилия (3323 м над уровнем моря), а самый знаменитый — Везувий — близ Неаполя. С вулканизмом же связаны и такие явления, как горячие источники, целебные грязи, использующиеся в санаторном лечении.

Геологическая молодость Италии проявляется и в неустойчивости ее берегов: одни участки морского берега поднимаются, другие опускаются, создавая немалые проблемы (особое беспокойство вызывает судьба Венеции). Александр Блок писал о Равенне: “Где прежде бушевало море, там виноград и тишина”. Особенно наглядно об этих процессах говорят колонны храма Сераписа в Поццуоли, близ Неаполя, изъеденные морскими моллюсками намного выше уровня моря.

Реки Италии невелики и летом маловодны, за исключением реки По (длиной 670 км), к бассейну которой принадлежит большинство рек Северной Италии. Однако эти скромные потоки иногда могут превращаться в грозную разрушительную силу, сметающую все на своем пути, — в результате бурного таяния снегов или обильных ноябрьских дождей. Особенно дурную славу приобрела река Арно, не раз наносившая огромный ущерб городам, через которые она протекает, в частности, Флоренции.

На Паданской равнине и частично на склонах Альп распространены бурые лесные почвы, в полуостровной Италии — коричневые почвы и краснозёмы субтропиков. Эти зональные типы почв, то есть соответствующие своей природной зоне, сочетаются с интразональными — сформировавшимися на речных наносах (особенно на Паданской равнине), на вулканических и известняковых породах. Эти последние (коричневые почвы), в сочетании со средиземноморским климатом, чрезвычайно благоприятны для выращивания винограда.

За исключением высокогорий, повсюду преобладают культурные ландшафты — результат того, что человек осваивает благодатную итальянскую землю в течение тысячелетий. Когда-то Италия была лесистой страной, но постепенно люди свели леса на топливо, за неимением других топливных ресурсов. Сейчас леса покрывают лишь 22,5% территории, в основном в горах и на охраняемых территориях.

Почти полностью используется в Италии и такой природный ресурс, как энергия бурных горных рек. Именно поэтому свыше 70% гидроэлектроэнергии вырабатывается на Севере Италии — на альпийских реках.

5. Транспорт

Для Италии, вытянутой с севера на юг почти на 1300 км, глубоко вдающейся в Средиземное море в самом его центре, расположенной на пересечении многих международных путей сообщения, огромную роль играет транспорт, как внутренний, так и внешний, международный. Более 90% пассажиров и более 80% грузов перевозятся автомобильным транспортом. Особенно хорошо обеспечена автодорогами Северная Ита-

лия. В стране сосредоточена 1/4 всех европейских автострад, в том числе и старейшая в мире автострада Милан — Варезе, построенная в 1924 г. Главная транспортная артерия страны — Автострада Солнца, идущая с севера на юг, от Турина, через Милан, Флоренцию, Рим, Неаполь и Реджо-ди-Калабрия. В больших городах удобнее пользоваться не машиной, а городским транспортом из-за ограничения движения в центре города, постоянных пробок на улицах и затруднений с поисками стоянки. Билеты на автобус продают в табачных и газетных киосках.

Из России по железной дороге в Италию можно проехать через Чоп, Будапешт и Вену. Железные дороги, большей частью очень старые, были в значительной мере модернизированы в 1990-ые годы. Построена скоростная линия Флоренция — Рим, строятся новые скоростные дороги. Из имеющихся в Италии 16 тыс. км железных дорог электрифицированы две трети. Путешествуя по Италии, очень удобно пользоваться как железной дорогой, так и междугородными автобусами (это несколько дешевле). При этом нет необходимости заказывать железнодорожные или автобусные билеты заранее.

Морской транспорт Италии играет очень важную роль не только во внешней торговле страны, но и на каботажных линиях перевозится много пассажиров и грузов. Итальянский торговый флот наполовину состоит из танкеров для перевозки ближневосточной нефти. Из 144 итальянских портов самый крупный — Генуя, его грузооборот — около 44 млн т в год. Это один из важнейших портов на всем Средиземноморье. Второй по грузообороту — Триест. Это не только нефтяной, но и “кофейный” порт: через него идет импорт кофе в Европу.

Роль главного международного пассажирского порта (по объему пассажироперевозок — 1 млн человек в год) перешла от Неаполя к Бриндизи, связанному паромом с Грецией. Неаполь сохраняет традиционное первенство в каботажных связях Апеннинского полуострова с островами и с остальными итальянскими портами (свыше 7 млн пассажиров в год). Основной партнер Неаполя по каботажным перевозкам — порт острова Капри, он ежегодно пропускает через себя 5 млн пассажиров.

Быстро развивается гражданская авиация Италии. Через аэропорты Рима и Милана проходят важные международные авиалинии. Для Италии, вытянутой более чем на 1300 км, очень важны и внутренние авиаперевозки.

6. Спорт

Итальянцы — очень спортивный народ, но, правда, болельщики по своей активности намного превосходят самих спортсменов. Итальянского мужчину лучше не отрывать глупыми вопросами от телевизора, когда он смотрит футбольный матч. Итальянский футбол особенно славится, причем не толь-

ко сборная Италии или крупнейшие команды, но и команды региональных футбольных клубов. Интересно, что в спорте, как и во многих других сторонах жизни, проявляется традиционный итальянский регионализм: порой итальянские “тиффози” с большей страстью болеют за региональные команды во время чемпионатов страны, чем за сборную Италии в международных соревнованиях. Тем не менее победа любой итальянской команды (и не только в футболе) празднуется всенародно: по улицам итальянских городов, победно гудя, мчатся автомобили с болельщиками, из их окон развеваются национальные и командные флаги.

В стране в крупных городах сооружены великолепные стадионы, начало которым было положено еще древнеримским Колизеем. Практически, по его образцу сооружаются и все остальные стадионы мира. Однако современные итальянские стадионы по своему архитектурному и техническому совершенству оставили Колизей далеко позади. Особенно славится смелостью архитектурного замысла и техническим совершенством миланский стадион Сан-Сиро.

Есть место в Италии и для любителей спортивного туризма и альпинизма. Прежде всего, это горнолыжные курорты в Альпах, на склонах гор Монблан (4807 м над уровнем моря), Курмаейр, Сплуга, Монте-Роза и др. Особенно знамениты среди них Кортина-д’Ампеццо, Мерано, Сестриере, Аоста. Здесь расположены прекрасно оборудованные отели, горнолыжные станции, подъемники. Нередко здесь проводятся международные соревнования и не только горнолыжные, но и шахматные (в Мерано).

На Апеннингах главный горнолыжный район — массив Гран-Сассо-д’Италия, в Абруццах, с его вершинами Монте-Корно (2914 м) и Майелла (2795 м).

В последние годы средневысотные Апеннины привлекают все больше путешественников, любителей пешеходного туризма. Через горы проложены специальные пешеходные тропы с центрами отдыха и местными музеями, как например, в Лидзано, к юго-западу от Болоньи.

Спортом в Италии может заняться и турист, предпочитающий пляжный отдых. Пляжи Италии на особенно популярных курортах оборудованы по последней моде “пляжной анимацией”. Это значит, что отдыхающий там может воспользоваться не только старомодными водными велосипедами, но и водными мотоциклами и другими развлечениями. Практически на всех приморских курортах можно купаться не только в море, но и в бассейнах.

7. Национальная кухня

Национальный характер отчетливо проявляется в национальной кухне, манере питаться. Знатки считают, что итальянская кухня — одна из самых лучших и здоровых в мире. При обилии и разнообразии овощей и

фруктов и при общем жизнелюбии итальянцев, при их верности старым культурным традициям им не трудно было этого добиться. В Италии ценятся не только деликатесы национальной кухни, но и само застолье, дружеское общение, гостеприимство.

А вот обычный итальянский завтрак мог бы нам показаться довольно скудным — это только кофе-капуччино на скорую руку в ближайшем баре, а к нему какая-нибудь сладкая булочка — и на работу. Но зато за обедом и особенно за ужином итальянцы едят не спеша и с толком. За обедом сначала подают закуску (“антипаста”) в виде тонких ломтиков ветчины, паштета, затем следуют неизменные спагетти (“паста”) с различными соусами или с продуктами моря (“фрутти ди маре”), реже — суп, после — основное (мясное или рыбное) блюдо. Непривычно для нас, что салат подают не в начале обеда, а после основного блюда. Заправляют его оливковым маслом и виноградным уксусом. В конце обеда подают сыр, сладкий десерт, фрукты и почти обязательный черный кофе. Его готовят по-разному, но самый “итальянский” кофе — очень крепкий и густой — пьют из маленьких чашечек в очень небольшом количестве. Еще одно отличие от нашего обеда: крепкие напитки (водку-граппу или ликеры) пьют не в начале обеда, как у нас, а в завершение его, а сам обед сопровождается сухими виноградными винами, которыми так славится Италия и делит эту мировую славу только с Францией.

Многообразная национальная кухня сложилась постепенно, вобрав в себя как древние и средневековые традиции, так и позднейшие рецепты. Она соединяет в себе народные и аристократические черты, деревенскую простоту и благородную утонченность.

Региональные различия отчетливо проявляются в особенностях кухни каждой области. Каждая область Италии имеет свою “спечалита”. Северные области Италии испытали кулинарное влияние соседей. Так, в Южном Тироле и Трентино, в Альпах, спагетти заменяют клецки со шпигом, на первое подают густую разваренную похлебку, очень вкусную, но совершенно не итальянскую. Таков след, оставленный веками австрийского господства в этой области. Однако и здесь, и по всей стране распространена полента — густая желтоватая каша из кукурузной крупы, прекрасно подходящая ко всем мясным блюдам. Когда-то это была чисто крестьянская еда. Тирольские виноградники дают прекрасные вина.

Очень своеобразна венецианская кухня. В ней отражается не только близость к рисовым полям Паданской равнины, рыбным богатствам Адриатического моря, но и открытость к экзотическим продуктам и пряностям, которые со времен средневековья ввозились через Венецианский порт. Со многими заморскими продуктами венецианцев знакомили путешественники в дальние страны, такие, как Марко Поло. Из венецианских вин можно упомянуть своеобразное “фраголино” — из винограда с запахом земляники.

Блюда, которые принято готовить в соседнем Фриули, — это пестрое отражение привычек народностей, издавна населявших эту местность: здесь и крестьянские фасоловые супы, и венский шницель, и венгерский гуляш, и югославские чевабчицы.

В Ломбардии на закуску подают тончайшие ломтики салями, характерное миланское блюдо — вкуснейшее ризотто (Паданская равнина — основной производитель риса в Европе). Гурманы наслаждаются телячьими ножками под соусом из тунца. И наконец, на стол подают горгонзолу — нежнейший белый сыр, получивший свое название от одного из миланских предместий. А сладкоежки могут попробовать “маскарпоне” — изысканный десерт из мягкого сливочного крем-сыра со свежей клубникой.

На местные особенности кухни северо-западной области Пьемонт повлияла ее близость к Франции. Поэтому самый изысканный деликатес здесь — типично французский: белые трюфели, самые дорогие в мире грибы. В старину пьемонтцы даже приписывали им таинственную, волшебную силу. Трюфели нарезают тончайшими ломтиками и посыпают ими салаты, супы, мясо и макароны. Осенью в Пьемонте, когда наступают холода, готовится традиционная “банья кауда” (“горячая баня” в переводе с пьемонтского диалекта). Долго варится специальный соус из анчоусов с чесноком и пряностями. Он подается в специальном глубоком блюде, которое снизу подогревается горячей свечой. Перед каждым едоком стоит небольшая плошка, тоже со свечой под ней, а в центре стола — разнообразные овощи, которые дала осенью щедрая итальянская земля. Овощи в сыром виде макают в горячий соус и едят с ломтями пышного белого хлеба. На столе, конечно, стоят пьемонтские вина, близкие по типу к французским. Изысканно и в то же время по-крестьянски.

Для Генуи и всего Лигурийского побережья прежде всего характерны рыбные блюда и “фрутти ди маре” (разнообразные креветки, осьминоги, кальмары, улитки и т.п.). Отсюда же начали свое победное шествие по всему миру и равиоли, теперь хорошо известные и нам.

Область Эмилия-Романья — главный оплот итальянских гурманов. Ее главный город Болонья славится своей индустрией мясных продуктов не меньше, чем знаменитым университетом, старейшим в мире. Самые типичные кушанья этой области — лазанья (нежнейшее сочетание слоеного теста и густого мясного соуса), пармская ветчина, пахучая салями из Фелино, колбаса-мортаделла из Болоньи и, конечно, знаменитый твердый сыр пармиджано (пармезан), который делают не только в Парме, но и в Реджо и других городах области. Среди эмилианских вин знаменито легкое полусладкое ламбруско.

Тоскана с ее знаменитыми виноградниками славится прекрасными винами и прежде всего — кьянти. Очень тщательно и с соблюдением традиций и пропорций готовится здесь флорентийский бифштекс.

В соседней Умбрии можно отведать свинину, приготовленную на шампуре, запивая ее терпким вином “орвието”.

В горной области Абруцци увлекаются острыми пряностями, жгучим перцем и розмарином, шалфеем и т.п. Здесь возродили древнее зерно “фарро”, которое возделывали еще вавилоняне и древние римляне. Используя воду чистейших горных источников, здесь делают лучшие в Италии макароны.

В Рим гурману лучше отправляться весной, когда принято готовить молодое мясо ягненка. Самые знаменитые вина столичной области Лацио — легкое светлое “фраскати” и папское вино “Кастель-Гандольфо”.

Чем дальше к югу, тем разнообразнее “паста” (макаронные изделия). Ничего странного: именно в этих областях выращивают твердую пшеницу, идущую на их изготовление. Область Кампания — родина пиццы, завоевавшей в последние годы весь мир. Именно отсюда родом и сыр “моцарелла” из буйволиного молока, а также знаменитое вино “Лакри-ма Кристи” (“Слеза Христова”) из винограда со склонов Везувия.

Южные сельскохозяйственные области Италии: Апулия, Базиликата, Калабрия, — поставляют на европейские рынки артишоки, цуккини, помидоры, баклажаны и многое другое. Эти области дают половину оливкового масла, потребляемого в Италии. Простая крестьянская еда из местных продуктов — основа областной кулинарии.

Кухня Сицилии менялась с веками в зависимости от вкусов очередного завоевателя острова. С греческих времен здесь известны острые приправы. Сарацины (арабы) принесли с собой сахар и цитрусовые, восточные сладости и марципан. Сицилийцы, подобно арабам, добавляют к мясным блюдам изюм, фисташки, орешки пинии. Испанцы привезли с собой на Сицилию помидоры и рис. Но при этом на Сицилии осталась и традиционная крестьянская пища: ломоть хлеба, пригоршня маслин, козий сыр и местное вино (одно из самых знаменитых — “марсала”). На Сицилии огромное разнообразие маслин и морской рыбы.

Изолированная Сардиния сумела сохранить свою собственную кухню. Здесь, как и в давние времена, готовят дичь, мясо оленей и кабанов (на них охотятся в горах центральной Сардинии). Сохранились и такие типично пастушеские блюда, как баранина, приправленная розмарином, тимьяном и другими пахучими средиземноморскими травами. И, конечно, на Сардинии готовят выловленных у берегов острова сардин. В завершение типично сардинского обеда подают “пекорино” — ароматный сыр из овечьего или козьего молока.

8. Путеводитель

Известно, что “все дороги ведут в Рим”. Это и сейчас справедливо, однако добраться до Италии и ступить на ее землю можно разными

путями. Из Москвы самолеты “Аэрофлота” летают не только в столицу, Рим, но и в Милан, Римини, Анкону. “Алиталия”, “Люфтганза” и другие компании доставят Вас в Болонью, Турин и другие города Италии.

Тот, кто не спешит, может добраться до Неаполя теплоходом из Новороссийска или из украинской Одессы.

Тот, кто предпочитает посмотреть из окошка на мелькающие страны, разделяющие Россию и Италию, может доехать до Венеции через несколько европейских стран.

Дальнейший маршрут, уже по самой Италии, зависит от вкусов, намерений, пристрастий и, наконец, кошелька путешественника.

Редкий турист упустит возможность познакомиться с величественным Римом. Из аэропорта “Фьюмичино” можно доехать на метро до центрального железнодорожного вокзала Термини, где в информационном агентстве, обозначенном буквой “i”, можно получить всю необходимую информацию, купить план города и заказать гостиницу. То же самое можно сделать в любом другом городе на вокзале или поблизости от него.

Для того чтобы хорошо узнать Рим, нужны месяцы и годы. Маршрут, который вы выберете, зависит, прежде всего, от ваших интересов, но невозможно быть в Риме и не видеть его античных древностей. До величественных руин Колизея можно доехать на метро от вокзала. Затем можно осмотреть Римский Форум (или сверху, с Капитолийского холма — бесплатно, или же можно пройти императорской дорогой среди беломраморных руин — за отдельную плату).

Одна из главных целей туриста в Риме — Ватикан с его грандиозным собором на площади Святого Петра, которая покоится в объятиях колоннады Бернини, и не менее грандиозными музеями (это целый комплекс с богатейшей пинакотекой, интереснейшим собранием старинных географических карт, коллекцией древних рукописей и книг, Сикстинской капеллой, расписанной гениальным Микеланджело, станциями (комнатами) и лоджиями Рафаэля и др.). От площади Святого Петра можно пешком пройти к замку Святого Ангела. Это бывший мавзолей императора Адриана, служащий ныне военным музеем и музеем искусств. Отсюда путь лежит до Мавзолея Августа и далее к дворцу Монтечичорио. Таков лишь один из примерных пешеходных маршрутов по “вечному городу”.

В Риме сохранились почти в нетронутом виде целые средневековые кварталы, например, Трастевере, многочисленные дворцы и церкви эпохи Возрождения и более поздних времен. Живописно раскинувшийся по холмам город украшают мраморные лестницы, уютные площади с фонтанами — настоящими произведениями искусства, многочисленные монументы разных эпох — от древнейшей конной статуи Марка Аврелия перед Капитолием до гигантского помпезного сооружения конца XIX — начала XX века — памятника королю Виктору-Эммануилу II и объединению Италии.

Туристов влекут в Рим не только исторические достопримечательности, памятники архитектуры, но и неисчерпаемые художественные сокровища его музеев, дворцов, храмов. Шедевры итальянского искусства собраны не только в музеях Ватикана, но и в галерее Боргезе, Капитолийском музее, Латеране, Римском национальном музее и др.

Тем, кто интересуется итальянским искусством, историей, архитектурой следует посетить не только Рим, но и Флоренцию, Венецию, Болонью, Милан, Пизу. Впрочем, настоящие сокровища можно найти не только в крупных городах, но и во многих малых городах Италии, где творили знаменитые итальянские мастера Возрождения, например, в городке Ченто, к северу от Болоньи, — родине художника Гуэрчино. Большинство этих городов включено в типичные туристские маршруты, а Венецию можно посетить и отдыхая в Хорватии.

В Италии интересны не только художественные музеи, но и музыкальные, например, музей на родине Дж. Верди в Ле Ронколе и его вилла с великолепным парком близ Буссето.

Туриста в Италии в разное время года ждут разнообразные праздники и фестивали. Особого внимания заслуживает Венецианский карнавал в феврале. Это великолепное зрелище, парад подлинных старинных костюмов эпохи расцвета Венецианской республики, традиционных венецианских масок, фантастических костюмов (это уже плод воображения современных художников), традиционных персонажей итальянской комедии масок (“делль’арте”). Карнавалы меньшего масштаба происходят в это же время и в других городах, например, в Виареджо. Венеция известна и своим международным кинофестивалем, и проводимой раз в два года художественной выставкой Биеннале, где можно увидеть новейшие веяния и стили в мировом искусстве.

Музыкальный фестиваль Флорентийский май привлекает к себе любителей классической музыки из разных стран мира. Всем известен фестиваль популярной песни в Сан-Ремо, но не все знают, что там же проводится и фестиваль авторской песни, где однажды участвовал с большим успехом наш Булат Окуджава.

Многие традиции возрождаются специально для туристов, например, “палио” в Сиене (конные скачки в городе), Венецианская регата (соревнование гондольеров, представляющих каждый из семи районов города) и другие.

Однако большинство туристов стремится в Италию, чтобы расслабиться на просторных песчаных пляжах Адриатики, где тянутся цепочкой курорты от Равенны на юг до Франкавиллы и далее. Самый популярный из этих курортов — Римини. Отдых здесь можно совместить с поездкой “за границу”, т.е. с посещением Республики Сан-Марино.

Вся территория этого государства (61 кв. км) уместается на горе Титано (высотой 738 м над уровнем моря) и на ее склонах. Санмаринцы гордятся

тем, что живут в самой древней республике Европы, основанной в 301 г. и не менявшей своей конституции с 1253 г. Здесь сохраняются многие старинные традиции, праздники, даже существует, наряду с общепринятым, свой отсчет времени, начиная с 301 г. Место это очень живописное. Склоны Монте-Титано покрыты виноградниками, а на вершине дает прохладу небольшой сосновый лес.

На склонах Альп и особенно Апеннин очень много целебных источников, на основе которых уже не первую сотню лет существуют бальнеологические курорты, такие, например, как Сальсомаджоре, Порретта-Терме, Монтекатини.

Есть в Италии место и для любителей “острых финансовых ощущений”. Наиболее известные казино сосредоточены на Лигурийской Ривьере, в частности, в Сан-Ремо. На другом полюсе туризма находятся религиозные паломники. Католиков прежде всего влечет Ватикан и возможность лицезреть Папу во время важнейших церковных праздников, а главная цель православных паломников — город Бари, в главном соборе которого хранятся мощи Св. Николая.

И даже любитель уединенного отдыха, уставший от суеты современной городской жизни, найдет для своего отдыха тихую виллу на одном из небольших островов близ берегов Италии.

А.Н. Окара

ГОРОД НА ОБЛАКАХ: Образный путеводитель по Киеву

Як тебе не любити, Києве мій!..

Когда впервые попадаешь в Киев и ходишь по его улицам и проспектам, по Крещатику, по Андреевскому спуску, пробираешься сквозь густые заросли днепровскими кручами, город впечатляет и завораживает, — ты уже наполняешься неизвестной раньше благодатной энергией — не покидает ощущение, что вот вдохнешь полной грудью и, подхваченный порывом ветра, полетишь словно птица — всё выше и выше, а внизу будут пронеситься дома и дороги, сверкать золотом купола киевских церквей, блеснет солнечными лучами днепровская вода...

Киев — город уникальный и мистический, он органично соединяет в себе сразу несколько городов: Киев дохристианский — Аскольда и Дира, Киев древнерусский — княгини Ольги и Ярослава Мудрого, Киев эпохи барокко — митрополита Петра Могилы и Богдана Хмельницкого, Киев модерна — Булгакова и Вертинского, Киев советский и постсоветский, современный.

Святой апостол Андрей, особо почитаемый на Руси и во всем православном мире, еще на заре христианской эры благословил эти места и, чтобы никакая скверна, никакая напасть зловерия не одолела их, воздвиг над берегами днепровскими крест.

Некоторые считают, что именно тут находится мистический “центр мира”, из которого во все концы земли исходит благодатная энергия; ученые отмечают необычное геофизическое “свечение” на территории Киева.

Москву принято называть Златоглавой, Киев — Золотоверхим. В Средние века его почитали иконой Небесного Иерусалима и третьим уделом Богородицы (первый — кавказская Иверия, второй — Афон, четвертый — Дивеево), подчеркивая особую благодатность города и его роль в христианизации восточнославянских земель. Не случайно в древних летописях его именуют не иначе как “матерью городов руських”. Интересно, что даже великий писатель Николай Гоголь проникся религиозными настроениями, резко изменившими его творческую биографию, именно под влиянием пророчества о Киеве как Втором Иерусалиме.

Именно здесь, в Киеве, более тысячи лет назад князь Владимир зажег от Византии для всей Руси огонь христианства, за что и прославлен церковью как равноапостольный, то есть равный в своем просветительском и духовном подвиге святым апостолам. Памятник князю, установленный еще в XIX веке на террасе Владимирской горки, является одним из самых известных символов Киева. Однако смотреть на него надо непременно сзади или сбоку, а не спереди. В любое время года — и в осенних красках, и под снегом, и в утопающей зелени — сквозь сплетенные ветки деревьев просвечивает величественный силуэт князя с крестом, благословляющего и Днепр, и днепровские кручи, и всю Украину...

Однако история киевского влияния на духовную жизнь восточного славянства и всей Руси отнюдь не исчерпывается крещением. В начале XVII века именно в Киеве основано первое в восточнославянских землях высшее учебное заведение — Киево-Могилянская Академия. Ее выпускниками были видные ученые и писатели, церковные и политические деятели. Феофан Прокопович известен как главный идеолог реформ Петра I. Стефан Яворский был в ту же эпоху местоблюстителем патриаршего престола. Св. Димитрий Ростовский — составитель Четий-Миней, самого большого свода житий православных святых. Тут же учился бродячий украинский философ Григорий Сковорода и отец российской науки Михайло Ломоносов. Киевская Академия может считаться матерью московской Славяно-Греко-Латинской Академии (ныне — Московская Духовная Академия) и, соответственно, бабушкой Московского университета. В начале 1990-х годов это легендарное учебное заведение было возрождено (сейчас оно носит сугубо светский характер), причем в тех же стенах — в исторических помещениях Братского монастыря, на Подоле.

Из центра города к Киево-Могилянской Академии, на Подол, ведет известный на весь мир Андреевский спуск — киевский Монмартр, киевский Арбат. Вот где концентрация истории и этнической культуры, художников и музыкантов на квадратный метр превышает все мыслимые и немыслимые пределы!

В верхней части спуска нельзя не обратить внимание на сохранившийся временем фундамент Десятиной церкви — первого каменного храма на Руси, основанного еще при князе Владимире. Неподалеку — дом, в котором живет президент Украины Леонид Кучма. Чуть ниже — недавно установленная бронзовая скульптура “паркового” типа (т.е. без пьедестала, примерно в человеческий рост) Прони Прокоповны и Голохвастова — персонажей комедии украинского драматурга Михайла Старицкого “За двумя зайцами” и одноименного культового в Киеве кинофильма.

Далее по ходу — Андреевская церковь, похожая на причудливую морскую раковину, полную жемчуга. Построена в елизаветинские времена, в середине XVIII века, по проекту великого Бартоломео Растрелли

(*perola barrosa* — так в Испании и Португалии называют жемчуг неправильной формы, откуда и происходит название барочного стиля).

Говорят, в глубокой древности на месте Днепра было море. Как только св. апостол Андрей пришел на киевские кручи и поставил крест на том самом месте, где теперь стоит церковь, море отступило, но небольшая его часть осталась как раз под Андреевской горой. Когда церковь была построена, под престолом неожиданно открылся глубокий колодец, на дне которого плескалась морская вода. В Андреевской церкви нет и никогда не было колоколов, потому что, по легенде, при первом же колокольном ударе вода в колодце пробудится и зальет не только весь Киев, но и всю Украину...

Барокко — главный стиль древнего Киева. Если Андреевская церковь и Мариинский дворец, также построенный по проекту Растрелли, несут на себе признак западноевропейского барокко и рококо, то несколько иное, специфически украинское барокко видим и в соборе св. Софии, и в Киево-Печерской Лавре, и в Михайловском Золотоверхом монастыре, и в Выдубицком монастыре, и в Кирилловской церкви — усыпальнице черниговских князей. Достопримечательностью многих киевских храмов являются росписи начала XX века, выполненные великими русскими художниками Виктором Васнецовым и Михаилом Врубелем.

Своей гордой изысканностью поражает еще один архитектурный шедевр Андреевского спуска — Замок Ричарда Львиное Сердце — доходный дом начала XX века, исполненный в стиле модернистской английской готики. Неподалеку недавно появились ступеньки, ведущие на Замковую гору. Всего за три минуты из городской суеты, из шумной и пестрой жизни попадаешь в “необитаемый мир дикой природы”, а ведь это самый центр трехмиллионного мегаполиса!

Местом культового паломничества для всех почитателей творчества Михаила Булгакова стал дом № 13 по Андреевскому спуску — именно в нем долгие годы жил великий писатель, именно здесь обитают тени семьи Турбиных — героев его знаменитой “Белой гвардии”.

Если Андреевский спуск — самая известная, яркая, богемно-изысканная улица Киева, то центральной и самой уважаемой является, конечно же, *Крещатик*.

Во времена Киевской Руси эта местность была поросшей густым лесом долиной, пересеченной многочисленными оврагами и ярами (отсюда и название “Хрещата долина”). Ее регулярная застройка начинается довольно поздно, в самом конце XVIII века, но всего за несколько десятилетий Крещатик становится фактически главной улицей Киева — с буржуазными трехэтажными домами и лавками, магазинами и банками, конторами и цирюльнями. Еще в 1892 году Крещатик и Подол связал маршрут первого в Российской империи и второго в Европе электрического трамвая...

Великая Отечественная война не пощадила уютный и какой-то домашний Крещатик — улица была полностью разрушена. Вместо восста-

новления старого вида власть идет на интересный эксперимент — именно тогда, в послевоенные годы, улица получила свой современный облик: Крещатик может считаться эталоном сталинского ампира (хотя этот ампир, вполне в украинском духе, дополнен характерными вкраплениями национального орнамента и средиземноморского стиля); кроме того, он считается самым широким проспектом в Европе. Каждую весну всё его пространство расцвечено маревом цветущих каштанов. Кстати, каштаны — еще один символ Киева. Гуляя по ночному Крещатику, вглядываясь во встречные лица, нужно вбирать в себя всё многообразие украинской ночи: это неповторимое состояние души невозможно забыть никогда! Весна, молодость, ощущение полноты бытия — как в той известной песне — гимне Киева: “Знову цвітуть каштани, / Хвиля дніпровська б’є, / Молодість мила, ти щастя мое!”

Киево-Печерская Лавра — древнейший на Руси православный монастырь — была основана монахами Антонием и Феодосием и получила свое название от пещер, вырытых в киевских горах и кручах еще на заре христианизации Руси, в середине XI века. Главный храм монастыря — Успения пресвятой Богородицы (его создание датируется 1073–1078 годами) в XVII–XVIII веках перестраивается в барочном стиле. Осенью 1941 года храм взорван советскими разведчиками (на церковной службе в храме должен был присутствовать гауляйтер Украины Эрих Кох); его восстановление продолжается и в настоящее время. Изумительный вид на Киев и на заднепровские дали открывается с лаврской колокольни (XVIII век) — самой высокой монументальной постройки на Украине (96 м). Особенной молитвенной сосредоточенности требует посещение Ближних и Дальних пещер, где покоятся мощи ста двадцати православных святых. Жития многих из них известны по “Киево-Печерскому Патерику” — замечательному памятнику древнерусской литературы.

Любопытно, что если ехать к Лавре на метро, то путь лежит через станцию “Арсенальная” — одну из самых глубоких в мире (более 100 м — этот рекорд занесен в Книгу Гиннеса).

Мистический центр Киева и всей Украины — храм Св. Софии — Премудрости Божией. У восточных славян всего три храма, посвященных св. Софии — два других в русском Новгороде и белорусском Полоцке. Строительство этого шедевра мировой архитектуры приходится на эпоху Ярослава Мудрого — первую половину XI века. Именно в нем митрополит Илларион произнес свое знаменитое “Слово о Законе и Благодати”. В коммунистические времена советская власть уничтожала “религиозные пережитки”, а заодно с ними и “культовые сооружения” — Софии Киевской была уготована участь тысяч иных храмов. Но вмешалось Провидение или, если угодно, господин случай. Полулегендарная история приписывает спасение Софии французскому писателю Ромену Роллану. В 1930-х годах, когда руководители Советской Украины уже пред-

ставляли в своем воображении новый правительственный центр на месте приговоренных к уничтожению Софийского собора и Михайловского Золотоверхого монастыря, известный архитектор-реставратор Петр Барановский (ему обязаны спасением десятки древних храмов в России и на Украине) обратился к Роллану, а тот, в свою очередь, написал письмо Сталину: мол, французская интеллигенция не поймет уничтожения архитектурного памятника, связанного с личностью королевы Франции Анны (которая, как известно, была дочерью Ярослава Мудрого).

Над алтарной частью собора расположена уникальная мозаика Богородицы Оранты — Стены Нерушимой, защитницы города и народа перед Богом. Всего же в Софии сохранилось 260 кв. м уникальных мозаик и 3 тысячи кв. м фресок XI века — самый высокий показатель сохранности в мире.

В центре Киева внимания достойны также памятник Богдану Хмельницкому (1888, пл. Б. Хмельницкого, перед Софийским собором), “Дом с химерами” (1903, ул. Банковская, 10), Бессарабский рынок, построенный в начале XX века в стиле украинского модерна (Бессарабская пл.), Золотые ворота (начало XI века, ул. Владимирская, 35). На площади перед восстановленным в самом конце 1990-х Михайловским монастырем восстановлен также “тройной” памятник работы Ивана Кавалеридзе — княгине Ольге, апостолу Андрею, святым равноапостольным Кириллу и Мефодию (1911). Именно здесь летом 2000 года выступал во время своего киевского визита президент США Билл Клинтон. От позднесоветской эпохи “застоя” Киеву досталось и многометровое титановое изваяние Родины-Матери, грозно нависшей над Днепром с мечом в руке (1982). К десятилетию государственной независимости самый центр Киева, майдан Незалежности, украсило изваяние Матери-Украины на высокой колонне и “нулевой километр” — статуя архангела Михаила — небесного покровителя города.

Немало достопримечательностей рассыпано и по киевским околицам. За Голосеевским лесом, рядом с селом Пирогово, находится интереснейший музей украинской народной архитектуры и быта. За полтора-два часа на участке в 150 гектаров можно пешком обойти всю Украину: экспонаты музея — образцы традиционной национальной архитектуры — хаты, ветряки (ветряные мельницы), церкви — привезены из всех регионов — Поднепровья, Полтавщины, Слобожанщины, Карпат, Воыни, Полесья, Подолии. В музее часто проводятся колоритные народные праздники...

Когда подъезжаешь к Киеву со стороны левого, низкого, берега, город на правом, высоком, берегу представляется как бы зависшим над Днепром-Борисфеном, как бы парящим над облаками. А десятки золотых куполов среди зеленого пространства — как указатели истинного пути. Не случайно многие уверены, что Киев — это земной образ рая.

РЕЦЕНЗИИ

тавляли в своем изображении иной, представительный центр на месте приговоренных к уничтожению Софийского собора и Михайловского Клокововерхого монастыря, известный архитектор-реставратор Петр Барановский (ему обязаны списанием десятки древних храмов в России и на (крайне) обратился к Роллину, а тот, в свою очередь, написал письмо Сталину; мол, Французский интеллигент не поймет уничтожения архитектурного памятника, связанного с личностью королевы Франции (которая, как известно, была дочерью Ярослава Мудрого).

Над алтарной частью собора расположена уникальная мозаика «Святые Оранты — Святые Тараканы» — мозаика города и народа перед югом. Всего же в Софии 12 уникальных мозаик и 3 фрески на м фронтоне собора.

А.Н. Окара

ОСТРОВ АМАЗОНОК

Книга о сакральной географии Крыма

Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2000. — 304 с.

Рубеж сменившихся веков обозначил одну очень важную интеллектуальную тенденцию: де-профанизацию дискурсов, окончательное прощание с позитивизмом и прочими “потомками” эпохи Просвещения, прямыми и косвенными.

Так, большинство современных наук в поисках новых смыслов существования обращаются к своим сакральным “двойникам”-прародителям. Физиков всё больше интересует магия (не путать с колдовством и чернокнижием!), астрономов — астрология (не путать с расплодившимся в последние годы газетным безобразием!), химиков — алхимия (именно сакральная наука, а не технология переплавки металлолома в золото), математиков и лингвистов — пифагорейская нумерология, литературоведов и культурологов — мифология и метафизика.

Нечто похожее переживает сегодня и географическая наука. Так, современная позитивистская география, если ее рассматривать не как инструментальное “приложение” к политическим и экономическим дисциплинам, а как форму мировоззрения, как способ описания осязаемого мира, на многие возникающие вопросы в принципе не способна дать ответы. Позитивистская география тяготеет к представлению о совершенно однородной в качественном, онтологическом измерении поверхности Земли, по этой причине всевозможные загадки — хотя бы тот же Бермудский Треугольник — приходится либо игнорировать, либо объявлять предрассудком и фальсификацией.

Сакральная география говорит о неоднородности Земли — о наличии “центра мира”, “оси пространства”, о “сакральных” и “профанных” зонах и даже о “заколдованных местах”. Симптоматичным выглядит и возрождение в последние годы интереса к геополитике — промежуточной между политической и сакральной географией области познаний, а также

новые научные синтезы в форме геоэкономики, “метафизического краеведения” и вполне постмодернистской теории географических образов Дмитрия Замятина.

Книга московской исследовательницы Татьяны Фадесовой “Крым в сакральном пространстве” посвящена исследованию сакральной географии полуострова и являет собою замечательный пример “метафизического краеведения” (именно в номинации “Краеведение” она была признана лучшей книгой 2000 года московской “Независимой газетой”). Автор сознательно ставит перед собой задачу: с помощью различных аспектов сакрального знания дать свой вариант реконструкции картины мира. Несмотря на огромное количество исследований о Крыме, данная работа, несомненно, является новаторской — отсюда ее некоторая мозаичность и несистемность (впрочем, автор приглашает заинтересованных читателей к самостоятельному поиску в обозначенном направлении).

Крымские “потаенные” достопримечательности (а Татьяна Фадеева является также знатоком Крымских гор, пещер и автором памятной еще по 1970-м годам, переизданной в 1998 году в Симферополе книги “Тайны горного Крыма”) весьма похожи, например, на английский “Стоунхендж” — святилище “висячих камней”. Сходства не случайны и не хаотичны — в их основе просматриваются целостные представления об организации священного пространства, многое “рифмуется” с кельтской системой сакральных знаний (вероятно, древняя Таврида являлась частью кельтского цивилизационного ареала).

Одним из подтверждений такой гипотезы является обнаруженная на стенах крымских пещер штриховка, подобная спиралевидному расположению семян “солнечного цветка”. Подсолнухи, этот символ Украины и основа ее сельскохозяйственной контрабанды, — алхимические растения — ведь они поворачиваются вслед за солнцем и символизируют “духовное золото” алхимиков. Не случайно их семена расположены по принципу “золотого сечения”.

В силу насыщенности разнообразнейшими культурными традициями и пребывания в разные эпохи в составе разных империй, Крым обыкновенно называют “перекрестком культур” — недаром он лежит на известном сакральной географии так называемом Александрийском меридиане, по которому импульсы из Древнего Египта и Палестины передавались в Киевскую, а позже и в Московскую Русь. Именно крымский Херсонес-Севастополь имеет отношение к обретению св. равноапостольным Кириллом славянской азбуки (“обрете же тоу евангелие и псалтырь роуськыми письмены писано”), именно тут был крещен св. равноапостольный князь Владимир, именно отсюда распространился по Руси культ св. Климента Римского, именно крымские, а также каппадокийские пещерные монастыри стали прообразом Киево-Печерской Лавры, Анто-

ниевых пещер под Черниговом и пещер Святогорского монастыря на Северском Донце (в нынешней Донецкой области).

Однако самая интересная тема книги — это выявление метафизической природы крымского пространства. И здесь Татьяна Фадеева приходит к совершенно неожиданному выводу: оказывается, Крым просто пронизан знаками женского доминирования — матриархата и феминократии. Отсюда и фигуры местного культового поклонения: Дева-воительница — базилисса Херсонеса, “великая мать богов” Кибела, Артемида, жрица Артемиды Ифигения (которая “в Тавриде”), Царь-Девница, Белая Богиня, Прекрасная Дама, Незнакомка русских символистов.

Пространство Крыма обозначается не иначе как “остров женщин”, “страна амазонок”, “город дев”, “царство женщин-воинов”. Сама Татьяна Фадеева в “женском” образе Крыма видит одни лишь позитивные стороны (впрочем, разве можно ожидать иного подхода от автора-женщины?) — поэтому, с ее точки зрения, не жуткая Кибела, чье имя даже боялись произносить, но София, Премудрость Божия — вот символический код Тавриды. Не случайно же, по мнению автора, большинство православных храмов на Руси посвящено именно Богородице.

Крым наполнен древними крепостями, которые одновременно являлись и святилищами — местом совершения женских мистерий. Таврида, как известно, называлась “страной сорока крепостей”, “страной сорока вершин”, “страной храма Девы”. Сорок — сокровенное число Софии, женского начала, Лунной Богини, это числовой образ Универсума, существующего именно как эманация “Вечной женственности”. Нет нужды уточнять, насколько пагубной для любой цивилизации является инверсия, в результате которой женское начало начинает доминировать над мужским (на символическом уровне — это доминирование Луны над Солнцем). Истоки кризиса “современного мира” в эпоху “Кали-Юга” (или по Гесиоду — “Железный Век”), обозначаемую именем еще одной кровавой черной богини — индийской Кали, можно рассматривать в том числе как тенденцию к онтологической деиерархизации, к тотальному оскотлению, к общемировой феминократии.

Историков всегда волновал вопрос: почему Крым, лежащий на пересечении цивилизаций, в обозримые исторические времена всегда был не генератором культурных импульсов, а воспринимающей средой, не центром какого-либо государства (не считая Крымского ханства — провинциального вассала Оттоманской Порты), а окраиной? Не формирующим солнечным началом, а лунным — подчиненным и зависимым? Возможно, книга Татьяны Фадеевой дает ключ к разгадке: о какой государственности в традиционно-сакральном смысле слова (а государство, как известно, изначально образуется из мужского союза), о каком вертикально-иерархическом и волевом дискурсе может идти речь в отношении Крыма, в котором с доисторических времен безраздельно господ-

ствует женская стихия? Который на символическом уровне сам является то ли прекрасным ликом Софии, Премудрости Божией, то ли гримасой кровожадной Кибелы, что, в общем-то, не так уж и важно.

Крым убивает любую государственность — в одном только двадцатом веке это случалось дважды: с Российской империей, истекавшей в эмиграцию от Графской пристани Севастополя, и с Советским Союзом, чей закат был предопределен в Форосе.

Впрочем, разве не так поступали с мужчинами амазонки?

Н.Ю. Замятина

УДАЛЕННОСТЬ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ Хрестоматия по “географированию” жизни

Хандке П. Медленное возвращение домой: Роман / Пер. с нем. М. Корневой. — Азбука, 2000. — 208. с.

Роман Петера Хандке — это книга, очень полезная для понимания географии. Герой — географ по миропониманию, по способу видеть, по манере жить. Географ он и по профессии — а именно, физико-географ, специализирующийся, похоже, на геоморфологии — науке о рельефе Земли. Впрочем, это в книге не самое главное, и упоминание некоторых деталей профессиональной деятельности героя лишь возбуждают воспоминания о первом курсе геофака и всенепременной “эмгэушной” практике на сатинском полигоне под Москвой. Воспоминания, впрочем, уже почти ушедшие вместе с умением пользоваться теодолитом. Собственно и география в книге не упомянута.

Нет в книге и полевой романтики, упоения картами и заковыристыми названиями. Даже и названий-то собственно почти нет: роман начинается на берегу какой-то реки, текущей на запад, и так и протекает почти до самого конца в неназванных пространствах. География здесь совсем другого уровня — в обращении с миром. Да и герой — скорее гипербола географа, более географ, чем любой представитель этой профессии.

“Схватывая” в текучих складках ландшафта четкие структурные формы, мысленно формуя, о-формляя, окружающий ландшафт, герой применяет ту же методику и к жизни, схватывая, формуя и размещая в собственном мозгу людей, предметы и явления. Происходит чудо, подобное чуду фотографирования реальности. Фотография систематизирует реальность, выделяет те или иные черты, смазывает неважные планы, делает реальность удобной, переносной, одомашненной. Что-то подобное проделывает и географ, “схватывая” из нее по-домашнему удобные для мысли формы и структуры, “географируя” окружающий хаос пространства.

Выход за пределы мысленно разграфленного, “гео-графированного” мира мучителен для героя. “Если днем благодаря работе Зоргер обычно-

венно сливался в единое целое с самим собою и с ландшафтом — вот он, вот эта местность, которую он сам себе отыскал, все на своих местах (“township” назывался его квадратный, никем не заселенный участок, на котором не было ничего, кроме дикой природы), то по ночам, когда он спал на своей высокой железной кровати, его по-прежнему не оставляло ощущение удаленности от Европы и от “предков”: не только в том смысле, что между ним и какой-то другою точкой в пространстве пролегал невообразимое расстояние, но и потому, что он сам себе казался удаленным (при том что уже самый факт удаленности был преступлением). Во сне у него не было конкретного образа этой точки в пространстве”. И Зоргер, озабоченный мысленным оформлением своего места в пространстве, постепенно “географирует” мир и себя вместе с ним. “Обычно Зоргеру всегда нужно было сначала “проработать” ту или иную территорию, чтобы со временем найти там свое место”. Не удивительно: как географу, ему важно локализовать рассматриваемый объект, определить его место: ведь от локализации зависят многие его свойства. И “географируя” пространство, герой локализует себя самого, все уютнее размещается в пространстве, в процессе такой локализации определяясь, как и полагается, со своими свойствами, находя себя.

“Географирование” мира происходит последовательно, словно по стандартной схеме комплексной характеристики территории: от дикой природы к локальным общностям людей (индейский поселок и индейская женщина, соседи в пригороде), а затем к мощным урбанистическим картинам, предьявляемым современным мегалополисом. Здесь, на последних страницах, “географируется” людей больше, чем во всем предыдущем пространстве. “Географирование” мира развивается от физической географии к гуманитарной.

Глубокие смысло-тектонические структуры лежат и под реальной топографией романа. Приятно узнавать, “географировать” его неназванные пространства, выделяя в затуманенном ландшафте текста знакомые образы и структуры. Потерявший себя в Европе, герой как бы перерождается — естественно, в Америке. В Америке же все перерождения ожидаемо должны происходить в самой экстремально американской ее части — на Западе. На самом диком Западе, где-то в Заполярье Аляски, с базы экспедиции, похоже, на Юконе, начинается путь Зоргера домой. Не домой в обыденном смысле слова — собственно дом героя расположен все еще на Западе, все еще дышащим хаосом фронта, где кажущийся одомашненным уют мощно нарушается природными катаклизмами. Калифорния. Восточнее, в Скалистых горах, Зоргер почти дома, направление выбрано верно: к Европе, к людям. “Самолет с грохотом разорвал облака”.

Помню, как нас научили читать историю оврага: по полосатым слоям песка в овражном откосе вызывать образы мрачных морен и мутных приледниковых потоков. По сети оврагов можно было восстановить сеть

былых дорог и деревенских тропинок, по травостоям определить контуры улиц давно сгоревшей деревни, а по профилю почвы — следы былой пашни под шумящим березняком. Чтение ландшафта, сложение слов из его простых знаков было ни с чем не сравнимым удовольствием. Как читается ландшафт, “географируется” текст: то постепенно, шурф за шурфом расшифровывается его история, его наслоения и ассоциации, то вдруг озарением сложится в сознании из мозаики форм красивый своей стройностью образ. Роман — и пособие, и хрестоматия по “географированию”. Впрочем, ландшафт текста — не геологическое образование; возможна и другая его география.

Д.Н. Замятин

ОТ ГЕОГРАФИИ К ГЕОГОНИИ
“Ядерные реакции” в пространствах языка

Грэм Свифт. Водоземье / Пер. с англ. В.Ю. Михайлина. Б.м.: Perspective Publications, 1999. 382 с.

Роман современного английского писателя Грэма Свифта “Водоземье” (1983) — великолепный пример художественного произведения, задуманного и разросшегося благодаря яркому географическому образу, ставшему его названием. Необычайно “вкусное” русское слово — “водоземье” (в оригинале *Waterland*) — идеально передает пограничность и даже невозможность образа земли, растворенной в водной стихии, однако живущей ею. Речь идет о весьма типичном уголке Восточной Англии — низменно-равнинном, заболоченном, с медленно текущими, меандрирующими, небольшими реками. По замыслу автора, сей небольшой край, названный им Фены, или Фенленд, символизирует и всю Англию, а иногда его образ вырастает и в образ Мира. Великий образный контрапункт в географической композиции всей Европы, Англия весьма богата региональной художественной литературой, причем образная “плотность” и качественная густота описаний ее ландшафтов, вероятно, самая высокая в мире. Вернемся, однако, в водоземье.

Судьбы героев романа как бы прижаты к плоской равнине фенов. Здесь разворачиваются любовные истории, рождаются и рушатся торговые и рабочие династии, а постепенное осушение Фенленда, строительство каналов, дренаж, развитие судоходства в крае служат естественным фоном большинства описываемых событий. Пожилой учитель истории Том Крик, коренной фенлендец, постоянно рассуждая о сомнительной для него самой пользе истории (на дворе 1979 год), всё время “утопает” в географии водоземья, в его всепоглощающих образах.

Мы видим живую историческую географию края, развитие, начиная с XVIII века, пивоваренной компании, чьи основатели решились преобразить Фенленд, превратить захолустье в кипящий экономической активностью пейзаж. Но смешение рассказов Тома Крика о прошлом во-

доземья с его детскими воспоминаниями эпохи Второй мировой войны создает причудливую картину, в которой просвечивают разные эпохи, “упакованные” в почти вечные и нетленные образы плоской, доводящей до безумия равнины: “Жить в Фенах — значит получать реальность в сильных дозах. Великая плоская монотонность, бескрайняя пустота реальности. Меланхолией и самоубийствами в Фенах никого не удивишь, если вы родились посреди этой плоскости, прикованные к ней хотя бы даже грязью, которой здесь не занимать”. На пьяницу Джека Парра “давили плоские черные фенлендские поля заодно с широким и голым фенлендским небом”. Нельзя было не пить, смотря на то, “как сходятся и разбегаются в пространстве, терзая мозг своей невыносимой геометрией, прямые линии канав и дрен”. Рельеф самих судеб фенлендцев становится необычайно плоским, почти неотличимым от реального водоземья.

Водоземье — это “взрывы” образов одного и того же пейзажа — летнего, осеннего, зимнего — либо тяжелого и застоявшегося, либо чистого, прозрачного и промывтого дождем, снегом. Дождь и пожар — вот два мощных образа, возникающих на страницах романа и оттеняющих мотив Фенленда как сказочной страны, страны фантазий и привидений. Эти образы рождаются изнутри ландшафта, “освещая” его дробность, крупитчатость — в описаниях дома фермера Меткафа и крохотного городка Гилдси, каналов и рек, подпертых дамбами и как бы плывущих над утопающей землей. События предопределены, они сами становятся географическими образами — тут можно сказать о новом, теперь уже образно-географическом детерминизме. Безграничная флегма и вероятность безумия — это фенлендский ландшафт. Сам Свифт мастерски обыгрывает эту линию, иронизируя и шутки ради обсуждая связь повышенной сексуальности фенлендцев с плоскостью их равнин. Но дело обстоит гораздо серьезнее.

Образ водоземья как бы взлетает, и с высоты птичьего полета, а затем и выше — мы видим уже карту Мира, на которой Фенленд — центр Мира. Его реки — Уош, Уза, Лим — это целые геологические эпохи развития. Его бедствия и удачи — образы неповторимой и незабвенной Британской империи, а из глубин Евразии налетает великий Восточный ветер, насылающий болезни и горести. Водоземье становится сквозным географическим образом, охватывающим, сочетающим микро- и макрокосм, концентрирующим простой человеческий и в то же время Божественный замысел-умысел проживания и умирания в ландшафте и ландшафтом. Ведь ландшафт, по сути, есть не что иное, как рельефное пространство судьбоносных гео-графических образов.

И вот сталкиваются миры — образ водоземья отражается в полярных ему образах. Люди Фенленда знакомятся с американскими солдатами из Аризоны, осознавая глубинную непохожесть пространств-образов: “Мир низинный и текучий, мир на грани развоплощения. Такой непохожий

(даже и в такой момент, блуждающий огонек любопытства) на дикие сьерры, ковбойские утесы и каньоны Аризоны”. Пейзажи смотрятся друг в друга, географические образы как бы удваиваются и усиливаются, водоземье накладывается на горькую пыль пустыни, проникаясь ей, приобретая дополнительные очертания и ракурсы. Водоземье расширяется бесконечно, впитывая всё новые пространства и судьбы.

Возвращение к космогониям. Вернее, вперед к космогониям. Ключевые географические образы обладают гибридными свойствами, в них перемешиваются образы природных стихий, облекаясь в стихии общественных пространств, — ибо любое общество одомашнивает природные стихии. Они как медузы: мы буквально видим механизмы “упаковки” пространств на уровне языка, языков; это топонимия Судьбы. И скажем даже больше — география может превращаться в геогонию, когда мощь отдельных географических образов начинает превосходить возможности обычного языка ландшафтных описаний, ведя к “ядерным реакциям” в самих пространствах языка — меняются стили и содержания таких описаний, формируются параллельные языковые пространства со своим словарным запасом и средствами выражения. Все более подробно и ярко описываемый ландшафт незаметно меняет сам язык, а язык получает благодаря этому собственные новые ландшафты.

С.А. Смирнов

СТЕНОГРАММА ВЕЛИКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ **Каждый тип пространства порождает свои кошмары**

Жан Бодрийар. Америка / Пер. с франц. Д. Калугина. СПб: “Владимир Даль”, 2000. 203 с.

“Америка” Бодрийара, вышедшая, наконец, в хорошем русском переводе, давно уже стала мировой классикой. Это эссе множество раз интерпретировалось в самых различных контекстах, поскольку речь в нем идет о самом вызывающем явлении нашего, да и не только нашего, времени — о феномене Америки. Симуляция счастья как цена технологического рая; автохтонное зло постиндустриальных социальных систем; автономизация личности как следствие максимизации потребностей; мир после Оргии; единство расцвета и заката Америки — вот лишь немногие из тех аспектов Америки, которые обозначены Бодрийаром и которые стали предметом яростных споров социологов и культурологов, психологов и экономистов. Эта книга сочетает традиционное изящество авторского стиля с парадоксальностью постановки мировоззренческих проблем. Она придется по душе любому интеллектуальному читателю.

Для географа же эта книга интересна в качестве, пожалуй, уже классического примера максимально включенного американского (а следовательно, перманентного) метапутешествия. В наиболее общем определении путешествие — это процесс конструирования производных пространств на основе географического пространства; любопытно, что и сам Бодрийар неоднократно подчеркивает полную противоположность путешествия туризму и отдыху. Метапутешествие происходит уже в сконструированном (или находящемся в процессе конструирования) производном пространстве, при этом чем больше автор включается в путешествие, тем полнее производное пространство замещает исходное. Главное действующее безличие и единственная основа путешествия Бодрийара — именно американское пространство. Все локусы (Нью-Йорк как предел интенсивности пространства), все люди (“там пространство — это само мышление”), все симулякры (“Америка представляет собой громадную

голограмму”) — это лишь миражи той самой великой американской Пустыни. Это лик “The Wilderness”, который так устрашал первых поселенцев, и из геологических пластов которой, будто в насмешку, сложены небоскребы. Итак, Америка — это *есть* американское пространство. Европа, как кажется, *имеет атрибутом* европейское пространство. “Итальянское чудо: чудо сцены. Американское чудо: чудо обценного. Сладоустрастие смысла против пустынь незначимого”.

Пространство познается с помощью путешествий; каждому типу пространства соответствует свой тип путешествий. Европейское (в пределе, итальянское) путешествие в “пестром пространстве” (Ф. Бродель) обязательно, конечно, когнитивно безопасно и подражательно, оно уютно умещается в путеводителе, притом викторианской эпохи (“Приезжая из Лос-Анджелеса [в Париж] попадаешь в XIX век.”) Американское путешествие перманентно (“движение производит пустоту”), оно содержит в себе бесконечное предчувствие конца, явления Пустыни, но и экстаз амнезии движения. Американское путешествие немислимо в Европе. Вот почему так обостренно воспринимает француз Бодрийар мифы чуждой территории: каждый тип пространства порождает свои кошмары. Европа, похоже, никогда не расстанется с компактными готическими ужасами, Россия — с чудовищной серостью бесполезных пространств. Кошмары Америки грозятся затопить весь мир. Пустота улыбки, мираж тела и децентрализация центра, коэволюция добра и зла. “Рай. Но достаточно ничтожных изменений, скажем, перестановки определенных акцентов, чтобы вообразить во всем этом ад.”

“Америка” — неупорядоченное путешествие, ее пространство анаморфировано. Конечно же, это не *путеводитель*; кстати, путеводитель по американскому пространству вообще невозможен, это тоже чисто европейский концепт. Пытаясь (скажем, по долгу службы) создать что-либо подобное в Америке, притом для всей страны, мы скатываемся либо к топологической схеме Рэнда-мак-Нелли, либо к краеведению. Бодрийар уходит от этой трудности в метапространство. Его Америка парит над географическим пространством страны, опираясь лишь на несколько точек: Нью-Йорк, Калифорния (кошмар воплощенной мечты), Гранд-Каньон. Образы этих узловых объектов виртуозны в своей концептуальности, это вовсе не нарочитое упрощение, а попытка выделить их суть (которая, лишние напомнить, есть пространство). Эти отрывки, пожалуй, составили лучшие страницы книги, в каком бы контексте она ни воспринималась: как изящный дневник эстетствующего интеллектуала, как сборник тонких откровений о будущем человечества или как стенограмма великого путешествия.

В.Б. Саксон

ИСПАНИЯ КАК ПЕЙЗАЖ С РАЗНЫХ ТОЧЕК Путевые заметки философа

Хосе Ортега-и-Гассет. Камень и небо / Пер. с исп. М.: Грант, 2000. 288 с.

На что способен “один из самых прозорливых мыслителей XX века”, отправься он в путешествие? Что если философские размышления воплотить в жанре путевых заметок? Результат подобного эксперимента — сборник “Камень и небо”, в который вошли наиболее известные эссе Хосе Ортеги-и-Гассета, написанные им для альманаха “Эль Эспектадор”, и, за редким исключением, впервые публикуемые на русском языке.

Каждое произведение сборника является фотографически точной зарисовкой с натуры, подернутой легкой дымкой философии. К жанру философских набросков путешественника не относится, разве что, “Восстание масс” — самая известная работа Ортеги, которая, вероятно, включена составителями для увеличения хрестоматийной ценности издания. В действительности в книге собраны наименее философские работы, “философская беллетристика” Ортеги, адресованная не столько эрудитам, сколько людям думающим, людям, которым интересно размышлять, а не соглашаться.

Когда речь заходит о путевых заметках как о литературном жанре, наиболее приближающемся к географической науке, география имеет редкую возможность посмотреть на себя со стороны, определить, какими закономерностями наделяют пространство негеографы, а, может, и почерпнуть для себя что-то новое из другой области знаний.

В этой связи главный урок, который могла бы извлечь география, состоит в осмыслении позиции автора, выраженной в его знаменитой формуле: “Я — это я и мои обстоятельства”. Слово “обстоятельства” в испанском имеет более емкий смысл и может переводиться как “окружение, среда”. Что же подразумевает Ортега под этим тождеством?

Личность для Ортеги-гуманиста — центр Мира, откуда ведется наблюдение за Вселенной. Действительность — пейзаж, наблюдаемый с разных точек. Результат наблюдения — разные представления об обозреваемой местности. Это не искажение, поскольку единственной — абсо-

лютной — перспективы не существует: “ложна утопия — истина без местоимения, видимая с “никакого” места”. Мир таков, каким его видит смотрящий. Попытка собрать единую объективную картину мира глазами всех его созерцателей, по мнению Ортеги, обречена. Все вроде бы просто: объективно существует лишь образ Мира в сознании индивидуума. Результат объединения образов — генерализированная модель, видимая ниоткуда, и потому — ложная.

Как же в таком случае быть географии, главными исследовательскими методами которой до сих пор были и остаются обобщение и генерализация? Здесь Ортегой как бы провозглашается заветный девиз страноведов: “сложному объекту — гибкая методика”. Каждый объект, каждая личность уникальны, и, следовательно, уникальны их образы: “Увиденным можно поделиться, но нельзя поменяться, как нельзя поменяться жизнью”.

С этих позиций Ортега предлагает изящное решение одной из ключевых проблем нашей науки: проблемы типологии, или, точнее, объективности критериев. В “Эстетике в трамвае” Ортега задается вопросом: “В чем состоит феномен исчисления женской красоты?” Любая типология в данном случае крайне затруднена, поскольку должна бы состоять из бесконечного числа моделей и критериев. Но исчисление все-таки происходит, и происходит потому, что женский образ сам “выбирает такую из наших моделей, которая должна быть к нему применена”. Таким образом, сам объект должен подсказывать методику его изучения, и таких методик будет ровно столько, сколько исследователей возьмутся за этот объект, поскольку изучать они будут свой и только свой образ этого объекта, приходя к правильному решению, пускай противоположному остальным.

В то же время Ортега далек от того, чтобы исповедовать полную отрешенность образов от действительности. Так, в доне Жуане, как и в любом севильце, по выражению автора, всецело присутствует “топографический фактор”, да и вообще: “В любой пяди земли пульсирует человеческая судьба, и для народа, населяющего землю, это императив пространства. В свою очередь, каждый устойчивый жизненный уклад намечает себе образ местности, близкий по духу”.

Природные условия, по мнению Ортеги, являются одним из ключевых факторов национального самосознания. У него существует своя концепция Андалусии, Кордовы, Мадрида, Кастилии, Астурии, каждая из которых — яркий образ национальных и местных особенностей истории, культуры и характера. В то же время Ортегу нельзя упрекнуть в детерминизме. “География, — пишет он, — не тащит историю, она лишь ее подстегивает”. Говоря о “растительной жизни”, присущей андалусцам и обусловленной, по общему мнению, благоприятными климатическими условиями этого края, Ортега не раз замечает: “Слишком плоско объяснять культуру прямым воздействием среды”.

Только Человек, которого Ортега наделяет силой Творца, является обладателем и одновременно частицей уникального мира, целиком состоящего из собственных образов: “Бог не рационалист. Его точка зрения — точка зрения каждого из нас”. Калейдоскоп образов, созданных целым народом, становится его культурой, а культура — цементом, скрепляющим нацию. Движение по пути обобщения, массовости, приводит к обезличению, страшный результат которого — тоталитаризм — красочно описан в “Восстании масс”.

В географии же удел тех, кто в целях обобщения пренебрегает уникальностью личности, характера, культуры, также незавиден. “Среда”, “климат”, “географический фактор” весьма напоминают всемогущий словесный набор неаполитанского шарлатана”. Как тут не согласиться с Ортегой!

А.Н. Окара

**ОТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ —
К ГЕОЮРИСПРУДЕНЦИИ**
Энциклопедия правовых систем

Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / Отв. Ред. — А.Я. Сухарев. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2000. — 840 с.

Выход энциклопедического справочника, описывающего правовые системы 104 государств мира, среди которых почти вся Европа и Азия, весь СНГ, США, Канада, Латинская Америка, Африка, — важное событие для достаточно молодой науки сравнительного правоведения. Первое издание “Правовых систем мира” (М.: Юридическая литература, 1993), подготовленное ныне покойным профессором Ф.М. Решетниковым, охватывало лишь 24 национальные правовые системы. В настоящем издании даны характеристики современных государственного строя и правовой системы каждой страны, анализируются этапы их исторического развития. Также описываются важнейшие отрасли действующего права (гражданское, семейное, торговое, трудовое, уголовное) и система судоустройства. В работе использован широчайший круг отечественных и зарубежных (в том числе труднодоступных и эксклюзивных) источников — нормативных актов, научных исследований.

Несмотря на то, что именно компаративистский метод, прообраз которого можно найти и у Монтескье (“О духе законов”), и у представителей немецкой “исторической школы права”, должен был бы стать одним из ведущих в юридической науке, российское сравнительное правоведение в силу различных причин (в том числе идеологических) начало развиваться достаточно поздно — лишь в последние полтора десятилетия. Первоначально компаративистские исследования касались отдельных отраслей права — конституционного (государственного), гражданского, семейного, уголовного и т.д., причем сравнивались, как правило, родственные в социально-политическом и экономическом отношениях страны — буржуазные, развивающиеся, социалистические. Через некоторое

время подобный научный дискурс “скрестили” с исследованиями, посвященными комплексному описанию правовых систем отдельных государств. Самым известным и фундаментальным в данной области на сегодняшний день считается “Курс сравнительного правоведения” Ю.А. Тихомирова (М.: НОРМА, 1996).

Наиболее концептуальным и точным, по всей видимости, является выделение во всем общемировом правовом многообразии четырех правовых “семей”, как то сделал французский ученый Рене Давид: *континентальной*, или романо-германской, основанной на приоритете закона; англо-саксонской, или семьи “общего права”, основанной на судебном прецеденте; всё менее актуальной *социалистической*, которая зиждется фактически на “неправом праве”, и *теологической*, в основе которой лежит представление о божественном происхождении закона (это, прежде всего, система мусульманского права, а также индусское право и обычное право Африки).

Изучение и сопоставление различных правовых массивов, выявление в них сходств и отличий, несомненно, актуально для практической правовой и внешнеэкономической деятельности. Однако такой подход описателен по своей природе, а потому весьма ограничен в своих возможностях и постепенно перестает отвечать духу времени (в России уже ощущается кризис правовой компаративистики, обусловленный исчерпанностью фактического материала). Подобно тому, как из экономики мирового хозяйства, геополитики и геостратегии родилась новая отрасль — геозкономика, так и на основе правовой компаративистики может возникнуть новая междисциплинарная научная отрасль — *геоюриспруденция*, которой вполне по силам быть прогностической и концептуальной дисциплиной.

Интересно было бы сопоставить зависимость правовой культуры той или иной страны от ее цивилизационной принадлежности (почему-то именно право в наименьшей степени исследовалось в теории цивилизаций), а также от географических факторов (прежде всего — от физико-географических, геокультурных, геополитических и геозкономических). Оригинальным поворотом могло бы стать, к примеру, составление для следующего издания “Правовых систем мира” (а книги подобного рода просто обречены на дополненные и расширенные переиздания через каждые три-пять лет) карт, на которых тем или иным образом отмечались бы ареалы распространения различных правовых систем, их мутация и всё более осязаемое взаимное влияние. На ареалы правовых систем можно было бы накладывать цивилизационные, культурные, расовые и иные границы — богатый материал для исследований и размышлений о типологии правовой культуры и особенностях национального правосознания в связи с социальной философией и философией права.

Важен и концептуальный вопрос — о целях и задачах нового возможного научного синтеза, а также о путях его дальнейшего развития: кто возьмет “под контроль” нарождающуюся отрасль — научные работники-позитиви-

сты (большинству юристов почему-то свойственно именно позитивистское мышление), стратеги общемировой геоэкономической и прочей глобализации (такие чаще всего мыслят в эсхатологической парадигме либерального “Конца истории”) или мультикультуралисты, отрицающие единственность и универсальность для всего мира евроцентричной модели развития?

Поэтому “Правовые системы мира” — не просто справочник для юристов. Это ценное пособие для всех тех, кто пытается конструировать цивилизационные сценарии, альтернативные политико-экономическому глобализму и мондиализму, — оно вполне может стать настольной книгой для борцов с Новым Мировым Порядком. Впрочем, для его строителей тоже.

Л.В. Смирнягин

ВОСЬМАЯ КУЛЬТУРА КАПИТАЛИЗМА

Вокруг книги: *Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. The Seven Cultures of Capitalism*. Piatkus, London, 1995.

Человечество вступило в эру глобализации. Впервые в его истории глобальными становятся все общественные процессы — не только войны между странами, не только торговля, но и производство и даже культура. Именно сегодня происходит тот перелом, который отделяет последующую историю от предыдущей самым решительным образом.

Подобными сентенциями изобилует вся сегодняшняя литература, посвященная международным отношениям, притом во всех, наверное, странах мира. Эти сентенции стали настолько навязчивыми, что все чаще появляются статьи и даже книги, посвященные истории подобных “глобализаций”, где рассказывается о том, что похожие слова писались и говорились уже много раз задолго до нынешних дней. Некоторым авторам даже удается обнаружить периодичность, с которой человечество воодушевляется на время такими идеями.

Наверное, такая периодичность имеет свои корни в социальной психологии, а если глубже — то в конечности человеческой жизни. Трудно смириться с тем, что твоё время — всего лишь маленький отрезок истории человечества, что до твоего поколения были и сгинули сотни других, а еще сотням и сотням предстоит родиться. Вот и старается каждое живущее поколение приписать себе что-то необычное, нечто, про что можно сказать не просто “впервые в истории человечества”, но что-то вроде “наконец-то”: наконец-то человечество стало единым, наконец-то угроза голодной смерти не витает над ним, наконец-то на планете победили идеалы добра и справедливости, — и т.п. Лучший современный пример — “Конец истории” Фукуямы, этакий перевертыш знаменитой идеи К. Маркса, согласно которой вся история человечества начнется только с победы пролетариата, а все, что было до этого, — как бы предыстория. По Фукуяме, именно мы, современники, стоим на переломном рубеже человеческой истории, а потому именно наше поколение окажется самым

значительным во всей цепи бывших и последующих, именно нас “пригласили всеблагое как собеседников на пир”.

Самое популярное поприще для таких “наконец-то” — это освоение человечеством нашей планеты. Географические открытия, прогресс путей сообщения и средств связи постоянно дают живущему на Земле поколению людей хорошую пищу для самовозвеличивания. Открытие Америки в 1492 году, возвращение команды Магеллана из кругосветного плавания в 1522 году, прокладка телеграфного кабеля через Атлантику в 1857 году, перелет через нее Линдберга в 1927-м — все это поднимало мощную волну энтузиазма, и каждый раз речь шла о том, что “наконец-то” наша планета стала единой и что ныне начинается новая эра в ее истории.

Все эти претензии, конечно же, являются чистым предрассудком. До подлинной глобализации своей жизни человечеству еще очень далеко. Планета исполосована политическими границами, которые превращают ее в некий зоопарк с государствами-вольерами. Мировая торговля составляет всего около 15–17% валового продукта Земли. Около двух третей человечества живет в странах, где доля экспорта или импорта в ВВП находится на уровне 3–5%, а это значит, что эти страны практически изолированы от остального мира. Примерно половина человечества функционально неграмотна, треть все еще занята всего лишь тем, чтобы не помереть с голоду, и больше миллиарда людей не только не знают ничего о глобализации, но, полностью погруженные в повседневные заботы, наверняка даже не подозревают, что существует такая страна, как США. Словом, человеческий мир все еще разобщен, как и три тысячи лет назад. Пока убивать друг друга на войне остается для людей привычным делом, пока недоверие и страх преобладают в восприятии народами друг друга, пока шесть миллионов детей каждый год умирают от недоедания, не дожив и до пяти лет, все разговоры о едином человечестве остаются досужими.

Нынешние волнения по поводу глобализации стоят в этом же ряду общественных предрассудков, однако у них есть странные особенности.

Во-первых, они, казалось бы, не связаны с каким-либо ярким единичным событием. В качестве такового вполне подошел бы Интернет, но лозунг глобализации появился раньше Интернета, и сам Интернет используется в этой тематике на удивление слабо. Символом глобализации гораздо чаще, чем Интернет, выступают неоновые рекламы иноземных фирм. Многие считают, что нынешний процесс глобализации начался в 1989 году с падением Берлинской стены, но серьезные эксперты относят начало этого процесса в семидесятые годы. Главной причиной серьезных разговоров о глобализации стало то, что слишком уж значительная масса товаров производится ныне совместными усилиями нескольких стран — как правило, в рамках единых международных корпораций (МНК, как принято их называть). Недаром Ч. Хемпден-Тернер и Ф. Тромпенар (см. ниже) подчеркивали, что в 1972 году лишь 20% американских товаров

испытывали у себя дома иностранную конкуренцию, а в 1982 году — уже около 80%. Размер этого международного производства нарастал постепенно, но в 1980-х годах, по-видимому, перешел какой-то рубеж, после которого количество перешло в новое качество.

Во-вторых, это не столько энтузиазм, сколько именно волнения, потому что глобализация вызывает гораздо больше протестов, чем радостей. Разным культурам оказалось очень непросто сопрягать свои усилия в едином производственном процессе, потому что различия в трудовой этике оказывались порою почти непреодолимыми. Еще в 1992 г. знаменитый американский географ Б. Берри выступил с лозунгом “экономические географии”, утверждая, что не существует общемировых законов экономики, потому что разные культуры исповедуют разный подход к труду. В связи с этим все шире распространялись подозрения, что МНК стараются сломать эти различия, нивелировать культуры ради простоты управления своими империями. Глобализация приобрела зловещий образ парового катка, который сминает разнообразие мировых культур, унифицирует мир, разрушая те особенности каждой страны, которые особенно дороги ее жителям. Отсюда эти печально знаменитые демонстрации протеста в Сиэтле, Нью-Йорке, Праге.

Этот образ — либо заблуждение, либо коварный навет. Если бы МНК имели намерение побороть культурное разнообразие мира, то наверняка давно бы от него отказались — хотя бы потому, что им это просто не под силу, даже при действиях всем скопом. Никакое укрощение управленческих трудностей не стоит тех чудовищных затрат, которые породила бы борьба за воплощение такой утопической мечты в жизнь. Серьезным исследователям давно стало ясно, что намерения МНК прямо противоположны: с помощью управленческих ухищрений приспособить свое международное производство к культурному разнообразию и превратить это разнообразие из препятствия в источник дополнительной эффективности и прибыли. МНК ищут не простоты управления, а роста эффективности и прибыли, и если ради этого нужно усложнить управление, то почему бы и нет? В этом они весьма понаторели. Именно изощренность управления стала в последние годы столбовой дорогой к успеху, и здесь МНК достигли просто небывалого прогресса.

Несколько лет назад “Файненшл Таймс” приводила на этот счет такой забавный пример. Шинная фирма “Файрстоун” рекламирует свои шины в разных странах по-разному. В Великобритании достаточно изобразить на рекламном щите автомобиль с колесом, “обутым” в шину с различимой надписью “Файрстоун”, а на заднем плане поставить элегантных джентльмена и леди. Для Голландии такая реклама оказалась бы непонятной: голландцы слынут тугодумами, поэтому здесь реклама должна быть дополнена крупно написанными фразами насчет того, что шины “Файрстоун”, мол, лучшие в мире. На Филип-

пинах реклама английского типа вызвала бы тревогу: почему это у машины — только муж и жена, наверное, они больные, если рядом нет детей? Поэтому здесь в автомобиле должна сидеть дюжина людей, олицетворяющих единую большую семью. В Бразилии же рекламу обязательно надо сопровождать какой-то забористой шуткой, потому что бразильцы считают себя самыми остроумными людьми в мире (“безо всякого на то основания”, меланхолично добавляла газета).

Учёт культурных различий гораздо сложнее, если речь идет о производстве товара, а не только о его рекламе. У англо-голландской МНК “Юнилевер” около 20 тыс. менеджеров примерно в 90 странах мира, из них только 1600 — так называемые экспатриаты, то есть люди, приехавшие в одну из этих стран, остальные же — уроженцы и граждане этой страны¹. Значит, руководству МНК приходится иметь дело со служацими совершенно разных культурных традиций, и различия эти неминуемо сказываются на решениях, которые МНК разрешает им принимать. Сплошь и рядом оказывается, что единое указание, разработанное в штаб-квартире и разосланное по всем филиалам МНК, воспринимается в разных странах по-разному и влечет совершенно различные последствия. Для того чтобы последствие было одинаковым, необходимо, по-видимому, издавать разные указы. Но как это сделать? От ответа зависит не только эффективность работы МНК, но зачастую и ее судьба.

Неудивительно, что эта проблема породила обширную литературу — как сугубо научную, так и околонуучную. Сравнительная социология, которая еще в середине века слыла академической дисциплиной, превратилась в модное и богатое гонорарами течение мысли. Закрепился ключевой термин, определяющий это течение, — “деловые культуры мира”.

Первой серьезной книгой на эту тему, непосредственно нацеленной на обслуживание нужд МНК, стала знаменитая работа Г. Хофстеде “Влияние культуры: международные различия в отношении к труду”². Построенная на опросе сотен менеджеров из самых разных стран, она была нацелена на выявление неких сквозных факторов, которые определяют различия в деловых культурах, существующих в мире. Хофстеде утверждал, что таких факторов четыре. Три из них представляют некие континуумы, между крайностями которых располагаются конкретные культуры. Первый из них хорошо знаком российскому читателю, это “коллективизм — индивидуализм”, по которому мы располагаем себя на первом полюсе, а европейцев на втором. Далее — континуум “устойчивость — развитие”: одним культурам дороже безопасность, предсказуемость, устойчивость, другим — развитие, улучшения, даже ценой риска. Третье — это восприятие неравенства; восточные общества очень привычны к нему, а европейские — нет. Наконец, четвертый параметр — “гендерный” — отношение к женщине (должна ли она работать, сколько может получать, каковы ее трудовые права и т.п.).

С тех пор вышли сотни книг по этой тематике. Особенной популярностью пользуются книги по бытовым различиям культур — прежде всего по этикету. В знаменитой серии “путеводителей для полных идиотов” вышел популярный справочник “Культурный этикет”³; солидное деловое издательство “Дан энд Бредстрит” выпустило занудный, но очень полезный справочник “Как делать бизнес за границей”⁴, а всемирно известная фирма “Паркер Пен”, имеющая офисы в 120 странах мира, обобщила свой опыт в книге с труднопереводимым названием “Дуз энд Табуз”⁵ (что-то вроде “Можно и нельзя”), которая в 1993 году вышла уже третьим изданием. У нас переведены несколько весьма занимательных книг такого рода, выпущенных в Англии в серии “ксенофобных путеводителей” (на русском это звучит как “Эти странные итальянцы”⁶, “Эти странные испанцы” и т.д.). При этом я называю (как и в дальнейшем) только те книги, которые есть в моей личной библиотеке. Взяв в руки какую-нибудь из них, читатель без труда обнаружит ссылки на сотни других подобных произведений.

На другом полюсе — книги по философии глобализации, по столкновению культур. Нельзя не назвать, по крайней мере, две из них. Во-первых, это бестселлер прошлого года, написанный Т. Фридманом, “Лексус и олива”⁸ (“лексус” — это модель автомобиля, роскошный “седан”). Вторая — это огромная монография Дейвида Ландеса⁹, названная, в подражание Адаму Смиту, “Богатство и бедность народов: почему одни так богаты, а другие так бедны”. Она заслужила восторженные отзывы таких мэтров, как К. Гэлбрайт, Р. Солоу, ее называют то “чемпионом серьезности”, то “глобальной политэкономией”, то “историей глобализаций”.

Более того, по этой тематике складываются вполне академические курсы в университетах. Цель таких курсов — не просто дать студентам навыки общения с людьми других культур, но, прежде всего, приучить их к мысли о том, что культурное разнообразие человечества само по себе — громадная ценность и что мирное сосуществование культур есть единственный путь к выживанию человечества в эпоху оружия массового уничтожения. Типичный пример — книга лекций Р. Бучера, названная “Сознание разнообразия — как открыть наш разум людям, культурам и возможностям”¹⁰.

Между этими “крайностями” лежит обширный корпус сочинений, построенных в духе Хофстеде. У нас переведены только две такие книги — М. Альбера¹¹ и Р.Д. Льюиса¹². Обе книги относятся к числу лучших в своем жанре и заслуживают перевода. Однако первая представляет собою скорее публицистический памфлет, а вторая немало грешит развлекательностью.

Лучшей книгой в этом жанре, бесспорно, следует считать книгу Чарльза Хемпден-Тернера и Фонса Тромпенаара “Семь культур капитализма”¹³, изданную впервые в 1993 году и впоследствии неоднократно переиздававшуюся. Есть несколько весомых причин считать ее лучшей.

Во-первых, книга построена на большом эмпирическом материале, притом совершенно оригинальном и методически выверенном. Это опросы около 15 тыс. менеджеров из многих стран мира, которые проводил Центр изучения международного бизнеса в голландском Амстелвене. Собственно, опросы стали результатом примерно 500 семинаров, которые прошли в течение 1986-1993 годов не только в самом Центре, но и в его филиалах в разных странах мира, прежде всего в американском графстве Марин к северу от Сан-Франциско. Собирая менеджеров на такие семинары, руководители сразу раздавали им вопросники и собирали ответы до семинарских занятий, чтобы эти занятия не повлияли на характер ответов. Ответы были классифицированы по странам и культурам, к которым принадлежали ответившие, и это стало фактографической основой исследования. Наверное, излишне упоминать, что менеджеры были только из стран с рыночной экономикой, ибо только она была предметом анализа, и управленцы с Кубы или из Северной Кореи смотрелись бы здесь нелепо. Таких рыночных стран оказалось около дюжины, но углубленному исследованию были подвергнуты семь из них (отсюда и название книги).

У авторов была, конечно же, исходная парадигма. Ее можно свести к словам, которые помещены в самом начале книги (аллюзии насчет А. Смита придают им известную торжественность): “Глубинная структура культурных установок (beliefs) и есть та самая невидимая рука, которая в любой культуре направляет экономическую деятельность. Именно эти культурные предпочтения и ценности составляют и фундамент национальной идентичности, и источник экономической мощи (или слабости)”. Подобный упор на этическую сторону политэкономии весьма распространен в сегодняшней науке; можно сказать, он просто обязателен для экономических сочинений “философического” уровня. Сравнительно новое у наших авторов — это то, что они ставят этику (и культуру вообще) во главу угла при объяснении особенностей экономической жизни стран.

Идя по стопам Хофстеде, авторы тоже постарались выявить некоторые инварианты — своего рода континуумы или оси, по которым можно располагать страны. У них получилось семь таких осей, и само их перечисление весьма любопытно для российского читателя, потому что постоянно ловишь себя на мысли, что автоматически ставишь и свою много-страдальную родину на определенные места этих осей. Вот эти оси.

Во-первых, авторы различают страны мира по склонности к тому, чтобы искать универсальные законы развития, или к исключениям из этих законов. Иными словами, одни выглядят некими занудами, взыскующими порядка, а другие — свободными художниками, уповающими на непрочность этого порядка и свою способность его изменить в свою пользу. В представлении россиянина на первом полюсе стоит немец с его пресловутой пунктуальностью, а на другом — сам россиянин. Наши же

авторы не отдают предпочтения полюсам, а ставят задачу — как найти разумное сочетание этих тенденций.

Во-вторых, культуры сильно различаются по способности разрушать созданное ими же ради расчистки места для нового. Способностью к этому особенно славятся американцы, нас же, россиян, впору ставить на противоположный конец оси (вспомните хотя бы наши причитания по поводу сноса “неперспективных” деревень).

В качестве третьего различия авторы взяли хофстедевский континуум “коллективизм—индивидуализм”. Здесь, казалось бы, все ясно: мы заядлые коллективисты. Однако опросы авторов обнаруживают большие коллективистские склонности даже в классических странах капитализма, вроде Германии, Франции, Японии.

Четвертое различие является весьма тонким. Здесь речь идет о способности культуры свободно заимствовать что-либо из внешнего мира, причем этой способности противопоставлено стремление опираться, в основном, на собственные силы. Здесь с нами многое неясно. Издревле наша культура была замкнутой, интровертной, со множеством фобий насчет иностранцев, и в то же время она ухитрялась перенимать культуры других стран в таких громадных размерах, что это придало русской культуре во многом межкультурный характер (В. Соловьев называл это вселенской открытостью, князь Трубецкой евразийством). Казалось бы, это искомый авторами баланс, сочетание двух противоположных черт, но на самом деле это выглядит патологией. В.М. Гохман описал ее как стремительный переход от огульного охаивания к некритическому заимствованию.

Пятое различие подмечалось уже многими; с него начинается свою книгу упоминавшийся выше Льюис. Это склонность к последовательным или синхронным действиям. Скандинавы и немцы любят делать дела одно за другим. Испанцы и итальянцы легко делают несколько дел одновременно. Россияне относятся скорее ко второму типу, но качества первого типа здесь в очень большой цене.

В-шестых, культуры по-разному признают статус работника: он соответствует либо его послужному списку, либо достигнутым успехам. Чему ты обязан своим служебным положением — выслуге лет или ярким достижениям? Здесь положение России очевидно: конечно же, выслуга играет гораздо большую роль, а человек, выдвинувшийся слишком быстро благодаря успехам, считается выскочкой.

Наконец, последнее различие — это противоречие между равенством и иерархией. Человеку одновременно необходимы и равенство стартовых возможностей по сравнению с другими, и сознание того, что даже в случае личной неудачи ему будет гарантировано определенное место в иерархии — хотя бы за прошлые заслуги. В нашем эгалитаристском обществе важнее скорее второе, равенство же считается не самой сложной проблемой.

Книга пестрит примерами того, как расхождение культур по одной из осей заводит деловые контакты в полный тупик, если участники контакта не отдавали себе заранее отчета в существовании подобных культурных различий. При этом авторы не устают предупреждать: не поддавайтесь крайностям, все эти оси служат только для того, чтобы расположить на них страны вдоль этих осей, а не на их концах. Иными словами, в каждой культуре присутствуют обе черты, противопоставленные авторами, но в разных пропорциях. Ведь коллективист тоже озабочен судьбой индивида, индивидуалист тоже печется об общем интересе. Просто одну из этих задач он ставит на первый план, а вторую учитывает как ограничение.

Лучше всего это иллюстрируется авторами на схеме “круговорота”: я преследую свой интерес — это автоматически ведет к тому, что я все лучше удовлетворяю нужды своих клиентов и общества в целом — это автоматически ведет ко все лучшему и лучшему удовлетворению моего интереса. То же самое можно развернуть с другого конца, начиная с того, как важно заботиться прежде всего об общем интересе — тогда это автоматически приведет к тому, что и твой интерес будет удовлетворен наилучшим образом. Первым путем следуют Великобритания, Нидерланды, США, а вторым — Япония, Германия, Франция.

Сам вопросник в этой книге очень любопытен, местами даже забавен и остроумен. Я не раз использовал его на лекциях, и он неизменно вызывал живую реакцию у студентов.

Российскому читателю книга Хемпден-Тернера и Тромпенаара должна внушить немалый энтузиазм. Ведь наша пресса, грешащая “чернухой”, наши духовные пастыри, все как один зараженные ипохондрией, наша печальная история приучили нас считать, что России фатально присущи свойства, которые делают почти невозможным для нее путь в рыночную экономику, путь в капитализм. Между тем, наши авторы доказательнейшим образом приводят нас к совершенно другому заключению: почти все эти свойства, якобы исконно российские и только российские, присущи в той или иной степени другим странам, в том числе и странам классического, так сказать, капитализма. И хотя иной раз эти свойства присущи таким странам в весьма внушительных пропорциях, это вовсе не мешает им оставаться капиталистическими, культивировать рынок, добиваться относительного материального процветания. Коллективизм присущ японцам ничуть не меньше, чем нам, в Италии капитализм гораздо больше, чем у нас, страдает от мафии, Германия склонна ставить чисто социальные цели впереди экономических так упорно, словно она одержима идеями Зюганова.

Все это говорит, по меньшей мере, о том, что нам вовсе не закрыт тот путь, который стал столбовым для ведущих стран мира. Более того, нет ничего исключительного в культурной ситуации, в которой идут рыночные реформы в нашей стране. Просто-напросто в России, судя по всему, складывается еще одна — восьмая — культура капитализма.

Литература

- ¹ No man is an island. "Economist", 5/9,1999.
- ² Hofstede, Geert. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Newbury Park, Cal., Sage, 1980.
- ³ Turkington C. The Complete Idiot's Guide to Cultural Etiquette. Alpha Books, Indianapolis, 2000.
- ⁴ Morrison T., Conaway W., Douress J. Dun and Bradstreet's Guide to Doing Business around the World. Prentice Hall, Paramus, NJ, 1997.
- ⁵ Axtell R. (ed.). Do's and Taboo's around the World. John Wiley and Sons, NY, 1993.
- ⁶ Солли М. Эти странные итальянцы. Пер. с англ. И. Заславской. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999.
- ⁷ Лоней Д. Эти странные испанцы. Пер. с англ. А. Базина. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999.
- ⁸ Friedman T. The Lexus and Olive Tree: Understanding Globalization. Anchor Book, NY, 2000.
- ⁹ Landes D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. W.W.Norton & Co., NY, 1998.
- ¹⁰ Bucher R. Diversity Consciousness: Opening Our Minds to People, Cultures, and Opportunities. Prentice Hall, Upper Saddle River, NJ, 1999.
- ¹¹ Альбер М. Капитализм против капитализма. Пер с фр. СПб, 1998.
- ¹² Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999.
- ¹³ Hampden-Turner Ch., Trompenaars F. The Seven Cultures of Capitalism. Piatkus, London, 1995.

СЕМИНАРЫ
И
КОНФЕРЕНЦИИ

Литература

- No man is an island. "Economics", 3/9, 1999.
- Hofstede, Geert. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Newbury Park, Cal., Sage, 1980.
- Turkington C. *The Complete Idiot's Guide to Cultural Etiquette*. Alpha Books, Indianapolis, 2008.
- Morrison T., Conway W., Bourzest J. *Dun and Bradstreet's Guide to Doing Business around the World*. Prentice Hall, Fairans, NJ.
- Atwell R. (ed.). *Do's and Taboos around the World*. John Wiley & Sons,

Т.М. Красовская

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР "КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ" — ВЕСТНИК ОБНОВЛЕННОЙ ГЕОГРАФИИ¹

Позитивистско-технократическая парадигма, господствовавшая в географии более чем полвека, обеспечила "включенность" этой науки в обеспечение научно-технического прогресса, но одновременно привела к существенному сужению рамок географических исследований, отодвинув на второй план гуманитарную ипостась географии. Однако изначально география как наука синтезировала не только научно-технические, но и художественно-гуманитарные знания, "органично включая человека в целое универсума" (Валебный, 1999). Поэтому в период, когда становится очевидным, что научно-технический прогресс без сочетания с социальным прогрессом и духовным становлением личности ведет к социально-экологическому кризису, именно гуманитарная сущность географии способствует её развитию и обновлению и становится всё более востребованной обществом.

Своеобразным вестником этого обновления стал междисциплинарный научный семинар "Культурный ландшафт", который начал свою работу на Географическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 1993 г. Инициатива создания и становление семинара были поддержаны известными учеными-географами, профессорами Московского университета В.А. Николаевым, Ю.Г. Симоновым, С.М. Мягковым. Семинар активно развивает гуманитарное направление географии, и поэтому круг его участников включает в себя не только профессиональных географов, но и этнографов, филологов, культурологов, политологов, искусствоведов и др. "Пространство Земли организует культуру, а культура организует пространство" — этот тезис Ю.А. Веденина (1997) блестяще отражает "полюсы притяжения", формирующие междисциплинарный характер семинара. Среди основных целей работы семинара — продвижение ландшафтного подхода в гуманитарные области знания и гуманитарных подходов и методов в географию, развитие культурной географии, поддержка междисциплинарных исследований и создание творческой среды для дискуссий по ключевым вопросам развития географии, содействие в

¹ По итогам работы семинара в 1999–2001 гг.

формировании профессионального сообщества (Калуцков и др., 2000). По началу в работе семинара преобладали естественно-научные и нормативно-оценочные подходы по отношению к феномену культурного ландшафта. С течением времени все большее значение приобретают экологический и культурологический подходы, ориентированные на целостность и нерасчлененность феномена.

Таким образом, семинар направлен на преодоление чрезмерной дифференциации научных знаний, которая ведет в тупик, и нацелен на их интеграцию для решения географических, культурологических, мировоззренческих проблем. Семинар активно способствует развитию университетского образования XXI века, так как его активными участниками являются студенты и аспиранты. Нет сомнения в том, что семинар является одним из проявлений процесса становления современной науки как целостной интегративно-разнообразной гармоничной системы, свидетельствуя о том, что познание мира совершенствуется по мере его преобразования (Горелов, 1998).

Заметим, что появление междисциплинарного научного семинара "Культурный ландшафт" знаменует собой и своеобразное "возвращение" на новом витке развития географической науки к её гуманитарным и синтетическим направлениям, нашедшим блестящее отражение в трудах классиков отечественной географии: П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, Д.Н. Анучина, К.К. Маркова и др.

К середине 2001 г. состоялось уже 86 заседаний семинара "Культурный ландшафт", сформировалось его "научное ядро", включающее не только опытных ученых-исследователей, но и научную молодежь, участие которой в семинаре позволяет надеяться на перспективы развития гуманитарной географии. Среди участников семинара были представители географического, экономического, биологического, философского, социологического факультетов МГУ, Институтов географии, этнологии РАН, культурного и природного наследия, Института Генплана Москвы и др., ряда общественных организаций (экологических, этнических), школьные учителя. Участники семинара представлены не только москвичами, но и жителями ряда городов России (Курск, Смоленск, Мурманск и др.), и гражданами стран СНГ (Украина, Узбекистан), зарубежных стран (Финляндия). Косвенным подтверждением востребованности проблематики семинара, отражающей процесс интеграции естественнонаучных и гуманитарных знаний, стало получение гранта Фонда Сороса в конкурсе постоянно действующих междисциплинарных научных семинаров. Этот грант позволил издать в 1998 г. два тома научных трудов семинара: "Культурный ландшафт Русского Севера" и "Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования". С 1999 г. семинар имеет свою страницу в Интернете на сайте Географического факультета МГУ.

Поскольку в рамках настоящей статьи невозможно осветить всю многолетнюю работу семинара “Культурный ландшафт”, для иллюстрации его деятельности приведем краткий обзор его работы и достижений за период с осени 1998 г. по весну 2001 г. Состоялось 30 заседаний семинара, тематика которых была весьма разнообразной, что способствовало привлечению широкой аудитории слушателей. Почти треть всех заседаний была посвящена развитию теории культурного ландшафта, формированию новых мировоззренческих подходов в географии, экологии, университетском образовании. Обсуждение докладов на них сопровождалось острыми дискуссиями и выступлениями. Среди наиболее интересных тем докладов следует упомянуть следующие: “Мировоззренческие факторы развития ландшафтной теории в XX в.” (В.В. Валебный, 1999, философский факультет МГУ), “Понять, почувствовав ландшафт?” (В.Е. Мельченко, 2000, географический факультет МГУ), “Глобальный мир XXI в.” (А.С. Панарин, 2000, социологический факультет МГУ), “Экологическое образование в эпоху мировоззренческого кризиса” (К.Д. Ефремов, 2000, биологический факультет МГУ), “Пространственная организация севернорусского культурного ландшафта” (В.Н. Калущков, 2001, географический факультет МГУ). Необходимо подчеркнуть, что интегративные научные представления об окружающем мире являлись тем стержнем, вокруг которого авторы выстраивали свои выступления. Например, В.Н. Калущков в своем докладе на 84-ом заседании семинара предложил понятие “топос” в качестве единицы топологической организации ландшафта и одновременно пространственной организации общества (к примеру, топос — “Бородинское поле”). А.С. Панарин (80-е заседание семинара) показал значение феномена культуры в решении глобальных проблем современности, включая и экологические и т.д.

Чрезвычайно актуальным для университетской аудитории оказался доклад К.Д. Ефремова — молодого ученого и одновременно талантливого преподавателя. В нем автор обратил внимание на то, что образование формирует “мировоззренческую оболочку” человека, что мировоззренческий фундамент евроцентризма, базирующийся на признании мифа “Человек — царь природы”, пошатнулся. Автор раскрыл суть пострационального мировоззрения, формирующего новые мифы: “Культ будущего”, “Устойчивое развитие” и др., показал несоответствие стратегии экологического образования новым информационным потокам.

Тематика почти половины всех докладов на семинаре в рассматриваемый период — этнокультурное ландшафтоведение. Географический охват этих докладов чрезвычайно широк: от северных и центральных районов России до Кавказа, Крыма, Средней Азии, Альп, бассейна р. Янцзы и т.д. Разнообразны они и по кругу рассматриваемых проблем, затрагивая вопросы пространственной организации культурного ландшафта, особенностей его восприятия, этнокультурных особенностей хозяйственно-

го освоения территории, топонимии и т.д. Среди наиболее интересных докладов этой группы можно назвать: “Иерархия святых мест (на примере культурного ландшафта Русского Севера)” (Л.В. Фадеева, 1999, филологический факультет МГУ), “Москва и москвичи” (топонимический образ Москвы и его структура)” (В.Н. Калущков, О.В. Коломийцева, 1999, географический факультет МГУ), “Деревня Дубровка как экзистенциальное пространство” (А.Н. Гуня, 1999, Институт географии РАН), “Альпы и Кавказ — эволюция социокультурных и научных репрезентаций” (М.Ю. Фролова, 2000, Институт географии РАН), “Влияние типов поселений на этнический стереотип (сравнительно-географический аспект)” (Л.И. Попкова, 2000, Курский Госпедуниверситет), “Баня в культурном ландшафте Пинежья” (А.А. Иванова, 2001, филологический факультет МГУ).

Не обошел вниманием семинар и “городской” аспект культурного ландшафтоведения. Среди докладов рассматриваемого периода были сообщения, посвященные Москве (Л.Я. Ткаченко, Институт Генплана Москвы, “О новом генеральном плане развития Москвы на период до 2020 г.”), Кировску (Т.М. Красовская, географический факультет МГУ, “Проблема формирования исторической памяти малых промышленных городов”), малым городам Подмосковья (В.А. Караваев, Институт географии РАН, “Фокальные объекты в культурных ландшафтах малых исторических городов Подмосковья”). В рамках этой тематики была организована специальная экскурсия, посвященная перспективам развития Москвы в начале XXI в.

Познавательным и эмоционально насыщенным оказался небольшой цикл докладов, которые можно объединить в рубрику “География и искусство”. Тематика их также была чрезвычайно широкой: анализировались взаимосвязи “ландшафт и музыка”, “ландшафт и изобразительное искусство”, “ландшафт и поэзия”, “ландшафт и проза” и даже “ландшафт и танец”! Материалом для такого анализа служили самые разнообразные ландшафты как нашей страны, так и мира. Естественно, что среди авторов таких докладов оказались не только географы, но и искусствоведы и культурологи. Инновационный характер этой тематики, также символизирующей интегративно-разнообразные связи гармоничной науки XXI в., дает основание привести полный перечень таких выступлений:

— Славянский и угро-финский стереотипы в декоративно-прикладном искусстве севера Костромской области (И.А. Рольник, 1999, Союз художников России).

— Образ пространства в романе А. Платонова “Чевенгур” (Н.Ю. Белаш, 1999, Институт географии, РАН).

— Восприятие культурного ландшафта (по произведениям А.С. Пушкина) (Т.М. Красовская, 1999, Географический факультет МГУ).

— Географические образы в музыкальном искусстве (Р.А. Пименова, 2000, Географический факультет МГУ).

— Географический аспект и природно-культурный комплекс в пластике эвенкийского танца (Н.С. Каплин, 2001, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России).

Разумеется, такие семинары не обошлись без демонстрации видеofilьмов, предметов декоративно-прикладного искусства, рисунков, чтения фрагментов литературных произведений, демонстрации элементов народного танца, наглядно представивших слушателям семинара территориальные комплексы искусства.

Увлекательный мир путешествий, без которого нет географии, раскрывали слушателям доклады: “Мировые центры культурных растений и этносы (И.М. Микляева, 1999, Географический факультета МГУ), “Австралия и экологический туризм” (В.П. Чижова, 2000, Географический факультет МГУ), “Культура и природа Китая. Река Янцзы (заметки путешественника)” (С.Н. Рулева, 2001, Географический факультет МГУ).

Литература

Валевный В.В. Мировоззренческие ориентиры комплексной географии // “X научное совещание географов Сибири и Дальнего Востока”, Иркутск, 1999.

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: изд. “Дмитрий Буланин”, 1997.

Горелов А.А. Концепция современного естествознания. М.: “Владос”, 1999.

Калуцков В.Н., Красовская Т.М. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник МГУ, Серия географ. 2000. № 4. С. 3–6.

СЕМИНАР ПО КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Выступление Рустама Рахматуллина — московеда, эссеиста, куратора московского Эссе-клуба, преподавателя Института журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). 15 февраля 2001 г.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

— Говоря о метафизическом краеведении вообще и о метафизике Москвы в частности, я различаю строго научный подход и подход эссеистический. Мои работы принадлежат ко второму. Вообще, само понятие *метафизическое краеведение* — рабочее, и вполне возможно пользоваться другими. Существует, например, понятие *сакральная топография* (известен сборник “Сакральная топография средневекового города”). Мне кажется, что этим термином предпочитают пользоваться представители строго научного подхода. Тогда, возможно, есть смысл в существовании двух этих понятий. Есть и много других, сконструированных, терминов, которыми мы в нашем литературном эссеистическом кругу “балуемся” (пока “балуемся”). Например, *краевидение* (через “и”). Все они так или иначе относятся к существу дела, хотя и не описывают его в полной мере.

Теперь я попробую различить *сакральную топографию* и *метафизическое краеведение*. В первом случае мы, скорее всего, говорим о попытках реконструировать, так сказать, сознательную метафизику, прочитать содержание посланий, которые человек, прежде всего средневековый, обращал к Богу, когда строил город. Сакральной топографией занимаются многие исследователи. Можно назвать покойного Михаила Петровича Кудрявцева с его книгой “Москва — Третий Рим”. Как к ней ни относиться, она была первой. Есть Леонид Беляев, Андрей Баталов, Игорь Бондаренко, Ирина Бусева-Давыдова... Есть, в сущности, весь круг исследователей Средневековой русской культуры. Эти авторы вступают на поле метафизического краеведения постольку, поскольку пытаются прочитать адрес человеческой деятельности в средневековом городе, то есть человеческое послание к Богу.

Сейчас в книжных магазинах лежит книга Рихарда Краутхаймера “Три христианские столицы: топография и политика (Рим — Константинополь — Милан)”. Краутхаймер — один из классиков сакральной топо-

графии. Один из тех, кто, судя во всяком случае по этой книге, исследует то самое движение, адрес снизу вверх, город как человеческое послание Богу. Автор пытается реконструировать то, что могли иметь в виду сами участники застройки города.

Возможен другой взгляд, и здесь приходится изъясняться высокими словами, но не сказать их нельзя. Итак, возможно изучение встречного адреса, попытка понять, что говорит нам через город Сам Бог. В этом случае, конечно, исследовательский метод может быть эссеистическим. Важно, что в этом случае невозможно ограничиваться рамками Средневековья, потому что Бог не перестает думать о городе оттого, что человек перестает думать о Боге. Я думаю, что такие нововременские памятники, как дом Пашкова, Каланчевская площадь, дом Перцова и многие другие оформляют этот надстоящий Замысел о городе так же глубоко и интересно, как средневековые памятники.

Для второго подхода неразрывность Средневековья и Нового времени принципиальна.

Когда я начинаю свой курс в Институте журналистики и литературного творчества, я объясняю проще. Говорю, что речь идет о постановке известных фактов в связь, о поиске неочевидных связей между очевидными, описанными и опубликованными фактами.

Сразу скажу, что я не архивист, не реставратор, который бы исследовал памятники в натуре. Я пользуюсь опубликованными данными и посвящаю свои занятия тому, что обнаруживаю между ними связи.

Приведу простейшие примеры, когда ваша интуиция сразу будет ответом на мою. Вот монументы 1909 года — Гоголь “сидящий” и Первопечатник. Я усматриваю здесь диалог. Не только потому, что они изваяны в одном году, а скульпторы относились друг к другу как учитель и ученик, но и по существу. Обратите внимание, что Первопечатник делает книгу, а Гоголь сжигает ее. Причем, едва ли сам автор второго монумента, Андреев, сознавал, что это так, поскольку он надел было на Гоголя шляпу. Валентин Серов, член “приемной” комиссии, потребовал ее снять, тоже едва ли понимая зачем. Что касается плаща, то он совершенно не мешает, потому что, по свидетельству Погодина, Гоголь сидел перед камином в плаще, когда жёг второй том. Вся литература об этом эпизоде может быть сведена к одной фразе: Гоголь дал себе отчет в безблагодатности своего сочинения. Но это же мотив, по которому ученые монахи — переписчики книг, по преданию, сжигают Печатный двор Ивана Федорова. Таким образом, монашеская аскетическая фигура Гоголя и фигура Первопечатника суть персонажи диалога — диалога о благодатности книг. В сущности, это персонажи-враги: тот, кто делает книгу, и тот, кто ее сжигает.

Такой этюд не может принадлежать строгой науке, прежде всего потому, что едва ли скульпторы обо всем этом договаривались. Тем не менее, обнаруживается некая реальность. Возможно, она начинает суще-

ствовать в таком открытом виде с того момента, когда описывается текстом.

Или, например, связь между монументом Пожарскому и древнейшим названием Красной площади — Пожар. Что Красная площадь родилась как площадь Пожар, то есть как противопожарный плац Кремля, знают все краеведы, а что там стоит памятник Пожарскому, знают просто все. Однако следующий мыслительный шаг до сих пор сделан не был. Ни в языческих категориях, когда памятник назвали бы гением места, ни в более сдержанных выражениях, например: “аллегория Красной площади”.

Вот связи, которые я называю простейшими только потому, что на них легко соглашается слушатель, читатель. Есть связи гораздо более сложные. А вся сумма связей и является предметом исследования.

К этой исследовательской группе относится Андрей Балдин — художник, архитектор, эссеист. Вы, наверное, знаете его рисованную книгу “Москва. Портрет города”. Полагаю, что образцовые и, пожалуй, первые тексты на этом направлении написал Михаил Михайлович Алленов — например, посвященные дому Пашкова, гостинице “Москва”, метрополитену. Причастен к этому направлению и Геннадий Викторович Вдовин — историк искусства, эссеист, директор усадьбы Останкино.

Я мог бы предложить вам маленький текст, который подыскал к сегодняшнему случаю. Это фрагмент моего эссе “Точки силы”, опубликованного в № 2 “Нового Мира” за 2001 год. Эссе посвящено ареалу Лубянской площади как месту, традиционно связанному с безопасностью, и ареалу Арбатской площади как традиционно связанному с обороной. Причем эти связи рассматриваются на материале всех веков Москвы. Если позволите, я озвучу фрагмент, который может существовать отдельно:

“Московед Никольский в 20-х годах писал: “С угла Рождественки, по правой стороне Кузнецкого моста, начиналось громадное владение Салтычихи (№ 20). Здесь, в глубине двора, стоял в XVIII веке дом-застенок этой “мучительницы и душегубицы”, замучившей до полутораста крепостных. После суда и заточения Салтычихи... это залитое кровью русских крестьян владение, переходя из рук в руки, было собственностью... знаменитого “утрированного филантропа” Ф.П. Гааза... Так из рук жестокой помещицы, истязавшей крепостных, это владение перешло к Гаазу — заступнику угнетенных, к человеку, жизненным девизом которого было: “Спешите делать добро””.

Надо знать, что точный адрес Салтычихи, определенно жившей на Кузнецком, оспорим и что об адресе Гааза на этой улице мы знаем только от Никольского. Отысканы ли им действительные документы, или услышано предание, или он сам решился мифотворствовать, — домовладельческая фабула осталась не достроена до собственного смысла.

Достроить фабулу — значит заметить, что Гааз до поселения на месте Салтычихи не был “утрированным филантропом”. Он был преуспевающий,

с обширной практикой доктор из немцев, приобретатель фабрик, а теперь вот и огромной, традиционно аристократической недвижимости, выходящей на три улицы — периметр, внутри которого теперь метро “Кузнецкий Мост”. Немного времени спустя мы видим раздающего имущество, живущего в больницах святого доктора.

Федор Петрович Гааз переменялся на салтычихином дворе; можно сказать, он здесь родился. Вырос из земли, налитой кровью ста тридцати девяти женщин и трех мужчин, садистски умерщвленных именно здесь (а не в деревне) под предлогом нечистоты полов и господского белья. До императрицы дошел мужик, лишившийся трех жён: кошмар тянулся десять лет и на глазах у всей Москвы. Салтычиха даже бравировала безнаказанностью.

Эти полы, нечистые от крови, это кровавое белье четверть столетия отбеливал святой доктор. Отбеливал совесть Москвы и всей России, искупал чужое (некогда общее) преступление. Тяжелое тем более, что Салтычиха прожила еще треть века после гражданской казни, пережила казнившую ее императрицу и все эти годы томила Москву своим присутствием в тюрьме Ивановского монастыря, а поначалу и своим видом там, в клетке, через которую жалил любопытных ее прут.

В труд облегчения этой давящей тяжести Гааз недаром вовлекал аристократов, особенно недаром — аристократок. Гааз составил по-французски “Призыв к женщинам” — проповедь, кроме прочего, сочувствия и сострадания к слугам и зависимым людям. Друг Гааза княгиня Шаховская, Святополк-Четвертинская в девичестве, основала милосердную обитель “Утоли моя печали”, а ее сестра княгиня Трубецкая, разорив себя благотворением, встретила старость в углу фамильного дворца, принадлежавшего уже другому человеку. Александр Тургенев, когда-то провожавший гроб Пушкина в Святые горы, в конце своей жизни стоял рядом с Гаазом, подавая помощь осужденным в пересылке на Воробьевых горах, где смертельно простудился.

Кто знает, какие горшие несчастья, чем те, что выпали и выпадут, отвел от нас Гааз и эти люди, поспешившие за ним с добром!

“Урод рода человеческого” — написала Екатерина Великая на приговоре Салтычихи. Но и Гааз — урод, юрод, вернувший слову его плюс. Отбеливший это слово, как салтычихины полы, как общую русскую совесть, от крови, пролитой по адресу: Кузнецкий Мост, 20».

Вот пример того, что я называю *домовладельческой фабулой*. Таковые фавулы — один из возможных предметов исследования. Есть интуиция, что каждый дом находит и переменяет своих жильцов по некой фавуле. Упрощенно говоря, *пофавуле встречи*. Она может быть простой, скажем зеркальной, или очень сложной.

Такая интуиция находит подтверждение не сходя с места, то есть в том же приходе, в доме, принадлежавшем сначала Пожарскому, а потом

Ростопчину и сыгравшем поэтому решающую роль при отражении обеих западных интервенций (Большая Лубянка, 14).

Я думаю, метафизическому сочинению важно пытаться достигать литературного качества. Литературность должна быть, так сказать, дополнительной, прибавочной стоимостью этих текстов.

Эссе наследует средневековой литературной традиции. Традиции хроник, где невозможно провести границу между фактом, образом, символом и тенденцией. Я бы назвал эссе *творящим комментарием* — комментарием, выходящим за свои границы. Это очень ответственный жанр. Ответственный еще и потому, что опыт должен быть душеполезен. Можно не согласиться с тем, что соседство Салтычихи и Газа в пространстве есть нечто большее, чем совпадение, но если получается душеполезное сочинение...

Вообще, часто приходится слышать упрек в том, что речь идет об исследовании случайных совпадений. Это аберрация, потому что речь идет как раз об исследовании закономерностей. Встреча в одной точке ряда сходных и обращенных друг на друга эпизодов скорее говорит о закономерности, чем о случайности.

Аспектов у такого краеведения множество. Метафизика Москвы, можно сказать, не была исследована по сравнению с Петербургом, где такие исследования велись начиная с 20-х годов, с Анциферова. Кстати, думаю, метафизическое петербурговедение возникло оттого, что город потерял смысл в 20-е годы и стал его искать.

В Москве не было увидено очень многое. Скажем, не разработана сравнительная иконография монументов, особенно старых. Между тем, легко заметить, что, например, старый памятник Достоевскому восходит к образам деисусного чина; но к какому именно из образов?

Никто, кажется, не обращал внимания, что упоминавшийся уже памятник Минину и Пожарскому прообразует композицию “Иисус Навин перед архистратигом Михаилом” — композицию, помещенную, между прочим, на знамени Пожарского. Опять-таки, я вовсе не утверждаю, что скульптор Мартос имел это в виду. В том-то и дело, что для эссеиста, в отличие от строгого ученого, такое подтверждение необязательно. Утверждение оказывается верным или неверным по каким-то другим причинам, нежели наличие или отсутствие собственных свидетельств скульпторов или архитекторов.

Заметьте: Пожарский был точен в выборе сюжета на знамя. Иисус Навин тоже находился в двойственном положении: иноплеменный Иерихон должен был пасть, но был частью земли обетованной. Так и Пожарский должен был штурмовать свою святыню — Москву, захваченную иноплеменными. Не случайно он уклонился от штурма как такового.

Можно говорить о том, как структура города проявляет себя в моделях. Например, структура грунтового начала, средокрестия Москвы — Боро-

вицкой площади — проявляется модельно в точке скрещения железных путей на площади Каланчевской. Можно заметить, что вокзалы Каланчевской площади повторяют отношение Кремль — Занеглименье — Замоскворечье. И даже направление железных дорог, приходящих на эту площадь, совершенно соответствует тем, которые скрещиваются на Боровицкой площади. Как тут не задуматься о божественном Замысле города? Ибо едва ли строители вокзалов — Тон, Щусев и Шехтель — что-нибудь подобное предполагали.

Или тема иносказательного проявления неких существенных характеристик средневекового города в Новое время и на языке Нового времени. Например, древние пристани Москвы в районе церкви Николы Мокрого и близ устья Яузы метафорически переиздаются, перепоставляются в образе Воспитательного дома, который задумывался как остров, остров спасения младенцев. Житейская превратность, как волна, несет безвестных младенцев к порогу дома на спасение. Постановка этого дома рядом с церковью Николы Мокрого оказывается неслучайной. Никола Мокрый — древнекиевский извод почитания святого Николая. Согласно киевскому преданию, Никола переносит ребенка из потопа в храм. Уже Рим IV века дает пример сопряжения Никольской темы с темой детского призрения. Именно в Риме, как вы знаете, возник первый воспитательный дом. Возник подле языческого храма милосердия, к которому приносили безвестных младенцев и который в IV веке был освящен во имя святого Николая. На набережной перед Воспитательным домом локализуется знаменитая перовская “Утопленница”, которая представляет собой, в сущности, деконструкцию Николы Мокрого. И деконструкцию спасительного причала. И — принципа Воспитательного дома. Городовой, сидящий на лодке, слишком не чудотворец, а девушка мертва. Наконец, в известном смысле на этом же месте локализуется роман Грина “Золотая цепь”, ибо дворец Золотая Цепь, дворец Ганувера, имеет прообразом московский Воспитательный дом. А ведь “Золотая цепь” есть роман воспитания. Начинающийся с того, что его герой — мальчик-сирота, управляя кораблем, приплывает ко дворцу, стоящему на море. Итак, перекресток пяти смыслов: древний порт, церковь Николы Мокрого, перовская “Утопленница”, дом детского призрения и гриновский роман — роман писателя, казалось бы, предельно далекого от Москвы. Пять взаимоподобных способов описания яузского устья — водного средокрестия города. Пять! — это к разговору о случайностях и закономерностях.

Кажется, этот монолог рискует свестись к перечислению примеров; но я имел в виду говорить о неких разделах краеведческого знания, о том, какие аспекты могут и должны исследоваться.

Могут исследоваться, например, особые модели Москвы, каковыми выступают некоторые Подмосковные. Скажем, пары Коломенское / Царицыно или Петровский дворец / Петровско-Разумовское. Это модели

Москвы двоящейся. Двоящейся между Кремлем и Занеглименьем, то есть опричиной, Арбатом. Или между Кремлем и петровской Яузой, позднее Петербургом.

В Подмосковье возможны и модели локальных, угловых московских пространств. Так, Малоярославец представляет собой модель мизансцены Воробьевы горы — Лужники. И дело не только в ландшафтном подобии, но в дополнении узнаваемого ландшафта *знаками* подобия. Вы, конечно, знаете предание, что Малоярославецкий Черноостровский монастырь, стоящий на высоком берегу речной излучины, построен Витбергом. А так как монастырь построен в память 1812 года, получается воспоминание о неосуществленном храме Витберга на Воробьевых горах.

Победа при Малоярославце приписывается Савве Беляеву. По преданию, Беляев открыл плотину, и французские порядки на низком берегу были расстроены и остановлены до подхода генерала Дохтурова. Так и к Москве-реке между Воробьевыми горами и Лужниками приурочено множество потопных сюжетов. Начиная со знаменитой “Муму” и продолжая хорошо забытыми примерами, вроде пролога к знакомству Герцена и Огарева в “Былом и думах”, когда в присутствии маленького Герцена и его отца у подножия Воробьевых гор спасают из воды человека, оказывающегося учителем Огарева. Спасают на том самом месте, где впоследствии дети переправятся на лодке к месту клятвы. А рассказ Шмелева “Мартын и Кинга”? А такой мощный знак потопной темы на Воробьевых горах, как Ноева дача?

Закончу не своим примером метафизического исследования, примером уже классическим. Это предположение, или, точнее, интуиция Марии Владимировны Нащокиной о том, что Петровский дворец прообразует Константинопольскую Айя-Софию. На мой взгляд, интуиция безупречно точная. Дворец с плоским куполом и обстоящими башнями, названными у Казакова минаретами. То есть Айя-София плененная, Айя-София, на которой нет креста. Традиционная наука скажет, что это только гипотеза, и попросит точных доказательств. Попросит найти эпистолярные источники, что-нибудь из Екатерины, Потемкина или Казакова, что подтверждало бы их намерения. Но для метафизического краеведения это необязательно: интуиция сформулирована — и находит ответ в нашей интуиции. А интуиция не то, что гипотеза. Впрочем, если эпистолярные подтверждения найдутся, будет тоже хорошо.

На этом я остановлюсь, чтобы мы могли побеседовать.

— Валентин Петрович Катаев писал, что несущественно, стоит ли город на местности или он уже разрушен. Когда я был в 1991-м году в Павлове Нижегородской области, я пытался понять, правда это или нет. И действительно, город сильно разрушен, но в Краеведческом музее на картинах изображен дореволюционный город, и создавалось впечатление, что все

разрушенное стоит на местности. Как вы относитесь к этому вообще и в свете идеи метафизического краеведения?

— На гербе вашего соседа графа Шереметева (Институт культурного и природного наследия соседствует с Останкином. — *Ред.*) начертано: “Бог сохраняет все”.

— Сами сюжеты возникают у вас в результате чисто интуитивного подхода и какой-то доли случайности, или это результат логического поиска?

— Всё вместе. Я около двадцати лет (с восьмого класса) занимался просто накоплением информации, и только в последние 6–7 лет открылся метод и стали ясны задачи.

Конечно, традиционное краеведение является обязательной базой метафизического. Традиционное краеведение есть высокая наука: все, что им накоплено и продумано, совершенно необходимо метафизическому краеведению, которое не есть “взгляд и нечто”.

Может быть, вы заметили сборник кириенковцев “Неофициальная Москва”, где есть раздел “Новое краеведение”, составленный Вячеславом Курицыным. В этом разделе не было собственно краеведения, там была, скажем так, мета-физиология, новая физиология города. Новая потому, что не манифестирует против метафизики, как физиологический очерк прошлого века, а с ней сотрудничает. Скажем, утверждает, что антропологические типы детерминированы чем-то неочевидным, чем-то надстоящим над местом. Характерно, что это “новое краеведение” тяготеет к новостройкам, к спальным районам, где тоньше культурный слой и кажется, что необязательно, занимаясь антропологией, знать старину. Это к тому, что краеведческая база совершенно необходима.

Теперь о том, как рождается тот или иной сюжет. Ну, скажем, друг привозит меня в свой любимый Малоярославец, рассказывает подробности про потоп, про Витберга, и, видя ландшафтное тождество с московской мизансценой, я начинаю размышлять. Тем же вечером в Москве открываю “Былое и думы”, поскольку Воробьевы горы немислимы без Герцена, и обнаруживаю сцену спасения из воды губернатора Огарева. В следующие 2–3 дня как-то сами собой подходят множество новых литературных или иных подтверждений темы потопы. Плюс такие очевидные подтверждения, как Ноева дача, и уже заранее понятно, что она станет в финал текста, ибо “дача” значит Ноя отдыхающего, Ноя, насадившего виноградник, то есть уже получившего обетование, что не будет более вода потопом. Текст отстраивается. Возникает воспоминание о знаменитом пейзаже Айвазовского с Воробьевых гор, который представляет собой почти марину, и о том, что Айвазовский — армянин, что его море есть армянская мечта о море и армянская память Ноя. И так далее. Трудно объяснять. Часто тексты рождаются сразу, часто годами расширяются.

— А ежели вы, построив какую-то модель, потом получаете научно-достоверные факты, которые опровергают модель или хотя бы лишают ее

части конструкции? Как вы поступите с такой моделью? Ну, вот, в частности, Малоярославец. Новые исследования доказывают, что никакого потопа не было, было просто сожжение моста, и, собственно, потоп — легенда, ничем не подтвержденная. Как быть в этой ситуации?

— На ваш вопрос возможны два ответа. Я тоже читал, что потопа не было, и сам бы добавил, что разрушение плотины — это сослагательная мысль горожан, мысль “на лестнице”, “задним умом”, разрушить и плотину, а не только мост, потому что когда сожгли мост, французы вошли в город по плотине. В этой сослагательной мысли — начало предания о Беляеве. Но есть правда истории — и есть правда культуры. И тот, кто занимается метафизикой города, места, пространства не может игнорировать правду культуры. Так сказать, народную метафизику, уже сложившуюся. Иначе просто не стоит продолжать. Мы никогда, по видимому, не найдем подтверждения тому, что монахи сожгли Печатный двор, и даже сам пожар есть лишь английское, посольское свидетельство, а не летописное, да и в нем нет упоминания о монахах, а только о “невежественных людях”. Но пожар, и пожар от монахов, есть устойчивое представление культуры. Так Александр I ушел не потому, что это доказуемо, а потому, что это необходимо культуре. Так и Беляев становится героем Малоярославца потому, что это зачем-то нужно. Нужно по крайней мере самому Малоярославцу. Город ставит памятник Беляеву уже в 1899 году.

Что касается научных гипотез, которыми бы я пользовался и которые потом опровергались, то Бог миловал от подобных ситуаций. Я могу припомнить один случай, когда мне пришлось отказаться даже не от темы, а от ответвления темы. Причем это пошло тексту на пользу. Отказ скорее означал, что с этой боковой темой следует работать отдельно. Вообще, если поддержать текст, не сразу печатать, то в течение нескольких лет он корректируется следующим образом: приходят новые данные, которые с испугу могут показаться опровержением, но если честно заняться их анализом, то оказывается, что тема углубляется, поворачивается новой гранью, получает новый объем, текст расширяется на 1/3, на 2/5, но не рушится.

Вот пример: я сказал, что Три вокзала — это модель трех долей суши у боровицкого средокрестия. Теперь уточню: Северный вокзал есть знак Кремля, в черте которого начиналась именно ростовская дорога; Николаевский вокзал — знак Занеглименья, где тоже начинается балтийская дорога, а также смоленская, представленная платформой Каланчевской; наконец, Казанский — знак Замоскворечья, где начинается степная, ордынская дорога. Но когда вы стоите у моста соединительных путей и смотрите на Казанский вокзал, то видите, что сам Щусев имел в виду неглименскую стену Кремля с Боровицкой и Кутафьей башнями, с Троицким мостом. Я долго думал, как с этим быть, ибо замалчивать это совершенно невозможно. И пришел к выводу, что площадь является сменной моделью двух мизансцен — негли-

менской и москворецкой. Долины Неглинной при ее впадении в Москву-реку — и долины Москвы-реки при впадении в нее Неглинной. Иначе говоря, Каланчевка служит и моделью двухдольника Кремль / Занеглименье — и моделью трехдольника Кремль / Занеглименье / Замоскворечье. Николаевский вокзал остается знаком Занеглименья (дома Пашкова) в обоих случаях. Но в двухдольном варианте он продлевается дополнительным знаком Занеглименья, каковым становится теперь Ярославский вокзал, — точно так же, как Ваганьковский царский двор на месте дома Пашкова удвоился Опричным двором на месте дома другого Пашкова — “нового” Университета. Словом, чем честнее ты подходишь к материалу, тем больше тебе открывается.

— **Правильно ли я понял, что вы изучаете какую-то духовную реальность, которая простирается в виде Небесного града и временами материализуется, дается в роде какого-то откровения то архитекторам, то исследователям вроде вас? И существует вечно где-то там, в нематериальном мире?**

— Я стараюсь как можно меньше возвышенных слов говорить, но вовсе избежать их невозможно. Надеюсь, что речь идет о чём-то подобном. Есть Замысел о городе, Замысел с прописной буквы. Москва — обетованный город, это принципиальная, изначальная предпосылка для подобных исследований. Существует пророчество митрополита Петра, открывающее, что Москва — обетованный город. Скажем, обетование Петербурга нам, во всяком случае мне, неизвестно. У Руси две обетованные столицы — Киев (устаами апостола Андрея в “Повести временных лет”) и Москва. И, разумеется, Замысел может быть исследован лишь настолько, насколько сам захочет раскрываться.

— **Рустам, мне, наверное, проще сказать “интуитивное краеведение”, “метафизическое” мне пока еще не понятно. Мне хотелось бы спросить у вас, помогал ли ваш метод обратить внимание людей на Замысел и содействовать спасению исторической Москвы? Был ли эффект от ваших эссе и, может быть, каких-то акций?**

— В 1980-х годах, когда мы активно подвизались на ниве охраны памятников, еще возможно было неофициальное движение: мы стояли у палат Щербакова, на раскопках Кузнецкого Моста и в других местах. Что-то удалось сохранить. Кроме палат Щербакова, вспоминаются дома Аксакова в Большом Афанасьевском переулке. Сейчас движения не существует. Те из нас, кто занят в журналистике, пользуются этой возможностью. Вот, в частности, в “Независимой газете” мы опубликовали список “Против лома” — более 60 адресов памятников, разрушенных или искаженных при Лужкове. Что касается связки между этой деятельностью и метафизикой... Будучи одно время обозревателем по архитектуре в “Независимой газете”, я почувствовал, как трудно мне высказываться, скажем, о конкурсе проектов на реконструкцию Боровицкой площади. Пришлось взять под этот материал целую полосу, чтобы на двух третях

объема все-таки дать свое видение площади и уже с этой точки зрения посмотреть на проекты. Но текст оказался фигурой кентаврической. Получилось предисловие слишком большое и не слишком убедительное для тех, кто был причастен к выбору. Приходится разводить метафизику и архитектурную критику, тем более — метафизику и охрану памятников. Но метафизика заставляет освежить взгляд на город, наш обыкновенно замыленный взгляд, и полюбить город с новой силой. С новой — потому что город оказывается не таким, каким видится. И в этом смысле метафизические исследования должны способствовать спасению Москвы. Но оказывать с помощью этого языка оперативную помощь очень трудно. Слишком большие предисловия.

— Многие ли молодые журналисты все-таки следуют вашим методам?

— Нет, потому что это не журналистика. Есть несколько исследователей и писателей, которых я уже назвал и у которых собственные методы.

— Вы даете тезис, постулат, что Бог думает о городе. Возможно ли проследить этот Замысел в тех районах, где минимум историко-литературной информации, в таких, как спальные районы?

— Наверное, да. Если иметь в виду усадьбы и другие древности, вошедшие в спальные районы, то определенно да. О самих спальных районах мне ничего дельного в голову не приходило, исключая ландшафтные ситуации, то есть саму топографическую основу, и, разумеется, топонимику.

— Когда я занимался культурной топографией современной Москвы, то натолкнулся на вещь, основательность которой оценивать не могу: существует определенная окрашенность азимутов в городе. То ли это некий генетический код, то ли совершенно не заложенный код. Если от Красной площади на западе находится Кремль, на востоке — Китай-город, то и получилось, что престижно-рекреативная часть Москвы располагается к западу от центра, а “спина” города — к востоку. Если более детально: по крайней мере на рубеже XIX–XX веков, скажем, в юго-западном секторе исторического центра, при Арбате, находился город, густо заселенный гуманитарной интеллигенцией, духовной элитой своего времени, и весь юго-запад до сих пор, почти до кольцевой, эту доминанту несет по оси Ленинского проспекта. Или северо-западный азимут: до сих пор весь северо-запад имеет элитарный налет.

— Таким зонированием Москвы я пристально занимаюсь. И прихожу к выводу, что специфика Арбата восходит к специфике опричного удела. То, что вы определили как запад и восток, можно определить как опричину и земщину, только не относительно Красной площади, а относительно низовья Неглинной. Я имею в виду расчленение города при Иване Грозном. Но и сама опричина может наследовать межам какого-то удельного владения, ибо Москва удельных лет принадлежала “третню” членам правящего дома. Наконец, это двоение восходит к ландшафтным обстоятельствам обоснова-

ния Москвы, к трудности выбора холма из двух холмов. И в этом смысле дом Пашкова есть образ изначального Арбата — альтернативной цитадели. А интеллигентский миф Арбата, конечно, наследует опричнине в главном: в убеждении, что эта доля города есть лучшая Москва, чем остальная. Что Арбат — это Москва *par excellence*. Что он лучше Кремля и потому имеет право даже фрондировать против Кремля. В этом смысле интеллигентская фронда наследует опричной фронде.

В продолжение темы... Как известно, Чистые Пруды называют Малым Арбатом. Подразумевается пространство примерно между театром “Современник” и усадьбой Найденовых, вдоль диагонали Подсосенского переулка. Но так ли ново это представление, если в этих местах известен переулок Малый Арбатец — нынешний Дурасовский? Ведь это пространство нескольких дворцовых слобод, тяготевших к Воронцовскому загородному двору и выделенных в опричнину наряду с Арбатом.

Возможны и другие способы типологизации городских частей. Так, тема гения места особенно интересна, когда не противоречит ортодоксии, то есть совпадает с темой ангелов места. Думаю, например, что вся северо-восточная часть современного города — часть, в которой мы с вами сейчас находимся, — как область царской охоты покровительствуется святым мучеником Трифоном. Вы, конечно, видели церковь Трифона в Напрудном. Согласитесь, что благодаря звоннице, стоящей над юго-западным, обращенным ко Кремлю углом, у этой церкви возникает если не главный фасад, то главный ракурс. Так сказать, главный угол. Это и есть передний угол северо-восточной доли города. Если от этого угла мысленно продолжить одну линию на север, вдоль западной стены церкви, а другую — на восток, вдоль южной стены, то мы как раз охватим область царской охоты: Сокольники, Лосиный Остров, Верхняя Яуза... Но, конечно, так понятая тема гения места очень трудна и слишком деликатна, чтобы делать категорические утверждения.

— Знакомы ли вам аналогичные или близкие по теме и подходам исследования на Западе, например, таких достойных городов, как Рим, Иерусалим? Возможно ли расширение ваших исследований на основе других городов, хотя бы, тех же Рима или Иерусалима? Или это исследование основано на такой близкой сердечной привязанности к одному городу?

— Исследование Москвы немыслимо без минимального представления о трех великих столицах — Риме, Иерусалиме и Константинополе. Имена “Капитолий”, “Форум”, “Палатин”, “Сион”, “Елеон”, “Влахерны” суть больше, чем топонимы, но категории метафизического краеведения.

Переориентируйте карту Рима на запад — только это и нужно сделать, чтобы увидеть высочайшее тождество между Римом и Москвой. Тогда два Семихолмия соотнесутся сами. Соотнесутся и топографически, и по сакральному или иному, скажем, политическому, смыслу. Проблема Семихолмия не счетная (в Риме можно насчитывать до 12 холмов), а симво-

лическая. Это отношение разных пар или групп холмов друг к другу. Эти отношения, перетолкованные в наших реалиях, можно проследить и в Москве. Можно увидеть, что Целий — это москворецкий склон Сретенского холма, Капитолий — это Ваганьковский холм, где дом Пашкова, Палатин — Кремль, Авентин — Таганка, Ватикан — Воробьевы горы, и так далее. Это топографически точно, стоит вам, повторяю, развернуть карту Рима или Москвы навстречу одна другой. Но совпадают и смыслы холмов. Можно найти смыслы Капитолия на Старом Ваганькове, Палатина — в Кремле, а Ватикана — на Воробьевых горах, где Витберг неслучайно думал превзойти собор Святого Петра.

— В некоторых высказываниях у вас скользил некоторый элемент культурного империализма, который, вроде, чужд краеведению. Лишь некоторые территории обетованны, только некоторые города. Потом внутри Москвы: сначала вы говорили обо всей Москве, не исключая новостроек, потом уже внутри Москвы стали выделять как бы чистые и нечистые локусы. То есть, если Москва, то да, а если отъезжаем от Москвы, то уже нет. Или: если запад Москвы, то да, а если восток, то уже нет. Правильно ли я вас понял?

— Это очень трудный и важный вопрос: двоения и мерцания, которые существуют в Москве, внутримосковские коллизии и полюса. Дело не в чистом и нечистом, а в том, каково содержание Замысла о городе и каково отклонение от Замысла. Двоение может являться составляющей Замысла, а может быть симптомом отклонения.

Что касается обетования городов, то я говорил о текстах. Мы читаем пророческие слова митрополита Петра в его Житии, составленном другим святым — митрополитом Киприаном. Мне не известно ничего подобного применительно, скажем, к Петербургу. Не значит ли это, что Петербург, если продолжать радикальные высказывания, есть город умышления? Город, извините за тавтологию, человеческого свobody умышления о городе? Сказать иначе, Замысел о нем может сводиться к отсутствию Замысла, к предоставлению человеку полной свободы творчества города. Анциферов говорит, что Медный всадник — это изображение гения места, что Петр — это демиург города, бог с маленькой буквы. Действительно, в городе человеческого умышления, Замысел которого сводится к дозволению свободы, был бы нужен демиург, а таковым легко становится державный основатель. В Москве такое невозможно, и потому в ней не найдется монумента, равняющегося Медному всаднику на роли эмблемы целого города. Юрий Долгорукий “не тянет”, потому что Москва не основана мановением его длани, а родилась в некоей изначальной тайне. И ни один государь, даже такой великий строитель Москвы и России, как Иван Третий, не станет демиургом. Москве нет бога кроме Бога. Это не значит, что над другими городами и местами не простирается благодать. Изначальная или

усвоенная со временем, какую мы ощущаем и над Петербургом. Но это тема для конкретных, местных размышлений.

— На примере Малоярославца вы описывали ситуацию, когда есть информация избыточная, притом что исторических фактов меньше, чем мифов. Часто мы встречаемся с обратной ситуацией. Например, доподлинно известно, что такой-то человек жил, творил там-то и там-то, но никаких мифов по этому поводу не существует. Я взял повесть Платонова “Город Градов” и вычислил адрес, где жил персонаж. Потом разговаривал с главным областным историком, профессором, и он очень удивлялся этому, но ничего возразить не мог. Если бы у меня был, как у вас, литературный дар, я пустил бы этот адрес в массы, но возникает вопрос, тот ли это путь, по которому стоит идти? Или отсутствие мифа следует рассматривать как данность? Где тут курица, а где яйцо?

— Отвечу тоже примером. Мы говорим о ситуации, когда есть некая историческая данность, которой народная память и народное представление не дорожат и не пользуются. Такая ситуация бывает опасна, потому что ведет к утратам в городе. Но она, видимо, является отражением городской структуры. Любовно-коммунистический треугольник Маяковского и Бриков имел место на Таганке, а Москва старается об этом забыть и думает, что дело было на Лубянской площади. Потому что земские (то есть противоположные опричным) места, каковы Таганка или Замоскворечье, где жители издревле передоверяли царской чете олицетворять любовь и семью, прообразовывать всякую чету города и страны, — эти места отторгают от себя реальные любовные истории и не способствуют произрастанию вымышленных, а если что и вырастет, то зарастает какой-то пленкой, патиной. В Замоскворечье вы найдете один локус любовного мифа — Марфо-Мариинскую обитель, где герой “Чистого понедельника” находит бывшую возлюбленную, но даже в этом случае важен контраст с любвеобильным Арбатом, ибо героиня как раз отказывается от мира, и как раз от мира Арбата с его “Летучей мышью”, с шаманскими лекциями Андрея Белого и со всем, над чем смеется Бунин. Можно сказать, купец Калашников, живший в Замоскворечье, жил на этом же месте: богатырская архитектура “Марфы” не противоречит такому чисто поэтическому допущению. И опять: коллизия у Лермонтова возникает не раньше, чем в земское Замоскворечье является опричник Кирибеевич, дитя Арбата.

Между тем, каждый частный дом есть причина или следствие любви, и нет приходской церкви без венчаний. Во всем городе люди любят друг друга, однако же любовный миф структурируется и локализуется. Любвеобильны еще Кузнецкий мост, связанный с русско-французским пограничьем, и старое европейское пограничье — петровская Яуза, и Покровские ворота — как мы видели, филиал Арбата. Собственно, Иван Грозный выбрал место для Опричного двора по простому принципу: переселился в дом шурина, князя Черкасского, то есть бежал из Кремля

в дом второй жены, Марьи Темрюковны. Это попытка восстановить утраченное, обрести любовь после смерти Анастасии. Бесплодная попытка, ибо опричный царь был многоженцем. С другой стороны, царь уходит в приватность, он больше не царь, а Иванец Московский, князь Москвы, сошедший с государства на удел и в этом качестве равняющийся, хоть и лицемерно, совокупности всей остальной аристократии, которой оставлена земщина. Таково первое звено арбатского любовного мифа, который в Новое время расцветает на дворянской и интеллигентской почве, а локализуется в старых межах опричнины. Николай Петрович Шереметев привозит Парашу после венчания на Воздвиженку, где ему принадлежала половина бывшего Опричного двора.

— То есть, вы говорите, что есть историческая Москва и есть что-то внутри Москвы неисторическое. Вы можете на местности указать в структуре Москвы что-то такое неисторическое, порочное, нехорошее, Богом забытое? Дескать, вот Покровские ворота — это филиал Арбата, тут Бог присутствует, а в другом каком-то переулке Бог не присутствует.

— Я сейчас ничего не говорил о Боге. Я говорил, что везде живут люди и в каждом доме любят. Но я отталкивался от вашего предыдущего вопроса о том, почему эти исторические, фактические обстоятельства в одном месте подхватываются народной памятью, а в другом — нет. Попытался предложить вам объяснение. По мне, лучше любить невидно, по-средневековому, чем напоказ. Чем, например, с рассказами по телевизору, в “ток-шоу”. Мне как раз ближе земщина, чем опричнина. Мне Средневековье ближе. Думаю, лучше жить по-замоскворецки, чем по-арбатски.

— Дом, где я жил до семнадцати с половиной лет, бывал уездным ЧК, потом там хранилась картошка, там археологи недавно нашли кости и т. д., а школа, где я учился, сейчас прокуратура. Следует ли отсюда, что я должен быть подвергнут репрессиям за свои научные тирады? Этот пример носит утрированный характер.

— Я, право, не знаю, что из этого следует. Когда я сделал громогласное заявление, например, о том, что возможна строгая домовладельческая фабула, что каждый дом может переменять и находить жильцов по фабуле, я подтвердил это локальными примерами, причем соседними. Возможно, и причины там были локальные — причины таких чистых, таких художественно стройных фабул.

— Георгий Степанович Кнабе применил термин “энтелехия”, вложенная цель, сначала, может быть, неявная, но с течением времени в культуре проявляющаяся. Опять-таки нечто вроде культурного генетического кода. То, о чем вы говорите, в этом духе? Насколько этот термин вам близок?

— Я им не пользовался.

— Вы не опасаетесь, что в результате распространения вашего учения возникнет прикладное метафизическое краеведение, многие специалисты начнут искать, изгонять, очищать бесов, духов, гениев и т. д., что даже

государство возьмет на вооружение? Мы сейчас возвращаемся к Средневековью, к Новому Средневековью, так что вас даже привлекут к этому, вы будете получать за это гонорары...

— Это, как я понимаю, шутка на серьезную тему ответственности. И если серьезно, то я чувствую огромную ответственность. Это проблема каждого ученого или пишущего человека — как будет использовано его знание.

— Наука по природе открыта и адресована всему человечеству, а вы имеете дело, возможно, с каким-то эзотерическим знанием, которое не следует пропагандировать и широко рассказывать о нем.

— Я думаю об этом, конечно. И стараюсь понимать, я ли проговариваю некую тайну или она себя говорит. Когда я прихожу к выводу, что это я ее ташу, а она опирается, то не продолжаю. Во-первых, потому, что этого нельзя делать, а во-вторых, потому, что тема, собственно, не сделана, буквально: не дается. Бывает наоборот — я противлюсь, а предмет просится. Так было с домом Пожарского — Ростопчина. Сейчас он находится, сколько я знаю, в составе арестованного имущества Инкомбанка и просто выморачивается. Дом спасителя Отечества, дом, перед которым в 1611 году происходило важнейшее сражение, а в 1812 году были даны решающие распоряжения о поджогах в городе. Постановка в связи этих обстоятельств умножает смыслы места, это операция перемножения. Так вот, следовало ли засекречивать этот сюжет — или, наоборот, раскрыть его? По крайней мере дать понять, что так не обращаются с подобными домами? Что, может быть, в аренде у ФСБ он находился правильно, а в аренду банку был сдан неправильно?

— Когда начали обсуждать тему, то перешли на некие такие игровые варианты. Это хорошо и интересно потому, что в нашей работе есть такое понятие, как *ассоциативный ландшафт*. Объект живет, прежде всего, благодаря излучаемым ассоциациям, это придает ему ценность, и чем богаче ассоциации, которые с ним связаны, тем он более интересен. Вопрос мой заключается в том, где границы ассоциативного поля. Есть старый сюжет, когда задаются две темы, которые надо связать. Человек с эрудицией, с художественным мышлением их связывает, руководствуясь своей установкой, своими знаниями, своим настроением в данный момент. В свое время мы задавали Плужникову тему, например, “Зарайский кремль и Пизанская башня”, и он очень красиво показывал, каким образом повлияли строители Зарайского кремля на архитектуру Пизанской башни. Он прекрасно знал архитектуру, был эрудитом и очень красиво, изящно доказывал. В данном случае он брал не все факты, а те факты, которые работают на момент, на игровой момент. Плохи голые здания без ассоциаций, связей с Софией, с людьми — это мертвечина. Но возможна и спекуляция. Смотри каковы цели. Если это спасение чего-нибудь, чем мы все время занимаемся, то естественно использовать мифологию: здесь бывал Пушкин, здесь бывал друг Пушкина и т. д. — это ложь во спасение. Вы правильно в самом начале сказали, что отделяете свои задачи от задач чистой науки, что у вас другой тип высказывания, и показали, что это так. Но есть ли

какие-то границы, кроме индивидуальных? Или есть ваше личное мышление, но у других будет совершенно другое?

— Вы дополнили мой ответ на предыдущий вопрос, потому что, размышляя на тему озвучивать — не озвучивать, я, конечно, думаю и о том, что все это должно работать на возрастание любви к городу, отворение взгляда на город. Если простая информация о том, что здесь бывал Пушкин, может уже ни на кого не подействовать, если в 1990-е годы в Москве снесены дома Сухово-Кобылина и Герцена, то ясно, что новый взгляд необходим.

Что касается игры, то, конечно, задание на тему “Зарайский кремль и Пизанская башня” есть игра. Могу сказать лишь, что стараюсь отличать игровые и профанные подходы от существенных. Повторюсь, что критерием проверки моих интуиций может быть ваша интуиция. А игра ради игры мне совершенно не интересна и не близка.

Сейчас популярен ярлык “игра в бисер”. Под него подверстывают все, что угодно. Интуиции, подобные нащокинской о Петровском дворце, легко отмечать этим ярлыком, потому что они основываются на сравнительных методах исследования. Есть, например, сравнительная иконография. Тот же пример со знаменем Пожарского и монументом на Красной площади. Есть и другие области знания, нуждающиеся в сравнительных методах, но там эти методы еще не получили названия. Сравнительные методы должны работать и в краеведении. Сомнения связаны с тем, что сравнительные методы по внешности игровые, а иногда действительно сводятся к игре ради игры. Граница здесь, повторяю, может быть проведена только нашей интуицией, нашим чувством художественного, нашим чувством правды, нашим чувством красоты и добра.

— **Как вы относитесь именно к субъективному взгляду на город? Ведь город для каждого жителя или приезжего разный. Для любителей тусовок, предположим, Москва — город казино и прочего, для любителей классической музыки — город Консерватории, и т. д. Мы к спальным районам относимся свысока, а у меня на “Бабушкинской” живут друзья — весьма интеллигентная семья, интеллектуально-художественная. Когда к ним приходишь, видишь новые картины, только что написанные, слышишь разговоры не только о живописи, но и связанные с научными достижениями главы семьи и т. д. Как быть с этим субъективным восприятием?**

— Я бы говорил, наоборот, о соотношении общего и индивидуального во взгляде на город. О том, какова величина общего знаменателя наших индивидуальных взглядов на город. Пожалуй, он ничтожно мал, меньше, чем у москвичей сто или триста лет назад. Скажем, общими были представления, которые отражены в “Лете Господнем” Шмелева. Все знали, что сердце города — это Успенский собор, литургия в Успенском соборе, святые мощи в храмах на Соборной площади. А что сейчас? Как люди ходят между царских гробов? Что делает президент, когда проходит мимо Архангельского собора? Вот именно: проходит мимо.

— После ваших наблюдений, вашего знания Москвы мы просим сказать, реагирует ли город, если он сталкивается со случаем прямого насилия, тем действием, которое не соответствует идее, в нем заложенной?

— Если есть Замысел или — в платоновских категориях — идея города, некая чистая форма, то посмотрите, как по-новому ставится, например, проблема архитектурного, строительного творчества. Все согласны с тем, что поэту или композитору надиктовывается. А архитектору? Честно было бы признать и его слушателем некоего диктанта, хорошим или плохим слушателем и передатчиком. Человеком не только создающим, но и передающим. Тогда возникает вопрос: входит ли адрес постройки в состав этого диктанта — или только форма? Посмотрите, как хотел обойтись Баженов с улицей, которая идет от центра Кремля к центру Красной площади и упирается в стену мимо башни. Баженов в своем проекте перенаставил эту улицу на башню. А что сделал Казаков? Он стал ходить вокруг, слушать, понимать, думать, и вписал в этот угол ротонду Сената, а уже ротонда и купол Сената оказались на оси башни, на оси площади. И решение оказалось гениальным: последний камень Красной площади был поставлен. Вот разница между архитектором умышления, архитектором петербургского типа, как Баженов, который, не ведая Замысла о городе, поставляет на место Замысла свое умышление, — и архитектором самого Замысла, его проводником, как Казаков. Отсюда неуспешность Баженова и успешность Казакова. Город сопротивляется одному подходу и потворствует другому.

Если же первый подход завоевывает какое-то место, то дальше следует лишь цепь ошибок. Например, Манежная площадь есть следствие ошибочной постановки самого Манежа, под прямоугольником которого погребена диагональ улицы от выхода Большой Никитской к Кутафьевским воротам. Постановка этого здания на место двух треугольных кварталов повлекла за собой серию всех дальнейших ошибок, последней из которых стало пресловутое подземелье. То же и Театральная площадь. Думаю, что Бове был архитектором умышления, архитектором петербургского типа. Мы наблюдаем деградацию Театральной площади с течением времени, деградацию ансамбля Бове. Ведь чем был узел на месте Театральной площади? Пересекались, образуя овал, две дуги, два движения: вдоль плаца Китай-города, избегая излома стены, и вдоль Неглинной, повторяя этот излом. Получался овал. А Бове устроил перпендикуляр, “стреляющий” в китайгородскую стену, измыслил некое подобие воротной площади там, где не бывало никаких ворот. Результатом чуть не стало совмещение этой площади с Красной при Сталине. Таких примеров множество.

— Какие, на ваш взгляд, смыслы в идею Москвы внес такой знаковый объект, как мавзолей Ленина?

— Коротко. Мавзолей и весь некрополь за ним устроены на засыпке Алевизова рва. Знаменитые Шествия на осляти позиционировали Ров как Кедронский поток между оградой Иерусалима и Елеонской горой. Доли-

на Кедрона иначе называется Иосафатовой и обладает знаменитым некрополем, откуда, по вере христиан, начнется воскрешение мертвых в конце времен. Думаю, мавзолее с его тщетным бессмертием держится места силой попадания в эту древнюю сакрально-топографическую матрицу, профанирует ее.

— **Рустам, как ты можешь кратко определить сущность метафизического краеведения?**

— По Аристотелю, метафизика Москвы — это то, что кроме, после, за и над физикой Москвы.

— **Если мы выйдем за пределы Москвы, то как вы объясните формирование таких трансграничных образов, как Москва — Иерусалим, Москва — Рим, Москва — Петербург, Москва — Киев и далее? Как вы рисуете эти образные траектории?**

— У меня получается, в итоге очень предварительных наблюдений, что Рим и Москва — это проекции одной идеи, формы. Некий вечный город, действительно первый и третий Рим. Структура Константинополя, на первый взгляд, иная, но я еще не занимался всерьез сравнением его с Москвой. Скажем так: круглый Рим и круглая Москва соплагаются с высокой степенью точности, а квадратный Иерусалим и треугольный Константинополь — с меньшей. Возможно, квадратный километр Иерусалима может быть соотнесен с начальной мизансценой Москвы, на что указывает Михаил Булгаков, когда методом последовательного, вернее параллельного чертежного переноса отождествляет дом Пашкова с дворцом Ирода Великого на горе Сион. В Ершалаиме Булгаков по-московски обостренно чувствует оппозицию гор Сион и Храмовой.

— **Вы говорите о Петербурге как о городе умышления в принципе. Но не являются ли те траектории, которые вы чертите: Киев — Москва — Петербург — Севастополь... — также траекториями умышления?**

— Вы говорите о теме трансляции столичности, о движении столиц, но это другая тема. Да, я писал о том, что означает возвращение столичного статуса Киеву, состоявшееся по факту, но на меньшем масштабе, и о том, не является ли Севастополь истинным Петербургом, то есть суммой Москвы и Киева. Трансляция столичности есть, разумеется, следствие Замысла — или, что тоже не исключено, уклонения от Замысла, умышления. Умышление наступает, например, когда для столицы начинают искать геометрический центр государства. Или, наоборот, край, но ближайший к Европе или Азии — в зависимости от собственных предпочтений. Разумеется, трансляция столицы в Петербург связана с Замыслом; но прямой или обратной связью?

Повторюсь: до сих пор мы говорили о Замысле самого города, его тела.

— **Но трансляция столицы — область тоже метафизическая?**

— Это область метафизики, но не совсем краеведения. Краеведение начинается, когда, обратив внимание, скажем, на Севастополь, начинаешь изучать его сакральные столичные потенциалы.

*В. Н. Калуцков***МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР “ОСТРОВ И САКРАЛЬНОСТЬ:
СВЯТЫЕ МЕСТА НА ОСТРОВАХ РУССКОГО СЕВЕРА”**

Со второго по четвертое октября 2001 года по инициативе факультета славистики университета Сорбонна (Париж-IV) состоялся семинар “Остров и сакральность: святыне места на островах Русского Севера”. И тематически, и организационно семинар носил междисциплинарный характер: в его работе приняли участие культурологи, историки, географы, фольклористы, архитекторы, специалисты в области музейного дела. Семинар привлек внимание многих специалистов и знатоков культуры Русского Севера. Среди них — декан факультета славистики университета Сорбонна (Париж-IV) Ф. Конт, крупнейший специалист в области русской деревянной архитектуры В.П. Орфинский (Россия, Петрозаводск), известный культуролог А.К. Байбуурин (Россия, Санкт-Петербург), специалист в области старообрядческой культуры С.Е. Никитина (Россия, Москва), знаток и популяризатор русской деревянной архитектуры В. Брумфельд (США, Тулан), крупная фотовыставка которого проходила осенью этого года в Москве, культуролог и архитектор М.И. Мильчек (Россия, Санкт-Петербург) и другие. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова был представлен в рамках междисциплинарного семинара “Культурный ландшафт” группой в составе фольклориста А.А. Ивановой и географа, автора этой заметки.

Основные содержательные вопросы, которые обсуждались на семинаре: феномен острова в культуре, остров как храм и храм как остров, организация пространства острова. Не случайно в подзаголовок семинара был вынесен Русский Север: именно Россия имеет огромный историко-культурный опыт духовного и хозяйственного освоения и преобразования пустынных мест — морских и речных островов, удаленных и заброшенных мест. При этом пространственный и территориальный аспект в этой комплексной научной проблеме имеет существенное значение.

Открывая семинар, профессор Ф. Конт подчеркнул злободневность темы конференции, увязав ее с трагическими событиями в Америке: разрушению подверглись “два небоскреба, две символические башни,

воздвигнутые на острове Манхеттен, который давно уже стал микрокосмом Америки". Он отметил большой вклад географов, в частности И-Фу Туана, в исследовании феномена топофобии / топофилии, важного в плане понимания организации пространства острова. В контексте темы семинара он выделил такие базовые понятия, как "остров", "храм", "священное", "профанное" и "путь к острову".

В постановочном вступлении профессор А.К. Байбурин обратил внимание на то, что в русском языковом сознании остров может и не сочетаться с водой. Под островом может пониматься и возвышение на ровной местности, и участок леса на открытой местности, и поляна в лесу. Концепт острова наиболее полно представлен в русских заговорах. Во-первых, Буян-остров — не просто первый в ряду островов, но и первая земля, и потому он является средоточием священного. Во-вторых, в основании острова лежит камень (бел-горюч камень, камень-алатырь). В-третьих, на "первом" острове находятся объекты, которые определяются как первые или старшие: церковь, столб или дуб, под ним ракиновый куст, под ним — камень, на нем — руно, на руне — змея. В-четвертых, на острове обитают многочисленные персонажи, среди которых Христос, Богородица, святые, старцы, бесы, змея, птица, зверь. Итак, остров в русских заговорах — это остров мертвых, но совершенно необходимый для живых. Именно на острове находятся силы, приводящие в движение жизнь в мире живых людей. Здесь находятся не только жизнь и смерть, но и любовь, тоска, страдание. И еще одна особенность концепта острова в русской традиционной культуре — его таинственность, связанность с тайной.

Доклады группы семинара "Культурный ландшафт" носили теоретический и проблемный характер, подчеркивая продуктивность междисциплинарной концепции культурного ландшафта при исследовании такого сложного феномена, как святое место. Опираясь на концепцию культурного ландшафта, А.А. Иванова, предложила понимание святого места как духовно-социально-природного феномена. Была представлена типология святых мест Русского Севера (на материале Пинежья) и продемонстрирована амбивалентность (неоднозначность) некоторых типов святых мест. В.Н. Калуцков посвятил свое выступление результатам ландшафтно-топонимических исследований святых мест Пинежья. Особое внимание в докладе уделялось вопросам динамики святого места (пространственной, семантической, локально-региональной) и ландшафтно-топонимическим парадоксам типа "монастырь как "несвятое" место", "региональная святыня без топонима", "погост в центре селения", "обетный крест — святое место на грани официального и неофициального" и т.п. На примере Пинежья был продемонстрирован феномен топофобии / топофилии и причины его возникновения.

Многих участников семинара привлекла тема северных островных монастырей: их возникновения, устройства монастырской жизни, па-

ломничества, архитектуры монастырей, острых моментов их истории, современных проблем.

Отметим тематические сочетания-переклички, которых на семинаре было немало, и которые усиливали общее дискуссионное поле семинара. Например, доклад П. Гуно “Образ острова (по поводу иконографии Св. Зосимы и Савватия Соловецких)” и доклад М.И. Мильчика “Изображение островных монастырей Русского Севера на иконах XVI — начала XVIII веков”. Гуно решал тему с позиций сакральной географии, выделяя такие ее элементы, как остров, море (море-окиян), лед, пристанище (пристань), а Мильчик, используя во многом тот же материал, раскрыл динамику изображения монастырей на иконах за двести лет с позиции истискововеда-культуролога.

В целом, семинар еще раз показал продуктивность комплексных исследований, междисциплинарных подходов в исследовании такого сложного культурного и природного феномена, как остров.

Нельзя не отметить неподдельный интерес к русской культуре вообще и к культуре Русского Севера в частности со стороны всех участников семинара — русских и зарубежных, со стороны слушателей семинара — студентов Сорбонны, французских общественных деятелей, представителей русской общины в Париже. Это та культурная основа, которая способствовала высокому научному уровню и результативности семинара.

Список докладов семинара

Теоретические и методологические доклады

Байбурин А.К. (Европейский университет Санкт-Петербурга). Некоторые аспекты мифологии острова в русской культуре.

Буаье Р. (Университет Сорбонна, Париж-IV). Исландское чудо, островное чудо?

Иванова А.А. (МГУ им. М.В. Ломоносова). Святые места в культурном ландшафте Пинежья.

Конт Ф. (Университет Сорбонна, Париж-IV). Несколько замечаний об исследованиях по сакральной географии.

Мейстерхейм А. (Корсиканский университет). Образ священного острова.

Панченко А.А. (Институт русской литературы, Санкт-Петербург). Где погиб Василий Буслаев? Корабль, плавание и остров в русском религиозном фольклоре.

Проблемные доклады

Гуно П. (Университет Сорбонна, Париж-IV). Образ острова (по поводу иконографии Св.Зосимы и Савватия Соловецких).

Калуцков В. Н. (МГУ им. М. В. Ломоносова). Микрогеография и микротопонимия святых мест Пинежья.

Линд Дж. (Южнодатский университет, Оденсе). Шведский король как православный валаамский святой?

Мильчик М. И. (Санкт-Петербургский государственный университет). Изображение островных монастырей Русского Севера на иконах XVI – начала XVIII веков.

Михелс Дж. (Калифорнийский университет). Апокалипсис на Онежском озере: разрушение островного монастыря в XVII столетии.

Никитина С. Е. (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия). Соловки в памяти поморов.

Орфинский В. П. (Петрозаводский государственный университет). Феномен погоста на острове Киж.

Обзорные и информационные доклады

Блумфельд В. (Туланский университет). Архитектура Соловецких островов.

Калашникова Р. Б. (Кижский музей). Священники острова Киж.

Камкин А. В. (Вологодский пединститут). Островные монастыри в сакральном пространстве и духовной культуре Русского Севера.

Кольцова Т. М. (Музей изобразительных искусств, Архангельск). Святыня на Кий-острове: Онежский Крестный монастырь на Белом море.

Мартынов А. (Соловецкий музей-заповедник). О языческом и православном (по материалам археологических исследований).

Озолин Н., отец Николай (настоятель Преображенского храма в Киж). Духовное возрождение Кижского погоста в последние годы.

Охотина-Линд Н. (Университет Аархус). Особенности общежительной монастырской жизни на островах Ладожского озера (Валаамский, Коневский и Сеннянский монастыри).

Робсон Р. (Филадельфийский университет). Паломничество на Соловки в XIX–XX столетиях.

Рягузова М. Н. (Каргопольский музей). Святые устроители Кожеозерского Богоявленского мужского монастыря в Архангельской епархии в XVI–XVII вв.

Тукас-Буто М. (Университет Сорбонна, Париж-IV). Монастыри в регионе Белого озера в Древней Руси: острова среди озер, болот и лесов.

Все доклады будут опубликованы в шестом номере “Славянских тетрадей” Института славистики университета Сорбонна (Париж-IV).

В.А. Шупер

**СОЮЗ ГЕОГРАФОВ И ФИЛОСОФОВ:
ВТОРЫЕ СОКРАТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ПО ГЕОГРАФИИ**
(Плёт, май 2001)

Вторые сократические чтения по географии были открыты цитатой из статьи одного из их участников, ей же хочется открыть и предлагаемый читателям сборник: “В 1997 г. умер Стивен Эделстон Тулмин. Уходят последние представители блестящей плеяды ученых, которые в 50–80-х гг. сделали дискуссии по проблемам развития науки едва ли не самым заметным явлением в мировой философии этого периода. Теперь такая оценка многим покажется завышенной. Что и говорить, конец века отмечен очередной переоценкой ценностей. Все громче, иногда иронически, иногда всерьез, раздаются заявления о “конце философии” (по крайней мере в классическом, созданном многовековыми усилиями европейской культуры, смысле этого понятия). Новые акценты ставятся на идеях, порывающих с классической философией. Так, говорят о “смерти субъекта”, что, конечно, означает и “смерть объекта”; говорят о ненужности и непродуктивности теорий научной рациональности, теряется интерес к истине и ее критериям, к природе человеческого познания. Философия без идей “рациональности”, “истины”, “объективности”, без субъекта, без универсалий...

— Ну, уж это положительно интересно, — сказал бы Воланд, — что же это у вас, чего не хватишься, ничего нет!

А ведь еще не так давно все это было, и не только было, но волновало лучшие мировые умы, и тогда сомнения в том, что это есть, воспринимались скорее как капризная игривость интеллекта, как забавные, но недостойные серьезного интеллектуального усилия выходки” (*Порус*, 1999, с. 84).

Союз географов и философов, аналогов которому, по-видимому, нет в других странах, складывался именно в такой атмосфере — в атмосфере исключительного интереса к методологическим проблемам науки, — и не случайно, что в установлении контактов с философами огромную роль сыграли публикации в журнале “Природа”, выходившем тогда тиражом 80–90 тыс. экземпляров. Так, после основополагающих статей Н.Ф.

Овчинникова (*Овчинников*, 1978а, б), состоялась его неформальная встреча с географами в Московском филиале Географического общества СССР. Большое влияние на мировоззрение широких слоев естествоиспытателей имели и статьи некоторых других философов в этом журнале (*Левин*, 1977; *Петров*, 1977, 1978). Мы не должны забывать, что это было время исключительно интенсивных и плодотворных исканий в области философии науки (методологии науки, как ее тогда называли), время проведения многочисленных широких совещаний и конференций, а также более элитарных семинаров и школ, время выхода многих прекрасных книг и статей (*Акчурина*, 1974, *Баженов*, 1978, *Розов*, 1977, 1981 и др.).

У географов были и мощные внутренние, исходящие из глубинных проблем своей науки, импульсы к поискам интеллектуальных контактов с методологами науки. География переживала драматический и плодотворный кризис, период разочарования в описательных методах и поисков достойной альтернативы им, попыток реконструировать и переосмыслить географию как фундаментальную науку. Это было время количественной и теоретической революций, начало которым в нашем отечестве было положено усилиями Л.И. Василевского, В.М. Гохмана, Ю.Г. Липеца, И.М. Маергойза и Ю.В. Медведкова, создавших в 1962 г. в Московском филиале ГО СССР семинар по новым методам исследований в экономической географии. Пятью годами позже на русский язык была переведена широко известная книга В. Бунге (1967).

Сходные процессы протекали и в смежных науках, в частности, в региональной экономике и социологии, причем в англо-саксонских странах они начались существенно раньше, чем у нас. Необходимо отметить ставшие широко известными статью Дж. Стьюарта о социальной физике (*Stewart*, 1950) и вышедшую также в США через десять лет фундаментальную монографию У. Изарда (1966). Последняя не утратила своего значения и поныне. К этим работам идейно примыкала и прекрасная книга О.С. Пчелинцева (1966), содержание которой существенно шире, нежели можно судить по ее названию. Исключительный вклад не только в развитие теоретической географии, но и в переосмысление всей географии как теоретической науки внесла работа Ю.В. Медведкова (1965); при этом именно ему принадлежит приоритет в применении энтропийных методов в географии (*Медведков*, 1966). “Революционная ситуация”, сложившаяся в географии в тот период, глубокая неудовлетворенность географов полученными ими по наследству представлениями и методами исследовательской работы, а прежде всего — достижениями своей науки, буквально толкала их в объятия методологов науки, подобно тому, как толкает жизнь в объятия психоаналитика человека, переживающего драматический разлад с самим собой.

Наконец, понимание природы тех мощных импульсов, которые обусловили стремление географов к союзу с философами на рубеже 1970-х —

1980-х годов, невозможно без обращения к реалиям, характеризовавшим политическую атмосферу того времени. Как это ни парадоксально, но именно в марксистско-ленинской философии, как именовалось все философское сообщество в СССР, использование в полемике с оппонентами аргументов политического и идеологического характера, далеко не безобидное по тем временам наклеивание ярлыков вышли из моды и стали осуждаемыми научным сообществом раньше, чем это произошло в естественных науках, где старый дух еще долго бил по ноздрям, особенно в писаниях авторов из провинции, но иногда и столичной профессуры.

Удивительно, но именно наиболее идеологизированная область знания оказалась на гребне волны внешней либерализации и внутреннего раскрепощения духа в советском обществе времен застоя. Едва ли здесь уместно анализировать причины этого парадоксального явления, но нельзя не отметить глубоко закономерный факт: именно письмо акад. Б.М. Кедрова спасло в ВАКе автора этих строк, когда в 1981 г. “черный (во всех отношениях) оппонент” ВАКа написал на его кандидатскую диссертацию три страницы политических обвинений. Географы находили в философской среде не только возможность вдохнуть воздух свободы, но и получить политическое убежище.

Именно эти импульсы привели к созданию Комитета по методологическим проблемам географии при Президиуме Географического общества СССР в 1983 г. В его состав вошли 20 географов и 9 философов, в том числе ушедшие от нас И.С. Алексеев, С.Б. Лавров, Б.М. Кедров, С.В. Мейен, Ю.А. Шрейдер. Создание Комитета было бы невозможно без поддержки акад. Б.М. Кедрова, как всегда прикрывшего нас с марксистских позиций, согласившись стать его Почетным председателем. Председателем стал С.Б. Лавров, тогда — вице-президент ГО СССР, его заместителем — Н.Ф. Овчинников, а ученым секретарем — автор. Комитет проводил одну-две сессии в год, они протекали очень живо, сопровождалась напряженными и интересными дискуссиями. Комитет имел обыкновение организовывать сессии в разных городах Союза и закончил свое существование вместе с ним — последняя сессия состоялась в октябре 1991 г. в Алуште.

Поиски новых форм организации научной работы в новых исторических условиях вылились в проведение в 1993 г. Первых сократических чтений по географии, проходивших в Ростове Великом непосредственно в кремлевской стене и посвященных проблеме незнания в географии (Первые..., 1993). Именно тогда был сформулирован основной принцип сократических чтений — говорить не о познанном, а о непознанном, не столько о достижениях, сколько о нерешенных проблемах, не ограничивать ни вопросы, ни дискуссии, ибо в спорах если и не родится истина, то, по крайней мере, ее отсутствие станет очевидным участникам чтений.

Истекшие с тех пор восемь лет, в течение которых сократические чтения не проводились ввиду отсутствия средств, ознаменовались не

столько новыми научными достижениями, сколько усугублением кризисных явлений в научном сообществе. Их главная причина — общий кризис рационализма как глобальное явление, вызванное восстанием масс, а отнюдь не специфические российские трудности, которые лишь усугубляют и без того тяжелое положение науки (Шупер, 2001). Соответственно, следует оставить и несбыточные надежды на возможность скорого выздоровления научного сообщества в результате улучшения экономического положения в стране.

Кризис затронул все стороны функционирования науки как социального института, Второго мира, по К. Попперу, но наиболее чувствительными и уязвимыми оказались механизмы научной критики. Наука как цитадель рационализма в обществе, как хранительница традиций критического мышления (Сорос, 1996) подвергается эрозии не только извне, но и изнутри, что значительно более опасно. Эти опасные тенденции проявились даже на состоявшихся чтениях в форме многочисленных утверждений, бездоказательных в научном отношении и деструктивных в политическом, содержащихся в блестящем докладе Б.Б. Родомана. Сколь бы ни был велик вклад в науку этого замечательного ученого, истина требует от нас оспорить многие из высказанных им утверждений в специальном комментарии к тексту его доклада.

Как сказал Ницше, больной не имеет права на пессимизм. Драматическая ситуация в науке и вокруг нее должна побуждать ученых к напряженным поискам путей спасения того, что им дорого. Представляется, что активность научного сообщества должна разворачиваться, как минимум, в четырех направлениях.

Первое — это усиление интегративных тенденций в развитии науки. Не только эндогенные факторы, обусловленные логикой развития самой науки, но и экзогенные, связанные с резким сокращением финансирования, делают невозможным поддержание исторически сложившейся весьма разветвленной отраслевой структуры науки. Объективное противоречие состоит в том, что именно эти традиционные отрасли способствуют формированию и поддержанию высокого профессионализма в исследовательской работе, в то время как все возрастающая часть фундаментальных и прикладных задач носит отчетливый междисциплинарный характер.

Преодоление этого противоречия видится именно на путях развития интеграционных подходов, когда новая научная идеология и высокоэффективный исследовательский аппарат проникают в различные области знания, усваиваются ими и в дальнейшем служат не только общим языком, но и общим стержнем, позволяющим концентрировать усилия различных наук для прорыва в неведомое. Удачным примером такого интеграционного подхода стала синергетика (Капица и др., 1997), идеи которой нашли применение и воплощение в самых различных областях знания, включая демографию (Капица, 1999) и географию (Арманд, 1999).

Второе направление связано с осознанием того обстоятельства, что наука сейчас отстывает и необходимо делать все возможное, чтобы это отступление не превращалось в паническое бегство. Надо отходить, сохраняя порядки и управление, с тем, чтобы суметь закрепиться на каких-то достойных позициях. В этих условиях разоблачение мифов и предрассудков становится не менее важной научной задачей, нежели поиск новых научных истин. Иначе было в 1960-е и 1970-е годы, когда наука наступала по всему фронту. Тогда благородная борьба за достижение новых научных результатов считалась единственным достойным занятием для ученого, а предрассудки, по мнению, господствовавшему в научном сообществе, должны были исчезать сами собой, как тени в полдень, благодаря естественному свету разума.

Многое изменилось с тех пор, и нам самим надо отказаться от прекрасных иллюзий. Драматически быстрое ослабление механизмов научной критики сделало совершенно несостоятельными в научном отношении концепции официальной идеологией иногда даже на уровне мирового сообщества, и их разоблачение требует от ученых напряженных усилий и гражданского мужества. В этой связи необходимо отметить, прежде всего, концепцию устойчивого развития, несостоятельность которой была убедительно показана исследованиями, проведенными в Институте географии РАН (Анатомия кризисов, 1999). Обсуждению и критике этой концепции был посвящен весьма плодотворный круглый стол в ходе состоявшихся чтений, причем активность философов была, возможно, даже выше, чем активность самих географов.

К сформулированному Д.И. Люри положению о том, что высокая цена на ресурс исключает возможность его оптимального использования, добавились глубокие размышления В.Н. Поруса и других участников чтений об истинности самих представлений о либеральном обществе, восходящих к К.Попперу (*Поппер*, 1992) и воспринимаемых нами как нечто само собой разумеющееся. Поппер мыслил открытое общество по аналогии с Большой Наукой, в наиболее полной степени воплощающей великие принципы критического рационализма. Его соратник, последователь и критик Дж. Сорос писал: “Я подхожу к мировому капитализму как к незавершенной и искаженной форме открытого общества (*Сорос*, 1999, с. XV)”. Однако до какой степени реально существующее на Западе либеральное общество, которое традиционно рассматривается как наиболее полное воплощение идеалов открытого общества, вообще может соответствовать этим великим принципам? Может ли оно в этой связи рассматриваться как незавершенная и искаженная форма открытого общества?

Печальная истина заключается именно в том, что современный капитализм в наиболее развитых странах Запада (он же — либеральное общество) в принципе нельзя рассматривать как некоторую прискорбную деформацию открытого общества, как весьма несовершенное осуществ-

ление его идеалов. “Реально существующий капитализм” принципиально не может соответствовать этим идеалам, ибо принцип эгалитарной демократии “один человек — один голос”, на котором зиждется либеральное общество, уравнивает умных и просвещенных с глупыми и невежественными, которых всегда много больше, а это практически исключает механизмы рациональной критики. Истина — то, за что проголосовало большинство избирателей.

Для Большой Науки как идеала научного сообщества характерна более высокая форма демократии, основанная на принципе равенства всех перед истиной, но вовсе не всеобщего равенства. Большая Наука — это элитарная демократия, или меритократия, ибо положение ученого в научном сообществе определяется значением полученных им результатов. Большая Наука, таким образом, может быть рациональной именно потому, что не построена на принципах эгалитарной демократии, а способность к критическому взгляду на самого себя и, соответственно, к рациональному действию общества, построенного на этих принципах, не должна порождать никаких иллюзий. Такая точка зрения, выкристаллизовавшаяся на чтениях, еще более пессимистична, чем позиция Сороса, но что делать, если, по крайней мере сейчас, она представляется более близкой к истине.

Третьим направлением должна стать популяризация научных знаний, внимание к которой существенно ослабло в период “бури и натиска”, а в трудные времена кризиса рационализма и отступления науки по всему фронту понесло еще более тяжелые потери. Между тем классики естествознания не только не пренебрегали популяризацией науки, но придавали ей самое серьезное значение. Ярчайшее подтверждение тому — юбилейный, 750-й номер журнала “Природа” (1978, № 2), составленный из ранее опубликованных в этом журнале статей Н.И. Вавилова, В.И. Вернадского, И.И. Мечникова, И.П. Павлова и других выдающихся ученых. Необходимо подчеркнуть, что популяризация знаний в сложившихся условиях стала необходимой прежде всего самой науке, ибо борьба с антинаучными тенденциями внутри научного сообщества, ярчайшим примером которых могут служить многочисленные “гишторические материалы” акад. А.Т. Фоменко, возможна только путем широкого распространения научных знаний, а не серьезной профессиональной критики, как это по привычке полагают настоящие историки. Источник этого мутного потока, по справедливому замечанию С. Смирнова (Смирнов, 2000), находится вне науки и не имеет никакого отношения к ней. Этим источником служат иррациональные тенденции в обществе, создающие повышенный спрос на все, что может дискредитировать научный разум. Этот спрос всегда породит соответствующее предложение, в том числе и со стороны научной элиты, что особенно постыдно, ибо самый выгодный бизнес — это бизнес на человеческой глупости.

В свете этого безрадостного обстоятельства важным и прекрасным событием следует считать участие в чтениях главного редактора журнала “Знание — сила” Г.А. Зеленко. Прогресс в деле популяризации научных знаний все больше будет становиться средством выживания самой науки и инструментом ее развития, ибо в огромной степени способствует формированию междисциплинарных связей и воспроизводству научных кадров.

Закономерно, что **четвертое** направление усилий, которое в такой же степени связано с третьим, в какой третье — со вторым, это естественное стремление повлиять на атмосферу в обществе в целях некоторого ее облагораживания. Небывалый расцвет СМИ, торжество свободы творчества журналистов при полном отсутствии их ответственности, как юридической, так и моральной, сделало широчайшие народные массы совершеннейшей серой скотинкой, которую гонят к прилавкам и к избирательным урнам покупать то, что совершенно не нужно, и голосовать за тех, кто совсем не нужен.

Едва ли в сложившейся ситуации повинны сами СМИ, или даже те, кто их контролирует, хотя и тех, и других благодарить положительно не за что. Она порождена восстанием масс, которым глубоко противен критический голос разума и которые не желают слышать его. Если в США Верховный суд принимает историческое решение, в соответствии с которым СМИ вправе использовать информацию, добытую незаконным путем, если в старой доброй Англии, на родине прав человека, принимается закон, разрешающий правительству перлюстрацию электронной почты, то сказать об этом можно только одно — люди, которым стала слишком тяжела ответственность за себя и за то общество, в котором они живут, становятся равнодушными и к свободе. Стремясь снять ответственность с себя и переложить ее на государство, они легко жертвуют в пользу власти и СМИ своими гражданскими правами и своей свободой, которая невозможна без серьезной и объективной информации.

Для того чтобы вырваться из этого порочного круга, необходим своего рода благородный заговор — союз философов, ученых, политиков, издателей и журналистов, разделяющих принципы открытого общества и усматривающих серьезнейшую угрозу для него в оболванивании масс. Такой проект выглядит весьма утопическим, но в царстве безответственности и бесчестья только усилия определенной (причем достаточно влиятельной) части общества, обусловленные внутренними побудительными мотивами, могут позволить вырваться из порочного круга. Чудовищность и опасность сложившейся ситуации, при которой даже самые образованные слои общества, как в нашей стране, так и за рубежом, находятся во власти средневековых предрассудков, типа ожидания конца света в 2000 г., когда солиднейшие газеты публикуют (а государственные радиостанции передают) астрологический прогноз вместе с метеорологическим или даже вместо него, а любые прорицатели, хироманты и экстрасенсы имеют несоизмеримо большее вли-

яние на общественное мнение, нежели серьезные ученые, когда уровень среднего и высшего образования снижается катастрофически, создает объективные предпосылки для такого союза.

Хочется верить, что Сократические чтения станут традиционными и будут вносить свою скромную лепту в укрепление позиций разума и сохранение критического духа в науке и обществе. Было бы прекрасно, если бы они стали своего рода невидимым колледжем с более или менее постоянным составом участников и с переменным составом докладчиков. Возможность сверить часы и уточнить свои интеллектуальные позиции ценна сама по себе. Однако еще ценнее возможность подвергнуть свои взгляды испытанию квалифицированной и доброжелательной критикой, ибо только то, что испытано, может считаться обоснованным и надежным.

Литература

- Акчури И.А.* Единство естественно-научного знания. М.: Наука, 1974.
Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999.
Арманд А.Д., Кайданова О.В. Ландшафтные триггеры // Изв. РАН. Сер. геогр., 1999, № 3.
Баженев Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М.: Наука, 1978.
Бунге В. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967.
Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966.
Капица С.П. Общая теория роста человечества. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. М.: Наука, 1999.
Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997.
Левин А.Е. Миф. Технология. Наука // Природа, 1977, № 3.
Медведков Ю.В. Экономгеографическая изученность районов капиталистического мира. Вып. 2. Приложения математики в экономической географии. М.: ВИНТИ, 1965.
Медведков Ю.В. Экономгеографическая изученность районов капиталистического мира. Вып. 3. Анализ конфигурации расселения. М.: ВИНТИ, 1966.
Овчинников Н.Ф. Методология науки: проблемы теоретизации знания // Природа, 1978а, № 3.
Овчинников Н.Ф. Методология науки: исторические формы, уровни развития // Природа, 1978б, № 4.
 Первые сократические чтения по географии (25–30 мая 1993 года, г. Ростов Ярославский). М.: Российск. откр. ун-т, 1993.
Петров М.К. Как создавали науку? // Природа, 1977, № 9.

Петров М.К. Перед “Книгой природы”. Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в. // *Природа*, 1978, № 8.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. I. Чары Платона, Т. II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Международный фонд “Культурная инициатива”, Soros Foundation (USA), 1992.

Порус В.Н. Цена “гибкой” рациональности. О философии науки Ст. Тулмина // *Вопр. философии*, 1999, № 2.

Пчелинцев О.С. Экономическое обоснование размещения производства. Методы, применяемые в капиталистических странах. М.: Наука, 1966.

Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977.

Розов М.А. Пути научных открытий // *Вопр. философии*, 1981, № 8.

Смирнов С. Чему учит нас антинаучная фантастика? // *Знание — сила*, 2000, № 11.

Сорос о Соросе. Опережая перемены. Дж. Сорос с Брайаном Виеном и Кристиной Коэнен. М.: Издат. Дом Инфра-М, 1996.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: Издат. Дом Инфра-М, 1999.

Шупер В.А. Восстание цивилизованных масс: чего ждать России от Запада // *Мир России*, 2001, № 1.

Stewart J.Q. The development of social physics // *American Journ. of Physics*, 1950, v. 18, № 5.

Д.Н. Замятин

К РАЗВАЛИНАМ ЧЕВЕНГУРА:

Первый проект "Путевого журнала" (июль 2000 г.)

"Путевой журнал", успешная презентация которого состоялась на декабрьской выставке NON-FICTION в ЦДХ, начал осуществлять собственные проекты. Хотя "Путевого журнала" еще нет как регулярного "бумажного" издания, его главная идея — осмысление жанра литературного эссе посредством нетрадиционных путешествий — уже работает. В июле 2000 года был "раскручен" первый подобный проект: "Империя пространства. К развалинам Чевенгура".

Вот как он был сформулирован для участников: "Проект основан на метагеографическом прочтении романа Андрея Платонова "Чевенгур". Традиционные литературно-топографические изыскания по тексту романа будут учтены. Главная задача: оконтурить собственными путевыми эссе ту территорию, которая будет идентифицирована как "Развалины Чевенгура".

Пространство должно вмещаться в ход событий, как только участники экспедиции высадутся в районе предполагаемых развалин. Текст романа — метагеографическое пространство, которое постоянно районируется и перерайонируется по ходу путешествия. Точка поиска будет обозначена на метагеографической карте, в которой пространство сгущено до предела".

Одним из нас еще до экспедиции были написаны "Географические заметки", в которых речь шла о метафизике путешествия в "Чевенгуре". Краткие выдержки (они помогли нам):

"Рассыпаемость, бриколаж пространства в "Чевенгуре": оно всегда другое; неостановимая протяженность платоновского письма не дает идентифицировать пространство, подменяет его.

"Чевенгур" — писцовая книга государства, Советского Союза. Описание ментального землевладения Чевенгурского уезда. Это не утопия, а уезд; книга одновременного письма-и-чтения, их нерасчлененного и переплетенного пространства; книга как уезд, книга-уезд.

Письмо Платонова хорологично; оно предполагает механизмы чтения, опирающиеся на пространственный опыт кинематографа.

Проблема, апогей земли — отсутствие, удаленность от воды. Платонов: путь вверх, без воды, чтобы увидеть воду. Континентальность, материковость платоновского письма; сухость его синтаксиса. Пустыня, безнадежность пути; горизонт отодвигается по мере того, как к нему пытаются приблизиться”.

Участники экспедиции — члены литературно-исследовательской группы “Путевого журнала” (Андрей Балдин, Василий Голованов и автор этой заметки) — работали именно в метагеографической плоскости. Условное пространство действия романа “Чевенгур” сопоставлялось с реальным географическим пространством (юг Воронежской и Белгородской областей, где литературоведы локализуют ареал условного пространства “Чевенгура”), но при этом все рассуждения переводились на уровень масштабных географических и геокультурных образов. Так у нас возникли идеи Чевенгура как мета-Петербурга (плодотворное сопоставление с романом Андрея Белого “Петербург”), как глубинного бесконечного и пустынного пространства Центральной Азии (разительно сходство некоторых фрагментов “Чевенгура” и классических описаний русскими путешественниками Центральной Азии). Но главная идея, которая захватила нас еще на подходе к пространству Чевенгура, — это идея **геократии**, пространства как власти, пространства-самого-по-себе-власти. Это был выход из тоскливых и безнадежных пространств самого романа в надежное метагеографическое пространство.

Реальный маршрут наш был простым. Проехав насквозь Воронеж, мы сделали остановку в Лисках — “таможенном пункте” на въезде в Чевенгур. Меловые откосы по ту сторону Дона манили нас, как некогда (может быть) манили они героя романа Гопнера. В Лисках у нас была первая находка — “дом Гопнера”, ошестинившийся конструктивистскими лестницами и балконами. Отсюда и канул в пространство изобретательный умелец, на отхожий промысел Неба — в Чевенгур.

Получив в таможене экзотические штампы с разрешением на въезд в Чевенгур, мы повернули в Дивногорье — некое Предчевенгурье. Меловые останцы, плато по-над Доном, грозное сгущение и уходящие внутрь себя горизонты. Туристский “налёт” Дивногорья был разъеден, и мы стали прорываться через Донское Белогорье к самому Чевенгуру. Здесь-то мы в первый раз приблизились к небу Чевенгура: гроза разразилась, и мы оказались буквально расплюснены, прижаты к дороге, ведущей в сторону Россоши — районного центра на юге Воронежской области. Но мы были пропущены в сердце Чевенгура.

Россошь оказалась типичным фронтирным городком; это “яма” чевенгурского пространства, где его, по сути, нет, но оно рядом и окружает нас повсеместно. Отвергнув серо-бетонную гостиницу с противостоящим на площади Ильичом, мы пробрались в зону зеленых дворики

прямо в центре Россоси и устроились в небольшой хибарке. Хозяйку звали Клавдия Ильинична, а по-нашему — Клавдюша.

Окрестности Россоси ничем поначалу не предвещали Чевенгура. Деревенька Копёнкино к югу от Россоси зафиксировала бесплодность наших первых усилий: прозаизмы разбитых дорог, мирное солнце и топка монотонных полей. Возвращаясь, мы наткнулись на первый след. Невдалеке от шоссе — странный холм с необычным пейзажем заброшенной пограничной крепости. Растрескавшаяся почва, глубокие бетонные отверстия, молчание сакральной вертикали. Банально брошенные военными ракетные шахты — это была действующая модель Чевенгура. Теперь мы знали что, как и где искать.

Главное было сделано нами за два дня. Ось чевенгурского пространства — это река Черная Калитва. В первый день мы двинулись вдоль нее на юго-восток, пройдя селения Старую и Новую Калитву. Новая Калитва оказалась “входом” в святая святых Чевенгура: прямо у дороги ждала нас Миронова гора — небольшой холм, с вершины которого мы увидели долину реки, но самое важное — открыли карту Чевенгура. Это был плавный изгиб рельефа, солонцово-песчаное образование с вертикально-горизонтальной структурой. Овально-перевальные линии с языками травы поднимались вверх, сигнализируя солнцу, небу о границе, переходе, транзите самого пространства. Здесь же, на склоне холма, был найден нами первый чевенгурец, мирно читавший “Лествицу” Иоанна Лествичника. Речь его была путана, но он ясно осознавал путь к небу.

Идя далее к Богучару — предполагаемому пограничному пункту Чевенгура, мы вошли в зону его жесткого излучения. То был откровенный иссушенный водораздел с растрескавшейся землей, с перебегающими дорогу сурками, с линейно выстроившимися полуразрушенными пустынными селениями. Центральная Азия, Восточный Туркестан, оазисы Турфана и занесенная песками столица Уйгурской державы Бишбалык. Фрагмент путевого журнала: *“Позывные радио “Чевенгур” отсутствовали. Но и других станций в эфире не было. Мертвое пространство Чевенгура не пропускало радиоволн, а, может быть, поглощало их без остатка”*.

Богучар — лексическая подмена Чевенгура — был пресен и плосок. Но здесь был кинотеатр “Шторм”, а недалеко и Дон. В версии Андрея он был мета-Владивостоком, растягивавшим на восток метагеографическое пространство Чевенгура. Пора было перейти к более мягкой версии чевенгурского пространства, и мы пошли обратно, более северной дорогой, вдоль Дона на запад. Здесь существовал своей особой растительно-древесной жизнью Чевенгур заповедный, спокойный, эталонный: глубокие разрезы балок, перекаты холмов и боковые уходы к поднебесью на водоразделы, сторожимые меловыми обрывами к Дону. Филоново, Цапково, Донской Оробинск — топонимические меты атопосного пространства Чевенгура. Чевенгур был схвачен, закартирован метапространством.

Неясно было одно: существует ли центр Чевенгура, или это пространство без центра?

Центр был найден на следующий день, когда мы вышли на северо-запад, проникнув уже в Белгородскую область. Метагеографическое пространство Чевенгура растянулось сосновыми и песчаными прибалто-белорусско-смоленскими ландшафтами, и логика его стала понятной. Не хватало лишь тюркских границ, и мы повернули на юг, вдоль реки Черный Айдар. Здесь был взрыв тюркского пространства, Чевенгур сгущался в геометрической прогрессии. Лишь на короткое время покинули мы Чевенгур, посетив город Ровеньки и русско-украинское пограничье. Войдя вдоль реки Сарма вновь в быстро “овосточнивавшееся”, почти домашнее наше пространство, мы резко и мгновенно остановились в подлеске. Это был центр Чевенгура. Стала окончательной ясной его идея: идеология тотального путешествия; сердце пространства преобразилось в пространство сердца. Будущее стало метагеографией Чевенгура.

На следующий день мы уходили из Чевенгура. Напоследок продвинулись к северо-востоку, наблюдая к западу стремление пространства к небу. Дон в районе села Костомарово вновь ограничил наши притязания, остановив экспансию Чевенгура. Здесь мы нашли почти зарывшийся в землю домик, вернее, хатку Саши Дванова, где он провёл детство. Больше искать было нечего. Через Каменку мы вернулись в Лиски. Здесь Андрей сел на поезд в сторону Новохопёрска, проверяя восточные подступы к Чевенгуру. Мы с Василием быстро обошли Воронеж и дотянули до Ельца, затронув неожиданно край бунинско-розановско-пришвинской России. Но она глухо молчала, “отдавая” традиционным краеведением. Счастливая Москва поглотила Чевенгур без остатка.

Всё это было лишь удачной разведкой. Пространство Чевенгура действительно оказалось самой властью, властью новых проектов, метаидей. Мы получили остов путевого журнала, который должен развернуться уже “лентой” путевых эссе, метагеографической картой и архитектурными видами Чевенгура, идеологией целого общественного движения, движения “За здоровое пространство” (не путать с экологией). Есть замысел научной монографии, исследующей метагеографические образы Чевенгура. В перспективе — идея художественного фильма “Чевенгур”, в котором пространство должно сыграть главную роль, стать главным мотором сюжета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балдин Андрей Николаевич — художник, архитектор, эссеист.

Галкина Тамара Артаковна — старший научный сотрудник Института географии РАН, кандидат географических наук.

Замятин Дмитрий Николаевич — заведующий сектором гуманитарной географии Российского НИИ культурного и природного наследия Министерства культуры и массовых коммуникаций и РАН, ведущий научный сотрудник Центра глобалистики и компаративистики РГГУ, координатор секции геополитики и политической географии Российской Ассоциации политической науки (РАПН), кандидат географических наук, доцент.

Замятина Надежда Юрьевна — старший преподаватель географического факультета Московского государственного университета, кандидат географических наук.

Калуцков Владимир Николаевич — старший научный сотрудник географического факультета Московского государственного университета, соруководитель междисциплинарного научного семинара “Культурный ландшафт” географического факультета МГУ, кандидат географических наук.

Красовская Татьяна Михайловна — старший научный сотрудник географического факультета Московского государственного университета, соруководитель междисциплинарного научного семинара “Культурный ландшафт” географического факультета МГУ, кандидат географических наук.

Крылов Михаил Петрович — докторант Института географии РАН, старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия Министерства культуры и массовых коммуникаций и РАН, кандидат географических наук.

Лавренова Ольга Александровна — ведущий научный сотрудник сектора гуманитарной неографии Российского НИИ культурного и природного наследия Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и РАН, кандидат географических наук.

Митин Иван Игоревич — аспирант географического факультета Московского государственного университета.

Окара Андрей Николаевич — доцент Российской академии государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук.

Теперь было ясно, существует ли центр Чечни и Дагестана, или это просто пространство без центра?

Центр был найден на следующей день, когда мы вышли на северозапад, проникнув уже в Белгородскую область. Метаморфическое пространство Чечни и Дагестана растянулось основными и перпендикулярными прибалтийско-слонимско-смоленскими линиями, и логика его стала понятной. Не было лишь чуждых границ, и мы повернули на юг, вдоль реки Терек. Здесь был явный торжественный простор. Чечня и Дагестан

Рахматуллин Рустам — эссеист, москвовед, преподаватель Института журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ) при “Литературной газете”.

Саксон Виктор Борисович — выпускник географического факультета Московского государственного университета.

Смирнов Сергей Анатольевич — выпускник географического факультета Московского государственного университета.

Смирнягин Леонид Викторович — доцент географического факультета Московского государственного университета, член Научного совета Московского фонда Карнеги, кандидат географических наук.

Стрелецкий Владимир Николаевич — старший научный сотрудник Института географии РАН, член редколлегии журнала “Известия РАН. Серия географическая”, доцент Российского Университета Дружбы Народов (Москва), руководитель семинара по исторической географии ИГ РАН, кандидат географических наук.

Туровский Ростислав Феликсович — старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия Министерства культуры и массовых коммуникаций и РАН, директор фирмы “Политсервис”, кандидат политических наук.

Ширгазин Олег Рашитович — старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия Министерства культуры и массовых коммуникаций и РАН, кандидат географических наук.

Шупер Вячеслав Александрович — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, профессор Российского Университета Дружбы Народов (Москва).

Яблоков Евгений Александрович — доктор филологических наук, профессор.

Яковенко Игорь Григорьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	5
I. Статьи	
География и литература	
<i>Д.Н. Замятин.</i> Географические образы путешествий	12
<i>Е.А. Яблоков.</i> Пространство Михаила Булгакова	41
<i>Н.Ю. Замятина.</i> Локализация идеологии в пространстве (американский фронтир и пространство в романе А. Платонова “Чевенгур”)	53
<i>О.А. Лавренова.</i> Постигание ландшафта: философия пространства в романе А. де Сент-Экзюпери “Цитадель”	62
<i>О.Р. Ширгазин.</i> Двойное отражение образов стран Европы и России в стихотворении А.С. Пушкина “К вельможе”	77
Методология и теория	
<i>В.Н. Стрелецкий.</i> Парадигмы геопространства и методология культурной географии	95
<i>Р.Ф. Туровский.</i> Структурный, ландшафтный и динамический подходы в культурной географии	120
<i>В.Н. Калуцков.</i> Топологическая теория культурного ландшафта	138
<i>М.П. Крылов.</i> Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России	154
Ad marginem	
<i>Т.А. Галкина.</i> Россия и Европа. Взаимоотражение в симфонической музыке	166

<i>И.И. Митин.</i> Череповец вчера, сегодня, завтра. Материалы к образу города	183
---	-----

II. Эссеистика

<i>А.Н. Окара.</i> "Европа-II" как цивилизационная альтернатива для России и Украины	204
<i>Рустам Рахматуллин.</i> Три мифа Малоярославца	210
<i>А.Н. Балдин.</i> Novoscore, или Основание географии	218
<i>Л.В. Смирнягин.</i> Йеллоустон. Дневник путешествия	230
<i>И.Г. Яковенко.</i> Русское пространство	283

III. Образование

<i>В.Н. Стрелецкий.</i> Программа лекционного курса "Основы культурной географии"	298
<i>Н.Ю. Замятина.</i> Использование образов мест в преподавании страноведения и краеведения	311
<i>Т.А. Галкина.</i> Италия. Гуманитарно-географическая характеристика	327
<i>А.Н. Окара.</i> Город на облаках: Образный путеводитель по Киеву	348

IV. Рецензии

Остров амазонок: Книга о сакральной географии Крыма Т.М. Фадеева. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2000. — <i>А.Н. Окара</i>	354
Удаленность как преступление: Хрестоматия по "географированию" жизни. Петер Хандке. Медленное возвращение домой: Роман / Пер. с нем. М. Корневой. — Азбука, 2000. — <i>Н.Ю. Замятина</i>	358
От географии к геогонии: "Ядерные реакции" в пространстве языка. Грэм Свифт. Водоземье / Пер. с англ. В.Ю. Михайлина. Б.м.: Perspective Publications, 1999. — <i>Д.Н. Замятин</i>	361
Стенограмма великого путешествия: Каждый тип пространства порождает свои кошмары. Жан Бодрийар. Америка / Пер. с франц.	

Д. Калугина. СПб: "Владимир Даль", 2000.	
— С.А. Смирнов	364
Испания как пейзаж с разных точек: Путевые заметки философа Хосе Ортега-и-Гассет. Камень и небо / Пер. с исп. М.: Грант, 2000.	
— В.Б. Саксон	366
От сравнительного правоведения — к геоюриспруденции: Правовые системы стран мира. Энциклопедия правовых систем. Энциклопедический справочник / Отв. ред. А.Я. Сухарев.	
— М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМ ИНФРА-М), 2000. — А.Н. Окара	369
Восьмая культура капитализма. Вокруг книги: Ch. Hampden-Turner, F. Trompenaars. The Seven Cultures of Capitalism. London: Piatkus, 1995.	
— Л.В. Смирнягин	372

V. Семинары и конференции

Междисциплинарный научный семинар "Культурный ландшафт" — вестник обновленной географии. Т.М. Красовская	382
Методологический семинар по культурной географии и геокультурологии. Стенограмма выступления москвоведа и эссеиста <i>Рустама Рахматуллина</i> (Москва, февраль 2001) "Метафизическое краеведение...."	387
Международный семинар "Остров и сакральность: святые места на островах Русского Севера" (Париж, октябрь 2001). В.Н. Калуцков	406
Союз географов и философов: Вторые сократические чтения по географии (Плес, май 2001). В.А. Шупер	410
К развалинам Чевенгура. Первый проект "Путевого журнала" (июль 2000). Д.Н. Замятин	419
Сведения об авторах	423

CONTENTS

From the Editorial Board:	5
Subject of the issue: Geography and Literature	
Scientific Papers	
Thematic Papers	
<i>D.N. Zamyatin</i> . Geographical images of travels	12
<i>E.A. Yablokov</i> . Space of Mikhail Bulgakov	41
<i>N. Yu. Zamyatina</i> . Localization of ideology in space (American frontier and space in the novel “Chevengur” by A. Platonov)	53
<i>O.A. Lavrenova</i> . Understanding of space: philosophy of space in the novel “Citadel” by A. De Saint-Exupery	62
<i>O.R. Shirgazin</i> . Dual reflection of the images of the countries of Europe and Russia in the poem “to a Nobleman” by A.S. Pushkin and in the biography by N.B. Yusupov	77
Methodology and Theory	
<i>V.N. Streletskiy</i> . Paradigms of geo space and methodology of cultural geography	95
<i>R.F. Turovskii</i> . Structural, landscape and dynamic approaches to cultural geography	120
<i>V.N. Kalutskov</i> . Topological theory of cultural landscape	138
<i>M.P. Krylov</i> . Theoretical problems of regional identity of European Russia	154
Ad marginem	
<i>T.A. Galkina</i> . Russia and Europe. Inter-reflection on classic music	166

<i>I.I. Mitin.</i> Cherepovets yesterday, today and tomorrow. Materials on the image of the city	183
---	-----

Essays

<i>Andrei N. Ocara.</i> "Europe – II" as a civilization alternative for Russia and Ukraine	204
<i>Rustam Rakhmatullin.</i> Three myths of Maloyaroslavets	210
<i>Andrei Baldin.</i> Novoscope, or the basis of geographics	218
<i>Leonid Smirnyagin.</i> Yellowstone, August 2001. Diary of a travel	230
<i>I.G. Yakovenko.</i> Russian space	283

Education

<i>V.N. Streletskii.</i> Program of course of lectures "Fundamentals of Cultural Geography"	298
<i>N.Yu. Zamyatina.</i> Utilization of images of sites in teaching "Country Study"	311
<i>T.A. Galkina.</i> Italy. Humanitarian-geographic characteristic	327
<i>Andrei N. Okara.</i> City on clouds: "It is impossible not to love you, my Kiev". Kiev imagery guide	348

Reviews

Island of Amasons: T.M. Fadeeva. Crimea in sacral space: History, symbols, legends. — Simferopol: Business-Inform, 2000. — Humanitarian-geographic <i>Andrei N. Okara</i>	354
Remoteness as a crime: Peter Handke. Slow Returning Home: Novel / Translated from the German by M. Korneva. — Azbuka Publ., 2000. — <i>Nadezhda Zamyatina</i>	358
From geography to geogony: Graham Swift. Waterland / Translated from the English by V.Yu. Mikhailin: Perspective Publications, 1999. — <i>Dmitrii Zamyatin</i>	360
Record of the great travel: Jean Baudrillard. America / Translated from the French by D. Kalugin, Saint-Petersburg: Vladimir Dahl Publ., 2000. — <i>Sergey Smirnov</i>	364
Spain as landscape from different points: Jose Ortega y Gasset. Stone and Cloud / Translated from the Spanish. M: Grant Publ. — <i>Viktor Sakson</i>	366
From comparative jurisprudence to geo jurisprudence. Law Systems of the World. Encyclopaedic Directory	

/ Editor-in Chief A.Ya. Sukharev. M: NORMA Publ.	
– INFRA-M, 2000. — <i>Andrei N. Okara</i>	369
The eighth culture of capitalism.	
Around the book: Ch. Hampden-Turner, F. Trompenaars.	
The Seven Cultures of Capitalism.	
London: Piatkus, 1995. — <i>Leonid Smirnyagin</i>	372
Seminars and Conferences	
Interdisciplinary scientific seminar:	
“Cultural Landscape” – a herald of renewed geography.	
<i>T.M. Krasovsaya</i>	382
Methodological seminar on cultural geography and geoculturology.	
A record of the presentation by the Moscow study specialist and essayist	
<i>Rustam Rakhmatullin</i> (Moscow, February 2001)	387
International seminar “Island and the Sacral:	
Holy Places on the Islands of the Russian North”	
(Paris, October 2001). <i>V.N. Kalutskov</i>	406
Union of geographers: Second Socratic Readings on Geography	
(Ples, May 2001). <i>V.A. Shuper</i>	410
Towards the ruins of Chevengur.	
The first project of the “Journey Diary” (July 2000).	
<i>Dmitrii Zamyatin</i>	419
Authors	423

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научный и культурно-просветительский альманах. Выпуск 1.

Главный редактор: *Дмитрий Николаевич Замятин*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редакторы: *Ю.Б. Виниченко, Ю.С. Макаревич*
Компьютерная вёрстка *Д.С. Захарьин.*
Дизайн обложки *Н.П. Лакутина*

Подписано в печать 1.09.2004 г.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25, 2. Тираж 500 экз.

Заказ № 485. Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2.

Отпечатано в ИПП "Гриф и К°"
300057, Тула, ул. Октябрьская, 81а.

ПЛР № 060231 от 20.10.97

